

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

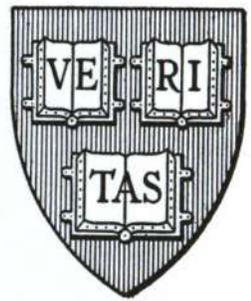
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

118

Pslav 236.4(4, n
/ 4, nr. 2)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

N 382

нр

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 2.

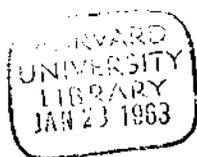

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1870.

ТИПОГРАФІЯ А. МОРГЕНРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАСЕК.

△
Р. Слав 236.4 (4, no. 2)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 февраля, 1870 года.

ШАГЪ ЗА ШАГОМЪ.

РОМАНЪ.

(Посвящается А. К. Шеллеру.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА V.

Встрѣча съ старыми товарищами.

„Впечатлѣнія бываютъ чище и глубже, когда они рѣже повторяются“, думалось дорогой Александру Васильевичу. Этимъ онъ какъ будто хотѣлъ мысленно оправдать себя передъ стариками въ томъ отношеніи, что посѣтилъ во все утро только два дома. Но Свѣтлову, видно, не суждено было ограничиться въ это утро одними тѣми впечатлѣніями, съ какими онъ теперь возвращался домой. Едва миновавъ двѣ-три улицы, Александръ Васильевичъ вдругъ услыхалъ, почти рядомъ съ собой, громкій голосъ:

— Сто-о-й! Свѣтловушка!

Не успѣлъ онъ обернуться въ сторону голоса, какъ къ нему подбѣжалъ, быстро соскочивъ съ дрожекъ, молодой человѣкъ въ парадной формѣ лекаря горнаго вѣдомства.

— Батюшки! Ельниковъ! Ты какими судьбами? закричалъ радостно Свѣтловъ и, въ свою очередь, радостно бросился къ приятелю.

Они дружно обнялись и поцѣловались.

«Дѣло», № 2.

1

— Вотъ не думаль-то!... сказалъ Александръ Васильевичъ, весь покрасявъ отъ удовольствія.

— Я, братъ, и самъ не думаль такъ скоро тебя увидѣть... Ёду—гляжу: что за чудо! неужели Свѣтловъ? Такъ и есть: онъ! проговорилъ въ попыхахъ Ельниковъ, сіяя тѣмъ же удовольствіемъ.

— Ёдемъ ко мнѣ, пригласилъ Свѣтловъ.

— Нѣтъ, братъ, ко мнѣ. Я сегодня цѣлое утро съ официальными визитами таскаюсь, усталъ страшно, а у тебя вѣдь семья: не сразу растянешься, какъ дома. Отпускай свое судно, авось и на моемъ доберемся до пристани, хоть оно немножко и не того... не изъ паровыхъ.

— Значить надо заказать, что и обѣдать дома не буду? улыбнулся Свѣтловъ.

— Полагается.

Александръ Васильевичъ отпустилъ своего кучера съ заказомъ, что обѣдать дома не будетъ, и поѣхалъ съ Ельниковымъ. Дорогой Свѣтловъ вкратцѣ рассказалъ ему, какъ выдержалъ экзамень, сообщилъ самыя свѣжія петербургскія новости; рассказалъ, что отыскивалъ его въ Москвѣ, но тамъ сказали, что онъ, Ельниковъ, тоже выдержалъ экзамень и уѣхалъ на службу, лекаремъ, въ Сибирь.

— Я и думаль, что ты теперь гдѣ нибудь въ перчинскихъ краяхъ пребываешь, заключилъ Александръ Васильевичъ, слѣзалъ съ дрожекъ у воротъ квартиры Ельникова.

— Да оно такъ бы и случилось, пожалуй, еслибъ я не хлопоталъ здѣсь у начальства. Не хотѣлось, братъ, мнѣ забираться въ такую глушь... сказалъ Ельниковъ, и въ голосъ его послышалась тоскливая нота.

Анемподистъ Михайлычъ Ельниковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ личностей нашего разсказа, на которыхъ мы остановимся подольше, и потому сказать о немъ особо два-три слова будетъ излишнее. Ельниковъ представлялъ собой фигуру средняго роста, до крайности сухоощавую. Чрезвычайно серьезное лицо его смотрѣло мрачно, какъ иная сентябрьская ночь; но когда это лицо освѣщала рѣдкая улыбка, оно было въ высшей степени добродушно и привлекательно. Особенно хороши были у Ельникова глаза: большіе, черные, глубоко впавшіе въ свои орбиты, такіе же мрачные,

какъ и лицо, они обнаруживали сильный самобытный умъ и постоянно какъ-то лихорадочно блестяли. Съ перваго взгляда, манеры Анемподиста Михайлыча казались грубыми, угловатыми; но, попривыкнувъ къ этимъ манерамъ, въ нихъ нетрудно было подмѣтить ту своеобразную, суровую мягкость, которая какъ будто говорить встрѣчному: „Ты смѣлѣе подходи ко мнѣ — я человекъ хороший“. Тѣмъ не менѣе наружность Ельникова производила на каждаго, съ первой же встрѣчи, весьма тяжелое, тоскливое впечатлѣніе: неизлѣчимымъ недугомъ чаотки вѣяло отъ каждой ея черты. Въ особенности, когда Анемподистъ Михайлычъ бывалъ чѣмъ нибудь взволнованъ, лицо его принимало такой неестественный, зеленоватый цвѣтъ и восковую прозрачность, что становилось какъ-то жутко въ его присутствіи не одному свѣзшему человѣку, но и хорошо знавшимъ Ельникова товарищамъ.

Въ настоящую минуту, когда пріятели усѣлись рядомъ на диванѣ въ маленькой, въ одну комнату, квартиркѣ Ельникова, Свѣтловъ, пристально смотря на него, чувствовалъ именно такое впечатлѣніе. „Не жилецъ онъ на свѣтѣ“, подумалось Александру Васильчу въ эту минуту, и ему стало жутко до боли.

— А ты, братъ, еще больше похудѣлъ, сказалъ онъ Ельникову подъ вліяніемъ этого неотразимаго впечатлѣнія.

— Эхъ, братъ! вѣдь дни и ночи пришлось сидѣть передъ экзаменами, отвѣтилъ угрюмо Анемподистъ Михайлычъ. — А главное—люди меня изводятъ, помолчавъ, прибавилъ онъ, еще угрюмѣе. Свѣтловъ не сталъ разспрашивать товарища о значеніи послѣдней фразы. Онъ научился понимать, его съ перваго слова еще съ гимназической скамейки. Александръ Васильевичъ зналъ, что Ельниковъ былъ натура въ высшей степени честная, чистая и впечатлительная. Всякая, даже малѣйшая людская несправедливость, на которую иной и вниманія не обратилъ бы, принималась имъ горячо къ сердцу. Не легко было состязаться съ Анемподистомъ Михайлычемъ въ томъ случаѣ, когда онъ отстаивалъ какую нибудь любимую идею. Несообщительный и скупой на слова вообще, онъ дѣлался тогда увлекательнымъ, краснорѣчивымъ. При этомъ особенно плохо приходилось тому изъ его товарищей, кто, выслушивая разсѣянно его горячіе доводы, отвѣчалъ ему невпопадъ или перевиралъ его мысль. Ельниковъ безцеремонно схватывалъ против-

ника руками за что ни попало, и сердито трясъ его изо всей силы, приговаривая: „Ты могъ сказать, что не хочешь со мной говорить; а ужъ если сталъ говорить, такъ слушай же! слушай! не спи! Это неуваженіе!... Это чортъ знаетъ что такое! Я вотъ что тебѣ доказываю, вотъ что говорю... а ты что несешь?“ и проч. въ этомъ родѣ. Свѣтлова онъ считалъ своимъ лучшимъ другомъ, какъ и тотъ его, въ свою очередь. „Свѣтловушка, братъ, богатая голова, хоть вы его и обзываете *франтикомъ*“, нерѣдко говаривалъ съ жаромъ Анемподистъ Михайлычъ кому нибудь изъ товарищей, когда тотъ отзывался легко о Свѣтловѣ, часто пріѣзжавшемъ въ Москву, чтобъ повидаться съ пріятелями. „У васъ въ головѣ—хвощь, а у него—царь. Вы вотъ такъ точно что *франтики*: мѣняете свои убѣжденія какъ перчатки. Тутъ дѣло не въ томъ, въ чемъ человѣкъ ходитъ, а въ томъ, что онъ въ себѣ носитъ!“ — уже ѣдко заканчивалъ обыкновенно Ельниковъ, стоявшій тогда во главѣ лучшаго университетскаго кружка. Правдивость и добросовѣстность Анемподиста Михайлыча вошли тамъ въ пословицу. Достаточно было сказать, что Ельниковъ въ такомъ-то случаѣ вогъ на чьей сторонѣ стоитъ, — и все лучшее единодушно примыкало къ этой сторонѣ. Правдивъ онъ былъ со всѣми одинаково, не исключая и ближайшаго начальства. По этому поводу, еще на первомъ курсѣ, между товарищами долго рассказывался одинъ забавный анекдотъ, очень мѣтко характеризовавшій Анемподиста Михайлыча. Какой-то плохой профессоръ, обращавшій больше вниманія на дисциплину, чѣмъ на науку, однажды замѣтилъ Ельникову, что у него не достааетъ на виць-мундирѣ двухъ пуговиць. „У васъ въ головѣ и четырехъ пуговиць не хватаетъ, да я молчу“, отвѣтилъ ему угрюмо Ельниковъ, — и высидѣлъ за эту остроуту два дня въ карцерѣ. „Теперь вы, вѣроятно, стали умнѣе?“ спросилъ у него тотъ же профессоръ, когда Ельниковъ появился снова на его лекціи. „Разумѣется, ѣдко согласился съ нимъ Анемподистъ Михайлычъ, пока вы на меня не жаловались ректору, я думалъ, что у васъ не достааетъ только четырехъ пуговиць въ головѣ, а теперь знаю, что у васъ тамъ цѣлыхъ шести не хватаетъ“. Но въ карцеръ онъ на этотъ разъ не попалъ почему-то. На третьемъ курсѣ всѣ очень хорошо помнили его „дуэль на глазахъ“. Дѣло было такимъ образомъ. Кто-то изъ студентовъ, счи-

тавшійся между товарищами аристократикомъ, отбилъ у другого студента модистку, съ которою тотъ былъ года полтора въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Ельниковъ узналъ объ этомъ, и на одномъ пріятельскомъ вечерѣ присталъ къ аристократику, требуя, чтобъ онъ во всемъ сознался и извинился. Аристократикъ струсилъ, но упорно отрицалъ фактъ. Анемподистъ Михайлычъ не унимался. „Очень ужъ, видно, жалко вамъ своей благородной дворянской шкурки?“ спросилъ онъ, пожимая плечами. „Господиъ Ельниковъ!“ вскричалъ обиженный, весь поблѣднѣвъ, и направился было къ Анемподисту Михайлычу. „Что прикажете?“ отвѣтилъ тотъ спокойно, сдѣлавъ шагъ на встрѣчу и, сложивъ крестообразно руки на груди, уставилъ на противника неподвижный, провзительный взглядъ. Минуты три они простояли такъ, не спуская глазъ другъ съ друга. Наконецъ, аристократикъ не выдержалъ, покраснѣлъ весь, какъ ракъ, опустилъ глаза и отошелъ въ сторону. „Если вы даже на меня не можете прямо смотрѣть послѣ вашего поступка, то какъ же вы будете смотрѣть въ глаза вашимъ товарищамъ?“ сказалъ ему холодно Ельниковъ. Онъ не проронилъ больше ни слова и сейчасъ же ушелъ; а выведенный имъ на свѣжую воду аристократикъ прослылъ съ этихъ поръ „притчей во языцехъ“, и вскорѣ вынужденъ былъ оставить университетъ, не находя прохода отъ двусмысленныхъ улыбокъ даже тѣхъ студентовъ, которыхъ считалъ своими. Многихъ, въ свое время, забавляла также другая выходка Анемподиста Михайлыча, извѣстная тогда подъ именемъ „лошадиной революціи“. Кто-то сталъ доказывать ему однажды законность рабства въ извѣстныхъ предѣлахъ, и сослался при этомъ на примѣръ прирученія съ глубокой древности теперешнихъ домашнихъ животныхъ. „Да, такъ! пошали, батюшка, пальцемъ въ небо! — разгорячился Ельниковъ: думаете, осѣдлали коня такъ и ѣзди на немъ весь вѣкъ?“, Спорившій съ Ельниковымъ только пожалъ плечами, пренебрежительно сказавъ: „Вотъ проповѣдникъ-то лошадиной революціи?“ „И буду проповѣдникомъ! Нечего на, пятиалтынный-то либеральничать!“ проговорилъ сквозь зубы Анемподистъ Михайлычъ, и отошелъ въ сторону.

Таковъ былъ Ельниковъ на школьной скамьѣ, такимъ же онъ

и теперь представлялся Свѣтлову, пока Александръ Васильевичъ молча смотрѣлъ на его исхудалое, утомленное лицо.

— Да, братъ, сказалъ докторъ, первый прерывая молчаніе:— скверно живется на свѣтѣ...

— Разумѣется, скверно; да вѣдь ничего не подѣлаешь съ этимъ.

— Именно ничего не подѣлаешь; только обманываешь и себя, и другихъ. Я вонъ всю эту премудрость, кажется, насквозь прогрызъ,— Ельниковъ сердито указалъ глазами на два большихъ чемодана, туго набитыхъ книгами,—а что она, премудрость-то эта? Какъ и мы же, безнадежно разводить руками...

— Ты, видишь ли, слишкомъ горячо все принимаешь,—сказалъ Свѣтловъ.

— Да я ужъ, братъ, пробовалъ и не горячо принимать—все ни въ чорту не годится.

— Не хуже же теперь, чѣмъ прежде...

— И не лучше, чѣмъ прежде? Экое утѣшеніе сказалъ! горько улыбнулся Ельниковъ.

Товарищи помолчали.

— А ты знаешь, кто здѣсь еще изъ нашихъ? спросилъ вдругъ Ельниковъ, прилегая головой на ручку дивана.

— Нѣтъ. А кто?

— „Крыса“ здѣсь.

Подъ именемъ „крысы“ слылъ у нихъ одинъ общій товарищъ по гимназіи, получившій тамъ это прозвище за свою лукавую юркость и особенную манеру держать себя въ классѣ.

— Неужели „крыса“ здѣсь же? обрадовался и удивился Свѣтловъ.

— А вотъ подожди; ты его увидишь, вѣроятно, черезъ нѣсколько минутъ: онъ каждый день въ это время ко мнѣ заѣзжаетъ.

— Что же онъ здѣсь дѣлаетъ? Служить?

— Какъ же, лекаремъ при казачьемъ полку. У него, братъ, огромная практика здѣсь частная; особенно у дамъ онъ въ ходу, улыбнулся Анемподистъ Михайлычъ.

— Чтожъ онъ имъ, сиропы да варенья, вѣрно, прописываетъ? захоталъ Свѣтловъ.

— Ну нѣтъ, братъ, я этого не скажу, отвѣтилъ Ельниковъ

серьезнымъ голосомъ; — онъ знаетъ свое дѣло отлично. Но кромѣ того у него, дѣйствительно, есть какое-то особенное умище ладить съ баринями.

— Какъ и у меня же? разсмѣялся Александръ Васильевичъ.

— Ты, пожалуй, почище будешь...

Ельниковъ прежде часто нападалъ на Свѣтлова за его особенную склонность къ женскому обществу.

— И, братъ, въ этомъ отношеніи — каюсъ — такимъ же остался, какъ и былъ, проговорилъ Александръ Васильевичъ, закуривая папиросу. — Начинай, распекай! засмѣялся онъ добродушно.

— Эхъ, Свѣтловушка! Ты, пожалуй, братъ, и правъ, тоскливо молвилъ Ельниковъ.

— Какъ, Анемподистъ Михайлычъ!.. Неужели... поздравить? шутиливо-торжественно произнесъ Александръ Васильевичъ.

— Поздравь, братъ, угрюмо отвѣтилъ Ельниковъ.

— И гдѣ же... совершилось сіе... чудо? Въ Москвѣ? тѣмъ же шутивымъ тономъ спросилъ Свѣтловъ.

— Въ Москвѣ, братъ.

— Воиъ оно что? И крѣпко?

— Такъ, братъ, крѣпко, какъ и нельзя крѣпче.

Анемподистъ Михайлычъ быстро поднялся съ дивана, порылся угрюмо въ одно изъ чемодановъ, и доставъ оттуда фотографическую карточку, подаль ее пріятелю.

— Ого, отче, каковъ у тебя вкусъ-то! сказалъ Свѣтловъ, внимательно разсматривая портретъ.

— Нравится тебѣ?

— Чрезвычайно. Какъ же вы порѣшили съ ней? сочувственно освѣдомился Александръ Васильевичъ.

— Она гувернантка — голь, какъ и я же, такъ-что вѣхать намъ вѣстѣ и думать было нечего. Я, впрочемъ, звалъ. „Нѣтъ — говорить — дай прежде хоть немного денегъ скопить, чтобъ было съ чего начать и на что вѣхать.“ „Твоихъ — говорить — средствъ не хочу.“ Кремень, знаешь, натура, хоть и молода еще... взволнованно проговорилъ Анемподистъ Михайлычъ, и по его выразительному лицу чуть замѣтно пробѣжала какая-то свѣтлая тѣнь.

— Черезъ сколько же времени ты ее ждешь? спросилъ Свѣтловъ.

— Не раньше, думаю, какъ черезъ полгода; только дождусь ли?.. грустно вымолвилъ Ельниковъ.

Въ эту минуту въ комнату робко и неуклюже-вошелъ, низко кланаясь, господинъ весьма страннаго вида. Судя по наружности, это былъ очень молодой еще человѣкъ; но въ лицѣ у него выразилось какое-то преждевременное старчество, что-то непріятное и жалкое до крайности. Длинные, какъ у дьячка, волосы и длиннопольный суконный не то сюртукъ, не то халатъ, какъ у семинариста, придавали всей фигурѣ вошедшаго еще болѣе жалкой аскетическій видъ; только меланхолическая улыбка, какъ-то неопредѣленно блуждавшая у него на губахъ, нѣсколько смягчала эту нелѣпую, суровую фигуру.

— А! Созоновъ! быстро проговорилъ Ельниковъ, подходя къ новому гостю и радушно протягивая ему руку.— Садитесь-ка, батюшка. Очень кстати пришли: вотъ и еще вашъ товарищъ—Свѣтловъ, пояснилъ Анемподистъ Михайлычъ, указывая глазами на пріятеля.— Не узнаешь? спросилъ онъ у того:— Созоновъ.

Александръ Васильевичъ буквально оторопѣлъ. „Какъ! Неужели этотъ странный, низко кланяющійся человѣчекъ, эта жалкая фигура— тотъ самый Созоновъ, мой товарищъ по гимназіи, подававшій когда-то такія блестящія надежды“? подумалось ему. Свѣтловъ глазамъ своимъ не вѣрилъ.

— Онъ сильно переѣбился... замѣтилъ Ельниковъ, стараясь не смотрѣть на крайне озадаченнаго и совсѣмъ растерявшагося пріятеля.

— Боже мой!.. Никакъ бы не узналъ! усиленно выговаривалъ Александръ Васильевичъ, и протянулъ руку старому товарищу. Онъ только теперь узналъ его, смутно вызвавъ изъ памяти прежній образъ Созонова.

— Садитесь-ка, батюшка, снова пригласилъ Ельниковъ гостя.

Созоновъ стоялъ и какъ-то нерѣшительно переминался. Ельниковъ подвинулъ ему стулъ.

— Вотъ въ монастырь поступить собирается, сказалъ онъ угрюмо Свѣтлову.

— Что это вы, Созоновъ? Что вамъ хочется? почти съ испугомъ спросилъ Александръ Васильевичъ.

— Спасеніе души побуждаетъ-съ... тихо и застѣнчиво-робко проговорилъ Созоновъ.

— Далось ему это „спасеніе души“! сердито проговорилъ Ельниковъ.

Они въ гимназіи были большими пріятелями.

— Вы этого влеченія, Анемподистъ Михайлычъ, не можете понимать; это кому откроется свыше, тотъ можетъ.... тѣмъ же застѣнчиво-робкимъ голосомъ выговорилъ Созоновъ.

— Что это, братъ, ты говоришь? Да развѣ въ темъ, что ли, спасеніе души состоитъ, чтобъ вотъ въ такомъ халатѣ ходить да по недѣляжъ не мыться? еще сердитѣе сказала Ельниковъ.

— Подвиги многообразны... какой кому по силамъ, Анемподистъ Михайлычъ...

— Такъ неужели, Созоновъ, васъ ужъ ни на что больше не хватитъ? вмѣшался Александръ Васильевичъ.

— Вы меня хотите искусить, господинъ Свѣтловъ, человѣческой мудростью? Я и самъ нѣкогда, въ помраченіи ума моего, держалъ проникать въ тайны Божіи; знаю, сколь плѣнительно наводненіе сіе... Но Всевышній просвѣтилъ нынѣ мой разумъ и закрылъ его отъ мірскихъ соблазновъ... медленно и съ глубокимъ убѣжденіемъ произнесъ Созоновъ, тяжело вздохнувъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ Свѣтловъ, — угоднѣ Богу долженъ быть тотъ, кто больше приноситъ пользы ближнему; а какъ же вы достигнете этого, если добровольно закроете глаза на жизнь, отъ условій которой именно и зависитъ на каждомъ шагу вашъ ближній?

— Любовь къ ближнему слѣдуетъ приносить въ жертву любви къ Богу—сказано въ писаніи...

— Положимъ. Но вѣдь это что значить? Это значить, по моему, просто, что увлекаясь любовью къ ближнему, вы не должны противорѣчить евангельскимъ заповѣдямъ. Еслибъ, напримѣръ, для спасенія ближняго потребовалось влѣтвоступленіе, тогда, разумѣется, писаніе учить васъ пожертвовать ближнимъ, замѣтилъ Александръ Васильевичъ.

— Нѣтъ, господинъ Свѣтловъ, не искушайте меня вотще: младенцамъ открыто — сказано — то, что отъ мудрыхъ сокрыто... Я только, господа, согрѣшаю съ вами... вздохнувъ Созоновъ.

Свѣтлова что-то больно кольнуло въ сердце.

— Я только добра вамъ желаю, Созоновъ, какъ бывшій товарищъ, а не искушаю васъ, молвилъ онъ съ горечью.

— Вѣдь вотъ, желчно сказалъ Ельниковъ, — третью недѣлю я съ нимъ такъ бьюсь; и книгъ-то ему предлагалъ, и спорить съ нимъ пробовалъ, и доказывалъ, — право, кажется, въ няньки бы къ нему пошелъ, — а онъ все свое, все у него *навожденіе* какое-то; даже медицину считаетъ грѣхомъ... Вѣдь вотъ вы до чего доработались, Созоновъ! чуть не сквозь слезы заключилъ Анемподистъ Михайлычъ.

— Вы что же собственно теперь подѣлываете-то, Созоновъ? спросилъ мягко Свѣтловъ.

— Молюсь о своемъ спасеніи-сь...

— Цѣлый день все только молитесь?

— И день, и ночь...

— Откуда же вы берете средства? Вѣдь одной молитвой не напитаются же вы?

— Милостью Божіей отъ монастырской трапезы довольствуюсь...

— Тамъ, при монастырѣ, и живете теперь?

— Да, тамъ-сь...

Пріятели помолчали. Созоновъ присѣлъ было на кончикъ стула, но сейчасъ же опять всталъ.

— Я къ вамъ... собственно... Анемподистъ Михайлычъ, вотъ зачѣмъ... пришелъ-сь... вы не разсердитесь на меня? спросилъ онъ смиренно у Ельникова, запинаясь на каждомъ словѣ и вынивая что-то изъ-за пазухи.

— Зачѣмъ бы вы ни пришли, Созоновъ — я вамъ очень радъ; стало быть, и толковать объ этомъ нечего, сказалъ искренно Ельниковъ.

— Я вотъ зачѣмъ-сь... я вамъ просфору принесъ, за здравіе ваше вчера съ вынулъ, проговорилъ, краснѣя, Созоновъ, и подаль Ельникову тщательно завернутую въ бумагу просфору.

— Ну чтожъ... спасибо вамъ!

Анемподистъ Михайлычъ взялъ изъ рукъ Созонова просфору, развернулъ ее и поставилъ на угольный столъ.

— Вы, можетъ, обидѣлись, Анемподистъ Михайлычъ? робко спросилъ Созоновъ.

— За что же? Всякій по своему выражаетъ вниманіе. У васъ свои убѣжденія, у меня тоже свои, а жить мы можемъ дружно.

— Вы если хвораете чѣмъ нибудь, такъ она много можетъ облегченія вамъ принести; вы ее скушайте уже...

— Ладно, съѣмъ.

Созоновъ нѣсколько минутъ постоялъ молча, переминаясь на мѣстѣ и нерѣшительно поглядывая на Александра Васильевича.

— Я бы и за ваше здравіе, господинъ Свѣтловъ, вынулъ профору, коли вамъ не во гнѣвъ... боязливо выговорилъ онъ наконецъ.

— Ахъ да, Созоновъ, пожалуйста, заходите ко мнѣ. Я бы и самъ попросилъ васъ объ этомъ, хоть бы вы и не напоиняли мнѣ. Смотрите, заходите же. У насъ съ вами много найдется о чемъ потолковать: слава Богу, давнишніе товарищи; такъ вы безъ церемоній, сказалъ Свѣтловъ привѣтливо.

Какая-то странная полу-улыбка освѣтила суровое лицо Созонова.

— Истинно у меня къ вамъ душа лежитъ, сказалъ онъ, тяжело вздохнувъ и ни къ кому, въ особенности, не обращаясь, — пошли вамъ Господь просвѣтлѣніе!...

Анемподистъ Михайлычъ порылся въ чемоданѣ и досталъ оттуда литографированный экземпляръ извѣстнаго сочиненія о сущности христіанской религіи.

— Вотъ вамъ, Созоновъ, отъ меня на память, сказалъ онъ, подавая старому товарищу книжку. — Пусть это будетъ моею профорою. Я съѣмъ вашу, а вы за то прочтите вотъ это, дайте мнѣ слово.

— Да это вѣдь, вѣрно, свѣтская книжка, Анемподистъ Михайлычъ? спросилъ Созоновъ, нерѣшительно принимая подарокъ изъ рукъ Ельникова.

— Все равно, какая бы ни была, вы ее прочтите. Я же вѣдь не отказался отъ вашей профоры, а все-таки остаюсь при своемъ убѣжденіи. Такъ и вы сдѣлайте. Прочтете? — дайте слово?

— Грѣха бы мнѣ какого отъ этого не послѣдовало?..

— Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, стойкость-то вашихъ убѣжденій? Въ тожь-то и заслуга, чтобъ всякія искушенія вынести бодро, сказалъ серьезно Ельниковъ.

— Врагъ вѣдь рода человѣческаго силень-съ... потушился Созоновъ.

— Вотъ вы и закалите себя противъ него, замѣтилъ ему Анемподистъ Михайловичъ.— Впрочемъ, меня-то вы ужь, вѣрно, не считаете „врагомъ рода человѣческаго?“

— Сохрани Господи! встрепенулся Созоновъ, и бережно спрятавъ книгу за пазуху.— Да будетъ надъ вами благодать Божія!

Онъ сталъ торопливо прощаться. И Ельниковъ, и Свѣтловъ нѣсколько разъ вѣжливо пожали ему руку, прося не забывать ихъ и заглядывать къ нимъ почаще. Созоновъ ушелъ, по прежнему низко кланаясь.

— Вотъ она, жизнь-то наша, что производитъ! весь взволнованный проговорилъ Ельниковъ, едва затворилась дверь за Созоновымъ.— Счастье, братъ, наше съ тобой, что мы во время выкарабкались отсюда; вѣдь это душу рветъ на части...

— Ты успокойся, сказала Свѣтловъ:— тебѣ это вредно.

— И ничего вѣдь не подѣлаешь противъ такихъ явленій; ходишь смиренно, какъ какая нибудь собака съ опшареннымъ хвостомъ!. продолжалъ Ельниковъ.

— Вотъ потому-то мыслящимъ людямъ, какъ ты, и надо беречь себя, сказалъ успокоительно Свѣтловъ.

— Много мы съ тобой намыслимъ! саркастически улыбнулся Ельниковъ.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ Александръ Васильевичъ:— ты разсиранивалъ Созонова? — знаешь, какъ это все съ нимъ случилось? Вѣдь не ни съ того же—ни съ сего...

— Богъ знаетъ, братъ, какъ. Онъ и прежде былъ немного меланхоликомъ, тосковалъ по родинѣ, даже учиться одно время изъ-за этого пересталъ. Пороть, разумѣется, стали... ну, и выпоролъ изъ человѣка весь здравый смыслъ. Эхъ, и говорить-то не хочется! отвѣтилъ сквозь зубы Анемподистъ Михайловичъ.

— Онъ вѣдь классомъ ниже насъ шелъ, такъ что я лично-то мало его знаю, а только слышалъ о немъ многое, особенно отъ тебя; вы съ нимъ вѣдь пансіонеры были, такъ видѣлись каждый день, сказалъ Свѣтловъ, помолчавъ.

— Ты не повѣришь, когда онъ въ первый разъ пришелъ ко мнѣ сюда, я просто голову потерялъ. Этакая свѣтлая голова про-

пала! Тутъ, разужьется, причинъ много было; только я теперь не въ состоянїи рассказывать... Это меня просто бѣситъ, рветъ... понимаешь?—рветъ! проговорилъ Ельниковъ, съ кашлемъ приподнявшись на диванѣ.

— На меланхоликовъ, братъ, всегда плоха надежда.

— Да вѣдь и меланхолю можно направить въ хорошую сторону, а тутъ видишь, что такое вышло! снова закашлялся Анемподиестъ Михайлычъ.

— Видишь ли, душа моя... началъ было Свѣтловъ, но ступь подѣхавшаго экипажа остановилъ его.

Ельниковъ всталъ и заглянулъ въ окошко.

— „Крыса“, сказалъ онъ лаконически.

Минуту спустя, въ переднюю весело и шумно вошелъ докторъ Евгений Петровичъ Любимовъ, именовавшійся нѣкогда въ гимназїи по-просту „крысой“.

— Вотъ потѣха-то!—чуть не упалъ на крыльцѣ... слышался еще оттуда его звонкій голосъ, говорившій, вѣроятно, съ хозяйкой квартиры Ельникова.

Въ комнату Любимовъ почти вбѣжалъ; но, встрѣтивъ тамъ новое лицо, онъ на минуту остановился, пристально взглянулъ на Свѣтлова, мгновенно просіялъ весь и кинулся къ нему со воѣхъ ногъ.

— Чучело чучелѣйшїй!.. Ты какъ? Вотъ потѣха-то! Здравствуй! Вотъ не ожидаль-то! Когда ты прїѣхалъ?—а? Вотъ чудо-то! весело и запыхавшись говорилъ онъ, принимаясь нѣсколько разъ обнимать Александра Васильевича.

— Да ты хоть со мной-то поздоровайся, смѣясь, сказалъ ему Ельниковъ.

— Эка чортъ! Тутъ, братъ, не до тебя покуда, раскохотался Любимовъ.—Нѣтъ, чучелѣйшїй-то... а?—Каковъ? продолжалъ онъ, наскоро пожавъ руку Ельникова и снова обращаясь къ Свѣтлову.

— Какъ была „крыса“, такъ „крысой“ и осталась, засмѣялся Александръ Васильевичъ, обрадованный не меньше Любимова.

Здѣсь встаетъ будетъ сказать, что Свѣтловъ, еще на школьной скамьѣ, получилъ отъ него прозвище „чучело“ за свою странную привычку дѣлать все по своему, не какъ другіе— „въ свой носъ“, какъ выражалась на тотъ же счетъ Ирина Васильевна. Любимовъ,

обыкновенно, варьировалъ это прозвище на всевозможные лады, то называя Свѣтлова просто „чучеломъ“, то „чучелѣйшимъ“, то „чучелизмусомъ“. Онъ и теперь успѣлъ повторить ихъ нѣсколько разъ.

Пріятели всѣ трое отъ души смѣялись.

— Вотъ что, господа, сказалъ Ельниковъ, когда Евгеній Петровичъ успѣлъ ужъ надавать Свѣтлову сотню торопливыхъ вопросовъ:—мы вѣдь, конечно, обѣдаемъ всѣ вмѣстѣ; а такъ какъ я самъ хозяйства не держу и обѣдаю въ гостиницѣ, то приглашаю и васъ туда же...

— Et cetera, et cetera... перебилъ со смѣхомъ Любимовъ.— Нѣтъ, постой, Ельниковъ; право угощать принадлежитъ сегодня, по старшинству, мнѣ: я раньше васъ обоихъ ориентировался на этой почвѣ, заключилъ онъ, весело потирая руки.

— А по моему, господа, по студентчески: у кого сколько хватить, тотъ столько и заплатитъ, вмѣшался Свѣтловъ.

— Экой чучелизмусъ-то хитрый какой!—наострился: у меня полтора ста рублей теперь въ карманѣ, сказалъ Любимовъ, скорчивъ преуморительную гримасу, живо напомнившую пріятелиамъ прежняго „крысу“.

Всѣ дружно захохотали.

— Что тутъ толковать долго, замѣтилъ Ельниковъ:—грядемъ!

— Постойте, господа, на минутку; у меня къ вамъ просьба есть... сказалъ Свѣтловъ.

— Разумѣется! Чучелъ только покажи деньги, у него сейчасъ явится просьба, шутилъ Любимовъ.

— Не угадалъ на этотъ разъ, замѣтилъ ему, улыбаясь, Александръ Васильевичъ.— Дѣло вотъ какого рода, братцы: встрѣтилъ я сегодня одну бѣдствующую семью, такъ надо помочь ей, но такъ, чтобъ она не знала, что ей помогаютъ. Я вотъ что придумалъ — написать ей письмо отъ неизвѣстнаго лица: былъ, молъ, столько-то долженъ вашему покойному мужу, да забывалъ отдать, а теперь присылаю. Мнѣ самому писать нельзя: догадаются, по почерку, отъ кого,—такъ не напишетъ ли ктонибудь изъ васъ?

— Еще бы! Давай, Ельниковъ, перо и бумагу, засуетился Любимовъ.—Постой,—сколько же ты думаешь ей послать? спросилъ онъ у Свѣтлова.

— Десять рублей: у нея семья большая—ужасно бѣдствуютъ... сказалъ Александръ Васильевичъ.

— Стало бытъ, съ моими — двадцать будетъ? спросилъ Любимовъ, запуская руку въ правый карманъ брюкъ.

— Какъ съ твоими?

— А вотъ какъ, изволишь видѣть, разсѣялся Евгенийъ Петровичъ, вынуть изъ кармана толстую пачку денегъ, и подалъ Свѣтлову красненькую ассигнацію.

— Пять-то рублей и у меня найдется, для круглаго счету, замѣтилъ сурово-добродушно Ельниковъ. Онъ порылся у себя въ бумажникъ и досталъ оттуда пяти-рублевый билетъ.

Свѣтловъ крѣпко пожалъ руку товарищамъ.

— Это за нихъ, а отъ меня за участіе. Спасибо вамъ! сказалъ онъ, чрезвычайно растроганный.

— Ладно, на здоровье, проворчалъ взволнованно Ельниковъ. — Садись, Евгенийъ, и пиши, обратился онъ къ Любимову, ставя передъ нимъ чернилицу.

Послѣ общаго краткаго совѣщанія, Любимовъ написалъ слѣдующее:

Милостивая государыня,

Агнія Васильевна!

Премного извиняюсь, что будучи совершенно незнакомъ вамъ лично, беспокою васъ настоящимъ письмомъ. Я имѣлъ кое-какіе расчеты съ вашимъ покойнымъ мужемъ и остался по нимъ долженъ ему *двадцать пять* рублей. Долгъ этотъ, извините, со всѣмъ вышелъ у меня изъ головы, и только на дняхъ, по возвращеніи въ городъ, я вспомнилъ о немъ, узнавъ случайно о кончинѣ вашего супруга. Позвольте мнѣ теперь съ благодарностью возвратитъ вамъ эти деньги, и примите увѣреніе, что я вполне оцѣниваю вашу потерю, зная вашего покойнаго мужа съ самой лучшей стороны.

Всегда готовый къ вашимъ услугамъ...

— Постой, сказала Свѣтловъ, прерывая на этомъ мѣстѣ Евгения Петровича, — подпишись такъ, чтобъ ничего нельзя было разобрать.

— Знаю, отвѣчалъ Любимовъ, и такъ расчеркнулся, что и самъ не прочелъ бы что написалъ.

Письмо съ деньгами вложили въ конвертъ, запечатали и надписали адресъ.

— Теперь, чучелѣйшій, изволишь видѣть, мы отправимъ съ этимъ письмомъ моего кучера. Гдѣ они живутъ? Я сейчасъ распоряджусь, сказалъ Любимовъ.

Свѣтловъ сталъ объяснять, какъ умѣлъ.

— Чувствую, перебилъ его Любимовъ и вышелъ.

— Да смотри, чтобъ кучеръ не проболтался какънибудь! закричалъ ему въ догонку Свѣтловъ.

— Ахъ, чучело, каналья! еще и учить! весело послышалось въ отвѣтъ изъ передней.

— Вотъ кстати вспомнилъ, сказалъ вдругъ Ельниковъ Свѣтлову, отыскивая фуражку:—ты вѣдь уроки хочешь давать?

— Да; а что?

— Стоитъ только сказать Любимову: у него пропасть знакомыхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Свѣтловъ.

— У него, братъ, это духомъ обдѣляется.

— Такъ „крысу“ за хво-о-сть! разсмѣялся Александръ Васильевичъ.

— Кого это за хвостъ? Меня? послышался у двери громкій, смѣющийся голосъ Любимова, а вслѣдъ затѣмъ явился и самъ онъ.

Пріятели объяснили ему, въ чемъ дѣло.

— Разумѣется, обработаю; хоть завтра же, сказалъ, выслушавъ ихъ, Любимовъ.—Вотъ чучель-то онъ поразведетъ тутъ! разохотался Евгений Петровичъ.

Товарищи взяли извозчика и поѣхали обѣдать. Любимовъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на свой форменный военный костюмъ, усѣлся рядомъ съ кучеромъ на козлахъ. Дорогой, между разговоровъ, онъ то и дѣло оборачивался назадъ и какъ-то радостно поглядывалъ на Свѣтлова, всякій разъ приговаривая со смѣхомъ:

— Чучело-то... а? Вотъ потѣха-то!

Поздно вернулся домой Александръ Васильевичъ. Онъ былъ въ такомъ веселомъ расположеніи мыслей, что у стариковъ не достало духу сдѣлать ему какоенибудь замѣчаніе по поводу его неисправности въ отношеніи родственниковъ, хотя у Ирины Васильев-

ны нѣчто и вертѣлось на языкѣ; впрочемъ, ее больше обидѣло то, что сынъ на второй день прїѣзда обѣдалъ не дома. Владимірко, совсѣмъ было приготовившійся спать, съ радостью узнавъ о возвращеніи брата, забрался тотчасъ же къ нему въ кабинетъ и переважно объявилъ:

— Я, Саша, знаю, изъ чего водка дѣлается: изъ спирта съ водою.

— А я, братъ, сегодня, еще лучше тебя знаю, какъ спиртъ на человѣка дѣйствуетъ, и потому сейчасъ же лягу спать, засмѣялся Александръ Васильевичъ, цѣлуя брата.

Владимірко пристально посмотрѣлъ на него, тоже засмѣялся, чмокнулъ его, ни съ того ни съ сего, въ щечу и побѣжалъ было къ мамѣ, но въ дверяхъ остановился.

— Ты сегодня, Саша, совсѣмъ смѣшной! хихикнулъ онъ, повернувшись на одной ногѣ на порогѣ, и опрометью умчался.

Минуть черезъ пять Свѣтловъ богатырски заснулъ.

ГЛАВА VI.

Свѣтловъ на первомъ урокѣ.

Прошло нѣсколько недѣль.

Надъ Ушаковскомъ опять стояло свѣтлое утро, такое же прекрасное, какъ и въ тотъ день, когда Свѣтловъ въ первый разъ послѣ десяти лѣтъ отсутствія увидѣлъ этотъ родной городъ. Рано проснулась въ это утро Лизавета Михайловна Прозорова, и также, какъ и въ тотъ разъ, долго любовалась съ балкона на далекія, снѣговатя горы. Сегодня ей особенно много приходилось о чемъ подумать. Наканунѣ вечеромъ завернулъ къ ней годовой докторъ ея семейства — Любимовъ — и объявилъ, что напелъ учителя ея дѣтямъ; онъ обѣщаль заѣхать съ нимъ сегодня. Кажется, Свѣтловымъ назвалъ его докторъ. Что это за человѣкъ? Любимовъ говорить, что волюнѣ за него ручается, что это одинъ изъ лучшихъ его прїателей. Такогого человѣка, стало быть, нельзя принять какъ

принимають обыкновенно въ первый разъ учителя—незнакомое дѣловое лицо, съ которымъ, прежде всего, предстоитъ скучная необходимость уговориться въ цѣляхъ. Евгений Петровичъ — ихъ хороший, короткій знакомый, личность уважаемая ею, и потому пріятель его вправдѣ разсчитывать на радушный пріемъ у нихъ. Все-таки какъ это будетъ тяжело для нея; она такъ отвыкла отъ общества, такъ рѣдко видитъ новыя лица, а докторъ еще сказалъ, кажется, что пріятель его — литераторъ. Это, вѣрно, что нибудь очень скучное, ученое, тьма премудрости, такъ что надо говорить и за каждымъ словомъ оглядываться. Впрочемъ, самъ же докторъ выразился о немъ: „славный парень“; да опять нельзя и Любимову вѣрить: мало-ли онъ кого такъ называетъ. Но все бы это ничего еще; главное—дѣти. Когда привыкнуть они къ новому наставнику и какъ отнесется онъ къ нимъ? Вѣдь учитель, по необходимости, встанетъ между ними и матерью. Она, Лизавета Михайловна, должна, такъ сказать, уступить ему часть своихъ правъ надъ ними; да и дѣтямъ тоже придется, со временемъ, подѣлиться съ нимъ хоть небольшой частицей той привязанности, которая теперь всецѣло отдается ей, какъ матери. Учитель—это не такое пустое слово, какъ относятся къ нему многіе; по крайней мѣрѣ, она понимаетъ его иначе. Вѣдь характеръ наставника можетъ отразиться на дѣтскихъ характерахъ, можетъ измѣнить ихъ въ ту или другую сторону—въ хорошую или худую. Очень можетъ быть опять и то, что только ей это такъ представляется, что смѣшно такъ думать, что такія мысли — ребячество, неразвитость съ ея стороны... Но что же дѣлать, если ей именно такъ думается, если она не въ состояніи иначе думать. Какъ бы то ни было, пріятель Любимова не долженъ пожаловаться на холодный пріемъ у нея, — и онъ не пожалуется; она даже оставитъ его обѣдать у себя....

Такъ раздумывала Прозорова, полной грудью вдыхая въ себя утреннюю свѣжесть. Высокая, стройная, съ тѣмъ неудовимымъ, сдержаннымъ воодушевленіемъ въ лицѣ, какое присуще только недолжнымъ женскимъ натурамъ, она была очень хороша въ эти минуты. Небрежно свернутая въ одинъ пучокъ густая темнорусая коса ея мягко лежала на матовой бѣлизны шеѣ, придавая всей фигурѣ Лизаветы Михайловны какую-то особенную женственную

предель, — и странно, что въ тоже время въ этой фигурѣ было такъ много чего-то дѣвическаго, свѣжаго, еще нераспустившагося... Раннею весной попадаются иногда такіе цвѣты: они какъ будто и раскрылись, да не совсѣмъ, точно пережидаютъ, чтобъ ихъ не прихватило весенней изморозью...

Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы и не быть въ Лизаветѣ Михайловнѣ сходства съ этими ранними цвѣтами? Развѣ не шестнадцати лѣтъ вышла она замужъ, безъ малѣйшей подготовки къ самостоятельной семейной жизни? Развѣ не отдала ее, какъ большую часть нашихъ женщинъ, первому встрѣчному, чтобъ сбыть поскорѣе съ рукъ лишній ротъ, требовавшій хлѣба? Она именно такъ вышла замужъ; она и теперь, черезъ четырнадцать лѣтъ, не можетъ вспомнить безъ дрожи того рокового вечера, когда ей пришлось, въ первый разъ въ жизни, остаться въ спальнѣ глазъ на глазъ съ человѣкомъ, котораго она не уважала и не любила, потому что едва его знала. Сколько разъ впоследствии было смертельно оскорблено ея человѣческое достоинство этими пошлыми человѣкомъ, не шедшимъ дальше грубыхъ животныхъ инстинктовъ! Развѣ онъ не дѣйствовалъ на ея нѣжную организацію убійственнѣ всякаго мороза?

Лизавета Михайловна выросла въ странной, оригинальной обстановкѣ. Отецъ ея былъ сосланъ въ Сибирь, но за что именно, — объ этомъ въ семействѣ никто не зналъ и не рѣшался спрашивать у молчаливаго старика Сомова. Когда, однажды, будучи еще маленькой дѣвочкой, Лизавета Михайловна обратилась за такимъ свѣденіемъ къ отцу, онъ посмотрѣлъ на нее большими грустными глазами, ласково потрепалъ ее по щекѣ и только вымолвилъ: „Не за худое дѣло, Деличка“. Больше она никогда не слыхала отъ него ни слова на этотъ счетъ. Женился Сомовъ уже въ Сибири, на простой казачкѣ — высокой и красивой женщинѣ, совершенно непонимавшей его. Она любила мужа страстно, безгранично-довѣрчиво — и только. Сомовъ былъ уменъ, отлично образованъ, говорилъ на пяти языкахъ. Но при всемъ своемъ умѣ и образованности, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на воспитаніе дочери, которую любилъ, между тѣмъ, безъ памяти. „Рости, Деличка, какъ хочешь“, говаривалъ онъ ей иногда, въ свѣтлую минуту: „учись, чему хочешь; я тебѣ не мѣшаю и навязывать тебѣ ни моего опыта, ни моихъ знаній не буду“. Лизавета Михайловна такъ и поступала. Рѣзкій контрастъ между широкой

развитостью отца и деревенскимъ невѣденіемъ матери рано пробудилъ въ ней броженіе мысли. Наталкиваясь поминутно то на одно, то на другое, она всячески старалась примирить въ умѣ эти двѣ противоположныя крайности—и не могла; онѣ сбивали съ толку ея дѣтскую головку. Отецъ самъ выучилъ ее грамотѣ и этимъ ограничилъ, съ своей стороны, все ея образованіе, предоставивъ остальное ей самой. Лизавета Михайловна росла одна и на свободѣ. У ней, правда, были два старшихъ брата, но она рѣдко видѣлась съ ними, такъ какъ они воспитывались на казенный счетъ и домой являлись только по большимъ праздникамъ, и то на минуту. Маленькая Деля читала, безъ разбору, всякую попавшуюся ей на глаза книжку, останавливаясь преимущественно на тѣхъ, у которыхъ былъ покрасивѣе переплетъ; ей казалось почему-то, что подобная книжка должна быть гораздо занимательнѣе. Къ счастью дѣвочки, у нихъ въ домѣ не нашлось бы ни одного такого сочиненія, чтобъ его слѣдовало запретить ей брать въ руки, а между тѣмъ, недостатка въ книгахъ не было. Хотя Сомовъ и берегъ свой шкафъ съ книгами, какъ самую драгоценную сокровищницу, но ключъ отъ этого таинственнаго шкафа не всегда лежалъ у него въ карманѣ; онъ чаще, по забывчивости старика, торчалъ тутъ же, въ дверцахъ. Впрочемъ, Сомовъ прямо и не запрещалъ никогда дочери пользоваться своей сокровищницей; но за малѣйшей неаккуратностью въ обращеніи съ книгой слѣдовалъ, въ отношеніи дочери, неумолимый остракизмъ на нѣсколько дней, и въ эти дни ключъ уже не торчалъ въ дверцахъ. Мать Лизаветы Михайловны, не меньше отца любившая дочь, и давно не обращала вниманія на то, какъ та растетъ и чѣмъ занимается, лишь бы дѣвочка была здорова и весела. Когда къ Сомову собирались гости,—а къ нему приходили все какіе-то серьезные, суровые люди,—мать постоянно уходила въ свою комнату и къ нимъ никогда не показывалась, развѣ подастъ чай и опять уйдетъ. Лизаветѣ Михайловнѣ, когда та изъявляла желаніе посидѣть съ папными гостями, она, обыкновенно, говорила: „Чего тебѣ, дурочка, дѣлать съ большими, сиди здѣсь,“—и оставляла ее при себѣ. Но выпадали случаи, когда Лиза незамѣтно прокрадывалась туда, помѣщалась гдѣнибудь смиренхонько въ уголку и все сидѣла да слушала.—Рѣчи папныхъ гостей очень занимали ея дѣтскій умъ, хоть и были со-

вершено непонятны ей. Сомовъ какъ будто платилъ жёнѣ тою же монетой: онъ никогда не показывался у нея въ комнатѣ, когда тамъ сидѣли ея гости. Старикъ въ это время бракъ, обмененно, шанку и трость и уходилъ изъ дому. У Лизаветы Михайловны сердце лежало всегда больше къ отцу, и она сама не любила материнныхъ гостей. „У тебя, папа, гости всё такъ тихо говорить, а у мамы все тараторять“, говорила она ему, если онъ заставлялъ ее, по приходѣ, гдѣ нибудь въ уголку залы. „А сидятъ еще у мамы гости?“ спрашивалъ при этомъ Сомовъ, и когда отвѣтъ былъ положительный, уходилъ снова изъ дому, молча погладивъ по головкѣ дочь.

Дѣвочкѣ никогда не случалось видѣть, чтобъ мать ея приласкалась къ отцу, хотя она и была увѣрена почему-то, что мама очень любитъ ея папу. Сомовъ также не обнаруживалъ въ отношеніи жены ни одной ласки. Но, въ то же время, въ домѣ никогда не слышалось ни брани, ни укоровъ; даже простыя замѣчанія были рѣдки, какъ годовой праздникъ. — „Пелагея!“ говорилъ, напри- мѣръ, Сомовъ жёнѣ за обѣдомъ: „супъ у насъ сегодня совсѣмъ сырой.“ „А ужъ я его кипятила-кипятила“ — замѣчала та тихо. „Ну, можетъ, итѣ такъ показалось“, еще тише произносилъ старикъ, и тѣмъ дѣло кончалось. Вообще, между ними были какія-то странныя, почти суровыя отношенія. Разъ только подмѣтила маленькая Лиза, какъ они ночью, въ спальнѣ, долго стояли обнявшись и неслышно плакали: это было какъ-разъ въ тотъ день, когда Сомову вышло прощеніе. Дней черезъ пять послѣ того, его не стало: то ли неожиданная радость убила его силы, то ли онъ простудился, бѣгая два дня по дождю, какъ угорѣлый, по всѣмъ своимъ пріятелямъ. Умеръ онъ быстро: сегодня вечеромъ захворалъ, а завтра утромъ его уже положили на столъ. Въ памяти Лизаветы Михайловны навсегда врѣзалось это утро. Ее разбудила мать очень рано и привела къ отцу. Онъ лежалъ на диванѣ, съ закрытыми глазами. Ключья длинныхъ сѣдыхъ волосъ въ беспорядкѣ падали вокругъ его шеи, рѣзко отдѣляясь отъ темной кожаной подушки и придавая лицу умирающаго нѣсколько страдальческой, но львиный видъ. Когда Лизавета Михайловна подошла къ нему, онъ вдругъ широко открылъ глаза, слабо положилъ ей на голову руку, явственно выговорилъ: „честность“, потомъ еще что-то про-

бормоталъ, но уже неслышно, -- и вытянулся во весь ростъ. Что хотѣлъ сказать дочери старикъ за минуту до своей кончины — осталось для нея навсегда тайной — тайной завѣтной, глубокой, неразрѣшимой...

Притихла послѣ этого еще пуще и безъ того тихая Леля, хотя ей и было тогда только тринадцать лѣтъ. И вотъ стали онѣ жить вдвоемъ съ матерью. Отцовскій шкафъ вскорѣ опустѣлъ: одинъ изъ пріятелей покойнаго купилъ для себя всю его библиотеку. Много хорошихъ дѣтскихъ слезъ унесли съ собою на переплетахъ бѣдныхъ книги къ ихъ новому владѣльцу! Съ того времени нравственный міръ дѣвочки опустѣлъ, и маленькая душа ея замкнулась даже отъ матери: эта маленькая душа не могла простить ей продажи любимыхъ отцовскихъ книгъ. Три года прожили онѣ такъ съ матерью, уединившись другъ отъ друга, каждая въ свою нравственную скорлупку. Деньги, какія еще водились у вдовы Сомовой, съ каждымъ днемъ проживались, а новыхъ ни откуда не прибывало. Какъ на грѣхъ, въ это же время, оба ея сына были за какія-то шалости исключены изъ заведенія и снова повисли на материнской шеѣ. А тутъ подвернулся выгодный женихъ къ Леличѣ; то есть, какой выгодный: жалованья получалъ тридцать пять рублей въ мѣсяцъ. „Лиза, выходи замужъ, а то вѣдь мы такъ пропадемъ совѣмъ“, твердила по нѣскольку разъ въ день Сомова дочери, — и Лизавета Михайловна вышла замужъ за Прозорова. Она сдѣлала это такъ, просто, машинально, какъ еслибъ ей сказали: „Лиза, принеси воды.“ Много горькихъ слезъ было пролито потомъ за эту воду... но кто же считаетъ у насъ женскія слезы? И развѣ можно счесть ихъ?...

Теперь Лизавета Михайловна почти богата — по крайней мѣрѣ, совершенно обезпечена всѣмъ. Мужъ ея занимаетъ выгодное, почетное положеніе въ обществѣ: онъ служитъ мировымъ посредникомъ въ одной изъ сосѣднихъ съ ушаковской губерній, и все зоветъ Лизавету Михайловну съ дѣтьми къ себѣ, пишетъ къ ней цѣлыя тетради писемъ, наполненныхъ будто бы искреннимъ раскаяніемъ, горячими извиненіями за прошлое. Но Лизаветѣ Михайловнѣ плохо вѣрится въ эти письма; зорко стережетъ она, чтобъ любопытный дѣтскій глазъ не заглянулъ какъ нибудь въ эти безнравственныя раскаянія. Да! Прозорова лучше первому ветрѣчному повѣрила бы

теперь своихъ дѣтей, чѣмъ ихъ отцу... Вотъ Лизавета Михайловна три года не видалась съ нимъ, — и ей все равно, если она и никогда больше не увидитъ его; послѣднее даже лучше было бы. И все-таки, что-то глубоко-оскорбительное связывается ей порой въ той мысли, что она не смѣетъ ни на минуту довѣрить мужу своихъ дѣтей. Довольство тоже не радуетъ Прозорову. Лизавета Михайловна инстинктивно чувствуетъ, что довольство это куплено цѣною многихъ невѣдомыхъ ей нуждъ, хоть она и не причастна имъ прямо. Надѣляемое рукой нелюбимаго и неуважаемаго ею человѣка, оно, хотя и смутно, представляется подчасъ какимъ-то обиднымъ подавниемъ; ей постоянно мерещится въ немъ что-то темное, что-то идущее въ разрѣзъ съ послѣднимъ словомъ, которое слышала она отъ умирающаго отца. Такое нравственное иго невыносимо; подъ бременемъ его ломаются лучшія человѣческія натуры, если не поддержать ихъ во время твердая, честная любящая рука. А многимъ ли посылаетъ судьба такую руку? Можетъ быть, пятая часть нашихъ владбищъ засыпана жертвами подобнаго нравственнаго ига — этого вѣчнаго спутника русской женщины! Но могильные кресты неохотно дѣлятся съ нами своими тайнами...

Трудно сказать, къ какому исходу привели бы Лизавету Михайловну ея ненормальное состояніе, и эта постоянная привычка оставаться съ глазу на глазъ съ собственными мыслями, не повѣряя ихъ никому, кромѣ подушки, еслибъ не пришли къ ней на выручку дѣти. На нихъ сосредоточилась теперь вся ея нравственная сила; въ нихъ, и только въ нихъ думала осуществить она тѣ неясныя, хотя и глубоко-прочувствованныя идеалы, которые не дали ей самой.

Дѣти имѣютъ удивительную чуткость. Тамъ, гдѣ взрослый человѣкъ безъ труда даетъ подкупить себя, не замѣчая подставленной ему ловушки, эти маленькія существа остаются тверды и неподкупны, точно инстинктомъ угадывая опасность. Тоже случилось и съ дѣтьми Прозоровыхъ. Несмотря на горячія, повидимому, ласки, расточавшіяся заочно въ письмахъ къ нимъ отца, послѣднія никогда не достигали своей цѣли. Любовь и заботливость, искусственно наполнявшія ихъ, выражались слишкомъ кудреватю для дѣтскаго сердца и дѣтскаго пониманія. Одно теплое, задушевное слово матери изгоняло изъ ребяческой памяти цѣлыя томы этихъ вычур-

нихъ, насиженныхъ ласкъ. Дѣти Прозорова оставались равнодушны къ нему; письма его съ любопытствомъ прочитывались ими — и только. Въ эти минуты еще они дѣйствительно сознавали, что гдѣ-то вдали отъ нихъ, въ другомъ городѣ, живетъ далеко не посторонній имъ человѣкъ, имѣющій громадныя права на нихъ; но въ остальное время, это или забывалось совсѣмъ, или вспоминалось случайно, мелькомъ. Только въ старшей дочери Лизаветы Михайловны, одиннадцатилѣтней Калеріи, теплилось какъ будто искреннее чувство къ отцу, но оно вспыхивало такъ рѣдко и, притомъ, всегда при такихъ обстоятельствахъ, что трудно было сказать, вызвано ли это чувство самостоятельно, или подкуплено лестью дѣтскому самолюбію: отецъ постоянно называлъ ее въ письмахъ „умницей“, и самыя длинныя изъ нихъ адресовались, обыкновенно, на ея имя. Что же касается младшей дочери Прозоровой, восьмилѣтней Сашеньки — преострой дѣвочки, отличавшейся какимъ-то особеннымъ природнымъ юморомъ, — то она постоянно только лугаво посмѣивалась, выслушивая отъ сестры длинныя посланія къ нѣи отца, которыя начинались и кончались всегда нескончаемымъ рядомъ именъ угодняковъ, призывавшихся въ покровительство „милыхъ дѣтокъ“. Но если дѣвочки оставались равнодушны или, вѣрнѣе, почти равнодушны къ отцу, за то первенецъ Лизаветы Михайловны, тринадцатилѣтній Гриша, относился къ нему положительно враждебно. Съ какихъ поръ началась въ ребенкѣ эта странная вражда, онъ и самъ не могъ бы опредѣлить. Гриша былъ развитъ не по лѣтамъ; въ его, еще пока дѣтскомъ, лицѣ уже и теперь замѣтно сказывались возмужалость и энергія. „Что? — много написалъ?“ спрашивалъ онъ, обыкновенно, съ отгѣнкомъ пренебреженія, у сестеръ, когда заставлялъ ихъ за чтеніемъ отцовскихъ писемъ. Прозорова постоянно дѣлала выговоры сыну за такой неумѣстный тонъ. Вообще, Гриша очень часто огорчалъ мать своими рѣзкими выходками; но стоило Лизаветѣ Михайловнѣ только не отвѣтить ему на два, на три вопроса, — и мальчикъ уже приставалъ къ ней, чуть не со слезами на глазахъ, прося прощенія, и иногда впродолженіи цѣлаго дня потомъ относился къ матери необыкновенно мягко. Онъ ее очень любилъ, хотя и стыдился какъ будто обнаруживать это.

Лизавета Михайловна, истинно и сознавшая, что слишкомъ рано учить дѣтей не годится, что надо дать имъ свободу прочув-

ствовать свое дѣтство, сперва сама занималась съ ними и, исподволь, незамѣтно для самой себя, шутя, какъ говорится, внучила ихъ грамотѣ. Впослѣдствіи, года за три до настоящаго времени, когда двое старшихъ дѣтей ея значительно подросли, она взяла для нихъ учителя изъ сельскихъ — добродушнаго старичка, жившаго въ Ушаковскѣ исключительно уроками. „Гризенбергъ, можетъ быть, и исправитъ когонибудь, но, во всякомъ случаѣ, никого не испортитъ“ — таково было мнѣніе объ этомъ учителѣ мѣстныхъ знатоковъ дѣла; а подобное качество много значило, хотя бы и не для Ушаковска. Мѣсяца за полтора до пріѣзда Александра Васильевича, Гризенбергъ, получивъ позволеніе возвратиться на родину, уѣхалъ — и дѣти Лизаветы Михайловны остались на все это время безъ учителя, такъ что предложеніе Любимова на счетъ Свѣтлова пришло къ ней какъ нельзя болѣе кстати. Она, въ послѣднее время, крѣпко была озабочена мыслью, что ея Гришѣ давно пора поступить въ гимназію, а между тѣмъ у Гризенберга онъ учился какъ-то неохотно, не слушался его и, вообще, начиналъ сильно подѣиваться. „Что это ты не учишься-то, какъ слѣдуетъ, Гриша?“ замѣчала ему частенько мать. „Надоѣлъ онъ мнѣ, муська“ — всегда немногосложно отвѣчалъ ей мальчикъ, и по-прежнему плохо готовилъ уроки. Такова была семья Прозоровыхъ, и въ такомъ положеніи застасть ее нашъ рассказъ.

Сегодня, дѣти Лизаветы Михайловны тоже проснулись нѣсколько раньше обыкновеннаго. Наканунѣ, ложась спать, они не меньше матери передумали по своему о новомъ учителѣ, съ которымъ завтра имъ предстояло познакомиться лично. Немудрено, что это покажется комунибудь страннымъ. Мы, взрослые люди, привышіе оцѣнивать все по своей собственной, широкой мѣрѣ, относимся обыкновенно свысока и пренебрежительно къ внутреннему дѣтскому міру. Намъ трудно представить себѣ, что въ этомъ, повидимому, крошечномъ внутреннемъ мірѣ совершаются тѣ же нравственные процессы, какъ и въ насъ самихъ. Мы, чаще всего, смѣшиваемъ форму съ содержаніемъ и, такимъ образомъ, постоянно обманываемъ себя. Сплошь и рядомъ бываетъ, что въ душѣ много чловѣка широко разовьется поэтическій инстинктъ, но этотъ, такъ сказать, внутренний поэтъ, въ то же время, не имѣетъ средствъ выразить своего содержанія въ строго-опредѣленной формѣ, въ яркихъ, закон-

ченныхъ образахъ. Каждый ребенокъ, какъ нельзя больше, похожъ на подобнаго человѣка: и у ребенка, какъ и у такого поэта, внутренній міръ богатъ содержаніемъ, обилень поэтическимъ матеріаломъ; ребенку также не достаетъ только формы—умѣнья взрослога человѣка послѣдовательно излагать свои мысли. Пусть ктонибудь безпристрастно и поглубже заглянетъ въ этотъ крошечный дѣтскій міръ, — и онъ, ручаемся, узнаетъ въ немъ себя лучше, чѣмъ въ зеркалѣ. Повторяемъ, дѣти Лизаветы Михайловны много передумали съ вечера о новомъ учителѣ, и подѣ вліяніемъ вызванныхъ имъ мучительныхъ догадокъ, проснулись сегодня раньше обыкновеннаго. Мнѣніе Гриши на этотъ счетъ, едва онъ открылъ глаза, выразилось въ сжатой, никому несообщенной мысли: „Если онъ станетъ задавать мнѣ такіе же длинные уроки, какіе задавалъ Гризенбергъ—не буду учить ни за что... Надоѣло!“ Калерія, за утреннимъ чаемъ, нѣсколько разъ приставала къ матери съ вопросомъ, какое ей надѣтъ сегодня платье.

— Да вѣдь ты ужь одѣта,—замѣтила ей наконецъ Лизавета Михайловна, которой давно не нравились въ старшей дочери признаки зарождающагося кокетства.

— А къ учителю какъ я выйду? спросила Калерія огорченнымъ голосомъ.

— Въ томъ платьѣ и выйдешь, какое теперь на тебѣ, отвѣтила сухо мать.

— Нѣтъ, мамочка, пусть она надѣнетъ бѣлое съ розовыми цвѣточками: въ томъ она умѣе,—състрила сидѣвшая рядомъ съ сестрой Сапенька, сдѣлавъ забавную гримаску. Сама она была еще въ утреннемъ, поэтическомъ беспорядкѣ.

— Ужь тебя вездѣ спрашиваютъ! замѣтила ей Калерія раздражительно и со слезами въ голосѣ. — Небось, какъ ты, растрепаная, выйти?

— И выйду растрепанная; чтожь такое?

— Ну и выходи! А я не хочу.

Калерія надула губки.

— А ты въ чемъ, Гриша, выйдешь? спросила, смѣясь, Лизавета Михайловна у сына.

— Папинъ старый мундиръ надѣну, отвѣтилъ тотъ совершен-

но серьезно. У него только въ глазахъ мелькнула ироническая улыбка.

— Это который на вышку недавно вынесли? сказала коварно Сашенька.

— Ну, да, а то какой же?

— И шпагу, Гриша?

— И шпагу надѣну, пояснилъ Гриша невозмутимо.

Сашенька прыснула со смѣху и увлекла своимъ примѣромъ мать. Та засмѣялась.

— Вотъ-то воякъ выйдетъ! замѣтила она.

Калерія, взглянувъ на высокую и нѣсколько сутуловатую фигуру брата, тоже не утерпѣла и расхохоталась. Такимъ образомъ, чай прошелъ очень весело. Дѣвочки откровенно болтали съ матерью обо всемъ; даже молчаливый Гриша разговорился къ концу. Онъ опять насмѣшилъ всѣхъ, представивъ, какъ Калерія будетъ дѣлать книженъ учителю. Комизму этого импровизированнаго утренняго спектакля много способствовало байковое одѣяло, изъ котораго мальчикъ наскоро соорудилъ подобіе короткаго платица.

Около одиннадцати часовъ, когда горничная дѣвушка пришла убирать со стола, въ передней раздался звонокъ. Дѣти встрепенулись. Сашенька первая не усидѣла на мѣстѣ и проскользнула за горничной, какъ только та пошла отпирать дверь.

— Не хорошо, Саша... едва успѣла замѣтить дѣвочкѣ мать.

— Евгенийъ Петровичъ съ учителемъ!... Красивый такой! въ попыхахъ объявила ей вернувшаяся Сашенька.

— Вы пока не выходите еще, сказала Лизавета Михайловна дѣтямъ, и поспѣшила въ залу. Проходя черезъ спальню, она машинально поправила передъ зеркаломъ волосы.

— Вотъ вамъ, извольте видѣть... Свѣтловъ, молвилъ докторъ, представляя Прозоровой пріятеля. Онъ хотѣлъ-было сказать „чу-чело“, но на этотъ разъ удержался почему-то.

Александръ Васильевичъ съ достоинствомъ поклонился.

— Очень рада познакомиться съ вами... обратилась Лизавета Михайловна къ будущему учителю своихъ дѣтей, и ласково протянула ему руку.—Я, впрочемъ, немного уже и знакома, поспѣшила она прибавить:—докторъ съ такимъ восторгомъ всегда разсказываетъ о васъ... Милости просимъ,

— Только ему не всегда слѣдуетъ вѣрять, замѣтилъ съ улыбкой Свѣтловъ, садясь по указанію хозяйки.

— Слышите, докторъ? сказала она.

— Слышу. Да вы что думаете о немъ? Вѣдь это воплощенная черная неблагодарность! засмѣялся Любимовъ. — Однако, до свиданія! заторопился Евгений Петровичъ; — процессъ ознакомленія совершенъ, что и требовалось... Получите, сказалъ онъ, указавъ головой на Свѣтлова и прощаясь съ хозяйкой.

— Пойдите, да куда же вы бѣжите такъ скоро? спросила она, улыбаясь.

— Опасный больной, извольте видѣть, на рукахъ.

— Приѣдете къ намъ обѣдать сегодня?

— Не общаюсь.

— Не общайтесь, а приѣзжайте просто.

— Ладно, коли успѣю.

Прозорова пошла проводить доктора до передней, и въ дверяхъ подождала, пока онъ одѣвался. „Гдѣ я видѣлъ это лицо?“ подумалъ въ недоумѣніи Свѣтловъ, пристально вглядываясь издали въ ея профиль: „а видѣлъ гдѣ-то.“ Лизавету Михайловну занялъ тотъ же вопросъ немного раньше, именно въ ту самую минуту, какъ она вышла къ нимъ, и еслибъ Александръ Васильевичъ также пристально взглянулъ на нее тогда, онъ навѣрно замѣтилъ бы мгновенно набѣжавшій на ея лицо легкой румянецъ.

— Такъ заѣзжайте же, повторила хозяйка въ слѣдъ уходившему доктору, и вернулась къ Свѣтлову. — Виновата, обратилась она къ нему, садясь напротивъ, — у меня всегда привычка провожать до дверей хорошихъ знакомыхъ.

— Очень милая привычка, сказалъ Александръ Васильевичъ.

— Вы вѣдь недавно изъ Петербурга? спросила Лизавета Михайловна, помолчавъ.

— Всего только нѣсколько недѣль.

— Я думаю, для васъ не совсѣмъ удобно привыкать къ нашему городу послѣ столицы?

— Да вѣдь это мой родной городъ.

— Все-таки, я думаю, на первый разъ скучаете?

— Отчего? Нѣтъ. Вѣдь мы, по большей части, спужу сами съ

собой носимъ, а я, признаюсь, никогда этимъ не запасаясь, улыбаюсь Свѣтловъ.

— Счастливая у васъ натура, какъ-то робко выговорила Лизавета Михайловна.

-- Какъ вамъ сказать? Въ этомъ отношеніи— да, пожалуй.

Они помолчали.

— Вы желали, чтобъ я давалъ уроки вашимъ дѣтямъ? спросилъ Свѣтловъ, видя, что она затрудняется продолжать разговоръ.

— Да, я давно просила объ этомъ доктора, и такъ рада, что онъ указалъ мнѣ на своего же товарища. Знаете, я въ такихъ случаяхъ бываю всегда какъ-то очень нерѣшительна... застѣнчиво проговорила Прозорова.

— Еще бы! Это такой важный вопросъ, сказалъ Свѣтловъ, совершенно серьезно.

— Иные какъ-то легко къ этому относятся, а я не могу, заиѣтила она, нѣсколько ободрившись.

— И вы совершенно правы. У насъ, дѣйствительно, большинство даже и не подозреваетъ, что отъ учителя зависитъ... да, почти зависитъ будущность ребенка. Я очень радъ, что встрѣчаю въ васъ именно такой взглядъ, такъ какъ только при этомъ условіи могу принять на себя обязанность учителя; въ противномъ случаѣ, я всегда отказываюсь...

Александръ Васильевичъ пытливо посмотрѣлъ на собесѣдницу: та замѣтно повеселѣла.

— У меня, значить, есть надежда, что вы мнѣ поможете, сказала она мило и просто.

— Сдѣлайте одолженіе, располагайте мной, слегка поклонился Свѣтловъ.

Лизавета Михайловна вдругъ смутилась. Она, очевидно, хотѣла что-то сказать, но затруднялась.

— Что же касается условій, выручилъ ее гость, догадавшись въ чемъ дѣло,— то я буду просить васъ позволить мнѣ переговорить о нихъ съ вами впоследствии, когда я нѣсколько ознакомлюсь съ дѣтьми, уроковъ послѣ двухъ, напимѣрь.

— Но... можетъ быть... начала было она нерѣшительно.

— Мы не сойдемся въ дѣлѣ, хотите вы сказать? договорилъ за нее Александръ Васильевичъ. — На этотъ счетъ будьте совершенно

спокойны: я не изъ церемонныхъ; увижу и скажу вамъ, какъ я думаю. Найдете вы удобнымъ—прекрасно, не найдете—никто изъ насъ ничего не потеряетъ; по крайней мѣрѣ, у меня теперь все время свободно.

— Если вы находите такъ лучше...

— Да это даже необходимо. Я долженъ вамъ сказать откровенно, разъ взявшись за чтонибудь, я не люблю, чтобъ мнѣ мѣшали; а для этого, вамъ, по самому священному праву и прежде всего, надо будетъ удостовѣриться лично въ честности моихъ взглядовъ съ вашей точки зрѣнія, — иначе между мной и дѣтьми никогда не установится полнѣйшей довѣренности. Безъ нея мы будемъ, разумѣется, толочь воду, а не учиться; по крайней мѣрѣ, я такъ смотрю на это. Разъ убѣдившись въ томъ, что я не намѣренъ заносить плевель въ вашъ огородъ, вы развяжете руки и мнѣ, и себѣ. Очень часто бываетъ, видите, что самое честное слово учителя толкуется вкривь родителями только потому, что учителю они не довѣряютъ, а сказанное слово непонятно имъ почемунибудь. Я же отношу этого, разумѣется, къ вамъ... остановился вдругъ Александръ Васильевичъ.

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь! попросила Лизавета Михайловна совершенно искренно.

— Я васъ пока еще совсѣмъ не знаю, вы меня тоже, продолжалъ спокойно Свѣтловъ,—очень можетъ быть, что мы еще и разойдемся въ чемънибудь...

— Что касается меня, я совершенно полагаюсь на вашу добросовѣстность.

— Ну, не скажите этого. Сперва лучше всего нѣкоторое время коситься другъ на друга: посмотрижь, молъ, еще что вы за человѣкъ. Это, по моему, прочнѣе; не приходится жаловаться впоследствии.

— Но я не могу себѣ представить, какъ это сразу не довѣрять человѣку? сказала Прозорова.

— Да вы ему, пожалуй, и довѣряйте, а все-таки на-сторожѣ стоять не мѣшаетъ, пока вы его не знаете хорошо, пока онъ совершенно не выразится передъ вами.

— Но вѣдь это такъ трудно узнать... попыталась возразить Лизавета Михайловна.

— Мнѣ кажется, не особенно трудно. Человѣкъ всегда прорвется, хоть на мелочи, какъ бы онъ искусно не замаскировался.

— Я, признаюсь, частенько ошибаюсь; впрочемъ, мнѣ почти и не приходится наблюдать: я все дома сижу, замѣтила Прозорова.

— Я думаю, и я не рѣже вашего ошибаюсь, а все-таки съ каждой новой ошибкой чему нибудь да и научишься. Вѣроятно, и съ вами это случалось не разъ?

— Да, это правда, сказала она, серьезно подумавъ.

Они снова замолчали.

— Если вы мнѣ позволите съ сегодняшняго дня считаться учителемъ вашихъ дѣтей, сказалъ Свѣтловъ, — то я попросилъ бы васъ объ одномъ...

— Ахъ, пожалуйста... Позвольте узнать ваме имя?

Свѣтловъ сказалъ.

— Пожалуйста, Александръ Васильевичъ, повторила она, — не стѣсняйтесь.

— Я именно хотѣлъ просить васъ — въ тѣхъ случаяхъ, еслибъ между нами вышло какое недоразумѣніе по урокамъ, обращаться ко мнѣ всякій разъ прямо за объясненіемъ. Мы такъ скорѣе поймемъ другъ друга, а главное — никогда не поссоримся.

— Мнѣ кажется, съ вами трудно поссориться, сказала Лизавета Михайловна простодушно.

— Ну, не говорите этого... не ручаюсь, разсѣялся Свѣтловъ.

— Въ такомъ случаѣ, я постараюсь сдѣлать съ своей стороны все, чтобъ этого не случилось, улыбнулась Прозорова.

— Постараемся оба. Кстати, я долженъ теперь же предупредить васъ и еще объ одной моей привычкѣ, которая, сколько я испыталъ до сихъ поръ, никогда не приходилась по вкусу родителямъ, сказалъ Александръ Васильевичъ, переходя въ серьезный тонъ.

— Скажите; это очень интересно, замѣтила Лизавета Михайловна.

— Видите ли въ чемъ дѣло: въ началѣ уроковъ, съ мѣсяцъ времени, по крайней мѣрѣ, я занимаюсь съ дѣтьми безъ книгъ.

— Какъ безъ книгъ? Совсѣмъ безъ книгъ? удивилась она.

— Да, такъ-таки совсѣмъ безъ книгъ.

— Но какъ же они будутъ учиться? Вѣдь имъ нужно уроки готовить.

— Это ничего не значить. Сегодня утромъ, напримѣръ, они выслушаютъ меня, вечеромъ припомнятъ все, обдумаютъ, а завтра у нихъ уже окажется извѣстная доза знанія, правда небольшая, но за то это будетъ нѣчто самостоятельное. Въ этомъ случаѣ, я исхожу изъ той мысли, что дѣти прежде всего должны быть какъ можно больше заинтересованы знаніемъ; надобно, чтобъ въ нихъ развилась сознательная жажда къ нему, чтобъ жажда эта вытекала непосредственно изъ нихъ самихъ, при участіи ихъ собственной воли, а не прививалась къ нимъ искусственными мѣрами. Тогда они постепенно втянутся въ книгу. Надо, чтобъ они смотрѣли на книгу какъ на товарища, у котораго больше свѣденій, чѣмъ у нихъ, а не какъ на нѣсколько листовъ печатной бумаги, гдѣ каждый столбецъ, по необходимости, сталъ бы представляться имъ маленькимъ тираномъ, требующимъ къ извѣстному ероку знанія „отъ сюда и до сюда“, сказала Свѣтловъ, указавъ пальцемъ на столѣ двѣ противоположныя точки.

— До сихъ поръ мои дѣти занимались съ книгами, и я боюсь, что это сильно помѣшаетъ вашему приему.

— О, нѣтъ. Я полагаю, что особенной нѣжности къ пройденнымъ книгамъ у нихъ не сохранилось. Сперва имъ это, можетъ быть, и покажется нѣсколько страннымъ, а потомъ они привыкнутъ. Два-три такихъ опыта у меня были въ высшей степени удачны.

— Вы, вѣроятно, давно уже даете уроки? спросила Прозорова.

— Какъ вамъ сказать? Это не моя специальность; но я очень люблю дѣтей, и нѣсколько времени серьезно думалъ надъ вопросомъ воспитанія.

— Ахъ, вотъ еще что скажите мнѣ, пожалуйста, какъ вы на мѣрны распредѣлить уроки?

— Какъ вамъ угодно, только бы не по часамъ. По моему, нѣтъ ничего хуже, когда и учитель, и ученики то и дѣло поглядываютъ на часы. Одинъ день мы можемъ заняться дольше, въ другой — меньше, — это будетъ зависѣть отъ степени вниманія дѣтей, свѣжести ихъ головы, да и мало ли еще отчего. Въ этомъ, вы ужъ предоставьте намъ тоже полную свободу, улыбнулся Александръ Васильевичъ.

— Да, пожалуйста, располагайте, какъ вамъ лучше. Вы, вѣроятно, утромъ вѣдь будете заниматься съ ними?

— Разумѣется, все утро.

— Каждый день?

— Да, непременно каждый день, за исключеніемъ дней отдыха, само собой разумѣется.

— Конечно! А когда вы можете начать занятія? спросила Прозорова.

— Да я желалъ бы приступить къ нимъ сегодня же... если позволите?

— Такъ скоро? улыбнулась она.

— Но вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь: это совершенно отъ васъ будетъ зависѣть. Приваживайте, сказалъ Свѣтловъ, закуривъ папироску.

— Я-то очень рада, только бы васъ это не стѣснило.

— Охъ, нисколько; у меня не въ привычкѣ стѣсняться, замѣтилъ Свѣтловъ.— Да я думаю, не мѣшало бы ужъ и начать? сказалъ онъ, мелькомъ взглянувъ на часы.

— Я васъ сейчасъ познакомлю съ дѣтьми. Вы извините, если они будутъ немного дичиться васъ сначала, пока не привыкнутъ; они вѣдь у меня страшные провинціалы, вставая, проговорила Лизавета Михайловна, съ граціозной, добродушной улыбкой.

— Мы живо познакомимся, отвѣтилъ ей Свѣтловъ, тоже улыбувшись.

Она хотѣла идти.

— На одну минуту... сказалъ Александръ Васильевичъ, вѣжливо ее удерживая. — Вы только представьте насъ другъ другу, а ужъ познакомимся-то мы сами; я даже попросилъ бы васъ оставить насъ однихъ на нѣкоторое время, если вы будете такъ любезны...

— Вотъ какъ! ужъ и выгоняете меня? шуточно замѣтила Лизавета Михайловна Свѣтлову, и пошла къ дѣтямъ. Дорогой, она сама не могла надивиться своей сегодняшней развязности.

„Какая славная, умная женщина“, съ удовольствіемъ подумалъ Александръ Васильевичъ, провожая глазами ея воздушное лиловое платьѣ. Минуты черезъ двѣ Прозорова вернулась съ дѣтьми и представила Свѣтлову каждого члена семьи порознь.

— Ба-а-кой у васъ цвѣтникъ! сказалъ онъ вставая и дружески здороваясь съ ними.

— Не говорите, замѣтила она; — только этотъ цвѣтникъ пошумѣть иногда любитъ...

— Да? Въ такомъ случаѣ, вашъ домашній шумъ теперь еще больше увеличится, такъ какъ я самъ не изъ смирныхъ, разсмѣялся Свѣтловъ.

— Вы меня извините, улыбнулась Прозорова, и вышла.

Дѣвочки посматривали на учителя съ замѣтнымъ любопытствомъ, а Гриша еще замѣтнѣе косился на него.

— Прощу любить и жаловать, ласково обратился Свѣтловъ къ дѣтямъ. — Сядемте-ка теперь да потолкуемъ немножко. Ваша мама желаетъ, чтобъ мы сегодня же начали, — мы такъ и сдѣлаемъ.

— Вамъ книгъ принести? угрюмо освѣдомился Гриша.

— Нѣтъ, зачѣмъ, не нужно. Пожалуйста, устройвайтесь вокругъ столика, гдѣ кому удобнѣе, сказалъ Александръ Васильевичъ, садясь. — Что вы больше любите? какой предметъ? спросилъ онъ у мальчика.

— Географію, отвѣтилъ тотъ недовѣрливо.

— Вонъ вы что любите. А вы? обратился Свѣтловъ къ старшей дѣвочкѣ.

— Исторію... отвѣчала Калерія, вся покраснѣвъ.

— Ну, а вы, вѣрно, еще ничего не успѣли полюбить? спросилъ Александръ Васильевичъ, съ улыбкой, у Сашеньки.

— Нѣтъ, я арифметику очень люблю, отвѣтила она бойко.

— Вотъ какъ! Значитъ, мы съ вами пара: я самъ математикъ. А не кажется вамъ арифметика скучной? освѣдомился Александръ Васильевичъ.

— Нѣтъ, не кажется.

— А мнѣ такъ она сперва ужасно казалась скучной; бывало, какъ начну большое вычитаніе дѣлать — непремѣнно расплачусь.

Сашенька засмѣялась.

— Да, вотъ вы смѣетесь, а мнѣ тогда ужасно трудно приходилось. Дѣло-то только мастера боятся, сказалъ Свѣтловъ.

— А теперь вы мастеръ? спросилъ Гриша.

— Еще какой, батюшка, мастеръ-то! отвѣтилъ съ комичной

важностью Александръ Васильевичъ. — Не хотите ли попробовать задать мнѣ какую нибудь задачу?

Гриша подумалъ.

— Потрудитѣ, Гриша, лукаво попросила Сашенька.

— Смотрите! шутливо погрозилъ ей пальцемъ Свѣтловъ, — не злорадствуйте.

Гриша еще подумалъ и задалъ учителю какую-то мудреную, по его мнѣнію, задачу. Свѣтловъ тотчасъ же блистательно разрѣшилъ ее въ умѣ.

— Что? сказалъ онъ, — не поймали?

— Ну-то-ка, а вы мнѣ задайте, попросилъ Гриша.

— Извольте.

Свѣтловъ опредѣлилъ задачу.

Дѣти, всѣ трое, усердно принялись разрѣшать ее тоже въ умѣ, но справиться не могли.

— Вы нарочно такую задали, замѣтилъ наконецъ Гриша, потерявъ надежду.

— Какую?

— Трудную.

— Напротивъ, совсѣмъ легкую, стоитъ только хорошенько подумать. Ну да ужъ нечего дѣлать, пускай остается за вами; авось къ завтрашнему дню догадаетесь, въ чемъ дѣло.

— Да я и сегодня догадаюсь.

— Догадайтесь, догадайтесь.

Отъ разговора объ арифметикѣ Свѣтловъ незамѣтно перешелъ къ другимъ предметамъ, не выходя изъ манеры обыкновенной дружеской бесѣды. Онъ велъ ее очень искусно и притомъ такъ, что безпрестанно вызывалъ у заинтересованныхъ дѣтей новые вопросы, которые самъ же сейчасъ и разрѣшалъ имъ просто и наглядно. Когда Сашенька случайно рассказала ему, что была разъ съ матерью въ нѣмецкой киркѣ и видѣла, какъ смѣшно служилъ пасторъ, — Александръ Васильевичъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, сталъ до того увлекательно рассказывать о реформаціи, что его заслушалась даже Лизавета Михайловна, пріютившаяся въ сосѣдней комнатѣ и все время слѣдившая оттуда за урокомъ. О Калеріи и говорить нечего: та вся превратилась въ слухъ. Нѣсколько словъ, сказанныхъ тутъ же кетати о пуританахъ, пе-

ресселившихся въ Америку, дали поводъ Гришѣ предложить учителю нѣсколько географическихъ вопросовъ. Зашла рѣчь и о трудѣ. Свѣтловъ провелъ яркую параллель между американскимъ и нашимъ работникомъ; объяснилъ дѣтямъ, доступно ихъ пониманію, важное значеніе работника вообще, кто бы онъ ни былъ и гдѣ бы ни совершалась его полезная дѣятельность. Сашенькѣ, такимъ образомъ, пришлось, незамѣтно для нея самой, узнать нѣкоторыя очень важныя практическія примѣненія арифметическихъ чиселъ. Короче сказать, дѣти заинтересовались учителемъ чрезвычайно; они даже не спохватились ни разу, какъ долго сидятъ съ нимъ, а между тѣмъ бесѣда ихъ длилась уже часа два слишкомъ. Да и Лизавета Михайловна не замѣчала этого; она только неясно сознавала въ эти часы, что и сама тоже какъ будто учится. Но забавнѣе всего было положеніе Гриши; онъ отъ времени до времени задавалъ себѣ вопросъ: когда же, наконецъ, новый учитель начнетъ свой урокъ? Преподаваніе безъ книгъ, въ легкой, доступной даже для такого ребенка, какъ Сашенька, формѣ—было для него рѣшительно немислимо. А между тѣмъ рассказы учителя становились все интереснѣе, увлекательнѣе. Свѣтловъ нарочно касался, на этотъ разъ, самыхъ разнообразныхъ предметовъ; ему хотѣлось, во-первыхъ, сразу поближе ознакомиться съ степенью развитости каждаго изъ своихъ учениковъ, да кромѣ того, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что отъ перваго урока зависить многое, что этия урокомъ, такъ сказать, устанавливается послѣдующій взглядъ учениковъ на учителя. Мы, однакожъ, непростительно погрѣшили бы, еслибы сказали, что Александръ Васильевичъ старался поддѣлаться подъ возрастъ и понятія своихъ маленькихъ слушателей. Ничего подобнаго не было въ его манерѣ. Онъ говорилъ просто, ясно, убѣдительно. Иногда въ залѣ раздавался дружный взрывъ дѣтскаго хохота, и это всякій разъ означало, что Свѣтловъ либо сообщилъ дѣтямъ какую нибудь забавную школьную продѣлку изъ своего прошлаго, либо охарактеризовалъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, смѣшную сторону предмета. Лизавета Михайловна, изъ своей засады, не разъ дѣлалась невольной и невидимой сопричастницей общаго смѣха. Особенный фуроръ произвелъ Александръ Васильевичъ, рассказавъ, какимъ путемъ дошелъ „наилучезный камердинеръ“ его брата, вслѣдствіе своего невыгоднаго эко-

нолическаго положенія, до необходимости выдавливать и ѣсть на ходу икру изъ сырой рыбы. Мало-по-малу, въ концу бесѣды, дѣти не только совершенно освоились съ учителемъ, но успѣли и подружиться съ нимъ. Онъ, въ свою очередь, узналъ къ этому времени, какъ кого изъ нихъ зовутъ, какіе къ нимъ дѣвочки и мальчишки ходятъ; Сашенька даже посвятила учителя въ маленькую тайну, признавшись, что наканунѣ она его побаивалась порядкомъ. Гриша не утерпѣлъ при этомъ, и цѣлкомъ выдалъ свои утренніе размышленія.

— Ну, друзья, будетъ сегодня заниматься, сказалъ Свѣтловъ послѣ какого-то интереснаго объясненія:—хорошенькаго по-немножку.

Онъ закурилъ папиросу и всталъ.

— Да развѣ мы занимались сегодня? А урокъ? освѣдомился съ чрезвычайнымъ изумленіемъ Гриша.

— Да вѣдь ужъ мы, слава Богу, часа три занимаемся, какой же вамъ урокъ? спросилъ, въ свою очередь, Свѣтловъ, посмотрѣвъ на часы.

— Онъ, вѣрно, все спалъ, звонко засмѣялась Сашенька. Но она схитрила: ей самой казалось до этого времени, что урокъ еще впереди.

— А какъ же завтра-то? обратилась Калерія съ недоумѣвающимъ видомъ къ Свѣтлову.

— Завтра опять будемъ заниматься, отвѣтилъ онъ, садясь подлѣ нея;—каждый день, Калерія Дементьевна, будемъ заниматься.

— Я знаю; я не то хотѣла спросить, сказала она, прямо и весело поглядывая въ глаза учителю:—я хотѣла спросить, что къ завтрашнему дню намъ выучить?

— А! Вотъ вы о чемъ спрашиваете. Ничего учить не нужно. А вы вотъ подумайте хорошенько обо всемъ, о чемъ мы сегодня толковали, — завтра вамъ это и пригодится. И вы, Александра Дементьевна, тоже.

— А я? спросилъ Гриша.

— И вы, разумѣется.

Въ эту минуту вошла Лизавета Михайловна. Лицо ея выражало живѣйшее удовольствіе.

— Ну что?—кончили, рыватки? ласково обратилась она къ дѣ-

тѣмъ, и потрепала по щекѣ подвернувшуюся ей ближе другихъ Сашеньку.

— Ахъ, мамочка, какъ намъ весело было! съ наивнымъ восторгомъ сказала Кагерія, подбѣгая къ матери:—просто чудо!

— Александръ Васильевичъ до того смѣшилъ, что мнѣ даже больно стало,—замѣтилъ Гриша, сдѣлавъ забавную гримасу носомъ.

— А задачу, мамочка, Гриша не разрѣшилъ, которую ему Александръ Васильевичъ задалъ, объявила Сашенька.

— А вы, Александра Дементьевна, развѣ разрѣшили? спросилъ у нея Свѣтловъ.

Сашенька сконфузилась отчего-то и убѣжала. Гриша рѣшительно объявилъ, что ѣсть хочется, и отправился вслѣдъ за сестрой. Кагерія, которой мать что-то шепнула на ухо, тоже ушла.

— Ну, какъ вы нашли моихъ провинціаловъ? спросила Лизавета Михайловна у Свѣтлова, по уходѣ дѣтей.

— Славныя дѣтки, развитыя такія, сказалъ Александръ Васильевичъ.

— Вы, кажется, ужъ успѣли завоевать ихъ расположеніе? весело замѣтила ему Прозорова.

— Какъ будто похоже на это, отвѣтилъ ей также весело Свѣтловъ.

— Впрочемъ, надо вамъ сказать, что это рѣдкость, что они такъ скоро полюбили васъ. Особенно Гриша меня удивилъ сегодня: веселый такой; а то онъ, вообще, учителей не долюбиваетъ.

— У дѣтей на этотъ счетъ бывають какія-то свои особыя соображенія. Я, во всякомъ случаѣ, очень радъ, что Любимовъ рекомендовалъ меня вамъ: съ такими дѣтьми весело заниматься, сказалъ Свѣтловъ. Онъ взялся за фуражку.

— Что это вы, ужъ уходитъ думаете? спросила Прозорова.

— Да, позвольте съ вами проститься; пора.

— А я рассчитывала, что вы отобѣдаете съ нами запросто, нѣсколько робко пригласила она.

— Ну жели я еще не успѣлъ вамъ надѣсть? улыбнулся Александръ Васильевичъ.

— Ахъ, если только за этимъ дѣло, такъ пожалуйста оставайтесь.

Свѣтловъ колебался.

— Александръ Васильевичъ, я васъ приглашаю не изъ простой учтивости, замѣтила ему, одушевляясь, Лизавета Михайловна:—но мнѣ было бы пріятно видѣть васъ у себя за обѣдомъ...

— Въ такомъ случаѣ... отдаюсь въ ваше распоряженіе, сказалъ Свѣтловъ, бросивъ на кресло фуражку.

— Вотъ это очень мило съ вашей стороны. Можетъ быть, и докторъ подъѣдетъ. Мы сегодня поздно пили чай, не завтракали, такъ что я, не безпокойтесь, не проморю васъ; сейчасъ и за столъ сядемъ. Только ужъ не взъщите: обѣдъ будетъ домашній, предупредила Лизавета Михайловна, и пошла распорядиться.

„Похожительно я видѣлъ ее гдѣ-то“ — подумалъ Свѣтловъ, опять пристально слѣдя за удалявшимся лиловымъ платьемъ хозяйки. Александръ Васильевичъ сталъ усиленно припоминать — и вдругъ просіялъ. „Вотъ странный-то случай! И первая встрѣча, и первый урокъ—первый заработокъ“, мелькнуло у него въ головѣ. „Но не ошибаюсь ли я? Нѣтъ, нельзя ошибиться, впрочемъ: такое оригинальное лицо...“, мысленно бесѣдовалъ онъ самъ съ собою. Вернувшаяся хозяйка застала его врасплохъ на этихъ мысляхъ.

— Ужъ не передумали ли вы? спросила она озабоченно у Свѣтлова, видя, что онъ какъ будто нѣсколько растерянъ.

— Охъ, нѣтъ, совсѣмъ не то. Но вотъ странный случай; я долженъ прежде всего извиниться передъ вами, Лизавета Михайловна...

— Вы?... передо мной?... Въ чемъ же это? Вотъ ужъ не въ чемъ-то, кажется... сказала Прозорова, смутясь вдругъ, сама не зная чему.

— Ну, не скажите этого. Не припомните ли... не были ли вы, нѣсколько недѣль тому назадъ, удивлены ѳднимъ... поклономъ? проговорилъ Свѣтловъ, слегка зарумянясь.

— Боже мой! Позвольте... Развѣ это вы мнѣ поклонились тогда... на тройкѣ? вспыхнула, въ свою очередь, Лизавета Михайловна.

— Дерзкій преступникъ стоитъ передъ вами, сказалъ Александръ Васильевичъ съ комичной важностью. И онъ рассказалъ ей, смѣясь, какъ было дѣло.

— Вотъ никакъ не ожидала-то! замѣтила въ волненіи Прозорова, выслушавъ объясненіе Свѣтлова.

— Да вотъ подите, пришло же въ голову такое школьничество. Но, надѣюсь, вы мнѣ вѣрите, что это именно такъ случилось?

— Я вамъ совершенно вѣрю; только меня это такъ удивило тогда... посудите сами...

— Да, разумѣется, это хоть кого озадачить. Ну, да вѣдь что же дѣлать, такъ ужь пришлось. Вы на меня не сердитесь, пожалуйста, сказалъ Александръ Васильевичъ мягко.

— Полноте, я и не думала на васъ сердиться, успокоила его Лизавета Михайловна.—Пойдемте лучше обѣдать...

Она провела гостя въ столовую.

— Рѣшилъ я вашу задачу! весело закричалъ, увидя учителя, Гриша, сидѣвшій уже съ сестрами за столомъ.—Вѣрно? спросилъ онъ, сообщивъ свой выводъ.

— Совершенно вѣрно. Молодецъ вы! похвалилъ Свѣтловъ.

— Онъ не въ умѣ, онъ на бумажкѣ сдѣлалъ, выдала Сашенька брата.

— А! А вы, Александра Дементьевна, въ умѣ рѣшили? спросилъ у нея Свѣтловъ, съ коварнымъ простодушіемъ.

Сашенька сконфузилась и умолкла.

— Что?... насмѣшливо подтолкнула ее сестра, говоря шопотомъ:—вѣчно суешься, гдѣ тебя не спрашиваютъ!

— И буду соваться! шопотомъ же отвѣтила ей Сашенька, надула губки и отвернулась.

Это маленькое обстоятельство не помѣшало, однакожъ, обѣду пройти какъ нельзя веселѣе. Свѣтловъ безцеремонно ѣлъ и рассказывалъ, рассказывалъ и ѣлъ. Дѣтскіе вопросы сыпались на него и теперь также, какъ давеча за урокомъ. Лизавета Михайловна больше слушала, вставляя изрѣдка въ разговоръ и свое слово. Гришѣ пришло почему-то на мысль, что этакъ, пожалуй, новый ихъ учитель и обѣдъ считаетъ урокомъ. Прозоровой, во все это время, казалось совершенно непонятнымъ, что присутствіе новаго лица нисколько не стѣсняетъ ее даже и теперь, за столомъ, точно гость былъ совѣмъ и не новое лицо въ домѣ, а скорѣе старинный знакомый, съ которымъ давно не видались. Когда Свѣтловъ начиналъ спорить съ дѣтьми, и лицо его постепенно воодушевлялось, Лизавета Михайловна съ глубокимъ вниманіемъ слѣдила за гостемъ и пристально взглядывалась въ это умное, от-

крытое лицо. Неудовимыя чары, какими, обыкновенно, только высокая степень развитія запечатлѣваетъ человѣческія лица, были для нея новы еще, и теперь неотразимо приковывали къ себѣ ея взглядъ.

„Вѣдь вотъ, думалось ей, ничего въ немъ нѣтъ ни рѣзкаго, ни необыкновеннаго—все такъ спокойно, просто; а между тѣмъ, чувствуется какое-то обаяніе въ его присутствіи, что-то такое... я даже не умѣю этого выразить. Вонъ онъ какъ тихо, мягко говорить; а все-таки сила звучитъ у него въ каждомъ словѣ. Я еще не встрѣчала такихъ людей; или нѣтъ—одного такого человѣка я помню... Слабо, неслено — но помню: таковъ бывалъ иногда мой отецъ въ рѣдкія хорошія минуты. Онъ же самъ и сказалъ мнѣ однажды.. Какъ это я вспомнила вдругъ? Сказалъ: „Сила, Лелюшка, не любитъ шумѣть, потому что сознаетъ, что она и безъ шуму—сила“. Да, теперь я какъ будто начинаю понимать эти слова... Странно, какъ поздно иногда понимается то, что слышалъ еще въ дѣтствѣ...“

Была минута, когда Лизавета Михайловна до того погрузилась въ свои размышленія, что даже не слыхала какого-то вопроса, обращеннаго въ ней гостемъ, хотя и смотрѣла, все время, на него; ей пришлось сконфузиться и извиниться передъ нимъ. Отдавшись вся воспитанію дѣтей, Прозорова могла по цѣлымъ мѣсяцамъ оставаться, не скучая, безъ общества; но теперь, въ минуты этого раздумья, она чувствовала почему-то, что не въ силахъ была бы отказаться отъ общества людей, похожихъ на Свѣтлова. „Не видѣвши такихъ людей, вертѣлось у ней въ головѣ, можно не думать о нихъ; но увидавъ ихъ разъ—не забудешь“. Да, Свѣтловъ произвелъ на нее глубокое впечатлѣніе. Это не было вспышкой молодой природы, долго чуждавшейся общества и вдругъ почувствовавшей необходимость его; тутъ не существовало даже и тѣни тѣхъ неувольнимо-заманчивыхъ ощущеній, какія, обыкновенно, испытываются женщинами при новомъ, являющемся имъ мужчинѣ. То, что невѣдомымъ путемъ проскользнуло теперь въ душу Лизаветы Михайловны, было гораздо глубже, жизненнѣе, неотразимѣе. Такія впечатлѣнія никогда не проходятъ даромъ въ сильной женской душѣ...

И потому-то такъ искренно, такъ крѣпко пожалала она руку Свѣтлову, когда онъ уходилъ, и потому-то такимъ особенно-мяг-

кинь, небывало-задушевнымъ привѣтомъ звучали ея слова, когда она сказала ему на прощаньи:

— Мы всегда васъ рады видѣть у себя, Александръ Васильевичъ...

ГЛАВА VII.

Неудачный опытъ и новое знакомство Гриши.

Свѣтловъ подходилъ уже къ калиткѣ воротъ квартиры Прозоровыхъ, какъ вдругъ его остановилъ Гриша, закричавшій ему съ крыльца:

— Подождите меня, Александръ Васильевичъ: мнѣ хочется проводить васъ... Можно?

— Пойдемте; только вы поскорѣе, сказалъ Свѣтловъ, дѣлая обратно нѣсколько шаговъ къ крыльцу.

Гриша убѣжалъ въ комнаты, одѣлся и мигомъ вернулся.

— Что это вамъ вздумалось проводить меня? спросилъ у него Александръ Васильевичъ, отворяя калитку.

— Да такъ, хочется пройтись съ вами; я еще сегодня не гулялъ, отвѣтилъ мальчикъ уклончиво.

— А я, признаюсь, люблю ходить вдвоемъ: незамѣтнѣе дойдешь, промолвилъ Свѣтловъ.

Они пошли, дружески разговаривая.

По мѣстнымъ разстояніямъ, до дому Александра Васильевича было не близко, наговориться можно было вдоволь. Гриша находился въ какомъ-то особенно-пріятномъ настроеніи. Онъ говорилъ безъ умолку, то и дѣло съ любопытствомъ поглядывая на учителя. По правдѣ сказать, хотя дома, сперва за урокомъ, а потомъ за обѣдомъ, онъ и почувствовалъ къ нему большое расположеніе, но все еще не вполне довѣрялъ ему. „Дома, при муськѣ, учитель, можетъ быть, хитрялъ: нарочно велъ себя съ ними такъ, чтобъ понравиться ей, и потому не корчилъ изъ себя заправскаго учителя, не напускалъ наставнической важности; а вотъ, посмотримъ, что теперь будетъ, какъ теперь онъ поведетъ себя“, благоразумно разсуждалъ смѣтливый мальчикъ, отправляясь съ Свѣтловымъ.

Однакожь, они идутъ довольно долго вмѣстѣ, а между тѣмъ Александръ Васильевичъ остается все тѣмъ же милымъ, привѣтливымъ, внимательнымъ къ его вопросамъ собесѣдникомъ. Гриша смѣкаетъ это очень хорошо. Онъ убѣждается на каждомъ шагу, что спутникъ ведетъ себя съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, ни разу не давая ему почувствовать присутствіе учителя; мало того, Свѣтловъ даже какъ будто старается теперь скрыть отъ ученика свое умственное превосходство. Оттого-то такъ и весело съ нимъ Гришѣ; оттого-то онъ и шагаетъ такъ бойко, самоувѣренно, говоритъ такъ развязно. Но вотъ ему вдругъ почему-то пришло въ голову вѣроломное желаніе совершить маленькій опытъ надъ учителемъ, подставить ему, такъ сказать, нечаянно ножку.

— Мнѣ ужасно хочется перескочить черезъ тумбочку, объявляетъ онъ лукаво Свѣтлову.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Прыгайте, отвѣтилъ Александръ Васильевичъ, улыбаясь.

— Перескочить? переспрашиваетъ Гриша, въ самомъ дѣлѣ приготавливаясь къ этой забавной операци.

— Разумѣется, перескочить, если ужъ это вамъ такъ хочется, замѣчаетъ Свѣтловъ.

Гриша перепрыгнулъ.

— А вотъ мамаша такъ сейчасъ бы меня остановила, говорить онъ еще лукавѣе: — сказала бы, что только уличные мальчишки такъ дѣлаютъ...

— Да вѣдь и мы теперь съ вами тоже уличные: по улицѣ идемъ, засмѣялся Александръ Васильевичъ.

— Значить, въ этомъ ничего дурного нѣтъ? спросилъ мальчикъ, перепрыгнувъ еще черезъ одну тумбу.

— Разумѣется; чтожь тутъ можетъ быть дурного? Пойдите-ка, дайте и я попробую: развѣ это такъ весело? смѣясь сказалъ Свѣтловъ, и тоже совершилъ прыжокъ.

Проходившая въ это время, мимо, какая-то деревенская женщина остановилась и съ крайнимъ недоумѣніемъ посмотрѣла на скачущаго наряднаго барина. „Должно быть, у него, сердечнаго, не совсѣмъ тутъ того...“ подумала она, мысленно тыкая себя пальцемъ въ лобъ.

— На васъ баба съ разинутымъ ртомъ смотритъ; остановилась даже, предупреждая мальчкѣ учителя.

— Пусть смотритъ на здоровье, сказала Александръ Васильевичъ, спокойно улыбувшись; — по крайней мѣрѣ, у нея дома лишній предметъ для бесѣды окажется.

— Значить, что захочется, то и можно дѣлать? спросилъ вдругъ Гриша, очевидно, не отступая отъ своего первоначальнаго плана.

— Да, все, что не вредно другимъ. Вотъ, наприимѣръ, оттого, что мы съ вами перескочили сейчасъ черезъ тѣмбу, никому, разумѣется, убытка не послѣдовало; много что себѣ мы ущербъ сдѣлали: осмѣть насъ ктонибудь, — скажетъ: ходить не умѣютъ по улицѣ, какъ слѣдуетъ благовоспитаннымъ людямъ. Ну, мы собственными своими особами и отдуемся за это. Другое дѣло, еслибъ вамъ вздумалось перескочить вотъ черезъ этотъ заборъ, въ чужой огородъ; тамъ гряды, растеть чтонибудь, вѣрно, — можно испортить. Въ этомъ случаѣ, какъ бы сильно ни было желаніе, надо его приудержать, отказаться отъ него, такъ какъ исполненіемъ подобнаго желанія наносится вредъ другому человѣку, пояснилъ серьезно Свѣтловъ.

— Значить, и хорошее желаніе не слѣдуетъ исполнять, если это комунибудь вредъ принесетъ? спросилъ заинтересованный Гриша.

— Видите ли, бываютъ исключительные случаи, когда изъ двухъ золъ приходится выбирать меньшее. Положимъ, во время пожара, случилось бы такъ, что вамъ неизбежно приходилось бы погубить одного человѣка, чтобъ спасти десятерыхъ. Тогда, нечего дѣлать — однимъ надо пожертвовать. Разумѣется, одного необдуманнаго добраго желанія тутъ еще мало; надо напередъ взвѣсить все хорошенько, а потомъ ужъ, сообразно пользѣ, и дѣйствовать.

Гриша задумался. Онъ почувствовалъ въ эту минуту, что опытъ ему не удался, но въ душѣ остался доволенъ этимъ.

— Муська такъ вотъ не такъ разсуждаетъ, сказала онъ, помолчавъ.

— Кто это „муська?“ спросилъ Свѣтловъ.

— Я мамашу такъ зову, пояснилъ Гриша.

— А! А какъ же она разсуждаетъ?

— Да она просто сказала бы, что прыгать на улицѣ нехорошо, неприлично, и не позволила бы мнѣ прыгнуть.

— Ну, видите ли, это ужь ея дѣло. У человѣка всего только два глаза, да и тѣ никогда не бывають точь-въ-точь похожи одинъ на другой; а у міра вѣдь глазъ многое-множество. Такъ и у вашей мамы, на этотъ счетъ, свое мнѣніе, у меня тоже свое, а у васъ, навѣрно, еще и третье, сказалъ Свѣтловъ убѣдительно.

Продолжая разговоръ въ томъ же родѣ, они незамѣтно дошли до свѣтловскихъ воротъ.

— Вотъ и нашъ домъ, указалъ Александръ Васильевичъ Гришѣ, остановясь на минуту передъ затворенной калиткой.

Мальчикъ сталъ прощаться.

— Куда же вы? Зайдите ко мнѣ; я васъ съ моими стариками познакомя, пригласилъ его привѣтливо Свѣтловъ.

— Я вамъ, можетъ быть, помѣшаю, замѣтилъ нервѣшительно Гриша; а зайти къ учителю ему, очевидно, хотѣлось.

— Еслибъ я зналъ, что вы мнѣ помѣшаете, я бы не пригласилъ васъ, сказалъ Свѣтловъ просто.

Они вошли во дворъ, и едва только ступили нѣсколько шаговъ по направленію къ флигельку, какъ оттуда вышелъ знакомый уже намъ Ельниковъ.

— А! Вонъ оно какъ встаети, закричалъ ему еще издали Александръ Васильевичъ.

— А я, братъ, только-что зашелъ къ тебѣ. Говорять, на урокъ ушелъ да такъ и не приходилъ. Здорово! сказалъ Ельниковъ, подходя къ Свѣтлову.

— И отлично сдѣлалъ, молвилъ Александръ Васильевичъ, здороваясь съ пріятелемъ. — Позвольте васъ познакомить: Анемподиетъ Михайловичъ Ельниковъ — мой старый пріятель; Григорій Дементьевичъ Прозоровъ — мой новый пріятель, прибавилъ онъ, знакомя гостей.

Докторъ радушно пожалъ мальчику руку.

— Вы, вѣрно, будете у него учиться? спросилъ онъ у Гриши, мотнувъ головой на Свѣтлова.

— Да, я-съ... отвѣтилъ тотъ смущенно.

— Замучить, батюшка... добродушно засмѣялся Ельниковъ.

У доктора былъ сегодня какой-то особенный видъ, точно у чиновника, только-что получившаго выгодную награду.

— Ты кого у меня видѣлъ? спросилъ у него Свѣтловъ.

— Видѣль, братъ, нѣкое цвѣтущее созданіе, но это оно—не могу тебѣ сказать, шутливо отозвался Анемподистъ Михайловичъ.

— Сестру, разумѣется, пояснилъ Свѣтловъ.

Ельниковъ нѣсколько разъ ужъ бывалъ у Свѣтлова, знакомъ былъ съ его стариками, но всякій разъ, какъ онъ приходилъ, Оленьки случайно не было дома. Теперь, когда они всѣ трое вошли, какъ разъ она ихъ и встрѣтила. Свѣтловъ представилъ ей гостей, назвавъ каждого по имени.

— Впередъ можете рассчитывать на всякую услугу съ моей стороны, исключая танцованія, нѣнія и комплиментовъ, особо откомендовался ей Анемподистъ Михайловичъ.

— А болтовня по-французски? разсмѣялся Александръ Васильевичъ.

— Тоже не полагается, замѣтилъ комично-серьезно Ельниковъ.

— Я, Оля, обѣдалъ, сказалъ Свѣтловъ;—вотъ у нихъ, указалъ онъ на Гришу.

— А мама тебя долго ждала: мы только-что сейчасъ отобѣдали, замѣтила ему сестра.

Свѣтловъ оставилъ ее съ гостями въ своемъ кабинетѣ, а самъ прошелъ къ матери. Та отдыхала на кровати, въ спальнѣ.

— Что это, Савька, какъ ты поздно? спросила Ирина Васильевна, когда сынъ поцѣловалъ ее.—Я велѣла оставить тебѣ обѣдать, да однако, батюшка, ужъ простило все.

Въ голосѣ старушки звучало нѣкоторое раздраженіе. Свѣтловъ объяснилъ, что онъ уже отобѣдалъ, на урокъ.

— Какіе ужъ это уроки съ обѣдами... замѣтила ему мать подозрительно.

Александръ Васильевичъ промолчалъ и, зайдя поздороваться къ отцу, прошелъ къ себѣ въ комнату. Оленька разговаривала въ это время съ Гришей, но при входѣ брата встала и ушла: она раздѣляла, отчасти, неудовольствіе на него матери.

— Послушай, Свѣтловушка: сидитъ у тебя чтонибудь въ головѣ, въ последнее время? съ таинственнымъ видомъ спросилъ Ельниковъ у пріятели, едва тотъ переступилъ порогъ.

— То есть какъ „сидитъ?“—въ какомъ смыслѣ?

— Ужъ разумѣется, въ томъ смыслѣ, въ какомъ я только и могу спрашивать тебя, пояснилъ Анемподистъ Михайловичъ.

— А! Да; сидятъ, братъ, сидятъ—бесплатная школа, сказалъ Свѣтловъ.

— Вотъ и чудесно! Такъ я отъ тебя и ожидалъ! восторженно проговорилъ Ельниковъ.—У меня, братъ, тоже кое-что сидѣло въ головѣ на этихъ дняхъ, и сегодня вылѣзло наружу, наконецъ...

— Что такое? быстро спросилъ Александръ Васильевичъ.

— Надъ вратами тихаго пристанища моего, какъ сказала бы Созонова, отвынѣ красуется надпись: „Пріемъ бѣдныхъ больныхъ бесплатно и даровое оспопрививаніе, отъ 8 до 10 часовъ утра!“ торжественно-комично пояснилъ Анемподистъ Михайловичъ. Но радостное чувство Ельникова не могло укрыться, за этимъ умышленнымъ комизмомъ, отъ глазъ стараго, хорошо знавшаго его товарища.

— Наконецъ-то и ты, упорный противникъ филантропіи, встаешь на ея сторону! сказалъ Свѣтловъ, шутливо потрелавъ доктора по плечу.

— Да, какже! держи карманъ! вспыхнулъ Анемподистъ Михайловичъ.—Если я берусь даромъ пользоваться бѣдныхъ, то дѣлаю это съ единственной цѣлью пріучить ихъ лечиться; хочу, значить, заманить ихъ на даровщинку—вотъ что!

— А пріучать бѣдняковъ лечиться — развѣ не та же филантропія? возразилъ Александръ Васильевичъ.

— И все-таки, по моему, филантропія ваша есть и была — чужь! огрызся Ельниковъ.

— Что значить „филантропія“? спросилъ у него вдругъ Гриша.

— Это, батюшка, означаетъ переливанье изъ пустого въ перожное, причемъ кой-кому кое-что и въ ротъ перепадаетъ, нѣсколько сердито отвѣтилъ Анемподистъ Михайловичъ.

Свѣтловъ подробно и обстоятельно объяснилъ Гришѣ значеніе незнакомаго ему слова.

— Ну, да; это только красивѣе сказано, а суть-то все та же. Небось, вы теперь больше узнали? насмѣшливо обратился Ельниковъ къ Гришѣ.

Мальчикъ нерѣшительно смотрѣлъ на обоихъ, не зная, отвѣчать ли ему, или промолчать.

— Ну скажите мнѣ, пожалуйста, присталь къ нему Ельниковъ,—есть ли какойнибудь смыслъ въ томъ, что сегодня вамъ вотъ такой пророкъ, — Анемподистъ Михайловичъ указалъ на Свѣтло-

ва, — скажеть, что обидѣть человѣка, никто не имѣеть права, а завтра васъ все таки обидять?

— Если мнѣ растолкуютъ, такъ я въ другой разъ не поддамся, храбро возразилъ Гриша.

— Ну, ладно, согласился докторъ; — вотъ мы теперь вамъ это, положимъ, растолковали. А что если намъ придетъ въ голову обидѣть васъ... послѣ растолкованія-то?

— Я защищаться стану, сказалъ Гриша.

— Защищаться? Вотъ что! Да вѣдь, батюшка, мы вамъ ротъ и руки предварительно завяжемъ; на что другое, а на это ума нашего хватить.

— Я кричать буду, замѣтилъ мальчикъ.

— Съ завязаннымъ-то ртомъ? ядовито спросилъ Ельниковъ.

Гриша смотрѣлъ на него, широко открывъ глаза и жадно ловя каждое слово. Болѣзненное, желчное лицо доктора показалось ему удивительно привлекательнымъ въ эту минуту; раньше оно было какъ будто скучно, апатично. Мальчика глубоко поразили послѣднія слова Ельникова; они словно бурю подняли въ его, еще совершенно шаткихъ, понятіяхъ. Даже Свѣтловъ почувствовалъ себя не по привычѣ взволнованнымъ: онъ не могъ не согласиться во многомъ съ рѣзкимъ отзывомъ товарища.

— Такъ въ чемъ же исходъ-то по твоему? спросилъ у него Александръ Васильевичъ, печально опуская голову.

— O sancta simplicitas! воскликнулъ Ельниковъ. — Это значитъ: „святая простота“, поенилъ онъ Гришѣ. — И ты еще, Свѣтловушка, объ исходѣ помышляешь? Изойди кровью — вотъ тебѣ и исходъ весь.

Ельниковъ закаплялся въ платокъ, и съ какой-то невыразимой грустью мотнулъ головой присутствующимъ на проступившее у него, на платкѣ, алое пятнышко крови.

Гриша чуть не заплакалъ. Александръ Васильевичъ отвернувшись къ окну; жгучую слезу проглотилъ онъ въ эту минуту.

— Нѣтъ! сказалъ вдругъ Ельниковъ, приподнимаясь на диванѣ и смотря прямо въ глаза Свѣтлову, — ты правъ; надо дѣйствовать, надо работать всѣми силами ума и души, хотя бы на зло безнадежности!...

— Успокойся ты, ради Христа, Анемподистъ Михайлычъ! проговорилъ взволнованно Свѣтловъ, садясь возлѣ пріятеля.

— Успокоюсь, братъ; чувствую, что скоро успокоюсь!... съ той же невыразимой грустью сказалъ Ельниковъ. — Но будь увѣренъ, что пока мои легкія въ состояніи выработать изъ воздуха хоть одинъ граммъ кислорода—я не слою рукъ! Вотъ... передъ вами... еще все,—обратился онъ мягко, какъ женщина, къ Гришѣ:—передъ вами непочатый уголь надеждъ... Учитесь, батюшка, учитесь... сколько силъ у васъ хватить — учитесь! Мало ли что взбредешь иногда, особливо коли горько станеть,—вы это забудьте пока; не принимайте на вѣру; почему еще знать, кто ошибается—онъ или я... заключилъ Анемподистъ Михайловичъ, указавъ глазами на Свѣтлова. — Любимовы, такъ вотъ тѣ не ошибаются.

— Ну, мнѣ кажется, ты немного несправедливъ къ Любимову, замѣтилъ Свѣтловъ: — онъ очень хорошій человѣкъ.

— Да что въ его хорошествѣ-то? — прочно ли оно? Добрякъ онъ — это такъ, не спорю; а больше что же? Украсть онъ — не урадетъ, и не надуеъ никого, скорѣе его самого надуеъ; только вѣдь онъ ужъ и теперь вертится, ухитряется какъ-то такъ дѣлать, что и грызется съ начальствомъ, и любъ начальству. Барыши-то вотъ его заѣдаютъ шибко. Впрочемъ, это мое личное мнѣніе... А все-таки скажу, что поля онъ не нашего, хоть не теперь, а послѣ... проговорилъ задумчиво Ельниковъ.

— Да, грѣхъ этотъ, отчасти, и я за нимъ знаю, согласился Свѣтловъ.

— Евгений Петровичъ славный такой... застѣнчиво выразилъ свое мнѣніе Гриша.

— Да, онъ пріятный пріятный человѣкъ, замѣтилъ какъ бы про себя Анемподистъ Михайловичъ.

— Вотъ что, Ельниковъ, сказалъ Свѣтловъ, взявши товарища за руку;—завтра вечеромъ я къ тебѣ найду потолковать серьезно кое о чемъ, а сегодня извиняюсь передъ тобой: черезъ полчаса мнѣ на урокъ нужно.

— Что за извиненія; конечно, иди. Да ты неужто два раза въ день будешь у нихъ заниматься? удивился Анемподистъ Михайловичъ, обращая глаза на Гришу.

— Охъ, нѣтъ, я не къ нимъ. Видишь, двоюродная сестра у меня тутъ есть... помнишь наше общее сочиненіе?—письмо?

— Ну, какъ же, помню.

«Далю», № 2.

4

— Такъ вотъ я къ нимъ и иду. Я, видишь, устраиваю ей уроки, такъ надо ее немного подготовить къ нимъ; пріѣмовъ она еще совсѣмъ не знаетъ, а дѣвушка-то неглупая да и способная къ этому. Вчера я съ ней въ первый разъ началъ заниматься — ничего, отлично выходитъ, сказалъ Свѣтловъ, вставая, чтобъ закутить папиросу.

— Резонъ! замѣтилъ Ельниковъ;—прибавляй нашего полку. А вы не пойдете ли ко мнѣ чайку вдвоемъ напиться? обратился онъ къ Гришѣ.—Мнѣ сегодня, по правдѣ сказать, какъ-то не сидится одному: я было на него вонъ расчитывалъ, указалъ Анемподистъ Михайловичъ на Свѣтлова; — да видите, у него серьезное дѣло на рукахъ. Какъ вы думаете, а?

Гриша затруднился, но ему, очевидно, хотѣлось пойти.

— Мама вѣдь, я думаю, не будетъ о васъ безпокоиться, ободрить его Свѣтловъ;—она знаетъ, что вы со мной ушли.

— Она-то, я знаю, что ничего... сказалъ Гриша.

— Ну, значить, и рѣшено: пьемъ чай, заключилъ Ельниковъ, повеселѣвъ нѣсколько.

— Я общался познакомить васъ съ моими стариками, да они что-то не въ духѣ сегодня, такъ мы отложили это до другого раза, сообщилъ Александръ Васильевичъ Гришѣ, немного нахмурившись. Мальчикъ догадался, впрочемъ, что послѣднее не къ нему относится.

Поговоривъ еще съ четверть часа, они всѣ трое собрались идти.

— Вы, господа, выходите; я васъ догоню, замѣтилъ Свѣтловъ гостямъ, когда они одѣвались въ передней.

Тѣ вышли, а Александръ Васильевичъ прошелъ къ матери.

— До свиданія, мама! Я иду...

Онъ поцѣловалъ у нея руку.

— Не успѣлъ, батюшка, придти, да ужъ и опять идешь? спросила Ирина Васильевна съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Да дѣло есть мама. Кстати, тебѣ не нужно ли что нибудь передать Агнѣ Васильевнѣ: я къ нимъ.

— Только у тебя и ходьбы, что къ теткѣ Орликъ, отвѣтила старушка тѣмъ же тономъ; — ужъ и то родные-то пѣняли мнѣ вчера изъ-за тебя...

— Ну, пусть ихъ пѣвнютъ, мама; попѣвнютъ да и перестанутъ. Такъ тебѣ ничего не нужно передать? переспросилъ Свѣтловъ.

— А чего мнѣ ей заказывать? Кланяйся, сухо отвѣтила Ирина Васильевна.

— А Владимірка гдѣ—не видать? освѣдомился сынъ.

— Да гдѣ ему быть-то, какъ не въ банѣ, поди... Ужо надѣлаютъ они тамъ съ Ванькой пожаръ съ твоей химіей! замѣтила раздраженно мать.

Свѣтловъ ничего не сказалъ, и прошелъ къ отцу.

— А! Ужь и на всѣхъ парусахъ? сказалъ Василій Андреевичъ сыну, сосредоточенно набивая трубку. — Смотри, парень, на мель не попади, скоро-то плаваа...

— Я съ компасомъ, улыбнулся Александръ Васильевичъ.

— Извини, братецъ, — не догадался; примемъ къ свѣденію, торопливо проговорилъ старикъ, и въ голосъ его послышалась не то насмѣшка, не то обидчивость.

Александръ Васильевичъ чуть замѣтно нахмурился, но промолчалъ и вышелъ, еще разъ простившись съ отцомъ.

Ельниковъ и Гриша ожидали его среди двора, разговаривая о чемъ-то.

— Пойдите, я только брата отыщу, закричалъ имъ Свѣтловъ.

Онъ торопливо пошелъ къ банѣ, выстроенной на заднемъ дворѣ, за садомъ. Оказалось, что тамъ, дѣйствительно, идетъ дѣятельная работа. „Наилюбезный камердинеръ“ преусерднымъ образомъ толкоть что-то въ ступкѣ, а Владимірко не менѣе усердно просѣвалъ натолченное сѣвось обыкновенное сито.

— Что это вы тутъ стряпаете такое? подкрался къ нимъ незамѣтно Свѣтловъ.

Мальчуганы вздрогнули отъ неожиданности.

— А! Саша! закричалъ весело Владимірко, опрометью бросааясь къ брату, и въ одну минуту успѣлъ выначкать ему чѣмъ-то бѣлымъ пальто.

— Не прикасайся! сказалъ Александръ Васильевичъ, комично отстраняя его отъ себя двумя пальцами обѣихъ рукъ; — ты весь въ мукѣ, какъ мельникъ. Да что вы это сочиняете такое? обратился онъ уже къ „наилюбезному камердинеру“.

— Да вотъ баричъ хотятъ порохъ сдѣлать-съ... какъ-то смѣшно ухмыльнулся тотъ, и закосилъ глазами.

Свѣтловъ, не говоря ни слова, вышелъ, оставивъ маленькихъ лаборантовъ въ полнѣйшемъ недоумѣнн. Но черезъ минуту дѣло объяснилось: на порогѣ открытыхъ дверей бани показался сперва Ельниковъ, за нимъ Гриша, а наконецъ и самъ Александръ Васильевичъ.

— А! Химикъ, здорово! Помогай Богъ! сказалъ Анемподистъ Михайловичъ, смѣясь и протягивая руку совсѣмъ растерявшемуся Владиміръ.

„Химикъ“, впрочемъ, сконфузился не отъ присутствія Ельникова, съ которымъ онъ былъ уже хорошо знакомъ, а главное — смущалъ его крѣпко Гриша, какъ совершенно незнакомое лицо.

— Да вотъ подите-ка вы, утонитесь за ними... замѣтилъ Свѣтловъ гостямъ, раздражаясь самымъ веселымъ смѣхомъ. — Ты думаешь, чѣмъ они занимаются? обратился онъ къ доктору. — Порохъ, братъ, выдумываютъ!

Ельниковъ засмѣялся, а Гриша только улыбнулся недовѣрчиво.

— Вы не вѣрите, кажется? спросилъ у Гриши Свѣтловъ. — Вана! обратился онъ къ „наилюбезному камердинеру“: — вы что это дѣлаете?

— Порохъ-съ, бойко отвѣтилъ тотъ, попрежнему ухмыляясь и кося глазами.

— Что, батюшка? Вотъ и не вѣрите послѣ этого, сказала Ельниковъ, съ забавной серьезностью, удивленному Гришѣ.

Анемподистъ Михайловичъ съ Свѣтловымъ присѣли на лавку.

— А тамъ у васъ что? спросилъ Гриша Владимірку, указывая на покрытый синею бумагой горшокъ, стоявшій поодаль, на полу.

— Уголь толченый... отвѣтилъ застѣнчиво Владимірко.

— А тутъ? спросилъ снова Гриша, указавъ на другой горшокъ, поменьше, помѣщавшійся возлѣ перваго.

— Тутъ сѣра горячая, пояснилъ „химикъ“.

— А бѣлое-то это что? допытывался Гриша.

— Силитра-съ... подсказалъ Вана.

— Такъ только изъ этого и дѣлается порохъ? удивленно и крайне недовѣрчиво осведомился еще разъ Гриша.

— А какъ же? Тагъ и дѣлается, сталъ уже развязно объяснять ему Владимірко, вертясь въ своемъ халатикѣ, съ видомъ знатока,

между ситомъ и ступкой. — Селитры надо вотъ сколько взять, а угля вотъ сколько, а сѣры поменьше — вотъ сколько, показывалъ онъ. — Какъ растолчешь, взять да все вмѣстѣ и высыпать — размѣшать, а потомъ водой намочить, — такъ тѣсто будетъ; послѣ на терку положить да и продавливать: оно такъ, калачивами, изъ терки и выйдетъ. Ихъ, калачики-то, высушить надо; они потомъ сами на зернушки разсыплутся...

— И горѣть будетъ? спросилъ Гриша.

— Вчера горѣлъ, да худо; шипитъ только.

— Отчего „шипитъ“?

— Не просохъ, съ увѣренностью замѣтилъ Владимірко.

— А терка-то какая?

— Да которой Акулина папѣ рѣдку третъ.

Владимірко улыбнулся при этомъ и посмотрѣлъ на Гришу такимъ взглядомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „Э, братъ, хорошъ же ты, коли терки не знаешь!“

Тѣмъ не менѣе, послѣднее обстоятельство послужило къ сближенію мальчиковъ. Владимірко, чувствуя себя съ этой минуты какъ бы распорядителемъ завода, и снисходя къ невѣжеству посторонняго посѣтителя, едѣлся вдругъ какъ нельзя болѣе обязательнѣе въ отношеніи Гриши. Обязательность эта дошла наконецъ даже до того, что ему предложенъ былъ ломтикъ чернаго хлѣба съ масломъ — чѣмъ обыкновенно запасался „химикъ“, удаляясь на свои работы. Гриша хоть и отказался отъ хлѣба, но оцѣнилъ любезность маленькаго порохового заводчика.

— Приходи къ намъ, сказалъ онъ дружелюбно Владиміричъ, когда Свѣтловъ и Ельниковъ собрались идти.

— Да я не знаю, гдѣ вы живете... отвѣтилъ безъ прямого отвѣта Владимірко.

— Вотъ Александръ Васильевичъ знаетъ, замѣтилъ Гриша; — ты съ нимъ когда нибудь и приходи; да поскорѣе.

— Съ Сашей я придду, согласился Владимірко твердо.

Мальчики дружески простались. Ельниковъ на прощаньи взъерошилъ „химикку“ волосы, и при этомъ далъ обѣщаніе принести ему въ слѣдующій разъ какой-то „новый составъ для ракетъ“.

— Ну, ужъ вы!... только общаете все, а не приносите... ска-
заль Владимірко сердито-ласково.

Уходя, Александръ Васильевичъ пустилъ гостей впередъ, а самъ на минуту остался, и когда они ушли, пріятельски замѣтилъ брату, чтобъ тотъ всякій разъ сказывалъ ему, что намѣренъ дѣлать.

— Я всегда тебѣ съ удовольствіемъ покажу за что и какъ надо приняться, сказалъ онъ. — Вотъ и твой порохъ ты уже не зажигай безъ меня: это вѣдь все-таки опасная штука. Мама какъ узнаетъ, такъ пожалуй и не пуститъ тебя сюда въ другой разъ; а если ты будешь со мной совѣтоваться — и мама ничего не скажетъ, заключилъ Свѣтловъ.

— Да я сегодня, Саша, позабылъ тебѣ сказать...

— Ну ладно, прощай; только въ другой разъ помните и смотрите.

Свѣтловъ дружески потрепавъ брата по плечу, а Ваню по щекѣ, и ушелъ.

— Да вы очень-то не пачкайтесь, а то мнѣ отъ мамы за васъ достанется, закричалъ онъ имъ уже въ окно.

Александръ Васильевичъ догналъ своихъ гостей на улицѣ и проводилъ ихъ до угла ближайшаго переулка. Здѣсь они разстались. Ельниковъ, сейчасъ же послѣ того, вступилъ съ Гришей въ прерванный на время разговоръ, и продолжалъ его вплоть до своей квартиры, надъ воротами которой дѣйствительно красовалась те-перь извѣстная вывѣска. Дорогой, Анемподистъ Михайловичъ появился Гришѣ еще больше, а дома у него мальчикъ почувствовалъ себя какъ-то сразу своимъ человѣкомъ. Бѣдность обстановки доктора, его строгая простота во всемъ и грубоватая откровенность совершенно развязали Гришѣ языкъ и сердце. Онъ просидѣлъ у Ельникова незамѣтно весь вечеръ. Сперва за чаемъ жарко о чемъ-то поспорили. Анемподистъ Михайловичъ, разумѣется, провалилъ своего противника на всѣхъ пунктахъ; Гриша даже вспотѣлъ при этомъ, но не унялся: онъ еще разъ попробовалъ отстоять свою мысль, уже съ новой точки зрѣнія, но докторъ и на этотъ разъ провалилъ его, заставивъ снова вспотѣть.

— Это, батюшка, самое дѣйствительное потогонное средство, шутя замѣтилъ Ельниковъ гостю относительно ихъ спора.

Послѣ чаю, Анемподистъ Михайловичъ предложилъ Гришѣ порыться въ чемоданахъ съ книгами. Тотъ, конечно, сейчасъ же воспользовался этимъ: сталъ рыться, перечитывалъ заглавія, про-

бѣгалъ наскоро глазами страницу-другую каждой, наугадъ развернутой книги, кое-чѣмъ серьезно заинтересовался, и, въ заключеніе, попросилъ позволенія у Ельникова взять двѣ-три книги съ собой. Докторъ, безъ сомнѣнія, охотно согласился на это, но самъ отъ себя ничего ему не навязывалъ. Такъ какъ Гриша засидѣлся, такимъ образомъ, у своего новаго знакомаго довольно долго, то Анемподистъ Михайловичъ и вызвался проводить мальчика до дому, нарочно сказавъ ему, что имѣеть охоту погулять. Дорогой, у нихъ опять шли толки. Ельниковъ рассказывалъ, какъ они съ Свѣтловымъ учились въ гимназій, какія въ то время продѣлки устроивали вдвоемъ; потомъ докторъ сообщилъ Гришѣ не менѣе интересныя подробности о своей университетской жизни, о своихъ профессорахъ и товарищахъ, причѣмъ съ глубокимъ уваженіемъ и чувствомъ о Свѣтловѣ, замѣтивъ о немъ, между прочимъ, съ какой-то грустью: „Не у насъ бы только дѣйствовать этой благородной головѣ“. Разставаясь съ Ельниковымъ у воротъ своей квартиры, Гриша, совсѣмъ какъ взрослый, пригласилъ его: „Заходите когда нибудь и ко мнѣ“. Докторъ, въ свою очередь, принявъ это приглашеніе совершенно такъ, какъ еслибъ выслушалъ его отъ товарища.

— Только буде я не очень скоро найду къ вамъ, такъ знайте, что я сильно занятъ и не сочтите этого за нежеланіе съ моей стороны. Вы-то ко мнѣ заходите своимъ чередомъ, безъ церемоніи, да почаще, сказалъ онъ мальчику, въ послѣдній разъ пожимая ему руку.

Бойко вбѣжалъ Гриша въ себѣ въ комнаты. Обыкновенно молчаливый и несообщительный, онъ, въ этотъ разъ, безъ умолку проговорилъ до поздней ночи съ матерью, то передавая ей впечатлѣнія дня, то пересказывая, почти слово въ слово, свои споры съ Ельниковымъ. Лизавета Михайловна была уже въ постели, когда вернулся сынъ, и до этого времени нѣсколько беспокоилась его продолжительнымъ отсутствіемъ; но теперь, узнавъ въ чемъ дѣло, она была очень довольна.

Сообщая свои новости матери, Гриша прижостился на кровати, у ея ногъ, и никогда еще между ними не обнаруживалось такой теплой дружбы, такой полной откровенности...

ГЛАВА VIII.

Первые шипы семейной розы.

Какъ у молодыхъ супруговъ бываетъ, обыкновенно, свой, такъ называемый „медовый мѣсяцъ“, такъ точно и на долю молодежи, возвращающейся подъ домашній кровъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученья, выпадаетъ если не медовый мѣсяцъ, то, по крайней мѣрѣ, своя „медовая недѣля“. Считается она, разумѣется, со дня пріѣзда. Во все продолженіе этой счастливой недѣли, родители, обыкновенно, только тѣмъ и занимаются, что смотря въ глаза своему ненаглядному, возвратившемуся къ нимъ дѣтищу, стараюсь предупредить, по возможности, малѣйшія его желанія. Все, что водится рѣзкаго или упорнаго въ ихъ характерѣ и привычкахъ, какъ бы ступневывается въ эти дни, принимаетъ какую-то среднюю форму; старики отрѣшаются на время отъ своего обычнаго безъ-апелляціоннаго авторитета, точно молодѣютъ. Впрочемъ, въ подобной временной уступкѣ, кромѣ родительской любви, сказывается еще какъ бы чувство собственника. Оно, повидимому, странно, но совершенно вѣрно. Человѣческой натурѣ вообще свойственно нитать особенное расположеніе къ новинкѣ, хотя бы даже эта новинка предстала ей въ образѣ другого такого же человѣка. Приобрѣтя какую нибудь вещь, мы, первое время, обыкновенно, усиленно бережемъ ее, усиленно ею тѣшимся, пока глазъ не привыкнетъ къ новому предмету. Точно также поступаемъ мы и въ отношеніи незнакомаго или давно невиданнаго близкаго намъ лица, — и какъ разъ въ такое же положеніе попалъ, съ пріѣзда, и молодой Свѣтловъ: всю первую недѣлю старики только ухаживали за нимъ, стараясь либо не повертываться къ нему своими острыми углами, либо обходить его собственные острые углы. А эти острые углы неизбежно существуютъ въ каждомъ человѣкѣ по отношенію къ другому, и также неизбежно проявляются, едва только люди вступаютъ въ болѣе близкія или частыя сношенія другъ съ другомъ. Кто внимательно слѣдилъ за ходомъ нашего разказа, отъ того не могли ускользнуть, конечно, и нѣкоторая холодность, и то взаимное неудовольствіе между Александромъ Васильевичемъ и его стариками, какія успѣли проглянуть у нихъ въ послѣднихъ сценахъ. Чтобъ

уяснить себѣ такую переѣмку, намъ придется вернуться нѣсколько назадъ и сжато прослѣдить за всѣмъ тѣмъ, что могло ее вызвать. Этими ми и займемся въ настоящей главѣ.

Поджидая сына изъ Петербурга, Свѣтловы рассчитывали встрѣтить въ немъ, прежде всего, гордеца: по ихъ мнѣнію, онъ, какъ человѣкъ столичный и ученый, непремѣнно долженъ былъ отнестись свысока и насмѣшливо къ ихъ собственной неучености, къ ихъ простенькому провинціальному быту. Въ этомъ старики положительно ошиблись, и ошиблись вдвойнѣ: то, что Александръ Васильевичъ велъ себя просто, солидно, не мозоля никому глазъ своей ученостью, они, обрадовавшись, приняли за явный знакъ будущей безусловной покорности сына ихъ родительской волѣ. Такимъ образомъ, все шло отлично до перваго случая, когда Александру Васильевичу пришлось обнаружить, въ извѣстной степени, стойкость своего характера. Свѣтловъ, впрочемъ, очень внимательно выслушивалъ стариковскія замѣчанія и наставленія, но при этомъ, твердо высказавъ свое собственное мнѣніе, поступалъ по своему. Дѣлалъ онъ это спокойно, съ достоинствомъ и безъ особенной рѣзкости, къ которой бы можно было удобно придраться. Тамъ, гдѣ дѣло касалось только лично стариковъ, Александръ Васильевичъ ни во что не вмѣшивался и относился съ полнымъ уваженіемъ къ ихъ убѣжденію. Но когда интересы ихъ сталкивались съ интересами другой личности, въ ущербъ этой послѣдней, онъ спокойно заявлялъ право на уваженіе и къ его собственному убѣжденію, помогая обиженному отстаивать свои законныя выгоды. Стариковъ больше-то всего и раздражало именно то достоинство, съ какимъ велъ себя, въ отношеніи семьи, Александръ Васильевичъ: они ждали бы покровительствовать ему, и видѣли въ тоже время, что онъ несколько не нуждается въ этомъ покровительствѣ; однако, поведеніе такого рода не походило и на гордость, къ которой приготовились старики. Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, какъ Василій Андреевичъ, такъ и Ирина Васильевна, знавшіе по письмамъ нерасположеніе сына къ коронной службѣ, тайнѣ надѣялись, что съ пріѣздомъ его они успѣютъ общими силами побѣдить въ немъ это чувство, казавшееся имъ одной легкомысленной прихотью. По ихъ мнѣнію, молодой человѣкъ изъ благороднаго званія долженъ былъ непремѣнно служить; иначе, ра-

богай этотъ молодой человѣкъ хоть какъ воля, онъ все-таки оставался бы въ ихъ глазахъ не больше, какъ праздношатающимся. На занятіе сына литературой старики Свѣтловы смотрѣли еще менѣе одобрительно. „Сочинители, батюшка, всё были горькіе пьяницы; да и ужь занятіе ли это—все описывать да выставлять въ насмѣшку,“ — замѣчала не разъ Ирина Васильевна, съ пріѣзда, Александру Васильевичу, заставая его иногда ночью за письменной работой. Василій Андреевичъ хоть и не совсѣмъ раздѣлялъ мнѣніе жены на этотъ счетъ, тѣмъ не менѣе и онъ не одобрялъ такихъ занятій сына. „Еще попадешься, паревъ“, замѣчалъ ему обыкновенно старикъ. Но, главное, имъ не давали покою и огорчали ихъ безпрестанные вопросы родныхъ и знакомыхъ: „что, Василій Андреевичъ, не опредѣлили еще сына-то на службу?“ или: „какой у васъ молодецъ сынокъ-отъ, Ирина Васильевна; поди прямо чиновникомъ особыхъ порученій къ генераль-губернатору поступить? Пора бы ужь ему и послужить“. — Пускай отдохнетъ немного съ ученья“, какъ-то сдержанно отвѣчали старики на всё эти замѣчанія, и невесело опускали свои сѣдлы головы. Дѣло въ томъ, что они больше всего и прежде всего желали, чтобъ ихъ любимое дѣтище пользовалось въ родномъ городѣ общимъ заслуженнымъ почетомъ, — это было мечтой, маіей ихъ послѣднихъ лѣтъ, — а почетъ старики понимали только внѣшній, чиновный. Имъ, правда, то и дѣло приходилось слышать похвалы уму и образованію сына даже отъ такихъ почтенныхъ лицъ, на отзывы которыхъ они вполне полагались; но все-таки крупный чинъ или солидный орденъ на шеѣ не могли сравниться, въ ихъ глазахъ, ни съ какими восторженными похвалами. Эта черта противорѣчила, повидимому, и основному характеру Василья Андреевича, никогда некичавшагося своимъ статскимъ совѣтничествомъ, и убѣжденіямъ Ирины Васильевны, часто проповѣдывавшей евангельское смиреніе, тѣмъ не менѣе, черта эта существовала у нихъ: она вообще свойственна людямъ, поднявшимся изъ ничего до замѣтнаго положенія въ обществѣ.

И вотъ, въ началѣ третьей недѣли съ пріѣзда сына, старикъ Свѣтловъ, все о чемъ-то надумывавшійся передъ этимъ, вошелъ однажды вечеромъ къ нему въ кабинетъ, съ серьезнымъ, нѣсколь-

ко смущеннымъ лицомъ. Александръ Васильевичъ писалъ корреспонденцію въ Петербургъ.

— А я хотѣлъ съ тобой поговорить дѣломъ... сказалъ отецъ, садясь напротивъ сына, у стола, и сосредоточенно затягивался трубой.

— Что тебѣ угодно, папа? Я не особенно занятъ; это можно и завтра кончить, замѣтилъ Александръ Васильевичъ, указавъ на мелко-неписанный почтовый листъ бумаги большого формата и отложивъ его въ сторону.

— Ты вотъ все пишешь да пишешь, а когда же ты, парень, думаешь на службу поступить? спросилъ старикъ, стараясь не смотреть на сына.

Александра Васильевича не особенно удивилъ этотъ прямой вопросъ: раньше на него уже дѣлали нѣсколько темныхъ намековъ. Молодой человекъ подумалъ и отвѣчалъ твердо:

— Я совсѣмъ не думаю служить, папа.

— Не ду-у-маешь? угрюмо переспросилъ Василій Андреевичъ, растягивая это слово. — Вотъ тебѣ и разъ! Такъ ты о чемъ же думаешь-то послѣ этого? Дѣлать-то съ собой что хочешь?

— Какъ что? отвѣтилъ спокойно сынъ, — работать буду. Да я ужъ и теперь работаю; а вотъ скоро у меня еще и уроки будутъ, мнѣ ужъ обѣщали.

— Какіе же это такіе уроки, братецъ? Въ учителя, что ли, ты поступаешь?

— Да, дѣтей буду учить.

— Хорошо, дѣтей будешь учить... да служба-то эта какая, я спрашиваю: коронная, что ли? еще угрюмѣе спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, частная; я въ частныхъ домахъ буду заниматься.

— Немногого же ты, парень, хочешь! А жить-то ты чѣмъ будешь? замѣтилъ нѣсколько насмѣшливо Василій Андреевичъ.

— Этими и буду жить.

— Да вѣдь чудакъ ты, братецъ: служба-то вѣдь выгоднѣе; она тебя и на старости обезпечиваетъ.

— Можетъ быть, папа, что и выгоднѣе, но у меня нѣтъ къ ней охоты, по прежнему спокойно отвѣтилъ Александръ Васильевичъ.

Ирина Васильевна, сидѣвшая въ это время въ залѣ и слышавшая послѣднія слова сына, не утерпѣла и тотчасъ же появилась на порогѣ его комнаты, съ вязаньемъ въ рукахъ.

— Ну ужь, батюшка, выдумалъ же ты чего — уроками жить. Послѣднее дѣло; только насъ съ отцомъ осрамишь. Вонъ посмотрь-ри-ка у Падериныхъ-то сынъ: ужь на что они богачи, а тоже служить; университетскій, какъ ты же, не меньше тебя ученъ, сказала она, съ затаеннымъ раздраженіемъ въ голосъ, сыну.

— Постой, мать, дай намъ поговорить толкомъ, остановилъ ее Василій Андреевичъ.

Прина Васильевна ушла, приговаривая дорогой: „Ужь коли въ эти годы не служить, такъ чего и будетъ... выдумалъ что!“

— Тебѣ, парень, можетъ, проситься на службу не хочется, кланяться лѣнь, — такъ я самъ къ генераль-губернатору съѣзжу, а не то дядя Соснинъ вонъ похлопочетъ, замѣтилъ Василій Андреевичъ вкрадчиво сыну.

— Знаешь что я тебѣ скажу, папа, сказалъ Александръ Васильевичъ серьезно и твердо: — ты лучше оставь этотъ разговоръ въ покоѣ. У меня есть привычка — что сказать, то и сдѣлать: я тебѣ сказалъ, что не намѣренъ служить, — и не буду.

— Слоновъ станешь продавать, значитъ? ѣдко освѣдомился Василій Андреевичъ.

— А это ужь твое дѣло: думай, какъ хочешь.

— Такъ отецъ-то, по твоему, что же такое выходитъ? спросилъ отецъ, сурово насунивъ брови.

— Вотъ что, папа: ты напрасно не хмурься. Я — не пятилѣтній мальчикъ, а ты... ты очень хорошо знаешь, что я тебя люблю и уважаю, еще спокойнѣе замѣтилъ Александръ Васильевичъ.

— Миѣ, братецъ, изъ твоего уваженія не шубу шить. Не пятилѣтній мальчикъ! Выросъ какъ скоро! Чтожъ ты думаешь, у меня противъ тебя ужь и управы не найдется? еще суровѣе насунилъ брови Василій Андреевичъ.

Александръ Васильевичъ весь вспыхнулъ на минуту, и оглянулъ отца съ ногъ до головы.

— Что же ты этимъ хочешь сказать? проговорилъ онъ медленно и холодно.

— А то, что я заставляю тебя служить! прогремѣлъ старикъ, выходя изъ себя.

— А! сказалъ Александръ Васильевичъ, притягивая къ себѣ отложенный имъ въ сторону почтовый листъ бумаги, — это другое

дѣло. Я думалъ, что ты пришелъ поговорить со мной, какъ съ сыномъ, а ты, кажется, принимаешь меня за лакея, съ которымъ, впрочемъ, я такъ не заговорилъ бы; въ такомъ случаѣ, пожалуйста не мѣшай мнѣ: я живу исключительно работой.

Твердый, спокойный, полный достоинства тонъ, какимъ были сказаны эти слова, озадачили старика не на шутку. Онъ замѣтно сконфузился и какъ-то тревожно затынулся трубкой. Дѣло въ томъ, что Василій Андреевичъ хоть и зналъ раньше упрямото за сыномъ, но такой спокойной твердости отъ него не ожидалъ: ему до этой минуты какъ-то не приходило въ голову, что теперь передъ нимъ сидитъ далеко уже не тотъ Саша, котораго онъ, нѣкогда, безцеремонно дралъ за уши; а главное—въ словахъ сына старику послышался справедливый и чувствительный для родительскаго сердца упрекъ. „Я живу исключительно работой“, раздавалось у него въ ушахъ долго еще послѣ того, какъ были сказаны эти простые слова. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ могъ возразить противъ нихъ? Послѣдніе три года сынъ его учился на свои трудовыя деньги, упорно отказываясь отъ всякой помощи, и это случилось именно послѣ того, какъ мать ему написала разъ, что имъ трудно приходится жить теперь. Пріѣхалъ онъ изъ Петербурга тоже на свои средства. Если сынъ и пользуется пока даромъ ихъ столомъ и квартирой, то развѣ позволили бы ему они, Свѣтловы, платить за это? Онъ ужъ и безъ того далъ какъ-то матери двадцать пять рублей, сказавъ: „это, мама, на мой прихоти къ обѣду“. Съ пріѣзда, молодой человекъ даже не занялъ у него, отца, ни копѣйки. Всѣ эти мысли болѣзненно завертѣлись въ головѣ старика, пока онъ обдумывалъ что отвѣтить сыну на его послѣднее справедливое, какъ ему казалось, замѣчаніе.

— Мы, слава Богу, нарень, тебя еще, кажется, ничѣмъ не попрекали... надумался сказать наконецъ Василій Андреевичъ. Голосъ его слегка дрожалъ и звучалъ на этотъ разъ какъ-то тихо, примирительно.

— Я и не говорилъ этого, мягко замѣтилъ Александръ Васильевичъ.

— А ты вонъ отца-то изъ своей комнаты гонишь, не понимаю я, что-ли... продолжалъ старикъ обиженнымъ тономъ.

— Полноте, папа, мало ли что нечаянно съ языка сорвется, сказалъ сынъ.

— Вѣдь я тебѣ почему сталъ говорить? Къ твоей пользѣ говорилъ. Служи, не служи,—миѣ-то что! А тоже намъ обидно съ матерью, что вонъ и родственники, и знакомые о тебѣ все спрашиваютъ, скоро ли ты на службу поступишь.

— Да миѣ-то что за дѣло до этого? На мое жалованье, что ли, они рассчитываютъ? спросилъ нѣсколько раздраженно молодой Свѣтловъ.

— Безъ тебя, батюшка, жили—безъ тебя и проживутъ! замѣтила громко изъ залы Ириша Васильевна.

— И пусть ихъ живутъ, какъ знаютъ, отвѣтилъ ей вскользя Александръ Васильевичъ.—Вонъ ты, папа, до сѣдыхъ волосъ дожилъ, обратился онъ снова къ отцу, — а все еще, какъ видно, боишься того, что другіе про насъ скажутъ. Подумай-ко хорошенько: ладно ли это? Пришли тебѣ помочь эти *другіе*-то, когда приходилось плохо? Небось, всѣ попрягались...

— Это такъ-то такъ, парень.

— Ну вотъ то-то и есть. Чужіе, папа, мозги въ свою чашку перекладывать не приходится: не пожѣтятся. Вотъ родные-то обижаются, пожалуй, что ты самъ на рынокъ ходишь,—ты бы и послушался ихъ—не ходилъ бы. Посмотрѣлъ бы я, сталъ ли бы у тебя ввуснѣе обѣдъ тогда, сказалъ Александръ Васильевичъ, зажигая папиросу.

— Всего-то, парень, тоже не переслушаешь... замѣтилъ старикъ. Логика сына, очевидно, начинала дѣйствовать на него.

— Вотъ и я также думаю, молвилъ Александръ Васильевичъ.

— А все-таки, братецъ, служить необходимо, по моему... какъ-то уже нерѣшительно проговорилъ Василій Андреевичъ, съ минуту помолчавъ.

— Ну, это по твоему такъ, а по моему совсѣмъ иначе.

— Да что тебя служба-то съѣстъ что-ли? чуть-чуть повысилъ голосъ старикъ.

— А ты отчего въ прошлый разъ говорилъ, что еслибъ тебѣ пришлось начинать службу съ теперешнимъ умомъ, такъ ты ни за что бы не опредѣлился въ полицейскую службу? Вѣдь служилъ же ты по полиціи, не съѣла же она тебя? спросилъ сынъ.

— Хлопотно какъ-то замаялся старикъ.

— Ну, это ты хитришь: не въ хлопотности тутъ дѣло, а прежняя служба полицейская была пошлая, лакейства много требовала.

— Оно такъ-то такъ, братецъ; есть и это, что напрасно говорить... Да вѣдь ты любую службу-то выбирать можешь, куда-дакъ ты.

— Вотъ я такъ и сдѣлаю—и выберу: буду служить непосредственно обществу.

— Мудрено это что-то сказано, парень, замѣтилъ подозрительно Василій Андреевичъ.

— Ничего не мудрено. Ты вонъ не любишь же отъ перекупщиковъ покупать: дороже, говоришь, заплатишь; а я не хочу, чтобъ общество дороже платило за мой трудъ только потому, что онъ дойдетъ къ нему не прямо отъ меня, а изъ третьихъ да, пожалуй, еще и изъ пятыхъ рукъ, сказалъ Александръ Васильевичъ, задумчиво прислоняся головой къ спинкѣ кресла.

— Васъ, нынѣшнихъ ученыхъ, и не поймешь сразу, о чемъ вы говорите; смыслъ-то, я вижу, въ твоихъ словахъ есть, да вотъ раскопашь-то его не скоро. Ну, а кабы все-то по твоему рассуждали, кто же бы служить-то сталъ? Ты объ этомъ только, парень, подумай, замѣтилъ старикъ, и по лицу его чуть замѣтно проскользнула лукавая усмѣшка.

— Вонъ что ты выдумалъ! еще лукавѣе улыбнулся, въ свою очередь, Александръ Васильевичъ.—Тогда бы, папа, намъ и толковать съ тобой было теперь не о чемъ, потому что тогда и третьихъ рукъ не было бы...

— Ахъ, ты иностранецъ этакій! весело сказалъ вдругъ Василій Андреевичъ, и какая-то глубокая, сосредоточенная мысль озарила на минуту умное лицо старика.

Александръ Васильевичъ пристально посмотрѣлъ на отца.

— По миѣ все равно! Дѣлай, какъ знаешь; была бы, по пословицѣ, честь приложена, а отъ убытку Богъ избавилъ, продолжалъ тотъ не совсѣмъ спокойно, замѣтивъ пристальный взглядъ молодого Свѣтлова.—Я бы не сталъ и говорить-то объ этомъ, да видишь вонъ мать-то убивается. Съ тобой, парень, не столкуешь, видно.

Старикъ медленно приподнялся и также медленно вышелъ изъ

комнаты сына, нѣсколько разъ усиленно затянувшись изъ своей неизмѣнной трубки.

— Ну ужь, отецъ, и ты! шопотомъ напустилась на него въ залѣ Ирина Васильевна:—отличился батюшка! Правду Санька-то сказалъ, что до сѣднхъ волосъ дожилъ, а ума не нажилъ; чѣмъ бы припугнуть его хорошенько, а онъ съ нимъ же ласы сидитъ-точить! Онъ чего воображаетъ-то о себѣ много, нарочно громко продолжала старушка, чтобъ слышалъ сынъ, — онъ думаетъ, что выросъ, выучился, такъ ужь родители и заставить его не могутъ... Я бы, батюшка, и говорить-то съ нимъ не стала, по твоему, а вотъ просто взять да и опредѣлить его на службу! Вотъ онъ и узнаетъ тогда, какъ кобениться съ родителями-то!

— У тебя, мать, все „я бы“ да „я бы“! Поди вонъ да и разговаривай съ нимъ сама, коли я не умѣю. А чортъ его дери! обиженно-сердито проговорилъ старикъ, и быстро пройдя къ себѣ въ комнату, съ шумомъ захлопнулъ за собой дверь.

Василій Андреевичъ долго еще не ложился въ этотъ вечеръ, сидя одиноко въ своемъ кабинетѣ и сосредоточенно потягивая изъ своей коротенькой трубочки.

Тѣмъ и окончился этотъ рѣшительный, но неудачный приступъ стариковъ Свѣтловыхъ склонить сына къ поступленію на коронную службу. Но хотя ихъ послѣдній опытъ, повидимому, и довольно мирно прошелъ для Александра Васильевича, по крайней мѣрѣ, со стороны отца,—тѣмъ не менѣе, послѣдствія неудачи этого опыта не замедлили обнаружиться въ семьѣ съ слѣдующаго же дня. Сперва они выражались только нѣкоторой холодностью, выказанной стариками въ отношеніи сына; потомъ, мало-по-малу, холодность эта перешла въ раздраженность и придирчивость, свидѣтелями которыхъ мы были въ предыдущей главѣ. Оба эти чувства нашли себѣ пищу во многомъ, и то, что при другихъ обстоятельствахъ прошло бы незамѣченнымъ, теперь обращало на себя усиленное вниманіе стариковъ, возбуждая довольно открыто ихъ неудовольствіе. Позднее иногда возвращеніе сына домой трактовалось уже ими, какъ наклонность его къ безпорядочной жизни. „Кутить гдѣ нибудь“—угрюмо замѣчала о немъ, обыкновенно, Ирина Васильевна мужу, всякій разъ, какъ имъ приходилось ложиться спать не дождавшись прихода сына. А на другой день, когда на вопросъ ма-

тери, гдѣ онъ такъ долго пробылъ вчера, Александръ Васильевичъ спокойно отвѣчалъ: „У товарища засидѣлся“, — ему недовѣрчиво и довольно колко замѣчали: „Какіе ужъ это такіе товарищи, у которыхъ только по ночамъ собраніе бываетъ...“ Старики, разумѣется, покраснѣли бы до ушей, еслибъ при этомъ какое нибудь постороннее, заслуживающее ихъ полную довѣренность, лицо могло удобопонятно сообщить имъ, что Александръ Васильевичъ дѣйствительно просидѣлъ вчера, чуть ли не до утра, вдвоемъ съ Ельняковымъ, толкуя и споря о такихъ вопросахъ, отъ правильнаго разрѣшенія которыхъ зависитъ... ну хоть и благоденствіе многихъ домашнихъ уголковъ, въ родѣ семьи „тетки Орляхи“, наприимѣръ... Такого благодѣтельнаго лица, конечно, не оказывалось, и заблужденіе стариковъ росло съ каждымъ днемъ. Начались довольно прозрачныя намеки на то, что при такихъ порядкахъ — дескать — и прислуга жить не будетъ: изволь всякій разъ подниматься ночью. При первомъ же подобномъ намекѣ, Александръ Васильевичъ постѣшился успокоить домашнихъ, назначивъ отъ себя очень солидную прибавку къ жалованью прислуги. Но это не только не послужило ему въ пользу, а напротивъ, еще больше возбудило противъ него стариковъ: стали говорить, что съ его пріѣзда „прислуга совсѣмъ отъ рукъ отбилась, то ей нехорошо, другое неладно“: что она „только и слушаетъ, что пріѣзжій баричъ сважетъ“, и многое въ томъ же родѣ. Во всѣхъ этихъ жалобахъ была значительная доза сираведливости, но она относилась скорѣе къ чести Александра Васильевича, чѣмъ къ его осужденію. Прислуга дѣйствительно полюбила молодого Свѣтлова, увидѣвъ въ немъ отчасти своего надежнаго заступника; два-три случая осязательно показали ей, что теперь, при молодомъ баринѣ, ее не очень-то можно трактовать какъ безсловесное животное. И потому-то весьма многое изъ того, что дѣлалось для стариковъ Свѣтловыхъ неопрятно и съ ворчаньемъ, для Александра Васильевича исполнялось всегда добросовѣстно и не только съ охотой, но подчасъ даже и съ удовольствіемъ. Ужъ на что отпѣтымъ плутишкою считался въ домѣ „наилюбезнѣйшій камердинеръ“, а и на нежъ отразилось вліяніе новопрібывшаго члена свѣтловской семьи. У Ирины Васильевны сахаръ всегда запирался, а Ваня все-таки находилъ возможность вкрасть его и красть; у Александра же Васильевича въ комнатѣ постоянно

стоялъ, открыто на столѣ, цѣлый ящикъ папиросъ, никогда, разумѣется, не провѣрившихся, а между тѣмъ, ни одна папироска не исчезала изъ этого ящика безъ спроса, хотя Ваня и былъ до нихъ еще большій охотникъ, чѣмъ до сахару. Старикамъ „наилюбезный камердинеръ“ вралъ въ глаза, не краснѣя, при всякомъ удобномъ случаѣ, хотя бы того и не требовали его интересы; а Александру Васильевичу онъ, краснѣя, признавался въ своемъ враньѣ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда призваніе могло нанести рѣшительный вредъ этимъ интересамъ. Старики очень хорошо видѣли все это, но не могли ничего взять въ толкъ, и приписывали подобное обстоятельство „подачкамъ“, какъ называли они тѣ сверхштатные гривенники и пятаки, которые зарабатывалъ иногда Ваня, сбѣгавъ куда нибудь лишній разъ по порученію Александра Васильевича.

Ко всему этому прибавилось и еще одно обстоятельство, значительно усилившее неудовольствіе Свѣтловыхъ на сына. Въ числѣ немногихъ избранныхъ знакомыхъ, начавшихъ изрѣдка посѣщать Александра Васильевича съ пріѣзда, трое были изъ сосланныхъ въ Сибирь преступниковъ. Въ особенности, крѣпко не понравилось старикамъ посѣщеніе одного изъ нихъ, по фамиліи Варгунина, съ которымъ намъ придется поближе познакомиться въ слѣдующей главѣ. Сейчас же послѣ перваго визита этого господина, едва-только затворилась дверь за нимъ, Ирина Васильевна, замѣтно встревоженная, вошла въ комнату сына.

— Кого ты еще, батюшка, къ себѣ наведешь послѣ этого?.. обратилась она къ сыну, вся вспыхнувъ.

Александръ Васильевичъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Я тебя не понимаю, мама, сказалъ онъ, собирая со стола какія-то бумаги.

— Чего тутъ не понимать-то, не маленькій, слава Богу! зашѣтила ему мать съ сильной досадой въ голосъ. — Это вѣдь у тебя Варгуинъ былъ?

— Ну да, онъ, такъ что же?

— Какъ „что же?“ А то же, что ему нечего бывать здѣсь!

— Это почему? удивился сынъ. — Я самъ его пригласилъ; а съ нимъ знакомъ.

— А коли и познакомился, такъ ужъ извини, батюшка, ходи

къ нему самъ, коли хочешь, а къ намъ его не води, нечего ему у насъ дѣлать...

— Что такое! Да говори, мама, пожалуйста, яснѣе, сказалъ Александръ Васильевичъ, нетерпѣливо останавливаясь передъ матерью.

— А то... Ты развѣ, батюшка, не знаешь, на что онъ покушался? спросила Ирина Васильевна, и лицо ея приняло какое-то испуганное, тревожное выраженіе.

Александръ Васильевичъ улыбнулся.

— Вонъ что ты, мама! Да мало ли это на что покушался, молвилъ онъ весело;— а теперь не покушается. Ты вонъ, пожалуй, сама же рассказывала, что я, когда былъ еще мальчуганомъ, покушался воровать у тебя, въ постъ, сливки изъ кладовой, такъ меня, по твоему, и теперь въ кладовую пускать нельзя? И теперь я, по твоему, воръ выхожу?

— Толкуй съ тобой! Ты вотъ этакъ-то, батюшка, всегда и отдѣлываешься ото всего, замѣтила съ неудовольствіемъ Ирина Васильевна.

— Да вѣдь нельзя же двѣ шкуры съ одного вола драть. Меня, за покушеніе украсть у тебя сливки, ты поставила, я помню, въ уголъ; ну, я отстоялъ сколько слѣдовало, и дѣло съ концомъ. Не поставишь же ты меня теперь снова въ уголъ за тоже самое? Такъ и Варгунинъ. Ты говоришь, онъ покушался на что-то; ну, его за это вотъ и сослали въ работы. Теперь онъ срокъ свой отработалъ, поселенъ здѣсь... Стало быть, нечего и поминать о прошломъ. А иначе и житья бы на свѣтѣ никому не было, сказалъ Александръ Васильевичъ, смотря матери прямо въ глаза.

— Какое же ужъ это, Санька, сравненіе: то сливки, а то... чего ужъ ты, батюшка, выдумалъ опять! какъ-то смущенно проговорила Ирина Васильевна, поправляя чепецъ на головѣ.

— Тутъ, видишь ли, мама, дѣло не въ сливкахъ, разумѣется, а въ томъ, что нехорошо попрекать человѣка тѣмъ, за что онъ уже разъ понесъ наказаніе. Вѣдь человѣка для чего наказываютъ? Для того, конечно, чтобъ онъ исправился. А какже онъ исправится, коли ты его къ себѣ непустишь, я не пушчу, другой не пустить? Этакъ и самый смиренный человѣкъ озлиться можетъ, — ты подумай-ка объ этомъ.

— Нельзя же, батюшка, изъ-за него да всёхъ заставлятъ въ петлю дѣзть...

— Да кто же тебя заставляетъ дѣзть въ петлю, мама? Это совершенно отъ тебя самой зависитъ. Ты помнишь, у насъ, передъ новымъ отбѣздомъ, работникъ жилъ, Иванъ кажется, сосланный сюда за убійство? Онъ у насъ больше двухъ лѣтъ жилъ, и ты, я помню, очень его любила и жалѣла... сказалъ Александръ Васильевичъ задумчиво.

— Такъ опъ-то, батюшка, по несчастю вѣдь, слабо возрадила Ирина Васильевна.

— А ты почему знаешь, что и Варгуниъ не по несчастю здѣсь? Вѣдь всё по несчастю, еще задумчивѣе отвѣтилъ ей сынъ.

— Правду отецъ-то говорить, что съ тобой, Санька, толковать, такъ прежде пообѣдать надо. А ужъ ты, батюшка, какъ тамъ ни разсуждай, а къ намъ его не води! сказала старушка довольно рѣшительно.

— Ты, мама, конечно, имѣешь полное право распоряжаться у себя дома, какъ хочешь. Но я полагаю, что если вы отдали мнѣ вотъ эту комнату, то я могу принимать въ ней, кого мнѣ угодно. Теперь оказывается, что я пользуюсь ею не даромъ, а на такихъ условіяхъ, которыя дороже для меня всякой платы... Ну, что же дѣлать, мы стѣснять другъ друга не будемъ: я переѣду на квартиру, не менѣе рѣшительно произнесъ Александръ Васильевичъ.

Старушка вспыхнула вся, и не найдясь сразу, только растерянно какъ-то развела руками.

— Такъ это ты, Санька, хочешь насъ съ отцомъ-то на Варгунина какого нибудь промѣнять? спросила она наконецъ, и голосъ ея дрогнулъ, а на глазахъ навернулись слезы.

Александръ Васильевичу, повидимому, тоже не легко было въ эту минуту; онъ хотъ и пересилилъ себя, но голосъ его замѣтно дрожжалъ, когда онъ отвѣчалъ матери:

— Ты, мама, прежде всего успокойся и выслушай меня хорошенько. Мнѣ нѣтъ надобности увѣрять тебя, что я никогда и ни на кого васъ не промѣняю, ты сама очень хорошо это знаешь; по крайней мѣрѣ, тебѣ пора бы ужъ убѣдиться въ этомъ: случаевъ вѣдь много было. Но пойми, что также какъ у тебя есть потребность, чтобъ тебѣ никто не мѣшалъ распоряжаться въ своемъ

уголбу, и у меня есть точно такая же потребность. Ты помотри-ка на меня хорошенько, пристальнѣе: я вѣдь ужъ не маленькій, не ребенокъ. Ты разсуди; я прожилъ безъ васъ десять лѣтъ, и въ эти десять лѣтъ только я одинъ—я самъ—слѣдилъ за собой, поправлялъ себя. Изъ-за шести тысячъ верстъ за совѣтами къ вамъ бѣгать не приходилось. Въ эти десять лѣтъ я знакомился съ вѣмъ мнѣ хотѣлось, принималъ у себя кого хотѣлъ, и ты не скажешь... ты не въ правѣ сказать, что недовольна мной, что должна краснѣть за меня! Ты этого не можешь сказать... Какъ ты требуешь, посуди сама, чтобъ я отказался отъ такой привычки, которая всосалась мнѣ въ плоть и кровь, и только вмѣстѣ съ ними можетъ быть вырвана изъ меня?.. Неужели ты думаешь, что для меня не составило бы особеннаго удовольствія исполнить всякую твою просьбу... все, что только я могу сдѣлать, не грѣша передъ своими убѣжденіями? Лучше ужъ намъ жить врознь да въ мирѣ, чѣмъ ссориться поминутно изъ-за пустяковъ...

Ирина Васильевна плакала. Она безсильно какъ-то склонила свою сѣдую голову, скрестивъ на груди руки.

— Полно, мама, не плачь, продолжалъ черезъ минуту, уже спокойнѣе, Свѣтловъ, ласкался къ старушкѣ; — намъ вѣдь это не къ особенному спѣху. Мы объ этомъ еще успѣемъ потолковать, поразсудить спокойнѣе; еще все можетъ уладиться отлично...

— Чего тогда родня-то скажутъ, батюшка? Сколько лѣтъ, скажутъ, не видались съ сыномъ... ждали, ждали... а онъ... не договорила старушка и залилась слезами.

— Ну, мама, не до родныхъ намъ теперь, когда у насъ самихъ въ домѣ слезы... тревожно и мягко сказала Александръ Васильевичъ, опустивъ голову на плечо матери. — Давно ли радости были, а вотъ ужъ и слезы... Напрасно пріѣхаль, значить? спросилъ онъ тихо.

Ирина Васильевна улыбнулась сквозь слезы, и молча, но горячо поцѣловала сына въ голову.

— Вѣдь вонъ ты какой ласковый, Санька, когда захочешь... сказала она погодя, давъ пройти волненію и слезамъ. — Вотъ то-то, батюшка, и худо, что я на тебя и сердиться-то не могу хорошенько: посержусь-посержусь да опять и перестану. Какія вы нынче, право, стали, молодые люди: не сговоришь съ вами...

Пускай ужъ онъ ходитъ, что ли, этотъ, прости Господи, косматый-то?.. какъ бы просительно замѣтила старушка.

Александръ Васильевичъ поцѣловалъ ее и успокоилъ. Но Ирина Васильевна даже и во все продолженіе слѣдующаго дня не могла выбросить этого разговора изъ памяти.

Какъ бы то ни было, неудовольствіе стариковъ Свѣтловыхъ на сына являлось еще понятнымъ или объяснимымъ, по крайней мѣрѣ. Но ужъ совсѣмъ загадочно было въ этомъ отношеніи поведеніе Оленьки, которая вдругъ, при первомъ же семейномъ облачкѣ, перешла на ихъ сторону, отвернувшись такъ сказать отъ молодой свѣтловской партіи, хотя и должна была принадлежать къ ней уже по одному естественному праву возраста; она, въ этомъ случаѣ, явилась живымъ контрастомъ Владимірки, стоявшаго горой за брата. Неудовольствіе Оленьки на Александра Васильевича выразилось очень замѣтно. Правда, она и прежде, съ самаго прѣзда молодого человѣка, относилась къ нему сдержанно-ласково; но теперь эта сдержанность перешла у ней въ очевидную сухость, а подчасъ даже и въ какое-то пренебрежительное обращеніе съ нимъ. Никакихъ видимыхъ причинъ на это не было. Александръ Васильевичъ велъ себя съ сестрой также внимательно, какъ и съ остальными членами семьи; первоначально онъ даже оказывалъ дѣвчискіе нѣкоторое предпочтеніе передъ ними, проводя съ ней цѣлые вечера въ своей комнатѣ либо за чтеніемъ, либо за спорами. Но книги брата не нравились Оленькѣ, или, вѣрнѣе сказать, не производили на нее ровно никакого впечатлѣнія: въ одно ухо впустить и тотчасъ же выпустить въ другое; его идеи казались ей дикими и, по меньшей мѣрѣ, забавными; спорила она съ нимъ всегда какъ-то неохотно, вяло, точно и спорить незачѣмъ было. Замѣтивъ это, Александръ Васильевичъ удивился и перемѣнилъ тактику: сталъ спорить съ сестрой только тогда, когда она сама начинала; читалъ съ ней только при ясно-выраженномъ на это желаніи съ ея стороны. Свѣтловъ боялся, чтобъ мысль, что онъ собирается учить ее, не отбила у ней на первыхъ же порахъ охоты заниматься съ нимъ, и потому, въ послѣднее время, просто предоставилъ въ ея распоряженіе всѣ свои книги, не указывая на одну съ особенной рекомендаціей. А книги все-таки не трогались съ мѣста; Оленька даже и не прикоснулась къ нимъ, точно

это были такія вещи, въ которыхъ она давно знала все наизусть, или такія, что о нихъ и понятія имѣть не стоило. Однакожь, все это было своимъ чередомъ, и отсюда, повидимому, отнюдь не могла вытекать причина ея неудовольствія на брата. Если въ ихъ отношеніяхъ и можно было найти вѣчто подобное тому, что обыкновенно называютъ размолвкой, то развѣ слѣдующій случай. Свѣтловъ засталъ какъ-то сестру за чтеніемъ журнала „Pour tous“ — любимымъ развлеченіемъ Оленьки.

— Охота тебѣ, Оля, всякую дребедень читать, сказалъ ей Александръ Васильевичъ, мелькомъ взглянувъ на заглавіе.

— А я ужъ три года читаю эту дребедень, — отвѣтила она крайне обидчиво и сдѣлавъ особенное удареніе на словахъ „я“ и „дреденень“.

— Тѣмъ хуже для тебя, замѣтилъ ей холодно братъ, и больше не сказалъ ни слова.

Она промолчала, очевидно, надувшись.

Но развѣ подобное ничтожное обстоятельство могло вызвать въ Оленькѣ столь постоянное и такое серьезное неудовольствіе на брата, какое онъ замѣчалъ за ней въ послѣднее время? Можетъ быть — нѣтъ, а можетъ быть — и да. Вѣрнѣе всего, что именно въ этомъ-то ничтожномъ обстоятельствѣ и зародилось первое сѣмячко того яблова раздора, которое встало, впоследствии, непроходимой стѣной между ними. По всей вѣроятности, неудовольствіе стариковъ Свѣтловыхъ на сына только дало Оленькѣ канву для разработки ея собственной неприязни къ нему, доставило ей такъ сказать возможность имѣть на эту неприязнь болѣе приличныя и осязательныя, по ея мнѣнію, причины. Дѣвушка могла бы еще помириться съ чѣмъ угодно въ поступкахъ и мнѣніяхъ брата, но Александръ Васильевичъ наступилъ нечаянно на самое больное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое дорогое ея мѣсто: онъ задѣлъ ея полуфранцузское воспитаніе, на которое она смотрѣла, какъ на вершъ совершенства. И вотъ Оленька упорнѣе принялась доваивать это воспитаніе, не простивъ никогда брату его невольнаго промаха. Онъ и самъ увидѣлъ это впоследствии, и самъ спохватился, но уже тогда, когда дѣло было непоправимо.

Въ эти невеселые дни домашнихъ размолвокъ и недомолвокъ, Александръ Васильевичъ не разъ, заглянувъ случайно въ зеркало,

вспоминалъ съ улыбкой „укусъ“ дяди Соснина, и ему частенько таки приходили въ голову насмѣшливыя слова старика, что „у семейной розы шиповъ не оберешься...“

IX.

Матвѣй Николаевичъ Варгунинъ.

Прошла еще недѣля.

Однажды, часовъ около восьми вечера, когда стариковъ Свѣтловыхъ не было дома, а молодой Свѣтловъ только-что собрался куда-то идти и уже надѣвалъ въ передней пальто, туда вошелъ, или, вѣрнѣе сказать, вбѣжалъ, запыхавшись, мужчина огромнаго роста, въ безпорядочно-накинутомъ черномъ плащѣ. Это былъ именно Матвѣй Николаевичъ Варгунинъ, тотъ самый, изъ-за котораго Ирина Васильевна пролила такъ много слезъ недѣли за двѣ передъ этимъ.

— Кричите, батенька: побѣда! замахалъ онъ руками Свѣтлову, торопливо и небрежно сбрасывая на полъ свой плащъ.

— Побѣда! закричалъ шутливо Свѣтловъ.

Они смѣясь поздоровались и прошли въ кабинетъ къ Александру Васильевичу.

— Дайте папироску, и пока я ее не выкурю, ни о чемъ меня не спрашивайте: часа два не курить! замѣтилъ Варгунинъ хозяину, безцеремонно растянувшись на его диванѣ во весь свой исполинскій ростъ.

Мы воспользуемся этой минутой и познакомимся съ наружностью гостя. Варгунинъ, прежде всего, былъ какъ-то весь пропорционаленъ въ своихъ массивныхъ частяхъ. Оттого огромная, косматая голова его съ перваго взгляда нисколько не казалась огромной; только увидѣвши Матвѣя Николаевича рядомъ съ другимъ человекомъ, можно было усмотрѣть это качество во всей полнотѣ. Небрежно зачесанные назадъ, черные, съ частой просѣдью, длинные волосы вились у него въ безпорядкѣ по плечамъ, рельефно отгнѣнная высокій, чрезвычайной бѣлизны лобъ, перерѣзанный надъ самыми бровями глубокой морщиной. Изъ-подъ этихъ тонкихъ, со-

вершено еще черныхъ, бровей задумчиво смотрѣли предестные голубые глаза, удивительно сохранившіе юношескую свѣжесть; выраженіе ихъ было переменчиво и нѣсколько странно: то въ нихъ проглядывала робкая, почти женственная мягкость, то гордость и отвага знающаго себя цѣну мужчины. Но замѣчательнѣе всего была у Варгунина улыбка, такая же непостоянная, какъ и выраженіе глазъ, она чуть смѣилась насмѣшливо гдѣ-то около скуль, то до самыхъ этихъ скуль добродушно открывала широкій ротъ, окаймленный крупными, но очень красивыми и правильными губами. Вообще же наружность Матвѣя Николаевича, оригинальная и привлекательная, представляла изъ себя смѣсь чего-то дѣтски-простодушнаго съ умнымъ и сильнымъ.

— Слушайте, Свѣтловъ, сказалъ онъ вдругъ, затянувшись въ послѣдній разъ папирской: — сколько, вы говорите, платять въ годъ вашему отцу за большой домъ? Я позабылъ.

— Двѣсти пятьдесятъ рублей. А что? отвѣтилъ Александръ Васильевичъ, не придавая, очевидно, никакого особеннаго значенія вопросу Варгунина.

Тотъ улыбнулся своей широкой улыбкой.

— Видите, что это такое? спросилъ онъ, вынимая изъ кармана толстую пачку денегъ и показывая ее Александру Васильевичу.

— Деньги, разумѣется, сказалъ, спойкой улыбувшись, Свѣтловъ.

— Это и слѣпой, батенька скажетъ, что деньги. А я вамъ скажу, что это наша... или лучше сказать, ваша... бесплатная школа! торжественно проговорилъ Варгунинь.

Свѣтловъ замѣтно измѣнился въ лицѣ, и посмотрѣлъ на гостя такимъ взглядомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „Не грѣхъ вамъ шутить подобными вещами?“

— Да вы что, въ самомъ дѣлѣ!—не вѣрите? сказалъ Матвѣй Николаевичъ, потрясая ассигнаціями.

— Но... возразилъ было, і окрасивъ, Александръ Васильевичъ.

— Теперь эта грамаитическая частичка совершенно лишняя... Слушайте-ка, батенька, лучше! быстро прервалъ его Варгунинь, откидывая назадъ волосы движеніемъ головы. — Когда вы мнѣ въ прошлый разъ сообщили планъ своей бесплатной школы, я тогда же вошелъ во вкусъ его, только промолчалъ: что по-пусту языкъ

мозолить. Вы намекнули... или нѣтъ—что я!—вы просто соображали, что хорошо бы было, еслибъ вамъ заработать поскорѣе столько деньжонокъ, чтобъ имѣть возможность переѣхать въ большой домъ, а здѣсь, во флигелѣ, устроить школу... такъ ли? Ну-съ, хорошо-съ. Денегъ этихъ вы еще не скоро дождетесь, а между тѣмъ, мнѣ припала охота примазаться къ вамъ въ компанію... Пойдите, не перебивайте меня, остановилъ Матвѣй Николаевичъ Свѣтлова, замѣтивъ, что тотъ собирается что-то сказать;—припала, я говорю, и мнѣ охота... А охота, батенька, дѣло великое. У меня самого такихъ денегъ, разумѣется, не нашлось лишнихъ. Ну-съ, хорошо-съ. Такъ вотъ-съ я и обратился къ одному... подходящему человѣчку... Да уберите, пожалуйста, съ вашего лица невужныя черты удивленія!—къ подходящему человѣчку, говорю, обратился. Подходящій человѣчекъ оказался не скотъ, что я и предполагалъ, впрочемъ: далъ мнѣ вотъ эти триста рублей на школу,—чувствуете? Стало быть, батенька, вамъ остается только переговорить со своими стариками, уломать ихъ переѣхать въ большой домъ, а рѣчь на счетъ убытковъ прикрыть двумястами пятьюдесятью рублями изъ этихъ денегъ. Теперь можете даже многоглагольствовать.

Свѣтловъ, весь встревоженный и обрадованный, бросился сперва на шею къ Варгунину, а потомъ сталъ крѣпко жать ему руку.

— Только руку, батенька, мнѣ не изломайте.... чуть-насмѣшливо улыбнулся Матвѣй Николаевичъ, растроганный и самъ не менѣе хозяина.

— Я просто не знаю, какъ васъ и благодарить! сказалъ Александръ Васильевичъ, садясь возлѣ гостя;—вѣдь это прелесть—что вы совершили!

— Ну... благодарность-то вы можете въ сторону... оно вѣдь не для васъ и сдѣлано, замѣтилъ Варгунинъ, дружески обнявъ молодого человѣка.

— Какъ это вы ухитрились такъ скоро все обработать? Сегодня я меньше чѣмъ когда нибудь былъ приготовленъ къ сюрпризамъ, особенно къ такому... Вотъ вы обрадовали-то меня, Матвѣй Николаевичъ! Не повѣрите, я просто самъ не свой отъ удовольствія! говорилъ Свѣтловъ, продолжалъ, отъ времени до времени, пожимать гостю руку.—Чѣмъ же бы намъ отпраздновать сегодняшній, замѣ-

чательный для меня вечеръ? А непременно стоитъ отпраздновать! Давайте-ка, выпьемте какого нибудь вина, а?

— А что же, отчего бы и нѣтъ? Выпьемте. Вспрыски, стало быть, устроимъ, по русскому обыновенію. Обычай старый... да вѣдь и все не ново. Идуть!

— Чего же мы выпьемъ? спросилъ Свѣтловъ у гостя. — Выборъ вашъ: вы виновникъ сегодняшняго торжества.

— Ну, ладно, пусть мой будетъ. Такъ развѣ бутылочки двѣ рейнвейну разоьемъ. Какъ думаете?

— Я сказала, что выборъ вашъ.

— Валайте рейнвейну, рѣшилъ Варгунинъ.

Онъ сталъ рыться у себя въ бумажникѣ.

— Вы что это хотите?... Ужь и на этотъ разъ не припала ли вамъ охота примазаться въ компанію? обратился къ нему ребячески-испуганно Свѣтловъ.

— Батенька, у меня ужъ такой обычай, замѣтилъ Матвѣй Николаевичъ, вынувъ трехрублевую бумажку.

— Полноте! вы меня обидите... сказалъ Александръ Васильевичъ.

— А въ противномъ случаѣ я себя обижу: у меня законъ — пить и ѣсть что бы то ни было на свой счетъ, серьезно возразилъ Варгунинъ.

— Ну измѣните сегодня вашъ законъ... убѣдительно попросилъ хозяйнѣ.

— Полноте-ка, батенька, и вамъ о пустякахъ толковать. Вы думаете, я церемонюсь? Какъ бы не такъ, стану я церемониться! Что прикажете дѣлать, коли у человѣка такое правило, пояснилъ Матвѣй Николаевичъ.

— Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Свѣтловъ, нехоти взявъ у него изъ рукъ деньги, — пусть будетъ по вашему: сегодня я не въ состояніи ни въ чемъ отказать вамъ, — и вышелъ распорядиться.

— Кстати, вы познакомитесь сейчасъ и съ моимъ старымъ товарищемъ — Ельняковымъ: помните, я вамъ еще говорилъ о немъ? Я за нимъ послалъ, сообщилъ Александръ Васильевичъ гостю, вернувшись къ нему черезъ нѣсколько минутъ.

— И умно, батенька, сдѣлали: у меня сегодня есть-таки охота покалякать, замѣтилъ Варгунинъ.

Начались толки о будущей школѣ. Свѣтловъ увлекся и гово-

рилъ очень много, развивая Матвѣю Николаевичу подробности своего плана; онъ только одного боялся, что старики сильно заупрямятся. Варгунинъ доказывалъ, что это собственно пустяки, а главное — разрѣшить ли школу? Александръ Васильевичъ намекнулъ гостю, что можно написать кое-кому въ Петербургъ объ этомъ дѣлѣ, а оттуда-то ужъ подтолкнуть кого слѣдуетъ; что у него есть тамъ довольно вѣская рука. Порѣшили, между прочимъ, устроить литературный вечеръ на первое обзаведеніе школы всѣмъ необходимымъ; Варгунинъ взялся выхлопотать для этого залу благороднаго собранія и раздать половину билетовъ. Перебрали всѣхъ, кто можетъ быть у нихъ учителями; оказалось, что недостатка въ послѣднихъ не будетъ. Тѣмъ временемъ на столѣ появились три бутылки рейнвейна, а почти вельдѣ за ними пришелъ и Ельниковъ.

— Эге! Да ты, никакъ, пьянство, Свѣтловушка, учишься! спросилъ онъ у пріятеля, здоровался съ нимъ и искося поглядывая на бутылки.

Александръ Васильевичъ объяснилъ доктору причину ихъ сегоднешняго торжества, и какъ главнаго виновника этого торжества, представилъ ему Матвѣя Николаевича.

— Васъ, батюшка, за такое дѣло на томъ свѣтѣ горячей сковороды избавятъ, весело сказалъ Анемподистъ Михайловичъ Варгунину и крѣпко пожалъ ему руку.

— Ну, батенька, меня какъ ни поджаривай, а все бифштексъ-то съ кровью выйдетъ... широко улыбнулся тотъ. Онъ сказалъ это съ такимъ юношескимъ задоромъ, что трудно было бы повѣрить, что старику ужъ за пятьдесятъ стукнуло.

Свѣтловъ разлилъ вино въ стаканы и пригласилъ гостей къ столу. Усѣлись. Но не прошло и минуты, какъ Ельниковъ слова всталъ, и поднявъ высоко кверху свой стаканъ, какъ-то шуточно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, горько-воодушевленно сказалъ:

— Милостивые государи! Надѣюсь, что вы не взмучите съ меня, если я не буду рѣчиствъ. Краснорѣчивымъ ораторомъ я былъ только тогда, когда меня драли въ школѣ. Я не хочу этимъ сказать, чтобъ то былъ самый лучший способъ развитія дара слова, но я желаю напомнить вамъ, изъ какой школы пришлось выйти намъ самимъ. Слѣдуетъ думать, что сохраненіемъ нашихъ мозговъ въ порядкѣ мы исключительно обязаны слѣбному случаю: одинъ изъ

моихъ умѣйшихъ товарищей, къ которому не пришелъ на выручку этотъ слѣпышъ — уже помѣшанъ. Вашъ покорный слуга... да не смѣши, Свѣтловушка! — если и вынесъ изъ школы нѣкоторыя серьезныя знанія, то во-первыхъ, онъ откопалъ ихъ тамъ самостоятельно, гдѣ-то въ заднемъ углу, чуть ли не подъ печкой, а вторыхъ, розыски сіи довели его до... кровохарканья. Приглашаю васъ серьезно подумать обо всемъ, мною сказанномъ, и пью отъ всего сердца за то, чтобъ школа ваша вносила ужъ и душу въ человѣка, а не отнимала ихъ у него!

Ельниковъ звонко чокнулся съ компаніей, залпомъ выпилъ свой стаканъ и заеаялся.

— Аминь! сказали въ одинъ голосъ Свѣтловъ и Варгунинъ, и дружно послѣдовали его примѣру; затѣмъ, каждый изъ нихъ, поочередно, обнялъ по-братски встревоженнаго доктора.

— Ужъ если на то пошло, господа, то и я прошу слова... замѣтилъ послѣ этихъ привѣтствій Матвѣй Ньбелаевичъ, становясь въ позу оратора. — Достопочтенный предшественникъ мой, началъ онъ, улыбнувшись и указавъ глазами на Ельникова, — прекрасно обрисовалъ въ немногихъ словахъ предстоящую намъ задачу. Ну-съ, хорошо-съ. Соглашаясь съ нимъ во многомъ, я не могу сочувствовать, однакожь, тѣмъ порицаніямъ, которыми онъ бросилъ, такъ сказать, въ покойныхъ своихъ наставниковъ.... Да! именно этихъ порицаній я не могу раздѣлить — и вотъ почему-съ: дѣлали прежніе наставники свое дѣло какъ умѣли; можетъ быть, и хуже, чѣмъ умѣли, но въ такомъ случаѣ, значитъ, оно не представлялось имъ настолько серьезнымъ, какъ бы слѣдовало. Еще бы! Не надо забывать, господа, что этихъ наставниковъ воспитывали еще хуже, чѣмъ они насъ. Это разъ. Мы на нихъ смотримъ теперь свысока, а развѣ наши-то понятія о воспитаніи — послѣднее слово въ такомъ дѣлѣ? Ну-ка, скажите-ка? Допустить это, значило бы думать, что съ нами останется мѣръ. Ошибки предстоятъ неизбежно и намъ... не морщитесь, г. Ельниковъ! — это меня ни мало не смутитъ; ошибки, говорю, предстоятъ и намъ. Но неужели же, если изъ каждыхъ десяти человѣкъ, которыхъ мы успѣемъ ввести въ область знанія, двое окажутся даже въ конецъ испорченными нами... неужели же, говорю, мы не заслужимъ ничего, кромѣ порицанія? Я, по крайней мѣрѣ, такъ не думаю, не могу

такъ думать! Съ такой печальной теоріей легко могутъ и руки опуститься... да и непременно опустятся. Помилуйте! что это такое! Положимъ, копотень, узокъ былъ свѣтъ нашихъ наставниковъ, — правда; но все-таки это былъ свѣтъ или, по меньшей мѣрѣ, намекъ на него. А вѣдь подчасъ довольно и намека, тогда какъ безъ этого намека ужъ ровно ничего немислимо... Вы говорите, батенька, жалки были эти наставники, много хорошаго исковеркали они въ насъ, не жалѣя нашей крови... Но мы будемъ лучше ихъ: мы ихъ пожалѣемъ; все-таки мы кое-чѣмъ имъ обязаны. Ну-съ, хорошо-съ. Не будемъ же, господа, начинать проводить новыя борозды съ бесплодной брави на тѣхъ, кто работалъ на томъ же полѣ до насъ, хотя по крайнему своему невѣжеству и испортилъ намъ многое, и вынемъ, господа, въ память этихъ темныхъ предшественниковъ нашихъ!

Варгунинъ поднесъ свой стаканъ къ стакану Свѣтлова.

— Я раздѣляю вашъ тостъ съ оговоркой, сказала Александръ Васильевичъ, подумавъ: — я пью только за тѣхъ изъ нихъ, которые дѣйствительно желали давать свѣтъ, но не сумѣли; за тѣхъ же, кто взялся за наставничество какъ за средство существовать, даже не подумавъ о томъ, что дѣлаетъ, — за тѣхъ я не пью... тѣхъ я даже и не считаю нашими предшественниками.

Свѣтловъ чокнулся съ Варгунинимъ и отпилъ изъ стакана.

— Bravo, Свѣтловушка! вскричалъ Ельниковъ, слѣдуя примѣру товарища; — ты меня отлично понялъ... превосходно, братъ, понялъ!

Начался оживленный споръ. Варгунинъ, нѣсколько сконфуженный, долго еще отстаивалъ свою мысль, доказывая доктору, что послѣ этого и всякій работникъ, приступающій къ дѣлу, не видя въ немъ смысла, тоже не заслуживаетъ доброй памяти, хотя бы оно и дало благоприятные результаты.

— Да гдѣ же вы, батюшка, нашли такого работника? накинулся на него Ельниковъ. — Такихъ работниковъ нѣтъ; такіе господа даже и названія-то подобнаго не заслуживаютъ. Столяръ, напримеръ, очень хорошо понимаетъ значеніе стола, который онъ стругаетъ; башмачникъ шьетъ башмаки потому, что тоже знаетъ, что безъ башмаковъ ходить нельзя, — вотъ что, батюшка.

— Ну-съ, хорошо-съ, возразилъ Матвѣй Николаевичъ. — А

развѣ тѣ-то наставники, за которыхъ вы отказались выпить... развѣ они, батенька, не сознавали также точно, что безъ ученья нельзя обойтись?

— Вотъ то-то и есть, что не сознавали они этого, -- въ томъ-то и вся штука: видѣли просто, что люди платятъ деньги за ученье — и учили; а тамъ хоть трава не расти.

— Ну, а столяръ-то, по вашему, каже поступаетъ? Не также, что ли? Знаетъ, что ему заплатятъ за столъ и дѣлаетъ столъ; а потомъ ему тоже хоть трава не расти, замѣтилъ Варгунинъ.

— Дудки-съ, батюшка! софизмъ! сказалъ, горячася, Ельниковъ; — у него все-таки есть сознание, что онъ дѣлаетъ полезную вещь; а какъ ее употребятъ потомъ, это, разумеется, ужъ не его дѣло.

Спорившіе нахмурились.

— Ну, батенька, будто бы ужъ работникъ никогда и не дѣлаетъ бесполезныхъ вещей? Мало ли что взбрѣдетъ другому въ умъ заказать.

— Такъ что же? Работникъ и сознаетъ, что ужъ если ему что заказали, такъ, видно, это нужно, видно, это полезно для заказчика; а вотъ, батюшка, наставникъ-то вашъ, непонимающій смысла ученья, такъ тотъ, хотя бы и вредъ въ немъ видѣлъ, по первому же вашему приглашенію возьмется за роль наставничества, потому что вы ему деньги за это хотите платить, сказалъ докторъ, сильно закашлявшись.

— Да развѣ, батенька, я не могу подкупить работника сдѣлать мнѣ какуюнибудь такую вещь, которая, какъ ему извѣстно, служить исключительно ко вреду другого и именно на этотъ предметъ и заказывается мной? спросилъ Варгунинъ.

— Можете; только ужъ онъ-то будетъ съ той минуты не работникомъ, а... мошенникомъ! сказалъ Ельниковъ, прихлебнувъ изъ стакана.

— Вонъ вы какъ, батенька, на работника-то смотрите... замѣтилъ Матвѣй Николаевичъ не то задумчиво, не то насмѣшливо. — Ну, я попроще гляжу...

Онъ медленно допилъ свой стаканъ, и въ эту минуту по лицу его уже явственно проскользнула насмѣшливая улыбка. Анепидестъ Михайловичъ пристально посмотрѣлъ на Варгунина и отвѣтилъ ему нѣсколько сухо и тоже насмѣшливо:

— Глядите, пожалуй, какъ знаете; взгляды вѣдь никому не воспрепятствуютъ, да къ тому же — благо — это, кажется, единственный предметъ, необложенный еще налогомъ.

— Миѣ, господа, въ качествѣ предупредительнаго хозяина, остается только заключить вашъ споръ, какъ можно безобиднѣе для обѣихъ сторонъ... Ну, вотъ я и скажу, что вы — оба правы, заключилъ, разсѣявшись, Свѣтловъ.

Но шутка его не достигла цѣли: Варгунинъ и Ельниковъ даже не улыбнулись; они продолжали хмуриться другъ на друга.

— Два хорошихъ человѣка всегда немножко оба правы, повторилъ Александръ Васильевичъ.

— Ну и уподобился ты въ эту минуту Любимову, братъ! разсѣялся наконецъ Анемподистъ Михайловичъ. — Впрочемъ, рознь во взглядахъ еще не обозначаетъ розни въ стремленіяхъ, продолжалъ онъ, взявшись за стаканъ и обращаясь уже къ Матвѣю Николаевичу; — и потому я отъ души пью за ваше здоровье, г. Варгунинъ, какъ человѣка, который помогъ самымъ капитальнымъ образомъ осуществленію плана моего завадычнаго пріятеля!

Гость этотъ пришелся какъ нельзя болѣе кстати. Варгунинъ оцѣнилъ и тактъ, съ которымъ онъ былъ предложенъ, и ту искренность, съ какою его высказали, и потому отвѣтилъ на него добродушно и горячо.

— И ваше здоровье, докторъ! сказалъ онъ, чокаясь и крѣпко пожимаая руку Ельникову. — Вы правы, батенька: стремленія у насъ одни, а взгляды намъ не помѣшаютъ... Я старикъ, но я всегда на сторонѣ того, что мнѣ докажетъ молодежь... да! именно, всегда на сторонѣ доказаннаго. Не смотрите на мои сѣдые волосы: подъ ними еще шевелится кое-что, какъ и въ лучшую пору молодости, и они съумѣютъ еще почернѣть... Эка куда хватилъ: почернѣть! Ну-да вы меня понимаете, надѣюсь, заключилъ Варгунинъ, еще разъ пожавъ руку Анемподисту Михайловичу.

— Вотъ съ какого госта слѣдовало бы намъ начать, весело сказалъ Свѣтловъ, чокаясь, въ свою очередь, съ Матвѣемъ Николаевичемъ; — какъ это мнѣ не пришло въ голову раньше? Ну-да все равно — не взыщете. И такъ... да почернѣютъ же ваши сѣдые кудри!

— Эхъ, господа, я и точно чувствую, что помолодѣлъ съ вами

сегодня! замѣтилъ Варгунинъ задушевнымъ тономъ. — Дай Богъ, чтобъ это почаще случалось... Залѣзайте-ка когда нибудь, докторъ, вотъ съ нивъ — Матвѣй Николаичъ указалъ Ельникову на Свѣтлова, — въ мою хатку... потолковать, поспорить. У меня дома просторно, да и дивана два лишнихъ найдутся, чтобъ не тащиться ночью домой: я, надо вамъ замѣтить, за рѣкой живу — въ деревнѣ такъ сказать...

— Развѣ вамъ не удобнѣе жить въ городѣ? спросилъ Ельниковъ.

— Удобнѣе-то удобнѣе, да я, признаться, не люблю городской жизни средней руки; по мнѣ, батенька, либо ужъ столица со всей ея толкотней, а не то такъ деревенская тишина. Злитъ меня эта провинціальная городская жизнь: всѣ точно какъ сонныя мухи ходятъ. А главное, знаете, я люблю съ мужиками возиться; весело мнѣ съ ними. У меня, батенька, тутъ кругомъ, верстъ на двадцать отъ города, все пріятели; да такіе, батенька, пріятели, что пожалуй, при случаѣ, и вилами за меня постоятъ, живого-то ужъ не выдадутъ никакому разбойнику. Это я вѣрно знаю; не шутите съ ними. Вотъ ужъ пріѣзжайте, посмотрите-ка...

— А далеко это? полюбопытствовалъ докторъ, настороживъ уши.

— Да сейчасъ же за рѣкой, первая деревня на горѣ; версты четыре — не больше — будетъ. Хатка у меня своя, чуть не своими руками срубленная; хозяйство маленькое водится, а въ банѣ... ну-ка вотъ догадайтесь-ка вы, умный человѣкъ, что у меня въ банѣ? спросилъ Матвѣй Николаевичъ съ широкой улыбкой, обратившись къ Ельникову.

— Ну... трудновато угадать, замѣтилъ Анемподистъ Михайловичъ, почувствовавшій вдругъ большое уваженіе къ Варгунину.

— Ужъ именно, батюшка, трудновато: школа у меня тамъ деревенская помѣщается.

— Такъ вы, стало быть, по части разведенія школь-то дока ужъ, Матвѣй Николаевичъ? А вѣдь ни слова мнѣ не сказалъ раньше объ этомъ; въ первый разъ слышу. Недобрый какой! сказалъ Свѣтловъ, съ ласковой укоризной.

— Не случилось, батенька; давно ли мы и знакомы: въ четвертый или пятый разъ, кажется, и видимся-то всего; а вотъ теперь къ слову пришлось, такъ и сказалъ.

— Какая же это школа? спросилъ Ельниковъ:— то есть на чей счетъ она содержится?

— Да моя собственная школа.

— А! Вотъ оно что... замѣтилъ Свѣтловъ, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ посмотрѣвъ на Варгунина.

— Да вы не представляйте себѣ, что это и въ самомъ дѣлѣ школа, со всеми атрибутами то есть. Это просто, батенька, баня— говорю я; чистенькая, разумѣется, вотъ и все. Мальчуганы босонogie сидятъ, кто на лавку, а кто и на полокъ заберется; иной разъ между ними и дѣдъ съ сѣдой бородой торчитъ да тоже тычетъ указкой въ книгу... всякіе у меня водятся. Зато въ деревнѣ теперь только шестеро всего и неграмотныхъ-то, не считая бабъ да совсѣмъ малолѣтнихъ ребятишекъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, и бабъ пріохотилъ, начинаютъ похаживать, особливо красныя дѣвушки; теперь и ихъ довѣріе на моей сторонѣ, а то сначала все какъ будто опасались чего-то.

— Значить, Свѣтловушка у васъ еще не былъ? Вы гдѣ же познакомились-то съ нимъ? спросилъ Ельниковъ.

— У Шустова въ бібліотекѣ встрѣтились. Онъ мнѣ, батенька, нечаянно на мозоль наступилъ; съ этого у насъ и разговоръ начался, улыбнулся Варгунинъ своей широкой улыбкой.

— Вѣдъ я тебѣ рассказывалъ тогда. Экая у тебя, братъ, память-то дѣвичья! замѣтилъ Анемподисту Михайловичу Свѣтловъ, шутливо покачавъ головой.

— Да, да; теперь вспомнилъ дѣйствительно. Такъ это о васъ шла тогда рѣчь? Ужь и насмѣшилъ же онъ меня въ то время, сказалъ докторъ, садясь возлѣ Матвѣя Николаевича.

— Да мы и всю бібліотеку тогда насмѣшили, батенька, подтвердилъ Варгунинъ.—Вообразите: онъ стоялъ на скамейкѣ,—на верхней полкѣ шкафа книги просматривалъ, а я подлѣ стоялъ— тоже рылся въ книгахъ. То ли онъ увлекся, задумался, или что, только оступился вдругъ да каблукомъ-то и хватъ мнѣ прямо въ самую мозоль: да такъ, батенька, больно, что я даже вскрикнулъ, и ужъ самъ теперь не соображу хорошенько, какъ мы очутились съ нимъ потомъ оба на полу, сидя другъ противъ друга. Я говорю: „Вы мнѣ на мозоль, милостивый государь, наступили“, а онъ говоритъ: „А вы зачѣмъ меня“, говоритъ, „толкнули, ни-

лостивный государь?" Ему показалось, видите ли, что я его толкнулъ; онъ думалъ, что оттого и соскочилъ со скамейки. Такъ мы тогда, сидя на полу, и объяснились, и познакомились тутъ, отрекомендовались другъ другу по всѣмъ правиламъ.

Матвѣй Николаевичъ добродушно захохоталъ. Александръ Васильевичъ съ Ельниковымъ дружно послѣдовали его примѣру.

Долго еще длилась въ этотъ вечеръ ихъ оживленная бесѣда. Возвратившіеся домой, часовъ въ одиннадцать ночи, старики Свѣтловы не могли переждать веселаго говора въ комнатѣ сына; они поужинали одни, выславъ гостямъ его по порціи бифстекса, и улеглись. Правда, громкій голосъ Варгунна долго еще возмущалъ уши Ирины Васильевны, но по немногу и она заснула подъ этотъ общій веселый говоръ. А жаль: именно въ ту минуту, какъ стала забываться старушка, Матвѣй Николаевичъ рассказывалъ самыя интересныя вещи о своемъ прошломъ. Вино и неожиданное сближеніе съ Ельниковымъ послѣ ихъ первоначальной легонькой размолвки, совершенно развязали ему языкъ. Тутъ бы изъ первыхъ устъ прослушала Ирина Васильевна такъ сильно пугавшую ее исторію его — „старые грѣхи“, какъ называлъ эту исторію самъ рассказчикъ. Во многомъ бы, можетъ быть, ямѣнила старушка свой взглядъ на „косматаго“, даже примирилась бы съ нимъ, пожалуй; да вотъ подите же!—какъ на грѣхъ въ это время заснула. А былъ одинъ человѣкъ, очень маленький человѣчекъ, который не проронилъ ни слова изъ занимательной исповѣди Варгунна; это былъ именно Владимірко, воровски покинувшій мать и подслушавшій у дверей, сидя на корточкахъ, босой и въ одной рубашкѣ. Онъ порядочно продрогъ тутъ, но не ушелъ раньше, пока не дослушалъ самаго интереснаго. И мы не поставимъ этого въ вину маленькому человѣчку, не назовемъ его поступка нехорошимъ именемъ по двумъ, очень уважительнымъ причинамъ: во-первыхъ потому, что мальчикъ никому, кромѣ брата, ни слова ни проронилъ на другой день о томъ, что слышалъ, а во-вторыхъ и потому еще, что Александръ Васильевичъ сказалъ ему какъ-то разъ, что онъ, Владимірко, можетъ во всякое время свободно присутствовать въ его комнатѣ, о чемъ бы тамъ ни говорилось. Владимірко это хорошо понималъ, и если слушалъ теперь у дверей, а не въ самомъ кабинетѣ брата, то имѣлъ на это достаточное для ребенка его дѣтъ

основаніе: ему просто лѣнь было одѣться, а показаться въ своемъ настоящемъ видѣ онъ совѣтился. Впрочемъ, надо сказать и то, что Владимірко, какъ только вернулся съ стариками домой, сейчасъ же явился къ Александру Васильевичу и поздоровался съ его гостями; но старики потребовали его къ ужину, а потомъ ему пришлось раздѣться, чтобъ не остаться въ сильномъ подозрѣніи, тѣмъ болѣе, что сестра зорко начала слѣдить за нимъ въ послѣднее время. Что въ поступкѣ мальчика не было и тѣни чего-либо дурного, лучше всего свидѣтельствовало то обстоятельство, что на другой же день утромъ, онъ, воспользовавшись удобной минутой, передалъ брату свои маленькія думы по поводу подслушанной имъ вчера бесѣды, разспрашивая Александра Васильевича обо многомъ, что казалось темнымъ дѣтскому умишку. Стало быть, онъ не прятался съ своимъ поступкомъ, не чувствовалъ за нимъ ничего нехорошаго. „Косматый“ ему очень понравился.

Понравился этотъ „косматый“ и Ельнику. Ужь вѣрно понравился, если Анемподистъ Михайловичъ, съ перваго же знакомства, пошелъ проводить его до дому, переѣхалъ съ нимъ черезъ рѣку, веретъ три шель въ гору, выкурить у него въ хаткѣ папирску, и тѣмъ же путемъ вернулся домой, часа въ четыре утра. Ельниковъ, по всей вѣроятности, и переночевалъ бы у Матвѣя Николаевича, еслибъ приколоченная надъ квартирой доктора вывѣска не гласила, что онъ съ восьми часовъ утра принимаетъ больныхъ...

Омулевскій.

(Продолженіе будетъ.)

НА ЧЕРДАКЪ.

(Мотивъ изъ Бѣраса.)

День и ночь—сутки прочь.
Такъ я вѣкъ проживу:
Снятся бѣдность мнѣ въ ночь;
Нищета— на яву.

Всѣмъ я людямъ чужой
И чужіе всѣ мнѣ,
Только вѣчно со мной
Тѣнь моя на стѣнѣ.

Мнѣ подруга вѣрна,
Я подругу цѣню,
А измѣнить она,
Такъ и я измѣню.

Я спина никогда
Не согну ни предъ кѣмъ,
Только мѣ-то, нужда,
Спину гнешь ты зачѣмъ?

Д. Свѣжжскій.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО НАУКИ. *)

(Продолженіе.)

ПОДБОРЪ ВЪ ПРИРОДѢ.

«Ни одно міровое событіе въ жизни человѣчества не совершилось безъ страсти.»

(Посвящается Надеждѣ Павловнѣ Ивановой.)

Величественное зданіе науки, которымъ теперь человѣчество по справедливости гордится, воздвигнуто не со вчерашняго дня. Тяжелымъ путемъ испытаній ознаменовалась вѣковая исторія ея медленнаго развитія. Въ самой глубокой и отдаленной древности зародившійся ея уже былъ встрѣчаемъ то ироническая улыбка, то жестокии преслѣдованіемъ и гоненіями. Какой нибудь Аристотель долженъ былъ бѣжать отъ своего царственнаго покровителя, чтобъ избѣгнуть насильственной смерти. Величайшій мудрецъ древности Сократъ за свое глубокое пониманіе долженъ былъ выпить горчайшую чашу цикуты. И съ легкой руки этого безчеловѣчнаго событія и до настоящаго времени многимъ послѣдователямъ Сократовыхъ тенденцій достаются на долю то язвительная провія, то подобныя же гоненія. Но этимъ не остановитъ порывистаго стремленія науки впередъ и, безиррастрасная въ своихъ изысканіяхъ и изслѣдованіяхъ, она не остановится передъ внѣшними преградами и не отвернется ни отъ какихъ выводовъ. Смѣло и прямо должны мы поэтому смотрѣть ей въ глаза, смѣло и честно должны мы воспринимать ея истины, провѣренныя лучшими современными умами.

*) См. № 11 и 12 «Дѣла» 1869 г.

стойко и твердо должны мы отстаивать ея вѣрные и непогрѣшимые законы, какъ ваши лучшія убѣжденія, какъ наше единственное, самое пригожее и самое утѣшительное достоиніе.

Всѣ предшествовавшіе намъ вѣка были богаты хорошими наблюденіями; во всѣ времена были люди, тщательно подмѣчавшіе явленія, собиравшіе факты и стремившіеся къ плодотворнымъ изысканіямъ. Но только рѣдко удавалось людямъ науки докапываться до несомнѣнныхъ обобщеній. Пока люди жили отдѣльными группами, мало интересовавшимися другъ друга, они довольствовались самыми ограниченными міровоззрѣніями, успокаивались обычнымъ ходомъ своей жизни, и этотъ ходъ жизни, эта стоячая муть казались каждой отдѣльной группѣ людской единственно вѣрной и непогрѣшимой нормой житейской. Такъ, напримѣръ, религія, какъ относительное человѣческое понятіе, разнообразится чуть не съ каждымъ градусомъ широты и долготы всего земного шара. Но до всеобъемлющаго мірового обобщенія христіанства и повсемѣстнаго его распространенія человѣчество не скоро еще дойдетъ, хотя непогрѣшимость его истинъ дознана теперь лучшими передовыми умами. Вообще говоря, масса людская неспособна отрѣшиться отъ отдѣльныхъ фактовъ и восходить до пониманія научныхъ обобщеній. Между тѣмъ какъ вся суть-то въ нихъ. Нашъ же девятнадцатый вѣкъ по преимуществу богатъ широкими и плодотворными обобщеніями, возведенными первоклассными умами на степень научныхъ законовъ, научныхъ истинъ. Къ числу таковыхъ обобщеній мы относимъ подмѣченный Дарвиномъ въ органической првродѣ естественный подборъ.

Совершенно напрасно мы успокоиваемся на томъ фактѣ, что мы стоимъ на уровнѣ европейскаго образованія. Сила и качество умственной культуры народа опредѣляются не мертвой массой разрозненныхъ научныхъ фактовъ и наблюденій, а силой и вѣрностію ихъ обобщенія. Но что же въ этомъ отношеніи мы внесли новаго въ общую сокровищницу европейской науки? Ровно ничего. Заявили ли мы себя хотя однимъ какимъ нибудь знаменательнымъ обобщеніемъ въ общей экономіи европейской мысли? Ровно никакимъ. И не только самобытнаго творчества у насъ доселѣ незамѣтно, но даже усвоеніе европейской науки происходитъ до насъ plus ultra туго. Какъ же, когда лучшія европейскія сочиненія переводятся и издаются въ числѣ какихъ нибудь 1000 или 2000 экземпляровъ, расходящихся преимущественно въ столицѣ, гдѣ они на половину гниютъ въ магазинахъ. Какой тутъ можетъ быть толкъ, когда сочиненіе какаго нибудь Милля или Дарвина печатается въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ на 60 милліоновъ жителей. Посмотрите, съ какой провіей,

злостью, подчасъ негодованіемъ встрѣчаютъ въ провинціи всякую здравую мысль, давнымъ давно ставшую на Западѣ избитой фразой. И если среди этой всеобщей апатіи кой-гдѣ мелькнетъ свободный мыслитель, скромный пасинокъ европейской науки, то положеніе его самое незавидное, самое жалкое. Жертва научнаго развитія, онъ мечется какъ угорѣлый и мается весь своей вѣкъ, какъ безпомощная, пенужная вещь, какъ излишняя роскошь, какъ алмазь въ навозной кучѣ, попираемый пѣтушьями ногами высокомиръныхъ провинціальныхъ невѣждъ. Понятно, что при такомъ состояніи и настроеніи общества, трудно добиться снисходительности, вниманія, а тѣмъ паче усвоенія европейскихъ обобщеній. Мы хотимъ здѣсь указать, насколько отъ этого въ убыткѣ сама же публика.

Всякое усовершенствованіе организаціи, приносящее пользу животному, улучшающее его существованіе или могущее продлить его жизнь или сдѣлать ее менѣе подверженною внѣшнимъ невгодамъ или менѣе строго-зависимую отъ внѣшнихъ условій,—всякое такое улучшеніе организаціи животнаго и притомъ не по отношенію къ намъ лично, а по отношенію къ самому животному, хотя бы и не сознаваемому вполнѣ самимъ животнымъ—мы вправѣ назвать прогрессомъ въ животной сферѣ, не исключая человека. Если жизнь сама себя имѣетъ цѣлю, то тоже самое можно сказать и относительно растительнаго міра. Но если принять во вниманіе, что всѣ существа животнаго міра одарены способностью ощущать, между тѣмъ какъ растенія, вѣроятно, лишены этой способности, то намъ трудно становится опредѣлять, что такое прогрессъ въ мірѣ растеній? Дарвинъ упускаетъ этотъ вопросъ и мы, конечно, не въ силахъ дополнять великаго Дарвина. Мы считаемъ лишь нужнымъ упомянуть здѣсь, что мы далеки отъ натур-философской точки зрѣнія, по которой все въ природѣ создано исключительно на пользу и въ утѣху человѣчеству. Даже трудно и какъ-то не хочется допустить другую натур-философскую точку зрѣнія, по которой вся органическая матерія въ природѣ стремится преобразоваться въ ткани, одаренныя самосознаніемъ, почему будто бы растенія такъ охотно превращаются путемъ питанія въ животныхъ, а тѣ и другія вмѣстѣ взятія облагораживаются, возвышаются и достигаютъ зенита своего счастья, предѣла своихъ стремленій, преобразившись въ человѣческое самосознаніе. Такъ или иначе, но Дарвинъ касается прогресса въ мірѣ животныхъ и растеній лишь по отношенію къ человѣку. Для него всякое улучшеніе организаціи полезное человѣку и безвредное животному или растенію—уже прогрессъ. Природа мало того что любитъ и допускаетъ такіа улучшенія, она

еще, какъ экономная хозяйка, силится сохранить всякое такое улучшение и всячески старается сберечь всякое прогрессивное усовершенствованіе, чтобы не пришлось вторично тратиться и понапрасну расходовать свои силы. Изъ предыдущей нашей статьи «Послѣднее слово науки» читатель уже знаетъ, какой блестящій путь для достиженія этой цѣли избрала природа и какъ ловко и наглядно разъяснилъ намъ этотъ путь Дарвинъ своей теоріи пангенезиса. По этой его теоріи мы уже знаемъ, что всякое улучшение организаціи сопровождается отдѣленіемъ улучшенныхъ зачатковъ. Улучшенные зачатки ждуть лишь хорошей почвы и удобнаго момента проявить себя и развиться въ новую, улучшенную форму. А потому каждое существо стремится сблизиться съ другимъ существомъ, подходящимъ къ нему подъ пару, чтобы путемъ наследственнымъ передать потомству благопріобрѣтенные хорошие зачатки и задатки; каждая тварь ищетъ себѣ подходящую пару, чтобы подольше сохранить всѣ полезныя приспособленія своей организаціи, которая стоила ему труда всей жизни. Но въ то же время всякая тварь избѣгаетъ встрѣчи, боится столкновения съ несоотвѣтственной личностью, съ неподходящей парой, чтобы, чего Боже упаси, полезныя уклоненія его организаціи не погибли, не исчезли бы даромъ. Всякая тварь готова отнестись враждебно къ каждой личности, которая можетъ лишь содѣйствовать къ охраненію однихъ лишь вредныхъ уклоненій организаціи. Пусть они лучше погибнутъ—всѣ эти вредныя уклоненія, природа любитъ, чтобы у нея все было на подборъ. Вотъ это стремленіе сохранить полезныя стороны и уничтожить вредныя Дарвинъ называетъ естественнымъ подборомъ, великимъ закономъ природы. Подбору, этой чудотворной силѣ природы, человечество обязано лучшими произведеніями культуры животной и растительной сферы. Чего, чего не измѣнилъ, чего, чего не передѣлалъ человѣкъ въ окружающей его обстановкѣ, единственно благодаря этой силѣ. Всѣ принадлежности и подробности его стола, отъ изысканнѣйшихъ блюдъ самаго изыскательнаго гастронома до незатѣливой, но удобоваримой пицци современнаго простолюдина, всѣ диковинки его разнообразнѣйшей одежды отъ тончайшихъ тканей тщеславной аристократии до будничнаго костюма послѣдняго буржуа, — все это продуктъ той многосторонней силы, которой вь концѣ никакого не предвидится; всѣмъ этимъ человѣкъ обязанъ способности органической матеріи видоизмѣняться до безконечности, смотря по обстоятельствамъ, за все это человѣкъ долженъ сказать сердечное спасибо одному лишь подбору. Предки наши, прозябавшіе въ непривлекательныхъ свайныхъ постройкахъ на озерахъ Швейцаріи, по-

натія не вмѣли и думать не смѣли о той роскоши стола, которыми теперь наслаждается чуть не каждый путешественникъ въ любой европейской гостинницѣ за умѣренную плату. Наша пшеница, овесъ, ячмень, горохъ, бобы, чечевица и макъ настолько превосходятъ по величинѣ и по качеству сѣмена этихъ злаковъ, которыми питались обитатели бронзоваго періода, что намъ просто стыдно признать этихъ грубыхъ дикарей своими предками. А что сказать бы такой дикарь, еслибъ ему показали, какъ его грубое яблоко преобразилось въ лане сочное, душистое яблоко, или какъ его терикал груша, которую пришлось отвѣдать даже Плинію, превратилась въ нану, тающую, рассыпчатую грушу. Еще недалеко то время, говорить Дарвинъ, что четырехъ-фунтовые утки считались чуть не рѣдкостью, а теперь уже самое обыкновенное явленіе — шести-фунтовая утка. У какого нибудь заводчика стадо овецъ: онъ отбираетъ изъ своего стада на племя тѣ особи, у которыхъ самое тонкое руно, а остальные истребляетъ. Совершая такой подборъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и чрезъ цѣлый рядъ поколѣній, онъ достигаетъ, наконецъ, своей цѣли: цѣлыхъ 12 шерстянокъ любой его овцы равняются по толщинѣ одной шерстинкѣ отъ овцы чужого стада. Такова сила природы! Таково умѣнье пользоваться этой силой. И этого достигаютъ въ какой нибудь Австріи. Подите же, толкуйте тутъ, вамъ сейчасъ же скажутъ, что мы еще не доросли до этого.... Въ маленькой Саксоніи подборъ животныхъ на племя считается такимъ важнымъ и серьезнымъ дѣломъ, что лучшие скотоводы не довѣряютъ самимъ себѣ рѣшеніе этого вопроса и поручаютъ это дѣло особымъ специалистамъ. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія сила подбора настолько была практически извѣстна въ Англии, что одна маленькая птичка, именно канарейка, удостоилась особенной чести: для нея былъ установленъ *образецъ совершенства*, которымъ руководствовались лондонскіе любители.

Съ тѣхъ поръ какъ въ наукѣ, такъ и въ практической жизни сдѣланы громадные успѣхи въ искусственномъ усовершенствованіи природы посредствомъ могущественнаго орудія—подбора. Поэтому Дарвинъ и даетъ такую великую важность этому вопросу. Онъ изслѣдовалъ все то, что хотя намекаетъ на его ученіе во всей классической литературѣ. Кроме того, во время своего путешествія на кораблѣ «Бигль» и въ другихъ разныхъ источникахъ онъ ознакомился съ положеніемъ этого вопроса не только у цивилизованныхъ народовъ, но и у дикарей и у полудивицизованныхъ обитателей разныхъ самыхъ отдаленныхъ закоулковъ нашей планеты. Такимъ образомъ онъ изучилъ интересовавшій его вопросъ, такъ сказать, во времени и въ

пространствѣ. И наконецъ онъ убѣдился, что подборъ—чрезвычайно разнообразное явленіе въ природѣ, что человѣкъ бываетъ въ извѣстныхъ случаяхъ весьма остроумнымъ и тонкимъ наблюдателемъ, что онъ, слѣдовательно, поэтому подмѣтилъ это явленіе въ природѣ, воспользовался этой силой и нашелъ для себя въ этой силѣ неисчерпаемый источникъ наслажденія, богатства, улучшенія быта, увеличенія средствъ существованія и разнообразнѣйшее примѣненіе многостороннихъ своихъ потребностей. Такимъ образомъ Дарвинъ дошелъ до убѣжденія, что подборъ совершается во всей природѣ, и притомъ, въ большинствѣ случаевъ, разумѣется, помимо воли человѣка, но что человѣкъ по своей волѣ, по своему усмотрѣнію, даже по своей прихоти можетъ руководить этой силой рѣшительно какъ ему вздумается. Отсюда Дарвинъ систематизируетъ принципъ подбора въ три господствующія формы. Подборъ, по его убѣжденію, бываетъ методическій, безсознательный и, наконецъ, естественный. Еслибъ читатель не смелъ съ нашей стороны за величайшую дерзость дѣлать свои замѣчанія, еслибъ онъ былъ настолько снисходителенъ, что не обвинилъ бы насъ въ святотатствѣ за наше личное мнѣніе, за дерзость смѣть свое сужденіе имѣть, то мы позволили бы себѣ сказать, что если не необходимость, то своеволие и самодурство человѣка побуждаютъ его довольно часто совершать, такъ сказать, еще и *неестественный подборъ*. Методическій подборъ тѣмъ хорошѣе, что вы можете силою его достигнуть выполненія какой нибудь предвзятой идеи, заранѣе задуманнаго плана. Вы можете силою этого способа не только улучшить ту или другую статью въ любомъ животномъ или растеніи, но вы можете просто измѣнить всю его организацію, переначать, передѣлать, пересоздать его по-своему. У васъ стадо рогатаго скота съ длинными рогами; почему-то вамъ это не понравилось, или длинные рога для васъ невыгодны; но вамъ не хочется сразу разстаться съ своимъ стадомъ, вы съ нимъ свыклись, наконецъ это стадо источникъ вашего благосостоянія, а потому не торопясь, вамъ нужно лишь вооружиться на время извѣстной долей терпѣнія и проникнуться духомъ какого-либо Бакузля, у васъ въ рукахъ могущественное средство, вы обладаете значительною силою помочь своему горю, поправить дѣло, — для этого вамъ стоить обратиться къ систематическому подбору. Вы выберете изъ своего стада только лишь тѣ экземпляры, у которыхъ рога наименьшіе, вы ихъ отдѣлите въ отдѣльную группу и не допускаете смѣшенія съ длиннорогими. Съ остальными экземплярами вашего стада вы поступаете, по прежнему, по своему благоусмотрѣнію: часть продаете, а остальные лишь ваши временные гости. Такимъ образомъ силою подбора въ изолированной половинѣ вашего ста-

да вы можете достигнуть того, что у васъ появятся экземпляры съ самыми короткими рогами, вы начинаете размножать ихъ и мало-по-малу наконецъ достигаете того, что ваше прежнее длиннорогое стадо теперь никто уже узнать не можетъ: оно сдѣлалось короткорогимъ. Чудо это совершилось силою методическаго или систематическаго подбора. Силою того же подбора въ Англии произведены измѣненія въ конструкціи свиньи. Англичане того убѣжденія, что для свиньи ноги совершенно лишняя вещь и довели своихъ свиней до того, что у нихъ ноги совершенно укоротились, такъ что животъ тянется у нихъ по землѣ. Пусть ктонибудь сравнитъ дикаго кабана съ улучшенною отборною свиньей, восклицаетъ торжественно Дарвинъ, и всякій легко убѣдится, какъ успѣшно укорочены ноги у цивилизованной свиньи. Восточныя окраины нашей обширной земли, столь богатая и изобилующія всякаго рода скотомъ, снабжаютъ большинство своихъ жителей говядиной, имѣющей всѣ свойства старой подошвы, но какойнибудь англійскій мясоторговецъ силою подбора дошелъ до того, что отъ его отборнаго скота получается мясо съ замѣчательно тонкой воловнистостью и насквозь пропитанное жиромъ, такъ что такое мясо таетъ во рту. Другой довелъ такимъ же путемъ своихъ овецъ до того, что вся брюшная полость у нихъ переполнена жиромъ отличнѣйшаго качества. Искусство разнообразить животныхъ и по своему произволу видоизмѣнять ихъ подчасъ доходить просто до смѣшнаго. Вздумалось иному любителю, чтобъ у пѣтуха гребень на головѣ стоялъ прямо и вотъ чрезъ пять шесть лѣтъ всѣ хорошіе пѣтухи имѣли прямые гребни. Иному захотѣлось, чтобъ у куръ была борода и вотъ въ 1860 г. въ Хрустальномъ дворцѣ были выставлены пятьдесятъ семь куръ съ бородами. Такимъ же образомъ достигли того, что коровы въ обиліи даютъ молоко и притомъ богатое существенными составными частями. Однѣ изъ нихъ особенно пригодны для производства сыра, другія для добыванія масла, третьи приспособлены для доставленія хорошаго молока и сливокъ. Англійскія скаковыя и ломовыя лошади, англійскія охотничьи собаки считаются чуть ли не лучшими въ мірѣ. И все это достигнуто силою методическаго подбора. Въ мірѣ растений подборъ произвелъ положительныя чудеса. Читатели наши помнятъ, какъ изъ дикаго крыжовника, который вѣситъ 120 гранъ, силою подбора получили крыжовникъ London въ 895 грановъ вѣсу, т. е. въ восемь разъ больше вѣса дикаго плода. Въ четыре года мистеръ Бекманъ при помощи воздѣлыванія и заботливаго подбора превратилъ пастернакъ, выращенный изъ сѣмянъ дикаго растенія, въ хорошую и съѣдобную разновидность. Вслѣдствіе подбора впродолженіи мно-

гихъ лѣтъ горохъ заставили созрѣвать на 20 дней раньше обыкновеннаго. Еще болѣе интересный случай представляетъ свекловича, которая со времени ея воздѣлыванія во Франціи стала давать почти вдвое болѣе сахара, чѣмъ давала прежде. Это было достигнуто заботливымъ подборомъ; правильно взвѣшивали и испытывали удѣльный вѣсъ корней и лучшіе корни сохраняли на сѣмена. И не только образованные и цивилизованные народы пользуются силою подбора и заботятся объ улучшеніи своихъ животныхъ и растений, но даже дикіе народы разныхъ частей свѣта сознательно подбираютъ для своихъ надобностей соответственныхъ животныхъ. Мы знали малороссійскаго помѣщика, который упивался своею четверкою пѣгихъ лошадей. Эскимось счастливъ и гордъ, когда вси его собачья упряжка одинаковой масти. Старыя дѣвы и нервныя бездѣтныя барыни съ необыкновенною любовью привязываются къ разнымъ птицамъ, кошкамъ, что, конечно, доказываетъ, насколько въ человѣкѣ сильна потребность любить и привязываться къ кому нибудь и къ чему нибудь. Иной записной охотникъ скорѣе готовъ расстаться съ женой, чѣмъ съ любимой собавой. Индѣйцы турума въ Гвианѣ очень высоко цѣнятъ своихъ собакъ; у нихъ и цѣна за хорошую собаку такая же, какъ цѣна платимая за жену и они содержатъ своихъ собакъ въ особыхъ клѣткахъ, какъ цивилизованные народы содержатъ своихъ женъ въ особыхъ клѣткахъ, называемыхъ спальнями и гостинными. Даже во внутренней Африкѣ дикари заботятся о разведеніи крупныхъ и сильныхъ животныхъ; Ливингстонъ рассказываетъ, что дикіе африканціи малокотлы пришли въ неописанный восторгъ, когда онъ имъ обѣщаль прислать хорошаго быка. Племя дамара употребляетъ всѣ усилія, чтобъ у него все стадо пѣликомъ было одного цвѣта. И если наше купечество такъ же высоко цѣнитъ жирныхъ лошадей, какъ и жирныхъ женъ, то оно въ этомъ отношеніи не далеко ушло отъ дикихъ племенъ Южной Африки, которыя также цѣнятъ свой скотъ, какъ и своихъ женъ, и столько же гордятся породистостью своихъ животныхъ, какъ мы породистостью своихъ женъ и мужей. «Но самый интересный случай подбора у получивилизованнаго народа или даже вообще у какого бы то ни было народа, рассказываетъ Дарвинъ *), приводится Гарціласомъ де-ла-Вега, потомкомъ инковъ и произвонился въ Перу до покоренія этой страны испанцами. Инки ежегодно устраивали большія охоты, во время которыхъ всѣ дикія животныя сгонялись изъ огромнаго округа къ одному центральному

*) Дарвинъ, Привроченныя животныя. Т. II; стр. 227.

пункту. Сначала уничтожались всѣ хищные звѣри, какъ вредные. Дикихъ гуанако и вигоней стрѣгли; старыхъ самцовъ и самокъ убивали, другихъ выпускали на волю. Осматривали различные роды оленей, старыхъ самцовъ и самокъ равнымъ образомъ убивали; но молодыхъ самокъ и нѣкоторое число самцовъ, выбранныхъ изъ самыхъ красивыхъ и сильныхъ, выпускали на свободу. Здѣсь слѣдовательно, мы имѣемъ подборъ человѣкомъ, помогающій естественному подбору. Такимъ образомъ инки слѣдовали системѣ совершенно противоположной той, которой слѣдуютъ шотландскіе охотники, постоянно убивающіе лучшихъ оленей и тѣмъ обуславливающіе вырожденіе всей породы.»

Когда человѣкъ отбираетъ самыхъ цѣнныхъ субъектовъ своего стада, и сохраняетъ ихъ и уничтожаетъ, истребляя негодныхъ безъ всякой другой предвзятой идеи, безъ намѣренія измѣнить породу, тогда происходитъ бессознательный подборъ. Иному чудачу вздумается достигнуть того, чтобъ все его стадо овецъ было бѣло какъ мохоко. Какъ только у него появляется овечка съ малѣйшимъ чернымъ пятнышкомъ, или съ цвѣтомъ шерсти не вполне бѣлымъ, онъ немедленно уничтожаетъ ее, такъ чтобъ и слѣда ея не было. Если при такихъ его стараніяхъ какъ нибудь проскользнетъ овечка, которая въ силу уже знакомаго нашимъ читателямъ атавизма среди всеобщей бѣлизны носить гдѣ нибудь на тѣлѣ темный влокъ волосъ, то это для него кровавая обида и онъ успокоивается лишь тогда, когда это несчастное животное, нарушающее его воображаемую гармонію не падетъ жертвой его же собственнаго аппетита. Сила бессознательнаго подбора въ рукахъ человѣка страшная сила, подчасъ даже опасная сила. Онъ ею можетъ по произволу уродовать любое животное и даже самого человѣка. Читатели наши помнятъ до чего довели юрширскіе фермеры своихъ коровъ, подбирая телятъ съ широкими окороками. Послѣдніе оказались гибелью большей части несчастныхъ матерей, которыя умирали въ родахъ. Но исказить животныхъ еще куда не шло; а то бывають такіе же эксперименты и надъ человѣкомъ. Наполеонъ I можетъ, по всей справедливости, быть названъ великимъ экспериментаторомъ Человѣчества. Для своихъ опустошительныхъ войнъ, которыми онъ такъ усердно цивилизовалъ европейское Человѣчество, ему конечно необходимы были самые рослые французы. На бѣду случилось такъ, что немногіе изъ солдатъ французской арміи возвращались обратно во Францію. Трескучіе морозы 12 года уложили въ могилу не одну тысячу. Такимъ образомъ Наполеонъ своими наборами истребилъ все рослое населеніе Франціи и оставлялъ на племя однихъ лишь низенькихъ и ма-

ленькихъ французиковъ, слѣдствіемъ чего мѣрку роста, необходимую для поступленія въ армію, пришлось понизить раза два или три. А еще удивляются, почему теперь французы такіе маленькіе. Да если бы судьба одарила Европу на цѣлое столѣтіе такими экспериментаторами, каковы были Наполеонъ I или сумасшедшій отецъ Фридриха Великаго, вербовавшій веллкановъ не на племя, а для опустошительныхъ войнъ, то мы теперь чего добраго— увидѣли бы Европу населенную лилипутами. Да, опасная сила въ рукахъ власти бессознательный подборъ.

Во время оно, когда Англіей правилъ суровый пивоваръ Оливеръ Кромвель, тогда еще тамъ понятія не имѣли о томъ, что такое хорошая скаковая лошадь. Но въ это время привезли туда трехъ извѣстныхъ восточныхъ жеребцовъ, которые произвели неизгладимое впечатлѣніе на всю породу англійскихъ лошадей. Тогда считалось величайшимъ счастіемъ имѣть арабскую лошадь, но никому тогда и въ голову не приходило, что настанетъ время, когда англійскія лошади будутъ считаться лучшими въ мірѣ и что достать англійскую кровную породистую лошадь для многихъ владѣтельныхъ особъ Европы будетъ такимъ же страстнымъ желаніемъ, какъ нѣкогда для англійскаго лорда пріобрѣтеніе арабскаго коня.

Мы должны обратить здѣсь вниманіе читателя еще на то обстоятельство, которое онъ отнюдь не долженъ упускать изъ виду, именно, что подборъ дѣйствуетъ не только на внѣшнія свойства животнаго, но и на внутреннія. Конечно овцу никто не станетъ цѣнить за ея быстроту, но лишь за шерсть, никто не станетъ восхищаться смышленостью свињи, а лишь толстымъ слоемъ на ней сала, но всякій станетъ любоваться быстротою бѣга скаковой лошади, или силою ломовой, или смышленостью борзой собаки. Теперь посмотрите, какая разница въ животныхъ, смотря по требованіямъ человѣка. На островахъ Полннезіи и въ Китаѣ собакъ употребляютъ въ пищу и цѣнятъ ихъ за мясо; тамъ эти животныя чрезвычайно тупоумны. У насъ же не рѣдкость встрѣтить охотника, который не надмнется на свою борзую и каждый разъ приходитъ въ восторгъ, когда вспомнитъ, какъ она мастерски дѣлаетъ «стойку». Но если бы можно было прослѣдить весь длинный рядъ предковъ, отдѣлявшихъ борзую собаку отъ ея волкоподобнаго прародителя, то мы легко могли бы убѣдиться, что она прошла цѣлый рядъ незамѣтныхъ измѣненій, то въ одномъ признакѣ, то въ другомъ, и прошла цѣлую цѣпь ступеней прежде, чѣмъ добралась до теперешняго усовершенствованнаго типа. Дарвинъ, напримѣръ, положительно убѣжденъ, что нашъ теперешній

персикъ прямой неизмѣнный потомокъ миндаля; но если это такъ, судите сами, какой данный рядъ поразительныхъ перемѣнъ долженъ совершиться въ мякоти персика и въ ядрѣ миндаля. При этомъ надо замѣтить, что здѣсь перемѣна происходила одновременно въ разныхъ частяхъ миндаля, вслѣдствіе тѣсной и взаимной связи между отдѣльными частями. Такимъ образомъ человѣкъ, измѣняя одну какую нибудь часть въ животномъ или въ растеніи, тѣмъ самымъ невольно заставляетъ измѣняться и другую соответствующую часть. Если положеніе Рейсбаха оправдается, если дѣйствительно подтвердится, что количество мозга въ человѣкѣ соответствуетъ его росту и если малорослые мужчины обладаютъ наименьшими мозгами, то французы смѣло тогда могутъ поблагодарить Наполеона I за то, что онъ во время своихъ хищническихъ набѣговъ истребилъ все рослое населеніе Франціи и оставилъ однихъ лишь малорослыхъ, чѣмъ онъ, конечно, ухудшилъ породу, уменьшивъ въ ней количество мозга.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ заключить, что каждая часть, или каждый признакъ, или всякій органъ, который больше всего цѣнится—будутъ ли это листья, стебли, влюбны, луковичы, цвѣты, плоды, сѣмена, или ростъ, сила, быстрота, волосистое одѣяніе или смншенность у животныхъ—всегда можетъ быть усовершенствована, развита какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. И такой результатъ мы смѣло можемъ приписать тому, что втеченіе длиннаго ряда поколѣній человѣкъ сохранялъ полезны для себя измѣненія и пренебрегалъ другими *). Но если человѣкъ такой знаменитый мастеръ творить чудеса, то природа далеко не остается такимъ равнодушнымъ зрителемъ всѣхъ этихъ чудесъ. Даже трудно сказать, кто у кого позаимствовался ума-разума. Думаемъ, что во всякомъ случаѣ человѣкъ, какъ тонкій наблюдатель и опытный политикъ, подмѣтилъ эту сторону природы и воспользовался ею для удовлетворенія своихъ хорошихъ и дурныхъ наклонностей. Разница лишь развѣ въ томъ, что человѣкъ любитъ увлеченія, природа же сповойно идетъ къ своей цѣли. Но общаго въ этомъ между ними то, что и природа подвигается такими же медленными, небольшими и сомнительными шагами на своемъ великомъ пути усовершенствованія и развитія **).

Здѣсь намъ необходимо остановиться на выводѣ изъ вышесказан-

*) Дарвинъ, Прироч. живот. Т. II, стр. 240.

**) Дарвинъ Ibidem., стр. 141.

женныхъ фактовъ. Безпредѣльное продолженіе своего рода — неизмѣнная цѣль всей органической природы, какъ растительной, такъ и животной. Прослѣдите всю цѣпь творенія отъ самаго низшей былинки до величайшаго представителя природы — человѣка, и вы убѣдитесь, какъ могущественно это стремленіе въ природѣ, какъ несокрушима ея самая настоятельная въ этомъ отношеніи требованія. Посмотрите, что дѣлается вокругъ насъ. Двѣ заботы написаны на лицѣ всего животнаго царства: питаніе и воспроизведеніе себѣ подобныхъ. По нашему мнѣнію, вторая забота выступаетъ сильнѣе и окончательно пренебрегаетъ всѣми препятствіями для достиженія своей цѣли. Есть существа, которыя, по достиженіи своей цѣли, охотно расстаются съ жизнью. Во время любовнаго свиданія лягушекъ, когда любовникъ въ объятіяхъ своей возлюбленной, вы можете отрѣзать ему голову, ту или другую лапку щипать его, сколько вашей душѣ угодно, жечь его валеными щипцами, вы можете подвергнуть его всѣмъ пыткамъ инквизиціи, но онъ все-таки не расстанется съ обожаемымъ предметомъ. Вездѣ, гдѣ раздается пѣніе птицъ (а оно раздается вездѣ, гдѣ не спитъ природа), тамъ вы слышите любовный призывъ, призывъ къ счастью, къ наслажденію. И къ какимъ хитростямъ не прибѣгаетъ природа для достиженія своей цѣли. Одни стараются заявить себя своею внѣшностью: райскія птицы собираются толпами вокругъ своихъ самокъ, и развертываютъ свои великолѣпныя перья, пока, наконецъ, самка не выберетъ себѣ такого жениха, который ей больше нравится. Другіе стараются заявить свое мужество, храбрость, отвагу. Львы и тигры съ опасностью собственной жизни вступаютъ между собою въ кровавыя битвы за обладаніе самкою. Олени самцы наносятъ другъ другу смертельныя раны въ борьбѣ за самку. Рога оленя, шпору ябтуха, клыки вепря, грива льва, разноцвѣтныя перья птицъ имѣютъ лишь значеніе приманки. И человѣкъ, въ большинствѣ случаевъ, немногимъ превосходитъ въ этомъ отношеніи животныхъ. Недалеко то время, когда первенствующее значеніе въ нашемъ обществѣ имѣли шпору и густые эпюлеты. Шпору для любой уѣздной барышни — были идеаломъ и цѣлью всѣхъ стремленій. И что такое вся наша костюмировка, украшенія, декольтэ, *manches courtes*, ассамблеи, балы, маскарады, собранія, къ чему все это, какъ не въ видахъ достиженія извѣстной, опредѣленной цѣли природы. Вездѣ природа одинакова, вездѣ она остается себѣ вѣрна. Но это стремленіе природы продолжать свой родъ, этотъ неумолкаемый порывъ къ созданію себѣ подобныхъ тѣсно связанъ съ другимъ стремленіемъ создать что нибудь лучше самихъ создающихъ, съ стремленіемъ улучшить свой родъ, усовершенствовать его, сдѣлать его болѣе прочнымъ,

болѣе приспособленнымъ къ вышнимъ условіямъ существованія. Оба эти стремленія, вмѣстѣ взятая, и формируются у Дарвина въ особый мировой законъ; оба эти стремленія, вмѣстѣ взятая, и составляютъ то великое обобщеніе, которое онъ назвалъ *подборомъ*. Въ силу этого закона каждая тварь земная старается быть лучше окружающихъ и приспосабливаетъ себя навлучшую, наиболее подходящую пару. Вотъ и вся суть тутъ. Съ этой общей точки зрѣнія, дѣло обстоитъ очень просто. Нигдѣ въ природѣ невидно, чтобъ это простое отношеніе двухъ различныхъ половъ, двухъ совершенно обособленныхъ и независимыхъ индивидуумовъ, связывало ихъ какими нибудь исключительными условіями, налагало на нихъ какия нибудь, а тѣмъ паче исключительныя права и обязанности, устанавливало бы между ними какия нибудь обязательства. Еще меньше видно, чтобъ это простое отношеніе, это взаимное одолженіе вело бы къ рабству, къ порабощенію одного пола другимъ. Тѣмъ не менѣе природа здѣсь достигаетъ своей цѣли, и ей ни до чего другого дѣла нѣтъ. У птицъ и у млекопитающихъ семейная жизнь составляетъ почти общее правило. Если наши домашнія животныя составляютъ изъ этого рѣзкое исключеніе, то это, по всей вѣроятности, зависитъ отъ прирученія. Гораздо сильнѣе потребность семейной жизни и вообще чувство общности въ естественномъ состояніи животныхъ. Большая часть животныхъ живутъ въ моногаміи, самецъ и самка въ такомъ случаѣ продолжаютъ жить вмѣстѣ и послѣ вывода дѣтенышей; оба они взаимно помогаютъ и защищаютъ одинъ другого и супружество прекращается лишь со смертію. Многоженство существуетъ только у немногихъ животныхъ, а фактъ, что одна самка имѣетъ многихъ мужей чрезвычайно рѣдокъ въ животномъ царствѣ. Изъ сопоставленія этихъ двухъ рядовъ фактовъ слѣдовало бы придти къ заключенію, что естественное состояніе скорѣе располагаетъ къ изолированной замкнутой семейной жизни, между тѣмъ какъ прирученіе-одомашненіе, такъ сказать, цивилизація ведетъ совершенно къ противоположному явленію. Словоохотливый Вундтъ доказываетъ, что чѣмъ животное умственнѣе развитѣе, чѣмъ оно выше стоитъ на животной лѣстницѣ, тѣмъ меньше у нихъ деспотизма во взаимныхъ отношеніяхъ, тѣмъ они свободнѣе достигаютъ своей цѣли: „У млекопитающихъ, говоритъ Вундтъ, взаимныя отношенія бывають обыкновенно менѣе задушевыя. Эти животныя ведутъ болѣе свободную жизнь, рѣдко устраиваютъ свои жилища сами и потому менѣе связаны другъ съ другомъ. Къ тому же и половое побужденіе у этихъ животныхъ сильнѣе и потому легко преступаетъ ограничивающее правило брака. Это можно сказать, напримѣръ, о собакахъ, обезья-

нахъ, тюленяхъ, козахъ, которыя живутъ или вовсе безъ брака или въ полигаміи“. Потомъ онъ прибавляетъ: „Обычай брака вполне зависитъ отъ степени умственнаго развитія животныхъ. Большая часть тѣхъ птицъ и млекопитающихъ, у которыхъ существуетъ самая замѣнутая семейная жизнь не принадлежатъ къ наиболѣе одареннымъ. Голубь стоитъ по уму ниже ворона, волкъ ниже собаки. *Вѣрность, простирающаяся изъ чувства, очевидно не имѣетъ ничего общаго съ соображеніемъ разсудка*“, нечего, слѣдовательно, восхищаться голубиною нѣжностью и каждый разъ ставить людямъ въ примѣръ, какъ они спятъ себѣ рядкомъ другъ возлѣ друга и безчисленное множество разъ цѣлуются носиками. Нечего людямъ ставить въ укоръ голубиную вѣрность, какъ одинъ не можетъ пережить смерть другого изъ супруговъ. Вундтъ утверждаетъ, что это происходитъ у нихъ отъ недостатка умственнаго развитія. Притомъ это явленіе, эта вѣрность, вовсе не такъ постоянна и безусловна, какъ это кажется съ перваго разу: „Если, говоритъ Вундтъ, нельзя сомнѣваться, что бракъ животныхъ вытекаетъ большею частью изъ свободнаго выбора, который доказывается другими проявленіями чувства въ животномъ, то многія явленія впродолженіи существованія брака показываютъ, что для брака животныхъ не существуетъ тѣхъ неизмѣнныхъ отношеній, какія здѣсь такъ часто считаютъ необходимымъ предположить. У животныхъ также бываютъ весьма различныя степени супружеской вѣрности. Одна голубка по смерти своего супруга умираетъ съ тоски; другая утѣшается и беретъ другого. У птицъ встрѣчается довольно часто нарушеніе супружеской вѣрности и кажется, что чувство у птицъ (а не разсудокъ и не разумъ, конечно) возстаетъ противъ этого, какъ противъ тяжкаго преступленія“ *). Такое возрѣніе бываетъ удѣломъ и безчисленнаго множества людей. Аналогія въ этомъ случаѣ доходитъ иногда до поразительнаго сходства, такъ что трудно рѣшить, кто у кого позаимствовался житейской мудрости и логической послѣдовательности. Такъ рассказываетъ Вундтъ: „объ аистахъ, извѣстныхъ своею строгою семейною жизнью и своимъ заботливымъ поведеніемъ о дѣтяхъ, передаютъ факты, справедливость которыхъ, довидному, достаточно гарантирована. Одна самка часто имѣла свиданіе съ молодымъ аистомъ, посѣщавшимъ ее въ отсутствіе мужа и каждый разъ уничтожала слѣды своей любовной интриги посредствомъ ванны, которую принимала въ сосѣднемъ колодезѣ. Но когда злые наблюдатели спустили однажды воду изъ этого колодца, то возвратившійся

*) Вундтъ. Душа человѣка. Т. 2. Стр. 245.

злосчастный рогоносецъ, повидимому, тотчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и открылъ невѣрность своей супруги: онъ удалился, потому чрезъ нѣсколько времени возвратился со многими товарищами и нарушительница супружеской вѣрности была ими изтерзана до смерти.» На-сколько правды въ этомъ анекдотическомъ разсказѣ—предоставляемъ отвѣчать за это самому Вундту; а мы только замѣтимъ, что такое варварское наказаніе супружеской невѣрности наблюдается и у дикихъ народовъ, — не потому, чтобы чувство любви играло здѣсь такую трагическую роль, а потому, что женщина для дикаря есть простая вещь или самка. Цивилизація вноситъ смягчающія вліянія на взаимныя отношенія людей вообще и на отношенія супруговъ въ особенности. Но эта реформа совершается медленно и сопровождается въ своемъ развитіи множествомъ случайныхъ и произвольныхъ возрѣній, которыя не всегда соотвѣтствуютъ кореннымъ требованіямъ человѣческой природы. Вся комбинація внѣшнихъ условій, до которыхъ природѣ и ея великому обобщенію подбора ровно никакого нѣтъ дѣла, формулируется людьми въ особое понятіе о взаимномъ сожителствѣ. Понятіе это далеко неабсолютно, а напротивъ того также разнообразно, какъ родъ человѣческой, и видоизмѣняется до безконечности, смотря по степени культуры, цивилизаціи, просвѣщенія. Отъ отсутствія всякихъ брачныхъ условій, какъ у австралійскихъ дикихъ папуасовъ, до христіанскаго понятія о бракѣ, возведеннаго въ идеаль, въ таинство, тянется цѣлая градація переходныхъ формъ, краткое изложеніе которыхъ наполнило собою довольно объемистый томъ, составленный неутомимымъ и лучшимъ европейскимъ врачомъ-публицистомъ Эдуардомъ Рейхомъ. Мы не станемъ перечислять здѣсь всѣ формы брака и всѣ сложныя условія, которыми сопровождается *de jure*, но не всегда *de facto* это отношеніе людей, такъ какъ предполагаемъ, что читатели наши достаточно знакомы съ этими фактами изъ статьи Эли Реклю, напечатанной въ нашемъ журналѣ. Но тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ упомянуть здѣсь о двухъ-трехъ крайнихъ формахъ этого естественнаго отношенія людей. Фуку разсказываетъ, что и теперь въ сѣверной Австраліи можно встрѣтить общества мужчинъ самцовъ, живущихъ отдѣльно, и общества женщинъ, соединенныхъ въ отдѣльную группу и съ намѣреніемъ удаляющихся отъ мужчинъ. Эти негры папуасы живутъ охотой и рыбной ловлей. Негритянки блуждаютъ отдѣльными шайками, отыскиваютъ раковины и разныя растенія, которыя едва встрѣчаются на этой скудной почвѣ. Собравши провизію, они ее прячутъ въ своихъ лачугахъ, убогихъ хижинахъ, еле-еле защищающихъ ихъ отъ нападенія хищныхъ людей. Весной половой инстинктъ возбуж-

дается; самцы тогда предпринимаютъ погоню за самками; дѣтей рожденныхъ отъ такой дикой встрѣчи, матери выкармливаютъ грудью, и послѣ того, если они не принадлежать къ женскому полу, ихъ выпроваживаютъ на всѣ четыре стороны, какъ только они способны стать на свои ноги. Эта социальная форма, съ различными варіаціями, вѣроятно, господствовала на всемъ земномъ шарѣ въ первобытную эпоху у дикихъ племенъ *). Среди индѣйцевъ республики Чили жилъ долгое время извѣстный путешественникъ Пенпингъ; онъ лично убѣдился, что у нихъ браки совершаются безъ всякихъ гражданскихъ и религіозныхъ формальностей. Отъ этихъ крайнихъ формъ до брака въ строгомъ современномъ значеніи, конечно, цѣлая бездна, которую, такъ или иначе переходитъ всякій цивилизованный народъ.

Человѣческому воображенію трудно придумать какую нибудь особенную форму брачныхъ отношеній, которая не существовала бы въ исторіи человѣка. Безъ преувеличенія можно сказать, что всякая религіозная секта и всякая господствующая установленная религія имѣетъ свою особенную брачную форму. Мало того. Въ любомъ народѣ это отношеніе еще разнообразится безчисленными кастическими и сословными предразсудками и міровоззрѣніями. Благодаря отсутствію той же прочной основы, мы находимъ странное разнообразіе и сбивчивость понатій въ брачныхъ отношеніяхъ людей. Всѣ людскія старанія были всегда устремлены въ тому, чтобы какъ можно больше ограничить, сѣзуть свободныя отношенія половъ. Эти ограниченія всею своею тяжестью всегда падали почти исключительно на женскій полъ. Только въ рѣдкихъ, немногихъ случаяхъ законъ принималъ покровительственный тонъ относительно женщинъ. Рейхъ и Фюстель де-Куланжъ согласно свидѣтельствуютъ, что афинскій законъ, именовъ религіи, запрещалъ человѣку оставаться холостымъ. Въ Спартѣ наказывали не только тѣхъ, кто вовсе не женился, но и тѣхъ, кто опаздывалъ женитьбой. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ всѣ брачныя постановленія всегда клонились къ тому, чтобы женщины считались собственностью, принадлежностью своего господина, который воленъ въ выборѣ, воленъ въ способѣ владѣнія своею вещью, своею собственностью, воленъ отвергнуть эту вещь, когда она сдѣлается для него негодною, ненужною.

Ложная обстановка и не вполне правильное пониманіе обществомъ своихъ отношеній породило между прочимъ немаловажное зло—то обиліе старыхъ дѣвушекъ, которыхъ теперь встрѣчаешь чуть не на

*) Foucou, Histoire du travail. Стр. 384.

каждомъ шагѣ, незнающихъ куда дѣвать себя и свое досужее время. Если значительная доля изъ нихъ остается за штатомъ потому, что природа дѣйствительно отказала имъ въ соответствующемъ подборѣ, то остальная часть положительно обязана своимъ несчастьемъ ложному пониманію взаимныхъ социальныхъ отношеній. Личнымъ опытомъ мы убѣдились, что въ провинціальномъ нашемъ обществѣ женщины несравненно выше и лучше мужчинъ во всѣхъ отношеніяхъ. Стыдно сознаться, а это несомнѣнный фактъ, что развитые люди съ университетскимъ образованіемъ и знакомые со всеми европейскими ученіями и лучшими современными сочиненіями, попадая въ глушь провинціи, наталкиваются на такихъ же развитыхъ женщинъ, но съ тѣмъ несомнѣннымъ преимуществомъ, что онѣ гораздо энергичнѣе и упорнѣе въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, чѣмъ мужчины. Если онѣ, съ одной стороны, служатъ хранилищемъ рутинны и застоя, еслѣ, по справедливому замѣчанію Карла Фохта, гораздо легче измѣнить правленіе государства, чѣмъ малѣйшее хозяйственное обыкновение, топку кухоннаго очага, то, съ другой стороны, женщины даже въ нашей сонной провинціи всегда служили и служатъ лучшими проводниками истинныхъ понятій и гуманныхъ міровоззрѣній, лучшими дѣятелями прогресса. Онѣ-то больше всего сознаютъ и убѣждаются на опытѣ, что въ нашу семейную жизнь вѣриное право внесло много темныхъ элементовъ, искажающихъ нормальныя отношенія супруговъ. Народная мудрость русскаго народа выработала довольно нелестный взглядъ на русскую женщину. Русскій человѣкъ убѣжденъ, „что баба мѣшокъ, что въ него положишь, то онъ и носить.“ Такъ или иначе, но это воззрѣніе остается, въ сущности, у всѣхъ европейскихъ народовъ. Мы ужасаемся, когда намъ рассказываютъ о бѣдственномъ положеніи женщины у дикарей. И въ самомъ дѣлѣ, „грубое, чтобъ не сказать жестокое, обращеніе дикарей съ своими женами, говорить Лѣбокъ, есть черное неизгладимое пятно, характеризующее дикарей. Въ ихъ глазахъ, слабый полъ состоитъ изъ существъ низшаго сорта, конхъ назначеніе быть домашними труженицами, рабынями. Вѣчный трудъ, суровая обстановка—вотъ ихъ участь. И ни усталость, ни страданія не встрѣчаютъ никакого вознагражденія со стороны тѣхъ, для которыхъ онѣ истощаютъ всѣ свои жизненныя силы. Алгонкины не имѣютъ въ своемъ языкѣ даже слова для выраженія *любви*, и индѣйцы тинне не имѣютъ словъ, чтобъ сказать милый и любимый. Я попробовалъ, говорить капитанъ Левруа, вразумить Нанетъ, предполагая, что должны же они сумѣть сказать, „моя милая жена, моя милая дочь.“ Когда она, наконецъ, меня поняла, она мнѣ сказала:

„никогда мы такъ не говоримъ: мы говоримъ: моя жена, моя дочь“ *). Таково положеніе женщины у дикарей, ну а развѣ у такъ называемыхъ цивилизованныхъ народовъ нѣтъ такихъ же дикарей? Когда какойнибудь нулисть, избѣгая семейной жизни и ея обязанностей, пускается въ легкій развратъ и усталый отъ изнеможенія, рѣшается, наконецъ, удостоить неопытную отроковицу своего имени и сана, конечно не безъ разныхъ расчетовъ на большое денежное вознагражденіе за эту жертву и честь, когда таковая отроковица, вкусивъ отъ древа познанія добра и зла, увлекается потомъ своими горячими побужденіями, то нулисть ей указываетъ на дверь и общественное мнѣніе клеймитъ ее позорнымъ именемъ. Почему же большинство мужчинъ, положительные проституты, имѣютъ право всю свою жизнь развратничать сколько душѣ угодно, а малѣйшее увлеченіе, какое себѣ позволить женщина, преслѣдуется. Какими же мотивами должно руководствоваться человечество для того, чтобы избѣгнуть искаженія великаго мірового обобщенія — подбора? Самымъ главнымъ, а можетъ быть и единственнымъ, контролемъ половыхъ отношеній между людьми должна быть любовь, взаимная привязанность, взаимное пониманіе, обоюдное согласіе, обоюдное уваженіе и притомъ въ истинной формѣ, а не на словахъ только. На такомъ взаимномъ влеченіи основанное сожителство, если оно при этомъ не противорѣчитъ разумнымъ требованіямъ гигиены, и проникнуто истинною любовью, по справедливости, можетъ быть названо источникомъ всего хорошаго, истиннаго, благороднаго, также какъ, съ другой стороны, антигигиеническое и несчастное сожителство есть источникъ всего дурнаго и тяжелаго въ жизни. «Бракъ безъ любви, говоритъ Эдуардъ Рейхъ **), таятъ въ себѣ тысячи зародышей физическихъ, нравственныхъ и душевныхъ страданій, и такой бракъ положительно и несомнѣнно вреденъ потомству». Пробѣгая реестры преступниковъ и самоубійцъ, легко убѣдиться, что въ нихъ самую важную роль играетъ бракъ безъ любви, основанный не на нравственныхъ симпатіяхъ, а на какихънибудь чисто-внѣшнихъ и своекорыстныхъ соображеніяхъ. Въ домахъ умалишенныхъ безчисленное множество больныхъ обязаны своимъ тяжкимъ страданіямъ несчастному браку — отсутствію любви. Несмѣтное число нервныхъ страданій, брюшныхъ страданій, неумѣренность, расточительность, азартныя игры и распутство суть послѣдствія

*) Lebböck. L'Homme avant l'histoire. Стр. 474.

***) Reich. Die Ursachen der Krankheiten. Стр. 151.

несчастливаго брака. Люди нелюбящіе другъ друга и всю жизнь прикованные другъ къ другу похожи, въ моихъ глазахъ, на собаку и кошку въ одномъ мѣстикѣ; они взаимно отравляютъ свою жизнь, хвораютъ физически и нравственно, маются весь свой вѣкъ и рады покончить мучительную жизнь. Истинная любовь—приправа жизни, и природа требуетъ, чтобъ людей сближала взаимная страстность, а не холодное исполненіе своихъ обязанностей. Стоитъ сравнить дѣтей, производимыхъ людьми, соединенными въ силу общественной обстановки, въ силу приличій, съ такъ называемыми незаконнорожденными, чтобъ убѣдиться, насколько первыя лишены энергіи и способности къ проявленію кипучей дѣятельности. Браки безъ взаимной склонности и составленныя по строгимъ арифметическимъ расчетамъ и выкладкамъ, производятъ самыхъ жалкихъ умственныхъ и нравственныхъ субъектовъ, между тѣмъ, какъ дѣти любви искони вѣкомъ считаются выдающимися по своей живости, смыслености, находчивости, а подчасъ и по гениальности. Наша alma mater природа надѣлила людей этимъ благороднымъ чувствомъ во всѣхъ углахъ обитаемой нами планеты, и совершенно ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что горячая любовь и страсти лишь удѣлъ того или другого климата, той или другой расы. По поводу этого мы приведемъ слова Эрнста Вибры, цитируемая Рейхомъ въ его прекрасномъ сочиненіи о брачной жизни. «Вообще люди склонны приписывать жителямъ южныхъ странъ большую страстность и чувственность, чѣмъ обитателямъ сѣверныхъ, холодныхъ полосъ. Толкуютъ о горячей крови, о необузданныхъ страстяхъ, о пылкости, которая блеститъ въ жгучихъ взглядахъ южанъ. Я не могу повѣрить этому, послѣ всего, что я видѣлъ въ жаркихъ и холодныхъ мѣстностяхъ. Я думаю, что сѣмя грѣховности, завѣщанной намъ прародительницей Евой, одинаково равно распределено въ сердцахъ всѣхъ людей, все равно блондины ли это, брюнеты, или смуглые, и сынъ холоднаго сѣвера такъ же склоненъ къ запретной любви, какъ и дитя тропическаго солнца. Но за то гораздо больше скрытности проявляетъ сѣверянинъ, всякое необузданное побужденіе прикрывается тамъ покровомъ благонравія и благопристойности и острый язычекъ иной лицемѣрной бабенки порицаетъ въ сосѣдѣ то, въ чемъ она сама больше повинна. Поближе къ экватору не слишкомъ серьезно стараются скрыть свою страстность, тамъ менѣе таинственно грѣшати, и поэтому, дѣйствительно, учиняютъ меньше грѣховъ, потому что менѣе лгутъ, менѣе лицемѣрятъ“ ¹⁾. Вотъ

¹⁾ Reich. Das Eheliche Leben., стр. 452.

выраженія, которыя слѣдовало бы имѣть въ виду нашимъ теоретикамъ-моралистамъ.

Итакъ, взаимное сближеніе двухъ половъ и неизбежное послѣдствіе такого сближенія, выраженное появленіемъ дѣтей, ставятъ каждаго человѣка въ новыя соціальныя отношенія къ обществу, для которыхъ семейная жизнь служитъ первымъ и главнымъ звеномъ. Это обязываетъ каждаго выяснить это отношеніе въ разумной и честной формѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это отношеніе, эта форма должна опираться на строго-экономическихъ началахъ. Такимъ образомъ мы сводимъ всю суть брачныхъ отношеній къ двумъ неизбѣжнымъ началамъ: взаимная привязанность, или естественное влеченіе, глубоко и искренно уважаемое нами во всѣхъ его видахъ, формахъ и проявленіяхъ, и строго-экономическое опредѣленіе и выясненіе взаимнаго сотоварищества. „Что придаетъ преимущественно половымъ отношеніемъ животныхъ прочную связь, говоритъ Вундтъ, такъ это любовь къ дѣтямъ, и послѣдняя высказывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе требуютъ дѣти тщательнаго и продолжительнаго ухода. Сверхъ того, потребность взаимной защиты и помощи между супругами связываетъ ихъ и на остальное время, слѣдующее за воспитаніемъ дѣтей. Это въ особенности можно сказать о всѣхъ животныхъ, устранивающихъ гнѣзда и жилища или обитающихъ въ пещерахъ. Съ этой стороны бракъ животныхъ имѣетъ существенную связь съ условіями физической организаціи“.)

Вникая глубже въ смыслъ ученія Дарвина, легко убѣдиться, что законъ подбора имѣетъ въ виду двоякую цѣль: продолженіе рода и усовершенствованіе породы, составляющую настоящую суть прогресса. Въ мірѣ животныхъ эта цѣль достигается всѣми тремя формами подбора, но человѣкъ, обставленный искусственными и самыми сложными соціальными условіями, въ большинствѣ случаевъ, совершенно упускаетъ изъ виду эту цѣль. Рейхъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ условія счастливаго сближенія людей: «Для того, говоритъ онъ, чтобъ супружество было счастливо и удовлетворяло бы всѣмъ разумнымъ требованіямъ подбора, необходимо: полное различіе, противоположность, контрастъ половъ въ сложеніи тѣла, въ темпераментѣ, въ національностяхъ и расахъ; такой контрастъ придаетъ союзу гораздо болѣе прелести и гораздо большую приманку, и несравненно сильнѣе закрѣпляетъ семейное счастье, чѣмъ однородность обѣихъ половинъ. Такъ ужъ оно, значить, въ природѣ человѣка, что все болѣе или менѣе чужое, постороннее, проявляетъ и воз-

*) Вундтъ. Душа человѣка и животныхъ. Т. II, стр. 243.

буждаетъ болѣе или менѣе продолжительное привлеченіе, между тѣмъ какъ тутъ же находящееся, близкое вообще отталкиваетъ. Каждый день легко убѣдиться, что потомство людей различныхъ по племени и національности несравненно свѣжѣе, коренастѣе, здоровѣе, сильнѣе, чѣмъ потомство людей одной породы. Я считаю помѣсь породъ и національностей за весьма существенную и неизбежную потребность для физическаго и соціальнаго преуспѣянія народа, для его духовнаго и нравственнаго возрожденія. До чего доходить племена, совершенно изолированныя, перемѣливающіяся исключительно между собою и удаляющіяся отъ всякаго близкаго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, до чего доходятъ такія несчастныя племена, ясно можно видѣть, если взглянуть на жалкихъ обитателей Альпійскихъ горъ, доставляющихъ однихъ лишь кретиновъ и идіотовъ: это полное вырожденіе человѣка, въ физическомъ, нравственномъ, умственномъ и всякомъ другомъ отношеніи^{*)}. «Взаимная любовь супруговъ такое же неизбежное условіе ихъ счастья какъ твердость характера, великодушіе, стойкость въ критическія минуты, соотвѣтствующая степень умственнаго образованія и развитія, здравый взглядъ на міръ и людей, свиходительность при обсужденіи взаимныхъ слабостей, извиненіе, когда эти слабости выходятъ наружу, взаимное пониманіе, устраненіе и отрѣшеніе отъ предрасудковъ и наконецъ сообразное съ человѣческимъ достоинствомъ воспитаніе дѣтей. Въ рукавъ родителей пріучотвить счастливыя супружества своихъ дѣтей разумной заботой при воспитаніи; во власти общества устроить супружеское счастье населенія устраненіемъ вредныхъ предрасудковъ, вредныхъ обычаевъ и глупыхъ кастическихъ принциповъ, введеніемъ соотвѣтственной народной экономіи, распространеніемъ здравыхъ понятій для сохраненія физическаго здоровья, хорошимъ общественнымъ воспитаніемъ и образованіемъ и наконецъ предоставленіемъ людямъ по возможности большей свободы въ жизни^{**)}.

Гдѣ же то европейское общество, которое руководствовалось бы этими разумными требованіями подбора? Напротивъ того. Монаotonность фizioномій, стадность обычаевъ, самое скудное однообразіе понятій, пустота и безсодержательность семейной жизни, вѣчный разладъ, царящій за ничтожнымъ исключеніемъ во всѣхъ сферахъ общества и въ каждой отдѣльной семьѣ, все это служитъ доказательствомъ, что при существующемъ порядкѣ вещей, при скудости

*) Reich. Das Eheliche Leben. Стр. 531.

***) Reich. Das Eheliche Leben. Стр. 332.

естественно-научныхъ понятій въ большинствѣ такъ называемаго образованнаго общества, могущественный законъ подбора приносится въ жертву совершенно постороннимъ расчетамъ. Исключительное положеніе женщины отчасти мѣшало правильному примѣненію подбора. Завися до сихъ поръ экономически отъ произвола мужчинъ, не допускаемая ни до какой умственной и общественной дѣятельности, замкнутая въ тѣсную сферу кухонной и семейной обыденности, ей было трудно, скажемъ больше, физически невозможно стать въ уровень и идти рука объ руку съ мужчиной въ интеллектуальномъ и социальномъ развитіи. Она поэтому оставалась позади, и теряла отъ этого больше всего нашъ братъ мужчина. Вотъ почему лучшіе европейскіе умы оставались большею частію безъ подбора и проводили жизнь въ скучномъ и однообразномъ одиночествѣ. Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, Кантъ, Гегель, Маколей и величайшій естествоиспытатель прошлой половины нашего столѣтія Гумбольдъ, всѣ эти колоссы ума и науки провели жизнь чуждые «семейнаго счастья», «семейнаго очага» или, лучше сказать, не могли отыскать себѣ среди женскаго населенія соотвѣтственнаго подбора; и человечество отъ этого конечно немало потеряло, что первоклассные европейскіе умы не произвели усовершенствованнаго потомства только потому, что не нашлось подходящихъ женщинъ. Въ русскомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, трудно указать на такія же блестящія исключенія изъ женщинъ, какія проявлялись среди мужчинъ. И пока общество не пойметъ всѣхъ естественныхъ требованій подбора, до тѣхъ поръ нечего ожидать улучшенія породы. А этого можно будетъ достигнуть только распространеніемъ въ публикѣ естественно-научныхъ знаній, потому что другими средствами до сихъ поръ недостигли цѣли. Вся беллетристика, всѣ драматическія произведенія, всѣ трагедіи и комедіи — все это варіаціи на одну и ту же тему, все это клонилось и клонится къ тому, чтобъ вызвать въ зрителѣ сочувствіе къ любви и ея различнымъ комбинаціямъ. И казалось бы, что та публика, которая проливаетъ слезы сочувствія къ трагическому положенію лицъ, выводимыхъ на сцену, должна была бы быть снисходительной и отнестись разумно къ такимъ же явленіямъ въ дѣйствительной жизни. Но на дѣлѣ выходитъ совершенно на оборотъ. Такъ, если какой вѣбудь молодой аристократъ *ring bang*, блондинъ, съ голубыми глазами и нѣсколько вялаго флегматическаго темперамента влюбляется въ молоденькую, хорошеющую жидовочку брюнетку, съ черными глазами, съ живымъ, подвижнымъ и пылкимъ характеромъ, то этотъ рѣзкій контрастъ какъ разъ содержитъ въ себѣ всѣ элементы для самаго сильнаго природнаго

влеченія, для самаго страстнаго и жгучаго пожеланія, которое смокнетъ лишь при полившемъ удовлетвореніи всѣмъ требованіямъ пламенной любви, но невѣжество, руководясь своими рутинными принципами *noblesse oblige*, *position oblige*, вооружается всею силою своихъ предразсудковъ при видѣ явленія, выходящаго изъ колеи по всѣдневныхъ событій и всячески вредить дѣлу природы, дѣлу подбора. Но природѣ ровно никакого нѣтъ дѣла до предразсудковъ человѣчества, и все, что мѣшаетъ прогрессивному стремленію подбора, то выживаетъ, вырождается, вымираетъ. И если бы природа и подборъ руководствовались глупостью людской, съ которой и боги напрасно воюють, то человѣчество давнымъ давно вымерло бы цѣликомъ или возвратилось бы въ какую нибудь до-историческую форму существованія, но въ этомъ-то и счастье для всего человѣчества, что прогрессивное улучшение въ интересахъ самой природы, а потому вырождается и вымираетъ лишь все отсталое, негодное, остающееся за штатомъ, а успѣвнеее улучшить продолжаетъ совершенствоваться и помимо воли человѣка, а иногда вопреки всѣмъ его стараніямъ и неумѣстному вмѣшательству. Тогда на сцену выступаетъ во всеоружіи сила естественнаго подбора. „Если, говорить Дарвинъ, *) человѣкъ можетъ достигнуть и несомнѣнно достигъ значительныхъ результатовъ методическимъ и безсознательнымъ подборомъ, то чего не можетъ достигнуть природа? Человѣкъ можетъ дѣйствовать лишь на наружные видимые признаки. Природѣ дѣла нѣтъ до наружности, развѣ она также заключаетъ въ себѣ элементъ полезный организму. Природа можетъ дѣйствовать на всякій внутренней органъ, на всякій отѣнокъ строенія и склада, на всю совокупность жизненнаго механизма. Человѣкъ подбираетъ лишь то, что ему полезно; природа лишь то, что полезно охраняемому ею организму. Всякій подобранный ею признакъ тотчасъ находитъ приложеніе и организмъ имъ приспособляется еще къ болѣе жизненнымъ условіямъ.“ Мы убѣждены, что Дарвинъ хочетъ сказать, что всякій подобранный природою признакъ вытекаетъ изъ естественныхъ ея потребностей и есть выраженіе приспособленія организма къ жизненнымъ условіямъ. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ человѣкъ является съ своимъ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ, тамъ терпитъ онъ рѣшительное фіаско, потому что раньше или позже, а природа возьметъ свое; разница лишь во времени; природа дѣйствуетъ слишкомъ медленно, не торопясь, слишкомъ увѣренная въ своемъ могуществовѣ, въ своемъ успѣхѣ; она свиходительно дозволяетъ человѣку побаловаться, утратить ея

*) О происхожденіи видовъ стр. 67.

свойства, видоизмѣнять, пользоваться ея благами, отступать отъ ея апіористическихъ предначертаній, но въ концѣ концовъ она все-таки возвращается къ своимъ неизблѣннымъ планамъ и навсегда остается вѣрна себѣ. „Безъ преувеличенія можно сказать, говоритъ Дарвинъ, что естественный подборъ ежедневно, ежечасно, ежеминутно въ каждое данное мгновеніе отыскиваетъ на всемъ свѣтѣ всякое уклоненіе, даже самое ничтожное, отбрасываетъ все дурное, сохраняетъ и накапливаетъ все хорошее, не слышно и незамѣтно трудясь надъ усовершенствованіемъ всякаго организма какъ въ отношеніи органическихъ, такъ и въ отношеніи неорганическихъ условій его жизни и притомъ всюду, гдѣ бы и когда бы не представился къ тому случай. Отъ насъ сокрытъ медленный ходъ этого процесса; лишь по прошествіи долгихъ временъ насъ поражаютъ его результаты *)»

Человѣкъ, этотъ пигмей въ искусствѣ творчества, тѣмъ не менѣе большой хвастунъ. Онъ готовъ хвастаться всякою малостью, онъ готовъ приходить въ восторгъ, когда ему удастся превратить простой цвѣтокъ въ махровый; онъ столько же гордится тонкими ногами своей породистой лошади, сколько медалью на шеѣ. Но что значать всѣ его подвиги въ сравненіи съ творческой силой природы. И еслибъ мы могли прослѣдить весь историческій ходъ, весь длинный процессъ естественнаго подбора въ природѣ, еслибъ мы могли присутствовать при томъ, какимъ подборомъ уклоненій развивался человѣкъ, еслибъ мы могли видѣть его во всѣхъ фазахъ его развитія, но въ обратномъ порядкѣ, то предъ нашими глазами предстало бы чрезвычайно интересное зрѣлище.

Однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для достиженія многостороннихъ задачъ подбора служитъ скрещиваніе породъ. Этимъ путемъ человѣкъ достигъ неизвѣстныхъ результатовъ въ прогрессѣ, въ улучшеніи животныхъ и растений. И не только улучшения, но безъ преувеличенія можно утверждать, что путемъ скрещиванья созданы чуть не новыя породы животныхъ и растений. Въ рукахъ человѣка это могущественный способъ, которымъ онъ можетъ просто творить чудеса. Онъ можетъ создать породу, онъ можетъ уничтожить ту или другую. Онъ можетъ черное сдѣлать бѣлымъ и бѣлое превратить въ черное. Такъ европейцы взяли на острова Тихаго океана въ такомъ множествѣ своихъ свиней и собакъ, что туземныя породы совершенно исчезли втеченіе пятидесяти или шестидесяти лѣтъ. И такая исторія легко повторится всякій разъ, какъ только одна изъ смѣшивающихся породъ значительно превзой-

*) Дарвинъ. Происхожденіе видовъ. Стр. 68.

детъ своей численностью или качественностью другую, тогда послѣдняя вскорѣ непрѣнно исчезнетъ и будетъ вполне поглощена первою. Смѣшивая породы въ различныхъ комбинаціяхъ, можно прозвестъ весьма интересныя фізіономическіе опыты даже и надъ людьми. Такъ Дарвинъ утверждаетъ, что если бы образовалась колонія изъ равнаго числа черныхъ и бѣлыхъ людей, и мы предположили бы, что они женятся безразлично, что они одинаково плодородны и что $\frac{1}{10}$ всего населенія ежегодно умираетъ и рождается, тогда чрезъ 65 лѣтъ число бѣлыхъ, черныхъ и мулатовъ было бы одинаково. Чрезъ 91 годъ бѣлыхъ было бы одна десятая, черныхъ одна десятая, а мулатовъ или промежуточныхъ степеней было бы восемь десятыхъ всего числа. Чрезъ три столѣтія не осталось бы даже и $\frac{1}{100}$ части бѣлыхъ людей *). У васъ, читатель, вносилося платье и превратилось въ тряпку, вы сдаете свой старый халатъ въ складъ тряпья для производства бумаги и фабрика превратитъ вашъ халатъ въ листъ почтовой бумаги, на которомъ вы напишете любовное письмо или составите какой нибудь юридическій актъ, имѣющій силу и значеніе на всю вашу жизнь. Казалось бы, что это очень мудреная метаморфоза, но вѣдь это такъ просто что изъ тряпокъ дѣлаютъ бумагу, что никто этому уже не удивляется. Также просто и обыкновенно посредствомъ скрещиванья и при помощи тщательнаго подбора вырожденіе нѣсколькихъ поколѣній какую нибудь старую породу овецъ, собакъ, свиней, голубей превратить въ новую разновидность съ совершенно новыми отличными свойствами и качествами. Такъ напр. лордъ Орфордъ скрестилъ однажды свою знаменитую стаю борзыхъ собакъ съ бульдогами, причѣмъ эта порода была выбрана на томъ основаніи, что они лишены чутья и снабжены нужными качествами: храбростью и неутомимостью. Послѣ шести или семи поколѣній всѣ внѣшніе признаки наружной формы бульдога совершенно исчезли, но храбрость и выносливость, остались. Преподобный Фоксъ сообщаетъ Дарвину, что онъ скрещивалъ понтеровъ съ гончими и лисьими собаками, чтобы придать имъ больше стремительности и быстроты. Какія-то оксфордширскія овцы считаются въ Англійской образцовой установившейся породой, но генеалогія ихъ породистости и рядъ скрещиваній, посредствомъ которыхъ ихъ довели до этого образцоваго состоянія, не уступитъ, быть можетъ, генеалогіи любого англійскаго лорда. Потрудитесь распутать длинную вереницу фамилій, съ которыми смѣшивался какой нибудь домъ Бурбоновъ или происхож-

*) Дарвинъ. Прирученныя животныя, т. 2, стр. 92.

деніе мелкопомѣстнаго германскаго князька. Но выраженію Берне нужно быть цыганкой, чтобъ понять и разгадать линіи Рейсъ, Грейсъ, Щлейцъ, такъ что таблица умноженія здѣсь недостаточное подспорье. Оксфордширскія овцы въ этомъ отношеніи счастливѣе. Чотко записано, что онѣ произошли въ 1830 году (замѣтьте хронологію этого важнаго историческаго событія) отъ скрещиванія гамширскихъ и соугдаунскихъ овецъ съ котсвальдскими баранами, а котсвальдскіе бараны произошли отъ лестерскихъ, а эти послѣдніе еще отъ другихъ и т. д. Такъ что теряешься въ этомъ фамильномъ спискѣ, точно дѣло идетъ не о баранахъ, а о феодальныхъ баровахъ. Множество подобныхъ курьезовъ подало поводъ какому-то Спунеру придти къ заключенію, что разумнымъ спариваньемъ скрещенныхъ животныхъ возможно произвести новыя породы. Случается иногда такъ, что сановитыя особы съ тщательною заботливостію слѣдятъ за исторіей скрещиванья разныхъ породъ скота и другихъ животныхъ и слѣдятъ за этимъ съ такимъ же интересомъ, какъ, за развитіемъ какого нибудь историческаго вопроса. Пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ вюртембергскому королю, который послѣ двадцатипятилѣтняго старательнаго размноженія, т. е. послѣ шести или семи поколѣній, произвелъ новую породу скота отъ скрещиванія между голландскими и швейцарскими породами съ примѣсью еще другихъ породъ.

Но то что старая Европа испробовала на различныхъ породахъ животныхъ, Америка примѣнила къ людямъ. Да, Америкѣ суждено раскрыть глаза людямъ на многое. Старая Европа съ своими предубѣжденіями уступитъ раньше или позже тому лучезарному свѣту, который мерцаетъ теперь уже на всѣхъ проблескахъ заатлантической жизни. Тамъ скрещиванья между тремя различными племенами приведутъ къ такой новой породѣ людей, которые положительно современемъ вытѣснятъ всѣ остальные. Европа пришла бы въ ужасъ отъ тѣхъ перекрещиваній людскихъ породъ, какія имѣютъ мѣсто въ Америкѣ. Даже въ такой странѣ какъ Бразилія, пропитанная католическимъ лицемѣріемъ іезуитовъ, часто совершаются помѣсы мулатокъ съ бѣлыми мужчинами.

И какъ ни старается бразильское дворянство, чтобъ избѣгнуть столкновенія съ темнокожими женщинами, какъ ни хлопочетъ оно о томъ, чтобъ не дать имъ проникнуть въ свою замкнутую и привилегированную среду, но природа, по пословицѣ, выгоняемая въ дверь, лѣзетъ въ окно, и въ концѣ концовъ обходитъ аристократическую сѣнь. Кастеръ рассказываетъ, какъ часто иной юноша, взъ богатой и знатной фамиліи, влюбляется въ молодую мулатку; климатъ тамъ жаркій и всякіе плоды зрѣютъ скоро—мулатка бе-

ременна, юноша беретъ ее къ себѣ, она занимаетъ мѣсто метрессы, окружающіе мало-по-малу свыкаются съ этимъ; наконецъ, это становится обыкновеннымъ и когда уже нѣются на лицо нѣскольکو дѣтей, они узаконяють юридически свой бракъ и родня принимаетъ ихъ съ должнымъ уваженіемъ. Интересно то, прибавляетъ Кастеръ, что именно такіе браки самые счастливые, и что такихъ субъектовъ соединяетъ гораздо сильнѣйшая привязанность, чѣмъ супруговъ первоклассныхъ фамилій. «Да, на всемъ свѣтѣ таже исторія повторяется, прибавляетъ Рейхъ, что въ насильственныхъ и противоестественныхъ бракахъ немнмымъ взаимное и интимное пониманіе, между тѣмъ какъ самыми счастливыми оказываются именно браки, въ которыхъ истинная любовь сближаетъ людей, несмотря на различіе сословій, званій и состояній.» Мориць Руиндасъ рассказываетъ, что «браки между бѣлыми мужчинами и цвѣтными женщинами въ низшемъ и среднемъ сословіи весьма часты и не возбуждаютъ ничего удивленія. И даже въ высшемъ сословіи случаются такіе браки. Бракъ такого рода только тогда обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, когда жена бѣлая, принадлежитъ слишкомъ богатой и знатной фамиліи, а кожа мужа ужъ больно темнаго цвѣта. Всѣ такіе браки не возбуждаютъ порицанія, а бросаются нѣсколько въ глаза, какъ что-то странное.» Далѣе онъ продолжаетъ: «Помѣсь американской съ бѣлой расой все таки случается рѣдко, потому что индіанки мало привлекательны, а бѣлая и въ мысляхъ своихъ не допускаетъ сближенія съ индѣйцемъ. Въ первые времена открытія и завоеванія Америки, помѣсь европейцевъ съ американками совершалась чаще, отчасти вслѣдствіе недостатка бѣлыхъ и черныхъ женщинъ, отчасти, быть можетъ, потому, что индіанки тогда были привлекательнѣе. Весьма часто встрѣчаются потомки негровъ съ индіанками, потому что послѣднія предпочитаютъ негровъ мужьямъ своей собственной расы; индѣйцы же презирають негровъ и сочли бы для себя за безчестіе сойтись съ негряткой» *). Нѣкоторые заводчики, рассказываетъ Дарвинъ, съ упорнымъ суевѣріемъ придерживаются ученія о чистокровности, считая его единственнымъ ковчегомъ спасенія и, разумѣется, попадаютъ въ просакъ. Такіе же рутинные взгляды господствуютъ въ большинствѣ стараго отживающаго европейскаго общества и ведутъ къ тѣмъ же печальнымъ результатамъ. Купечество, наприм., съ неимовѣрнымъ тупоуміемъ отстаиваетъ свои сословные недостатки и свой жиръ; кастическія предубѣжденія востока и замкнутость его сословій породили какую-то вѣковую тупость, табунную

*) Reich. Das Eheliche Leben. Стр. 438.

физиономію, однообразіе и скудость понятій и такой китаизмъ, апатію и застои интеллектуальныхъ силъ, что подчасъ страшно становится за человѣка и терпѣшь вѣру въ возможность его прогрессивнаго движенія впередъ. То же самое повторяется, въ нѣсколько иныхъ формахъ, и въ европейскомъ обществѣ. Эту изолированность кастъ и сословій, отчужденность и предубѣжденія, господствующія между національностями, наука теперь признаетъ положительно вредными. Она осуждаетъ ихъ въ интересахъ каждаго народа отдѣльно и человѣческаго рода вообще. Напрасно законодатели и политики пренебрегаютъ этимъ серьезнымъ вопросомъ; онъ заслуживаетъ гораздо большаго вниманія, чѣмъ обыкновенно думаютъ. — Рутинная замкнутость обезсиливаетъ народъ, обезличиваетъ его индивидуальныя черты и не возбуждаетъ той страстности, той игры чувствъ, той энергіи впечатлѣній, какія необходимы въ конкретномъ случаѣ для полнаго примѣненія широкихъ требованій подбора. Это особенно подтверждается скрещиваніемъ породъ въ слишкомъ тѣсныхъ границахъ. Такъ какъ законъ всегда вѣренъ для всего растительнаго и животнаго міра, не исключая и человѣка, то основываясь на опытахъ съ животными и растениями, наука громко возстаетъ противъ всякихъ попытокъ кровосмѣшенія и считаетъ это самымъ тяжкимъ физиологическимъ грѣхомъ, самой уродливой ошибкой. Спариванье между животными отца и дочери или матери и сына, или братьевъ и сестеръ впродолженіи нѣсколькихъ поколѣній — такіа неестественныя совокушенія влекутъ за собою въ животномъ мірѣ уменьшеніе роста, ослабленіе конструкціи тѣла, бесплодіе, или развиваютъ наклонность къ самымъ причудливымъ уродствамъ. Природа мститъ за оскорбленія, наносимыя ея законамъ. Самые компетентныя судьи въ этомъ дѣлѣ полагаютъ, что спариванье брата и сестры еще хуже, чѣмъ отца и дочери. Дарвинъ приводитъ опытные наблюденія самыхъ лучшихъ и практическихъ заводчиковъ, слишкомъ заинтересованныхъ, конечно, въ способѣ улучшенія и размноженія своихъ животныхъ, — онъ цитируетъ Сибрайта, Андрю Найта, Натюзіаса, Уайта, Проспера Люкаса, къ которымъ лично относится съ глубокимъ уваженіемъ. Всѣ эти заводчики (кромя Проспера Люкаса) были заинтересованы въ томъ, чтобы не смѣшивать кровныя породы своихъ стадъ съ какиминибудь посторонними животными, дорожили чистотою крови и аристократичностью своихъ породистыхъ животныхъ не менѣе любого англійскаго лорда, а потому они избѣгали смѣшенія съ другими стадами и разводили своихъ животныхъ въ самыхъ тѣсныхъ границахъ, не выходя изъ предѣловъ своего стада, и въ концѣ концовъ вынуждены были отказаться отъ этой системы. Нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось

горько раскаяться въ своихъ узкихъ возрѣніяхъ, потому что всякія болѣзненныя наклонности, свойственныя производителямъ, при такомъ тѣсномъ скрещиваніи усиливаются въ потомствѣ и влекутъ за собою вырожденіе, вымирание или бесплодіе цѣлаго стада. Волей-неволей всѣ эти владѣльцы и любители животныхъ, искушенные опытомъ, прибѣгали къ скрещиванію съ посторонними породами и замѣчали тогда быстрое улучшеніе своихъ стадъ. Стадо Бэтса считалось самымъ знаменитымъ въ мірѣ. Тринадцать лѣтъ онъ размножалъ свой скотъ самымъ тѣснымъ образомъ и чуть не сгубилъ его. Поэтому онъ въ послѣдующія семнадцать лѣтъ постепенно сталъ подмѣшивать къ своему стаду свѣжей крови, ибо уменьшающаяся плодовитость его стада убѣждала его въ томъ, что имѣть слишкомъ возвышенное мнѣніе о достоинствѣ своего стада нѣсколько нелѣпо и такой педантизмъ убыточенъ и даже раззорителенъ. Интересно и то обстоятельство, что заводчики скота, долгое время придерживавшіеся спариванья въ тѣсныхъ границахъ и потомъ скрещивавшіе свое стадо съ другой породой, выручали на выставкахъ наибольшія цѣны за животныхъ, полученныхъ отъ скрещенныхъ породъ. Нужно однако же сознаться, что вопросъ спариванья животныхъ въ довольно тѣсныхъ границахъ имѣетъ своихъ ярыхъ защитниковъ, и тѣ, которые не видятъ дальше своего носа, могутъ дѣйствительно представить факты, на первый взглядъ будто бы говорящіе въ ихъ пользу. Иной заводчикъ увѣряетъ, что пятидесяти-лѣтній опытъ спариванья овецъ въ тѣсныхъ предѣлахъ не повлекъ за собою вырожденія стада. Но такія увѣренія и мнимыя противорѣчія должны быть принимаемы съ большою осторожностью; во-первыхъ, стадо было довольно многочисленное, а во-вторыхъ, спариванье производилось не между слишкомъ близкими родственниками. Въ старыхъ англійскихъ паркахъ лани подвергались довольно тѣсному спариванью, и что же оказалось? Порода эта такъ измельчала и ослабла, что примѣшиваніе свѣжей крови сдѣлалось невозбѣжнымъ. Мало того, что такую примѣсью достигали улучшенія въ размѣрахъ и въ организаціи, но бѣдныя животныя избавлялись этимъ путемъ отъ многихъ мучительныхъ болѣзней, которымъ подвергало ихъ слишкомъ тѣсное спариванье. Всѣ наблюдатели легче всего помирились на свиньяхъ. Свиньямъ больше всего пришлось испытать на себѣ всю тяжесть вреда отъ слишкомъ родственнаго спариванья. Извѣстно, какую непримиримую національную вражду питаютъ другъ къ другу евреи и свиньи, но природа одинаково относится къ ихъ тождественной грѣховности. Извѣстный заводчикъ м-ръ Урайтъ скрестилъ борова съ дочерью, внучкою, правнучкою и т. д. вплоть до седьмого поколѣ-

ніи. И что же? Потомство оказалось бесплоднымъ, то оно было слишкомъ недолговѣчно, то оно производило такихъ идіотовъ, которые не умѣли даже сосать или ходить, какъ слѣдуетъ. Очевидно, кровосмѣшеніе отозвалось слишкомъ пагубно на умственныхъ способностяхъ свиньи и на ея воспроизводительномъ отпращиваніи. Ниже мы увидимъ, что къ такимъ же послѣдствіямъ привело кровосмѣшеніе и евреевъ. Но мы не ковчили бы никогда, еслибъ желали привести всѣ правдивые доводы, которыми Дарвинъ доказываетъ вредъ и пагубу кровосмѣшенія у животныхъ. Отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ къ оригинальнымъ сочиненіямъ Дарвина, Рейха, Тэйлора и другихъ. Всѣ факты, приведенные Дарвиномъ, достаточно ясны, чтобы опровергнуть опрометчивое мнѣніе Эстерлена, что кровосмѣшеніе между животными служить для улучшенія породы *). Эстерленъ весьма компетентный судья въ дѣлѣ медицинской статистики, но что касается до вопроса объ улучшеніи животныхъ, о воздѣлываніи растений, то онъ грудной младенецъ предъ такимъ колоссомъ ума и знанія, какъ Дарвинъ, и его мнѣніе въ этомъ случаѣ теряетъ для насъ всякую доказательную силу. А потому мы относимся съ полнымъ недоумѣніемъ къ его слишкомъ поспѣшнымъ выводамъ, будто бракъ между здоровыми и близкими родственниками не можетъ причинить особеннаго вреда. Эстерленъ въ своей эксцентричности доходитъ до того, что думаетъ, что браки между здоровыми родственниками цѣлесообразнѣе, чѣмъ между чужими. Какъ гигиенистъ, онъ зашелъ здѣсь слишкомъ далеко и черезъ-чуръ утрируетъ понятіе о здоровьѣ. Положительныя данныя, собранныя Буденомъ, Рейхомъ, Дэви, Оллье и другими, опровергаютъ его положительно. Эстерленъ въ силу всего этого долженъ бы сознаться, что Дарвинъ несравненно шире и глубже его понимаетъ разумныя и естественныя требованія подбора.

Къ счастью для человѣчества, многіе, даже самые (хотя далеко не всѣ) дикіе, народы и древнѣйшіе предшественники наши чувствовали какое-то инстинктивное отвращеніе къ кровосмѣшенію, и это отвращеніе у многихъ народовъ получило силу религіознаго закона. Мы приведемъ нѣкоторые примѣры изъ Тэйлора и Рейха. Древніе римляне строго воспрещали браки между кровными родственниками и, по увѣренію Тацита, кровосмѣшеніе между родителями и дѣтьми наказывали смертью (Рейхъ, стр. 16). У грековъ вообще также были запрещены браки между ближайшими родственниками, но спартанцы допускали браки между дѣтьми отъ

*) Oesterlen. Medicinische Statistik. Стр. 198 и 200.

одной матери, но отъ разныхъ отцовъ. Гомеръ упоминаетъ даже о бракахъ между братьями и сестрами, что съ теченіемъ времени, по ВалеріюМаксиму, совершенно вывелось, но браки между двоюродными братьями и сестрами, между тетками и племянниками, дядями и племянницами, къ сожалѣнію, всегда допускались (Рейхъ стр. 22). По Діодору Сицилійскому, бракъ у древнихъ египтянъ между ближайшими кровными вовсе не былъ запрещенъ, такъ какъ у нихъ братъ могъ жениться на сестрѣ (Рейхъ стр. 33). Геродотъ рассказываетъ, что персы никогда не имѣли привычки жениться на сестрахъ, но жестокій Камбизъ влюбился въ родную сестру и, выслушавъ приговоръ своихъ судей, что хотя нѣтъ закона, повелѣвающаго брату жениться на сестрѣ, за то есть законъ, разрѣшающій деспоту дѣлать все, что ему угодно, Камбизъ женился на родной сестрѣ, да въ придачу взялъ себѣ въ жены еще и вторую сестру (Рейхъ стр. 36). Нѣкоторые древніе народы доводили эти запрещенія до положительнаго абсурда. Такъ въ Индіи считается незаконнымъ поклоннику Брами жениться на женщинѣ, носящей одно съ нимъ родовое имя или Готра (въ буквальномъ значеніи «коровье стойло»), т. е. запрещалось вступать въ бракъ родственникамъ по мужской линіи, границы котораго неопредѣленны. Въ кодексѣ Ману этотъ законъ прилагается къ тремъ первымъ кастамъ, гдѣ запрещается также до извѣстныхъ широкихъ границъ бракъ между родственниками по женской линіи. Китайскій народъ дѣлится на множество классовъ или родовъ; каждый отличается именемъ, которое носятъ всѣ его члены и которое соответствуетъ прозвищу, или лучше сказать нашей фамиліи, потому что жена принимаетъ фамилію мужа; фамиліи же эта переходитъ по наследству къ сыновьямъ и дочерямъ. Число этихъ фамилій ограничено. Дэвисъ думаетъ, что ихъ не болѣе ста, другіе же писатели насчитываютъ ихъ триста и даже тысячу, что на 400 милліоновъ жителей все-таки капля въ морѣ. Тѣмъ болѣе, что китайскій законъ настолько глупъ, что мужчина не можетъ жениться на женщинѣ одной съ нимъ фамиліи, хотя бы межъ ними не было и тѣни родства самаго отдаленнаго, такъ что родство по мужской линіи, какъ бы оно ни было далеко, составляетъ абсолютное препятствіе къ браку. Это строгое запрещеніе вступать въ бракъ потомкамъ мужской вѣтви ведетъ свое происхожденіе съ самыхъ древнихъ временъ, потому что китайцы относятъ его къ мифическимъ временамъ императора Фуги, который раздѣлилъ народъ на 100 семействъ, далъ каждому особенное имя и запретилъ жениться мужчиной на женщинѣ одного и того же имени, родственница она ему или нѣтъ—этотъ законъ и теперь еще въ силѣ. Въ Сіамѣ

седьмая степень кровнаго родства—тотъ предѣлъ, до котораго бракъ запрещается, исключая императора, который можетъ жениться на своей сестрѣ, также какъ у инковъ цари могли жениться на своихъ сестрахъ и даже на дочерахъ. У дѣяковъ на островѣ Борнео воспрещается бракъ лицъ, находящихся между собою во второмъ колѣнѣ родства. А лица, вступающія въ бракъ и находящіяся въ третьемъ колѣнѣ родства, подвергаются штрафу, состоящему изъ мѣры кукурузы, имѣющей тамъ значительную цѣнность. Марсденъ говоритъ, что на островѣ Суматрѣ дѣти двухъ братьевъ не могутъ вступать въ бракъ; между тѣмъ какъ сынъ сестры можетъ жениться на дочери брата, но на оборотъ не допускается. На томъ же островѣ баттасы считаютъ гнуснымъ преступленіемъ бракъ между лицами одного и того же племени и наказываютъ виновныхъ обыкновеннымъ у нихъ наказаніемъ, т. е. рубить ихъ живыми и ѣдятъ ихъ мясо, изжаренное или сырое съ солью и съ краснымъ перцемъ. Причина, почему они смотрятъ на такіе браки, какъ на преступленіе, заключается въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, мужчина и женщина имѣли общихъ предковъ.

У татарской расы въ Азіи и въ Европѣ мы находимъ подобныя же ограниченія. Остяки считаютъ грѣхомъ бракъ лицъ носящихъ одно и то же фамильное имя, такъ что мужчина не долженъ брать жену изъ своего собственнаго племени. Тунгусы не допускаютъ бракъ въ третьемъ колѣнѣ. Самоѣды при женитьбѣ избѣгаютъ всякихъ степеней родства до того, что мужчина никогда не женится на дѣвушкѣ, (происходящей изъ одного съ нимъ семейства, какъ бы ни было далеко ихъ родство. Лапландцы никогда не допускаютъ браковъ между кровными родственниками (Тэйлоръ. Историческій бытъ человѣчества, стр. 379 и слѣд.). У монголовъ бракъ съ женщиною, состоящею въ кровномъ родствѣ съ мужской линіей, строго воспрещался, а родство съ женщиной линіей никогда не служило препятствіемъ: силошь и рядомъ дозволялось жениться на двухъ-трехъ сестрахъ, браки между дѣтьми братьевъ и сестеръ также допускались; мужчины одной фамиліи женятся на женщинахъ другой, но, въ свою очередь принадлежащихъ одной и той же фамиліи. Среди негровъ на западномъ берегу Африки браки воспрещены только между родителями и дѣтьми и между братьями и сестрами, всякое же другое родство не служитъ препятствіемъ для брака. Готтентоты также не допускаютъ браковъ между близкими родственниками. За то у племени дамага нѣкоторые жены еженедѣльно имѣняютъ мужей (Рейхъ). Между неграми на восточномъ берегу никто не можетъ соединиться бракомъ съ родственникомъ или родственницею отца или матери вплоть до седьмой степени. Это у

богосовъ. У жителей Австраліи также встрѣчаются запретительные законы относительно брака, но они далеко не однообразны. Австраліицы раздѣлены на огромныя семейства и каждый человѣкъ, кромѣ собственнаго имени, носить еще фамиліное имя—родъ прозвища. Дѣти принимаютъ фамиліное имя отъ матери, и мужчина не можетъ жениться на женщинѣ одного съ нимъ имени, такъ что здѣсь запрещеніе распространяется лишь на родство по женской линіи (Тэйлоръ). Въ Америкѣ также встрѣчается рѣзко выдающійся обычай вступать въ бракъ внѣ своего рода. Какъ австраліицкія, такъ и индѣйскія племена представляютъ поразительное сходство въ томъ, что какъ тѣ, такъ и другія раздѣлены обыкновенно на роды, носящіе имя животнаго, медвѣдя, волка, оленя, и вотъ у нихъ бракъ воспрещенъ между лицами одного и того же племени. Такъ у ирокезовъ отецъ и его дѣти никогда не могутъ принадлежать къ одному съ нимъ роду, потому что потомство идетъ во всѣхъ случаяхъ по женской линіи. Каждый народъ дѣлится на 8 племенъ въ два ряда, по четыре въ каждомъ:

1. Волкъ, медвѣдь, бобръ, черепаха.

2. Олень, бекасъ, цапля, соколъ.

Прежде волкъ не могъ вступать въ бракъ съ медвѣдемъ, бобромъ или черепахой, считаясь роднымъ ихъ братомъ, но онъ могъ вступать въ бракъ со вторымъ рядомъ съ оленемъ, бекасомъ, цаплей. Позже допускался уже бракъ и во всякомъ другомъ племени перваго или втораго ряда кромѣ собственнаго (Тэйлоръ). Изъ приведенныхъ фактовъ легко убѣдиться, что съ одной стороны кровосмѣшеніе нерѣдко имѣло и имѣеть мѣсто у разныхъ народовъ, съ другой стороны, брачное понятіе слишкомъ запутано и затемнено разными племенными причудами и предрассудками. Тѣмъ не менѣе почти вездѣ замѣтно стремленіе избѣгнуть кровосмѣшенія. Тэйлоръ того мнѣнія, что простой опытъ вѣковъ могъ убѣдить дикарей, какъ велико зло отъ кровосмѣшенія, и что это главнымъ образомъ и заставило ихъ прибѣгнуть къ разнаго рода ограниченіямъ и запрещеніямъ. Но объясненіе Дарвина несравненно ближе къ истинѣ. Такъ какъ дѣти отъ родителей чуждыхъ всякаго родства обыкновенно сильнѣе, развитѣе и плодовитѣе, чѣмъ дѣти отъ близкихъ и кровныхъ родственниковъ, то особи, предпочитавшія чужія семейства, силою естественнаго подбора размножались быстрѣе другихъ, вытѣсняли остальныхъ болѣе слабыхъ и, такимъ образомъ, это инстинктивное побужденіе, поощряемое естественнымъ подборомъ, сдѣлалось господствующимъ. Понятно, что перевѣсъ господствующихъ бракосочетаній скорѣе могъ оттолкнуть дикарей отъ кровосмѣшенія, чѣмъ разсужденія о дурныхъ его послѣдствіяхъ.

Вредъ отъ браковъ между слишкомъ близкими родственниками у цивилизованныхъ народовъ подтверждается многими весьма серьезными наблюдателями. Мы себѣ беремъ право распространиться объ этомъ вопросѣ подробнѣе потому, что намъ лично извѣстны многіе примѣры бракосочетаній между двоюродными братьями и сестрами, между дядями и племянницами, особенно среди евреевъ и гдѣ притомъ мужчины принадлежатъ къ лучшей интеллигенціи. Какъ медикамъ, этимъ личностямъ трижды непростительна такая физиологическая грѣховность. Леопольдъ Ольше удивлялся и долго не могъ себѣ объяснить причины, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прорѣзываніе зубовъ у дѣтей совершается довольно поздно, именно на третьемъ или четвертомъ году, и только тогда для него явленіе это стало ясно, когда онъ узналъ и провѣрилъ, что среди жителей весьма часты браки между близкими кровными. Фрэнсисъ Дэви собралъ 121 случай бракосочетаній между близкими родственниками. Изъ этого числа 22 брака были совершенно бесплодны, у другихъ было нѣсколько выкидышей; у семнадцати были неправильные роды, въ нѣкоторыхъ семействахъ дѣти были съ излишними пальцами и такихъ случаевъ изъ 121 брака было 17. Изъ 82 случаевъ кровныхъ браковъ было 5 случаевъ косозапости. Въ 1859 г. Хазаренъ представилъ данныя о вліяніи кровосмѣшенія на происхожденіе глухонѣмоты. Изъ 39 дѣтей отъ роду глухонѣмыхъ, 6 происходило отъ кровныхъ родителей, одинъ изъ этихъ мальчиковъ имѣлъ двухъ, а другой трехъ глухонѣмыхъ братьевъ; всего слѣдовательно 11 глухонѣмыхъ. Изъ 27 глухонѣмыхъ дѣвочекъ, девять принадлежали бракамъ кровнаго родства; одна имѣла одного, другая двухъ глухонѣмыхъ братьевъ и три дѣвочки каждая по глухонѣмой сестрѣ; у одной дѣвочки братъ былъ идиотъ и глухонѣмой—всего, слѣдовательно, шестнадцать глухонѣмыхъ. Нове сообщаетъ свѣденія о 17 бракахъ между близкими родственниками. Они произвели на мрачный для нихъ свѣтъ 95 дѣтей; изъ этого числа было 44 идиота, 12 золотушныхъ, одно глухое, одинъ карликъ и лишь 37 сноснаго тѣлосложенія. Будену принадлежить честь, что онъ въ новѣйшее время выступилъ съ самыми сильными и неопровержимыми аргументами противъ кровосмѣшенія и противъ браковъ между близкими родными. Онъ лично изслѣдовалъ вопросъ въ обширнѣйшемъ значеніи слова, собралъ все, что имѣется въ литературѣ по данному предмету, и пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Число браковъ между близкими родными во Франціи составляетъ 2 процента всѣхъ бракосочетаній и изъ 100 отъ роду глухонѣмыхъ происходили отъ браковъ между близкими родственниками въ Ліонѣ около 25, въ Парижѣ 28 и въ

Бордо 30. 2) По степени родства возрастаетъ число глухонѣмыхъ; чѣмъ ближе между собою родственники вступающіе въ бракъ, тѣмъ больше шансовъ на производство глухонѣмыхъ. 3) Чѣмъ больше гражданской и религіозной терпимости въ бракосочетаніяхъ между близкими родными, тѣмъ больше пропорція глухонѣмыхъ; въ Берлинѣ на 10,000 католиковъ 3, на 10,000 протестантовъ 6, на 10,000 евреевъ 27 глухонѣмыхъ. 4) Въ 1840 г. въ Іовѣ въ Соединенныхъ Штатахъ на 10,000 бѣлыхъ считалось 2 процента, а на 10,000 рабовъ изумительная и ужасающая цифра — 212 глухонѣмыхъ, потому что рабы тогда смѣшивались во всѣхъ степеняхъ родства (Рейхъ, стр. 526 и слѣд.). *Таковы плоды естественнаго подбора!* Но довольно фактовъ. Всѣ эти данныя должны убѣдить всякаго въ несомнѣнности того великаго закона природы, которымъ обогатилъ науку Дарвинъ и по которому скрещиванье не близко-родственныхъ между собой особей въ высшей степени полезно и даже необходимо, а тѣсное размноженіе въ высшей степени вредно (Дарвинъ, т. 2, стр. 157). Имѣющій уши слышати, да слышитъ. Конечно, каждый вправе располагать своимъ организмомъ, какъ хочетъ, но никто не имѣетъ права вредить своимъ безразсудствомъ своему же потомству.

Вникая въ смыслъ ученія Дарвина поглубже, насъ невольно поражаетъ одно весьма важное обстоятельство. Изъ его ученія явствуетъ, какъ божій день, что подборъ въ природѣ своимъ могуществомъ обязанъ способности органической матеріи или органическимъ тканямъ видоизмѣняться до безконечности и, видоизмѣняясь, проявлять новыя свойства и новыя качества, которыми органическія ткани навѣршимо лучше являются примѣненными къ внѣшнимъ условіямъ существованія, оказываются, стало быть, улучшенными, усовершенствованными, прогрессивными. Этимъ путемъ Дарвинъ смѣло могъ придти къ тому убѣжденію, что китъ и мышь «одной стержы мясо», одного поля ягода, одного общаго происхожденія, что ихъ одна мать родила и что различіемъ своимъ они обязаны лишь измѣнчивости органическихъ тканей, разъединившей ихъ силою судебъ и теченіемъ времени. «Конечно, говоритъ Дарвинъ, такое воззрѣніе должно каждаго повергнуть въ нѣмое изумленіе. Но это изумленіе пройдетъ, если мы поглубже всмотримся и проникнемся убѣжденіемъ, что безчисленныя существа втеченіи почти безконечнаго времени были способны измѣняться во всѣхъ чертахъ своего строенія; при чемъ каждое измѣненіе полезное такъ или иначе организму тщательно сохранялось, а малѣйшее вредное уклоненіе безжалостно истреблялось.»

Продолжительное же накопленіе полезныхъ измѣненій силою под-

бора и породило то разнообразіе прекрасно приспособленных и превосходно организованных тварей, которыми переполненъ существующій міръ. На этомъ основаніи Дарвинъ и считаетъ подборъ самой дѣятельной причиной, самой могущественной силой, создавшей и усовершенствовавшей существующіе организмы. Ну а будетъ ли этому когда нибудь конецъ? Есть ли предѣлъ прогрессу? Ну это мы увидимъ. Какъ знать, что будетъ дальше? Но все, что мы видѣли до сихъ поръ, не даетъ намъ права отрицательно покатывать головой и располагаетъ насъ вѣрить въ возможность лучшаго будущаго. Лучше желать прогресса и придерживаться принципа *vouloir c'est pouvoir*. Это насъ вѣсколько разбудитъ отъ вѣковой спячки, отшатнетъ отъ прагматической лѣни. А для этого повторимъ съ читателемъ: чего же требуетъ отъ насъ лично и для нашей пользы подборъ? А онъ требуетъ немногаго. Такъ какъ ни одно мировое событіе въ жизни человѣчества не совершилось безъ страсти, то созданіе себѣ подобныхъ требуетъ извѣстной доли страсти. Люди, являющіеся на свѣтъ божій, вслѣдствіе обязанности, никуда негодны, излишнее бремя для самихъ себя и причиняютъ излишніе хлопоты природѣ убирать ихъ со сцены жизни. Такимъ образомъ мы считаемъ любовь, взаимную привязанность могущественнѣйшимъ контролемъ подбора. Не упуская ни комъ образомъ изъ виду экономической и гигиенической стороны вопроса, мы ставимъ неизбѣжнымъ условіемъ прогресса въ дѣлѣ подбора скрещиванье чуждыхъ породъ и абсолютное отрѣшеніе отъ малѣйшей доли кровосмѣшенія. При такой постановкѣ вопроса должны исчезнуть всѣ сомнѣнія, потому что эти разумныя требованія подбора исключаютъ всякую тѣнь возможности проституціи, и съ негодованіемъ отворачиваются отъ коммунизма жевъ, отъ общности мужей. А потому дадимъ же больше простора великому закону природы и чудотворной силѣ ея—подбору.

В. Португальскій.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ВЫВОДЪ.

(Изъ Марло.)

Жить, значить—мыслить, безъ конца...
Иронія глубокая сокрыта
Въ подобномъ приговорѣ мудреца.
Мысль это—ядъ, которымъ все убито:
Надежды, призракъ славы, долгій трудъ;
Она родитъ въ насъ ѣдкое сомнѣнье.
Тотъ внутренній и безопадный судъ,
Готовый истребить безъ сожалѣнья
Все прошлое, чѣмъ долго жилъ нашъ умъ,
На что мы тратили запасы силъ и знанья...
Мысль, этотъ сокрушительный самумъ,
Иссушитъ въ насъ любовь и упованья,
Оставивъ человѣку подъ конецъ
Одно глубокое и жгучее страданье,
И скажетъ въ заключенье: ты глупецъ!...
 О, чтобъ до этой истины добиться,
Безъ усталы, десятки скучныхъ лѣтъ
Я долженъ былъ, уча другихъ, учиться
Въ тиши ночей, и часто утра свѣтъ
Встрѣчалъ я за работою упорной.
Какъ Сизифъ, я по насыпи нагорной
Катилъ свой камень,—падалъ онъ, и кровь
Во мнѣ кипѣла, точно пламень:
Я на гору опять катилъ свой тяжкій камень
И—камень падалъ вновь.
Безумецъ! Лишь теперь я понимаю
Твои слова ужасныя, Сократъ:

«Я знаю то, что ничего не знаю»...
Передо мной, какъ пестрый маскарадъ,
Промчалась жизнь безцѣльно, бесполезно,
Я знаиємъ хотѣлъ разсѣять мракъ,
А впереди зѣла снова бездна.
Сними жъ свой педантическій колпакъ,
Прославленный наставникъ и философъ,
И жги его скорѣй со всею грудой книгъ...
Теперь въ кругу иныхъ молокососовъ
Ты, мудрый, заучившійся старикъ,
Отъ двухъ какихънибудь простыхъ вопросовъ
Вдругъ станешь неожиданно въ тупикъ.

Д. Минаевъ.

ЖИЛИЩА РАБОЧИХЪ.

IV.

Попытки улучшить жилища рабочихъ въ Англии.

Честь первыхъ попытокъ улучшить жилища рабочихъ принадлежитъ Англии. Первые официальные стремленія достигнуть этой цѣли относятся къ 1848 году, и касаются улучшенія дешевыхъ жилищъ вообще *). Изданный въ это время законъ о народномъ здоровіи (Public Health Act) установилъ мѣстныхъ санитарныхъ комиссіи и послужилъ началомъ цѣлаго ряда новыхъ постановленій, касавшихся мѣстнаго и столичнаго управленія (Local Government Act 1858 and Metropolis Local Management Act 1855). Этими постановленіями создалась цѣлая система, стремящаяся способствовать развитію первыхъ условій сохраненія здоровья, безопасности и благосостоянія массы посредствомъ прорытія каналовъ въ городахъ, полезнаго примѣненія этихъ каналовъ, устройства водопроводовъ, принятія мѣръ противъ огня и дыма, надлежащаго устройства улицъ и зданій, удаленія вредныхъ и опасныхъ сторонъ городского устройства, предупрежденія и подавленія болѣзней, хорошаго размѣщенія общественныхъ площадей и т. п. Все это должно было достигнуться при помощи мѣстнаго самоуправленія и имѣть болѣе всего вліяніе на рабочіе классы, такъ какъ изъ нихъ состоитъ большинство народонаселенія. Но эти узаконенія только косвенно относились къ рабочимъ классамъ; болѣе прямое вліяніе на эти

*) Ludlow und Jones. Die arbeitenden Klassen Englands 1868, стр. 53—55.

классомъ имѣли законъ о коронномъ устройствѣ общихъ жилищъ (Act of the well ordering of Common Lodging-Houses 1851) и законъ о домахъ для рабочихъ классовъ (Labouring Classes Lodging-Houses Act 1851) *). Первое изъ этихъ официальныхъ постановленій предписывало правила устройства, содержанія, порядка, наблюденія для общихъ жилищъ; второе—уполномочивало совѣтъ каждаго мѣстечка, каждую санитарную комиссію принять на себя заботу объ улучшеніи жилищъ для рабочихъ при помощи городскихъ доходовъ или особыхъ сберегательныхъ фондовъ; устраивая жилища предлагалось изъ старыхъ домовъ, которые могли быть куплены и передѣланы. Это было въ 1851 году, но только въ 1855 году открылся путь для частной предпримчивости послѣ изданія новаго закона о жилищахъ рабочихъ (Labourers Dwelling Act 1855). Этимъ постановленіемъ дозволялось основывать общества, не менѣе какъ изъ шести членовъ, цѣлью которыхъ служило бы «устройство домовъ для рабочаго класса съ частными или общественными садами или безъ нихъ, но съ площадями для отдохновенія жильцовъ подобныхъ жилищъ и не для чего другого». Такія жилища могли отдаваться въ наймы помѣсячно или понеѣдельно, могли отдаваться въ арендное содержаніе, но не болѣе какъ на двадцать одинъ годъ. Общество могло имѣть только десять акровъ земли не требуя законнаго разрѣшенія. Несмотря на нѣкоторыя стѣпенія, этотъ законъ официально развязывалъ руки частныхъ предпринимателей, которые и безъ того успѣли опередить его. Это явленіе было вполне естественно. Законы въ большинствѣ случаевъ а въ Англіи всегда, создаются обществомъ, являются выраженіемъ того, что въ обществѣ созрѣло сознаніе насущности тѣхъ или другихъ нуждъ и потребностей. Потому общество почти всегда стоитъ впереди закона съ своими стремленіями: законъ консервативнѣе общества. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Законъ далъ только санкцію движенію, начавшемуся гораздо раньше.

Англичане богаты правтческимъ смысломъ и давно приняли къ самодѣятельности. Нигдѣ не удаются такъ блестяще частныя предпріятія, какъ въ средѣ этого бодрата, дѣятельнаго и неутомимаго народа, готоваго бороться съ тысячами препятствій, готоваго бросить свою родину, поселиться гдѣ нибудь за океаномъ, на невоздѣланной землѣ, только бы осуществить задуманный планъ. Потому неудивительно, что англичане, разъ сознавъ необходимость улучшенія жилищъ рабочихъ, энергично приступили къ дѣлу и

*) Ibid. стр. 41—43.

представили не одну какую нибудь попытку, но цѣлые десятки болѣе или менѣе удачныхъ предпріятій въ этомъ родѣ. Одни общества занялись этимъ дѣломъ между прочимъ; другія посвящали исключительно ему всѣ свои силы *). Кромѣ того нѣкоторые изъ обществъ представляли модели домовъ для рабочихъ, давали практическіе совѣты на счетъ постройки зданій, издавали книги по этому предмету. Нашлись предприниматели, взявшіе въ арендное содержаніе старыя, запущенные дома въ густо населенныхъ частяхъ Лондона; дома были поправлены, очищены и отданы въ наемъ рабочимъ. Эти чисто-коммерческія предпріятія хотя и не удешевляли квартирной платы, но имѣли за собой уже то достоинство, что за прежнюю цѣну представляли рабочему возможность пользоваться чистымъ и порядочнымъ помѣщеніемъ. Мы упоминаемъ объ этомъ фактѣ только для того, чтобы показать, что въ Англіи очень часто и сами спекуляторы умѣютъ соединять свои выгоды съ общою пользою. Переходимъ къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ улучшенія жилищъ. Инициатива въ дѣлѣ постройки новыхъ домовъ для бѣдниковъ принадлежитъ „Обществу улучшенія положенія рабочихъ,“ основанному еще въ 1844 году, подъ предсѣдательствомъ лорда Шефтсбери, и „Столичному обществу улучшенія жилищъ рабочихъ,“ основанному въ 1845 году. Эти общества не могутъ быть названы благотворительными; точно такъ же не принадлежатъ они къ числу промышленныхъ или чисто-финансовыхъ обществъ. Это, скорѣе всего, союзы умныхъ и преданныхъ дѣлу людей, которые, не дѣлая никакихъ жертвъ и довольствуясь небольшими процентами на свои капиталы, употребляютъ свои средства на морализующія учрежденія. Они начали съ постройки двухъ родовъ домовъ — для холостыхъ работниковъ и для семейныхъ. Общество, предсѣдательствуемое лордомъ Шефтсбери, выстроило до 1867 года восемь домовъ—три для холостяковъ, четыре для людей семейныхъ и одинъ для двадцати семействъ и ста двадцати восьми одинокихъ женщинъ. Столичное общество имѣло, около того же времени, въ Лондонѣ восемь зданій для семейныхъ рабочихъ и два для холостыхъ, кромѣ того, у него были отдѣленія въ Рамсгэтѣ и Бристолѣ. Желая по возможности приспособиться къ старымъ привычкамъ рабочихъ, общества построили дома съ общими спальнями въ разныхъ этажахъ, съ общими залами въ первомъ этажѣ, какъ это бываетъ у пристанодержателей. Разница была только въ томъ, что комнаты были лучше устроены, содержались чище и отдавались за меньшую плату. Спальни раздѣлялись на небольшія, отдѣленные

*) «Jules Simon:» Le travail, 1867. pp. 249—273.

перегородками комнаты, каждая съ кроватью и двумя сундуками. Общая умывальня, об'единенный залъ, поварь для приготовления кушанья находились въ услугахъ жильцовъ; за все это платилось каждымъ жильцомъ три шиллинга ($87\frac{3}{5}$ коп. сер.) въ недѣлю, если его комната выходила окнами на улицу, и два шиллинга ($58\frac{2}{5}$ коп. серебромъ), если комната выходила окнами на дворъ. Въ домахъ существовали извѣстныя правила и надзиратели—managers. Менѣе походили на тюрьмы дома для семейныхъ рабочихъ. Они представляли своимъ обитателямъ всѣ удобства, какія только можно имѣть въ густонаселенныхъ частяхъ Лондона за 6 или 7 шиллинговъ въ недѣлю. Такъ, одинъ изъ домовъ «общества улучшенія быта рабочихъ,» въ Streatham street, Bloomsbury, построенный для 54 семействъ, представляетъ большое зданіе съ квадратнымъ дворомъ, съ галереями во всѣхъ этажахъ, служащими и мѣстомъ для прогулки и корридорами. Каждое жилище имѣетъ небольшую столовую, рядомъ съ ней находится кухня, изъ кухни ходъ въ отхожее мѣсто, устроенное вполне хорошо и неотравляющее воздухъ миазмами; подлѣ столовой помѣщаются еще двѣ небольшія спальни. Архитекторъ воспользовался небольшими пространствами, отмѣренными для жилищъ, съ замѣчательной экономіей. „Только на корабляхъ, говоритъ Жюль Симонъ, умѣютъ такъ приспособляться къ пространству.» Эти дома даютъ предпринимателямъ вѣрный и вполне достаточный процентъ, хотя, конечно, не такой, какого жаждутъ ростовщики и содержатели ссудныхъ кассъ. Въ 1864 году чистый доходъ „столичнаго общества“ равнялся 2,935 фунтамъ стерлинговъ 12 шиллингамъ и дивиденда приходилось по 3 процента. Общество лорда Шефтсбери выдало дивиденда по $4\frac{1}{2}$ процента *).

*) Въ 1864—1865 г. учрежденія этого общества находились въ слѣдующемъ положеніи:

George street, Bloomsbury, домъ для 104 холостяковъ давалъ	$\frac{1}{2}$ проц.
Streatham street, Bloomsbury, домъ для 54 семействъ давалъ	$5\frac{1}{2}$ »
The thanksgiving Model Buildings, Portpool Lane, Gray's Inn Lane, домъ для 20 семействъ и 128 одинокихъ женщинъ съ общественной прачешной давалъ	$3\frac{1}{2}$ »
№ 76 Hatton Garden, домъ для 51 холостяковъ давалъ	$5\frac{1}{8}$ »
The renovated Lodging House, 2, Charles street, Drury Lane, домъ для 82 холостяковъ давалъ	13 »
The renovated Dwellings, домъ для семейныхъ, Wild Court-Drury Lane, давалъ	$5\frac{1}{4}$ »
The renovated Dwellings, домъ для семейныхъ, Clark's Buildings, Broad street, St. Giles's, давалъ	$9\frac{1}{8}$ »
The renovated Dwellings, домъ для семейныхъ и 40 холостяковъ, Tyndall's Buildings, Gray's Inn Lane, давалъ	7 »

Другія, возникшія въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, общества занялись постройками небольшихъ домовъ въ отдаленныхъ кварталахъ Лондона и большихъ зданій въ густонаселенныхъ частяхъ этого города. The improved industrial Dwellings Company Limited, возникшая въ 1865 году, располагала капиталомъ въ 37,000 фунтовъ стерлинговъ и построила первую группу домовъ въ Финсбери. Успѣхъ этой постройки далъ компаніи смѣлость и, до 1867 года, она уже успѣла выстроить четыре большія зданія и приступить къ постройкѣ еще двухъ домовъ. Процвѣтаніе компаніи было такъ сильно, что въ собраніи акціонеровъ въ 1866 году предполагалось увеличить общій капиталъ до 2,000,000 ф. ст., получить отъ правительства за $3\frac{1}{2}\%$ ссуду и выпустить акціи на биржу. Цѣнность акцій предполагалось понизить до 5 ф. ст., чтобы дать возможность рабочимъ сдѣлаться акціонерами. Жильцы настолько исправно платили за квартиры, что изъ 1,700 ф. ст. дохода, недочетъ равнялся только 29 шиллингамъ. Квартиры занимались очень охотно и не стояли пустыми. Иногда жильцы переселялись прежде, чѣмъ окончательно отдѣлялось зданіе; такъ, въ одномъ изъ домовъ уже было занято 100 квартиръ, когда нѣкоторые флигеля еще были недостроены, и уже 700 человекъ считались на очереди и ожидали вакансій. Эти дома по виду похожи на казармы, но въ нихъ нѣтъ главной принадлежности казармъ—строгихъ правилъ и уставовъ. Постройки сдѣланы разумно и расчетливо: широкія лѣстницы, красивыя комнаты, большія окна, недурные обои, все это придаетъ внутренности домовъ кокетливый видъ. Отсутствие или незначительные размѣры дворовъ составляютъ одинъ изъ существенныхъ недостатковъ этихъ зданій. Этому недостатку пострадалась пособить устройствомъ платформъ на крышахъ домовъ. Не жалуй, подобныя платформы и могутъ служить мѣстомъ для прогулокъ, даютъ возможность подышать свѣжимъ воздухомъ, любоваться прекраснымъ видомъ, но, при всеобщемъ недостаткѣ прачешныхъ въ Лондонѣ, очень часто приходится превращать эти платформы въ сушильни. Однимъ изъ важнѣйшихъ достоинствъ этихъ домовъ нужно признать обиліе воды, проведенной въ каждое жилище и дающей возможность соблюдать чистоту. Гдѣ вода дорога, гдѣ ея мало, гдѣ она дурна, тамъ невозможна чистота, тамъ невозможно быть вполне здоровымъ, какъ невозможно быть здоровымъ при зараженномъ воздухѣ.

Кромѣ того нужно замѣтить о дѣятельности поземельныхъ и строительныхъ обществъ—Land Societies and Building Societies, — дѣйствующихъ очень энергично для доставленія рабочимъ удобныхъ жилищъ въ полное владѣніе. Поземельныя общества покупаютъ

большіе участки пустошорожныхъ мѣстъ за обыкновенную небольшую плату, которую можно дать за пустыри, и, застроивъ эти мѣста при помощи „строительныхъ обществъ,“ продаютъ ихъ по цѣнѣ застроенныхъ городскихъ участковъ. Акціонеры поземельныхъ обществъ такимъ образомъ остаются не въ убыткѣ. Не несутъ убытковъ и акціонеры строительныхъ обществъ, продавая дома рабочимъ. Рабочіе тоже не въ убыткѣ, такъ какъ домовладѣльцы обыкновенно рассчитываютъ на 10 процентовъ, строительныя же общества берутъ только 5 процентовъ. Единственное затрудненіе заключается въ назначеніи порядка, въ которомъ придется каждому изъ членовъ ассоціаціи воспользоваться вполнѣ выгодами предпріятія, такъ какъ по недостатку большихъ капиталовъ ассоціаціи должны ограничиваться постепеннымъ возведеніемъ домовъ. Въ этомъ случаѣ прибѣгаютъ къ тремъ различнымъ системамъ: къ аукціонной продажѣ (bidding), къ продажѣ домовъ старшимъ членамъ (rotation seniority) и къ жребію (balloting). Последній способъ—способъ лоттерей — преобладаетъ до настоящаго времени *). Эти ассоціаціи дѣйствуютъ крайне разнообразно: однѣ приобрѣтаютъ только земли, другія строятъ только дома, третьи занимаются и тѣми и другими операціями разомъ. Нѣкоторыя основаны на время (terminating), другія навсегда (permanent). Иногда онѣ пускаются и въ другіе обороты или допускаютъ въ свою среду простыхъ вкладчиковъ, ищущихъ только вѣрнаго обезпеченія и вѣрнаго барыша. Вообще члены раздѣляются на вкладчиковъ (investing), получающихъ порядочный опредѣленный процентъ на свои деньги и пользующихся правомъ на дивидендъ со всѣхъ могущихъ быть доходовъ ассоціаціи, и на членовъ любителей (hogrowing), получающихъ желаемыя ссуды для покупки домовъ, указанныхъ ими и осматрѣнныхъ администраторами общества. Домъ остается обезпеченіемъ для общества; общество можетъ продать его, если должникъ умеръ, не успѣвъ уплатить занятой суммы,—остатокъ, получающійся за уплатою долга, отдается семьѣ умершаго должника. Эта система доставленія бѣднякамъ собственности является радикальною мѣрою для улучшенія жилищъ и имѣетъ огромное вліяніе на нравственность работника, на развитіе въ немъ сознанія личнаго достоинства,—имѣя свой собственный уголь, онъ, по крайней мѣрѣ, дома можетъ не гнутья ни передъ какими хозяевами, начальниками и старшими.

Капиталь ассоціацій составляетъ изъ небольшихъ взносовъ и пролетарій при своихъ незначительныхъ средствахъ очень легко

*) Emile Laurent: Le pauperisme et les associations de prevoyance, t. II. pp. 379—382.

можесть сдѣлаться собственникомъ. Ассоціаціи имѣютъ архитекторовъ, планы, модели къ услугамъ своихъ членовъ. Особенно удачно идутъ дѣла строительныхъ ассоціацій въ Бирмингэмѣ. Директоры главнаго бирмингэмскаго общества — the Queen's benefit Building Society—говорять: «у насъ существуетъ 10 или 12 обществъ и ихъ годовою доходъ равняется 150,000 фун. ст.». Въ Вольвергамптонѣ строительныя ассоціаціи насчитываютъ до 4,794 членовъ; онѣ купили до 150 акровъ земли, дали на постройку домовъ 1,343 ссуди, изъ которыхъ въ 1867 году было построено уже 900 домовъ, доходы обществъ равнялись 173,980 ф. ст. Ковентри, Манчестеръ, Лондонъ, Лидсъ, однимъ словомъ, большинство главныхъ фабричныхъ городовъ принимаютъ участіе въ этомъ движеніи. Такъ, въ Лидсѣ главная строительная ассоціація въ пятнадцать лѣтъ получила 1, 295,810 ф. ст. Въ 1862 году въ нее прибыло 2,152 новыхъ члена, ею выпустилось въ этотъ годъ 5,724 новыхъ акцій въ 120 ф. ст. каждая и получалось еженедѣльно болѣе 3,284 ф. ст.

Не продолжая далѣе входить въ подробности дѣла, мы остановимся на послѣдствіяхъ такого движенія. Стефенсъ, начальникъ бирмингэмской полиціи, въ своемъ отчетѣ говоритъ: «Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ намъ нужны были 420 полицейскихъ; въ настоящее время, благодаря строительнымъ ассоціаціямъ и несмотря на возросшее на 50,000 душъ народонаселенія, съ насъ достаточно 327 полицейскихъ». Но если таково вліяніе домовъ на нравственную сторону человѣка, то ужь, конечно, еще сильнѣе должно оно подѣйствовать на его физическую сторону. По отчету «столичнаго общества» мы видимъ, «что во всѣхъ учрежденіяхъ ассоціаціи въ 1863—1864 году изъ 2,483 жителей умерло 36 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 25 человѣкъ дѣтей, моложе десятилѣтняго возраста. Такимъ образомъ смертность равнялась 15 на 1000 тогда какъ во всемъ городѣ умирало 24 человѣка изъ 1000». По отчетамъ другой ассоціаціи видно, что въ 1859 году, въ средѣ самаго бѣднаго населенія, въ новыхъ домахъ изъ 1,585 жильцевъ было только 30 случаевъ смерти, то есть умиралъ одинъ изъ 53 человѣкъ или 1,89 изъ ста, тогда какъ въ остальномъ Лондонѣ умиралъ въ то же время 1 изъ 45 человѣкъ или 2,22 изъ ста.

Обходиться почти безъ полицейскихъ и спасать ежегодно жизни нѣсколькимъ собратьямъ—это не дурно. Но вѣдь если не нужны становятся полицейскіе, значитъ, находится менѣе и пьяныхъ, рѣже встрѣчаются преступленія и проступки, менѣе происходитъ скандаловъ въ публичныхъ домахъ, значитъ, люди охотнѣе отдыхаютъ дома послѣ тяжелыхъ трудовъ въ средѣ своей семьи, среди своихъ дѣтей...

V.

Жилища для рабочихъ во Франціи. — Миюльгаузенъ.

Наполеонъ, еще не провозгласивъ себя императоромъ и довольствуясь титуломъ принца-президента, выказалъ отеческую заботливость объ улучшеніи жилищъ для рабочихъ. Онъ приказалъ перевести книгу Роберта о жилищахъ рабочихъ классовъ (*The Dwellings of the labouring classes*), вызвалъ новыя изслѣдованія по этому предмету *) и издалъ 23 апрѣля 1850 года законъ о нездоровыхъ жилищахъ **). Но это были скорѣе какія-то заигрыванья съ бѣдняками, чѣмъ стремленія оказать существенную пользу несчастнымъ рабочимъ. Переводъ какойнибудь книги и поощренія новыхъ изслѣдователей рабочаго вопроса не могли существенно пособить дѣлу; законъ же 1850 года въ дѣйствительности только открывалъ путь безчисленнымъ комиссіямъ для осмотра жилищъ, не давая этимъ комиссіямъ никакой самостоятельности, никакой власти. Тогда какъ въ Англіи санитарныя комиссіи были вооружены и исполнительною властью, напримѣръ, могли вмѣшиваться въ дѣло проведенія новыхъ улицъ, могли покупать земли для общественныхъ садовъ, могли предпринимать мѣры для снабженія домовъ водою, — во Франціи дѣло комиссій сводилось къ нулю. Онѣ — назначенныя муниципальными совѣтами — должны были осматривать дома, составлять отчеты, писать протоколы и потомъ мэры дѣлали сообразно съ этими отчетами свои постановленія, которыя затѣмъ уже и могли не приводиться въ исполненіе. Комиссіей было назначено безчисленное множество, — но всѣ ихъ отчеты главнымъ образомъ принесли только ту пользу, что общество узнало разныя бѣдствія, мимо которыхъ оно проходило ежедневно съ закрытыми глазами. Конечно, и за то надо сказать спасибо. Общество нуждается въ подобныхъ напоминаніяхъ объ участи бѣдняковъ. Оно очень часто сознаетъ разныя нелѣпости и ужасы положенія своихъ ближнихъ только тогда, когда прочтетъ о нихъ въ книгѣ. Впрочемъ дѣло иногда на томъ и останавливается, что общество запасется новымъ фактовъ да на этомъ и успокоится. Какаянибудь слабонервная барыня, владѣтельница большого дома, расплачется, читая объ участи несчастныхъ жителей грязныхъ и

*) «Levasseur»: L'histoire des cl. ouvr. t. II. p. 411.

**) «Dictionnaire de l'économie politique» t. II. pp. 92—101.—«Logements insalubres».

холодныхъ подваловъ и чердаковъ, но ей и въ голову не придетъ, что въ числѣ ея доходовъ, употребляемыхъ ею на пиры и наряды, ежемѣсячно, изъ года въ годъ, попадались засаженные ассигнаціи этихъ самыхъ бѣдняковъ, незамѣчаемыхъ ею, неизвестныхъ ей, живущихъ на чердакахъ или въ подвалахъ ея роскошнаго дома. Парижу особенно необходимо было узнать положеніе его рабочихъ, такъ какъ помѣщенія этихъ людей были едва ли лучше помѣщеній лондонскихъ бѣдняковъ; по крайней мѣрѣ, навѣрное можно сказать, что народонаселеніе Парижа было вчетверо болѣе скучено, чѣмъ народонаселеніе Лондона. Тогда какъ въ Лондонѣ въ 1815 году приходилось на домъ менѣе 8 жителей, въ Парижѣ ихъ приходилось почти 36 человекъ на домъ или по три человека на жилище *). Въ десять лѣтъ, несмотря на поразжающее количество затраченныхъ на постройки Парижа денегъ, скучиванье народа оставалось почти въ прежнемъ положеніи.

Кромѣ изданія почти безплоднаго закона 1850 года, кромѣ изданія не менѣе бесполезнаго декрета 23 марта 1851 года о правилахъ постройки домовъ, заботы французскаго правительства о жилищахъ рабочихъ выразились въ постройки и въ помощи при постройки домовъ для рабочаго класса—*cités ouvrières*. Первое изъ подобныхъ зданій—*cité Napoléon*, въ улицѣ Рошваръ — было проектировано еще въ 1849 году, какъ акціонерное предпріятіе, обществомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Société Chabert*. Въ 1851 году это общество закрылось и изъ него образовалась новая акціонерная компанія, у нея было только 4,000 акцій, по 25 франковъ каждая, помѣщеніяхъ болѣею частію у капиталистовъ; остальная сумма была приобретена посредствомъ 4-хъ процентнаго займа и правительственной субсидіи въ 200,000 франковъ. Это зданіе — огромная казарма. Въ одномъ трехъ-этажномъ корпусѣ помѣщалось до 179 семействъ; вообще же тутъ должно было помѣщаться до 500 человекъ; здѣсь долженъ былъ быть даровой пріютъ для дѣтей, прачешная, дешевыя бани. За квартиры перваго разряда платилось отъ 200 до 300 франковъ, втораго разряда — отъ 100 до 200 франковъ и наконецъ третьяго разряда — 60 франковъ **).

*) Въ Лондонѣ въ 1831 г. было 2,927,468 жит. 255,890 дом. по 7,92 ч. на домъ.
— Парижѣ — — — 1,053,897 — 29,323 — 35,64 — —
— Лондонѣ — 1861 г. — 2,800,000 — 362,000 — 7,73 — —
— Парижѣ — — — 1,700,000 — 55,000 — 30,90 — —

(«Dict. de l'écon. pol.» t. II, p. 93 et «Emile Laurent»: Le paupérisme t. II p. 369.)

**) «Бехеръ»: рабочій вопросъ, стр. 192. «Levasseur»: L'hist. des cl. ouv. t. II p. 411.

Послѣ декабрьскаго переворота правительство ассигновало 22 января 1852 года 10,000,000 франковъ на улучшеніе жилищъ рабочихъ; 6,000,000 франковъ должны были идти на одно *city* Нарбонн, но въ сущности это зданіе стоило только 650,000 франковъ. Другое *city* выстроилось въ Мерсели и стоило 130,000 франковъ *). Множество спекуляторовъ и предпринимателей явилось къ правительству съ предложеніями своихъ услугъ, конечно, въ обмѣнъ за субсидіи и, дѣйствительно, началась постройка еще нѣсколькихъ зданій на бульварѣ Мазасъ, въ Батипольѣ, Гренеллѣ, въ Лиллѣ и т. д. Но все это были казармы съ строгою дисциплиною, съ опредѣленными правилами, съ начальствомъ; работниковъ приходилось тащить въ эти дома насильно, потому что работники недолюбливаютъ дисциплину вообще, а тѣмъ болѣе дисциплину за свои деньги, въ своемъ углу, въ средѣ своей семьи. Какой вѣсудъ трипичникъ или угольщикъ охотнѣе останется среди тѣснаго, грязнаго, почти темнаго, но представляющаго полную свободу своимъ обитателямъ подвала, чѣмъ пойдеть въ свѣтлыя, чистыя и просторныя жилища, гдѣ нужно подчиняться командѣ тѣхъ, которымъ платишь деньги. *Le charbonnier veut être maître dans sa maison* и онъ правъ: довольно съ него и тѣхъ подчиненій, правилъ, которыхъ иго онъ несетъ ради приобрѣтенія гроша; нечего требовать, чтобы онъ еще подчинялся и тогда, когда онъ за свои деньги нанимаетъ себѣ уголь. Эти казармы потерпѣли полнѣйшее фiasco. Нужно было придумывать другія системы. Графъ Мадръ предложилъ строить дома въ меньшихъ размѣрахъ, въ три, въ четыре этажа съ двумя или четырьмя жилищами на этажъ; такихъ домовъ было построено съ сотню въ одномъ Парижѣ, въ улицѣ Шопингетъ. Въ нихъ помѣщалось до 5000 человекъ. Тутъ же находятся бани, прачешныя, мастерскія. За жилище, состоящее изъ двухъ комнатъ, платятся отъ 210 до 240 франковъ въ годъ. Мастерскія оплачиваются сообразно съ ихъ величиной, — плата за каждый квадратный метръ мастерской равняется 11 франкамъ. Но обѣ эти системы—система казарменныхъ построекъ и система небольшихъ домовъ съ отдѣльными жилищами—представляютъ очень незначительныя удобства и выгоды рабочимъ. О казармахъ и говорить нечего; но и сами дома системы графа Мадра заставляютъ рабочихъ переселяться въ какой-то особый мірокъ вдали отъ жилищъ остальнаго общества; доставляютъ бѣднякамъ немного лучшихъ жилищъ, чѣмъ ихъ старыя конуры; даютъ возможность нанимателямъ платить только немного менѣе, чѣмъ платили они преж-

*) «E. Laurent»: *Le paupérisme*, t. II p. 371.

де; въ сущности же оставляютъ пролетаріевъ такими же пролетаріями, неизмѣющими своего собственнаго угла подъ старость, какими они были и до постройки этихъ домовъ.

Гораздо радикальнѣе улучшаетъ положеніе рабочихъ система построекъ, принятая въ Мюльгаузенѣ. Намъ нужно сказать нѣсколько словъ о Мюльгаузенѣ вообще. Этотъ городъ является типомъ большихъ фабричныхъ столицъ промышленнаго царства.

Мюльгаузенъ, одна изъ важнѣйшихъ фабричныхъ мѣстностей, съ 1857 года считается окружнымъ городомъ французскаго департамента Эльзасъ. Онъ расположенъ въ плодородной странѣ на берегахъ рѣки Иль и канала, соединяющаго Рону съ Рейномъ. Здѣсь проходитъ желѣзная дорога изъ Страсбурга на Базель, Таннъ, Вейсерлингъ, Бельфортъ и т. д. Съ 1800 года городъ сдѣлался промышленнымъ и торговымъ центромъ цѣлаго департамента. Въ немъ находятся лютеранская консисторія и еврейскій раввинатъ, судъ высшей инстанціи, одинъ коммерческій судъ и два мировыхъ, ремесленный совѣтъ, третейскій судъ рабочихъ, торговая и земледѣльческая камеры, весьма значительное общество для поощренія промышленности и торговли, выдающее ежегодно преміи за открытія и усовершенствованія въ ремеслахъ, принадлежащее городскому обществу училище, реальная и ремесленная школы, академія художествъ, публичная бібліотека, театръ, зоологическій и промышленный музеи (въ послѣднемъ собраны образцовыя произведенія всѣхъ странъ), общество садоводства, касса взаимнаго вспоможенія рабочихъ, въ связи съ обществомъ поощренія бережливости и домъ призрѣнія для престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду рабочихъ и пр. Промышленная дѣятельность Мюльгаузена получила въ послѣднее десятилѣтіе необыкновенное развитіе и населеніе города и деревень, лежащихъ на милю въ окружности, возросло быстро и значительно. Въ самомъ городѣ считалось въ 1821 году только 13,027 жителей, въ 1851 году 29,574 ж., въ 1861 году 45,887 ж. и въ 1866 году 58,773 жителя *). Число рабочихъ считалось въ 16,450 человекъ. Самый городъ очень старъ, но его фабрики и заводы отличаются болѣе новой архитектурой. Это одни изъ главныхъ учрежденій хлопчато-бумажной промышленности во Франціи. Здѣсь приготавливаются выбойки, каленкоры, ситцы, мусселины, пестрые носовые платки и т. п. Красильни и огромныя мастерскія для набивки матерій изготовляютъ лучшія бумажныя ткани по нѣжности красокъ и красотѣ цвѣтовъ. Кроме того здѣсь выдѣлываются сукна, полотна, сафьянъ, льняныя

*) Brockhaus. Conversations-Lexikon X B. 447 S.

тканн, перчатки, мыло, химическіе продукты, крахмалъ, игрушки, типографская и цвѣтная бумага. Значительныя бѣлильни, мастерскія для пряжи льна, шерсти и хлопчатой бумаги, пивоварни, чугунолитейные заводы, обширныя заведенія для починки прядильныхъ, ткацкихъ и пароводныхъ машинъ и локомотивовъ, мастерскія живописцевъ, рѣзчиковъ на деревѣ и на мѣди, все это кипитъ дѣятельностію и оживленіемъ и придаетъ городу тотъ бодрый и веселый характеръ, какой имѣютъ всѣ большіе города, занятые разносторонней промышленной дѣятельностію. Выборъ труда здѣсь самый разнообразный.

Познакомившись поближе съ Мюльгаузеномъ, вы непременно будете поражены однимъ явленіемъ — сильнымъ контрастомъ между богатствомъ фабрикантовъ и бѣдностію рабочихъ. Это явленіе свойственно всѣмъ большимъ фабричнымъ городамъ. Среди фабрикантовъ Мюльгаузена втеченіе долгаго времени образовалась своего рода аристократія, гордящаяся своими фамиліями, какъ гордятся своими фамиліями какіе нибудь древніе бароны и графы.

Тутъ также есть прямая и боковыя линіи, наслѣдующія вполнѣ или только отчасти фирму своихъ отцовъ. Въ списокъ фабрикантовъ вы встрѣтите Дольфуса-отца (прямого потомка того Жана Генриха Дольфуса, который еще въ 1746 году вмѣстѣ съ Жаномъ Смальперомъ и Самуиломъ Кехлиномъ основалъ первую фабрику хлопчатобумажныхъ тканей въ Мюльгаузенѣ), Дольфуса-сына, Дольфуса-Мигъ и комп., Енгель-Дольфуса, Кехлина-отца, Кехлинь-Дольфуса и комп., Кехлинь-Шлумбергера и комп. и т. д. Это отчасти напоминаетъ „Домби и сына“, отчасти владѣтельныхъ бароновъ феодальнаго періода. Рядомъ съ этими имѣющими свою длинную и сложную генеалогію властителями ткацкихъ мастерскихъ являются тысячи бѣдняковъ-работниковъ, Ивановъ, непомнящихъ родства: нѣкоторые изъ нихъ не знаютъ именъ своихъ отцовъ, потому что родились отъ незамужнихъ женщинъ, другіе не знаютъ и именъ своихъ матерей, потому что, родившись отъ кого-то, были выброшены на улицу и въ воспитательные дома. Эти Ивановы работаютъ до поту лица, умираютъ вдвое ранѣе фабрикантовъ, живутъ въ конурахъ, иногда въ деревняхъ, куда имъ, усталымъ, измученнымъ, приходится ходить ежедневно на ночлегъ; имъ платятъ до 1835 года среднимъ числомъ по одному франку одиннадцати сантимовъ въ день *), они враждуютъ между собою изъ-за куска хлѣба, изъ-за мѣста на фабрикѣ, они очень часто переходятъ изъ города въ городъ, съ фабрики на фабрику, еще

*) E. V é g o n. Les institutions ouvrières de Mulhouse, p, 57,

чаще ихъ выгоняють съ мѣста и фабриканты и своя братья рабочіе. А фабриканты твердо удерживаются на одномъ наслѣженномъ гнѣздѣ, роднятся между собою, Кехлины женятся на Дольфусахъ, Дольфусы брачатся съ Мигами, Миги соединяются узами Гименеевъ съ остальной компаніей. Конечно, Дольфусу-отцу стоить понизить заработную плату и всѣ его сыновья, зятья, пасынки, крестники тоже понизить заработную плату; стоить Кехлину увеличить число рабочихъ часовъ и всѣ его чады и домочадцы тоже увеличить число рабочихъ часовъ. Иванамъ же, непомнящимъ родства, остается только одно—покоряться. Ну и покоряются. «Дѣти, которымъ едва исполнилось семь лѣтъ, говоритъ Виллерме, подчинялись тѣмъ же правиламъ работы, какимъ подчинялись и взрослые. Имъ приходилось проводить по тринадцати и по четырнадцати часовъ въ день, стоя, въ запертой комнатѣ, почти не перемѣняя мѣста и своего положенія. Это уже была не работа, а пытка; ей подвергали дѣтей отъ шести до восьми-лѣтняго возраста, плохо накормленныхъ, плохо одѣтыхъ, принужденныхъ проходить въ четыре часа утра, а иногда и ранѣе, пространство въ два лье, отдѣлявшее ихъ жилища отъ мастерскихъ; этотъ же путь имъ приходилось совершать вечеромъ, отправляясь на отдыхъ. Какъ устоять противъ гнета этой нищеты и усталости, почти не имѣя времени для отдыха? Дольфусы, Кехлины, Миги и Шлумбергеры рѣшились помочь Иванамъ, непомнящимъ родства. Было ли это рѣшеніе слѣдствіемъ заботливости о меньшемъ братѣ, было ли оно слѣдствіемъ простаго чувства богачей, считающихъ пріятнымъ бросить бѣдному Лазарю лишнюю копѣйку, наконецъ, просто слѣдствіемъ того трезваго разсчета, который подсказываетъ, что силы Ивановъ, непомнящихъ родства, когда нибудь истощатся до крайности и загорючатъ дѣло фабрикъ—это неважно. Но какъ бы то ни было, только Иваны, непомнящіе родства, считавшіе втеченіе долгаго времени своими врагами всѣхъ фабрикантовъ, въ одинъ прекрасный день увидѣли, что всѣ эти Дольфусы, Кехлины и Шлумбергеры отнюдь не враги, а отцы и благодѣтели ихъ. Сомнѣваться въ этомъ не было никакой возможности. Кехлины, Дольфусы и прочіе фабриканты и ихъ супруги щедро рукою начали раскипать сотни тысячъ франковъ на церкви, на содержаніе пасторовъ, на дѣтскіе пріюты и сады, на первоначальныя, воскресныя и руководѣльныя школы, на общества взаимной помощи на случай болѣзни, на общества медицинскихъ пособій и на десятки другихъ благотворительныхъ учрежденій. Андрей Кехлиновъ и его жена жертвуютъ 200,000 фр. на поддержку протестанской религіи, 200,000 фр. на госпиталь, 25,000 фр. на католическую церковь, 10,000 фр. на

синагогу, 50,000 фр. на городъ Альтвирхъ; госпожи Кехлинъ, Шлумбергеръ и Шварцъ дарятъ городу новый пріютъ, стоящій 65,000 фр.; господа Романъ, Гро, Марозо выдаютъ ежегодно по 14,000 фр. на пенсін и на помощь вдовамъ; на тотъ же предметъ Дольфусъ-Мигъ тратитъ 19,000 фр. въ годъ *). Мы долго не кончили бы, если бы захотѣли пересчитать всѣ дары и жертвы, приносимые городскимъ бѣднякамъ этими фабрикантами. Могли ли бѣдняки послѣ этихъ жертвоприношеній, послѣ этихъ сотисыачныхъ подарковъ не считать фабрикантовъ отцами и благодѣтелями? Мы не распространились бы объ этой исторіи, если бы эта исторія не была общею для всѣхъ значительныхъ промышленныхъ городовъ западной Европы. Намъ побудили сказать объ этихъ отношеніяхъ и тѣ декламациі, которыми полны всѣ иностранныя произведенія, посвященныя изслѣдованію мюльгаузенскихъ учреждений, говорящія о великодушій, о щедрости, о гуманности, даже о *величій* Дольфусовъ и компаніи. Мы понимаемъ, что всѣмъ этимъ господамъ выгодно держать Ивановъ въ уздѣ, пользоваться властью въ управленіи городомъ, фигурировать въ качествѣ народныхъ представителей въ парламентѣ, и въ тоже время намъ извѣстно, что достигнуть всего этого въ эпоху сильно-развившагося рабочаго вопроса нмъ можно было только однимъ путемъ, — сдѣлавъ свои имена популярными. Этому-то и добились Дольфусы и компанія. Но надо отдать справедливость Дольфусамъ и компаніи, они очень часто среди своихъ благотворительныхъ предпріятій составляли очень дѣльные и полезные планы. Къ одному изъ такихъ плановъ мы и обратимся теперь. Андрей Кехлинъ — мэръ города — около 1835 года понялъ, какъ северно устроены жилища бѣдняковъ и выстроилъ для рабочихъ своихъ мастерскихъ дома, въ которыхъ каждая семья могла имѣть за 12 или 13 франковъ, то есть, за половинную противъ существовавшей тогда квартирной платы, помѣщеніе въ двѣ комнаты съ кухней, погребомъ и садомъ. „Желая пользоваться этими удобствами, говоритъ Виллерме, рабочій обязывался посылать своихъ дѣтей въ школу, воздѣлывать свой садъ, не входить ни въ какіе долги, еженедѣльно дѣлать взносы въ сберегательную кассу и платить 15 сантимовъ въ кассу для больныхъ членовъ этого учрежденія. Последнее условіе давало право на полученіе 30 су въ день во время болѣзни, на визиты доктора и доставленіе лекарства.“ Этотъ опытъ Кехлина вполне удался. Помѣщенныя имъ семейства процвѣтали и другіе крупные промышленники стали подумывать,

*) Penot. Les institutions privées du Haut-Rhin. pp. 9, 13, 59, 60.

какъ бы послѣдовать примѣру Кехлина. Но дѣло на томъ покуда и остановилось, хотя Виллерме и толкуеть о какомъ-то собранномъ на это предпріятіе миллионѣ. Но такъ какъ объ этомъ миллионѣ теперь никто не помнитъ во всемъ Мюльгаузенѣ, то его и приходится отнести къ числу ошибокъ или вымысловъ изслѣдователя. Во всякомъ случаѣ примѣръ Кехлина не остался безъ послѣдователей, если не въ самомъ Мюльгаузенѣ, то въ другихъ городахъ. Общество каменноугольныхъ копей Авзена, небольшого городка сѣвернаго департамента, выстроило въ нѣсколькихъ селахъ большіе дома съ садами, которые и отдались въ наемъ рабочимъ. Жилище для каждой семьи было отдѣльное, состоявшее изъ двухъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ и двухъ въ верхнемъ этажѣ. Въ 1849 году домовъ было болѣе 1,000, и рабочіе платили за каждое помѣщеніе отъ 2 франковъ 50 сантимовъ, до 4 франк. въ мѣсяцъ, то есть, половину существовавшей квартирной платы въ этой мѣстности. На краю Лилля, фабрикантъ Скривъ выстроилъ тоже подобныя дома. На островѣ Наполеонъ, близъ Мюльгаузена, подобныя постройки были произведены фабрикантами Жакомъ Цуберомъ и Андреемъ Радеромъ. Но всѣ эти постройки очень ничтожны передъ тѣмъ предпріятіемъ, второму начало было положено въ 1851 г

VI.

Мюльгаузенскіе дома для рабочихъ *).

Въ 1851 году, послѣ путешествія въ Англію, гдѣ были выставлены принцемъ Альбертомъ модели домовъ для рабочихъ, Жакъ Цуберъ, тотъ самый, который построилъ дома для рабочихъ на островѣ Наполеонъ, представилъ 24 сентября записку промышленному обществу. Записка поднимала вопросъ о жилищахъ рабочихъ и вызвала отчетъ комитета общественной экономіи. Въ этомъ отчетѣ, представленномъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ докторомъ Пено, говорилось о значительномъ улучшеніи жилищъ, совершенномъ втеченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, но въ тоже время признавалось, что, въ виду все болѣе возрастающаго народонаселенія, нужно предупредить тѣ затрудненія, которыя могутъ встрѣтиться новыми

*) E. Véron. Les institutions ouvrières de Mulhouse.

Penot. Les cités ouvrières de Mulhouse.

Penot. Les institutions privées du Haut-Rhin.

рабочими, стремящимися въ Мюльгаузенъ на заработки, что нужно противодѣйствовать спекуляторамъ, набивающимъ цѣны на квартиры. Послѣ преній комитетъ призналъ никуда негодною систему казарменныхъ построекъ и одобрилъ проектъ постройки отдѣльныхъ небольшихъ домовъ. По плану Амедея Ридера, каждый домъ долженъ былъ занимать шесть метровъ въ ширину и шесть въ длину, не считая толщины стѣнъ; подвалъ и кладовая, двѣ комнаты и кухня въ нижнемъ этажѣ, двѣ комнаты и чуланъ на половину подъ крышей, и наконецъ чердакъ, должны были составлять все помѣщеніе. Постройка дома, помѣщенного между садомъ и дворомъ, должна была обойтись въ 2,200 франковъ, проценты—по пяти со ста—съ этого капитала равнялись бы 110 франкамъ. Причисляя къ этому плату за пользованіе дворомъ и садомъ, занимающими одинъ акръ земли, за поддержку зданія, за городскіе расходы, жильцу пришлось бы платить 132 франка въ годъ или 11 фр. въ мѣсяцъ. Кромѣ того одинъ этажъ могъ быть вполнѣ достаточнымъ для большинства рабочихъ и потому наемная плата могла бы уменьшиться еще на половину. Отчетъ выражалъ въ концѣ желаніе, чтобы граждане собрали капиталъ для постройки на свой счетъ и рискъ подобныхъ зданій. Покуда рѣчь шла только объ отдачѣ домовъ въ наемъ. На томъ же засѣданіи (30 іюня 1852 года) Жанъ Дольфусъ объявилъ, что онъ построитъ на свой счетъ одинъ домъ по плану, представленному ему Миллеромъ, архитекторомъ и членомъ промышленнаго общества. Вскорѣ послѣ этого на краю деревушки Дорнахъ были выстроены Дольфусомъ на пробу четыре дома по плану Миллера. Опытъ былъ удаченъ; планы Миллера были одобрены; тотчасъ же образовалось „мюльгаузенское общество жилищъ для рабочихъ“.

Эта ассоціація, составленная капиталистами, сразу собрала 300,000 франковъ, выпустивъ 60 акцій, по 5,000 франковъ каждая. Черезъ нѣсколько времени было выпущено еще одиннадцать акцій и потому капиталъ увеличился на 55,000 фр. Кромѣ того, правительство дало ассоціаціи субсидію въ 300,000 франковъ. Мы считаемъ не лишнимъ выписать нѣкоторыя статьи изъ устава ассоціаціи: „ассоціація имѣетъ цѣлью постройку домовъ для рабочихъ въ Мюльгаузенѣ и его окрестностяхъ. Каждый домъ будетъ построенъ для одной семьи, безъ сообщенія съ другими жилищами; при каждомъ зданіи будутъ отдѣльные сады и дворъ. Покупка земли, возведеніе построекъ, устройство улицъ, водосточныхъ трубъ, прачешныхъ и т. п. лежитъ на обязанности общества. Отдача домовъ въ наемъ совершается за умѣренную плату, не превышающую 8% съ капитала, затраченнаго на постройку дома; изъ этихъ процен-

товъ покрываются текущіе расходы и отдаются дивиденды акціонерамъ. Постепенная продажа рабочимъ всего недвижимаго имущества производится за простую наемную плату. Такъ какъ акціонеры имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, благосостояніе рабочихъ и передачу послѣднимъ домовъ за возможно меньшую плату, то дивиденды не могутъ превышать 4 процентовъ въ годъ на номинальный капиталъ. Акціи, по мѣрѣ выкупа домовъ рабочими, цѣна гашаются тиражами". Уплата рабочими денегъ, слѣдующихъ за покупку дома, можетъ производиться втеченіе 14 и даже 16 лѣтъ. „Первый взносъ дѣлается въ 250 франковъ, потомъ нанятель платить по 18 или 20 франковъ въ мѣсяцъ за квартиру, если домъ стоитъ менѣе 3,000 франковъ. Если домъ стоитъ болѣе 3,000 фр.; то первый взносъ равняется 300 франкамъ и ежемѣсячная плата 25 франкамъ. Покуда не уплатится стоимость дома, нанятель считается простымъ жильцомъ. Взносъ дѣлается покупателями по частямъ и за удерживаемыя ими деньги платится 5 процентовъ. Въ случаѣ неисправности въ платежѣ нанимателю отзываются отъ квартиры, которую онъ долженъ сдать въ хорошемъ видѣ; при расчетѣ вычитается изъ внесенныхъ имъ денегъ по 16 франковъ въ мѣсяцъ, если онъ нанималъ домъ, стоившій менѣе 3,000 франковъ, или 18 франковъ въ мѣсяцъ, если домъ стоилъ болѣе 3,000 франковъ. Всѣ остальные деньги, внесенныя имъ, отдаются обратно. При заключеніи контракта покупатель обязуется поддерживать свой домъ, не продавать его безъ позволенія ассоціаціи ранѣе десяти лѣтъ послѣ заключенія контракта, уплатить издержки за заключеніе контракта, додать недоплаченныя ассоціаціи деньги". „Общество выдаетъ ежегодно на конкурсы премія и даетъ одобрительные отзывы тѣмъ изъ нанимателей, которые держатъ особенно чисто и чисто свои дома. Премій на 1864 годъ назначено было три въ 60 франковъ, пять въ 40 франковъ и четыре въ 20 франковъ". Кромѣ того съ нѣкоторыхъ поръ дома стали отдаваться преимущественно тѣмъ рабочимъ, которые обязываются посылать своихъ дѣтей въ школу. Выгода подобныхъ сдѣлокъ для рабочихъ очевидна: покупатель дома въ 3,000 франковъ выплачиваетъ въ 13 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ съ уплатой процентовъ и расходовъ на заключеніе контракта только 4,326 франковъ 80 сантимовъ, то есть 1,428 франками 80 сантимами болѣе, чѣмъ онъ заплатилъ бы въ это время, будучи простымъ жильцомъ и платя по 18 франковъ въ мѣсяцъ за квартиру. Такимъ образомъ домъ онъ получаетъ въ сущности не за 3,000 франковъ, а за 1,428 франковъ 80 сантимовъ. Сверхъ того даже наемная плата въ этихъ домахъ ниже обмѣновенной наемной платы, существующей въ Мюльгаузенѣ. Про-

дѣла домовъ, при такой очевидной выгодѣ для рабочихъ, пошла отлѣчно, такъ что изъ 800 домовъ, выстроенныхъ до 1867 года, 676 уже были проданы мелкимъ работникамъ и кромѣ того восемь подмастерьевъ купили болѣе дорогие дома. Изъ проданныхъ домовъ въ декабрь 1866 года 42 дома были окончательно оплачены. Къ этому времени ассоціація должна была получить съ покупателей своихъ домовъ:

за 676 домовъ для рабочихъ	1,937,625 фр.
за 8 домовъ для подмастерьевъ	63,600 »
за расходы по заключенію контрактовъ.	117,368 »
проценты съ 1853 года	337,284 »
жаловн и застрахованія	35,242 »
Итого	2,491,119 фр.

Изъ этого счета въ долгу за покупателями оста-

валось только 1,109,468 »

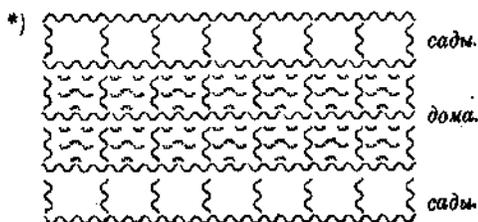
Значитъ обществомъ уже было получено 1,381,651 »

Изъ этихъ денегъ нужно было уплатить обществу кредита 33,500 франковъ, остальные же 1,348,151 фр. представляли собою чистую стоимость собственности, приобретенной работниками втеченіе 13 лѣтъ. Результатъ блестящій.

Каково же устройство этихъ жилищъ? Мы надѣемся, что подробное описаніе ихъ будетъ не лишнимъ для читателей.

По обѣ стороны длинной улицы Наполеонъ, въ 11 метровъ ширины, изъ которыхъ 3 метра занимаютъ тротуарами, тянутся многочисленные дома рабочихъ, окруженные садами. На перекресткахъ, образуемыхъ главною улицею и переулками въ 8 метровъ ширины, красуются общественные фонтаны. Улицы освѣщаются газомъ. Здѣсь можно встрѣтить одно-этажные и двухъ-этажные дома построенные по четыремъ различнымъ типамъ.

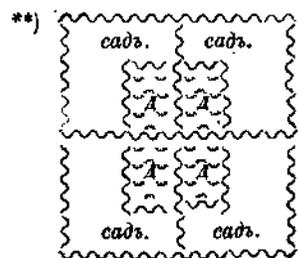
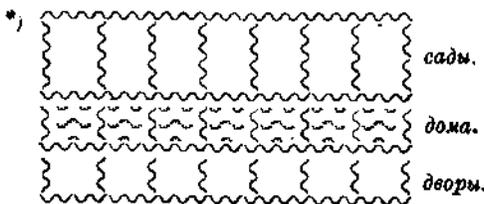
Первый типъ построекъ *) представляетъ группы въ 10, 18 и 20 домовъ, вытянутыя въ два соприкасающіеся между собою ряда, такъ, что четыре дома, находящіеся на концахъ этого двойнаго ряда, имѣютъ двѣ свободныя стѣны и двѣ стѣны, смежныя со стѣ-

нами сосѣднихъ домовъ; дома же, находящіеся въ срединѣ двойного ряда, имѣютъ только по одной свободной и по три смежныхъ стѣны. Передъ фасадомъ каждаго дома находится садъ. Хотя это самый дешевый способъ постройки домовъ, но его понемногу оставляютъ, такъ какъ съ нимъ неизбежно связаны два значительныхъ неудобства. Во-первыхъ, при такомъ расположеніи домовъ, свѣтъ проникаетъ въ нихъ только съ одной стороны, распредѣляется по комнатамъ неравномѣрно и недостаточнымъ количествомъ; во-вторыхъ, въ подобныхъ домахъ трудно устроить и хорошую вентиляцію. Обыкновенно они вентилируются посредствомъ печи, устроенной въ самомъ низу задней стѣны и плотно закрывающейся металлическими дверцами, которыя надо отворять всякій разъ, какъ понадобится возобновить въ комнатахъ воздухъ; объ этомъ жилища часто позабываютъ, и зимою, при затворенныхъ окнахъ, въ комнатахъ остается затхлый, негодный для дыханія воздухъ, что при недостаткѣ свѣта дѣлаетъ жилища мало здоровыми *).

Второй типъ построекъ отличается отъ перваго тѣмъ, что представляетъ не двойной, а простой рядъ домовъ, изъ которыхъ у каждаго съ одной стороны находится садъ, съ другой—дворъ, слѣдовательно здѣсь дома, заканчивающіе рядъ, имѣютъ по три свободныхъ стѣны, а срединные дома—по двѣ, параллельныхъ, такъ что и въ этихъ послѣднихъ освѣщеніе производится съ двухъ сторонъ, при чемъ вовсе не трудно расположить въ нихъ комнаты такъ, чтобы всѣ онѣ были достаточно свѣтлы. Вентиляція въ этихъ домахъ устроена тоже лучше, и только по своей довольно высокой цѣнѣ они рѣдко приобрѣтаются простыми рабочими и обыкновенно предназначаются для подмастерьевъ. Еще въ 1854—55 годахъ продававшіеся по 3,000 и 3,100 франковъ, въ настоящее время они стоятъ отъ 5,000 до 6,000 фр.

Третій родъ построекъ **) есть двухъ-этажные дома, соединенные по четыре и окруженные садомъ, который тоже раздробленъ на четыре отдѣльные участка. Неудобства, замѣченные нами при описаніи двухъ предыдущихъ родовъ построекъ, здѣсь не имѣютъ

мѣста. Такъ какъ свѣтъ проникаетъ въ каждый домъ съ двухъ сторонъ, то освѣщеніе комнатъ и вентиляція здѣсь безукоризненны. Дома эти бывають различныхъ размѣровъ; самыя большіе въ 6 метровъ длины и 5 метровъ и 25 сантиметровъ ширины, не считая толщины стѣнъ. Въ нижнемъ этажѣ находятся кухня и большая комната; въ верхнемъ этажѣ двѣ или три спальни. Покупщики съ семействами человекъ въ 5, 6, въ особенности если большинство членовъ семьи состоитъ изъ маленькихъ дѣтей, не имѣя надобности во всемъ помѣщеніи, нерѣдко отдають часть его въ наймы; иногда даже, желая получить большую плату, они стѣсняють себя, отдавая въ наемъ комнаты, воплѣ необходимыя имъ самимъ. Потому компанія, замѣтивъ, что обширныя помѣщенія не удовлетворяють предположенной цѣли, и принимая во вниманіе поднятіе цѣны на квартиры вслѣдствіе увеличенія заработной платы и возрастанія народонаселенія, уменьшила размѣры помѣщеній въ нѣкоторыхъ группахъ домовъ. Она убѣдилась, что дома, имѣющіе до 5—6 метровъ въ длину и до 5 метровъ въ ширину, наиболѣе удовлетворяють потребностямъ большинства рабочихъ. Можетъ быть, было бы лучше, сохранивъ прежнюю величину домовъ, раздѣлишь ихъ на меньшее число болѣе обширныхъ комнатъ.

Въ двухъ-этажныхъ домахъ этого рода полъ нижняго этажа возвышается на 0,8 метра надъ поверхностью почвы. Каменная лѣстница въ четыре ступени ведетъ черезъ входную дверь прямо въ кухню, освѣщенную небольшимъ оконцемъ надъ дверью и окномъ въ 50 сантиметровъ ширины и 80 сантиметровъ высоты, прорубленнымъ въ той же стѣнѣ, гдѣ находится и входная дверь. Кухня выслана хорошо обожженнымъ кирпичемъ, промежутки между кусками котораго залиты известью; въ другомъ концѣ кухни, у задней ея стѣны находится лѣстница, ведущая въ верхній этажъ и въ подвалъ. Входъ въ подвалъ забить досками, въ которыхъ продѣлана дверь. Нижняя ступень лѣстницы, въ подвалѣ, каменная, для предохраненія ея отъ вліянія сырости. Цилиндрическое пространство, которое огибается завитками винтовой лѣстницы, также отгорожено досками и образуетъ шкафъ. Устройство подобныхъ шкафовъ избавляетъ хозяевъ отъ излишнихъ издержекъ и даетъ возможность, не загромождая тѣсную кухню шкапами, не лишать ее однако этой необходимой мебели.

Подвалъ простирается подъ-всѣмъ домомъ и своимъ двойнымъ потолкомъ не даетъ сырости никакой возможности проникнуть въ верхніе этажи. Изъ кухни можно пройти въ большую комнату, служащую обыкновенно спальней для отца и матери семейства, освѣщенную и вентилируемую двумя окнами.

Въ верхнемъ этажѣ находятся двѣ комнаты, служащія спальнями для дѣтей. Лѣстничная площадка, образующая родъ сѣней, освѣщается небольшимъ оконцемъ надъ дверью одной изъ этихъ комнатъ. Лѣстница, ведущая на чердакъ, запирается, какъ и лѣстница, ведущая въ подвалъ, и въ пространствѣ между ея завитками также устроенъ шкафъ.

Чердакъ устраивается, по возможности, меньше и можетъ служить только для храненія дровъ, просушки бѣлья и т. п. Если бы увеличить его размѣры, козлева, навѣрное, стали бы устраивать на немъ комнаты для вайма, неудобныя и нездоровыя.

Отхожія мѣста съ стеклянной крышей вентилированы на столько хорошо, что лишены присущаго имъ запаха и потому безпрепятственно могутъ устраиваться внутри дома. Они обыкновенно помѣщаются во второмъ этажѣ. Въ иныхъ группахъ домовъ, удовлетворяя требованіямъ покупателей, желающихъ выиграть мѣсто, ихъ строятъ снаружи, по возможности, дальше отъ главнаго входа. Ямы, выкопанныя подъ ними, выложены кирпичемъ и обшитаы изнутри слоемъ цемента въ 8 миллиметровъ толщины. Каждая яма вмѣстительностью въ 1,5 куб. метра и служитъ на два дома. Она накрыта плитою въ 0,2 метра толщины. Между фундаментомъ и стѣнами лежитъ слой асфальта въ 15 миллиметровъ толщины и препятствуетъ сырости проникать въ стѣны.

Крыша зданій образуется изъ плотно-настланной и хорошо укрѣпленной черепицы. Дождевая и помойная вода стекаютъ по жолобу, общему для двухъ домовъ, который въ началѣ, на разстояніи 1,4 метра отъ стѣны, сдѣланъ изъ плитняка, а на остальномъ протяженіи—изъ булыжника.

Ширина подоконника превышаетъ толщину стѣны, и они стесаны покато, чтобъ на нихъ не могла скопиться вода. Вообще окна и двери устроены наилучшимъ образомъ.

Этотъ способъ постройки домовъ по 5 вмѣстѣ признается лучше другихъ и въ послѣднее время преобладаетъ надъ прочими способами построекъ.

Наконецъ, есть еще четвертый родъ построекъ, совершенно сходный съ предыдущимъ и отличающийся только тѣмъ, что дома строятся въ одинъ этажъ. Они предназначаются для рабочихъ съ небольшими семьями и состоятъ изъ кухни и двухъ комнатъ. Только крыши здѣсь дѣлаются выше, чтобы на чердакъ можно было устроить помѣщеніе, если бы этого потребовало увеличеніе семейства.

Весело и чисто выглядитъ этотъ рабочій кварталъ, имѣющій 6,000 человекъ народонаселенія; работники, привыкшіе къ обра-

намъ, относились сначала недовѣрчиво къ предложеніямъ ассоціаціи, подозрѣвая, что, можетъ быть, дѣло-то и не ладно; но теперь опасенія разсѣялись, очевидность выгодъ, представляемыхъ ассоціаціею покупателямъ домовъ, стала несомнѣнной, и отъ этихъ покупателей нѣтъ отбою. Поведеніе рабочихъ значительно улучшилось, они стремятся скопить лишній грошъ, чтобы скорѣе уплатить деньги за свои дома. Не малую пользу и не малое удовольствіе приносятъ бѣднякамъ ихъ сады, гдѣ послѣ душныхъ и дымныхъ фабрикъ они могутъ проводить время на свѣжемъ воздухѣ. По мѣрѣ возрастанія доходовъ, ассоціація находитъ возможность доставлять своимъ членамъ-покупателямъ домовъ и другія удобства; такъ, она устраиваетъ общественныя ванны и прачечныя, большіе дома для холостяковъ, дома для подаванія безвозмездной медицинской помощи, различные магазины, ясли, пріюты, бібліотеки и т. п. «Замѣчательно отрадна перемѣна въ характерѣ рабочихъ въ этихъ рабочихъ кварталахъ,—говоритъ Веронъ.—Никогда не встрѣтишь здѣсь тѣхъ печальныхъ сценъ, которыя встрѣчаются въ другихъ промышленныхъ центрахъ. Народонаселеніе, дѣти, встрѣчающіеся здѣсь, имѣютъ здоровый, веселый и опрятный видъ, ясно свидѣтельствующій о совершившемся прогрессѣ. По замѣчанію Батби, устройство рабочихъ кварталовъ является счастливымъ соединеніемъ индивидуальной и свободной жизни съ преимуществами общинной жизни. Каждый жилецъ имѣетъ свой отдѣльный уголь, куда не могутъ вторгнуться посторонніе. Общвинныя же булочныя, ванны, овощныя лавки, магазины, рестораны даютъ возможность уменьшить часть необходимыхъ расходовъ, обыкновенно тяготящихся надъ людьми, живущими изолированной жизнью».

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ.)

С М Е Р Т Ь.

(Изъ Байрона.)

О, смерть! заимодавецъ нашъ бессонный!
Ты въ двери къ намъ стучишься день и ночь,
Сперва слегка, какъ ростовщикъ смущенный,
Страхъ въ должнику желавшій превозмочь,
Но, наконецъ, отказомъ раздраженный,
Когда его не разъ прогонять прочь,
Онъ требуетъ немедленной расплаты,
Ворвавшись въ кредиторскія палаты.

* *

О, Смерть! Тебѣ принадлежитъ весь свѣтъ,—
Лишь къ слабой красотѣ неприкосайся...
Иль для тебя другой добычи нѣтъ?
Ты кровью многихъ націй упивайся,
Неистовый, обжорливый скелеть,
Надъ славою героевъ потѣшайся,
Но красоты—то лучший даръ земли —
Своимъ дыханьемъ мертвымъ не пали.

Д. Минаевъ.

Родное гнѣздо,

I.

Рѣзко визжитъ полозъ городскихъ саней, бойко сбѣжитъ красивая лошадка, слышится звонкое „пади!“ и сторонится въ сугробъ мужичекъ, выглядывая изъ-подъ нахлобученной бараньей шапки. Мелькаютъ мимо его зеленые кафтаны, парчевые кушаки, широкоразметанныя бороды и выставленныя рогулями руки кучеровъ. Идетъ навстрѣчу сбятеньщикъ съ патронташемъ стакановъ и связкою кренделей; отхватываетъ бравымъ шагомъ солдатикъ на ученье, покручивая желѣзный усъ на морозѣ. Стоять въ сторонѣ двѣ коровы, бодающіяся отъ скуки, и два чиновника, высовывающіе изъ-подъ полы руки — эти клаяются, точно бодаются. Облаялъ мужиченку и трезоръ, обнюхивающій всѣ столбики; оглядѣлъ его и лакей важной барыни; обогнала его и пара саврасенькихъ, вихремъ пролетѣвшая на встрѣчу; обогнали его и веселыя румяныя лица баръ городскихъ, ѣдущихъ въ магазины да въ гости. Обогналъ его наконецъ и тяжелый баулъ дорожный, такъ ухнувшій въ ухабъ городской, что въ немъ проснулся проѣзжій.

- Чортъ-дорога! Скоро-ли наконецъ?
- Пріѣхали, отвѣтилъ голосъ изъ тьмы.
- Деревня опять?
- Городъ.

— Будто? Что мы въ ученой Казани?

— Экъ хватились. Мимо учености мы съ вами прокатили, не просыпаясь.

— Чтожъ это: глушь, Саратовъ?

— И то нѣтъ.

— Шутите наконецъ?

— Какія шутки, говорятъ вамъ — городъ.

— Значить, встаемъ.

Проѣзжій приподнялся и посмотрѣлъ въ стеклышко, словно въ панораму. Передъ нимъ тянулись безконечные обозы съ шеницей; пѣшеходы сновали взадъ и впередъ; бѣжали и кричали во всю русскую глотку; тянулись безконечные плетни и заборы; высовывались дома и ворота; высоко вздымались копченныя трубы на погорѣлыхъ мѣстахъ, а надъ всѣмъ этимъ двѣ-три колокольни, такія же обвалившіяся и безобразныя, какъ обгорѣлыя трубы. Запестрѣли наконецъ и лавочки всякими, разными товарами; бросился въ глаза магазинъ съ надписью: „Натуральное личное мыло“ и затѣмъ баулъ выѣхалъ на площадь, которая обхватила его базарной еутерьмой.

— Эй, извозчикъ! куда жъ ты, братецъ, ѣдешь? Въ гостиницу ступай, да гдѣ получше. Понимаешь.

Сердитый сосѣдъ ни слова не сказалъ,брякнулъ только.

Пока извозчикъ останавливался на площади — похвастаться тѣмъ, что везетъ „барина изъ Питера“, да разспросить: „гдѣ у нихъ, домовыхъ, тутъ трахтиръ мытый?“ — мы познакоимъ читателя съ дорожными.

Николай Николаевичъ Переликинъ чиновникъ пятого департамента, въ отставкѣ. По его словамъ, онъ „не сошелся съ начальствомъ, бросилъ службу и бѣжалъ изъ сената“, на томъ основаніи, что въ наше проклятое время нѣтъ никакой физической возможности служить. — „Человѣкъ въ отставкѣ, это не сенатская машина“, говорилъ онъ знакомымъ; „я теперь могу дѣлать что нибудь *порядочное*. Кстати же, послѣ маменьки покойницы, у меня есть, гдѣ-то тамъ въ степныхъ губерніяхъ, кусокъ черноземной земли. Я сдѣлаюсь сельскимъ хозяиномъ, — ну, агрономомъ наконецъ, — а нѣтъ, такъ порядочнымъ учителемъ — пора же намъ просвѣтить этихъ животныхъ“. — Горячая мысль скоро при-

водится въ исполненіе, особенно въ торопливомъ Петербургѣ. Молодой человекъ мимоходомъ заѣхалъ въ книжный магазинъ купить какое-то нѣмецкое руководство, на случай, если придется сверлить землю и отыскивать въ ней какія нибудь сокровища, и тутъ же кстати прихватилъ „Онгина“ и „Горе отъ ума“, на случай, если скучно будетъ въ деревнѣ. Магазинъ моднаго платья былъ напротивъ. А на прощаньи онъ такъ вутнулъ съ своими департаментскими, что и до сихъ поръ не вспомнить, какъ очутился наконецъ гдѣ-то въ Подсолнечной, подъ Москвою. — Чтожь дальше? думалъ онъ въ Нижнемѣ, когда на почтовыхъ у него не доставало денегъ, а на вольныхъ запросили такую баснословную сумму, которую не спросятъ въ Европѣ отъ Неаполя и до Парижа. — А вы, братцы, разбойники! выговорилъ онъ ямщикамъ, и ушелъ опять въ гостиницу — сыграть партію на билліардѣ.

Здѣсь онъ и сошелся съ своимъ спутникомъ, который извѣстенъ уже читателю, какъ *голосъ изъ тьмы*.

II.

Григорій Никитичъ Суровый былъ исправникъ, значить, нечего говорить — человекъ практической. Мѣсто у него было хлѣбное, потому что губернія была хлѣбная. Дѣла свои онъ велъ исправно, какъ и вообще всѣ наши исправники. Соку изъ крестьянъ больно не выжималъ; съ бѣглецами и всякими другими поддонками человечества обходился „оченно вальготно“, а людямъ, желающимъ жить на волю, давалъ волчій паспортъ на всѣ четыре стороны, разсуждая основательно, что въ настоящее *нудное* время не всякій можетъ усидѣть на мѣстѣ и не бѣжать. Въ городѣ Григорій Никитичъ поставилъ исправный домъ, и посадилъ въ немъ, вмѣсто себя, свой земскій судъ; въ уѣздѣ ѣздилъ съ громкимъ колокольчикомъ, чтобъ издали слышали конокрады, что исправникъ на нихъ нагрязнулъ, а въ деревнѣ, у себя дома, слыть за хорошаго спонидома. На вопросъ Николая Николаевича: „зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Москву?“ — исправникъ отвѣтилъ просто: „да посоветоваться съ опекунскимъ на счетъ своихъ дѣлишекъ“.

— А вы?

- Въ провинцію.
- А! мы съ вами попутчики, обратился простякъ прямо къ дѣлу. — Не хотите-ли пополамъ?
- Очень пріятно слышать. Вы куда?
- Да туда же, куда и вы. Я исправникъ того уѣзда, гдѣ ваша деревенька. Двухвостка, кажется, называется.
- Она, она! Вотъ неожиданный случай.
- Ну, по правдѣ сказать, въ этомъ немного неожиданнаго, въ дорогѣ со всякимъ столкнешься.
- Вы когда же?
- Да хоть сейчасъ. Вотъ только съ этимъ молодцомъ управлюсь. Исправникъ указалъ на поросенка и выхватилъ ему бокъ.
- Это хорошо! одобрилъ Николай Николаичъ. — Вы на почтовыхъ?
- Можно и на почтовыхъ. Подорожная у васъ есть?
- Признаюсь, не хлопоталъ еще: я сейчасъ изъ вагона.
- И не хлопочите, не нужно, мы безъ подорожной найдемъ дорогу. Во-первыхъ, съ этими пустяками намъ придется еще день жить: полицію нужно просить, чтобъ намъ, порядочнымъ людямъ, дали аттестатъ на выпускъ...
- Будто?
- Да, такъ гласить законъ! А иначе вы хоть матушку рѣпку пойте, вамъ никакой подорожной не дадутъ. А во-вторыхъ, что за радость платить на водку станціоннымъ — вѣдь эти лошади насъ не везутъ? Лишній гривенникъ я лучше дамъ мужику на водку. На вольныхъ не хотите-ли? развѣ клажи много?
- Да весь тутъ. Столичный указалъ на жилетъ и сапоги.
- Значить и толковать нечего. Пособите-ка пока мнѣ... Исправникъ показалъ на графинъ и поросенка.

Все занимало столичнаго въ чудакѣ-исправникѣ. И его замешала фуфайка, о которой онъ говорилъ сердито „не продуваетъ“; и дубленый полшубокъ съ цацами, который онъ сваялъ и отдалъ зябкому Николаю Николаичу, тягнувъ тоже сердито „вспотѣлъ!“ и страшные медвѣжьи сапоги, въ которые гѣзли ноги съ сапогами и калошами, и запасные мѣховые чулки, крытые сукномъ, на ватѣ, и оригинальный *закасъ* съ ушами и козырькомъ, который отворачивался на лобъ, въ видѣ ярлыка, и

наконецъ огромная волчья шуба, на которую въ московскомъ театрѣ кривнулъ полицейскій: „куда ты, волчья шкура, лѣзешь!“ все было ново для столичнаго: и простая рѣчь его съ поговоркой „во-первыхъ“, и оригинальныя сужденія исправника о провинціи, и мѣткія замѣтки его по дорогѣ, и безцеремонныя отвѣты въ родѣ слѣдующихъ:

— Скажите, Григорій Никитичъ, зачѣмъ у васъ такая шуба широкая, я полагаю — неловко?

— Да волки свои-съ, отчего ихъ не драть.

Не нравилось столичному только одно, что Григорій Никитичъ какъ-то угловатъ и должно быть необразованъ — не понимаетъ его *по-французски*. Впрочемъ, это нисколько не мѣшало имъ сойтись и бесѣдовать по-русски. А столичный, тутъ же засыпая, думалъ такъ: „можетъ быть, у него и должность такая, лошадиная; тамъ у нихъ, я полагаю, и говорить не съ кѣмъ по-французски?“ „Вѣдь у насъ, Богъ знаетъ, какихъ нѣтъ должностей!“ шепталъ онъ въ недоумѣніи.

Словомъ, Николай Николаевичъ всю дорогу спалъ, а Григорій Никитичъ всю дорогу ворчалъ на хваленыхъ, вольныхъ ящичковъ.

III.

— У васъ тутъ чистенько! похвалилъ Николай Николаевичъ, входя къ исправнику въ номеръ. — А что, мы здѣсь будемъ ѣсть?

— Будемъ, все будемъ: и ѣсть, и пить, и спать, только дайте сперва дѣло сдѣлать — водку вынуть изъ погребца.

Николай Николаевичъ зѣвнулъ и повалился на диванъ.

— Тоска ваши дороги! Я полагаю здѣсь у васъ скука смертная?

— Почему?

— Какъ почему? провинція-матушка.

— А вы живали въ провинціи?

— Боже сохрани — умрешь!

Исправникъ захохоталъ.

— Увѣряю васъ — умрешь.

— И, батюшка, Николай Николаичъ, да вы, значить, и понятія не имѣете о провинціи. Здѣсь не только не умрешь, а растолстѣешь, примѣрно такъ, какъ я. Правда, что у насъ не такъ-то бойко сбѣгутъ и скажутъ, какъ у васъ въ Петербургѣ, да зато вѣдь ужъ и ногъ себѣ не ломаютъ, не такъ, какъ тамъ. Идемъ мы-себѣ шажкомъ, потихоньку...

— И дремлете — завидная доля!

— И дремлемъ. Чтожь вы съ нами будете дѣлать? Да коли правду-матку сказать, такъ русскій человѣкъ и не можетъ не дремать! Онъ ужъ такъ самимъ Богомъ устроенъ, какъ говорить Гоголь. И волтеріанцы напрасно противъ этого возстаютъ!

— Пора бы вставать! заключилъ грустно столичный.

— А какъ будто мы ужъ и не встаемъ? Смотрите вотъ въ окно, какъ развозились *наши* передъ праздникомъ.

— Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ, — завтра, кажется, рождество?

— То-есть самый разгаръ, что называется. Вотъ и гульнемъ. Исправникъ потеръ даже руки отъ радости.

— Не знаю, какъ вамъ сказать, я, кажется, сегодня же гульну въ деревню, отозвался нерѣшительно столичный.

— Это что за блажь? Развѣ сосѣдки хороши?

— Вамъ Двухвостка извѣстиѣ.

— Такъ что за радость отъ удовольствій забиться въ берлогу? Разочарованіе, что ли?

— Въ карманѣ.

— Э, пустяки! Мы, батюшка, кармановъ не щупаемъ. Достаточно, что вы изъ Петербурга. И напоимъ, и накормимъ, и въ карты вамъ продуеся, и что хотите, наконецъ! Еще мнѣ за васъ скажутъ спасибо — питерскаго привезъ.

— А пожалуй, произнесъ Николай Николаевичъ; — попробую остаться, пожурирую здѣсь.

— Попробуйте, — право, будетъ хорошо!

IV.

— Познакомьте меня съ *вашими*? спросилъ столичный, подвигая стулъ къ самовару.

— Съ кого прикажете?

— Кто власти ваши?

— Да какія у насъ власти: архіерей съ губернаторомъ.

— А молодъ или старъ вашъ владыка? игралъ словами гость.

— Да Богъ его знаетъ, онъ и старъ, и молодъ, какъ хотите примите. До собору я небольшой охотникъ, — толстъ, какъ видите, душно мнѣ тамъ, — а такъ-то гдѣ его увидишь? Сидитъ-себѣ дома да молится. О добродѣтеляхъ его, если хотите, вы барынь нашихъ спросите, — онѣ, батюшка, все у насъ знаютъ.

— А губернаторъ?

— О, это, батюшка, власть! Злые языки кроводиломъ зовутъ, но вы не вѣрьте, это только чиновничьи силетни, потому больше, что онъ чиновникамъ потачки не даетъ. Самъ строгъ, а супруга его еще строже.

— А я хотѣлъ-было къ нему на службу.

— Это не трудно—скажите: „написалъ проектъ“. Онъ смертный охотникъ до проектовъ.

— Въ какомъ родѣ?

— Да во всѣхъ, что хотите пишете, сѣты только ставьте крупнѣе. За сѣты онъ васъ крѣпко полюбитъ и выведетъ въ люди.

— Политико-экономъ, значить?

— Да все тутъ: и политикъ, и экономъ, что угодно. Денегъ другимъ не даетъ.

— А самъ, поди, беретъ?

— Ни, Боже сохрани! У него и чиновникъ особыхъ порученій такой же Кузьма-безсребренный. Недавно какой-то дуракъ понесъ къ нему 25 цѣлковыхъ—обидѣлся, губернатору донесъ, и статейку тиснули въ губернскихъ: о безкорыстїи „сего должностного лица“. А того по шапкѣ, изъ службы вонъ.

— Вотъ какъ у васъ!

— Да-съ, строгонько-таки на этотъ счетъ. Чтобъ этакъ, по мелочи, или какъ говорятъ нашу чиновники; „курочка по сѣмачку влещетъ“—такъ не берутъ, ни-ни!

Чиновникъ задумался не на шутку.

— Вотъ я и напугалъ васъ, какъ разъ.

— А какъ онъ съ благородными?

— Да послѣ исторїи съ Германомъ посприрѣе сталъ.

— А кто этотъ Германъ?

— Да чудодѣй тутъ одинъ, помѣщикъ. Онъ, видите, вздумалъ поступить на службу въ губернатору, и прошеніе написалъ, — прѣбжаетъ. „Очень радъ“, говоритъ тотъ. — „А вотъ, отвѣчаетъ этотъ, — и прошеніе вашему превосходительству, но только съ условіемъ“. — „Съ какимъ?“ — „Не ругаться со мной, ваше превосходительство, — я человѣкъ благородный“. — „Надѣюсь, говоритъ губернаторъ, — что человѣкъ благородный не доведетъ себя до этого, а въ противномъ случаѣ, извините“. — „Такъ и меня, говоритъ, извините, иначе я служить не могу!“ Тотъ, конечно, возвратилъ прошеніе, а этотъ раскланялся и ушелъ. Такъ въ результатѣ и оказалось, что помѣщикъ Германъ прослужилъ въ коронной только 27 минутъ!

— А порядочный вы шутъ! Какіе вы про нихъ анекдоты знаете.

— Какой это анекдотъ, это дѣйствительная исторія, въ свое время обошедшая весь городъ.

V.

— А ѣдемъ мы сегодня куда нибудь? спросилъ на другой день утромъ столичный.

— Что забираетъ развѣ? Вотъ постоитъ, дайте побриться, усъ поправить, чтобъ вышелъ изъ меня *капитанъ-исправникъ*. Для визитовъ мы составимъ такой планъ: сперва сдѣлаемъ казенные визиты губернатору и архіерею — это ужъ такъ положено. Потомъ кое-кому изъ дворянъ, а потомъ я свожу васъ къ старику Халывскому, есть тутъ одинъ отставной генераль-пласунъ. А оттуда кстатѣ по дорогѣ къ игуменьѣ не хотите-ли, и это можно?

— Спасибо.

— А къ старухѣ не хотите, такъ къ старику. Тамъ дочки есть.

— Къ дочкамъ? отчего же.

— Къ вице-губернатору визита не полагается. Во-первыхъ, по праздникамъ онъ болѣеъ бываетъ, не принимаетъ, а во-вторыхъ, онъ въ самомъ дѣлѣ въ чахоткѣ и къ веснѣ умретъ, значить, намъ съ вами ненуженъ? Такъ или нѣтъ?

— И съ этимъ согласенъ.

— Ну-съ, а дальше, какъ бы это вамъ выразить: вы кутить любите?

— Это зависитъ отъ того, какъ кутить?

— Ну, изящно кутить, какъ въ Петербургѣ пьянствуютъ—со вкусомъ, конечно, съ устрицами, шампанскимъ и пр.

— Можно, облизнулся столичный.

— А можно, такъ и дѣлу конецъ. Я познакомлю васъ съ полицмейстеромъ. Это, батюшка, истый русскій хлѣбосоль. Вы не смотрите, что у него такая странная фамилія Обдулка—преблагороднѣйшій человѣкъ. У него же встаети сегодня праздникъ.

— Свой, особенный?

— Изъ самыхъ двенадцатыхъ, годовой, что называется.

— Именинникъ?

— Нѣтъ, онъ Иванъ Ивановичъ называется; и хотя бываетъ шестьдесятъ три раза въ годъ именинникъ *по должности*, но не сегодня. А это просто *проба*. Въ сочельникъ ему приносятъ „на-пробу“, изъ погребковъ.

— А! это хорошо, похвалилъ столичный. Ну-съ?

— Да чего „ну-съ?“ дальше мы не уѣдемъ никуда, тамъ, вѣроятно, и заночуемъ! У него *тридцетый*, батюшка.

— Но это свинство однакожь. Я здѣсь человѣкъ новый...

— Вотъ новыхъ-то мы и попробуемъ-съ! съ особеннымъ аппетитомъ выговорилъ исправникъ.

— Ну! везите, куда хотите. Столичный махнулъ рукой.

VI.

Брокодиль пригласилъ петербургскаго гостя на балъ. Архіерей спросилъ: что новенькаго слышно въ столицѣ? а жандармскій полковникъ отжаловался исправнику, что въ соборѣ было неввыносимо.

Исправникъ напомнилъ наконецъ, что нужно къ полицмейстеру:

— Теперь что называется *пора*.

Улица была заставлена экипажами, точно здѣсь главный сборный пунктъ всего города. Съ подъѣзда слышались голоса, въ прихожей звонъ стакановъ, а въ залѣ самъ хозяинъ встрѣтилъ гостей;

- А! и Николай Николаичъ Переликинъ: кажется, такъ?
- Къ вашимъ услугамъ.
- А я только хотѣлъ было рекомендовать.
- Опоздалъ.
- Что-жъ вы, Иванъ Ивановичъ, не хвалите нашу полицію? съострилъ исправникъ.
- Да пока не за что. Вотъ мы сперва его арестуемъ. Хозяинъ отнялъ любезно у гостя шляпу.
- Я, впрочемъ, вчера еще сказалъ ему, что отсюда не уйдетъ.
- И хорошо сдѣлалъ. Иворка и бутылка къ вашимъ услугамъ. Вы постоянно жили въ Петербургѣ?
- Постоянно.
- Значить, хорошій пробный мастеръ. Попробуйте-ка вотъ этого.
- Полицмейстеръ молча подставилъ бутылку, а гость подвинулъ рюмку.
- А, это знакомое! Можно.
- А что, господа, не пора-ли засѣсть въ картишки? предложили одинъ изъ гостей.
- Но хозяинъ просилъ сперва заморить червячка.
- У меня новыи поваръ.
- Значить, и его попробуемъ.—Исправникъ поднялъ ножъ, а хозяинъ подставилъ пирогъ.
- Вы вотъ этого еще, обратился онъ опять къ столичному.
- Когда же все перепробуемъ? думалъ гость съ удивленіемъ. А пробамъ не было конца!
- Не сильно, господа, налегайте на эту дрянъ, — замѣтилъ хозяинъ, впереди еще много хорошаго... Авашка-бестія измѣнились: — рожъ плохъ. Мы лучше „свата“ попробуемъ.
- Вотъ, батюшка, нектаръ! присмакнулъ исправникъ и тутъ же объяснилъ столичному, въ чемъ заключался „сватъ.“
- Ой! удивился столичный. И будто сладите?
- Мы-то? А вотъ увидишь.
- Столичный хотѣлъ ѣзжать, но его оставили хоть посмотреть: сладятъ-ли они съ „сватомъ.“ И дѣйствительно сладили!

VII.

На третій день Николай Николаевичъ проснулся дома и жаловался на головную боль. Исправникъ сидѣлъ и писалъ.

— Чортъ знаетъ, что у васъ за голова! И вы можете писать послѣ того?

— Послѣ чего?

— Послѣ вчерашняго.

— Отчего не писать? Вчерашнее было вчера, а нынче — нынѣшнее.

„Лошадь ты, братъ!“ думалъ жиденекъй гость.

— Вставайте, однако, нечего протягиваться. Слышите, — праздникъ на семь ходу.

На улицѣ дѣйствительно кто-то еричалъ „карауль!“ въ сосѣднемъ номерѣ пѣла женщина или дѣвушка; а по коридору разносилось нетвердое повелѣніе: „врешь — не пьешь, выпьешь!“

— Кто это? спросилъ Николай Николаевичъ, прислушиваясь къ гвѣнію.

— Птичка-невеличка, началъ исправникъ шопотомъ. — Вчера еще прилетѣла безъ насъ, актриса изъ Казани, и хорошенькая собой. Я ужъ проникхалъ.

— Жаль. А ѣдемъ куда нибудь?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Во-первыхъ, теперь никуда показаться нельзя — накатать. А во-вторыхъ, мнѣ нужно быть у губернатора. Балъ начальника тоже служба.

— Да балъ, кажется, завтра? На третій, говорили.

— То-то *заэтра-то* мы съ тобой проспали у полицмейстера. Сегодня третій день и есть.

— Ни чорта не помню. Я, кажется, что-то выигралъ?

— Шунай карманъ, развѣ и казначей.

Гость пересчиталъ и улыбнулся.

— У васъ тутъ можно жить.

Исправникъ занялся бумагами, а столичный помещъ взглянуть на городъ.

Какой-то развалина-купецъ объяснилъ ему, что городъ построенъ митрополитомъ Петромъ, отчего и церковь и улица на низу называются митрополичьими. *Самъ*, батюшка, здѣсь былъ, проѣздомъ куда-то, на томъ мѣстѣ и отдыхалъ теперича, гдѣ церковь стоитъ. Впередъ напороочилъ: „будеть, говорить, тутъ градъ велій“ — вотъ такъ вишь и случилось: и вышелъ градъ велій! Такъ съ тѣхъ поръ и благоденствуемъ здѣсь.

— Какое благоденствіе, говорятъ, у васъ тутъ лѣтомъ всякій день пожаръ?

— Это ничего, отецъ! Благословитъ Господь, опять построимся съ-изнова. А Митрополичья у насъ богатая улица — взгляни.

Николай Николаевичъ прошелъ по богатой улицѣ. Взглянулъ на купцовъ стариковъ, въ енотахъ, шапкахъ, съ бородами, на молодыхъ, въ бобрахъ, шляпахъ и безъ бородъ; на жирныхъ кучихъ и лошадей, на дочекъ, которыхъ вывели провѣтрить для праздника. Лихачъ прокатилъ его по главнымъ улицамъ, показалъ кнутомъ на домъ губернатора, перекрестился передъ каретой, въ которой проѣхалъ архіерей, и съ удовольствіемъ объяснилъ любившему барину, что эти кабаки называются Содомъ и Гоморра, а тотъ трактиръ Капернаумъ. Прочиталъ чиновникъ и старую вывѣску съ ножницами и поленіемъ внизу: „мужской, московскій нѣмецкій портной, Ерыховъ,“ прочиталъ и новую — съ золотыми буквами: „иностранецъ *Исказани*.“ Подивился онъ и на многое множество амбаровъ, которые въ старые годы ломались подъ тяжестью русской пшеницы. Замѣтилъ и страшное безобразіе гуляющаго русскаго люда, который въ одно и то же время пѣлъ и плакалъ, пилъ и билъ другъ друга. И обернувшись разъ-другой на звонкоголосистыхъ дѣвокъ, которыя кривнули ему вслѣдъ „баринъ миленькій!“ — онъ рѣшилъ, что въ праздникъ здѣсь ничего — весело.

Только отдаленные кварталы, гдѣ гвѣздятся трудъ, бѣдность, нужда да горе, незнающіе праздника, произвели на него не совсѣмъ отрадное впечатлѣніе. Точно душу потянули изъ него эти безконечныя плетни, заборы, горѣлыя мѣста и вѣчный огородъ безъ конца! Точно для разнообразія картины торчатъ передъ нимъ: то окно заклеенное бумагой, то калитка безъ петель и затвора, то пошатнувшіеся ворота, то чиновникъ въ калошахъ на босу ногу,

грустно смотрящій на проѣзжаго. А дыръ-то, дыръ, Господи Боже мой! и на крышахъ, и на заборахъ, и на избахъ самыхъ! Точно сорочій-ситець нестрѣютъ эти жалкіе углы. Заплату на заплату кладеть здѣсь бѣдность, и вѣчная заплата на всемъ: на окнѣ, на воротахъ и на чиновникѣ самомъ! А тишина-то какая! точно передъ грозой. Молча прошла сосѣдка мимо чиновника, и молча отвѣтилъ босоногій чиновникъ на ея поклонъ. Точно не вѣсть какое сокровище, несетъ она горшочекъ молока своимъ ребятишкамъ, и крадется-крадется, чтобъ его не пролететь. Гдѣ-то издали задумала тавкнуть собаченка на столичнаго, да и та замолчала, точно испугалась чего-то. За уходящей хозяйкой мычала корова, но такъ жалостливо, какъ будто и та просила милостыню Христа ради. Одинъ только солдатъ-горемыка, на завалинкѣ, сидѣлъ оживить эту мертвечину своей забубенной балабайкой, да и у того музыка вышла на тотъ ладъ, какъ будто напѣвала: „Эхъ, унеси ты мое горе!“

— „И объята сномъ Севилья...“ беззаботно пѣлъ Николай Николаевичъ и возвратился въ гостиницу — приготовить себя къ балу губернатора.

VIII.

Балъ губернатора въ провинціи — событіе. Для него чистятъ фонари, моютъ стекла и готовятъ плошки и музыку. Квартальный отдаетъ приказаніе будочнику: „закати освѣтлѣ!“ Частный отдаетъ приказаніе квартальному: „будь, пожалуйста, потрѣзвѣ!“ А полиціймейстеръ отдаетъ приказаніе частному: „распорядитесь хоть здѣсь поумнѣй!“ Въ городѣ поднимается суматоха, скачка по магазинамъ. Полины и Надины заваливаются работой, Катюши и Таниши шныряютъ съ кордонками по лавкамъ. Тутъ разносится слухъ, что прокурорша выписала изъ Москвы какую-то неслыханную матерію, тамъ удѣльный депутатъ скачетъ на почту получить ящикъ изъ Петербурга, въ которомъ пріѣхала накладка, изображающая райскую птицу.

Дамы въ какомъ-то нетерпѣливомъ ожиданіи, и спрашиваютъ себя мучительно: пригласятъ или не пригласятъ на балъ моего

Антошу? Старикъ-предсѣдатель думалъ было наканунѣ сдѣлать балъ дочкамъ, но не рѣшился: не ловко же въ самомъ дѣлѣ быть выскочкой? Наконецъ не говорили уже о томъ, кто приглашенъ и кто не приглашенъ, а прямо начинали спорить и горячиться изъ-за того: кому губернаторъ сдѣлаетъ предпочтеніе? Кто у него будетъ распорядительницей бала? Кого сдѣлаетъ онъ царицей торжества! Вотъ гдѣ послушали бы вы горячіе споры!

Но вотъ отъ площаекъ освѣтился губернаторскій домъ. Квартальный вспотѣлъ на морозѣ, водворяя порядокъ и благочиніе. Жандармы на крыльцѣ глядятъ свирѣпо, какъ будто хотятъ запугать баломъ губернатора. Точно ранніе жаворонки прилетѣли первые прапорщики, пощипывая бѣлой перчаткой будущіе черныя усы. За ними повалило почетное гражданство — постоять и пошептаться въ залѣ его превосходительства. Не мало пробѣжало по лѣстницѣ и галантныхъ кавалеровъ, съ остервененіемъ ожидающихъ пьеса первой скрипки. Двинулись наконецъ рыдваны и возки съ дочкамъ, маменьками, тетеньками, папеньками, дяденьками, коллежскими и статскими совѣтниками и наконецъ, точно на закуску, отставной генералъ. Жена удѣльнаго управляющаго, съ райской птицей на головѣ, прилетѣла часу во второмъ по-полуночи и произвела особенный эффектъ.

А свѣту, свѣту, Боже ты мой! И какія только фізіономіи не озарялись этимъ свѣтомъ! Прапорщики такъ и свивутъ по залѣ, какъ непріятельскія пули, кущи поглядываютъ на люстры и лимонады, а чиновники такъ и стараются, не пропуская ни одной. Отставной генералъ Халаявскій и здѣсь распорядается танцами, какъ вездѣ. Приплясывая и пристукивая каблучкомъ, въ мѣстахъ патетическихъ, онъ вдохновляется весь. — „Разъ-два!“ покрикиваетъ онъ на дамъ, похлопывая въ ладоши, и затѣмъ съ особеннымъ мастерствомъ, отдѣлываетъ какое нибудь неподражаемое па. Самые робкіе чувствовали себя за генераломъ какъ-то бодрѣе, а о чиновникахъ независимыхъ, въ родѣ Николая Николаевича, нечего и говорить — тѣ совсѣмъ забыли, что были на балѣ губернатора. Объ одномъ только хлопоталъ деликатный гость столичный, чтобы какъ нибудь нечаянно не задать слишкомъ ходу, какъ бывало въ Петербургѣ на ефремовскихъ балахъ.

Словомъ, на балу губернатора такъ было хорошо, что Никола

Николаевичъ, если не просить, завтра же напишетъ обо всемъ къ Сашѣ, въ Петербургъ.

— Птичьего молока только не доставало у его превосходительства, хвалилъ балъ голова Огуръевъ.

— Игривенькій балакъ, ничего, отозвался Заволоцкій, тоже изъ столицы.

— А хороша жена удѣльнаго! хвалилъ Николай Николаевичъ, бросая перчатку подъ столъ.

— За то, батюшка, каждый день молочныя ванны береть.

— Будто?

— И съ мадерою-съ.

— То-то она и сохранилась.

— Попали въ небо пальцемъ — сохранилась; — подштукатурена, сударь мой.

— Ну-у?

— Увидишь въ ясный день.

— Все, шеальма, знаетъ.

IX.

На другой день былъ прощальный обѣдъ вице-губернатору. Обыкновенныхъ казенныхъ обѣдовъ вице-губернаторамъ не полагается, но здѣсь дѣло въ томъ, что вице-губернаторъ выходилъ не въ отставку, а получалъ высшее назначеніе, за устройство губернскаго правленія — словомъ фхаль на службу въ Петербургъ. Значить, о такомъ обѣдѣ нельзя было сказать „не въ коня кормъ“ — всѣ надѣялись, что этотъ конь современемъ кого-нибудь да вывезетъ.

— Ёдетъ, ёдетъ — не уѣдетъ, хоть бы провалился наконецъ! говорилъ откровенно совѣтникъ Макрицкій, поймавшій меня на улицѣ.

— А отъ складчины, другъ, не уйдешь, врешь! поддразнивалъ другой.

— Складчина дѣло общее, а отъ общества я не прочь!

— Такъ на-во вотъ кстати листъ и перо, подмахни.

Макрицкій хоть и переломилъ перо, но подписалъ, за нимъ.

конечно, и столоначальники со скрежетомъ перьевъ и зубьевъ. Обѣдъ рѣшили дать *на праздникахъ*, когда городъ будетъ въ разгарѣ.

— „Какихъ звѣрей, какихъ я птицъ тамъ не видалъ“, писалъ Николай Николаевичъ по возвращеніи съ прощальнаго. И въ самомъ дѣлѣ кого не увидишь, чего не услышишь на нашихъ казенныхъ обѣдахъ въ складчину.

Въ углу молодежь разсуждала, какъ бы лучше замаскироваться, и одинъ даже съострилъ, что онъ замаскируется *сиouxой*, такъ что никто его не узнастъ. Николай Николаевичъ хоть и чувствовалъ, что это уже слишкомъ, но какъ чиновникъ велъ себя въ тактъ. Одному объяснилъ значеніе кятаго департамента и прибавилъ фразу: „у насъ, въ Петербургѣ“; другому намекнулъ, что онъ самъ сенатскій чиновникъ и служилъ въ уголовномъ, а третьему очеркнулъ слегка петербургскихъ камелей и заключилъ тѣмъ, что самыя лучшія пирожки въ Пассаждѣ.

А тамъ всего на этомъ обѣдѣ были прощальныя стихи секретаря да *слово* совѣтника-семинариста.

Обѣдъ былъ длинень, какъ рѣчь, а столъ, кажется, еще длиннѣе обѣда. На другомъ концѣ отъ начальства подъ конецъ стола сдѣлалось шумно.

— Благодарю, господа, за честь! началъ виновникъ торжества. Начальству было угодно сдѣлать мое назначеніе выше...

— Очень рады! загремѣло вокругъ.

— Но, въ сожалѣнію, господа, я долженъ оставить васъ...

На другомъ концѣ не слышали и тоже закричали:

— Очень, очень рады, ура!

Послѣ обѣда пригласили еще какую-то пѣвицу—спѣтъ начальнику *на прощанье*.

А вечеромъ Николай Николаевичъ отправился на балъ, который давалъ предводитель губернатору.

Х.

— Гдѣ вы шатались цѣлый день?

— А что?

— Какъ что, во-первыхъ, я собкучился объ васъ, а во-вторыхъ, пора ѣхать на обѣдъ.

— Да куда?

— Говорять на обѣдъ, а куда? вамъ дѣла нѣтъ! Не легче, если я скажу: къ Баратаеву.

— Да къ Баратаеву мы и визита не дѣлали. Ловко ли наконецъ?

— Ловко, вамъ говорить. Каратаева мнѣ сестра.

— Родная или кузина?

— Тамъ разберешь.

Каратаевы приняли Николая Николаевича, какъ родного. За столъ сѣли только *свои*.

— А ты безсовѣстный, Грегуаръ, пеняла хозяйка брату: — обѣщалъ съ *нами* цѣлый городъ, а ко мнѣ до сихъ поръ не привезъ.

— Не сердись, другъ-сестра! На, вотъ тебѣ его наконецъ цѣликомъ, бери.

— Теперь, конечно, отниму. Садитесь, пожалуйста, ко мнѣ поближе, — вотъ вашъ приборъ. Я такъ соскучилась объ вашемъ Петербургѣ, что для меня очень приятно съ вами поболтать. Ну, что, скажите, Смольный мой? Тамъ почти родина моя.

— Свидѣтельствуешь вамъ почтеніе, мадамъ. Въ глазахъ хозяйки сверкнула дѣтская радость. — А не дурна, рѣшилъ отличный.

— Вы меня не ревнуете къ Смольному? обратилась она къ пѣвицѣ по-французски. — Старый другъ — лучше новыхъ двухъ.

Актриса просила продолжать.

— Братъ такъ много говорилъ мнѣ о васъ, Николай Николаевичъ, что я теперь же считаю васъ чѣмъ-то своимъ. Простите, пожалуйста, мою болтливость, — я до сихъ поръ еще институтка. Вы не знаете тамъ классную даму Н? Это моя подруга! Какъ она?.. и пр.

Николай Николаевичъ носилъ конфеты въ институтъ какой-то кузинѣ, классную даму зналъ хорошо, и разговоръ пошелъ какъ по маслу.

— Колашъ! ты ничего не вшь? обратилась заботливая мать къ сыну.

— Я, мамаша, смотрю на тебя.

— Что это вздумалось тебѣ смотрѣть на меня? шутила мама.

— А ты сегодня румяная, мама! выговорилъ съ особеннымъ торжествомъ Колашъ. А глазенки такъ и сверкнули, точно поцѣлуй.

— Bravo! крикнулъ отецъ.— Вотъ такъ молодецъ, и это не пропустилъ!

Мать засмѣялась отъ удовольствія — румянецъ вспыхнулъ еще сильнѣй.

— Быть тебѣ исправникомъ, зоркій глазъ, подбавилъ дядя.

— Мамаша! дядя опять дразнить меня. Слышишь?

— Чѣмъ же, другъ?

— Я не хочу быть исправникомъ, что это такое? Исправники толстые бываютъ, а я не толстѣю.

— Ну, братъ, отличился. Вотъ, что называется, не въ бровь, а прямо въ брюхо, подбавилъ дядя.

— Братъ, перестань, пожалуйста, крикнула сестра, и залилась простодушнымъ хохотомъ.

— А не дурна и эта? думалъ Николай Николаевичъ, перекидываясь черезъ столъ фразами съ актрисой.

— Николай Николаевичъ, пирожного?— Хозяйка подала сама.

— Обѣдать, другъ-сестра, ты меня больше не приглашай, болталъ толстѣя послѣ обѣда.

— Почему?

— Послѣ такого обѣда я до будущаго года не буду ѣсть.

— Такъ въ *будущемъ* пріѣзжай, т. е. завтра.

— Завтра можно. Съ *новаго* я начинаю самую регулярную жизнь: обѣдаю въ сутки только разъ, завтракаю и ужинаю тожъ.

— Слушай, вонъ какой буфонъ твой дядя, говорилъ отецъ, лаская сына.— Поди-ка спроси: не хочетъ ли онъ спать? Намъ уже новый годъ встрѣчать.

— Какія у этого человѣка геніальныя мысли послѣ обѣда, удивительно! Выдумай, сестра, что нибудь умнѣе.

— Я съ вами, господа-невѣжи, говорить не хочу. Мы ѣдемъ кататься, а васъ не возьмемъ за это.

— Согласны, Николай Николаевичъ? спросилъ мужъ.

— Это зависитъ отъ дамъ?— Гость всталъ передъ хозяйкой.

— Да полно вамъ переливать изъ пустаго въ порожнее. Я согласенъ за него: „ѣдетъ“.

Николай Николаевичъ очутился въ обществѣ двухъ хорошенькихъ женщинъ.

XI.

Катались долго, говорили много и воротились поздно. Каратаева стала еще свѣжѣе, милѣе и веселѣе, а къ гостю будто ближе. Объ актрисѣ и говорить нечего, та изо всѣхъ силъ работала глазами, ногами и языкомъ.

— И та мила, и эта мила. Та въ своемъ родѣ, эта въ своемъ родѣ. Ну, Nicolas, за которой?.. И одобренный вызовомъ обѣихъ, онъ отчаянно началъ любезничать съ той и другой.

Актриса казалась лакомымъ кускомъ, вкусъ котораго извѣстенъ ему былъ и въ Петербургѣ. И Новая деревня, и Крестовскій, и Екатерингофъ, и наконецъ—все воскресло въ памяти, глядя въ ея страстныя очи, слушая звонкій смѣхъ и чувствуя близкое дыханіе и даже нечаянное прикосновеніе крошечнаго башмачка. Ничего похожего на это не было конечно въ Каратаевой — та была просто мила и ласкова, какъ самое невинное дитя. Словомъ, хозяйка казалась ему скорѣе запретнымъ плодомъ, а не лакомымъ кускомъ. Надъ первой побѣда была легка, потому что она сама вызывала побѣдить: за то Николай Николаевичъ зналъ очень хорошо, что такая побѣда и не стояла ни гроша! Надъ второй онъ отчаявался въ побѣдѣ, но эта невозможность дразнила его, какъ демонъ, и соблазняла, какъ смертный грѣхъ.

— Попробовать развѣ? вертѣлось въ отуманенной головѣ, а безнадежность такъ и подрѣзываетъ ему крылья.

— Не хотите ли моихъ кренделей? спрашиваетъ шаловливая хозяйка, подставляя крендели мило и легко.

Николай Николаевичъ нехотя беретъ, чтобы только взглянуть на нее. Неотразимая сила влечетъ его всего.

— Полно тебѣ мучить его! Человѣкъ совѣтъ не хочетъ, а ова-то потчуетъ. Попотчуй лучше меня, произнесъ исправникъ, принимаясь снова за ѣду.

— Колашъ! ступай, братъ, спать, тебѣ здѣсь больше нечего дѣлать. На красненькую маму ты насмотрѣлся довольно, а безобразія нашего ты не увидишь, ибо мы только-что начинаемъ. Видишь, отецъ раскупориваетъ первую.

— Ахъ, мой другъ, въ самомъ дѣлѣ, девять часовъ, а ты не спишь? точно съ испугомъ проговорила мать, перекрестила сына и отдала приказаніе гостя поцѣловать.

Простота хозяйки была не въ нравахъ петербургскаго человѣка: Николай Николаевичъ, обнявъ нѣжно ребенка, похожаго на мать, подумалъ кое-что про себя.

Въ комнатѣ раздался ароматный запахъ рому, а Коля, крикнувъ изъ-за двери „прощайте, мама!“ убѣжалъ.

— Съ бутылкой я больше не хочу бесѣдовать, болталъ толстякъ.— Сыграй, другъ, Павелъ Ивановичъ, что нибудь такое. Мы съ сестрой проводимъ старый годъ.

Павелъ Ивановичъ не торопясь придвинулъ стулъ, и его славный рояль зазвучалъ.

— Те! слушайте, шопотомъ произнесла Каратаева.

Братъ съ сестрой усѣлись молча вдали отъ рояля, а Павелъ Ивановичъ началъ какую-то импровизацію, и вдохновенный разлился наконецъ такими теплыми задушевными звуками, что она вырвалась изъ объятій брата, винулась мужу на шею, смѣшала музыку и крикнула вслѣдъ уходящимъ звукамъ:

— Ахъ, Поль, какъ это хорошо!

Каратаевъ обнялъ жену, сестра брата, и всѣ трое такъ крѣпко расцѣловались, что Николай Николаевичъ тутъ же рѣшилъ: „ну, здѣсь не подѣлаешь ничего!“

Передъ ужиномъ пріѣхали двѣ старушки — маски, но хозяйка тотчасъ ихъ узнала и увела переодѣтъ. Изъ старушекъ вышли премиленькія сестры Баратаева.

Старшая проѣла съ пѣвицей дуэтъ, младшая протанцовала щелкунью-качучу; а самъ хозяинъ, прочитавъ сцену изъ Фауста, потчивалъ гостей увертюрой.

За стаканомъ провинціального шампанскаго пожелали другъ другу *провинціального* счастья, и опять всѣ крѣпко поцѣловались и обнялись. Одинъ только Николай Николаевичъ оставался здѣсь всѣмъ чужой. Самая просьба хозяина: взять пѣвицу съ собой и проводить ее домой, казалась ему горькой насмѣшкой надъ его бездомностью и одиночествомъ.

— Гдѣ мой домъ, думаю онъ;— въ трактирѣ или на хлѣбахъ содержанки богатаго барина?— Николай Николаевичъ заглянулъ въ

прошлое, оттуда выглянули одно безобразіе, грязь, развратъ, да ефремовскіе балы, далеко непохожіе на вечеръ настоящій, заглянуть онъ и въ будущее, и тамъ одни крестовскія гулянья, да ужинъ на хлѣбахъ богатой содержанки! Все это было ему знакомо, помню, истаскано и *немыло* наконецъ! Остановился онъ и передъ настоящимъ. Мелькнула въ глазахъ умная и милая головка Каратаевой-старшей; мелькнула даже въ головѣ фраза исправника: женимъ васъ проѣздомъ. Но въ то же время мелькнулъ опять и образъ милой хозяйки, и лакомый кусокъ—актриса, которую онъ сейчасъ же повезетъ съ собой!—Ну, Nicolas, выбирай...

— Николай Николаичъ, гдѣ вы? спросила съ улыбкой хозяйка.

Вопросъ былъ такъ простъ и естественъ. Хозяйкѣ хотѣлось, вѣроятно, чтобъ гостю не было скучно въ ея гостиной. И лицо ея было также невинно, безопасно и свѣтло. А между тѣмъ — странное дѣло: этотъ голосъ сирены, эта глубокая загадочная бездна черныхъ очей опять смутили его.

— Чего она отъ меня хочетъ?.. А добьюсь!—И съ такихъ рѣшеніемъ онъ поѣхалъ съ актрисой домой.

ХП.

Праздники шли своимъ чередомъ. На другой день Николай Николаевичъ былъ въ концертѣ, гдѣ нѣла его собесѣда, на третій въ театрѣ, въ клубъ и пр. Концертъ прошелъ незамѣтно, какъ и всѣ наши концерты вообще, а въ театрѣ вмѣсто трагедіи разыгралась комедія. Въ половинѣ перваго акта со сцены вдругъ пропалъ самъ Дмитрій Донской. Публика принялась конечно стучать и кричать, автрепренеръ волосы на себѣ рвать, а полиція шнырять по соѣдвнмъ роспивочнымъ. Дмитрія Донскаго наконецъ поймали и привели, но онъ рѣшительно отказался *дѣйствовать*, и піесу прекратили за *болъзнію* главнаго дѣйствующаго лица. Въ клубѣ столичный гость обыгралъ двухъ-трехъ помѣщиковъ, рискнулъ перекинуться на-право и на-лѣво съ архитекторомъ Жабой, и этого на первый разъ облупилъ. Бумажникъ его дѣдался полнѣе, а приглашенія „переметнуться“ сыпались со всѣхъ сторонъ. Знако-

мья лица смѣнялись новыми, новыми впечатлѣнія вытѣснили старое, и забывалось имъ то, что было и прошло!

Такъ забылъ онъ умное и симпатичное лицо Каратаева и его теплый задушевный привѣтъ, забылъ онъ и радужный вечеръ у нихъ наканунѣ новаго года, забылъ и живое прекрасное лицо хозяйки, и *глубокій взглядъ*, который заглянулъ въ его душу и что-то хотѣлъ сказать, но *не договорилъ!* Такова уже память человека, и особенно тѣхъ, кто слишкомъ скоро живетъ. Великія мгновенія жизни, свѣтлые образы, предъ которыми должно бы съ благоговѣніемъ остановиться—все это часто незамѣтно проходитъ мимо, не оставляя въ душѣ никакого слѣда. Напротивъ, то, что составляетъ нашу обыденную пошлость и грязь,—тѣ истертія личности, которыя сегодня и завтра намозоливаютъ ваши глаза; тѣ жалкія сцены, которыя такъ картинно разыгрываются предъ вами въ большихъ городахъ — это не забудется вами никогда, потому что куда бы вы ни бѣжали отъ нихъ, они всюду будутъ съ вами и за вами, а при воспоминаніи о *городѣ и жизни его* — ярко метнутся въ глаза.

Вотъ онъ сѣдой старичекъ, каждое воскресенье ѣдущій изъ дома въ домъ поздравить господъ съ праздникомъ, начиная съ инспектора училищъ до самого губернатора. Жизнь его: обѣдня, визиты, рюмка ерофенчу, преферанскъ и вѣчная фраза: „должокъ вамъ пришло.“ Слыхалъ онъ тоже и объ отечествѣ и о служеніи ему; слыхалъ онъ и о дворянскихъ выборахъ, и о томъ, что ему должно служить отъ дворянъ. И сидитъ онъ гдѣ-то на стулѣ, вѣчно подписывая крючкомъ „засѣдатель Статутинъ.“ Служба его только въ трехъ словахъ: поздравляетъ, играетъ и дремлетъ на-конецъ.

Вотъ и господинъ съ черными усами, точно половой изъ трактира. По его наглымъ приѣмамъ въ обществѣ, рѣзкимъ отзывамъ и дерзкому смѣху вы затрудняетесь, какъ его назвать? Это племянникъ или внукъ самой губернаторши. Онъ цвѣтъ нашего общества, образецъ моды, учредитель увеселеній. И въ театрѣ, и на балѣ, и на гуляньи — всюду вы встрѣтите его пошлую шутку, остроу и наглый взглядъ волокиты, оскорбляющій женщину. Съ нимъ короче всѣхъ сошелся нашъ Николай Николаевичъ.

Вотъ и благородный мотъ, тысячедушный должникъ всему свѣту.

Ижѣніе въ залогѣ, домъ полуотстроенъ, жизнь между городомъ и деревней, толпа друзей съ истиннымъ желаніемъ пить на его счетъ, актриса на содержаніи, мертвый членъ благотворительныхъ заведеній и покровитель плутовъ, воровъ, мошенниковъ и волокитъ.

А вотъ тотъ холостяга-бобыль, вѣчно гуляющій, танцующій и скачущій, писатель прозы и стиховъ, творецъ гостинныхъ каламбуровъ, двусмыслицы и пустяковъ, маркизь XVIII вѣка, съ просьбою и желаніемъ обворожить нашихъ жонъ и всякихъ дѣвицъ. Вотъ онъ нашъ балъный корифей, нашъ генераль-пласунъ Халаявскій. И съ нимъ сошелся нашъ столичный гость.

А между ними тотъ старикъ въ застѣгнутомъ пальто, который всѣмъ нашъ другъ и братъ. Словожъ, старикъ — та связь, черезъ которую такъ сдружились и господинъ съ черными усами, и великодушный мотъ, и маркизь XVIII вѣка, и нашъ Николай Николаевичъ....

И всюду вы встрѣтите этихъ господъ, гдѣ карты, женщина и вино. Такъ и мечется вамъ въ глаза ихъ жизнь, вѣчно говорящая, поющая, пляшущая и пьющая, но совершенно *бездѣльная*, пустая, оскорбительная для человѣчества....

ХІІІ.

— А, какъ хотите, пошло, наконецъ, возвращаться между всѣхъ этихъ ханжей, пустосвятовъ, лизоблюдовъ, прислужниковъ и черезчуръ ужъ неумѣстныхъ добряковъ. Вотъ ваша хваленая провинція! выговаривалъ съ укоромъ Николай Николаевичъ исправнику.

— Да полно тебѣ блажить! Чѣмъ виновата провинція, что ты не умѣешь жить? Еще бы ты связался съ карманнымъ выгрузкой Жабой — конечно онъ тебя облудитъ! Ищи людей.

— Да гдѣ же они? Ужъ не ты ли? чуть-было не сказалъ столичный.

Но гнѣвъ его мгновенно проходилъ и завтра думалъ онъ уже иначе:

— А есть и здѣсь, я полагаю, умныя и симпатичныя личности?— Въ памяти его мелькнулъ вдругъ образъ Каратаевой. Онъ пошелъ къ ней.

— А! Николай Николаевич! Какъ это вы насъ вспомнили? — Мужъ! Поль! иди сюда, смотри: кто пришолъ. — И Каратаева, обрадованная какъ дитя, вызвала мужа взглянуть: кто пришолъ.

— Я, душа, видѣлъ его вчера въ клубѣ. Тебя только онъ забываетъ.

— Мерсі!

Гость не нашелся что сказать.

— Но я не зла. Давайте сюда вашу шляпу. За это я васъ накажу обѣдомъ, — можно?

— Я пришелъ провести день у васъ.

— Очень, очень рада!—она подала ему руку.

Мужъ по привычкѣ послѣ обѣда спалъ, и гость съ хозяйкой остался вдвоемъ.

Никогда Перельянкинъ не былъ еще въ такомъ трезвомъ настроеніи духа, какъ теперь. Вся пустота, ничтожество и пошлость прошлой жизни точно озарились въ немъ. Страшно хотѣлось ему въ этотъ день хоть кому нибудь повѣдать свое прожитое и раскрыть наконецъ: какъ боленъ онъ.

— Мнѣ скучно здѣсь, такъ жизнь пуста! началъ онъ разиѣромъ Пушкина.

— Ахъ, Николай Николаевич! да что-жъ привязываетъ васъ здѣсь? Уѣзжайте въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ?! А что такое Петербургъ? спросилъ онъ злобно и насмѣшливо.—Онъ хорошъ изъ Смольнаго, а съ Крестовскаго дрянъ!

— Отчего-жъ оттуда не хорошъ? Я не понимаю васъ? спросила она съ удивленіемъ.

— И не старайтесь понять! жизнь моя — *мая* жизнь.

— Да объяснитесь, наконецъ, спросила она съ изумленіемъ.

Николай Николаевичъ горячо заговорилъ о своемъ тепличномъ воспитаніи въ какомъ-то закрытомъ заведеніи, о цвѣтѣ юности, о тратѣ силъ, о потерянныхъ надеждахъ и о томъ, наконецъ, что бы онъ могъ еще *сотворить*, если бы... и проч., коснулся въ жару и жалко-бумажной жизни чиновника, и нижней жизни литературной, и предательской дружбы друзей, и продажной любви камелій и заключилъ горькимъ финаломъ: какъ износила его душа!

— Я жалкій человѣкъ-съ! Ни цвѣта юности, ни праздника весны — ничего не было у меня!

Каратаева слушала его съ особеннымъ участіемъ. Въ свѣтлыхъ глазахъ ея такъ и проглядывало, какъ ей хотѣлось помочь. Да чѣмъ помочь, когда жизнь, какъ веточка, истаскана вся? Вѣдь на душу человѣкъ не придумаль еще заплата.

— Вы любили? спросила она, точно ненарокомъ обронивъ это святое слово.

— Кого любить! Кого я встрѣтилъ тамъ? Вы не спросили бы меня объ этомъ, еслибъ знали, что такое Петербургъ. Это — золото извнѣ, это — грязь внутри! Тамъ есть буклы, маріонетки, барышни, романисты, нигилисты наконецъ, а женщины вполнѣ — ея тамъ нѣтъ! — Все это говорилъ онъ крайне эффектно и такъ трагически, что Каратаева улыбнулась наконецъ.

— Николай Николаевичъ, пощадите хоть меня, я сама оттуда.

— Нѣтъ, вы не оттуда! Вы природа, а не поддѣлка подъ жизнь. Еслибъ я встрѣтилъ только такую женщину, какъ вы — о, я много сдѣлалъ бы еще съ ней!

Каратаева поблѣднѣла.

— Любите меня! крикнулъ Пелерякинъ и восторженно палъ передъ ней.

Но въ это мгновеніе онъ уже не узналъ простой и безпечной Марьи Никитичны. Блѣдная, безжизненная встала она передъ нимъ и холодными, какъ ледъ, руками оттолкнула его прочь.

— Что это такое, Николай Николаевичъ? Мужъ! Поль! крикнула она испуганно и зарыдала.

Николай Николаевичъ вскочилъ и растерялся.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь, уговаривалъ гостя мужъ. — Это истерика съ ней. — Эй, человѣкъ, воды! Странно, однако, опять возвратилась, а давно не была...

— Ты, гость, за что обидѣлъ мою маму? выговорилъ сердито Колашъ, и глазенки его сверкнули грозой.

Николай Николаевичъ не вынесъ этой ясной грозы — ушелъ.

XIV.

— „Ну, спасай меня, ящикъ, отъ нашей вѣчной праздной скуки, отъ равнодушнаго презрѣнья къ самому себѣ! Вонъ, вонъ отсюда, въ степь, въ деревню, въ глушь, въ родное гнѣздо“, такъ думалъ Николай Николаевичъ, лежа въ своемъ дорожномъ баулѣ. А скучная зимняя дорога такъ и накатывается на него тяжелый мертвый сонъ.

— А что я буду дѣлать тамъ? спросилъ онъ вдругъ, и на живой вопросъ вскочилъ, какъ отъ толчка.

Но вѣрно ничего не нашлось въ головѣ барина въ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Взяло онъ сплюнулъ на свои щегольскіе сапоги и, подавленный новой дремотой, проговорилъ въ бреду:

— Эхъ, ты бумажная машина, человекъ!

Прекрасенъ онъ былъ въ этомъ бреду и благородномъ презрѣніи къ самому себѣ. Великъ онъ былъ, какъ Чацкій въ ту минуту, когда громилъ такъ матушку-Москву. И полюбилъ я его, ибо жалко мнѣ его, бѣднаго и молодого, одинока брошеннаго въ эти снѣговья пустыни, гдѣ нѣтъ ни людей, ни привѣта, ни жизни, гдѣ только волки да мертвые деревья, гдѣ холодъ и смерть, гдѣ жизнь — постепенное замерзаніе!

XV.

„И колокольчикъ, даръ Валдая, гудить уныло подъ дугой!“ Пустынная, безпредѣльная степь за тобой и на встрѣчу. Грустно и безжизненно лежатъ снѣговья равнины, а надъ ними тяжелое, свинцовое небо и блѣдно-мерцающія искорки звѣздъ. Бѣлыя пятна солнца и луны, равно блѣдныя, безжизненныя и холодныя! И не различаешь ты ни дня, ни ночи, и охватываетъ тебя скучное однообразіе, и возьметъ тебя, какъ няня, въ свои широкія объятія деревенская пустынная дремота, и ѣдешь ты цѣлыя тысячи верстъ, и все по одной пустынѣ, называемой Русь! Вбѣгутъ тебѣ на встрѣчу, какъ туманы, сѣдые и угрюмыя лѣса, и простирають

къ тебѣ свои родныя, мохнатая, снѣговья вѣтви; холодны ихъ объятія, и мертва ихъ зимняя жизнь. Съ тоскливой досадою думаешь ты о тепломъ ночлегѣ, гдѣ-то тамъ, впереди, и нетерпѣливо крикнешь: „пошелъ, ямщикъ!“ И снова идутъ тебѣ на встрѣчу тѣ же лѣса, лѣски, да перелѣски, тѣ же овраги, овражки, бурры и капавки. Выйдешь ты, измученный, изъ своего зимняго покоя и какъ будто оживешь да обозрѣешь вокругъ себя пустынную окрестность. Пройдешь полверсты, чтобъ размять свои застывшіе, окоченѣлые члены и смотришь отъ скуки на полетъ вороны, на клячу съ дровами изъ близняго дровосѣка, на хозяина ея, общипаннаго и оборваннаго мужиченку и на его смѣшной остроковечный малахай и мохнатую рукавицу. Не отвѣтишь ты съ досады и на его почтительный поклонъ! Равнодушно смотришь на его топырящуюся отъ злости собаченку, слушаешь стрекотанье вѣчно подпрыгивающей сороки и ввалишься снова въ свой теплый баулъ и съ новой досадою крикнешь: „эй, погоняй пристяжныхъ!“ — И снова ты дремлешь, въ вѣчныхъ сумеркахъ, и тоскливо копошился въ тебѣ только одна мысль: „скоро ли конецъ дороги?“

Еремей щуритъ глазъ, глядитъ въ оба и шепчетъ наконецъ: „Господи! виднѣется никакъ?“

— Погоняй, погоняй! попускаетъ онъ обмороженнаго ямщика.

Жутко вертится Еремей на обѣ стороны: и хочется ему обрадовать барина, и боится онъ. Вотъ барабанить въ стекло осторожно, и шапка сама поднялась съ головы.

— Баринъ, деревня никакъ-съ?

— Врешь, кажется, ты? — Баринъ съ просонокъ не видитъ.

— А вонъ, подь лѣскомъ, точно прутьи съ крестомъ, это колокольня наша видна-съ.

— Ну, да! теперъ вижу и я.

Доволенъ баринъ тѣмъ, что Еремей показалъ ему его родное гнѣздо и старую колокольню, которая помнила еще и дѣдушку, и бабушку, и весь дворянскій родъ его. А объ Еремей и говорить нечего: онъ еще довольнѣе самого барина! Справа и слѣва стегаетъ лошадокъ, точно себя торопятъ подь-богъ къ женѣ. Кланяются низко ему и рогожному возку мужики, бабы и ребятишки, кланяются ему и покосившіяся отъ старости избы и конны съ

хлѣбомъ, и наборъ надѣвшіе каменную шапку кривыя трубы, и скворешницы, и *оцѣты* колодцевъ, и все, что есть живого и мертваго въ деревнѣ. Привѣтно смотритъ на барина сухая, длинная колокольня, и сѣрая съ паутиными овнами церковь, и все провожаетъ его глазами отъ околицы вплоть до барскаго двора. Зашевелилась деревня и ожила, почувявъ, что пріѣхалъ баринъ.

Такъ вотъ оно—родное гнѣздо! думалъ Николай Николаевичъ, владѣтель наслѣдственныхъ пятнадцати ревизскихъ душъ, оставленныхъ ему матерью. Онъ неволью вздохнулъ, поглядывая на свою Духвостку, лѣжившуюся по косогору небольшого овражка; тѣмъ тоскливѣе было на душѣ нашего героя, что землемѣръ Жбаба, давши сперва обыграть себя разъ пятью, подъ конецъ такъ его облупилъ, что на дорогу не осталось ни гроша! Халявскій ссудилъ ему небольшую сумму за большіе проценты, и Николай Николаевичъ вѣхалъ въ свою деревушку очень скромно, и за неимѣніемъ господскаго дома, давно обратившагося въ кучу гнилого дерева, поселился въ простой крестьянской избѣ.

XVI.

На утро былъ собранъ сходъ.

— Здравствуйте, друзья! Я вотъ пріѣхалъ покончить съ вами, устроить ваше новое положеніе, началъ баринъ торжественно.

Друзья раскланялись. Молчаніе.

— Ну, что тутъ у васъ?

— Ничего, отецъ! выступилъ староста Софонъ.

— Что у васъ мѣсто-то какое глухое!

— Темные мы люди, батюшка, совсѣмъ! И дороги теперича нѣтъ никуда.

— Ну, это не бѣда! Темныхъ людей мы просвѣтимъ. Я за этимъ и вѣхалъ такъ далеко.

— Нешто, отецъ. Власть твоя—просвѣти.

Староста понравился барину, какъ человѣкъ сговорчивый. Николай Николаевичъ отдалъ приказаніе распустить сходъ, а старостѣ войти къ нему, выпить рюмку водки.

— Да, да, говорилъ Николай Николаевичъ, потирая руки отъ

холоду: просвѣтитъ васъ, друзья, надо, просвѣтитъ, пообмѣнитъ лишнюю грязь. Вотъ, Богъ-дасть, пообживемся, тавъ школу заведемъ, хотъ воскресную для начала.

Софонъ крикнулъ, и хотѣлъ было благодарить за милость, да не зналъ за какую — не понялъ, что баринъ сказалъ.

— А ты что-то хотѣлъ говорить?

— Осмѣлюсь твою милость спросить, батюшка: что это за воскресная школа такая?

— Ну, какъ это тебѣ объяснить? Школа, значить школа, учатся гдѣ. А *воскресная* потому называется, что тамъ по праздникамъ только учать, а въ будни не учать совсѣмъ.

— А! божественному, значить?

— Ну, и божественному и всякому.

— Да поди, а чай, по гражданскому-то въ праздникъ грѣхъ учить?

— Дуракъ ты, Софонъ!

Настало длинное молчаніе. Баринъ, поглядывая на старосту, думалъ: „вотъ и извольте толковать съ этими народомъ объ истинномъ его просвѣщеніи. Если староста — дуракъ, что же послѣ того другіе-то“.

— Ну, нѣтъ-ли тутъ хотъ куръ, аиць или чего нибудь такого? Я ѣсть наконецъ хочу.

— А вотъ побѣгаю, отецъ, поспрошаю маленько. Кажись, у Апроськи цыплятки вывелись зимніе?

Такъ баринъ съ голоду и съѣлъ зимнихъ цыплятъ у Апроськи.

XVII.

Прошелъ денекъ-другой, баринъ попривыкнулъ къ избѣ, а мужики къ барину.

— А гдѣ у васъ тутъ церковь, я не вижу?

— Какая, батюшка, церковь?

— Глупый вопросъ: „какая церковь!“ Да гдѣ вы тутъ молитесь Богу?

— А въ селѣ Богомиловѣ, отецъ. Отселева-таки не близко, отвѣтилъ мягко старикъ.

— Такъ, значить, тамъ же вкрестать и хоронять васъ?

— За семь верстъ, отецъ, вкрестать и хоронять—все тамъ же.

— Чтожь священникъ прїѣзжаетъ къ вамъ.

— Ино ѣздитъ, батюшка, на пасху, а ино больше все мы къ нему. Такъ теперича отвеземъ покойника, да тамъ у него и сложимъ его. Опъ и похоронить ужъ его.

— Угу!

Баринъ о чемъ-то долго думаль. Староста передъ нимъ тяжело вздыхаль.

— Такъ ты сказалъ, кажется, что у васъ тутъ бѣдно?

— Да такъ-то бѣдно, что и!... Глухо, значить, и не пробъздно,—осенью хоть тони въ этой грязици. Вотъ только зимой по ледку и проводить Богъ кое-куда, а лѣтомъ тутъ тяжело, бѣда!

— Ну, ничего, старина, это пустяки! Вотъ поживемъ, Богъ дастъ, такъ и дороги проведемъ. И воду я вамъ выпущу, и болото осушу.

— Твоими бы устами медъ пить, отецъ.

— Да, да, все сдѣлаемъ, погоди! Только вотъ мнѣ что скажи—ты конечно давно тутъ живешь, такъ знаешь: нѣтъ-ли у васъ тутъ нефти, торфу, сѣры, или чего нибудь такого—не слыхаль-ли? Поднять васъ надо, поднять, други! Я затѣмъ и прїѣхаль.—Баринъ воодушевился весь.

— А что это, кормилецъ, нефть-то теперича будетъ?

— Горное масло.

— Ну, нѣтъ, кормилецъ, такого не имѣется у насъ! заключилъ староста грустно.—Можетъ коноплянаго не противно, такъ изволь! Есть важись, тамъ у Апроськи въ стѣлянницѣ маленько. Принесу.

— Нѣтъ, коноплянаго не надо! отказаль баринъ рѣзко и сердито.

Послѣдовало молчаніе. Баринъ такъ и рѣшилъ, что староста глушь.

— Ну, а когда-жь ты мнѣ оброекъ?

— Да какой оброкъ, кормилецъ? Крестьяншки-то больно голы теперича, на болотѣ вишь мы...

— Какъ же это, я не понимаю? Ты съ ума сонешь, Софонъ! Мало развѣ вы послѣ маменьки жили на волгѣ?

— Оно, конечно, батюшка!.. Да воля-то хороша на земляницѣ,

а безъ земли что ужь за воля? Съ камня лыкъ не деруть, самъ знаешь теперича, родимый.

— А вотъ я попрошу сюда исправника—онъ мнѣ знакомъ — онъ тебя за это и полодчуетъ. Понимаешь?

— Понимаю, отецъ. Попотчуй, воля твоя. А денегъ теперича у насъ нѣтъ!

Староста уперъ въ землю глазами и замолчалъ.

— Тьфу! какой безчувственный народъ. Пошелъ вошь!

Староста удалился.

XVIII.

Николай Николаевичъ былъ чрезвычайно недоволенъ крестьянами и собой. Три дня не хотѣлъ онъ видѣть старосту, чтобы дать ему почувствовать, какъ баринъ на него сѣрдится. За это время онъ успѣлъ осмотрѣть окрестность, взглянулъ на замерзшую рѣчку и болото, поросшее камышомъ. Отщипнулъ даже вѣтку вербовника и поглодавъ, горько-скверно, такъ и вжеть во рту. Думалъ было онъ и дѣломъ заняться, развернулъ даже нѣмецкое руководство къ изученію агрономіи, которое учило барина свердять русскую землю, да и того не прочиталъ. Чортъ знаетъ, какъ это случилось, въ торопяхъ забылъ словарь купить нѣмецкій, а безъ словаря какое ужь ученіе—ничего не поймешь. Прочиталъ отъ скуки цѣлаго Онѣгина и половину „Горе отъ ума“. И наконецъ усталъ лежать.

— Эй, позвать ко мнѣ старосту!

Вошелъ, но другой, не такой какъ Софонъ.

— Софона позвать.

— Софона ужь нѣтъ, батюшка, совсѣмъ!—Новый вздохнулъ.

— Какъ нѣтъ, что это значитъ?

— Умеръ онъ теперича, отецъ!

— Какъ умеръ! Что это за новость? Софонъ?

— Софонъ, батюшка, умеръ.

Баринъ поблѣднѣлъ.

— Да отчего же наконецъ?

— Испивалъ онъ, отецъ. И немного казисъ: вчера только

учаль, а сегодня поконишь совсѣмъ! Денекъ только и маялся сердешный.

— Ну, а ты кто такой?

— Да я его помощникъ, отецъ.

— Старостинъ? Это у патнадцати-то душъ?

— Народились двѣ, отецъ, семнадцать теперича.

— Да это для меня все равно. Вопросъ въ томъ: что вы тутъ дѣлали вдвоемъ?

— Правили, отецъ, крестьянами.

— Да тутъ и одному нечего дѣлать.

— Такъ мамнышкой твоей покойницей поставлены были.

— Эвъ чудила!

Баринъ договорился до того, что не зналъ выгнать или нѣтъ наконецъ помощника.

— Что-жъ оброкъ? спросилъ онъ тихо.

— Да не ждали, отецъ, потому теперича и не принасли.

— Ну, этотъ дѣльище Софона — съ этимъ надо потолковать, подумалъ баринъ. — А когда же принасешь? Что же я годъ здѣсь долженъ жить, въ этой труппѣ?

— Для-ча, кормилецъ, не жить — поживи. Сбережъ вотъ по осени, коли Богъ хлѣбца уродить, на твое барское счастье.

— По веснѣ, хотѣлъ ты сказать? Осень ужъ прошла.

— Коли прошла, родной, еще придетъ.

— И этотъ тоже каналья. — Баринъ было вспыхнулъ, но видя, что и этотъ упираетъ въ землю лбомъ — заговорилъ ласково.

— Да вѣдь были-жъ тутъ у васъ урожай, въ пять-то лѣтъ, послѣ маменьки?

— Какіе урожай, отецъ? Засухи такія стояли, что и!..

— На болотѣ-то?

— На болотѣ, отецъ.

— Вотъ ты и просвѣщай ихъ! Вреть и не моргнетъ.

XIX.

Еще полежалъ Николай Николаевичъ въ своей небазистой и темной избѣ и соскучился наконецъ до того, что готовъ былъ хоть дрова рубить и воду на себѣ возить.

— Исправникъ, батюшка, съ депутатурою проѣхали теперича по сосѣдству, знать въ Богомилово, доносить новый староста барину.

— Когда?

— Сейчасъ вотъ тутъ.

— Мимо?

— Влизехонько, отецъ. Возлѣ оконца твоего дорога-то.

— Что жь онъ не заѣхалъ, чудакъ?

— Не могу доложить вашей милости.

— Спрашивалъ обо мнѣ?

— Не спрашивалъ, отецъ.

— Странно!

— Спѣшно знать ѣдетъ, разсуждалъ словоохотный.

— А вотъ что: есть у васъ тутъ какия нибудь лошади?

— Для-че нѣтъ, найдемъ, родной, хоть немудрящихъ, вывезуть, чай, изъ деревни твою милость? Это можно.

— Такъ поди-ко, распорядись, да прикажи тамъ, кому слѣдуетъ, чтобъ въ самое дѣлѣ вывезли меня хоть куда нибудь. А то я здѣсь у васъ со скуки умру!

— Храни Богъ!

— Ну-да. Съвѣзжу хоть поболтать съ вѣшь нибудь.

— Поболтай, коли милости твоей угодно будетъ — это ничего.

Словоохотъ, разрѣшивши барину поболтать, скоро приготовилъ ему лошадей. Исправникъ съ депутатомъ въ сосѣднемъ селѣ Богомиловѣ сидѣли за самоваромъ, въ какомъ-то удѣльномъ правленіи *волостномъ*.

— И не стыдно вамъ, Григорій Никитичъ? началъ Переликинъ по дружбѣ.

— Вотъ какъ нынче! Меня же стыдятъ.

— Да какъ же это: мимо ѣхать и не заѣхать?

— Это зачѣмъ? — Исправникъ нахмурилъ брови.

— Какъ „зачѣмъ?“ заговорилъ обиженный баринъ. — Странный вопросъ, мнѣ кажется съ вами...

— Больше не увидимся никогда! Это вѣрно, отрубилъ рѣшительно исправникъ.

— Но, позвольте вамъ замѣтить: этотъ тонъ...

— Эхъ, ты, фуфлыга. Пошелъ вонъ, а то я расскажу твою пакостную исторію съ Баратаевой.

XVIII.

Николай Николаевичъ совсѣмъ упалъ духомъ.

— Эхъ ты сторона сворби и нужды! Что населяетъ твои снѣговья пустыни? Что оживляетъ твои мертвые углы!—Поетъ онъ свой собственный романсъ подъ гитару, задирая ноги въ потолокъ.

Съѣздилъ онъ и въ городъ „переметнуться направо и налево,“ но какъ-то не совсѣмъ счастливо. Главное — играть было не съ кѣмъ: помѣщики постомъ разѣхались по деревнямъ, а въ клубъ только почти и остались всегдашніе его посѣтителі: архитекторъ Жаба, да землемѣръ Шишиморовъ. Съ ними Перелинкинъ теперь дѣла не хочетъ имѣть.

— Эхъ, ты!.. зацѣваетъ онъ снова отъ скуки деревенской.

— Заунывно больно ты поешь, Миколай Миколаичъ. Знать, тошно тебѣ съ нами здѣсь постомъ-та? По Питеру вишь соскучился? бесѣдуетъ съ баринномъ староста.—Потерпи малую толику: вотъ весна придетъ. Дуплышко тебѣ тутъ на ворота поставлю, скворушка прилетитъ, споетъ тебѣ што нибудь веселое. Дѣвчата тоже у насъ тутъ есть на деревнѣ, ящи катаютъ на пасху, такъ любо, что и!.. А по духовъ день короводятся, ржанье, да гоготанье такое стоитъ у нихъ, бѣда!..

Ничто не веселило Николая Николаевича.

— Эхъ ты!.. начиналъ онъ снова свою заунывную.

— А теперича тутъ у насъ, какъ весна, такъ и пойдутъ все это цвѣты! На пчельникъ теперича поѣдемъ, лѣсокъ тутъ есть у насъ, пчелки водятся...

— А медъ есть? нехотя спросилъ Николай Николаевичъ.

— Ну, такой медъ, что твоя патока, сладъ! Пчелки они, вишь работающая гадина, какъ вотъ примѣрно мы теперича работаемъ на твою милость, такъ и они на своихъ господъ. Матка есть у нихъ тоже...

— А? это хорошо!—Николай Николаевичъ думалъ совершенно о другомъ.

Такъ и скворцы пролетѣли, и жаворонки пропѣли и лѣто прошло, а баринъ все думалъ о чемъ-то другомъ! Сходилъ Николай Николаевичъ и съ дѣвками по ягоды, и съ бабами по орѣхи, и со

старухами по грибы, съѣздилъ онъ и на пчелникъ со старостой полюбоществовать: какъ работаютъ пчелы, а все ему не стало веселѣй.

— Денегъ, денегъ, пожалуйста, скорѣй! торопилъ онъ старосту. Клянусь тебѣ честью, со скуки умру!

— Дамъ, дамъ, отецъ, погоди. Меня ты теперь не торопи, часъ дорогъ у насъ. А денюжки мы тебѣ предоставимъ. Вишь, на твоихъ-то глазахъ Господь далъ какой урожай!

— Все это хорошо, да надо ѣхать. Охъ, ѣхать, ѣхать надобно!

— Куда теперь ѣхать въ слякоть, къ осени дѣло идетъ. По первопутку ступай. Поди чай, тамъ у васъ подъ Питерь-отъ и дорожки нѣтъ? Грязно, слышь, къ вамъ?..

— Ну, я полагаю, на чугунной не утону?

— Храни Богъ! Чистенькимъ проѣзжай. Питерь-отъ щеголежъ!

Такъ и рѣшилъ староста, чтобъ баринъ остался въ деревнѣ до первопутка. А баринъ и понятія не имѣлъ, какая пытка сидѣть осень въ деревнѣ и смотрѣть на дождикъ въ тусклое окно. Сколько ни толковалъ ему староста, что *ино*-время у нихъ такъ весело, что люля! Баринъ никакъ не могъ понять, чѣмъ свѣтла и разнообразна деревенская жизнь?

А разнообразна она своими темными роказаньями: о царяхъ, царихахъ, богатыряхъ, дѣвицахъ, мертвецахъ и привидѣнїяхъ, оборотняхъ и домовыхъ! Разнообразна она своими гаданьями, сидѣлками, страхами въ потемкахъ, подслушиваньями подъ окнами, въ баняхъ, у церквей, да достовѣрными сказанїями о томъ, какъ въ погребахъ свиньи головы говорятъ. Разнообразна она своей милой простотой, затѣями простодушнаго мужичка и бабенки его, сильной лаской красной дѣвицы, да сильной жизнью добра-молодца. А еще разнообразїе она своей тоскливой, заунывною, ноющей и за сердце хватающей русскою пѣснью! Пѣснью, въ которой такъ много грусти и тоски, въ которой плачетъ вся наша прошлая, вѣрѣстная жизнь съ ея темной, неразгаданной и непонятной еще стороной! Вотъ чѣмъ разнообразна наша деревенская жизнь!

— Только-то? спросилъ насмѣшливо баринъ, смотря на пачку бумагъ.

— Только, отецъ! Сыромолоть идетъ, пасмурно, вишь.

— Я бѣ тебѣ далъ сыромолоть на спать! Моли Бога, что

дали вамъ волю. Да на прощаньи ссориться не хочу. Ну, вели же подавать живѣе лошадей.

Такъ прощался Пелеринкинъ въ послѣдній разъ съ родовымъ имѣніемъ маменьки-покойницы. Дальше и дальше уносился его дорожный экипажъ отъ родного гнѣзда, а во снѣ и на яву только и снился ему нашъ златоглавый, пышный Петрополь, съ его дворцами и гордой Невой, съ его стройными улицами, разряженными въ ожерелья огней, съ его морями золота, воды и нищеты, съ его важными барами, гордымъ умомъ и съ его кропотливо-машинной работой въ канцеляріяхъ. На станціи только и слышалось: эй, ямщикъ, цѣлковый-рубль на водку, пошолъ! И тройка снова летѣла, какъ вѣтеръ....

Г. П — нь.

ПЕРВЫЙ ПОСѢВЪ.

(Изъ Э. Р. Прутца).

Здѣсь нашъ пріютъ. Здѣсь мы рубили
Деревья дѣвственныхъ лѣсовъ
И нашимъ потомъ освятили
Постройку новыхъ очаговъ;
Здѣсь намъ, Европою гонимымъ,
Создать отчизну суждено, —
И такъ въ трудѣ неутомимомъ
Посѣемъ первое зерно.

Ты, какъ наслѣдство прошлой жизни
И какъ залогъ грядущихъ дней,
Былъ взятъ при бѣгствѣ изъ отчизны,
Хлѣбъ дорогой родныхъ полей.
Тебя, какъ сына, опускаемъ
Мы въ землю робкою рукой,
И съ теплымъ чувствомъ вспоминаемъ
О нашей родинѣ святой.

Когда стебли твои взошли
Изъ темныхъ пропастей земли, —
Въ долинахъ Эльбы ихъ ласкали
Родного воздуха струи;
Теби лучи родные грѣли,
Ты былъ крошимъ родной росой
И звонко жаворонки пѣли
Родныя пѣсни надъ тобой.

Все поднималась рожь густая,
Все наливался сочный плодъ, —
Мы жатвы ждали, замирая

Отъ думъ тревожныхъ и заботъ.
 И вотъ колосья въ день осѣнній
 Позолотились на поляхъ...
 О, сколько тайныхъ опасеній
 Въ тотъ день разсѣялось, какъ прахъ!

Мы мчались мыслью къ новой цѣли,
 Намъ снилась дальняя земля
 И волны, мнилось намъ, шумѣли
 Вкругъ корабельнаго руля.
 Что пользы въ нивахъ, полныхъ хлѣбомъ,
 И въ гроздьяхъ виноградныхъ лозъ,
 Пока плодовъ подь этимъ небомъ
 Посѣвъ свободы не принесъ?

Въ снопы колосья собирали
 Собратья съ шуткой на устахъ,
 А нашу грудь уже сжимали
 Разлуки близкой скорбь и страхъ.
 Другіе весело плясали,
 Визжали скрипки, рогъ гремѣлъ
 Но молча мы снопы вязали.
 И день надъ нами вечерѣлъ...

Съ собой мы брали въ это время
 Не горсть земли родной въ походы, —
 Но плодъ родной, родное сѣмя:
 Одно живое жизнь даетъ.
 И какъ надъ покореннымъ станомъ
 Знаменщикъ ставить знамена, —
 Въ чужомъ краю за океаномъ
 Мы сѣмъ эти сѣмена.

Да будетъ здѣсь, плоды родные,
 Посѣва благодатенъ часъ,
 Да возродятъ лучи чужіе
 На этой чуждой почвѣ васъ!
 Надъ вами жаворонковъ пѣнье,
 Какъ встарь, небесъ не огласить
 И жатвы тяжелаго мученья
 Вѣнокъ изъ розъ не усладить.

Но все же, если Богъ поможетъ,
Здѣсь вольно колосья зашумить
И мозги здоровыя ваши, быть можетъ,
Людей свободныхъ поддерживать.
Но и среди чужой природы,
Въ слезахъ посѣявъ хлѣбъ родной,
Мы молимъ, чтобы плодъ свободы
Созрѣлъ на родинѣ святой.

А. Михайловъ.

РЕАЛЬНАЯ ШКОЛА И НАРОДНАЯ ЭКОНОМІЯ.

Если бы русское общество умѣло понимать свои дѣйствительные интересы и обладало большимъ критическимъ тактомъ въ распознаваніи того, что ему полезно и что нѣтъ, то всякіе споры между нашими классиками и реалистами давно были бы покончены; защитники классической рутинны вошіали бы въ пустынь, а реальному знанію не было бы ни малѣйшей необходимости отставать свои права на существованіе. Но, къ сожалѣнію, общество наше часто не видитъ самыхъ простыхъ и ясныхъ, какъ божій день, вещей, и заставляетъ толковать ему о необходимости даже такихъ реформъ въ его жизни, которыя прямо вытекаютъ изъ всей его исторіи, изъ самыхъ насущныхъ потребностей его жизни. Къ числу такихъ реформъ мы относимъ и реальную школу.

Мы знаемъ и убѣждаемся на каждомъ шагѣ, что земледѣліе наше находится въ жалкомъ состояніи, что великолѣпныя наши почвы, истощенныя вѣковой хищнической эксплуатаціей, скудѣютъ и опустошаются, что въ одной изъ самыхъ хлѣбородныхъ странъ есть мѣстности, страдающія голодомъ, есть почвы, заброшенныя отъ недостатка рациональнаго воздѣлыванія ихъ. Знаемъ мы и то, что у насъ нѣтъ агрономическихъ знаній, которыя бы прилагались къ дѣлу, что исконная рутинная руководитъ плугомъ нашего мужика, головой богатаго землевладѣльца и что отъ земли мы ничего больше не требуемъ, какъ дохода и дохода, не разсуждая ни о поддержаніи плодородія, ни объ удобреніи почвъ, ни объ угрожающихъ бѣдствіяхъ будущимъ поколѣніямъ, которыя примутъ отъ насъ разоренное сельское хозяйство. При такихъ условіяхъ реальное знаніе дѣлается предметомъ величайшей важности. Оно стоитъ на очереди самыхъ жгучихъ вопросовъ въ преобразованіи народной экономіи.

Земледѣльческое народонаселеніе ждетъ практическаго распространенія теоретическихъ званій и механическихъ улучшеній въ земледѣліи. Для этого, какъ мы думаемъ, самыя агрономическія учебныя заведенія должны быть децентрализованы, устроены въ областяхъ по преимуществу земледѣльческихъ, и агрономическія науки въ нихъ должны быть по возможности приспособлены къ мѣстнымъ климатическимъ, почвеннымъ и вообще земледѣльческимъ условіямъ. Точно также могли бы устроиваться въ земледѣльческихъ областяхъ и мѣстныя агрономическія ассоціаціи съ земледѣльческими фермами и училищами. Ихъ могли бы устраивать агрономы, основательно изучившіе, или въ агрономической академіи или за границей, физіку и хмію въ приложеніи къ земледѣльческимъ машинамъ и орудіямъ. Посредствомъ преподаванія въ земледѣльческихъ школахъ и практическаго приложенія на своихъ фермахъ и поляхъ, они могли бы знакомить съ этими науками дѣтей земледѣльческихъ классовъ. Путемъ собственнаго рациональнаго земледѣлія, введеніемъ и распространеніемъ въ своихъ мѣстахъ лучшихъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, лучшихъ средствъ удобренія почвы, сообразныхъ съ мѣстными условіями, употребленіемъ усовершенствованныхъ механическихъ снарядовъ, нужныхъ для различныхъ работъ и мелкихъ отраслей промышленности, примыкающихъ къ земледѣлію, рациональными приемами и способами осушенія болотъ, дренажа, осушенія и орошенія полей и луговъ, лучшимъ съвооборотомъ, введеніемъ и распространеніемъ, гдѣ можно и должно, плодоперемѣнной системы, лучшимъ раздѣленіемъ и производствомъ полевыхъ работъ, воспитаніемъ лучшихъ, наиболѣе тяжеловѣсныхъ и доброкачественныхъ зеренъ, увеличеніемъ урожаевъ на худыхъ почвахъ и т. п. — всѣми такими практическими путями, примѣрами и опытами провинціальныя агрономическія ассоціаціи могли бы мало-по-малу располагать и мѣстное земледѣльческое населеніе на сторону рациональнаго земледѣлія, практически на опытѣ показывать имъ его преимущество и наибольшую легкость и выгоду, и такимъ образомъ мало-по-малу переводить ихъ отъ рутиннаго хлѣбопашества къ естественно-научной, — рациональной агрономіи. Явное преимущество и польза ея, разъ испытанныя на опытѣ, дальше ужъ помогли бы рациональной агрономіи распространяться между крестьянами. Даже и теперь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне видятъ удачныя опыты новаго полеводства по правиламъ агрономіи, по словамъ Тенгоборскаго, „на крестьянскихъ поляхъ предвидится скорое измѣненіе къ лучшему“. Напримѣръ, въ симбирской губерніи крестьяне, видя на опытѣ на земляхъ помѣщичьихъ замѣтные успѣхи отъ улучшеннаго способа об-

работки и введенія усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, вводятъ эти улучшенія и на своихъ земляхъ. Въ этомъ отношеніи справедливое замѣчаніе Тенгоборскаго можетъ относиться и къ агрономическимъ ассоціаціямъ. „Должно предварительно, — говоритъ онъ, — изучить всѣ условія, въ какихъ находится наше земледѣліе вообще и въ отдѣльныхъ странахъ Россіи въ частности (такъ какъ онѣ удивительно разнятся между собою), далѣе познаться съ нравами и характеромъ нашего народа и лишь тогда судить, до какой степени приложимы у насъ такой-то приемъ или такая-то система. Въ недавнее время нѣсколько отличныхъ учениковъ нашихъ земледѣльческихъ училищъ, окончившихъ курсъ за границей насчетъ правительства, были посланы въ Новороссію въ качествѣ управителей государственныхъ имуществъ для того, чтобы они приложили въ тамошнему земледѣлію свои теоретическія познанія. Но, проживъ года два въ мѣстахъ своего назначенія, они убѣдились, что ихъ познанія по большей части приносили имъ весьма мало пользы на практикѣ, и что сельское хозяйство тѣхъ мѣстъ должно быть основано на вѣчныхъ правилахъ, примѣненныхъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, что впрочемъ не исключаетъ потребности весьма существенныхъ перемѣнъ, ибо многія изъ нихъ могутъ быть произведены во всякой хозяйственной системѣ. Таковы: введеніе лучшихъ земледѣльческихъ орудій, лучшихъ способовъ удобренія почвы, основанныхъ на опытахъ другихъ странъ; употребленіе усовершенствованныхъ механическихъ снарядовъ, нужныхъ для различныхъ промышленно-земледѣльческихъ работъ; лучшее раздѣленіе полевыхъ работъ и проч.“ (О произв. сил. 1, 91). Далѣе агрономическія ассоціаціи могли бы распространять въ сельскомъ хозяйствѣ новыя отрасли земледѣлія, напримѣръ, воздѣлывать кормовыя растенія, вводить травосѣяніе, улучшать луговое хозяйство. Извѣстно, что рабочій скотъ у нашихъ крестьянъ, столь необходимый имъ для полученія удобренія, для полевыхъ и другихъ работъ, для мяса, молока и проч., содержится большею частію чрезвычайно скудно. Напримѣръ, въ 21 великорусской губерніи сѣна приходится среднимъ числомъ:

На 1 лошадь	77 пудовъ.
„ 1 корову	23 „
„ 1 жеребенка	38 „
„ 1 теленка	11 „
„ 1 овцу	11 „

Естественнымъ слѣдствіемъ такого слишкомъ скуднаго содержанія скота бывасть то, что порода его годъ отъ году мельчаетъ и слабѣетъ. Скотъ не можетъ вполне вознаградить крестьянина—ни

трудомъ своимъ, ни произведеніями, ни даже навозомъ. Все это неблагоприятно дѣйствуетъ на земледѣльческое хозяйство крестьянъ и препятствуетъ ему идти впередъ. Поэтому агрономическія ассоціаціи, вводя на своихъ фермахъ и поляхъ рациональное травосѣяніе и разведеніе кормовыхъ и корнеплодныхъ растений, могли бы къ тому же приучать и крестьянъ. Онѣ могли бы своимъ опытомъ и примѣромъ доказывать крестьянамъ на практикѣ все преимущество и всю выгоду искусственнаго разведенія кормовыхъ растений, напримѣръ, клевера, свекловицы, капусты и другихъ, такъ какъ уже по извѣданнымъ опытамъ 1 гектаръ поля, засѣянный кормовыми растениями, даетъ въ годъ среднимъ числомъ до 400 фунтовъ мяса, тогда какъ 1 гектаръ хорошихъ луговъ даетъ только 160 ф., а естественныя пастбища—только 88 ф., и такъ какъ по Тэеру, хорошія луга по питательности относятся къ клеверу, свекловицѣ и капустѣ, какъ 10 къ 16, 32,5 и 30. Точно также агрономическія ассоціаціи могли бы изслѣдовать и разводить растения, полезныя или необходимыя для фабрикъ, садовъ, аптекъ и проч. Напримѣръ, въ частности у насъ весьма нужно и полезно было бы распространять между крестьянами разведеніе свекловицы для свекло-сахарныхъ заводовъ, что было бы выгодно для самихъ крестьянъ и повело бы къ развитію свекло-сахарной промышленности и къ значительному увеличенію народнаго потребленія сахара. Агрономическія ассоціаціи могли бы кромѣ того на своихъ свекло-сахарныхъ заводахъ практически знакомить крестьянъ съ свекло-сахарной фабрикаціей, могли бы показывать крестьянамъ химическіе анализы свекловицы, искусственныя средства для ея фабрикаціи, доставляемыя химіей, физикой и механикой—разныя гидравлическіе прессы, усовершенствованные аппараты для фильтраціи, усовершенствованные прессы и аппараты, дѣйствующіе въ безвоздушномъ пространствѣ, изобрѣтеніе Брэнфо и т. п. Во всякомъ случаѣ одно распространеніе между крестьянами разведенія свекловицы могло бы повести къ другимъ рациональнымъ улучшеніямъ и нововведеніямъ въ самомъ ихъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Это можно предвидѣть даже по теперешнимъ опытамъ. Изъ числа выгодъ, приобретенныхъ нашимъ сельскимъ хозяйствомъ, вслѣдствіе успѣховъ воздѣлыванія свекловицы, комиссія, посланная въ 1849 г. для изслѣдованія этой отрасли промышленности, указываетъ между прочимъ на слѣдующія: во-первыхъ, помѣщики наши, для развитія въ своихъ имѣніяхъ этой отрасли сельскаго хозяйства, завели у себя усовершенствованныя земледѣльческія орудія и, научивъ крестьянъ своихъ владѣть этими орудіями, начали употреблять эти послѣднія въ хлѣбопашествѣ вообще; во-вторыхъ, удобство, съ которымъ воздѣ-

ливаніе свекловицы можетъ быть принаровлено ко всѣмъ сѣвооборотамъ, навело помѣщиковъ на многія улучшения въ системѣ сельскаго ихъ хозяйства, и въ-третьихъ, свеклосахарная фабрикація доставляетъ земледѣльческому населенію средства употребить съ пользою для себя время, остающееся у нихъ свободнымъ отъ полевыхъ работъ. Такъ и сами крестьяне, подъ руководствомъ агрономическихъ ассоціацій, могли бы отъ разведенія и фабрикаціи свекловицы перейти ко многимъ улучшениямъ и усовершенствованіямъ въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приобрести нѣкоторыя новыя реальныя знанія. Накопецъ агрономическія ассоціаціи могли бы на основаніи своихъ опытовъ и наблюденій разрабатывать науки сельскаго хозяйства и въ частности рациональную агрономію со всѣми относящимися къ ней естественными науками: химією, физиологіей растений, геогнозіей и проч., могли бы развивать у насъ сельско-хозяйственную литературу, издавать и распространять популярныя книги о земледѣліи и вообще по сельскому хозяйству, а также издавать земледѣльческіе газеты и журналы и т. д.

Рядомъ съ ассоціаціями скотоводческими и земледѣльческими, въ связи съ ними или отдѣльно, рано или поздно, обаяются насущно необходимыми ассоціаціи акклиматизаціонныя, какъ зоологическія, такъ и ботаническія. Вопросъ объ акклиматизаціи животныхъ и растений совершенно новый и въ настоящее время существенно важный, столько же важный, какъ вопросъ о рациональной агрономіи. Здѣсь мы скажемъ только, для сокращенія статьи, о зоологическихъ обществахъ акклиматизаціи. Въ экономической жизни Европы давно уже замѣченъ фактъ, что по мѣрѣ умноженія народонаселенія, издерживалась или истощалась и истощается непосредственно натуральная зоологическая экономія европейскаго материка, и вслѣдствіе того по необходимости усиливалась и усиливается промышленность земледѣльческая и въ особенности мануфактурная. Вслѣдствіе этого, продукты животныя давно стали дорожать, тогда какъ продукты земледѣльческіе и въ особенности мануфактурныя годъ отъ году дешевѣли. Напримѣръ, по таблицѣ Эдена, въ Англіи стояли:

откормленный быкъ:		квартеръ пшеницы:	
Съ 1125—26 г.	1 шилл.	20 шилл.
1293	5 ³ / ₄ „	8 „
1313	6 ² / ₃ „	5 ¹ / ₄ „
1406	9 ¹ / ₂ „	4 ¹ / ₂ „
1444	11 ² / ₃ „	4 ¹ / ₃ „
1453	10—12 „	1 ² / ₃ —4 ² / ₃

Затѣмъ въ Лондонѣ за кусокъ (8 ф.) хорошей говядины платили уже среднимъ числомъ:

Въ 1701—1710 г.	1 шилл.	7, 9 пенс.
„ 1764—1773 „	2 „	3, 7 „
„ 1794—1803 „	3 „	5, „
„ 1804—1821 „	4 „	10, 9 „

Между 1550 и 1795 г. цѣны на домашнихъ животныхъ поднимались въ такой послѣдовательности:

Лошадь отъ 2 фунт. стер. 2 шилл. на 19 фунт. стер.

Быкъ „ 1 „ „ 16⁷/₁₂ „ „ 16 „ „ 8 шилл.

Корова „ „ „ 16 „ „ 16 „ „ 8 „

Овца „ „ „ 4¹/₃ „ „ 1 „ „ 18 „

Свинья „ „ „ 5¹/₂ „ „ 5 „ „ 8 „

(Слѣдов. лошадь на 904, быкъ на 896, овца на 876 проц. на противъ того корова на 2050, свинья на 1963 проц.). Во Франціи цѣна благородныхъ металловъ, со времени Людовика XII до Людовика XV, понизилась, какъ 3¹⁰/₉₁: 1. А различныя животныя поднимались въ цѣнѣ въ слѣдующей пропорціи.

Жирный баранъ отъ 7 су—на 10 ливровъ.

Сухой „ „ 5 „ „ 5 „ „ 10 су

Свинья „ „ 10 „ „ 25—30 „ „

Капдунъ „ 1 „ „ „ „ „ 12 „

Курица „ 1¹/₂ „ „ „ „ „ 6 „

Голубь „ 1¹/₁₂ „ „ „ „ „ 3 „

Коза „ 1¹/₂ „ „ „ „ „ 15 „

Пшеница „ 20 „ „ „ 12 „ „

Тогда какъ плата лѣтнему поденщику отъ 1¹/₂ су поднялась только на 12 су, а зимнему отъ 1¹/₃ на 6 су. (Roscher II, s. 249—255)

Въ Россіи также животныя уменьшаются и дорожаютъ, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія; цѣны на разныхъ животныхъ поднимаются даже въ такихъ зоологическихъ и скотоводческихъ областяхъ, которыя прежде славились изобиліемъ и необыкновенною дешевизною звѣрей и скота. Напримѣръ, въ Красноярскѣ, во время путешествія Палласа, за быка давали 1¹/₂ р., за корову 1 р., за лошадь отъ 2 до 3 р., за овцу 0,2—0,5 р., за оленя 0,15 р. (Pallas Reise III, s. 12). А теперь и тамъ каждое изъ этихъ животныхъ стоитъ уже втрое, даже вчетверо дороже. Въ половинѣ XVII вѣка, во время путешествія Олеарія по Россіи, рогатый скотъ былъ чрезвычайно дешевъ въ Россіи, такъ что весьма тучнаго быка покупали за 2 талера, овцу за 10 копѣекъ или 5 грошей; а теперь такой быкъ стоитъ отъ 10 до 20 руб. с., овца отъ 3 до 7 руб. с. Въ Петербургѣ пернатая дичь, со времени Петра I до Александра I, возвы-

силась въ цѣнѣ какъ 1 : 6 — 7. Главная причина такого историческаго возвышенія цѣнъ на животныхъ заключается, безъ сомнѣнн, въ прежней нерасчетливой, хищнической системѣ пользованія продуктами животной экономіи природы и въ непропорціально-сти естественнаго развитія и размноженія животныхъ въ Европѣ съ возрастаніемъ европейскаго народонаселенія. Когда кочевые, пастушескіе народы Азіи — распространители прирученныхъ, одомашненныхъ животныхъ, — произвели въ Европѣ такъ называемое великое переселеніе народовъ, тогда естественно въ вѣковомъ процессѣ смѣшенія племенъ, въ борьбѣ за существованіе между собою и съ животнымъ міромъ, началось фізіологическое развитіе и воспитаніе европейскихъ національностей. Въ этомъ періодѣ физическаго роста и склада европейскихъ народовъ, какъ жестока была этнолого-политическая борьба національностей за существованіе, такъ же, безъ сомнѣнн, жестока была и борьба за существованіе съ животнымъ міромъ изъ-за средствъ жизни. На борьбу съ звѣрами призывались въ средніе вѣка сверхъестественные помощники, святые, съ ихъ чудесными жезлами и палицами, въ родѣ Wunderstab св. Магнуса въ южной Германіи. Для борьбы съ звѣрами Карлъ Великій облекъ спеціальною военною службою охотниковъ за волками (Capit. a. 813 II, c. 8). Въ Англіи около 950 г. жители облавою истребляли хищныхъ звѣрей. Звѣрей въ лѣсахъ европейскихъ однакожь было такъ много, что еще при Фридрихѣ Барбароссѣ волки стадами бѣгали на майнцкихъ кладбищахъ („hatten Hunde und Wölfe ihren Sang“). Истребляя вредныхъ животныхъ, европейцы не менѣе того истребляли и другихъ полезныхъ животныхъ изъ-за средствъ жизни. Животная пища тогда потреблялась въ наибольшемъ количествѣ, даже монашескимъ духовенствомъ. Свиное мясо, напримѣръ, составляло по преимуществу обыкновенную животную пищу (Büsching Ritterzeit und Ritterwesen I, s. 194). Кельнскій архіепископъ ежегодно потреблялъ 24 большихъ и 8 среднихъ свиней, — а въ три большіе праздника прибавлялъ еще 4; аббатъ Корвеовскій ежедневно потреблялъ, съ своимъ дворомъ, 5 жирныхъ, 1 тощую свинью и 2 поросята. Около 1345 г. при дворѣ дофинскомъ на 30 персонъ полагалось ежегодно 30 соленыхъ и 52 свѣжихъ свиньи, тогда какъ нынѣ Парижъ, при 1,700,000 жителей, ежегодно потребляетъ только 82,000 свиней. Въ Англіи въ средніе вѣка животное (и тоже въ особенности свиное мясо) потреблялось въ такомъ же огромномъ количествѣ, такъ что цѣлыя лѣса наполнены были пасущимися стадами свиней. При такомъ запросѣ на животную пищу конечно не было пощады и дикому лѣсному животному міру. Всѣ на-рас-

хватъ захватывали звѣроловные лѣса. Сами короли захватывали въ свое владѣнне обширные охотничьи лѣса — chases или parks и представляли къ нимъ особыхъ сторожей — „forestman.“ Сильные земли, вельможи, такъ называемые freeholders, bourgeois и т. п. также владѣли лѣсами, огораживали и замыкали свои охотничьи парки, Thiergärten, и закрѣпляли ихъ за собой разными охотничьими привилегіями (Forst-und Jagdprivilegien). Крестьяне, въ свою очередь, повсюду — въ Даніи, Нормандіи, Англии, Германіи и другихъ странахъ, въ борьбѣ за существованіе, вели ожесточенныя войны съ дворянствомъ изъ-за охотничьихъ лѣсовъ, парковъ и привилегій. И вотъ, несмотря на всѣ королевскія Jagdregel, Jagdordnungen, Corpus juris venatorio forestalis, Jagdschadengesetz и т. п. истребленіе животныхъ въ Европѣ дошло до того, что теперь тамъ уже давнымъ давно нѣтъ ни лосей, ни бобровъ, ни зубровъ или туровъ, ни оленей, ни другихъ животныхъ, которыя тамъ прежде водились. Періодъ королевскихъ охотничьихъ чиновъ и уставовъ и придворной охоты — plaisirs du roi или capitaineries royales — есть классическое время истребленія дикихъ животныхъ. Одинъ Юганъ Георгъ I, король саксонскій, въ 1611—1653 г. самъ убилъ и видѣлъ убитыми до 28,000 свиней или кабановъ, до 18,957 лисицъ и проч. Въ Виртембергѣ около 1737 г. застрѣлено до 2,438 оленей и 9,000 другихъ животныхъ. Также безпощадно истреблялись дикія животныя въ Пруссіи, въ Гессенѣ и въ другихъ мѣстахъ. Такое же безпощадное истребленіе животныхъ было и въ Россіи, какъ это мы раскрыли уже въ статьѣ о зоолого-экономическихъ условіяхъ поселеній. Гдѣ, напримѣръ, теперь морская капустница (Rhytina Stelleri), открытая около 1741 г. зоологомъ Стеллеромъ, жившая огромными стадами на берегахъ Берингова острова и Камчатки? Изъ-за вкуснаго мяса и жира она истреблена была охотниками въ 27 лѣтъ. Гдѣ теперь бобры въ Россіи, гдѣ стада лосей—подъ Москвою, гдѣ туры и олени внутри Россіи? Все изчезло, безпощадно гонимое и истребляемое человѣкомъ изъ-за потребности животной пищи и одежды. Такая же истребительная война съ животнымъ царствомъ шла и теперь идетъ во всѣхъ другихъ частяхъ земли. Гдѣ, напримѣръ, теперь на островѣ Маврикіи птица дронть или додо, открытая тамъ во множествѣ голландскими матросами около 1598 г. и потомъ совершенно истребленная втеченіе 83 лѣтъ? Или гдѣ теперь въ Новой Зеландіи исполинская птица Моа, доставлявшая прежде мясную пищу 200 или 300 тысячамъ человѣкъ туземнаго племени Маори? Безпощадно истреблена, и истребленіе ея, лишивши жителей мясной пищи, породило въ Новой Зеландіи страшный каннибализмъ. Такъ можно

сказать даже, вмѣстѣ съ докторомъ Гохштеттеромъ, что исключая только домашнихъ животныхъ, о существованіи которыхъ заботятъ-ся самъ человѣкъ, всѣ животныя мало-по-малу будутъ имъ истреблены.

Безопасно истребляя такимъ образомъ дикое животное царство,—человѣкъ доселѣ весьма мало заботится о будущемъ обезпеченіи и сохраненіи животной экономіи. Въ самомъ дѣлѣ изъ 140,000, а по другимъ исчисленіямъ, изъ 200,000 видовъ, составляющихъ животное царство, сколько подвластно человѣку? Съ небольшимъ 40! При томъ же, въ числѣ домашнихъ животныхъ, свойственныхъ всѣмъ частямъ свѣта, $\frac{1}{4}$ часть принадлежитъ наиболѣе цивилизованнымъ и земледѣльческимъ, остальные же прочимъ странамъ. Изъ 47 видовъ домашнихъ животныхъ 14 одомашнены во времена до-историческія, и въ томъ числѣ самыя главныя: лошадь, быкъ, овца, коза, зебу, осель, свинья, верблюдъ, собака; 10 видовъ одомашнены въ древній историческій періодъ—въ эпоху греческую и римскую, въ томъ числѣ: гусь, утка, пчела, буйволъ, кроликъ, цесарка; 19 видовъ одомашнены въ эпоху неизвѣстную, послѣ римской, до XVI в.; и только 13 видовъ одомашнены въ новѣйшій историческій періодъ, въ томъ числѣ копениль, шелкопрядъ, въ XVI вѣкѣ канарейка, индѣйка, шипунъ; въ XVIII столѣтіи канадскій гусь, фазанъ золотой, фазанъ серебряный, фазанъ съ ошейникомъ. Изъ 35 видовъ европейскихъ домашнихъ животныхъ, 31 видъ полученъ нами изъ Азіи, сѣверной Африки и Европы, — и только 4 вида изъ Америки, Австраліи, сѣверной и южной Африки и южной Азіи. Такъ заброшена была доселѣ одна изъ важнѣйшихъ отраслей народныхъ хозяйствъ, доставляющая самыя необходимыя матеріалы для пищи и одежды. Только съ развитіемъ естественно-научнаго изученія зоологической экономіи природы и съ естественно-научнымъ сознаніемъ и возвышеніемъ количества животнаго питательнаго матеріала на землѣ и степени возрастанія народонаселенія,—развились и созрѣла мысль о необходимости увеличенія породъ домашнихъ животныхъ посредствомъ акклиматизаціи, одомашненія и рациональнаго воспитанія дикихъ животныхъ. Новые повороты въ исторіи человѣческой культуры и экономіи, новыя выгодныя измѣненія или усовершенствованія преобладающей человѣческой расы въ борьбѣ за существованіе съ природой—почти всегда идутъ параллельно и во взаимодействіи съ измѣненіями поверхности земли, и болѣею частію совершаются вслѣдствіе истощенія или оскуденія тѣхъ или другихъ производительныхъ источниковъ естественной экономіи. Боннеты, Рюкертъ, Тэоръ, Либихъ явились въ области земледѣльческой культуры и экономіи тогда,

когда съ лихорадочно-тревожнымъ опасеніемъ замѣчено было истощеніе почвы европейскаго материка. Прежде человекъ только окупаторски расхищаль, издерживалъ естественную зоологическую экономію земли, и чрезъ то, во многихъ отношеніяхъ, къ худшему измѣнялъ поверхность земли. Теперь, силой естествознанія, онъ самъ долженъ создавать, такъ сказать, новое, искусственное, домашнее животное царство, и улучшать поверхность земли. „Наука о природѣ, — говоритъ Ласепедъ, — должна измѣнить и улучшить всю поверхность земли.“ Великіе естествоиспытатели — эти ключники и руководители наши въ области экономіи природы, замѣтивши измѣненія въ животномъ царствѣ, въ географическомъ распредѣленіи животныхъ, вычисливши убытки въ животной экономіи земля, — первые возвѣстили человечеству мысль о необходимости искусственнаго, рациональнаго, естественно-научнаго покоренія и воспитанія дикихъ животныхъ для приращенія зоологической экономіи человечества. Такъ уже у Бюффона мы видимъ постоянное стремленіе обратить вниманіе на этотъ предметъ. При описаніи каждаго, сколько нибудь замѣчательнаго животнаго въ этомъ отношеніи, онъ останавливается на немъ, указываетъ на выгоду его порабощенія, на пользу, которую онъ можетъ принести. Напримеръ, говоря о пользѣ оленя для сѣвернаго жителя, Бюффонъ прибавляетъ: „изъ этого примѣра мы можемъ понять, какъ велико богатство природы; но мы далеко еще не пользуемся всѣмъ тѣмъ, что она можетъ дать намъ; она подарила намъ лошадь, быка, овцу и другихъ домашнихъ животныхъ, которые насъ кормятъ, одѣваютъ, служатъ намъ. Но сколько у нея есть еще въ запасѣ такихъ существъ, которыхъ стоятъ только приучить удовлетворить нашимъ нуждамъ“ и проч. Добантонъ въ XVIII вѣкѣ впервые показалъ на самомъ дѣлѣ возможность акклиматизаціи надъ тонкорунными овцами; имъ сдѣлано первое приложеніе зоологіи къ практическому сельскому хозяйству; акклиматизацію онъ призналъ важнѣйшимъ вопросомъ и предложилъ списокъ животныхъ, которыхъ порабощеніе можетъ принести большую пользу. Около того же времени Бэжуель доставляетъ триумфъ англійскому скотоводству. Наконецъ, въ послѣднее время Изидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ, вступивъ въ управленіе звѣринцемъ Jardin des plantes, обратилъ вниманіе общества и правительства на акклиматизацію и размноженіе новыхъ породъ животныхъ, въ которыхъ Нешато, Кювье и другіе натуралисты видѣли „цѣлый источникъ нетронутаго народнаго богатства.“ Обладая обширными зоологическими познаніями и огромными средствами, доставленными этимъ первымъ въ мірѣ учрежденіемъ, которымъ по-справедливости гордится Франція, С.-Илеръ

придалъ вопросу объ акклиматизаціи важный животрепещущій интересъ, сдѣлавъ его общественнымъ. Результатомъ по преимуществу его стараній, изслѣдованій и опытовъ явилось въ Парижѣ въ 1854 г. первое общество акклиматизаціи не только животныхъ, но и растений. По примѣру парижскаго зоологическаго общества акклиматизаціи, вслѣдствіе сознанія настоятельной необходимости соединить науку о животныхъ съ практикою, зоологію съ сельскимъ хозяйствомъ, явилось общества акклиматизаціи въ Англіи, Пруссіи и въ другихъ мѣстахъ и наконецъ въ 1857 г. у насъ въ Москвѣ. Въ первое засѣданіе комитета акклиматизаціи, 30 января 1857 г., профессоръ Рудье въ рѣчи своей указалъ такое экономическое основаніе необходимости акклиматизаціи животныхъ въ Россіи: „ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ, — говоритъ онъ, — что матеріальная жизнь дорожаетъ, и дорожаетъ постоянно, помимо временныхъ причинъ, выражающихъ, какъ въ послѣдніе годы и особенно въ нынѣшній, временную дороговизну. *Удешевить матеріальный бытъ чело­вѣка*, увеличить его матеріальное довольство, лежащее въ основаніи каждаго, правильно развивающагося, нравственнаго довольства, удешевить этотъ матеріальный бытъ — вопросъ существенной потребности, всегда и повсюду современный. Всмотриваясь въ числа, выражающія варостаніе дороговизны матеріальной жизни, замѣчаемъ, что не всѣ они одинаковаго рода: одні дѣйствительно возрастаютъ и довольно быстро, другія, напротивъ того, даже уменьшаются, хотя гораздо медленнѣе. Послѣднія числа — это цѣности мануфактурныхъ произведеній, а первыя — цѣности произведеній естественныхъ. Фактъ самый обыкновенный, но вмѣстѣ съ тѣмъ поражающій и вызывающій глубокую думу: значитъ, относительно произведеній искуства и ремесла, въ остаткѣ чело­вѣкъ по преимуществу *производитель*, относительно же естественнымъ произведеній онъ всего болѣе *потребитель*. Таково отношеніе естественныхъ произведеній страны къ намъ; что же будетъ съ ними въ отношеніи къ тѣмъ, которые со временемъ выразятъ собою нарастающее народонаселеніе! Выселенія, къ несчастью, могутъ имѣть матеріальную причину — уменьшеніе естественныхъ угодій. Искать средствъ усилить количество нарастанія естественныхъ произведеній должно по преимуществу у естественныхъ наукъ; ихъ свѣтъ, внесенный въ приложеніе по давнему предмету, долженъ уяснить искомую цѣль; сельское хозяйство, и относительно животныхъ — скотоводство, должно отвѣтить на тревожное ожиданіе потребителей: болѣе нужды — давай болѣе удовлетворенія, усиль производительность тобою пущеннаго въ оборотъ капитала на удовлетвореніе потребителей. Достичь того можно только двумя сред-

ствами: или улучшить способы производства по указанию опыта и науки, или приложить къ нему новыя части капитала, доселѣ небывшія въ народномъ оборотѣ... Первое есть цѣль и содержаніе заботъ общества скотоводства, послѣднее — цѣль комитета акклиматизаціи животныхъ...оборотный капиталъ скотоводства не великъ; наличность его составляетъ всего 43 вида животныхъ и выведенныя изъ нихъ искусственныя породы. 43 вида животныхъ, изъ 200,000 видовъ, нынѣ извѣстныхъ, конечно не великъ капиталъ, и особенно капиталъ неудовлетворительный, если возьмемъ въ соображеніе его неподвижность. Нѣкогда и нынѣ, классическая древность и вѣкъ XIX, нѣкогда и нынѣ, раздѣленные парохомъ и телеграфомъ, привычками, потребностями, пользуются однимъ и тѣмъ же капиталомъ... Мы только потребляемъ и мало производимъ, не увеличиваемъ нашего запаснаго капитала полезныхъ животныхъ. Настаетъ и чувствуется пора увеличить оборотный капиталъ внесемъ въ него новыхъ животныхъ, способныхъ служить на пользу человѣка. Дикія животныя, родичи нашихъ домашнихъ, искусственныхъ животныхъ — вотъ запасный капиталъ, изъ котораго трудомъ и наукою извлекаемъ мы нашъ оборотный капиталъ... Широко легла наша Россія, богатиремъ пораскинулась. Здѣсь лѣса хватить, что закроетъ съ лихвою Аппенинскій полуостровъ; тамъ степь легла, что изъ-за нея и лѣса не видать; здѣсь рѣки бешутъ и несутъ воды и лѣсъ и льды; тамъ засуха едва не круглый годъ; тамъ степь песчаная, тамъ ковыльная, тамъ тундровая; здѣсь лѣсомъ и степью не пройдеши, тамъ моремъ не пристанеши, и все это на довольство, все это на благо; умѣй подмѣтить, что тутъ родится и правильно живетъ, что тебѣ годится и тебя спасетъ, а что лучше тебѣ лѣсъ, или степь, или воды, или сухость, то поразмысли. Широко въ Россіи межъ шести морей, разнообразны нужды твои, да и разнообразны и источники естественныхъ довольствъ. Позвай, что въ каждомъ источникѣ довольствъ твоего отечества тебѣ пригодно и нужно; что изъ того ты можешь избрать, приучить къ твоимъ нуждамъ; изслѣдуй средства къ тому, пытай и пытай, и не прежде переставай, какъ путемъ опыта ты извѣдалъ, что ты ложно взялся за дѣло. Тогда опять начинай снова, и опять пытай, и опять вѣдай.» (Журн. акклиматиз. 1860 г. т. I, стр. 35—40).

Итакъ, развитіе акклиматизаціонныхъ ассоціацій является въ настоящее время насущною потребностью. Остается только желать и ждать, чтобы изъ университетовъ, агрономической академіи и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній какъ можно больше выходило такихъ способныхъ зоологовъ, скотоводовъ, а также ботаниковъ,

агрономовъ, которые бы, если не своими средствами, то при помощи земства и земскихъ капиталовъ, дополнивъ свои знанія заграницей, подъ руководствомъ новыхъ Бакуэлей, Коллинсовъ, Лоуеттовъ, Маней, Булеевъ, Дарвиновъ и проч., а также путемъ практическихъ наблюдений и упражненій въ Jardin d'acclimatization, въ Jardin des plantes, въ училищахъ, въ родѣ Альфортской скотоводческой школы, въ англійскихъ скотоводческихъ фермахъ и зоологическихъ паркахъ и т. п., могли потомъ организовать между собою ассоціаціи или общество акклиматизаціи полезныхъ животныхъ и растений. Скорѣе являлись бы только такіе крайне нужные люди. Для дѣятельности ихъ въ Россіи само собою напрашивается широкое и несомнѣнно-плодотворное поле. Кромѣ введенія вновь въ русскую зоологическую экономію иноземныхъ полезныхъ животныхъ изъ отряда твердокожихъ, жвачныхъ, однокопытныхъ, отчасти грызуновъ, акклиматизаціонныя ассоціаціи могли бы приручить и распространять тѣхъ животныхъ, которыя уже водятся въ Россіи и прирученіе которыхъ легко и полезно, какъ напримѣръ: лося (*ceruus alces*), оленя, сайгу (*Antilope saiga*), аргали (*ovis argali*), кабаргу (*moschus moschiferus*), *ceruus cargeolus*, бобровъ и проч. Изъ птицъ, на первой порѣ, полезно и нужно одомашненіе и распространеніе въ Россіи разныхъ видовъ и породъ изъ отряда голенастыхъ, голубиныхъ, плавающихъ и въ особенности куриныхъ; дрофа, стрепеть, тетеревъ и другія подобныя, кажется, только и ждутъ, чтобы ктонибудь обратилъ на нихъ вниманіе; и, можетъ быть, недалеко то время, когда птичьи дворы представлять совершенно другой видъ, будутъ состоять изъ большого числа полезныхъ видовъ. Число птицъ, представленныхъ Прево, какъ перечень для опытовъ, огромно. Какое поле между прочимъ и для дѣятельности женщинъ въ акклиматизаціонныхъ ассоціаціяхъ. Онѣ могли бы даже устроить особня женскія ассоціаціи птицеводства и акклиматизаціи новыхъ породъ и видовъ птицъ, такъ же какъ могли бы заводить женскія ассоціаціи ботаническія. Въ Англій составилось же куриное общество даже изъ аристократовъ и аристократокъ, подъ личнымъ покровительствомъ королевы, и за вохинхивскую курицу платятъ охотники на аукціонѣ до 800 и 1000 фр. Не говоримъ уже о томъ, сколько дѣятельности акклиматизаціонныхъ ассоціацій ждетъ ихтѳологическая и особенно энтомологическая область экономіи природы. Разведеніе новыхъ породъ пчелъ, шелко-вичнаго червя, пѣваковъ, устрицъ, съѣдобныхъ слизняковъ и т. д., и не перечислить, сколько въ этой области экономіи природы дѣла для акклиматизаціонныхъ ассоціацій. Наконецъ, нечего и говорить уже о томъ, сколько образовательнаго, просвѣтительнаго вліянія

на массы можетъ встекать отъ разнообразной и просвѣщенной дѣятельности этихъ ассоціацій въ обширной области экономіи природы. Блвстательныя, практическія доказательства могущества и пользы естествознанія въ дѣйствительномъ прирученіи и одомашненіи новыхъ дикихъ породъ животныхъ, акклиматизаціонныя или зоологическія и вообще естественно-научныя школы и библіотеки при ассоціаціяхъ, изданіе и распространеніе популярныхъ книгъ и журналовъ по тѣмъ отраслямъ естествознанія, какія соприсновенны съ акклиматизаціей, общедоступныя зоологическія и ботаническія сады, парки, роши и музеи и проч., все это могущественно могло бы проводить лучи естественно-научнаго свѣта въ темныя массы народа.

Фабрики и заводы, при вполне рациональномъ усовершенствованномъ устройствѣ и наибольшей распространенности въ нашихъ промышленныхъ классахъ могли бы также служить важными практическими училищами и въ то же время источниками благосостоянія народа. Для этого надобно, чтобы ихъ устроили основательные и рационально практическіе естественники, технологи, химики, механики, физики, минералогы, ботаники и проч., или лучше ассоціаціи изъ этихъ людей. Такіе фабрики и заводы могли бы быть дѣйствительными училищами и разсадниками не только разныхъ рационально улучшенныхъ и новыхъ отраслей и способовъ народной мануфактурной промышленности, но и училищами для умственнаго развитія, для естественно-научнаго образованія рабочихъ классовъ. При нихъ могли бы сверхъ того быть и школы для рабочихъ или для ихъ дѣтей, гдѣ преподавались бы технология или технологическая химія, физика и механика, приспособительно къ спеціальностямъ фабрикацій, а также, хоть въ краткихъ размѣрахъ, и другія общеобразовательныя естественныя и математическія науки, и гигиена, столь необходимая въ фабрично-заводскомъ рабочемъ быту. На фабрикахъ и заводахъ и въ устроенныхъ при нихъ школахъ, мастерскихъ и лабораторіяхъ, рабочіе классы не только приобрѣтали бы необходимыя для нихъ технологическія, химическія и механическія свѣденія, или точныя естественныя познанія о производительныхъ силахъ экономіи природы, о разнообразныхъ продуктахъ животныхъ, растительныхъ, минеральныхъ и химическихъ и т. д., но и практически на опытѣ знакомились бы съ разнообразными искусственными способами и процессами фабрикацій, указываемыми физикой, механикой, химіей, технологіей, знакомились бы съ теоріей, механизмомъ и практическимъ приложеніемъ и употребленіемъ разнообразныхъ машинъ, узнавали бы по возможности великія современныя открытія и изобрѣтенія въ области промышленности и промыш-

ленныхъ и политико-экономическихъ наукъ. Тогда они могли бы видѣть на опытѣ прямую пользу и могучую силу естественно-научныхъ знаній въ разнообразныхъ рациональныхъ приемахъ, процессахъ и примѣненіяхъ машинной фабрикаціи, дознавали бы на опытѣ всю выгоду и всё естественныя пружины тѣхъ или другихъ новыхъ отраслей промышленности, указываемыхъ химіей, механикой, технологіей и вызываемыхъ или обусловливаемыхъ продуктивными данными той или другой провинціи. А вслѣдствіе того рабочіе могли бы мало-по-малу и сами устроить разнообразныя фабрично-заводскія ассоціаціи, съ послыннымъ усвоеніемъ новыхъ рациональныхъ приемовъ фабрикаціи. И нужно правду сказать, что путемъ одного теоретическаго обученія бѣдныхъ рабочихъ массъ, нуждающихся прежде всего въ хлѣбной работѣ, въ хлѣбномъ ремеслѣ, вы едва ли когда достигнете ихъ естественно-научнаго или реального промышленнаго просвѣщенія и благосостоянія. Ихъ можно завлечь въ училище естествознанія на первыхъ порахъ только хлѣбными выгодами, потому что они, какъ всякій знаетъ, далеко не развиты и не богаты настолько, чтобы, такъ сказать, аристократически или философски наслаждаться теоріями наукъ, сложивъ свои рабочія руки. Работу мозга въ нихъ надо возбуждать, развивать и рационализировать одновременно съ усиленіемъ и рациональнымъ употребленіемъ работы мускуловъ, и притомъ такъ, чтобы эта послѣдняя работа въ одно и то же время и удовлетворяла бы всё желудочныя потребности и доставляла бы хоть какую нибудь пищу мозгу, т. е. чтобы они на фабрикахъ и заводахъ приобрѣтали и матеріальное благосостояніе и умственное развитіе. Да, опять скажемъ, — на первой порѣ только прямая выгода, польза отъ науки, отъ знаній можетъ мало-по-малу обратить наши многочисленныя провинціальныя рабочія массы къ свѣту естествознанія и заставить ихъ мало-по-малу интересоваться и заниматься естественными науками. Какъ успѣшно дѣйствительно и невольно могутъ естественно-научно устроенныя и усовершенствованныя фабрики и заводы вводить мало-по-малу рабочіе классы въ разнообразныя лабораторіи природы и естественно-научнаго реализма, въ область естественныхъ знаній, открытій и изобрѣтеній или, по крайней мѣрѣ, приближать ихъ къ начаткамъ естествознанія и естественно-научныхъ занятій, — можно отчасти предвидѣть даже по опытамъ нашихъ теперешнихъ, болѣею частью крайне-несовершенныхъ, фабрикъ и заводовъ. Когда-то еще всё наши рабочія массы или всё способныя крестьянскія и мѣщанскія дѣти найдутъ свободный доступъ и достаточныя средства поступать въ университеты или въ технологическій институтъ, а на фабрикахъ и заводахъ они ужъ и теперь кое-чему научаются

на практикѣ, хлопоча о кускѣ хлѣба, о скудномъ заработкѣ. Возьмемъ, напримѣръ, то же производство химическихъ продуктовъ. Это всего менѣ развитая у насъ промышленность, и особенно трудная и недоступная для нашихъ рабочихъ людей, такъ какъ она требуетъ основательныхъ теоретическихъ и практическихъ знаній въ химіи и постояннаго занятія ею, постояннаго слѣженія за ея новѣйшими открытіями. Однакожь, попали наши простонародные рабочіе на химическіе заводы и фабрики,—и тамъ въ химическихъ лабораторіяхъ, гдѣ были простыми работниками, все же успѣли собрать хоть нѣкоторыя и поверхностныя техническія свѣденія, и стали даже заводить свои, хоть плохіе на первый разъ, химическіе заводы. Такимъ образомъ изъ подобныхъ самоучекъ развился цѣлый классъ такъ называемыхъ «кустарниковъ» — мелкихъ заводчиковъ и фабрикантовъ. Будь химическія ассоціаціи изъ основательно-развитыхъ химиковъ—заводчиковъ, и будь при нихъ химическія училища и лабораторіи, рабочіе могли бы глубже, основательнѣе и рациональнѣе знакомиться съ производствомъ химическихъ продуктовъ и съ самой химіей. Дѣти кустарниковъ, настроенныя примѣромъ и промышленными выгодами отцовъ, могли бы получать потомъ и спеціальное высшее химическое образованіе. Или вотъ, напримѣръ, въ чреславской губерніи, въ этомъ центрѣ, Манчестерѣ нашей льняной промышленности, г. Карновичъ завелъ впервые для общей пользы на полотняной фабрикѣ своей въ Талицахъ, химическое бѣленіе полтенъ посредствомъ хлора,—и попытка эта весьма благотѣтельно подѣйствовала на крестьянъ. Сначала крестьяне показывали нѣкоторое недовѣріе въ химическому бѣленію, но увлеченные въ особенности быстротою этого способа, при которомъ бѣленіе совершается въ короткій срокъ, отъ 4 до 9 дней, ткачи потомъ пристрастились къ нему (Тенгоб. II, 167). Такимъ же образомъ льняная фабрика Мендена, въ востромской губерніи, по словамъ Тенгоборскаго, служила и школой для ткачей, и разливаетъ довольство въ народонаселеніи, и оказываетъ благотѣльное вліяніе на успѣхи нашей льняной промышленности, служа примѣромъ хорошаго устройства для другихъ фабрикъ и научая ихъ хорошимъ фабричнымъ приемамъ. Здѣсь ткачи кончаютъ курсъ на фабрикѣ и потомъ практически осваиваются съ хорошими способами льняной фабрикации. Если такимъ образомъ даже теперешніе фабрики и заводы служатъ полезными школами для рабочихъ, то несомнѣнно, что устроенныя просвѣщенными ассоціаціями высоко-развитыхъ спеціалистовъ — химиковъ, механиковъ, технологовъ и проч., — они могли бы быть у насъ сильными органами и двигателями естественно-научнаго умственнаго развитія нашего рабочаго

народонаселения, однимъ изъ самыхъ лучшихъ практическихъ училищъ естествознанія, естественно-научнаго реаліама. Школы, бібліотеки, публичныя вечернія чтенія, химическіе опыты и занятія въ лабораторіяхъ, музеи машинъ, моделей, естественно-историческихъ предметовъ, технологическія, механическія и химическія изданія или журналы, изслѣдованія и книги, — все это могло бы сильно возбуждать, оживлять, двигать и развивать мозги рабочихъ и мастеровыхъ фабрично-заводскихъ.

Рядомъ съ фабрично-заводскими и агрономическими ассоціаціями необходимо развитіе ассоціацій механическихъ, которыя бы развивали и практически пропагандировали теорію и устройство машинъ. Фабрично-заводская промышленность у насъ доселѣ развивалась вяло и невыгодно для народнаго экономическаго быта, между прочимъ именно по недостатку машинъ, машинныхъ заведеній и мастерскихъ для ремонтаванія машинъ на фабрикахъ и заводахъ. По свидѣтельству Тенгоборскаго, у насъ только съ нѣкотораго времени, и то въ одной Москвѣ, основано нѣсколько машинныхъ заведеній, какъ-то Врегли и Коппеля, Зваза, Винокурова, Гартуша и другихъ. Но это все еще предіриятія въ малыхъ размѣрахъ, несоотвѣтствующія большому развитію, полученному прочими отраслями промышленности, употребляющими механическіе аппараты (Тенгоб. 359). На первой порѣ, у насъ механическія ассоціаціи, намъ кажется, особенно нужны въ мануфактурно-промышленной полосѣ, сосредоточенной, кромѣ столицъ, главнымъ образомъ въ центральной возвышенности между Волгой и Окой, въ губерніяхъ: московской, владимірской, ярославской, костремской, казужской, половинѣ нижегородской, тульской и около $\frac{1}{2}$, тверской. Большая часть населенія губерній, лежащихъ въ этой полосѣ, занимается на дому разными мануфактурными промыслами, составляющими зимнее занятіе крестьянъ — преимущественно ткачествомъ бумажнымъ, льнянымъ, пеньковымъ, шелковымъ и обработкою металловъ; но въ особенности распространены многія ремесла, которыми вообще занимаются болѣе крестьяне, работающіе по заказу купцовъ, чѣмъ городскіе жители. Во всѣхъ этихъ мануфактурахъ ручная работа еще преобладаетъ надъ машинною; способности или операціи промышленности большею частію самыя старинныя и рутинныя, и оттого мѣтъ издѣлія, выходящія изъ рукъ нашихъ мануфактуристовъ, большею частію и недоброкачественныя и дорогія. Фабричная промышленность наша всего болѣе не можетъ конкурировать съ европейскою, именно въ тѣхъ производствахъ, которыя требуютъ вообще сложныхъ дорогихъ машинъ и обширныхъ механическихъ знаній. Просвѣщенныя меха-

ническія ассоціаціи могли бы служить благодѣтельнымъ средствомъ пропаганды машиннаго производства и механическихъ знаній въ Россіи. Ихъ машинныя заведенія могли бы сдѣлаться лучшими и полезнѣйшими училищами практической механики, подобно тому, какъ было въ Англіи. Тамъ, когда Уаттъ и Бультонъ составили товарищество и приступили къ устройству черпальныхъ машинъ, то «ихъ машинное заведеніе, по словамъ Араго, для всей Англіи сдѣлалось полезнѣйшею школою практической механики. Тотчасъ начали строить черпальныя машины въ огромныхъ размѣрахъ, и многочисленныя опыты показали, что оныя, при равенствѣ дѣйствія, сберегали три четверти горючаго матеріала, пожираемаго машиною Ньюкомена. Съ этого времени черпальныя машины распространились во всѣхъ частяхъ государства, въ которыхъ существовали рудники, и особенно въ Корнуэлисъ» (Араго, Біографіи математиковъ, физиковъ и проч. II, 89). Такъ точно и у насъ рациональныя ассоціаціи механиковъ съ ихъ усовершенствованными машинными заведеніями могли бы дѣйствовать на возбужденіе народныхъ способностей къ механикѣ и на распространеніе механическихъ знаній и машинъ. Успѣха въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе можно ждать, что въ нашемъ простомъ народѣ особенно часто обнаруживаются замѣчательныя способности и наклонности къ механическимъ занятіямъ и изобрѣтеніямъ, несмотря на всю угнетенность рабочихъ классовъ, особенно прежнихъ крѣпостныхъ. Довольно вспомнить о механикѣ Кулибинѣ, посадскомъ сынѣ, сидѣвшемъ въ мучной лавкѣ (Отеч. зап. 1819 г. ч. II, стр. 225—321), «о русскомъ химикѣ Власовѣ», сынѣ крѣпостнаго ярославскаго крестьянина (Отеч. зап. 1818 г. ч. I, стр. 123 и слѣд.), «о русскомъ механикѣ Калашниковѣ — ярославскомъ господскомъ чело-вѣкѣ», объ изобрѣтателѣ Кузникѣ — петербургскомъ мѣщанинѣ, усовершенствователѣ кожевеннаго производства (От. зап. 1818, ч. I стр. 220 и слѣд.), о «русскомъ механикѣ Соболевѣ—костромичѣ, посадскомъ чело-вѣкѣ, устроившемъ нѣсколько машинъ (молотильную, вѣвальную и др.), о Казамаповѣ и Немилловѣ (Отеч. зап. 1820, ч. III, № 5 1822, ч. X, № 26 ч. XIII, № 68), «о Гребенщиковѣ—московскомъ купцѣ, изобрѣтателѣ и устройтелѣ водопроводовъ пивоварень и цилиндра для печатанья ситцевъ и выбойки (Отеч. зап. 1821, ч. VII, № 16, стр. 153 № 17, стр. 243) и мног. друг. Мы знали даже одного студента, кончившаго курсъ въ физико-математическомъ факультетѣ казанскаго университета, который, обладая сильнымъ математическимъ и механическимъ талантомъ, начерталъ нѣсколько замѣчательныхъ проектовъ и моделей, между прочимъ мельничной машины, твацакаго и печатнаго станковъ и

др., и, не нашедши ни въ Казани, ни въ Петербургѣ добросовѣстнаго товарища капиталиста, чтобы на безобидныхъ условіяхъ осуществить свои проекты, борясь съ крайнею бѣдностью, наконецъ послѣ жестокаго тифа отправленъ былъ друзьями изъ клиники Боткина на родину, въ Нижній Новгородъ, чтобы тамъ поправить силы и потомъ снова вернуться въ Петербургъ для хлопотъ. Не знаемъ, гдѣ теперь находится этотъ замѣчательный студентъ математикъ и механикъ. Вотъ какъ гибнутъ безъисходно въ нищетѣ и въ глуши провинцій наши таланты — наши механики и техники. А если бы по провинціямъ устроены были рациональныя ассоціаціи механиковъ и техниковъ, съ хорошими машинными мастерскими или заведеніями, съ хорошими механическими институтами или училищами для рабочихъ, — въ средѣ ихъ могли бы находить поддержку и практическое поприще всѣ такіе молодые люди, обнаруживающіе болѣе замѣчательныя изобрѣтательныя способности въ области механики. И вообще просвѣщенныя механическія ассоціаціи и съ механическими институтами или школами и машинными мастерскими могли бы дѣйствовать просвѣтительно и на массы провинціальныя, могли бы содѣйствовать распространенію механическихъ и физическихъ знаній. Не даромъ паровыя машины признаются могучимъ рычагомъ просвѣщенія. «Паровая машина,—говоритъ англійскій министръ торговли Гускиссонъ,—въ человѣческихъ рукахъ не только есть сильное орудіе для перемѣнъ въ мірѣ физическомъ, но ее должно считать неодолимымъ рычагомъ, движущимъ впередъ умственное образованіе». Онъ объяснялъ далѣе, какимъ образомъ сбереженіе труда, безконечное размноженіе и дешевизна произведеній промышленности возбуждаютъ и распространяютъ просвѣщеніе. У насъ распространеніе машинъ тѣмъ болѣе необходимо, что мы отстали отъ западной Европы и въ умственномъ; и въ промышленномъ развитіи. Мануфактурная или фабрично-заводская промышленность наша отчасти очень плоха; она и развиваться-то стала, можно сказать, только въ вѣкъ изобрѣтеній Уатта и Аркрафта. Слѣдовательно ей естественно начать свое юное развитіе прямо при помощи послѣднихъ новѣйшихъ вспомогательныхъ силъ и средствъ промышленныхъ, при помощи машинъ. Въ томъ-то и счастье ея, что ей въ самомъ началѣ ея развитія даются въ руки готовыя и самыя могучія механическія средства. Постепенное введеніе и распространеніе машинъ у насъ не можетъ вдругъ подорвать ручныхъ работъ мануфактурнаго населенія, не можетъ создать огромный классъ рабочаго пролетаріата, какъ было въ Англіи, потому что у насъ, во-первыхъ, еще не умножилось до такой степени мануфактурно-про-

мышленное народонаселение, какъ въ Англіи (у насъ только 6%, а въ Англіи 50%); а во-вторыхъ, у насъ при многоземельи и множествѣ другихъ естественныхъ богатствъ русской земли есть еще много исходовъ для промышленныхъ рабочихъ силъ внѣ фабрикъ и заводовъ, напримѣръ въ области земледѣльческой промышленности. А если бы при провинціальныхъ ассоціацияхъ механиковъ устроены были механическія школы и машинныя мастерскія, то дѣти нынѣшнихъ мануфактуристовъ, молодыя поколѣнія, знающія доселѣ только ручную работу, скоро могли бы выучиваться въ этихъ механическихъ институтахъ или мастерскихъ дѣлать машины и обращаться съ ними. А затѣмъ замѣна машинами живыхъ рабочихъ силъ людскихъ и животныхъ быстро и съ преизбыткомъ вознаграждаетъ временныя остановки или потери промышленности, если бы такія и оказались гдѣ нибудь. Освобождая отъ прежнихъ, чисто египетскихъ ручныхъ работъ на фабрикахъ и заводахъ, въ рудникахъ, на поляхъ, на поверхности и внутри земли,—машины берегаютъ бы рабочимъ классамъ трудъ и силы для другихъ занятій, а также время для ученія, для умственного самообразованія. А это въ настоящее время для нихъ огромнѣйшее благодѣяніе, насущнѣйшая потребность. А ужь нужно ли доказывать ту давно уже опытомъ доказанную истину, что распространеніе машинъ не только усиливаетъ производительность труда, способствуетъ умноженію рабочаго народонаселенія и, увеличивая количество, улучшая качество и удешевляя цѣну потребляемыхъ предметовъ промышленности, увеличиваетъ чрезъ то довольство рабочихъ классовъ,—но также увеличиваетъ и самое число работниковъ. «Милліоны людей, говоритъ Араго, на поверхности и внутри земли производятъ огромныя работы, которыя не существовали бы безъ машинъ. Въ одномъ изъ мѣдныхъ рудниковъ Корнуаллиса, принадлежащаго къ Consolidated-Mines, дѣйствуетъ паровая машина болѣе чѣмъ въ триста лошадей,—и въ сутки оканчиваетъ работу тысячи людей. Неужели возможно употребить вдругъ триста лошадей, или отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ при отверстіи колодезя! И такъ съ уничтоженіемъ паровой машины останется безъ дѣла множество работниковъ, которые нынѣ трудятся въ рудникѣ; мѣдь и олово корнуаллійскія навсегда останутся подъ корою земли, камня и воды толщиною во многія сотни метровъ... Сберегая руки, машины уменьшаютъ цѣну работы; съ уменьшеніемъ цѣны увеличиваются требованія; наше стремленіе въ удобствахъ жизни такъ сильно, что по усовершенствованіи машинъ, масса товаровъ въ каждый годъ увеличивалась, несмотря на пониженія цѣны, и число работниковъ возрастало съ облегченіемъ работы...

Когда остроумный престонскій дырльникъ Аркрайтъ, — который, скажемъ мимоходомъ, оставилъ своимъ дѣтямъ ежегодный доходъ отъ двухъ до трехъ милліоновъ франковъ, — еще не замѣнилъ вертацими цилиндрами пальцы пряхъ, тогда англійскія мануфактуры бумажныхъ издѣлій производили ежегодно только по 50 милліоновъ; нынѣ выработываютъ оныѣ болѣе 900 милліоновъ. Механическія прядильни доведены нынѣ до крайняго совершенства; а между тѣмъ оныѣ употребляютъ полтора милліона работниковъ; до изобрѣтеній же Аркрайта и Уатта работало на нихъ только пятьдесятъ тысячъ. Во время Вильяма Леа (Lea), который передъ королемъ Іаковомъ I теалъ изобрѣтеннымъ имъ механизмомъ чулки, корпорація вязальщицъ была весьма немногочисленна. Въ 1583 г. одинъ только вельможы и богачи носили чулки; люди средняго состоянія обвертывали свои ноги различными тканями, а прочее народонаселеніе (999 на 1000) ходило съ голыми ногами. Нынѣ чулки такъ дешевы, что изъ 1000 человекъ только одинъ не покупаетъ чулокъ, а между тѣмъ во всѣхъ странахъ множество людей работаютъ на чулочныхъ фабрикахъ, кромѣ Россіи, гдѣ, кажется, со всѣмъ нѣтъ чулочныхъ фабрикъ. Если нужно, прибавлю, что въ Штокъ-портѣ начали теать не руками, а парами, и отъ того число работниковъ увеличилось третью въ продолженіи немногихъ лѣтъ.» (Араго, Біографіи т. III, стр. 98—105). Въ Англии, съ распространеніемъ машинъ, замѣчено уменьшеніе подати для бѣдныхъ, напримѣръ, въ самомъ богатомъ машинами графствѣ Ланкастерскомъ, и увеличеніе сберегательныхъ кассъ рабочихъ, такъ что въ одной Англии (безъ Ирландіи и Шотландіи) капиталъ однихъ простыхъ работниковъ, находящійся въ сберегательныхъ кассахъ, простирается до 40 милліоновъ фунтовъ. Наконецъ съ распространеніемъ машинъ замѣчается даже умноженіе народонаселенія, такъ какъ машины сберегаютъ силы и здоровье рабочаго народа и, распространяя довольство, увеличиваютъ число браковъ. «Когда въ продолженіи послѣднихъ 30 лѣтъ, прибавляетъ Араго, среднее населеніе Англии возрасло 50% на 100, тогда въ Ноттингамѣ и Бирмингамѣ приращеніе частнаго населенія было 25 и 40 на 100 и болѣе; по въ Манчестерѣ и Глазговѣ, въ двухъ городахъ, занимающихъ первое мѣсто по числу, величинѣ и важности употребляемыхъ машинъ, населеніе увеличилось въ пропорціи 150 и 160 къ 100, т. е. втрое или вчетверо болѣе, нежели въ графствахъ земледѣльческихъ и въ городахъ безъ мануфактуръ.» Графство Ланкаширское въ 1760 г., слѣдовательно не задолго до введенія великой машинной индустріи, считало у себя жителей только 297,000, а въ 1801 г. — 672,000, въ 1831—1,336,000, въ 1841—1,667,000, въ 1851—2,064,000.

Однимъ словомъ, естественно-научныя и экономическія ассоціаціи могутъ быть столько же разнообразны, какъ разнообразны существующія теперь экономическія потребности народа, и сколько ихъ можетъ развиваться вновь вслѣдствіе всеобщаго естественно-научнаго образованія. И всѣ онѣ могли бы быть лучшими практическими пропагандами естественно-научнаго реализма въ провинціальныя массы. Во всѣхъ ассоціаціяхъ могли и должны бы были принимать самое живое и дѣятельное участіе женщины, получившія основательное естественно-научное образованіе въ среднихъ и высшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Женщины, получившія специальное техническое образованіе, основательно изучившія агрономію, химію, технологію, физиологію, ботанику, зоологію и другія естественныя науки, могли бы и независимо отъ мужчинъ основывать по провинціямъ особыя экономическія ассоціаціи, на примѣръ, ассоціація рациональнаго огородничества, садоводства, птицеводства, акклиматизація растений, ассоціація приготовленія свѣжихъ и здоровыхъ жизненныхъ припасовъ, молочныхъ скоповъ, соленій и проч., ассоціація машиннаго пряденія, вязанья и ткачества и т. п. Онѣ могли бы такимъ образомъ рационализировать теперешніе по преимуществу женскіе промыслы и занятія, изыскивать, вводить и распространять между женщинами новыя сферы или отрасли труда и промышленности. При этомъ онѣ могли бы также основывать школы, мастерскія, учебныя фермы и проч. для пракческаго обученія своимъ замѣтямъ дѣтей рабочихъ — или однихъ дѣвочекъ, или дѣвочекъ и мальчиковъ. И вообще разнообразныя естественно-научно-экономическія ассоціаціи необходимы у насъ, какъ реально-воспитательная школа, какъ лучшее поприще для дѣйствительно полезнаго, разумно-дѣятельнаго и рационально-производительнаго проявленія свѣжихъ, капучихъ, мощныхъ и энергическихъ силъ молодого поколѣнія, для развитія новыхъ лучшихъ поколѣній въ обширной реальной школѣ. Только эти естественно-научныя ассоціаціи могутъ распространить во всѣ темныя углы и захолустья провинцій лучи естественно-научнаго реализма. Тогда не будетъ мѣста безплоднымъ утопическимъ увлеченьямъ, начнется новое, естественно-научное дѣло, наступитъ царство естественно-научнаго труда, во всѣхъ разнообразныхъ мастерскихъ и лабораторіяхъ природы русской земли, — ужь не въ однихъ теперешнихъ душевныхъ, убійственно-спертыхъ мастерскихъ и труппахъ Питера, а повсюду—въ горахъ, поляхъ, степяхъ, лѣсахъ, по берегамъ рѣкъ и морей и, т. д.; начнется новое естественно-научное земское строеніе, и будетъ слагаться оно, какъ изъ ячеекъ, изъ естественно-научныхъ ассоціацій труда, изъ экономическихъ сою-

зовъ естество-испытателей рабочихъ. Среди всеобщаго дѣла, среди повсемѣстнаго, положительнаго, естественно-научнаго труда, въ разныхъ фабрикахъ и лабораторіяхъ природы, будетъ на дѣлѣ развиваться, крѣпнуть и распространяться новый, лучшій, разумно-дѣловый типъ поколѣній. И великій союзъ ассоціацій, свободный круговоротъ всеобщихъ естественно-научныхъ идей и всеобщаго естественно-научнаго труда, будетъ въ весну новой жизни, истиннымъ хороводомъ въ гостяхъ у природы, въ храмахъ ея горъ, въ паркахъ и садахъ ея лѣсовъ, на роскошной зелени ея широкихъ степей, среди естественныхъ зоологическихъ садовъ и музеевъ ея животнаго царства, среди хора ея птицъ и разнообразно-голосящихъ животныхъ и т. д. Такъ появляйтесь же, новые дѣятели! Просыпайся, великая русская земля!

А. Шаповъ.

ДѢТИ ПЕСТАЛОЦЦИ.

РОМАНЪ

КАРЛА ГУЦЦОВА.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Въ лѣтописяхъ исторіи еще многія страницы остаются неразгаданными іероглифами.

Пусть изслѣдователи, сколько угодно, роются въ архивной пыли, пусть ихъ сообразительность постоянно строитъ новыя заключенія — несмотря на все это нѣкоторыя событія упорно остаются неразоблаченными, словно гробъ древняго готскаго короля въ Вузенто. Еще никогда онъ не могъ быть розысканъ въ вырытомъ руслѣ рѣки, изъ которой вѣрный народъ искусственно отвелъ струи и потомъ опять спустилъ ихъ надъ дорожнымъ прахомъ.

Сравнительно съ загадочной палессою Іоанною, желѣзною маскою, многими же-Себастіанами въ Португаліи и Людовиками XVII и т. д., таинственный *нюрнбергскій найденышъ*, надѣлавшій такъ много шума лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, не представляетъ такого живого историческаго интереса, хотя вражда политическихъ партій, даже твердое ручательство одного извѣстнаго криминалиста отыскивали его въ области исторіи и именно въ связи съ тѣми смутами и измѣненіями, которыми Германія обязана своею побѣдою надъ первымъ Наполеономъ.

Но за то въ *психологическомъ* и *воспитательномъ* отношеніи интересъ, возбуждаемый этимъ несчастнымъ юношей, становится тѣмъ сильнѣе и опредѣленнѣе.

Если въ предлагаемомъ разсказѣ авторъ старался разъяснить исторію этого загадочно родившагося и загадочно умершаго чловѣка *новою гипотезою*, то вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь возникала въ высшей степени интересная задача—представить *психическую сторону* чловѣка, въ ея совершенной независимости отъ впечатлѣній, производимыхъ тѣми тысячелѣтними традиціями, которыя составляютъ все наше моральное и интеллектуальное достоиніе. Однимъ словомъ, авторъ хотѣлъ изобразить процессъ образованія, постепенное развитіе ума отъ зародышеваго ростка до цвѣта—такого ума, за жизнь котораго можно было бы, такъ сказать, слѣдить глазомъ, слухомъ, подобно тому какъ въ сказкахъ чуткое ухо слышитъ прозябаніе травъ. Здѣсь самъ собою возникалъ *вопросъ о воспитаніи*—все еще остающійся жгучимъ вопросомъ даже въ нашъ добрый вѣкъ.

Конечно, эта основная идея должна сообщать всему вымыслу свѣтъ и теплоту; однако авторъ, вынужденный безостановочнымъ ходомъ *поэтического дѣйствія*, не могъ долго оставаться на тѣхъ многоразличныхъ *частностяхъ* основной идеи, которыя представляются изслѣдователю со всѣхъ сторонъ, словно искры громаднаго фейерверка; при своей попыткѣ изобразить *мыслящаго первобытнаго чловѣка*, авторъ не долженъ былъ также впадать въ тонъ дидактики и критическаго изслѣдованія. Если вслѣдствіе этого полнотѣ изложенія и будутъ мѣшать нѣкоторыя *проблѣмы*, то они съ достаткомъ и легко могутъ быть пополнены *каждымъ учителемъ*—отъ наставника низшей народной школы до преподавателя въ академической аудиторіи—при помощи новыхъ фактовъ. Самого же автора извиняетъ въ этомъ случаѣ строгій законъ поэтической фкціи, допускающій обстоятельность и разрисовку деталей только для повѣствовательнаго содержанія, для явленій реальной жизни, но никакъ не для области отвлеченныхъ воззрѣній, которыя должны только просвѣчивать сквозь тонкую завѣсу вымысла, уясняя его веселую игру и управляя его пестрымъ произволомъ.

Берлинъ, декабря 1869.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Настала весна.

Но далеко не весенній видъ представляла горная мѣстность въ Германіи, открывающаяся передъ читателемъ въ началѣ нашего разсказа. Тутъ не было ничего похожего на золотой солнечный блескъ, ласкающій оттаявшія поля и рѣвки, на рѣзвое мычанье и блеянье стадъ, выславшихъ изъ тѣсныхъ зимнихъ загоновъ на горные скаты, изукрашенные бѣлымъ, розовымъ и желтымъ первоцвѣтомъ. Напротивъ, вмѣсто этой привѣтливой природы, читатель видитъ передъ собою снѣжную весну, съ солнечнымъ блескомъ, который только дразнить мертвыя нивы и рѣвки своими обманчивыми лучами, тогда какъ стада домашнихъ животныхъ, отгоняемыя отъ усадебъ, съ дивимъ крикомъ опять возвращаются къ хижинамъ. Въ одну ночь поднялась мятель съ дождемъ, снѣгомъ, ледяной крупкою—и въ горахъ опять за- легла сердитая зима...

Въ конторѣ одного мѣстнаго адвоката сидитъ дама, она обращается къ нему съ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, какъ нужно поступить, чтобы развестись съ своимъ мужемъ?

Глухая тишина и улыбка адвоката были отвѣтомъ въ первую минуту. Еще при входѣ дама попросила позволенія затворить дверь снѣжной комнаты, гдѣ работали писцы юриста.

Слышишь ли ты это, свѣтлый геній брака, вѣстникъ небеснаго мира, поучавшій христіанскіе народы, что союзъ двухъ сердецъ есть возвратъ къ раю, что бракомъ искупается грѣховное паденіе человѣка, и дочери Евы приобрѣтаютъ, наравнѣ съ мужчиною, всѣ права на истинное общечеловѣческое назначеніе. Не ты ли въ союзѣ мужчины и женщины указалъ даже идеаль совершеннаго, единаго, цѣльнаго человѣка, не ты ли, боготворимый, какъ святыня, привелъ къ тому, что была построена слѣдующая доктрина, возведенная въ государственннй законъ: „разводъ супруговъ невозможенъ!“ А теперь, въ этой низкой, затхлои ком-

натѣ, возлѣ бумагъ, занесенныхъ пылью, передъ столами, повернутыми чернильными пятнами, на этихъ скамьяхъ, на которыхъ сидятъ крестьяне, и посреди гладко выструганныхъ шкафовъ— да, въ этой комнатѣ горькимъ укоромъ звучатъ слова, прерываемыя только цоканьемъ старыхъ стѣнныхъ часовъ, отсчитывающихъ каждые шестьдесятъ минутъ скучнымъ вскрикиваньемъ кушки.

Адвокатъ Гелльвицъ былъ вовсе не рабулицъ. Жилъ онъ въ Бухенридѣ — довольно населенномъ фабричномъ городкѣ, у подножья длинной горной цѣпи. Онъ велъ тяжбына дѣла, рѣшавшіяся въ первой инстанціи неподалеку отъ Бухенрида—въ Дорнвейнѣ, главномъ городѣ административнаго и судебного округа. Благодаря новому административному распоряженію, въ Бухенридѣ—этомъ маленькомъ, но промышленномъ городкѣ, расположенномъ въ горахъ одной изъ восточныхъ провинцій—не было ни окружного суда, ни таможеннаго управленія, ни военной команды или другихъ рычаговъ новѣйшей культуры, безъ всякаго сомнѣнія оживляющихъ сообщенія и увеличивающихъ матеріальные ресурсы. Все это находилось въ незначительномъ соседнемъ Дорнвейнѣ, такъ какъ туда было удобнѣе провести телеграфную проволоку. Поэтому нашъ „юстиціи комиссаръ“ — привѣтливый и, по виду, неглупый господинъ Гелльвицъ, не игралъ по вечерамъ въ казино съ своими судьями въ бостонъ, и никакая „дожа“ не налагала на него братскихъ обязательствъ относительно его противника по тяжбамъ. Носилъ онъ сѣрый скюртукъ съ зелеными по локоть рукавами, сообразно съ своими письменными занятіями, и прикрывалъ слабые глаза зеленымъ зонтикомъ, который теперь, при неожиданномъ дамскомъ запросѣ, былъ имъ поспѣшно снятъ и положенъ возлѣ. Конечно, господинъ Гелльвицъ, всегда находившій много дѣла, могъ бы переселиться также въ Дорнвейнъ, куда онъ въ извѣстные сроки ѣздилъ въ своемъ одиночномъ экипажѣ, но это казалось ему несомнѣнно честнымъ и добросовѣстнымъ относительно его клиентовъ, благодаря той идеальной порядочности, которая еще поддерживается въ нѣмецкихъ законникахъ свободной университетской средою.

Если господинъ Гелльвицъ и сталъ похожъ въ эту минуту

на драчливаго пѣтуха, то вѣдь положеніе его было въ самомъ дѣлѣ казусное, „Какъ нужно поступить, чтобъ развестись съ своимъ мужемъ — гмъ! Гмъ!..“

Поджавъ подъ себя ноги, онъ сталъ вертѣть своей роковой табакеркой и десять разъ подносилъ щепотку къ носу, прежде чѣмъ рѣшился сунуть ее въ мрачныя ноздри. Въ своей разсѣянности онъ, кажется, передумалъ уже обо всемъ, только не вспомнилъ о дѣйствиіи нюхательнаго табака на освѣженіе памяти. Затѣмъ адвокатъ сталъ лукаво поглядывать то налѣво — въ окно, то направо — гдѣ находилась рѣшетка — необходимая защита пріемной комнаты противъ вторженія грубыхъ, буйныхъ крестьянъ, изъ которыхъ преимущественно состояла вся практика адвоката. Дама сидѣла внутри этой защищенной цитадели, плотно прижавшись къ рѣшеткѣ.

Вѣдь эдакій въ самомъ дѣлѣ выпалъ интересный и замысловатый случай! Дама была ему совершенно незнакома. Все обличало въ ней настоящую аристократку. Вопля она совершенно по-аристократически, сначала закрывшись вуалемъ. Ей было угодно поговорить съ нимъ наединѣ. Только теперь, предложивъ свой категорическій запросъ, она нѣсколько отдернула и приподняла голубой вуаль, скрывавшій ея лицо и изящную модную шляпку. Да, въ ту эпоху, когда происходилъ этотъ визитъ въ Бухенридѣ, на берегахъ рыбообильнаго Иллига, въ кабинетѣ юстиціи комиссара Гелльвига — то была настоящая шляпка, съ верхомъ и боками, а не какой-то чепецъ, не фантастическая покрывка, придуманная новѣйшей модою. Гелльвигъ удержался отъ обычнаго освѣдомленія: „а позвольте спросить, съ кѣмъ имѣю честь?..“ Онъ ужь угадывалъ такого рода отвѣтъ изъ-подъ вуала: „имя до васъ, милостивый государь, не касается“.

Но все-таки адвокатъ пожелалъ узнать слѣдующее:

— Вы протестантка?

Отрывистое: „конечно!“ было отвѣтомъ, за которымъ слѣдовало добавленіе, хотя высказанное далеко не въ томъ же рѣшительномъ тонѣ:

— Это порученіе одной моей подруги. Сама она не хочетъ себя назвать, такъ я поэтому рѣшилась вмѣсто нея... Тутъ голосъ дамы оборвался. Лгать должно быть еще не привыкла.

— Не подумайте, чтобъ я изъ любопытства... началъ Гелльвигъ, разсматривая сбоку граціозную, молоденькую, хотя, можетъ быть, и не прелестную посѣтительницу: много тутъ увидишь за вуалемъ! На дамѣ было коричневое шелковое платье, изящныя модныя ботинки, заляпанныя, однако, грязью до чулковъ, иногда открывавшихся изъ-подъ платья.

— Мнѣ только не хотѣлось бы, продолжалъ Гелльвигъ, — чтобъ послѣ сказали, что вотъ такой сякой адвокатъ Гелльвигъ въ Вухенридѣ могъ бы лучше уладить это злополучное семейное дѣло...

— На этотъ счетъ, пожалуйста, не беспокойтесь! отрѣзала дама лаконически.

— Въ подобныхъ случаяхъ, закончилъ адвокатъ, — всегда является желаніе удержать стороны отъ разрыва, привести ихъ къ взаимнымъ уступкамъ, къ примиренію.

— Ни до чего рѣшительнаго у нихъ не доходило... окончательной развязки не было... моя подруга желала бы только, на всякій случай, навести справки насчетъ нашего грустнаго женскаго положенія... Дама произнесла все это довольно бойко, но потомъ опять притихла, словно чего-то испугавшись.

— Извольте-ли видѣть, началъ адвокатъ, — римское право, какъ извѣстно, считаетъ бракъ договоромъ. Что касается насъ...

Тутъ юристъ какъ будто поперхнулся и, обратясь къ дамѣ, спросилъ съ непритворнымъ испугомъ и участіемъ:

— Что съ вами, сударыня, не дурно ли вамъ? Вамъ нужно подкрѣпить себя—вы навѣрное пожаловали издалика?— И чего добраго пѣшкомъ? Не прикажете ли позвонить?..

Въ самомъ дѣлѣ дама торопливо откинула вуаль и открыла страшно поблѣднѣвшее лицо. Прежде она вошла въ комнату сильно разгорячившись, что можно было видѣть даже сквозь вуаль. Но усѣвшись на мѣсто, она становилась блѣднѣе и блѣднѣе. Нѣсколько разъ провела она платкомъ выше глазъ и по щекамъ, а теперь судорожно поднесла его ко рту — точно внезапные спазмы сперли ей дыханье. Вотъ она отвернулась, тогда какъ адвокатъ слѣдилъ за нею съ искреннимъ участіемъ. Онъ позвонилъ, чтобъ спросить свѣжей воды, хотя дама и сдѣлала отрицательный жестъ лѣвой рукою.

— Я пришла вовсе не издалека, сказала она, нѣсколько оправившись и выпивъ поданной ей свѣжей воды,—я живу здѣсь по сосѣдству.

Слова эти дама прибавила какъ-то нетвердо, изъ чего было видно, что она говорила неправду. При этомъ она отерла губы кружевнымъ, батистовымъ платкомъ, и адвокату страшно хотѣлось разглядѣть вышитое на немъ имя.

— Ну, вотъ ужъ совсѣмъ прошло, попомомъ произнесла она, быстро спрятавъ платокъ, на которомъ даже слабые глаза адвоката могли различить корону.

— Весеннее солнце всегда обманчиво, заключила дама: — свѣтитъ-то оно тепло, а тутъ дуютъ холодные вѣтры. Съ горь, должно быть; тамъ, навѣрное, еще лежать снѣга...

Ладно, думаетъ адвокатъ, женскія увертки! Ты не похожа на здѣшнюю, а явилась изъ дальнихъ мѣстъ... Желаніе поддѣлаться подъ тонъ невинной, равнодушной болтовни также не ускользнуло отъ вниманія адвоката.

— Скажите мнѣ прямо и опредѣленно, на какихъ основаніяхъ суды даютъ разводъ? проговорила дама, нѣсколько очнувшись отъ потрясенія, хотя смертельная блѣдность все еще не сходила съ ея пластически прекраснаго и теперь совершенно открытаго лица.

Своими сообщеніямъ о грустномъ вѣдѣствѣ судебной практики адвокатъ предпослалъ замѣчаніе, что тутъ придется говорить о многихъ роковыхъ процессахъ въ духовной и даже тѣлесной жизни человѣка.

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь—говорите все! ободряла она.—Я сама замужемъ и знаю все, чего въ этомъ случаѣ можно воснуться...

— Вотъ оно что! внутренно смекнулъ адвокатъ, и при этомъ лобъ его наморщился. Теперь онъ былъ положительно увѣренъ, что имѣеть дѣло съ очень знатною барыней.

Насчетъ брачнаго сожителства аристократія этой провинціи стяжала себѣ не весьма завидную извѣстность. Да и вообще молва называла туземныхъ баръ грубыми, безпощадными, жестокими самодурами. Мысль прійти въ непріязненные столкновенія съ мѣстными аристократическими дамами, была для господина Гелльвига не особенно заманчива.

Впрочемъ здѣсь онъ не поспешилъ выложить все свои знанія.

Адвокатъ началъ излагать законы, водворившіеся на протестантской почвѣ и въ то время еще нестѣняемые, въ ихъ приѣніи, новымъ гражданскимъ порядкомъ, пожелавшимъ вмѣшаться въ дѣло церкви. Тутъ были и взаимное отвращеніе, и невѣрность, и злоумышленное оставленіе одного изъ супруговъ другимъ, и преступленіе, совершенное одною изъ сторонъ, и неспособность къ работѣ и къ сохраненію нажитого и т. д. и т. д., короче адвокатъ развернулъ всю лѣстницу грустной дисгармоніи между человѣческимъ характеромъ и идеаломъ любви, не забывъ и возможности отвратительныхъ болѣзней; здѣсь были указаны многія темныя стороны человѣческой жизни, многія тайны изъ той области, въ которой гиеней гасить свои факелы, многіе процессы изъ пограничной жизни тѣла и духа — той заповѣдной области, которая такъ безжалостно была освѣщена канонической „казуистикой“, хотя въ этой самой казуистикѣ мы подозрѣваемъ сочетаніе древне-языческаго цинизма вмѣстѣ съ набожнымъ любопытствомъ средневѣковаго конфессіонала.

Дама, опять закрывшись вуалемъ, слушала все съ большимъ вниманіемъ, даже ободряла юриста, когда онъ изъ деликатности боялся вдаваться въ подробности и хотѣлъ пройти молчаніемъ многія некрасивыя порожденія брачнаго сожителства.

Затѣмъ опять наступила продолжительная пауза. Приемная адвоката была обращена окнами во дворъ его собственнаго маленькаго домика. Къ этому домику примыкалъ садъ; обвиваемый первой свѣжестью весны. Между недавно окопанными, еще темными, обнаженными грядами раздавались звонкіе дѣтскіе голоса. И жутко было слышать ихъ отсюда, — словно то былъ похоронный звонъ, даже какой-то заманчиво-веселый призывъ бѣднаго грѣшника отъ жизни къ смерти. Дама съ ужасомъ стала прислушиваться. Она погрузилась въ глубокое раздумье и, какъ казалось, была сильно потрясена отзвукомъ дѣтскихъ голосовъ. Ея лѣвая рука судорожно схватилась за деревянную рѣшетку, возлѣ которой она сидѣла. Правая рука опустила одианъ изъ невышитыхъ концовъ платка съ груди до земли. Очевидно, дама раздумывала, какой изъ приведенныхъ юристомъ мотивовъ могъ быть приѣненъ къ ней самой. Была ли то ввезанно про-

снущаяся въ ней ненависть или, можетъ быть, сравненіе бракоразводныхъ мотивовъ еще не окончилось въ ея головѣ, — но только лицо дамы внезапно подернулось мраморной холодностью. Да, быть можетъ, то была грустная работа человѣческаго ума, старавшагося убѣдить себя, что высказанное здѣсь только отчасти было — все, что разрозненные мотивы можно воссоединить въ цѣлое, и если законъ не удовлетворится и этимъ, то дополнить требуемую мѣру чѣмъ бы то ни было — ложью, вымысломъ, даже цѣною собственнаго безчестья! Лишь бы подойти какънибудь подъ мертвыя статьи, которымъ только тогда предстояло рѣшить жизненный жребій двухъ взаимно связанныхъ человѣческихъ существъ!...

— Ну-съ, а какъ же бываетъ насчетъ дѣтей въ этомъ случаѣ? спросила дама послѣ нѣсколькихъ минутъ нѣмого раздумья.

— Дѣти служатъ препятствіемъ къ разводу, даже если бы на него изъявили согласіе оба супруга.

Долго прислушивалась дама къ отзвуку этихъ словъ. Въ нихъ была высказана цѣлая бездна моральной жизни!

— У моей подруги нѣтъ дѣтей, проговорила она беззвучно.

Адвокатъ старался перейти къ болѣе легкому тону.

— Ну, и тѣмъ лучше! замѣтилъ онъ, взявъ щепотку: — не легко вѣдь бѣднымъ малюткамъ подростать въ такихъ случаяхъ — съ разорваннымъ пополамъ сердцемъ.

— Однако, она... начала дама, очевидно уже ближе подойдя къ своему положенію и при этомъ повернувшись на стулѣ. Глаза ея опять смущенно опустились, такъ что теперь можно было хорошо видѣть ея темныя, длинныя рѣсницы.

— Однако, она... но языкъ рѣшительно ей не повиновался.

Господинокъ Гельвицъ никогда не принадлежалъ къ тѣмъ пессимистамъ, которые руководствуются извѣстнымъ правиломъ законниковъ: надо считать нехорошимъ человѣкомъ всякаго, кто не суждетъ опровергнуть такого о немъ мнѣнія! Его практика между крестьянами, по большей части, заключалась въ искахъ наслѣдства, въ мелкихъ разбирательствахъ твоего и моего, гдѣ такъ часто разоблачается вся подноготная побужденій и характеровъ. Какъ ни лукавы поселяне, однако очень рѣдко затаенная природа и намѣренія не высказываются наружу. Такъ и

теперь нашему юристу не приходила въ голову такая мысль: „однако, она, подруга-то, пожалуй, готовится скоро быть матерью!“ Онъ даже ни мало не замѣтилъ какого-то необычайнаго дрожанія губъ у своей гостьи, когда проронилъ — какъ бы совершенно неумышленно — слѣдующее замѣчаніе:

— Разводъ не допускается также и въ томъ случаѣ, когда жена, желающая развестись, находится въ состояніи беременности! Мудрый законодатель соединялъ съ этимъ запретомъ весьма благое намѣреніе. Въ этомъ исключительномъ положеніи женщина почти утрачиваетъ способность понимать то, что дѣлаетъ, и часто очень — какъ показываетъ опытъ — она, дѣйствительно, приходитъ къ такимъ мыслямъ, къ такимъ намѣреніямъ, въ которыхъ сама же впоследствии раскаивается или, по крайней мѣрѣ, не признаетъ ихъ результатами своей свободной, разумной воли. Да и кромя того, родившійся ребенокъ нерѣдко способствуетъ къ примиренію сторонъ и опять тѣснѣе завязываетъ нѣсколько ослабѣвшія супружескія узы.

Дама ловила на лету каждое произносимое адвокатомъ слово, и вниманіе ея возрастало съ каждой минутой. Очевидно, ей сильно хотѣлось показать, что тутъ она совершенно въ сторонѣ. Адвокатъ, изъ любезности, принималъ весь этотъ наружный видъ, разумѣется, за чистую монету, и съ другой стороны рѣшительно не могъ открыть, что именно возбуждало въ его посѣтительницѣ такой живой интересъ къ бракоразводному вопросу.

— Одна изъ причинъ, продолжалъ онъ, — по которымъ судья не даетъ развода женѣ, готовящейся быть матерью, заключается въ томъ, что послѣ рожденія ребенка — смотря по тому, будетъ ли это мальчикъ или дѣвочка — вопросу о наслѣдствѣ можетъ угрожать страшная запутанность! Въ знатныхъ кружкахъ вошли въ обыкновеніе брачныя контракты, которыми, на случай развода, выговариваются какія нибудь особенныя гарантіи въ пользу отца или матери, но вмѣстѣ съ роженіемъ ребенка такія гарантіи, конечно, измѣняются. Допустимъ, напр., что не мужъ будетъ виновною стороною, т. е. тою, которая сама прежде пожелала разрыва: ужъ онъ-то во всякомъ случаѣ имѣетъ право поставить такого рода вопросъ: если у меня родится сынъ или дочь, какъ же будетъ насчетъ имущества, и въ особенности насчетъ имущества,

принесеннаго женою? Если же виновной стороною будетъ мужъ, то если онъ самъ, прежде жены, пожелалъ развода, то вѣдь его дѣти нисколько не должны страдать за чужую вину, когда ихъ отцу во что бы то ни стало захочется развестись... Если жена, принесшая имущественное приданое, разводится съ мужемъ, то въ силу брачнаго контракта она можетъ забрать съ собою все свое имущество, быть можетъ, только за вычетомъ опредѣляемой закономъ части. Напротивъ, если брачный союзъ былъ благословенъ чадами, то это имущество остается за дѣтьми и, если отецъ имѣетъ право ихъ воспитывать и распоряжаться ими, также за самимъ отцомъ, на все время его отцовской власти надъ дѣтьми. Если разведенной женѣ или разведенному мужу вздумается когда нибудь вступить въ новый бракъ, или если уже имѣется въ виду лицо мужеска или женска пола, на которое разводимые рассчитываютъ для новаго супружескаго сожителства, въ случаѣ разрыва между ними, — то такъ какъ отъ новаго брака можно опять ожидать дѣтей, здѣсь можетъ произойти величайшая путаница, если ее не предупредить заблаговременно, при самыхъ мотивахъ развода...

Слушательница молчала и сидѣла неподвижно, словно окаменѣлая. Толкованія адвоката, очевидно, всецѣло погрузили ее въ область думъ, заставили дѣлать мысленную провѣрку, кропотливое сличеніе всѣхъ выставленныхъ на видъ обстоятельствъ.

— Не смѣю ли просить о болѣе подробномъ изложеніи вашего дѣла? освѣдомился Гельвигъ, самъ понимая всю наивность своего вопроса, звучащую уже въ интонаціи его голоса: — въ моей скромности вы можете быть твердо увѣрены, добавилъ онъ, ударивъ по табакеркѣ.

На эту попытку вызвать чистосердечныя признанія дама ничего не отвѣчала. Поднявшись съ мѣста, она показывала видъ, что всего сказаннаго съ нею достаточно. Тутъ она стала выдѣлывать руками нѣкоторые жесты, знакомые только медикамъ и адвокатамъ: проклятый вопросъ о презрѣнномъ металлѣ сдѣлалъ сыновей Эскулапа и Феиды необыкновенно смѣтливими. Дама тихонько вынула портмоне и положила деньги на край стола, за которымъ сидѣлъ господинъ Гельвигъ. Въ эту минуту онъ также привсталъ, и только теперь совершенно отчетливо разглядѣлъ

стоявшую предъ нимъ величественную барыню, невольно возбудившую въ немъ живѣйшее удивленіе. Адвокатъ сталъ припомирать, не видѣлъ ли онъ эту даму гдѣ нибудь еще прежде.

— Но не можетъ ли судъ уничтожить брачныя контракты? спросила она, стоя на мѣстѣ и явно показывая, что послѣдняя часть толкованій Гелльвига наиболѣе касалась „ея подруги“.

— Конечно не можетъ, если контракты эти совершенно легально и вообще не имѣютъ въ себѣ ничего, противнаго существу брака, успокоивалъ адвокатъ.

— Ничего противнаго существу брака! Что это значить, осмѣлюсь спросить?

— А вотъ видите ли, могутъ случиться условія, совершенно неестественныя для брачнаго союза и дѣлающія изъ него безсодержательную иллюзію, напр.: избѣжаніе супружескаго сожителства, проживаніе порознь въ различныхъ мѣстахъ и т. п. Вѣдь на бѣломъ свѣтѣ это водится сплошь и рядомъ.

— Ну-съ, а насчетъ имущества?

— Тутъ ужь предоставляется полная свобода. Сами, значить, рѣшайте, что твое, и что мое. Всѣ такіе вопросы зависятъ отъ частныхъ интересовъ лицъ, и передъ вступленіемъ въ бракъ и заключеніемъ контракта всякій можетъ достаточно поразмыслить, дѣйствуетъ ли онъ себѣ въ ущербъ или на пользу...

— Весьма вамъ благодарна! проговорила дама, бросивъ искоса многозначительный взглядъ на край стола. Господину Гелльвику такіе взгляды были понятны какъ нельзя лучше. Затѣмъ дама сняла съ балюстрады свой зонтикъ и вышла съ тою же послѣдностію, съ какою прежде сюда явилась.

На столѣ адвокатъ нашелъ двойной лундоръ.

Но какъ ни подстрекало господина Гелльвига любопытство, однако онъ счелъ неприличнымъ и несогласнымъ съ его профессіей бѣжать стремглавъ чрезъ смежную комнату и слѣдить за дамой на улицѣ или даже выслать для этого одного изъ своихъ писцовъ. Онъ ограничился только покачиваньемъ головою, записалъ полученную имъ золотую монету въ приходную книгу и, принявъ во вниманіе, что время скоротечно — о чемъ напоминала ему кукушка стѣнныхъ часовъ — перешелъ къ слѣдующему очередному дѣлу о какомъ-то гумнѣ, насчетъ котораго два

крестьянина никакъ не могли поладить между собою при покупкѣ и продажѣ усадьбы.

ГЛАВА II.

А въ полѣ рѣзво защебетали ужъ жаворонки и деревья въ первомъ, серебристомъ цвѣту, красовались надъ приземистыми холмиками, которыми обозначался волнистый переходъ горъ въ далекую равнину.

Несмотря на нѣсколько фабрикъ, затрачивавшихъ для своей работы много воды и дровъ, вся окрестная мѣстность разстилась роскошной, тучной пажитью. Тамъ и сямъ заботливо взлѣбляная почва уже зеленѣла первыми всходами или желтѣла рѣповымъ цвѣтомъ, распространявшимъ вокругъ свѣжій, пріятный запахъ. Еще недавно шелъ обильный дождь и оттого вся мѣстность — съ виднѣвшимися тамъ и сямъ колокольными шпичами, ослѣпительно бѣлыми фермами, скрытыми въ лиственной зелени усадьбами — ласкала зрѣніе необыкновенной свѣжестью красокъ.

Дороги были неудобны для пѣшеходовъ. Черезъ рѣку Иллигъ, стремительно протекавшую надъ массивными глыбами, былъ перекинутъ узкій, деревянный мостъ; онъ не могъ служить для проѣзда всадниковъ и экипажей, но за то по этому пути изъ Бухарида, промежъ пастбищъ, обнесенныхъ плетнями и заборами, пролегалъ для пѣшехода тропинки, которыми можно было сократить извилистые повороты большой битой дороги, проходившей внизу. Солнечные лучи послѣднихъ апрѣльскихъ дней еще не пронизали сюда со всею силою.

Наша дама, вывѣдавъ у встрѣчныхъ дорогу эту, кратчайшую къ ближнему городку Бурхгаузену, должно быть вовсе не думала щадить свое модное платье и изящныя ботинки. Часто приходилось ей совершенно оставлять скользкую глинистую дорогу и пробираться по окраинамъ луговъ, лишь бы только не падать. Но она, повидимому, ни на что не обращала особеннаго вниманія, вся отдавшись тревожнымъ мыслямъ, яростной внутренней борьбѣ. И вотъ она неслась все далѣе и далѣе, словно легкой, бессознательный древесный листъ, гонимый по волѣ вѣтра.

Если еще прежде въ городѣ таинственная гостья возбуждала всеобщее вниманіе, хотя и не откидывала вуаля, даже когда вспрашивала номеръ дома всѣмъ извѣстнаго адвоката, — то теперь всякій встрѣчный, глядя на нее, широко выпучивалъ изумленные глаза, словно то было какое-то странное, совершенно необычайное явленіе. Вотъ она робко пробирается чрезъ узкій мостъ, озираясь, не слѣдить ли кто нибудь за нею сзади, вотъ она исчезаетъ между узкими луговыми тропинками. Чрезъ ея лѣвую руку перекинута богатая турецкая шаль, шляпка украшена длиннымъ перомъ цапли, дама держитъ шелковый зонтикъ, съ ручкою изъ слоновой кости, покрытою изящной рѣзкою; сверху свѣтло-боричневыхъ перчатокъ надѣты массивныя золотыя браслеты, усыпанные дорогими камнями; роскошное шелковое платье шелеститъ при этомъ пѣшемъ воляжѣ, порою поднимается вверхъ и даже затрудняетъ шаги дамы. Понятно, что все это, вмѣстѣ взятое, заставляло каждого сдвигать плечами. Кто привѣтствовалъ ее поклономъ — удостоивался легкаго киванья головою. Если это былъ болѣе или менѣе пристойно одѣтый прохожій, дама вскидывала на него подозрительный, боязливый взглядъ изъ-подъ роскошныхъ карихъ рѣсницъ.

Время подходило къ полудню. Тамъ и сямъ по дорогѣ сидѣли рабочіе, совершая свою скромную обѣденную трапезу — здѣсь подъ едва зазеленѣвшими кивами, далѣе — близъ цвѣтущей яблоня. И къ каждой, попадавшейся ей по пути группѣ, къ каждому встрѣчному она всегда готова была обратиться съ вопросомъ: „скажите, эта дорога въ Бурхгаузенъ?“ И къ ея успокоенію встрѣтившіеся по пути давали утвердительный отвѣтъ. По временамъ — когда это допускало расположеніе холмовъ — передъ нею выглядывалъ, точно гдѣ-то близко, и самый городокъ, отыскиваемый ею, когда прямо на него падали лучи солнца, до городка, казалось, можно было достать рукою. А между тѣмъ ей оставалось пройти еще цѣлую милю. Сегодня она уже прошла пѣшемъ это обманчивое для глаза разстояніе, да вдобавокъ еще не кратчайшею, а большою проѣзжею дорогой, направлявшеюся по нижней мѣстности.

Желая обойти еще непросохшую дождевую лужу, дама своротила съ дороги, опираясь на зонтикъ, но вдругъ его краси-

вая костяная ручка сломалась и обломокъ ея остался въ рукѣ барыни. Сильно раздосадованная, она нѣсколько умѣрила торопливые шаги. „Какъ это глупо!“ произнесла она вслухъ съ неудовольствіемъ, полагая, что здѣсь она совершенно одна въ полѣ.

Но тѣмъ сильнѣе вспугнулъ ее злой смѣхъ какого-то парня, лежавшаго безпечно, въ одной рубашкѣ на плечахъ, въ придорожной травѣ. Вблизи находился уже разпѣтавшій вустарникъ, хотя еще неотѣненный зелеными листьями. Лежавшій близъ дороги человекъ отломилъ изъ него толстую вѣтвь и, облущивая кору, сталъ обдѣлывать себѣ трость большимъ блестящимъ ножомъ.

— Сударыня, сказалъ онъ со смѣхомъ, — позвольте подарить вамъ вотъ эту палочку, ха, ха, ха!

Та ускорила шаги. Только теперь она поняла, какому неприятному положенію подвергала себя, выбравъ эту, хотя и кратчайшую, но совершенно пустынную дорогу, — теперь только, когда ей приходилось спускаться въ ложбины, теряя изъ виду открытую мѣстность, когда кругомъ всё окрестные предметы застилались передъ нею густой травой и безчисленными цвѣточными головками на высокихъ стебляхъ. Тамъ и сямъ попадались уже маленькія полѣся, угрожавшія увеличиться въ размѣрѣ, такъ какъ теперь открытый видъ мѣстности сталъ со всѣхъ сторонъ измѣняться.

Рѣзкій, насмѣшливый голосъ еще отдавался въ ушахъ дамы, и вдругъ она увидѣла передъ собою того парня, который позволялъ себѣ надъ нею потѣшаться.

Онъ все еще былъ въ одной рубашкѣ, неся снятую куртку на недавно обдѣланной палкѣ. Солнце стало грѣть довольно чувствительно.

— А что, сударыня, видно въ Бурхгаузенѣ сегодня балъ, а? произнесъ тотъ же грубо-насмѣшливый голосъ, все еще назойливо отдававшійся въ ушахъ дамы: — или, статья можетъ, балъ уже былъ въ Бухенридѣ, какъ скажете? А карета-то вашей милости — куда запропастилась?...

Если бы у этого злого насмѣшника было чуткое ухо, то онъ могъ бы слышать глубокой вздохъ спутницы. Не отвѣчая ни слова, она пустилась бѣжать, какъ бы въ сильномъ испугѣ.

Ходьбою этихъ порывисто-торопливыхъ шаговъ ужь никакъ нельзя было назвать.

— Вишь ты, вишь ты! Да вы ножки-то себѣ такъ вывихнете... мадамъ... мамзель, сударыня — или какъ васъ! поддразнивалъ непрощенный спутникъ, поспѣвая за испуганной барыней. Къ немалому ужасу, она замѣтила теперь, что несмотря на ускоренную ходьбу, онъ готовился надѣть куртку: палка оставалась при этомъ свободною. Одного взгляда вверхъ было для дамы достаточно, чтобы увидѣть звѣрскую образину съ густой, рыжеватой, щетинистой бородою, ехидные, кошачьи, хотя и пугливые голубые глаза, приплюснутый носъ и узкій лобъ, уже изрытый многими морщинами. Но при всей этой наружности, неприятный спутникъ былъ, казалось, еще не старъ.

Опять потянулось полѣсье съ густо-разросшимися внизу молодыми кустами. Съ невольнымъ трепетомъ вступила дама на узкую тропинку. Однако при этомъ внезапномъ измѣненіи мѣстности хорошо было то, что незнакомецъ нѣсколько замѣпкалъ и не успѣлъ сейчасъ же перейти черезъ межу луговины. Поэтому дама могла опередить его на нѣкоторое разстояніе. Не надолго, однако. Вскорѣ она услышала, что негодяй слѣдовалъ за нею по пятамъ. Сдѣлавъ полуоборотъ головою, дама замѣтила, что на немъ была охотничья куртка; свою терновую палку онъ то самодовольно взвѣшивалъ въ рукахъ, то махалъ ею во всѣ стороны.

— Эге, сударыня, да вы никакъ хорошо знаете здѣшнія мѣста! крикнулъ онъ, подойдя къ ней близко.

Вмѣсто всякаго отвѣта дама только ускорила шаги.

— Да вы на меня, мадамъ, не извольте сердиться! Вреда вамъ отъ меня не будетъ никакого!.. Скорѣй бы радовались, что вотъ вамъ подвернулась такая пріятная компанія...

Та упорно молчала.

— Не прикажете ли нести вашу шаль? Или пожалуйста сюда вашъ зонтикъ... въ лѣсу-то онъ не больно вамъ нуженъ!

Дама, напротивъ, съ силою прижала къ себѣ зонтикъ. Онъ казался ей теперь оружіемъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ открытаго нападенія она стала бы геройски имъ отбиваться. Неприятный спутникъ показывалъ знакомство съ принадлежностями

туалета; онъ называлъ ихъ совершенно правильно и лучше понималъ ихъ назначеніе, чѣмъ это можетъ быть доступно простымъ поселянамъ, съ которыми она встрѣчалась до сихъ поръ по дорогѣ. Все это нѣсколько уменьшило ужасъ, угрожавшій дамѣ уже обморокомъ. Она собралась съ духомъ, умѣрила шаги и сухо проговорила:

— Благодарю васъ! Если вы идете въ Бурхгаузенъ, прошу васъ—идите одни!

— Что Бурхгаузенъ!.. Я и дальше махну, сударыня! А вы, кажись, и въ самомъ дѣлѣ здѣшная. Не знаете ли, гдѣ тутъ будетъ замокъ Вильденшвертъ?

Дама остановилась, какъ громомъ пораженная, и не знала, что ей дѣлать, куда идти: вопросъ ли этотъ ее такъ озадачилъ или, можетъ быть, она мелькомъ увидѣла сложенный уже большой ножъ, торчавшій изъ бокового кармана ея навязчиваго спутника,—тотъ самый ножъ, которымъ онъ прежде обстругивалъ свою терновую палку.

— Ахъ, канальство, да какая же у васъ, сударыня, аппетитная талія—чудо, вскричалъ наглѣй незнакомецъ, обнимая и прижимая къ себѣ ея стройную фигуру. И при этомъ его дикіе огненные глаза старались разглядѣть лицо, скрытое подъ вуалемъ.

Но дама оттолкнула его съ такою силою, что тотъ трусливо попятился назадъ, какъ прежде трусливо началъ свое любезничанье.

— Можетъ быть, вы и благородная, кто васъ знаетъ! дразнилъ негодай; — да видали и мы такихъ барынь, что уже за утреннимъ кофе надѣваютъ лайковыя перчатки и позволяютъ поцѣловать себя разокъ-другой такому бравому молодцу, какъ нашъ братъ. Вы не первая и не послѣдняя...

— Идите же себѣ впередъ, сказала барыня, прерывая эту нахальную болтовню,—я и безъ васъ найду свою дорогу!

Съ этими словами она остановилась, чтобы пропустить его мимо себя и затѣмъ идти далѣе.

— Нечего тутъ много разговаривать! злобно вскрикнулъ грубый селадонъ, схватывая свою спутницу за руку. При этомъ жадные глаза его увидѣли золотой браслетъ, и вдругъ раздраженіе его, повидимому, было разсѣяно другими мыслями.

— Только, пожалуйста, не потеряйте вонъ этого! сказалъ онъ «Дѣло», № 2.

такимъ тономъ, какъ будто между ними давно уже была рѣчь о браслетѣ.

Между тѣмъ вдали вдругъ послышались выстрѣлы.

— Пифъ-пафъ! крикнулъ незнакомецъ, высвобождая руку шедшей возлѣ него дамы. И затѣмъ, отвернувшись отъ нея, онъ заговорилъ о погодѣ:—какая вотъ настала благодать для бекасиной охоты.

— Хоть бы тебѣ малѣйшій вѣтерокъ! сказалъ онъ, поднимая вверхъ руку;—подползуть, бѣдняжки, и нисколько не замѣчаютъ охотниковъ. Да вы поприглядитесь-ка ко мнѣ хорошенько—я тоже охотникъ.

Послѣднія слова были произнесены какъ-то на распѣвъ.

— А вотъ если бы вы могли указать мнѣ по сосѣдству гдѣ нибудь мѣсто, продолжалъ онъ ласково, очевидно сдерживая себя въ границахъ, благодаря слышаннымъ выстрѣламъ,—то мнѣ и идти-то дальше было бы незатѣмъ. Далеко ли еще до замка Вильденшверта?

Даму опять какъ-то поворобило. Слѣдовало бы ожидать, что выстрѣлы настолько же ободряютъ ее, насколько они внушали осторожность ея спутнику. Однако приближеніе охотниковъ было, повидимому, для нея также неприятно. Не менѣе смутилъ ее и вопросъ о замкѣ Вильденшвертъ. Въ сильномъ замѣшательствѣ она сдерживала дыханіе, прислушивалась, робко озиралась вокругъ и не отвѣчала ни слова.

Полясье оставалось сзади. Мѣстность опять стала болѣе открытою. Вдали видѣлись рабочіе. Бурхгаузенъ тоже былъ ужъ недалеко. Одичавшій охотникъ, какимъ болѣе и болѣе показывалъ себя ея спутникъ, сталъ напѣвать теперь охотничьи аріи, умѣривъ однако свои буйные порывы и даже показывая видъ, какъ будто всё его продѣлки въ глухой лѣсистой трущобѣ были съ его стороны только шуткой. Болтая о всякой всячинѣ, онъ сообщилъ уже значительную часть изъ своей біографіи, хотя поспѣшавшая близъ него женщина не остановилась со вниманіемъ ни на одномъ фактѣ этого разсказа.

Впрочемъ, мало-по-малу до слуха ея все-таки не могло не дойти, что этотъ непрошенный товарищъ, называвшій себя Ген-йенгефтомъ, былъ солдатомъ, потому гдѣ-то въ дальней провин-

ція состоялъ въ частной службѣ и теперь вотъ спрашивалъ въ горахъ у одного лѣсничаго, не было ли для него какогонибудь мѣста. Но такъ какъ мѣста не оказалось, то теперь онъ, Генненгефтъ, возвращался въ Бурхгаузенъ, гдѣ его поджидали „багажъ и аттестаты“, какъ онъ выражался, то есть платье и охотничьи снаряды. Отслуживъ вѣрой и правдой девять лѣтъ и не получивъ никакого обезпеченія, онъ считалъ себя въ правѣ ругать всѣхъ и все, на каждомъ шагу поминая чорта. Свою спутницу онъ нѣсколько разъ просилъ о рекомендаціи и въ заключеніе прибавилъ, что вся его надежда теперь на одного знакомаго охотника Вюльфинга, бывшаго на службѣ нѣсколько миль подальше—у богатаго-пребогатаго графа фонъ-Вильденшверта.

Дама продолжала слушать безмолвно и теперь уже успокоилась, замѣтивъ, что дикій ея спутникъ былъ разсвѣянъ своимъ разсказомъ. На просьбу о рекомендаціи она отвѣчала отрицательнымъ качаньемъ головы. Новые разспросы о ея имени, о цѣли этого странствованія она отклоняла лаконическими отвѣтами. Когда же охотникъ опять заговорилъ о вильденшвертскомъ замкѣ, у ней какъ-то нечаянно сорвалось съ языка признаніе, что въ замкѣ ее знали, но что тамъ не было никакого охотника, по имени Вюльфинга. Въ этомъ она могла положительно его завѣрить, и потому онъ лучше бы сдѣлалъ, еслибъ...

— Не безпокойся понапрасну ходить въ замокъ, что ли? подсказалъ егеръ Генненгефтъ—какъ онъ себя называлъ—озираясь вокругъ тревожными, лукавыми глазами.

Дама отважно бивнула головой. Тамъ и сямъ въ полѣ видѣлись уже люди и это такъ ободрило барыню, что она стала шарить свое портмоне, очевидно, завернутое до сихъ поръ въ ея носовомъ платкѣ. Встрѣчавшіеся поселяне подтвердили, что въ Бурхгаузенъ вела прямая дорога чрезъ поля, покрытыя уже довольно замѣтными зелеными всходами, и не прерывалась лѣсами, которые оставались въ сторонѣ. Тогда дама собрала всю свою бодрость и сказала своему спутнику:

— Теперь я васъ буду покорнѣе просить позволить мнѣ идти одной! Вотъ вамъ на путевыя издержки—и прощайте!

Съ этими словами она дала ему новенькій блестящій талеръ.

Отставной охотникъ поглядѣлъ на нее съ изумленіемъ.

Одинъ бѣглый взглядъ на открытое портмоне убѣдилъ его, что оно было биткомъ набито золотомъ и серебромъ. Если улыбку охотника и нельзя было, строго говоря, переводить словами: „эхъ ты, чтобъ тебя! Стоило вѣдь только прижать маленько въ лѣсу, и все бы было мое!“—то, во всякомъ случаѣ, не была улыбка эта ужъ и такою добродушною, какою хотѣлъ сдѣлать ее Генненгефтъ. Однако что-то похожее на пріятное изумленіе, даже на признательность обозначилось въ его ухмылявшейся фізіономіи. Онъ снялъ шапку, сунулъ свой талеръ въ карманъ, постоялъ немножко—и ретировался.

Дама тяжело перевела дыханіе, точно съ ея груди свалилась цѣлая каменная гора. Дорога спускалась по отлогости. Дама летѣла стремглавъ, будто уносимая вихремъ.

Скоро она могла уже выйти на большую дорогу. Конечно, и теперь можно было сократить путь, пробираясь напрямикъ чрезъ поля и луга, однако она предпочла не оставлять большого проѣзжаго тракта. Фруктовныя деревья, окаймлявшія его по обѣ стороны, стояли въ полномъ цвѣту. Еще нѣсколько часовъ тому назадъ она шла по этой же дорогѣ.

И вотъ когда она неслась здѣсь впередъ съ быстротою стрѣлы, къ ней опять вернулся припадокъ дурноты, уже застигшій ее прежде въ комнатѣ адвоката. Ей сдѣбалось вдругъ такъ тошно, что она готова была уже броситься на траву... Пробовала было немного постоять, прислонясь къ дереву; въ другую минуту чуть не бросилась на одну изъ каменныхъ кучъ, пронумерованныхъ шиломъ и наваленныхъ на опредѣленныхъ разстояніяхъ для начинки шоссе. Острая боль чуть не заставляла ее вскрикнуть... Однако она собрала весь запасъ силъ, чтобы какънибудь дотащиться до городка. Пробило уже два часа на башнѣ ратуши, возвышавшейся противъ почтовой станціи, гдѣ помещалась также гостинница: вмѣстѣ съ этижъ боемъ дама вошла въ номеръ гостинницы—и здѣсь ноги подъ нею подкосились.

Еще прежде своего визита въ Бухенридь, она заказала здѣсь обѣдъ. Теперь, когда его подали, дама боролась съ сильною тошнотою, заставлявшею ее отталкивать отъ себя съ отвращеніемъ всѣ кушанья. Служанка поспѣшила къ ней съ лекарствами, острыми спиртами, хотѣла подать ей чаю, но она увѣрила какъ

ихъ, такъ и хозяйку, что ей ровно ничего не нужно, кромѣ ночтовыхъ лошадей, которыхъ она также просила для нея приготовить передъ своимъ уходомъ.

Почта была также готова. Дама хотѣла скрыть свою тошноту, пробовала подкрѣпить себя пол-тарелкой супу, сухими фруктами, но съ непреодолимымъ отвращеніемъ отталкивала отъ себя все съѣстное. Заплативъ, что слѣдовало, щедро давъ на водку, она усѣлась, шатаясь, въ экипажъ, чтобы ѣхать по той же дорогѣ, по которой за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ она была доставлена сюда съ ближайшей станицы. Спокойный экипажъ и діата, повидимому, не замедлили произвести благоприятное дѣйствіе. Въ четыре часа она перемѣнила экипажъ и, начиная отсюда, приказывала закладывать для себя крытые дорожные экипажи. Небо стало заволакиваться облаками. Въ шесть часовъ она остановилась у заставы маленькаго городка Альтенберга, известнаго торговлей полотномъ, и затѣмъ опять должна была пройти около двухъ верстъ пѣшкомъ. Кругомъ становилось темнѣе и темнѣе; прохладный вѣтерокъ былъ ужь довольно чувствителенъ, когда она оставила позади себя послѣднія, покрытыя рѣдкимъ полѣсьемъ, холмистыя возвышенности, отъ которыхъ равнина начинала понижаться постепенной отлогостью. Въ трактирѣ деревни даму ожидалъ графскій экипажъ съ гордымъ гербомъ. Лакей въ длинной свѣтлоричневой ливреѣ съ металлическими пуговицами поспѣшилъ отворить передъ нею дверцы.

— Ваше сіятельство изволили долго замѣшкать! Мы ужь начинали беспокоиться!..

— Да вѣдь теперь будетъ развѣ немного больше шести часовъ, отвѣчала барыня совершенно равнодушнымъ тономъ;—пасторша почти силою задержала меня у себя на цѣлый день.

— Если бы ваше сіятельство не изволили приказывать, чтобы мы оставались здѣсь, то давно бы мы сами туда поѣхали.

— Ничего, лошади отлично отдохнули. Ну, а теперь живо домой!

Кучеръ, одѣтый въ такой же ливрейный сюртукъ, какой былъ на лакеѣ, приподнялъ обшитую галунами шляпу при появленіи дамы.

Прошло девять часовъ. Когда графиня подъѣхала къ обвод-

ной стѣнѣ замка, сердитый вѣтеръ разгудивалъ между липами и вязами графскаго парка, и полуобнаженныя вѣтви деревьевъ жалобно скрипѣли и качались, выглядывая на дорогу.

Если госпожа замка возвращалась домой одна-одинешенька и въ такую позднюю пору, если она сейчасъ же отправилась въ свою комнату и тамъ заперлась—то все это никого не поразило. Графъ давно уже возвратился изъ охотничьей экспедиціи вмѣстѣ съ своими сподвижниками, составившими довольно оживленное общество, судя по освѣщенному, праздничному виду замка. Если графиня предоставляла своего супруга самому себѣ и его веселой компаніи, то это ровно никому не казалось страннымъ.

ГЛАВА III.

Имя графини Вильденшвертъ изъ Гедвиги было славянизировано въ Ядвигу, и это случилось благодаря тому обстоятельству, что ея покойная мать принесла отцу значительныя имѣнія на польской границѣ. Тамъ родилась у покойницы ея единственная дочь, въ кумовья пришлось брать лицъ изъ мѣстной, но большей части, польской знати. Эти славянскіе воспріемники подарили графинѣ „на зубокъ“ быстрю рѣшительность и безстрашное отношеніе ко всякому житейскому авантюризму.

Войдя въ поспѣшно освѣщенную, комфортабельную уборную, графиня Ядвига второпяхъ сняла съ себя визитное платье и обратилась съ нѣсколькими разспросами къ своей экономкѣ, госпожѣ Деренбахъ, еще недавно поступившей на это мѣсто. Не слушая ея отвѣтовъ, графиня бросила только внимательный, пристально разсѣкивавшій взглядъ въ смѣжную, также освѣщенную комнату, на свой письменный столъ, желая знать, не было ли какихъ нибудь писемъ въ красивой гранитной урнѣ, стоявшей посрединѣ круглаго, застланнаго ковромъ, стола. Экономка Деренбахъ получила короткій, сухой отвѣтъ, что повѣзда ея госпожи достигла предположенной цѣли.

— Пасторша здорова. Наконецъ-то я заплатила ей этииъ визитомъ мой старый долгъ...

Въ домѣ всѣ думали, что графиня возвратилась изъ горной деревушки Нейкирхенъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла за-мужъ за пастора одна дѣвушка, на нѣкоторое время намедняя прежде радушный пріютъ у родителей графини, которая теперь показывала видъ, будто ѣздила къ ней съ визитомъ.

Въ урнѣ было найдено одно, но, какъ казалось, именно ожидаемое графиней письмо. Графу она приказала передать, что по причинѣ сильной усталости не можетъ заняться туалетомъ, чтобы явиться въ общество его друзей по охотѣ. Удивленная мадамъ Деренбахъ не могла удержаться отъ замѣчанія, что графиня была выпачкана съ головы до ногъ; этотъ же беспорядокъ заставлялъ ужасаться и разводить руками горничную Доригъ. Но графиня старалась при этомъ улыбаться, говорила о восхитительномъ мѣстоположеніи пасторскаго дома и о дурной къ нему дорогѣ, увѣряла, что ей было тамъ весело и въ заключеніе всего, потребовала крѣпительный ужинъ, чаю и холодныхъ къ нему закусокъ.

Изъ комнатъ ея супруга былъ слышенъ не только громкій, оживленный разговоръ, но также стукъ ложекъ и чоканья стакановъ. Тамъ прислуживалъ егеръ Вюльфингъ вмѣстѣ съ третьимъ слугою. По озабоченному шмыганью прислуги, отчасти принадлежавшей гостямъ, замокъ Вильденшвертъ казался пышнымъ, оживленнымъ княжескимъ дворцомъ.

Графиня оставалась въ очаровательномъ неглиже. Только теперь она является предъ нами не закутанною, а открытою со всѣхъ сторонъ и во всей своей прелести. На широкихъ, нѣжно закругленныхъ плечахъ поддерживается граціозно очерченная голова: каштановые волосы были собраны на темени большимъ, горизонтально лежащимъ узломъ; во всемъ была строгая соразмѣрность. Мраморная блѣдность и изнеможеніе сообщали всей головѣ что-то идеальное. Въ комнатѣ былъ разведенъ огонь. Жалуясь на нестерпимый жаръ во всемъ тѣлѣ, графиня отворила окно. Но скоро она почувствовала довольно сильный ознобъ, быстро захлопнула окошко и опустила еще бѣлую сторону, чтобы принадлежать исключительно себѣ одной и даже не видѣть многихъ яркихъ огней, освѣщавшихъ противоположаній флигель замка.

Сильный голодъ, на которой она ссылалась, также былъ съ ея стороны только мистификаціей.

Когда она, второпяхъ выпивъ чашку крѣпкаго, горячаго чая, хотѣла перейти къ разрѣзанной холодной курицѣ, жаркому и яйцамъ—все это показалось ей отвратительнымъ. Она чувствовала только потребность полного спокойствія и уединенія. Къ камину была придвинута удобная кушетка. Письмо еще въ первую минуту было положено въ карманъ, и графиня по временамъ ощущивала это письмо, желая знать, тонкій или толстый пакетъ былъ ей присланъ. Теперь письмо это, повидимому, сдѣлалось предметомъ всѣхъ ея помысловъ, ея исключительною заботою. Растанувшись на мягкой кушеткѣ и удобно прислонивъ голову, она поправила высвободившійся локонъ, только теперь замѣченный ею въ зеркалѣ камина. Вблизи рамы этого зеркала стояли два канделябра—каждый съ тремя зажженными свѣчами. Зеркало, казалось, удвоивало число свѣчей и разливало еще болѣе яркій блескъ. Почти нетронутый ужинокъ былъ убранъ со стола и графиня, удобно развалившись на кушеткѣ, вся отдалась неудержимой игрѣ фантазій, когда сильно взволнованная кровь живо передаетъ душѣ каждое значительное, испытанное нами напряженіе нервовъ и мускуловъ, когда передъ нашими, даже закрытыми глазами снуютъ почти ослзательныя видѣнія. Только теперь она связно припомнила себѣ приключенія этого тревожнаго дня. Когда же передъ нею возсталъ призракъ охотника Геннегефта (имя это она удержала въ памяти), когда ей представилось, будто лицо призрака прижалось къ ея губамъ, полуотерывшимся въ этой мечтательной дремотѣ,—графиня съ ужасомъ вскочила на ноги, осмотрѣлась кругомъ и видя, что все было здѣсь спокойно, что близъ нея никого не было,—подошла къ двери и заперла ее задвижкой.

Свѣчи горѣли такъ ярко, что даже издали, лежа на кушеткѣ, можно было явственно прочитать письмо, вынутое графиней изъ картонки. Письмо было изъ столицы, отъ Линды фонъ-Фернау, давнишней и самой довѣренной подруги графини.

„Всѣ твои порученія, милая Ядвига, — писала Линда — будутъ выполнены акуратно. Завтра тебѣ отправляется большая картонка съ тѣми изъ твоихъ заказовъ, которые можно было достать сейчасъ же — подъ рукою. Что нужно сначала сдѣлать — вышлетъ тебѣ немедленно, какъ только будетъ готово. Мейеры общали

поторопиться. Для отдѣлки я совѣтую взять тебѣ чернаго, а не одноцвѣтнаго тюля. Если же ты хочешь, чтобъ было непрѣмьно по твоему, пожалуйста, не замедли увѣдомить.

„Все прочее, душка, о чемъ ты говоришь въ своемъ письмѣ — открыто или намеками, — глубоко меня опечалило, признаюсь тебѣ. Что я скромна, какъ могила, — въ этомъ ты, конечно, можешь быть увѣрена. Отъ мужа у меня нѣтъ никакихъ тайнъ, но и ему я не проронила ни словечка о томъ, что ты пишешь, хотя ему, какъ ты знаешь, и безъ того извѣстно твое положеніе. Когда было получено твое письмо, онъ сію же минуту спросилъ: „ну что о братѣ, ничего нѣтъ, а?“ Ты сама знаешь, какъ онъ живо интересуется всѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ Отто. Напрасно ты, мой другъ, думаешь, что мужъ мой ненавидитъ Отто. Уже не говоря о томъ, что такой добрый человѣкъ никого не можетъ ненавидѣть или даже преслѣдовать, — вѣдь Отто все-таки ему братъ, хоть бы только отъ одного отца, а не отъ матери моего мужа, скончавшейся очень рано. Но въ его чувствахъ къ Отто это не дѣлало ни малѣйшей разницы. Мужъ мой руководилъ его воспитаніемъ и — говоря совершенную правду — не побоялся никакихъ пожертвованій, чтобы приготовить Отто блестящую карьеру, которую Отто могъ бы сдѣлать еще и теперь, если бы съ большимъ постоянствомъ захотѣлъ развить свои богатые природныя способности. Мой Генрихъ нисколько не виноватъ въ томъ, что Отто, хватаясь то за то, то за другое, сдѣлался наконецъ посмѣшищемъ людей. Мужъ мой взялъ его изъ кадетскаго корпуса вовсе не для того, чтобы помѣшать ему сдѣлаться порядочнымъ офицеромъ. Напротивъ, для болѣе всесторонняго развитія, Отто долженъ былъ сначала путешествовать. А послѣ того онъ могъ съ большимъ успѣхомъ начать свою служебную карьеру. Что же вышло?.. Когда уже нельзя было болѣе откладывать поступленія на службу, онъ служитъ два года и чуть добравшись до чина лейтенанта переходитъ въ дипломатическую службу, для которой у него не было никакихъ необходимыхъ условій — ни древней аристократической породы, ни денегъ, ни привычки къ повиновенію, къ слѣпой дисциплинѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Генрихъ. И вотъ нашъ Отто бросаетъ и это поприще, такъ что, думая о немъ, всегда задашься вопросомъ: „ну, что-то будетъ дальше“. Еще недавно мой Генрихъ, въ справедливой до-

садѣ на Отто, сказалъ: „онъ будетъ дрессировать лошадей, конкурировать на скачкахъ и жить насчетъ изломанныхъ реберъ своихъ жокеевъ.“

„Знаю, душка, Ядвига, что я рассказываю тебѣ весьма неприятныя вещи, потому что ты его .. нѣтъ, не напишу я этого рокового слова, которое ты, къ моему ужасу, произносишь такъ смѣло и болѣе десяти разъ повторяешь въ твоёмъ послѣднемъ письмѣ!.. Умоляю тебя, милая моя, добрая моя, борись съ этою ужасною фантазіей, которою ты всёхъ насъ приводишь въ отчаянье. О томъ, что тебѣ хочется развестись съ Бернгардомъ—ты сама уже писала къ Генриху, прося у него совѣта, какъ тебѣ поступить въ этомъ случаѣ. Ради кого ты хочешь сдѣлать этотъ ужасный шагъ—Генрихъ еще не знаетъ, но крайней мѣрѣ, показываетъ видъ, будто не знаетъ; но онъ отгадываетъ все чутьемъ и глубоко скорбитъ при мысли, что мы какъ будто помогали сдѣлать твоего мужа несчастнымъ! Мужъ мой говоритъ, что Бернгардъ въ брачномъ договорѣ, заключенномъ съ твоимъ отцомъ, имѣлъ глупость отказаться отъ твоего состоянія, если бы ты умерла бездѣтною, и даже — какъ увѣряетъ Генрихъ—въ случаѣ развода, произошелъ ли онъ по твоей или по его винѣ. Видишь ли, какъ велика была любовь Бернгарда къ тебѣ, какъ сильно было желаніе этого гордаго чловѣка сломить всё препятствіе къ браку и даже съ какою деликатностью онъ успокоилъ опасенія твоихъ родителей, полагавшихъ, можетъ быть, что онъ добивается только твоего богатаго приданого!..“

„Да и какое же право ты имѣешь сдѣлать Бернгарда безгранично несчастнымъ, покрыть его позоромъ передъ цѣлымъ свѣтомъ?..“

„Вмѣстѣ съ рукой ты принесла ему огромное состояніе и вы зажали на большую ногу, какъ прилично имени древняго, знаменитаго графскаго рода, хотя и утратившаго свой прежній блескъ. Говоря откровенно, я знаю твоего мужа слишкомъ мало, чтобы судить, счумѣетъ ли онъ довольствоваться тою законною частью твоего состоянія, которая будетъ ему назначена въ случаѣ разрыва между вами. Конечно, онъ не будетъ имѣть тогда возможности такъ страстно предаваться охотѣ, новымъ постройкамъ, собранію коллекцій и другимъ своимъ любимымъ прихотямъ. Смотринисходительно на эти прихоти, дитя мое! Ста-

райся примириться съ его характеромъ—вѣдь ты предъ божьимъ алтаремъ влялась ему въ вѣрности и супружескомъ повиновеніи! Я не могу тебѣ, для примѣра, указывать на мою собственную супружескую долю: я — счастливѣйшая жена и мать въ цѣломъ свѣтѣ и, обладая полной любовью моего Генриха, могла бы даже обойтись безъ дѣтей, составляющихъ мою радость и блаженство. Но я знаю также, что есть много женщинъ, которымъ судьба не дала счастья въ бракѣ и которыя, однако, все-таки примиряются съ своимъ положеніемъ. Не скажу, конечно, чтобы любовь—это великое чувство, облагораживающее и согревающее цѣлаго человѣка—была такая вещь, безъ которой такъ или иначе можно привыкнуть обходиться. Но эта „безымянная истома“, которую ты характеризуешь состояніе твоей души, эта потребность твоего сердца найти исходъ только въ высшихъ радостяхъ любви—дѣйствительно ли чисты такіе помыслы, свободны ли они отъ некрасиваго, земнаго, грѣшнаго эгоизма?... Я легко могу узнать несчастныхъ, но честно мыслящихъ женщинъ—я встрѣчаюсь съ ними такъ часто! Знаю я также и несчастныхъ мужей, обманувшихся въ своемъ выборѣ. Но почти всѣ они мирятся съ своей судьбою и даже находятъ средства превозмочь самихъ себя и, взаимнѣй восторговъ въ любви, доставлять себѣ другія утѣшенія и радости. Одного утѣшаетъ строгое исполненіе своего служебнаго долга, другого — удовлетворенное честолюбіе или счастливо нажитый капиталъ, третій находитъ вознагражденіе въ болѣе возвышенныхъ стремленіяхъ — въ сознаніи, что онъ заслужилъ признательность многихъ бѣдныхъ людей, въ жертвованіяхъ для общепользныхъ цѣлей. Кому приходилось отирать слезы нищеты или облегчать страданія недужныхъ, — тотъ немного говоритъ о своихъ собственныхъ невзгодахъ, о слезахъ, съ которыми онъ похоронилъ счастье своей жизни. Искусства, сокровища образованія также доставляютъ людямъ очень часто большое утѣшеніе. Вотъ, наприѣръ, рядомъ съ нами живетъ какая-то сосѣдка — страстная любительница музыки: бренчитъ себѣ цѣлый божій день... Генриха это страшно сердитъ. Но я часто говорю ему: да пусть себѣ играетъ, бѣдненькая! Ты посмотри, какого несноснаго мужа послала ей судьба!... Вотъ, кажется, ужъ какъ богатъ,—а молоденькой женѣ его нѣтъ счастья: дѣлать не-

чего, она вотъ то рисуетъ, то играетъ изо дня въ день... Ты пишешь также, дунка Ядвига, о какомъ-то магнетическомъ трепетѣ и говоришь, что его никогда не вызывалъ въ тебѣ твой мужъ, тогда какъ, напротивъ, къ моему beau frère ты, будто бы, никогда не могла приближаться безъ какой-то непостижимой дрожи, безъ особеннаго чувства, которому ты не можешь прибрать и названія. Не помню, дитя мое, гдѣ это мнѣ случилось читать недавно, что мы должны остерегаться этихъ „безъимянныхъ“ ощущеній! Всякое дѣйствительно хорошее человѣческое чувство должно имѣть свое честное названіе. Мы должны съ совершенной ясностью и отчетливостью сознавать, что именно мы чувствуемъ, а иначе рискуемъ бродить межъ блуждающихъ огней. Какіхъ прочныхъ заблужденій стоили эти безъимянные галлюцинаціи въ религіи! Точно также и въ любви необходимо знать, почему мы любимъ. Тутъ нужно знать, что мы именно любимъ человѣка за его характеръ, извѣданную честность, за его геройское стремленіе къ своей собственной жизненной цѣли и къ благу близкихъ къ нему людей—однимъ словомъ, человѣка, увѣющаго любить ближняго добрымъ и честнымъ сердцемъ.

„Но имѣешь ли ты эту увѣренность относительно Отто?.. Не хочу бросать камень въ моего рождественника. Но спроси, что говорятъ о немъ люди! Попробуй узнать сама, кто захочетъ дать о немъ какую бы то ни было ясную и, въ глазахъ всякаго, добронпорядочную рекомендацію...“

„Вѣрю, мой другъ, Ядвига, ты хотѣла бороться сама съ собою! Весь прошлый зимній сезонъ не могъ развеселить тебя. Единственною радостью для тебя на мясной было—вздѣтъ въ театрѣ съ Отто, встрѣчаться съ нимъ на концертахъ и въ театрахъ или даже тапцовать съ нимъ. И однако ты все это оставила съ твердымъ нахѣреніемъ возвратиться къ своему долгу. И на тебя находили минуты, когда ты отдавала справедливость заботливости о тебѣ Бернгарда и между прочимъ хвалила его за то, что онъ въ извѣстной степени не стѣснялъ твоей свободы. Онъ съ большимъ усердіемъ приготовилъ къ твоему пріѣзду комнаты въ Hôtel-Garni и затѣмъ уже обратился къ своимъ любимымъ занятіямъ. Послѣ того, какъ ты такъ неудачно составила программу твоего перваго зимняго сезона въ столицѣ, мужъ твой

самъ принялъ на себя эту задачу для второй вины, выучилъ тебя правильно распоряжаться временемъ, распредѣлять визиты; мой мужъ считалъ бы себя счастливымъ, если бы во многихъ своимъ хорошимъ качествамъ, которыя я въ немъ цѣню, присоединялъ любовь къ порядку, такъ какъ въ этомъ отношеніи онъ, по его собственнымъ словамъ, долженъ краснѣть передъ моимъ практическимъ смысломъ. Почему бы тебѣ не оставаться твердо при своемъ намѣреніи и не вырвать съ корнемъ изъ своего сердца несчастную страсть къ Отто? Отчего ты не хочешь твердыми, рѣшительными шагами идти далѣе по пути добрыхъ намѣреній, зачѣмъ тебя такъ тяготитъ обѣщаніе Отто никогда не писать къ тебѣ? Теперь ты хочешь ему вернуть назадъ данное имъ слово! О, вспомни, какихъ мучительныхъ тревогъ будетъ стоить тебѣ эта переписка, когда ты съ жадностью будешь хватать эти роковыя письма, трусливо озираясь вокругъ, и когда ихъ будетъ вручать тебѣ, можетъ быть, самъ мужъ съ словами: „прочти-ка, что тамъ пишетъ тебѣ Отто Фернау!“ Вѣдь это будетъ для тебя все равно, что ножъ въ сердце—вся кровь бросится въ лицо... Если же ты будешь просить Отто писать измѣненнымъ почеркомъ или подъ ложными адресами, и сдѣлаешься чрезъ это рабою соумышленника, даже будешь зависѣть отъ скромности прислуги—неправда ли, какое это будетъ пріятное положеніе! Нѣтъ, душка, не дѣлай ты этого или, по крайней мѣрѣ, не требуй, чтобы я взяла на себя роль посредницы и содѣйствовала этой несчастной интригѣ. Напрасно ты, мой другъ, стараешься вѣжливо упросить меня, даже заклиная всѣми правами и обязанностями дружбы, чтобы я сдѣлалась для тебя закулисной пособницей и запечатывала вмѣстѣ съ моими къ тебѣ письмами также письма Отто въ вашъ замокъ. На все это я должна отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ. Да притомъ Отто совсѣмъ у насъ не бываетъ. Хотя ты увѣряешь съ такою настойчивостью, будто Отто помираетъ съ тоски по тебѣ, мнѣ, однако, весьма жаль, что я не имѣю подъ руками никакихъ источниковъ, чтобы подтвердить или опровергнуть это извѣстіе. Слышала только, что онъ страстно занятъ лошадьми, посѣщаетъ Jockey Club и снѣшитъ оправдать на дѣлѣ пророчество моего мужа.

„Прости меня, милая моя, если въ этихъ строкахъ я не ска-

зала тебѣ ничего пріятнаго. Но именно потому, что я тебя горячо люблю, мнѣ и не хочется льстить твоей слабости. О, если бы ты могла надѣяться быть матерью!.. Какъ бы это могло повести къ вашему примиренію! Прощай, моя добрая, дорогая сестра! Пиши ко мнѣ какъ можно скорѣе, но сожги это письмо со всѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ этой несчастной исторіи! Умоляю тебя—брось сію же минуту эти строки въ огонь!.. Не забудь же, пожалуйста! Вѣчно любящая тебя и преданная всею душой Линда“.

Эта просьба насчетъ сожженія письма была ненужна.

Въ каминѣ пылающіе угли еще не успѣли погаснуть.

Всѣ эти мудрые совѣты внушали графинѣ, повидимому, глубочайшее презрѣніе,—и письмо подруги въ первую же минуту легло на раскаленной рѣшеткѣ, вспыхнуло пламенемъ и разсыпалось мелкимъ пепломъ. Графиня схватила даже раздувательный мѣхъ, покрытый позолотой и китайской живописью, — и стала еще болѣе ускорять работу пламени, уничтожившаго въ одну секунду эту апологію тѣхъ возрѣній, съ которыми графиня была намѣрена разойтись такъ отважно.

Другая, на ея мѣстѣ, пожалуй, стала бы обвинять подругу въ холодномъ, безучастномъ эгоизмѣ, въ ревнивомъ желаніи приберечь для себя сердце хорошенькаго, молодого зятя, и на совѣтъ бороться съ непреодолимымъ чувствомъ разразилась бы дикимъ хохотомъ, потомъ принялась бы мѣрять комнату взадъ и впередъ, бросилась бы на кушетку и погрузилась бы въ цѣлый омутъ мысленныхъ комбинацій или нашла бы какойнибудь одинъ прямой путь къ положительной развязкѣ, какъ казалось, уже почти имѣвшейся въ виду въ настоящемъ случаѣ. Но графиня Ядвига старалась удалить отъ себя всѣ мучительныя мысли. Она стала прислушиваться къ разгвѣду гостей своего мужа—къ ихъ громкому смѣху, прощаніямъ, розыскамъ дождевыхъ зонтиковъ, вызовамъ кучеровъ и лакеевъ, посреди бѣшенаго собачьяго лая. До сихъ поръ она не полюбопытствовала узнать, кто да кто именно были эти гости.

Теперь она объ этомъ сама сожалѣла. Тонъ прощанья принявъ вдругъ довольно оригинальный характеръ и перешелъ въ какой-то

споръ, въ очень энергическую перебранку. Громче всего раздавался яростный голосъ ея мужа.

— Постой, негодай! кричалъ этотъ голосъ:— ты что это вздумалъ, потѣшаться надъ нами, а? Постой-ка...

И все опять стихло. Только вокругъ замка завывала непогода, и дождь съ неровными остановками стучалъ въ высокія окна. Сточныя трубы низвергали съ крыши шумящія водопады на мощный дворъ замка.

Графиня старалась отгадать, кто изъ слугъ могъ вызвать эту вспышку негодованія.

Потомъ, казалось, опять послѣдовали возраженія. По крайней жѣрѣ такъ надо было заключить по новому взрыву графской ярости.

— Что такое, служить не хочешь, а? Служить не хочешь?! Я тебя, подлець ты эдакій, не отпущу, пока самъ не пожелаю, пока самъ не выгону... Небось, уймешься у меня!.. Вотъ также, какъ не выпущу тебя изъ подъ колѣна, пока не будетъ на то моей милости...

Еще никогда графиня не думала, чтобы графъ былъ способенъ приходить въ такое сильное раздраженіе. Она знала его упрямый характеръ, боялась ему противорѣчить, но никогда еще не видала, чтобы онъ, въ порывѣ досады, давалъ волю своимъ кулакамъ! Это ее нешутя встревожило. Если, какъ надо было догадываться, виною всей тревоги былъ егеръ Вюльфингъ, имѣвшій обыкновеніе класть на столъ свой охотничій ножъ, когда помогаль прислуживать, — то исторія эта могла окончиться весьма скверно. Правда, чьи-то незнакомые графинѣ голоса всячески старались прекратить эту сцену, происшедшую въ корридорѣ передняго фасада зданія, возлѣ большой пріемной залы. Отворенныя настежь двери большого балкона, находившагося въ этой залѣ, позволяли графинѣ слышать каждое слово, кромѣ возраженій слуги, повидимому, заключившихся только въ мимикѣ.

Графиня опять отворила дверь своей комнаты, вышла въ переднюю, потомъ въ корридоръ, проходившій кругомъ по всему зданію.

На небольшой лѣстницѣ, которая вела въ кухню и другія хозяйственныя отдѣленія дома, графиня застала всю прочую домашнюю челядь обонхъ половъ, сбѣгавшуюся впопыхахъ; всѣ съ тре-

потомъ прислушивались къ шуму, дѣвушки произительно взвизгивали, госпожѣ Деренбахъ угрожалъ обморокъ, такъ какъ въ это самое мгновеніе поднялась какая-то возня—точно сердитая свалка или кулачная расправа, сопровождаемая бѣшеннымъ крикомъ графа.

— А вотъ погоди-ка, я тебѣ, канальѣ, покажу, что ты не выйдешь изъ-подъ моей ноги!.. Должно быть, графъ повалилъ своего противника на землю.

И въ тоже время одинъ изъ слугъ выбѣжалъ съ огромнымъ охотничьимъ ножомъ на широкомъ тяжеломъ ремнѣ, очевидно, для того, чтобъ припрятать опасное оружіе.

— Это Вюльфингъ! пояснили графинѣ присутствующіе, въ смертельномъ испугѣ.

Не прошло, можетъ быть, и одной секунды — вдругъ выбѣгаетъ егеръ въ изорванномъ ливрейномъ сюртукѣ, весь выпачканный, съ растрепанными волосами, страшно блѣдный и словно помѣшанный, — насколько все это можно было различить въ сумрачномъ полусвѣтѣ. Сначала онъ быстро пустился бѣжать по корридору, очевидно, стараясь нагнать слугу съ большимъ ножомъ, потомъ, весь шатаясь, прислонился къ стѣнѣ, сталъ ощупывать всѣ предметы вокругъ себя, какъ бы отыскивая дверь, и затѣмъ опять остановился, точно собираясь вернуться назадъ. Но вдругъ, какъ подстрѣленный звѣрь, бросился онъ къ маленькой лѣстницѣ, гдѣ вся столпившаяся дворня разсыпалась въ стороны, кто куда могъ. Графиня также поспѣшила уйти. Увидя ее, охотникъ вскричалъ съ безмысленнымъ хохотомъ:

— Побилъ!... повалилъ на землю!... Меня топтать... ног.... Но слова остановились у него въ горлѣ.

Графиня опять собралась съ духомъ. Она увернулась только отъ перваго столкновенія съ разсвирѣпѣвшимъ охотникомъ, и теперь весь прочій персоналъ прислуги долженъ былъ почти силою помѣшать, чтобы она не заграждала дороги Вюльфингу, лонившемуся впередъ со всѣмъ слѣпымъ остервененіемъ дикаго звѣря.

Возвратившись къ себѣ въ комнату съ сильной дрожью во всемъ тѣлѣ, графиня узнала содержаніе всего скандала отъ госпожи Деренбахъ, которая, сама не успѣвъ очнуться отъ переполоха, говорила въ очень безсвязныхъ словахъ; но послѣ нея гораздо

толковѣе передавали исторію эту горничная, потомъ поварь и садовникъ, послѣдовавшіе за женщинами. Дѣло было въ томъ, что Вюльфингъ уже цѣлый вечеръ держалъ себя словно какой угорѣлый. Получивъ откуда-то письмо, онъ то и дѣло, что ругался, топталъ ногами и бормоталъ сквозь зубы. Прислуживалъ онъ безъ всякаго вниманія: вывернуть, наприжѣрь, блюдо съ кушаньемъ прямо на платье графа. Это не только его не пристыдило, но даже на выговоръ графа онъ сталъ бормотать подъ носъ какія-то дерзости. Потомъ, когда гости стали прощаться, онъ перепуталъ плащи и шинели; наконецъ теперь, когда два господина должны были заночевать въ замкѣ, и графъ приказывалъ этому егерю хорошенько имъ прислуживать, подать огня въ назначенныя для нихъ комнаты — Вюльфингъ пробормоталъ что-то съ досадою — что именно, на этотъ счетъ показанія были несходны.

При этомъ случаѣ графиня узнала также, кто именно былъ въ гостяхъ у ея мужа. Два господина, желавшіе здѣсь заночевать, были: одинъ изъ нихъ — сынъ медицинскаго совѣтника Штаудтнера изъ Висбаха, одного изъ ближнихъ городовъ, другой былъ какое-то духовное лицо, имени котораго никто не могъ сказать. Ихъ обоихъ графъ привезъ, будто бы, изъ своей охотничьей экспедиціи. Къ этому повѣствованію о какой-то за достовѣрно неизвѣстной дерзости Вюльфинга, такъ сильно разсердившей графа, постоянно приплетался почему-то содержатель трактира подъ вывѣскою „Большого Кетла“, на такъ называемомъ Лѣсномъ-Поворотѣ. Находясь посреди лѣса, заведеніе это пользовалось тѣмъ не менѣе хорошей репутаціей между охотившеюся аристократіей и служило сборнымъ мѣстомъ для гастрономовъ изъ окрестной знати и высшей буржуазіи. Поэтому графиня полагала, что одинъ изъ оставшихся ночевать въ замкѣ былъ зять трактирщика — молодой духовный, по имени Нессельборнъ. Вѣроятно, графъ хотѣлъ показать имъ своимъ свои коллекціи, такъ какъ это удобнѣе было сдѣлать при дневномъ свѣтѣ. Всѣ показанія были вообще сходны въ томъ, что дерзкій Вюльфингъ сказалъ, будто бы, въ пику этимъ буржуазнымъ

гостямъ: „не велики господа, и сами себя прислужать“. Это или нѣчто подобное было намекомъ на содержателя трактира.

Разужьется, по мнѣнію всѣхъ, сообщавшихъ эту реляцію, Вюльфингъ былъ кругомъ виноватъ. Только горничная Даритгъ, должно быть, хорошо знала, что сіятельные супруги жили не совѣмъ въ ладахъ, или, быть можетъ, она руководилась какими нибудь особенными соображеніями, чтобы позволить себѣ вернуть замѣчаніе, что она „не могла также понять, что случилось съ графомъ“, послѣ чего дѣвушка ушла, навѣрное желая посмотреть, куда дѣвался красивый, стройный, молодцоватый охотникъ.

Все опять стихло. Послѣ карнавала, проведеннаго въ столицѣ, графиня Ядвига жаловалась на болѣзнь или, по крайней мѣрѣ, на сильное расстройство, и потому спала одна въ занимаемомъ ею флигелѣ. Ей, пожалуй, и очень бы хотѣлось отправиться на половину графа и попросить его успокоиться.... Но она превозмогла въ себѣ этотъ порывъ участія.... За воротами по прожнему бушевала буря. Ставни и неплотно приставленные маркизы хлопали и стучали у оконъ; на башенныхъ вышкахъ крыши скрипѣли флюгера. Огни въ комнатахъ и корридорахъ были погашены. Графиня Ядвига отдалась покою тѣмъ охотнѣе, что нынѣшній случай ужаснулъ ее новыми, до сихъ поръ какъ будто дремавшими сторонами въ характерѣ мужа, и нагналъ цѣлый рой новыхъ тревожныхъ мыслей; съ другой стороны Вюльфингъ напомнилъ ей недавняго спутника, который могъ явиться въ замокъ Вильденшвертъ и открыть всѣмъ, что она и не думала быть въ домѣ нейнкирхенскаго пастора.

(Продолженіе будетъ.)

ЖЕНСКИЙ ТРУДЪ И ВОЗНАГРАЖДЕНІЕ ЕГО.

(Think und act. A Series of articles pertaining to men and women, work and wages. By Virginia Penny. Philadelphia. 1869.)

I.

Въ концѣ прошлаго сентября американское «Общество женскаго труда», основанное въ 1852 году, устроило громаднѣйшій митингъ въ городѣ Балтиморѣ. На этомъ митингѣ присутствовали всѣ лучшіе представители американской интеллигенціи, всѣ замѣчательныя женщины, занимающія видное общественное положеніе — медики, натуралисты, астрономы и педагоги; тутъ были многіе вліятельныя фабриканты, европейскіе путешественники, простые работники, сидѣвшіе рядомъ съ милліонерами. Обширная зала бальтморскаго клуба и хоры ея были до того наполнены посѣтителеми, что многіе изъ нихъ не находили себѣ мѣста во время вечернихъ засѣданій. Цѣль этого митинга состояла въ томъ, чтобы представить сжатый, но точный обзоръ всей дѣятельности американскаго общества по женскому вопросу со всѣми практическими результатами ея и предложить на обсужденіе слѣдующія задачи: какія отрасли частнаго и общественнаго труда можно обезпечить исключительно за женщинами и какими средствами достигъ этого обезпеченія? Какимъ минимумомъ опредѣлить задѣльную плату женщины въ различныхъ мѣстностяхъ и сферахъ труда и, наконецъ, какими дѣйствительными мѣрами замѣнить бесполезныя филантропическія учрежденія и уничтожить женскій науперизмъ въ самомъ источникѣ его? Какъ самая важность вопросовъ, предложенныхъ собранію, такъ и интересъ, возбужденный въ публикѣ стеченіемъ умственныхъ знаменитостей, дали митингу торжествен-

ный характеръ. «Мы давно не видѣли, говорить бальтиморскій „Democrat“, такого блистательнаго соединенія въ одномъ пунктѣ ума, честности, литературныхъ и ученыхъ отличій, такого братскаго согласія между самими разнообразными общественными дѣятелями и социальными положеніями. Въ одной залѣ, на одной скамейкѣ сидѣли и бѣдный, и богатый, образованный и человѣкъ темный, житель юга и сѣвера, демократъ и республиканецъ, социалистъ и филантропъ—всѣ они какъ будто забыли на это время различіе нашихъ мѣстныхъ антипатій, убѣжденій и духа партій. Мы давно не слышали такихъ оживленныхъ дебатовъ, полныхъ энергіи ума и оригинальности идей. Засѣданія часто продолжались отъ 8 часовъ вечера далеко за полночь, и слушатели не уставали, дебаты не прерывались. Благодаря тому, что женщины руководили собраніемъ, никто не нарушалъ спокойствія засѣданій, никто не позволилъ себѣ никакой неприличной выходки, хотя тутъ было много и противниковъ женской эманципаціи... Все это ясно показываетъ, что женскій вопросъ стоитъ на очереди своего разрѣшенія. Это одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ современной американской культуры, одинъ изъ двигателей нашей будущей цивилизаціи. Что бы ни говорили защитники женскаго рабства, но они не могутъ отрицать одного, что самая лучшая, самая интеллигентная часть общества не на ихъ сторонѣ, не въ пользу ихъ узкаго и своекорыстнаго консерватизма».

Бальтиморскій митингъ однакожъ не увѣнчался тѣмъ практическимъ успѣхомъ, какого ожидали отъ него. Все, что онъ успѣлъ сдѣлать, — привести въ стройную систему разнообразныя тѣмы по женскому вопросу и раздать дальнѣйшую разработку ихъ нѣсколькимъ членамъ общества, специально посвятившимъ себя этому дѣлу. Нѣтъ сомнѣнія, что къ будущему собранію явится полный трудъ, какого до сихъ поръ еще не было, и женскій вопросъ будетъ освѣщенъ со всѣхъ сторонъ въ его теоретической разработкѣ. Только тогда и можно ожидать смѣлаго и разумнаго практическаго разрѣшенія его. Хорошія идеи прививаются къ жизни не иначе, какъ укрѣпившись прежде въ сознаніи людей, отъ которыхъ зависитъ ихъ осуществленіе.

На бальтиморскомъ митингѣ принимала дѣятельное участіе известная американская писательница Виргинія Пенни. Работая уже давно по женскому вопросу, она приняла на себя трудъ изслѣдовать практическимъ путемъ положеніе американской работницы и представить со временемъ свою работу на разсмотрѣніе Общества.

Отдѣльными главами изъ этого обширнаго труда она недавно напечатала подъ заглавіемъ „Думайте и дѣлайте“ (Think and act), которыми мы, между прочимъ, и пользовались при составленіи этой статьи.

II.

„Политическая свобода Америки, говоритъ Виргинія Пенни, есть конечно великое приобрѣтеніе нашихъ отцовъ, но она не даетъ намъ права успокоиваться на одномъ этомъ приобрѣтеніи; напротивъ, она должна служить постояннымъ стимуломъ для дальнѣйшаго нашего прогресса, средствомъ для развитія экономическихъ силъ и того социальнаго благосостоянія, безъ котораго политическая свобода есть не больше, какъ мертвый капиталъ въ рукахъ голоднаго человѣка. Мы гордимся нашими учрежденіями, но мы часто забываемъ, что на богатой и свободной американской землѣ есть тысячи бѣдныхъ женщинъ, безъ крова, безъ труда и безъ всякаго общественнаго положенія. Если дѣйствительно наши учрежденія вполнѣ совершенны, то такого явленія не должно было бы существовать въ Америкѣ. Одно изъ двухъ—или учрежденія наши дурны — чего я не думаю — или одной политической свободы еще недостаточно для полнаго счастья человѣческихъ обществъ“.

Отправляясь отъ этой точки зрѣнія, мистрисъ Пенни думаетъ, что пока рынокъ труда будетъ монополизированъ въ пользу мужчинъ и закрытъ для женщинъ, экономическое благоденствіе Америки невозможно.

„Благодаря многимъ событіямъ, продолжаетъ Пенни, общественное вниманіе сильно затронуто этимъ предметомъ. Сколько честныхъ и полезныхъ дѣвушекъ осталось безъ дѣла, благодаря послѣдней ужасной войнѣ! Такихъ дѣвушекъ насчитываютъ многими сотнями, даже тысячами. Послѣ страшнаго финансоваго кризиса въ 1857 году многія изъ нихъ остались безъ крова и куска хлѣба. Газета «New York Tribune» по этому поводу говоритъ: «По точнымъ вычисленіямъ болѣе семи тысячъ женщинъ готовятся перекочевать на дальній западъ, такъ какъ здѣшнее общество не хочетъ протянуть имъ руку помощи. Онѣ должны благодарить судьбу уже и за нищенскую подачку».

Женщину можно назвать ни за что ни про что обиженнымъ существомъ, которое получаетъ половинную плату за все, что дѣлаетъ, и должна платить сполна за все, въ чемъ нуждается. Ни въ одной здѣшной гостинницѣ или харчевнѣ (да и нигдѣ—могли бы мы прибавить) для женщины не дѣлаютъ сбавки пяти—десяти процентовъ. Мясникъ, хлѣбникъ, продавецъ чая и сахара, всѣхъ возможныхъ състныхъ припасовъ, всякихъ принадлежностей рукодѣльной работы — всѣ берутъ съ нея самую высокую цѣну. Ни одинъ омнибусъ не посадить ее за половину назначеннаго со всѣхъ сбора. Она зарабатываетъ какъ ребенокъ, а платитъ, какъ взрослый мужчина. Мало того: благодаря своему полу, если не варварскому обычаю, она не можетъ быть принята въ число людей, пользующихся наиболѣе высокимъ заработкомъ. Ея руки, ноги, мозгъ—все связано путями. Предоставляемъ читателю самому поразмыслить, насколько въ этихъ словахъ горькой правды.»

„Люди еще недостаточно размышляли о жалкомъ вознагражденіи женскаго труда или хорошенько не знали, какъ пособить горю. Это—грустное наслѣдіе варварскихъ временъ и варварскихъ народовъ. Я вовсе не дѣлаю намека на моихъ соотечественниковъ, я знаю, что многіе между ними относятся къ дѣлу гуманно и добросовѣстно, отъ души желая, чтобы женщинамъ была оказана справедливость.

«Женщинѣ, для ея содержанія, нужно нисколько не меньше чѣмъ мужчинѣ. Ея костюмъ убыточнѣе. Очень часто хворые, изувѣченные родители нуждаются въ ея помощи, или же въ такомъ положеніи находятся малолѣтнія сироты—братья и сестры. Не будь даже и этой крайности, женщинѣ, не менѣе чѣмъ мужчинѣ, нужно откладывать что нибудь на черный день—на случай болѣзни, неизмѣнныя работы или подъ старость. Зарабатывать насущный кусокъ хлѣба для женщины несравненно труднѣе, чѣмъ для мужчины. Въ присканіи себѣ занятій она не можетъ быть такъ увѣрена, да если и есть работа, то она оплачивается гораздо дешевле.

„Мужчины, по самой природѣ, могутъ обезпечить себя несравненно лучше. Ихъ физическое тѣлосложеніе, условія воспитанія, подготовка къ извѣстной специальности—все это ведетъ ихъ къ болѣе матеріальной самостоятельности. Они, повидимому, строго руководствуются тѣмъ удобнымъ правиломъ, что сила есть право. Почему бы честнымъ и нелицеприятнымъ людямъ въ частныхъ правительствахъ штатовъ не взятыся за этотъ предметъ и не про-

вести законовъ, гарантирующихъ женщинѣ одинаковое вознагражденіе ея труда на равнѣ съ трудомъ мужчины?..

Одинъ нѣмецкій джентельменъ сообщилъ мнѣ, что во всѣхъ странахъ, чрезъ которыя ему пришлось проѣзжать, суточный трудъ мужчины достаточенъ для покрытія дневныхъ расходовъ и даже небольшого сбереженія. Когда-то можно будетъ сказать тоже и о женскомъ трудѣ!

Отношеніе между женскимъ и мужскимъ заработкомъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности труда составляетъ отъ одной трети до половины. Родъ занятія имѣетъ нѣкоторое вліяніе на эти различія. За одно и то же дѣло, за которое мужчина выручилъ одинъ долларъ, женщины предлагаютъ только отъ шестнадцати и двухъ третей до пятидесяти центовъ. Въ среднемъ выводѣ отношеніе будетъ отъ одной трети до половины.

„Главнѣйшими причинами этихъ различій въ задѣльной платѣ можно считать значительное число женщинъ, прикованныхъ къ труду необходимостью, ограниченный кругъ занятій, къ которымъ допускаются женщины, благодаря предрасудкамъ, протесту рабочихъ-мужчинъ и самой женской неподготовкѣ, наконецъ характеръ занятій, при которыхъ можно обойтись безъ женщинъ, такъ какъ занятія эти, по большей части, производятся внѣ дома. На *хлопчатобумажныхъ* фабрикахъ самое высокое вознагражденіе даетъ женщинамъ *ткацкая* работа, сравнительно со всѣми другими отраслями этой индустріи. Но и здѣсь женскій заработокъ рѣдко превышаетъ половину выдаваемой мужчинамъ платы. На фабрикахъ *шерстяныхъ* издѣлій женская задѣльная плата еще выгоднѣе, хотя *ткацкая* работа здѣсь труднѣе. На *металлическихъ* заводахъ плата женщинамъ составляетъ отъ одной шестой до одной трети мужского заработка.

„Справедливаго вознагражденія женскаго труда мы не видимъ еще ни въ одной странѣ. Мнѣ случилось слышать отъ одного фабриканта, что главная причина недостаточнаго вознагражденія женскаго труда заключается въ томъ, что женщины неспособны достигать такого полнаго навыка и совершенства въ своемъ дѣлѣ, какъ мужчины. Но тѣмъ не менѣе онъ соглашался, что женщинамъ платятъ все-таки несоразмѣрно съ приносимую пользу. Другой патронъ сказалъ мнѣ: «мы платимъ мужчинамъ лучше потому, что они умѣютъ справиться съ машинами, когда тѣ приходится въ беспорядокъ во время работы. Ну, да вѣдь и женщины сѣмѣли бы это сдѣлать, если бы были выучены, и я отъ души

желаю имъ влучиться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я-сильно сомнѣваюсь, чтобы умѣнье приводить въ порядокъ машины, уравнило женскій заработокъ съ мужскимъ.»

„Когда женщины и мужчины работаютъ вмѣстѣ въ одномъ и томъ же заведеніи, то женщинамъ вовсе не даютъ самую легкую, наименѣе вредную для ихъ здоровья и наиболѣе пріятную работу. Намъ стоитъ только указать на фабрики *хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ* издѣлій, на *металлическіе* заводы, на *каменноугольную* копю; нѣтъ, женщинамъ достается всегда *самая тяжелая, скаредно-оплачиваемая и нездоровая работа. Домовой трудъ и нищенская подачка*—вотъ на что обречены работающія женщины. И пока это будетъ продолжаться, бѣдности и страданіямъ не будетъ конца...

Мы могли бы указать многія причины, почему женщины въ Соединенныхъ Штатахъ не составляютъ, подобно мужчинамъ, рабочихъ стачекъ и не требуютъ увеличенія задѣльной платы: многія изъ этихъ женщинъ еще совершенно невѣжественны, другія не могутъ жертвовать временемъ и деньгами, ниня совершенно отчаяваются въ томъ, что этой мѣрой можно добиться желаемыхъ результатовъ; нѣкоторые руководятся ложнымъ стыдомъ, полагая, что это неприлично женщинамъ. Но главная причина заключается въ томъ, что между ними нѣтъ никого, кто бы могъ ими руководить и на кого онѣ могли бы положиться. Здѣсь кстати замѣтимъ, что несправедливость въ опредѣленіи задѣльной платы женскаго труда нигдѣ такъ рѣзко не бросается въ глаза, какъ въ женской педагогической дѣятельности. Въ американскихъ сельскихъ школахъ большинство учителей состоитъ изъ женщинъ; фактически доказано, что это самые способные и усердные воспитатели американскаго юношества, и несмотря на то, женщина-учитель получаетъ вдвое меньше мужчины, хоть бы этотъ послѣдній былъ также вдвое хуже ея. Какое вліяніе оказываетъ эта несправедливость на нравственное состояніе современной женщины — это мы знаемъ изъ отношенія счастливыхъ браковъ къ несчастнымъ. Если многими женщинами, добивающимися замужества, руководитъ обманъ, то вѣдь тѣмъ же платятъ имъ и мужчина, назначая половинную плату за ея мускульный и умственный трудъ.

„Если бы женщинамъ платили лучше, то это, винуило бы имъ большее самоуваженіе, а вмѣстѣ съ самоуваженіемъ возникло бы желаніе поселить къ себѣ уваженіе и въ другихъ, и желаніе это могло бы осуществиться для нихъ легче.

„Мужчины начинаютъ учиться тому или другому занятію очень рано. Женщины же, по большой части, прибѣгаютъ къ нему уже вслѣдствіе необходимости и не имѣютъ времени къ достаточной подготовкѣ. Рѣдко женщины посвящаютъ на изученіе какого нибудь практическаго дѣла болѣе полугода. Многие, пожалуй, могутъ замѣтить, что женщины получаютъ плату, соразмѣрную съ ихъ умѣньемъ. До нѣкоторой степени это, быть можетъ, и справедливо, но именно только до нѣкоторой степени. Употребивъ безъ году недѣлю на ознакомленіе съ какимъ нибудь дѣломъ, и при незначительной на то затратѣ, женщина и не въ правѣ ожидать вознагражденія наравнѣ съ тѣмъ, кто убилъ для того цѣлѣе годы труда, при значительныхъ пожертвованіяхъ. Мы говорили, что женщины, умѣющія шить не хуже мужчинъ, получаютъ почти одинаковую съ ними плату въ нѣкоторыхъ немногихъ отрасляхъ этого мастерства. Но это исключеніе. — Не получать всей честной платы за свой посильный трудъ, конечно, очень грустно, особенно для матери, у которой голодная семья проситъ хлѣба.

Женщинамъ не достаетъ моральной и умственной бодрости. Онѣ принимаютъ за свой трудъ то, что имъ дадутъ мужчины, нисколько не соображая, достаточное ли это вознагражденіе. Онѣ чувствуютъ, что требовать увеличенія платы значить то же, что дѣлать противъ непреодолимой стѣны. Въ частныхъ случаяхъ это, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ невозможно при настоящемъ порядкѣ вещей, но если бы женщины дружно соединились и стали добиваться своей цѣли *серьезно, настойчиво* и въ духѣ *общихъ интересовъ*, то непреодолимая стѣна рушилась бы сама собой.

Если бы женщины были лучше подготовлены въ дѣлу, то не чувствовали бы необходимости вступать въ бракъ только ради пристанища, потому что легче могли бы найти себѣ занятіе и подняли бы уровень своей задѣльной платы.

Какъ благотворно дѣйствуетъ экономическая независимость женщины на семейную жизнь — это мы узнаемъ изъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ другою американкою г-жею Бреддонъ въ ея „Очеркахъ женскаго пролетаріата.“ На десять семействъ, гдѣ женщина обезпечена въ своей жизни независимо отъ мужа; не болѣе одного приходится такого, гдѣ взаимныя отношенія супруговъ отравлены разными житейскими дразгами; если въ этихъ семействахъ нѣтъ рая, то нѣтъ и ада. Напротивъ въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ женщина матеріально вполне зависитъ отъ своего мужа, одна счастливая жизнь приходится на девять несчастныхъ. Такимъ образомъ рас-

ширеніе границъ дѣятельности для женщинъ и болѣе справедливое вознагражденіе ихъ труда должно повліять на нравственное состояніе брака и семейства. Но напрасно филантропы думаютъ, что ихъ проповѣди могутъ такъ растрогать фабрикантовъ и капиталистовъ, что они сами вдругъ поднимутъ задѣльную плату женщинъ и водворятъ гармонию и миръ на земномъ шарѣ. Если бы они и захотѣли это сдѣлать, то не могли бы.

Нелишнимъ считаемъ указать нашимъ читателямъ на очень умную французскую книгу, изданную подъ заглавіемъ: «Женщина въ ея социальномъ положеніи. Женскій трудъ и вознагражденіе». Авторъ этой книги, Ж. Бупе-де-Пертъ, приводитъ очень важные факты и сообщаетъ многія дѣльныя мысли. «Втеченіе многихъ лѣтъ, даже вѣковъ, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — ошибки и злоупотребленія постоянно накопились въ торговлѣ, въ мануфактурной дѣятельности, во всѣхъ сферахъ труда. Простому обычаю придается теперь значеніе права, или, скорѣе, никто не хлопочетъ о разслѣдованіи, хорошо ли то или другое и не можетъ ли быть измѣнено къ лучшему. Конкуренція между владѣльцами фабрикъ достигла такихъ размѣровъ, что многіе изъ нихъ говорятъ: мы съ полной охотой стали бы платить нашимъ рабочимъ больше, да не можемъ. Другіе продаютъ, положимъ, по такой-то цѣнѣ; если мы будемъ не въ состояніи изготовлять товары лучшей доброты по той же цѣнѣ или тѣ же товары за болѣе умѣренную цѣну, то вѣдь и продавать-то намъ будетъ нельзя. Во всякомъ случаѣ, мы ужь никакъ не можемъ продавать товары одинаковаго качества дороже нашихъ сосѣдей и потому, безъ убытка самимъ себѣ и совершеннаго раззоренія въ окончательномъ результатѣ, мы не можемъ платить больше нашимъ рабочимъ.» Это совершенно резонно. Въ такихъ случаяхъ и въ подобныя времена мы совершенно оправдываемъ вмѣшательство и принудительныя распоряженія правительства. Но такъ какъ это орудіе обоюдо острое, то о поправленіи дѣла и поднятій платы должны позаботиться сами рабочіе. Еще лучшею мѣрою, скажемъ мы отъ себя, представляется намъ учрежденіе кооперативныхъ обществъ. Недостаточное вознагражденіе за трудъ составляетъ задачу, быстро разрѣшаемую временемъ и обстоятельствомъ. Во многихъ европейскихъ странахъ мы видѣли уже грустныя и ужасныя примѣры такого рѣшенія. Какое терпѣніе, какое обузданіе самого себя, какая выносливая натура нужны для того, чтобы жить подъ систематическимъ угнетеніемъ и несправедливостью! Многіе, находясь въ такомъ положеніи, долго затруд-

няются выборомъ между нуждою и порокомъ. Между обезпеченными людьми очень немногіе понимаютъ, что значить терпѣть недостатокъ въ самомъ необходимомъ, и оттого немногіе способны знать, сколькимъ соблазнамъ подвергаетъ человѣка неумолимая нужда!.

Если бы для женщинъ былъ открытъ болѣе обширный кругъ занятій, то это поставило бы ихъ самостоятельнѣе въ денежномъ отношеніи, значительно противодействовало бы нищетѣ и невоздержности.

Наконецъ, это служило бы лекарствомъ и противъ другой, еще болѣе ужасной язвы, неизбежно ведущей людей въ нравственному банкротству и смерти.

Платить женщинамъ лучше за ихъ трудъ значить поднять ихъ въ общественномъ уваженіи. Результатъ будетъ благодѣтеленъ не только для самихъ рабочихъ—въ матеріальномъ и общественномъ отношеніи—но будетъ благодѣтельно отражаться на всемъ обществѣ.

Въ Англіи значительный запросъ на женскій трудъ для фабрикъ и низкій уровень задѣльной платы повели къ жестокому, систематическому дѣтубійству.

Чтобы усыпить ребенка во время отсутствія матери, какойнибудь недоростокъ, оставленный въ роли кормилицы, или старуха, взявшая этотъ трудъ на себя за нѣсколько фартинговъ, даютъ малюткѣ спиртные капли (Godfrey's cordial), дѣйствующія какъ медленная отравы, и ребенокъ дѣлается жертвою такого попеченія или влачить грустную, хилую жизнь, убитый женщиной, которая его родила и любить его больше своей собственной души. Другое, не менѣе возмутительное обыкновеніе, распространенное въ Англіи, заключается въ томъ, что мать, уходя утромъ на работу до вечера, затыкаетъ ребенку ротъ губкою, смоченною наркотической жидкостью. Если ирландскія женщины рожаютъ такое множество мертвыхъ дѣтей, то это приписывается, главнѣйшимъ образомъ, повривленіямъ таза, вслѣдствіе привязыванія дѣвочекъ, въ самомъ раннемъ возрастѣ, къ стульямъ, когда матери находятся на работѣ.

Что же заставляетъ такъ варварски поступать съ дѣтьми, которыхъ мать все-таки любить больше всего на свѣтѣ. Откуда вся эта возмутительная жестокость, это безчеловѣчное дѣтубійство? Всему виною запросъ на женскій трудъ. Почему же такъ великъ этотъ запросъ? Потому что онъ дешевле. Почему дешевле? Неужели потому, что женщины способнѣе къ работѣ, чѣмъ мужчины, одарены большимъ запасомъ силы? Нѣтъ, это просто результатъ не-

справедливости, которая преслѣдуетъ женщинъ въ западномъ обществѣ. Очень многія женщины попадаютъ въ домъ умалишенныхъ, благодаря матеріальной крайности, взвурительной работѣ, невозможности снискивать пропитаніе или дѣйствиємъ постоянного страха, что онѣ лишатся этой возможности въ будущемъ.

Въ «Мѣсячномъ отчетѣ» промышленнаго управления (House of Industry) въ Файвъ-Пойнтѣ за августъ 1859 года говорится между прочимъ о посѣщеніи директоромъ одной бѣдной вдовы. Вотъ это мѣсто: «я засталъ ее за усердной работой, заключавшейся въ изготовленіи холщевыхъ фуражекъ для мальчиковъ—съ околышами, пуговицами, съ кожаной и кисейной подкладкой и патентованными козырьками спереди. За работу и упаковку этихъ фуражекъ она получала два шиллинга съ дюжины или два цента поштучной платы. Мы сначала этому не повѣрили и полюбопытствовали заглянуть въ ея расчетную книжку. Сомнѣваться было болѣе нельзя. «Прежде», сказала старуха, „мнѣ платили обыкновенно три шиллинга и шесть пенсовъ съ дюжины, но теперь цѣна упала.»

Въ Лондонѣ пятьдесятъ тысячъ женщинъ выручаютъ за свою работу менѣе шести пенсовъ, и около сотни тысячъ—менѣе одного шиллинга въ день. «Лондонскія бѣлошвейки поставляютъ дюжину сорочекъ за два шиллинга; работающія для подрядчиковъ, поставляющихъ обмундировку на армію, получаютъ шесть пенсовъ поштучно за куртки и штаны, выработывая всего два шиллинга въ недѣлю. Женщины, заготавливающія кожу для башмаковъ, работаютъ восемнадцать часовъ въ сутки, выручаютъ одинъ шиллингъ и шесть пенсовъ въ недѣлю. Шитье мантилій, при работѣ отъ девяти часовъ утра до одиннадцати часовъ ночи, даетъ около четырехъ шиллинговъ и восьми пенсовъ въ недѣлю, въ хорошее рабочее время. Обойное ремесло рѣдко можетъ дать четыре шиллинга въ недѣлю; подбораніе мѣховъ выручаетъ женщинамъ столько же. Золотошвейка получаетъ отъ одного шиллинга до шиллинга и трехъ пенсовъ поштучно; работница, вышивающая подвязки, сидя за работою отъ восьми часовъ утра до девяти вечера, выручаетъ всего на все четыре шиллинга въ недѣлю. Сученіе сюрковъ, при готовыхъ свѣчахъ и бумагѣ, даетъ только отъ одного шиллинга до шиллинга и трехъ съ половиною пенсовъ въ недѣлю, и кромѣ того каждый годъ втеченіи трехъ мѣсяцевъ наступаетъ уменьшеніе запроса, и тогда работница выручаетъ около четырехъ съ половиною пенсовъ.» Отсылаемъ читателя въ «Frazier's Magazine», томъ ХLI, откуда отчасти заимствованы сообщаемыя нами свѣденія о цѣнахъ труда въ Лон-

донѣ. «Двѣ женщины, занимавшіяся тамъ приготовленіемъ плясокъ, за 18—20-ти часовую работу въ сутки, включая и воскресные дни, выручали: въ 1842 году четыре пенса и одинъ фартингъ, въ 1847 г.—три съ половиною пенса, въ 1848—1849 г.—два съ половиною. Отъ тринадцати до четырнадцати тысячъ женщинъ занимаются въ Лондонѣ шитьемъ грубаго бѣлья, выручая въ среднемъ выводѣ два съ половиною пенса въ день. Около четвертой части изъ всего этого контингента работницъ, не имѣя ни мужа, ни родственниковъ, которые бы имъ помогали, поставлены въ необходимость выбрать между голодной смертью или проституціей.

Переполненное состояніе женскаго рабочаго рынка и дорогая жизнь въ городахъ—вотъ что дѣлаетъ положеніе женщинъ невыносимымъ. Какъ недостаточны ихъ заработки для мало-мальски удобнаго существованія и для откладыванія трудовой копѣйки на случай болѣзни и въ виду преклонныхъ лѣтъ! Загляните на занимаемые ими чердаки и затхлые подвалы, гдѣ онѣ тѣснятся, какъ рабочая скотина, и скажите мнѣ, цивилизованные мужчины и женщины, неужели это ваши сестры? Неужели онѣ вмѣстѣ съ вами происходятъ отъ одного человѣческаго ребра?..

III.

Переходя къ положенію американской работницы, Виргинія Пенни, говоритъ, что „обязанность, насколько возможно, пособить горю, прямо лежитъ на совѣсти правительствъ различныхъ штатовъ. Они должны были бы заключать свои подрядные контракты съ добросовѣстными и неплутующими людьми, которые выдаютъ рабочимъ сдѣланную цѣну и не заваливаютъ ихъ работой сверхъ силъ. Поручать работу слѣдуетъ именно только такимъ подрядчикамъ, которые платятъ употребляемымъ для работы женщинамъ соразмѣрную цѣну, при благоразумномъ барышѣ въ пользу хозяина. Поручать только такимъ людямъ обмундировку арміи и флота. Вся эта обмундировка, не исключая и обуви, можетъ изготовляться женщинами. Небольшая прибавка въ цѣнѣ, выплачиваемой правительствомъ честнымъ подрядчикамъ, будетъ сравнительно ничтожна, тогда какъ она не только сама по себѣ поведетъ къ хорошимъ

результатамъ, но также послужить примѣромъ для частныхъ лицъ и обществъ. Когда казенные подрядчики будутъ безобидно платить женщинамъ за ихъ работу, частные предприниматели и торговцы также по неволѣ увеличатъ задѣльную плату, и такимъ образомъ постепенно произойдетъ общій переѣна къ лучшему. «Нація ничего не можетъ покушать дешево, не подрывая этимъ развитія своей промышленности.» Хорошая плата за работу, достаточная пища, надлежащія заботы объ одеждѣ и помѣщеніи окружаютъ рабочій людъ удобствами и сдѣлаютъ его счастливымъ и довольнымъ. Правильное распредѣленіе труда составляетъ предметъ величайшей важности для народа. Сотни, даже тысячи частныхъ лицъ не могутъ располагать такими средствами и капиталами, чтобы каждому гражданину доставить трудъ и плату за него; слѣдовательно это дѣло національное, дѣло законодательной власти. «Прогрессъ или эманципація какого нибудь одного класса обыкновенно, если не всегда, достигаются усиліями частныхъ лицъ этого класса; также должно быть и въ этомъ случаѣ. Всѣ женщины должны ознакомиться какъ съ положеніемъ своего пола, такъ и съ своимъ собственнымъ.»

Одна французенка замѣтила мнѣ, что во Франціи богатныя женщины не работаютъ на сторону, и оттого женщины-работчіе получаютъ лучшее вознагражденіе за свой трудъ. Но въ Америкѣ вслѣдствіе работаетъ. И однако, эта страна имѣетъ передъ Франціей большое преимущество по отношенію къ бѣдняку. Тамъ нужно внести огромную плату за право заниматься работой, но здѣсь (въ Америкѣ) этого не требуется. Одна дама, загордившаяся своей литературной репутаціей, на вопросъ мой, почему мужчинамъ надобно платить больше, чѣмъ женщинамъ, отвѣчала: «потому что на мужчинъ падаютъ всѣ тягости правительства.»

Да развѣ женщины-собственницы не платятъ налоговъ на содержаніе правительства? Сравнительно съ гонораріемъ писателей-мужчинъ вознагражденіе этой дамы было не такъ мизерно, какъ во многихъ другихъ отрасляхъ труда. Дѣйствительно, сравнительное оплачиваніе умственного труда мужчинъ и женщинъ, повидимому, составляетъ исключеніе. Здѣсь женщинамъ оказывается большая справедливость именно потому, что онѣ могутъ настойчивѣе требовать и удерживать за собой то, что имъ принадлежитъ по праву. Нѣкоторыя леди, правда, заламываютъ ужъ черезъ-чуръ безбожныя цѣны за свои произведенія, полагая, безъ сомнѣнія, что это придастъ имъ большую важность и значеніе. Но вѣдь высокаго вознагра-

гражденія имѣютъ право требовать тѣ только женщины, которыя приобрѣли репутацію хорошихъ писательницъ. Впрочемъ мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что если статья присылается для помѣщенія въ газету, и при этомъ окажется извѣстнымъ, что статью писала женщина, то статья эта не легко попадаетъ въ журналъ или газету, и во всякомъ случаѣ за нее заплатятъ менѣе, чѣмъ заплатили бы мужчинѣ.

«Изнурительная работа есть результатъ низкой задѣльной платы», говоритъ Мерикъ. Но откуда явилось самое зло низкой платы? Повидимому, оно было порождено тремя главными причинами: чрезвычайнымъ избыткомъ рабочихъ рукъ, желаніемъ торговцевъ продавать свои товары какъ можно дешевле и, наконецъ, безпрепятственно дѣйствовавшимъ закономъ конкуренціи, лежащимъ, впрочемъ, въ основаніи и двухъ первыхъ причинъ.

Когда я подумаю о несправедливомъ осужденіи женщинъ на низкое вознагражденіе ихъ труда, о недостаткѣ выгодныхъ для нихъ занятій, о промышленныхъ плутняхъ, о тѣсной сферѣ труда, открытаго для женщинъ,—кровь моя кипитъ негодованіемъ. Если бы женщинамъ платили соразмѣрно съ качествомъ и количествомъ ихъ работы, какъ это дѣлается относительно мужчинъ, то нельзя было бы выставить ни одного логическаго возраженія противъ свободнаго доступа женщинъ ко всякой дѣятельности, къ какой только онѣ захотятъ пристроиться. Нелѣпо и негуманно убавлять плату женщинъ только потому, что она женщина. Мы полагаемъ, что вмѣсто того, чтобы здоровымъ, сильнымъ мужчинамъ платить дороже, чѣмъ слабымъ женщинамъ, слѣдовало бы скорѣе сдѣлать совершенно наоборотъ. Мужчины могутъ работать долѣе и сдѣлать больше, чѣмъ женщины. На имущество холостыхъ мужчинъ слѣдовало бы назначить налогъ въ пользу незамужнихъ женщинъ, неимѣющихъ собственности, или же платить этимъ женщинамъ настоящую цѣну ихъ труда и открыть для нихъ болѣе обширный выборъ занятій. Многие полагаютъ, что задѣльная плата женщинъ не поднимется, пока имъ не будетъ дана полная политическая равноправность съ мужчинами.

Вопросъ этотъ давно уже поднятъ среди американскаго общества и недавно въ территоріи Юмингъ разрѣшенъ путемъ законодательнымъ. Всѣ женщины, имѣющія 21 годъ отъ роду, получили право участвовать въ выборахъ наравнѣ съ мужчинами. Но едва ли одна политическая равноправность можетъ поднять экономическій уровень женщинъ, пока воспѣваемая экономистами благодѣтельная конкуренція не исчезнетъ съ лица земли и не унесетъ съ

собой ту постоянную борьбу, въ которой сильный всегда одолбеть слабого.

IV.

Конкуренція сдѣлала то, что самый прогрессъ промышленности и современная цивилизація обратились противъ женщины. «Угнетеніе слабыхъ всегда свидѣтельствуетъ о ранней юности или драхлой старости націи, замѣчаетъ Добіэ *). Эти противоположные періоды, по отношенію къ женскому вопросу, какъ будто сходятся въ современной Европѣ. Условія жизни женщины у древнихъ галловъ были крайне позорны и невыносимы; но съ развитіемъ духа общестственности и тѣхъ экономическихъ началъ, которые лежали въ основѣ древне-германской жизни, положеніе женщины постепенно улучшалось. Во времена Тацита, женщины уже допускались къ рѣшенію всѣхъ важныхъ вопросовъ, въ совѣтъ свободныхъ мужей, ихъ голосъ имѣлъ рѣшающее значеніе; дѣвушки вотировали ранѣе старіеовъ, и сенатъ, избранный съ участіемъ женщинъ, диктовалъ законы чужеземцамъ. Феодализмъ окончательнo установилъ полную политическую равноправность между женщиною и мужчиною. Женщины были возводимы въ званіе дюшессъ, перовъ, судей, посланницъ, имъ даны были одинаковыя избирательныя права, какъ и мужчинамъ. Когда же, по салическому обычаю, родовыя помѣстья и имѣнія стали переходить въ женскую линію, — мы видимъ женщинъ, облеченныхъ во всѣ права феодальнаго сеньора, со всѣми атрибутами широкой, политической власти. Современныя хроника свидѣтельствуютъ, что женщины заправляли своими владѣніями съ замѣчательнымъ административнымъ талантомъ. Трогательными красками описываетъ одинъ современникъ скорбь аквитанцевъ по своей сеньоринѣ — Элеворѣ — вышедшей замужъ за Людовика VII; сеньорина была очень милостива къ своимъ подданнымъ, дала муд-

*) Femme pauvre au XIX siècle. Мы воспользуемся этимъ превосходнымъ сочиненіемъ, чтобы представить здѣсь историческій очеркъ постепеннаго упадка женщины, какъ общественнаго дѣятеля, благодаря экономической и промышленной эксплуатаціи.

рые законы городскимъ общинамъ и первая освободила торговлю тяготѣвшихъ на ней пошлянъ, стѣснявшихъ ее монополіями. Анна Бретанская, супруга двухъ французскихъ королей, не смотря на свое званіе, сама лично управляла своимъ герцогствомъ.

Такіе примѣры не были единичными явленіями, они вытекали изъ всей соціальной организаціи тогдашняго общества. Общество не признавало тогда различія правъ пола; оно знало одну только классификацію людей: на бѣдныхъ, — прикрѣпленныхъ къ землѣ рабовъ, — и на богатыхъ — владѣтельныхъ бароновъ и сеньоровъ. Всякій, кто принадлежалъ по праву рожденія къ первой категоріи — была ли то женщина или былъ ли то мужчина, — считался вполне *безправнымъ*, безусловно исключался отъ всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ. Напротивъ, всякій, кто принадлежалъ ко второй категоріи, пользовался всѣми правами, всею властію неограниченнаго хозяина, безъ различія пола.

Монтанъ утверждаетъ, что женщины, наслѣдовавшія перства, участвовали въ юрисдикціи перовъ на такихъ же правахъ, какъ и мужчины; такъ что онѣ засѣдали даже въ парламентахъ, въ качествѣ перовъ, и при торжественныхъ выходахъ играли видныя роли. Напримѣръ, Моганъ—графиня Артуа и Бургоня, присутствовала, какъ перъ Франціи, при коронаціи Филиппа V и держала его корону вмѣстѣ съ другими перами — мужчинами; она же принимала участіе во многихъ знаменитыхъ процессахъ того времени, въ томъ числѣ и въ процессѣ противъ графа Артуа, гдѣ она присутствовала въ качествѣ судьи. Вообще, въ средніе вѣка, особенно въ XIII и XIV ст. право суда было однимъ изъ весьма обыкновенныхъ атрибутовъ не только владѣтельныхъ графинь и герцогинь, но даже и настоятельница монастырей. Настоятельница Ремиремона и ихъ деканиссы творили судъ и расправу во всемъ округѣ своего аббатства, и выбирали, вмѣстѣ съ канониками, депутатовъ въ парламентъ. Хроника свидѣтельствуютъ, что судебная власть переходила, часто по наслѣдству, даже къ молодымъ дѣвушкамъ, и онѣ, въ качествѣ феодальныхъ рыцарей, торжественно засѣдали на судейскихъ скамьяхъ, въ судейскомъ платьѣ и въ судейскихъ шляпахъ.

Папы и короли всегда старались утвердить за женщинами ихъ права и привилегіи, тщательно оберегая ихъ отъ насильственныхъ притязаній властолюбивыхъ сеньоровъ-мужчинъ.

Такъ, напримѣръ, когда сосѣдній баронъ сталъ оспаривать у Эрменгарды — норбоннской виконтессы право суда, король явился къ

ней на помощь и строго запретилъ кому бы то ни было уклоняться отъ ея юрисдикціи. Папа Иннокентій III призналъ полную компетентность юрисдикціи Элеоноры, основываясь, какъ онъ говорилъ, «на древнемъ, обычномъ французскомъ правѣ».

Пользуясь политическими правами, женщины не уклонялись и отъ обязанностей, налагаемыхъ на нихъ положеніемъ ихъ; когда было нужно, онѣ, не задумываясь, сажались на коней, собирали своихъ вассаловъ, и, предводительствуя ими, мужественно отражали нападенія какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ враговъ. Въ хроникахъ тогдашняго времени безпрестанно встрѣчаются рассказы о героической храбрости разныхъ виконтессъ, графинь и герцогинь, о ихъ военныхъ талантахъ и ихъ страстномъ патріотизмѣ. Объ одной настоятельница хроника отзывается, напимѣръ, такимъ образомъ: «она была отличнѣмъ полководцемъ, неустрасимымъ солдатомъ и милостивою повелительницею; мужество ея воодушевляло гарнизонъ, ободряло другихъ женщинъ.»

Со временъ Людовика XIV женщина начинаетъ постепенно утрачивать свое политическое значеніе. Власть ея, какъ феодальной сеньорины, ограничивается, — она уже болѣе не возводится въ перское достоинство, она болѣе не засѣдаетъ въ парламентахъ, не принимаетъ участія въ судѣ, не предводительствуетъ войсками, не избираетъ депутатовъ. Правда, она все еще удерживаетъ свое прежнее вліяніе на политическую жизнь націи, она еще не устранила себя отъ общественной дѣятельности, — но, увы! съ феодализмомъ исчезла ея самостоятельная роль; она дѣйствуетъ теперь не въ качествѣ самостоятельной правительницы, пера, судьи, сеньора, — а въ качествѣ жены или любовницы вліятельныхъ мужчинъ. Советуя, помогая и управляя королями, министрами и посланниками она, до вышшняго вѣка, имѣла огромное и никѣмъ не оспариваемое вліяніе на политику европейскихъ владѣній. Самъ Талейранъ былъ въ послѣднее время не болѣе какъ простое орудіе въ рукахъ своей племянницы, графини Дино; на вѣнскомъ конгрессѣ онъ только переписывалъ письма, которыя она сочиняла отъ его имени къ Людовику XVIII и къ другимъ европейскимъ государямъ.

Но, разумѣется, это тайное, скрытое вліяніе женщинъ не могло быть ни самостоятельнымъ, ни благотворнымъ. Женщина, вытѣсненная изъ политической сферы, удаленная отъ общественныхъ дѣлъ, постепенно замыкалась въ одну семейную сферу, гдѣ тѣсный кругъ ея дѣятельности сковывалъ развитіе ея умственныхъ и физическихъ силъ, и она тупѣла не только какъ общественный дѣятель, но и

какъ мать. Теперь стали руководить ею мелкія житейскія дрязги, ребяческія капризы, ребяческое тщеславіе. Не чувствуя надъ собою общественнаго контроля, и подчиненная абсолютной власти одного мужа или отца, она, въ тишинѣ спальни и будуара, не видѣла надобности сдерживать свои дурныя наклонности, обуздывать свои мелкія страстишки. Понятно, что при такихъ условіяхъ женщинѣ трудно было сохранить свое прежнее политическое значеніе.

Такимъ образомъ съ возрастающимъ запросомъ на трудъ мужчинъ и съ вліаніемъ ихъ на ходъ событій новѣйшей исторіи, женщина постепенно вытѣснялась даже изъ тѣхъ сферъ общественной дѣятельности, которыя были свойственны ей. Теперь она признается неспособною принимать участіе въ выборахъ общественныхъ чиновниковъ и депутатовъ въ законодательныя собранія, она не имѣетъ ни малѣйшаго вліанія на составленіе законовъ, которые однакожъ для нея такъ же обязательны, какъ и для мужчины; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что эти законы чужды ея интересамъ, что они даже враждебны имъ, что они не столько гарантируютъ и охраняютъ права женщины, сколько стѣсняютъ и ограничиваютъ ихъ.

Послѣ этого становятся понятными и другія ограниченія, которыя подверглась женщина XIX вѣка. Мы укажемъ здѣсь только на главнѣйшія изъ нихъ.

Обратимся прежде всего къ ограниченію женщинъ занимать общественныя должности и отправлять общественныя обязанности, искони утвержденныя за ними.

Въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка женщины допускались во Франціи къ отправленію обязанностей почтмейстеровъ, контролеровъ и ихъ помощниковъ, на равныхъ правахъ съ мужчинами; еще во времена первой имперіи и реставраціи можно было встрѣтить сотни женщинъ, занимавшихъ эти должности въ главныхъ городахъ округовъ, и завѣдывавшихъ не только внутреннею, но даже и иностранною корреспонденціею. Но вотъ уже съ первой четверти нынѣшняго столѣтія женщинъ начинаютъ отодвигать на задній планъ. Къ 1817 году Маршанжи (Marchangy) писалъ: „Въ нашъ неблагодарный и эгоистическій вѣкъ за женщинами не хотятъ признавать никакихъ правъ. Согнаннымъ съ трона, устранившимъ отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, признаннымъ неспособными отправлять общественныя должности, имъ только дозволяютъ продавать потерянные билеты, торговать гербовой бумагой и табакомъ! Вотъ все, что считаютъ возможнымъ поручить имъ, — вотъ мѣра ихъ способностей! До чего умалились ихъ права!“

Изъ этихъ словъ Маршанжи можно заключать, что равнѣе, въ началѣ XIX вѣка или въ концѣ XVIII женщины имѣли болѣе обширныя права, чѣмъ теперь. Что же касается до ограниченій женщинъ занимать должности по почтовому вѣдомству, то надо сказать, что эти ограниченія весьма недавни, и что первое начало положила имъ іюльская монархія. Объявляя, съ одной стороны, полное равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, она съ другой стороны, воспретила женщинамъ занимать даже такія должности, которыя онѣ занимали издавна, и на которыхъ онѣ уже успѣли заявлять себя какъ отличныя и въ высшей степени полезныя чиновницы. Правительство Людовика Филиппа объявило, что „женщины не должны быть назначаемы на мѣста почтмейстеровъ въ главные города округовъ, а также въ тѣ города и селенія, гдѣ засѣдаетъ или судъ первой инстанціи, или комерческій судъ.“ Нынѣшнее правительство не только не отмѣнило этого произвольнаго распоряженія, но даже подтвердило его, воспретивъ женщинамъ занимать почтмейстерскія мѣста, съ окладомъ, превышающимъ 1000 фр. т. е. 250 руб. въ годъ. Средній окладъ жалованья пониженъ до 850 фр., около 212 руб.; большинство же женщинъ получаетъ и того менѣе—именно отъ 350—250 фр. т. е. 87½—62½ р. Получая такое ничтожное жалованье, онѣ однако не освобождены ни отъ одной обязанности, возложенной на мужчину; за малѣйшее упущеніе по службѣ наказываютъ безъ различія пола: женщина, во время эпидеміи, оставившая свой постъ, карается также строго, какъ и мужчина; поль беретса въ разчетъ только при назначеніи жалованья. Но этимъ не кончаются странныя прижимки французской администраціи, поставившей себѣ задачей вытѣснить женщинъ во что бы то ни стало изъ сферы общественной дѣятельности. Законъ постановляетъ, что на должности по почтовому вѣдомству, имѣютъ право только женщины отъ 25—35 лѣтъ; ихъ мужьямъ воспрещается заниматься торговлею или какимъ нибудь ремесломъ, равно и занимать какую нибудь общественную должность. Это послѣднее запрещеніе лишаетъ почти всѣхъ замужнихъ женщинъ возможности поступать на службу, потому, во первыхъ, что почти всѣ мужья ихъ чѣмъ нибудь да заняты, во вторыхъ потому, что одного скуднаго жалованья жены рѣшительно недостаточно для содержанія семьи. Мало того, женщина занимающая должность почтмейстера, не имѣетъ права выйти за мужъ безъ особаго дозволенія начальства. Начальство пользуется въ этомъ случаѣ правомъ абсолютнаго veto, безъ объясненія причинъ отказа; политическія соображенія играютъ при

этомъ не маловажную роль. Мужу почтмейстерши говорить Добіа, не дозволяется имѣть ни выходящихъ изъ ряду убѣжденій, ни особенно умной головы; онъ долженъ быть такимъ же рутинеромъ, какъ всякій чиновникъ почтоваго вѣдомства.“

Всѣ чиновники мужскаго пола во Франціи получаютъ въ отставку пенсію, соразмѣрно прежнему жалованью, но женщины-чиновницы составляютъ исключеніе изъ этого правила. Администрація, пользуясь ихъ трудами, пока онѣ въ состояніи трудиться, пользуясь за самое скудное и ничтожное вознагражденіе, не считаетъ себя обязаннымъ обеспечивать имъ кусокъ хлѣба, когда силы оставляютъ ихъ, и онѣ не будутъ имѣть возможности ни прокормить, ни содержать себя собственною работою.

Такія же хитросплетенія употребляетъ французская администрація для вытѣсненія женщинъ и изъ другихъ общественныхъ сферъ. Такъ, на примѣръ, въ XVIII вѣкѣ и во времена первой имперіи, женщины обыкновенно употреблялись въ качествѣ сборщицъ косвенныхъ податей, или правильнѣе, фискальныхъ регалий. Потребленіе нѣкоторыхъ продуктовъ (напр. соли, табаку, гербовой бумаги и т. п.) обложено извѣстнымъ налогомъ въ пользу фиска; чтобы наблюдать за правильнымъ взиманіемъ этого налога, казна имѣетъ своихъ чиновниковъ въ мѣстахъ продажи октропрованныхъ товаровъ. Вотъ въ эти-то должности въ прежнее время и назначались женщины, на равныхъ правахъ съ мужчинами. Въ деревняхъ и въ отдаленныхъ городахъ ихъ занимали почти исключительно женщины. Но впослѣдствіи стали отдавать мужчинамъ предпочтеніе передъ женщинами. Уже въ 1815 году на 350 сборщиковъ считалось только 30 женщинъ; въ 1840 году—только три. Этого мало, мѣсто простыхъ продавцевъ обложенныхъ податю товаровъ съ каждымъ годомъ дѣлается все недоступнѣе и недоступнѣе для женщинъ. Прежде, на примѣръ, администрація безо всякаго труда давала мѣста при табачныхъ складахъ женщинамъ престарѣлымъ, бѣднымъ, немѣющимъ никакихъ другихъ средствъ къ существованію, теперь же на эти должности почти исключительно назначаются одни мужчины изъ отставныхъ военныхъ. Только самыя незавидныя изъ нихъ, съ самымъ вщенскимъ окладомъ (отъ 30—40 фр., т. е. отъ 7½ до 10 руб. въ годъ) великодушно оставлены женщинамъ!

Та же исторія съ должностями при складахъ и мастерскихъ гербовой бумаги. Прежде онѣ исключительно были заняты женщинами, теперь же большая часть ихъ предоставлена мужчинамъ.

Мужчины получаютъ отъ 1,000 до 1,700 фр. въ годъ, а женщины отъ 900 до 1,000 фр.

Въ императорской типографіи женщины, сравнительно съ мужчинами, получаютъ еще меньше; именно: работница отъ 2 фр. до 2 фр. 50 сант. въ день, работникъ отъ 4 фр. до 6 фр. Декретомъ 24 января 1860 года начальство объявило, что, въ случаѣ болѣзни, работникъ имѣеть право получать, въ видѣ пособія, 1 фр. 50 сант. въ день, работница же только 80 сант. Вотъ наглядный примѣръ той равноправности половъ, которую такъ торжественно призналъ въ принципѣ нашъ прогрессивный вѣкъ! Законъ обѣщаетъ женщинѣ на ея леченье вдвое менѣе, чѣмъ издерживаетъ мужчина. Отчего же не предпишетъ онъ аптекарямъ продавать женщинамъ и вдвое дешевле лекарства? Отчего же не предписатьъ онъ докторамъ брать съ женщинъ за визитъ вдвое дешевле, чѣмъ съ мужчинъ?

Въ прошломъ вѣкѣ должности бібліотекарей и архивариусовъ были доступны для женщинъ, въ такой же мѣрѣ, какъ и для мужчинъ. „И онѣ, говоритъ Добізъ, оказались весьма способными къ отиравленію подобныхъ обязанностей *), наши юристы и до сихъ еще поръ съ благодарностью вспоминаютъ о г-жѣ Колоннѣ, занимавшей съ 1800 года мѣсто архивариуса въ архивѣ сенскаго департамента. Она занимала это мѣсто 42 года и составила себѣ извѣстность, благодаря своей удивительной памяти, находчивости и замѣчательному таланту безъ труда отыскивать всякій требуемый документъ среди груды запыленныхъ фоліантовъ.“ (Стр. 213).

Чтобы вытѣснить женщину и изъ этой среды, французская администрація дозволяла занимать должности главнаго бібліотекаря и архивариуса только лицамъ, прослушавшимъ трехгодичный курсъ въ Ecole des Chartes, доступъ въ которую строго воспрещенъ женщинамъ. Чтобы занять низшія должности при бібліотекахъ и архивахъ, нужно имѣть ученую степень бакалавра словесныхъ наукъ, а какъ такихъ ученыхъ степеней женщины не получаютъ, то и эта карьера остается для нихъ закрытою.

Вытѣсняя, или, правильнѣе, вытѣснивъ женщину отсюда, гдѣ только она могла принимать хоть какое нибудь участіе въ общественной дѣятельности, французы этимъ не ограничились. Они рас-

*) Въ Америкѣ и въ настоящее время можно встрѣтить множество женщинъ, занимающихъ должности архивариусовъ. Публика вездѣ ими довольна, а ученые не могутъ нахвалиться ихъ вниманіемъ къ дѣлу.

пространили свои притязанія даже и на тѣ сферы труда и общественныхъ обязанностей, которыя издавна были открыты женщинамъ, которыя считались даже какъ бы *женскими* по преимуществу. Я говорю объ обязанностяхъ общественной филантропіи.

Общественная филантропія осуществляется въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, даетъ работу цѣлой арміи чиновниковъ, изъ которыхъ одни служатъ ради отличій или, проще, отъ нечего дѣлать, другіе получаютъ опредѣленное вознагражденіе. Администрація этихъ учрежденій, съ великою радостью, обыкновенно принимаетъ пожертвованія и услуги добродѣтельныхъ благотворителей, и въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ ни малѣйшаго различія между мужчинами и женщинами. Роскошная дама, дѣлающая взносы, собирающая пожертвованія, устраивающая лоттерей, концерты и спектакли съ благотворительною цѣлью, превозносится въ официальныхъ отчетахъ и рѣчахъ; но чуть только бѣдная женщина предложитъ свои услуги и потребуетъ за нихъ вознагражденія, она можетъ быть увѣрена, что ей предпочтутъ мужчину.

На способности и умѣнье обращаться съ благотворительными субъектами никто не смотритъ, смотрятъ только, къ какому полу принадлежитъ сонскатель мѣста: если къ мужскому — то мѣсто остается за нимъ, если къ женскому, то онъ его никогда не получить. Какъ разъ на оборотъ тому, что было прежде. Прежде, напротивъ, женщина пользовалась почти исключительнымъ предпочтеніемъ въ дѣлахъ общественной филантропіи. „Съ самаго возникновенія христіанства, говоритъ патеръ Лакордеръ, женщинѣ христіанкѣ, какъ бы по особому избранію, вручалось все обширное царство скорбей и печалей, всѣ бѣдныя и несчастныя, оплакивающіе свои страданія и нищету, всѣ недовольные и обиженные своей судьбой“. Но не будемъ заходить въ такія отдаленныя времена. Мы можемъ сослаться на болѣе близкіе къ намъ примѣры; еще не такъ давно государство давало женщинамъ право—если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ мужчинами, занимать должности, требующія отъ занимающаго ихъ извѣстной гуманности.

Такъ, въ древней Франціи, начиная съ XV вѣка женщины допускались къ занятію должностей тюремщика и смотрителя тюрьмы. Обычай этотъ продолжался до конца XVIII вѣка и еще въ 1789 году, двѣ женщины, по свидѣтельству Бомарше, стояли во главѣ управленія обширною тюрьмою La Force. Но съ начала нынѣшняго вѣка, мужчины почти совершенно вытѣснили женщинъ изъ этого круга занятій. Въ настоящее время во Франціи нѣтъ ни

одной тюрьмы, гдѣ бы смотрителемъ были женщины, ихъ даже не допускаютъ въ должности тюремщика; грубые и невѣжественные солдаты, по преимуществу изъ отставныхъ, считаются теперь болѣе способными отправлять эту въ высшей степени трудную и щекотливую обязанность.

Прежде, во времена старой монархіи, королевскими декретами, постоянно утверждалась за женщиною привилегія занимать должности писевтрисъ и смотрительницъ приютовъ для найденныихъ; теперь уже всѣ эти мѣста исключительно заняты мужчинами.

Но всѣ эти ограниченія представляютъ самую легкую степень угнетенія болѣе сильной половиною человѣчества половины слабой. Стѣсненія, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, отражаются главнымъ образомъ только на судьбѣ женщины бѣдной и имѣютъ частный характеръ; но есть много и такихъ случаевъ, которые неблагоприятно вліяютъ на все общество; отъ нихъ страдаютъ въ одинаковой степени какъ угнетающіе мужчины, такъ и угнетаемыя женщины.

Исторія свидѣтельствуетъ, что никогда женщина не пользовалась меньшею возможностью помогать человѣчеству, какъ теперь; у нея отнято право лечить, право, изъ котораго она не могла бы сдѣлать никакого другаго употребленія, кромѣ полезнаго, и которымъ она пользовалась искони вѣковъ, даже у народовъ несравненно болѣе глупыхъ, чѣмъ мы, у народовъ ничего несмыслившихъ въ нашихъ прогрессивныхъ идеяхъ, и никогда нечитавшихъ никакихъ статей объ эмансипаціи.

Въ глубокой древности, въ Греціи, мы встрѣчаемъ женщинъ, изучающихъ медицину и пользующихся славой отличныхъ докторовъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что очень много женщинъ-докторовъ вышло изъ семейства Аскленидовъ, потомковъ Эскулапа. Аргось славился жрицами въ высшей степени искусными въ медицинѣ. Когда же медицина вышла изъ-подъ религіозной опеки, когда она перестала составлять часть языческой теологіи, тогда афинскіе законодатели дозволили всякой свободной женщинѣ изучать медицину и лечить больныхъ. Въ Римѣ, въ особенности послѣ покоренія Греціи, мы находимъ также множество женщинъ, такъ называемыхъ *medicae*, посвятившихъ себя изученію медицины и леченію болѣзней. Потомковъ этихъ женщинъ можно было еще встрѣтить въ Италіи по покореніи ея варварами.

Въ средніе вѣва также не мало было женщинъ, снискавшихъ себѣ громкую извѣстность своими обширными медицинскими поз-

наніями и необыкновеннымъ искусствомъ въ излеченіи самыхъ трудныхъ болѣзней. Имена ихъ упоминаются рядомъ съ именами славнѣйшихъ докторовъ мужчинъ. Когда *Солериская коллегія* была въ апогеѣ своего величія, толпы слушателей стекались въ аудиторію знаменитой женщины-профессора, читавшаго тамъ курсъ медицинскыхъ наукъ. Особенно много было женщинъ-докторовъ въ Италіи; въ ея университетахъ еще во времена Росси можно было встрѣтить женщинъ, изучавшихъ право и медицину *).

Точно также въ Галліи и въ древней Франціи женщины занимались медициною. Жены друидовъ такъ искусны были въ этой наукѣ, что друиды приносили къ нимъ самыхъ безнадежныхъ больныхъ, твердо увѣренные, что для нихъ нѣтъ неизлѣчимыхъ болѣзней. Когда же медицину перестали считать божественною наукою, и искусство лечить сверхъестественнымъ дѣломъ, когда ее стали преподавать въ университетахъ и коллегіяхъ, французскія женщины съ жаромъ принялись изучать ее, и скоро могли соперничать съ итальянками—докторами. До нашихъ дней сохранилась грамота, пожалованная въ 1250 году одной женщинѣ, служившей домашнимъ докторомъ при Людовикѣ IX, во время крестоваго похода. Грамота превозноситъ великія способности и неподражаемое искусство королевскаго медика, и ассигнуетъ ему въ ознаменованіе его заслугъ пожизненную пенсію.

Въ особенности распространены были медицинскія познанія среди женскаго населенія феодальныхъ замковъ; кастелянши весьма основательно знали главнѣйшія свойства наиболѣе употребительныхъ лекарственныхъ травъ, умѣли дѣлать перевязки рыцарямъ, и всегда были готовы служить и помогать своимъ крѣпостнымъ. Эти занятія благородныхъ женщинъ объясняютъ намъ, почему во всѣхъ средне-вѣковыхъ разсказахъ идеальная женщина непременно рисуется женщиною-медикомъ; такъ рисуютъ ее бретонскія пѣсни; такъ представляетъ ее одинъ знаменитый романъ XII вѣка **), героиня котораго знала цѣлительныя свойства всѣхъ травъ и умѣла лечить.

*) «Я имѣлъ счастье знать, говорятъ Росси, прелестнѣйшихъ женщинъ, одаренныхъ большими талантами и даже замѣчательнымъ гениемъ; въ университетѣ я сидѣлъ на одной скамьѣ съ женщанами, изучавшими право и медицину; вмѣстѣ со мною, степенъ доктора правъ получила одна прекоросенькая дама» и т. д. Rossi, Cours d'économie politique, vol. 4).

**) Партенопій-де-Блау (Parthenopeus de Blaus),—напечатанъ въ первый разъ, въ Парижѣ, въ 1834 году.

«Всѣ эти женщины, говорятъ Добіэ, лечили такъ хорошо, что Парацельзій, отвергая ученые медицинскіе трактаты древнихъ и медицину арабовъ, объявилъ, что ему не нужно никакихъ другихъ учителей, кромѣ женщинъ, съ ихъ чисто-опытною медициною. И Франція всегда умѣла цѣнить самоотверженность и способность этихъ друзей народа, уважала и поощрала ихъ опытную науку; за то и не мало можно было встрѣтить старавшихся соперничать съ извѣстною баронесою Рабютенъ-Шанталъ, которая безпрестанно ходила изъ жизни въ жизнь, отыскивая больныхъ, оказывала имъ всякую помощь и сама перевязывала ихъ раны.»

Не слѣдуетъ, однако, думать, что эти женщины-доктора имѣли нѣчто общее съ нашими колдуньями, заговорщицами и повитухами, что онѣ лечили на обумъ, съ помощью разныхъ таинственныхъ корешковъ и прищептываній. Нисколько. Онѣ изучали медицину и слушали медицинскіе курсы въ университетахъ. До сихъ поръ еще сохранились имена многихъ специалистовъ по медицинской части, прославившихся своею ученостью. Добіэ упоминаетъ, между прочимъ, о г-жѣ Клапіонъ, актрисѣ, извѣстномъ знатоцѣ въ медицинѣ, хирургіи, фармацевтикѣ и ботаникѣ.

Наконецъ, какъ послѣднее доказательство того, что эти женщины не имѣли никакой солидарности съ пошлыми шарлатанами, промышляющими на счетъ глупости и легковѣрія толпы, колдовствомъ (хотя право лечить перешло къ нимъ преемственно отъ ворожей и колдуній) я приведу тотъ фактъ, что самъ Вольтеръ, котораго, конечно, никто не заподозритъ въ суевѣріи, лечился у этихъ медиковъ и не могъ нахвалиться ихъ замѣчательнымъ искусствомъ. Въ письмахъ своихъ къ друзьямъ (именно, въ письмѣ къ г-жѣ Дю-Дефанъ) онъ заходитъ такъ далеко, что открыто признаетъ превосходство экспериментальной медицины женщинъ, *des bonnes femmes*, какъ онъ выражается, передъ научными теоріями доктора Троншино. При этомъ Вольтеръ увѣряетъ, что онѣ умѣютъ составлять превосходный глазной порошокъ, благодаря которому онъ самъ нѣсколько разъ вылечивалъ свои глаза; что онѣ выгоняютъ глисты и прививаютъ оспу, несмотря на запрещенія ученыхъ парламентовъ, видѣвшихъ въ оспопрививаніи нѣчто богопротивное.

Вникая во внутренній смыслъ этихъ фактовъ, читатель, какъ мнѣ кажется, долженъ придти въ нѣкоторое изумленіе; онъ невольно спроситъ себя: когда же и кто же отывалъ у женщинъ это драгоценное право лечить, право, которымъ онѣ пользовались такъ долго и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ?

Опредѣлить, съ точностью, время этой несправедливой узурпаціи довольно трудно. Передъ революціею мы еще встрѣчаемъ, — хотя все рѣже и рѣже, женщинъ-медиковъ. Г-жа Роланъ занималась медициной, и, по ея собственному свидѣтельству, лечила крестьянъ съ большимъ успѣхомъ. Г-жа Жанлисъ также хорошо знала медицину; она была, по мнѣнію Добіэ, одною изъ послѣднихъ женщинъ-медиковъ. Но самую послѣднею была г-жа Кастанье. Дипломъ — это былъ послѣдній дипломъ, выданный женщиной, во Франціи, — она получила еще въ 1794 г. и съ того времени до 1843 г. она постоянно занималась практикою въ Арденскомъ департаментѣ; ея великодушіе и ея всегдашняя готовность помогать бѣднымъ больнымъ, не смотря ни на свои преклонныя лѣта, ни на свою слабость, ни на отдаленность разстоянія, ни на погоду, прославила ея имя среди окрестныхъ жителей, которые считали ее какою-то ангеломъ-хранителемъ. Но, за то она и поплатилась за свои гуманныя свойства. «Позванная, однажды, куда-то далеко, говорить Добіэ, она отправилась въ темную ночь и пала жертвою своего неустрашимаго самоотверженія.» (*La femme pauvre*, стр. 345).

Кастанье была, какъ я сказала, послѣднею женщиною-докторомъ. Послѣ нея не встрѣчается во Франціи ни одного медика женскаго пола. Да и мудро бы было встрѣтить: женщинамъ строго на строго воспрещено теперь заниматься медицинскою практикою и слушать медицинскіе курсы. Медицина объявлена наукою, доступною только для однихъ мужчинъ.

Чѣмъ вызвано это запрещеніе? Быть можетъ, спрашиваетъ себя Добіэ, требованія современной науки такъ велики, что женщина никогда не въ силахъ удовлетворить имъ, и правительство, дорожа драгоцѣнною жизнію и здоровьемъ своихъ подданныхъ и, не желая довѣрять эти сокровища въ руки людей неумѣлыхъ и неискusstныхъ, отказало женщинамъ въ правѣ заниматься медициною? Но несомнѣнные факты доказываютъ, что и это единственно возможное объясненіе никакъ не годится.

Елизавета Блазуелль доказала, что женщина и теперь такъ же легко можетъ сдѣлаться превосходнымъ медикомъ, какъ и нѣсколько десятковъ, сотенъ лѣтъ тому назадъ. Эта замѣчательная женщина, послѣ долгой и упорной борьбы съ человѣческими предрассудками, достигла наконецъ того, что ей дозволили слушать медицинскій курсъ, держать экзаменъ на доктора и сдѣлаться врачомъ. Теперь она уже приобрѣла себѣ славу талантливаго писателя, краснорѣчиваго профессора и искуснаго медика. Съ ея легкой ру-

ки, въ Америкѣ оказалось множество охотницъ заниматься медициною. И правительство не рѣшилось на этотъ разъ идти на перекоръ общему желанію. Медицинская академія въ Филадельфін тотчасъ же была открыта для женщинъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ ея аудиторіяхъ насчитывалось болѣе 100 слушательницъ. Вслѣдъ затѣмъ и въ другихъ городахъ Америки открылись медицинскія школы, которыя уже успѣли подготовить и выпустити множество отличнѣйшихъ докторовъ-женщинъ, теперь они разсѣялись по всей Америкѣ, занимаются практикою, читаютъ популярныя курсы общественной гигіены, и проводятъ въ народъ здравныя идеи о наивыгоднѣйшихъ условіяхъ матеріальной жизни. Особенно прославилась одна изъ этихъ женщинъ—Гюнтъ, достойная соперница Елизаветы Блэкуелль; она оказываетъ безвозмездную помощь бѣднымъ, и въ то же время читаетъ для женщинъ популярныя лекціи физиологіи.

Въ Европѣ примѣръ Америки мало находятъ себѣ подражателей. Европейскія женщины забыли свое прежнее высокое призваніе. Въ настоящее время, только въ двухъ европейскихъ государствахъ четыре женщины изучаютъ эту науку, съ цѣлью заняться практикою. Эти два государства,—да умилится патриотъ-читатель—Россія и Англія. Въ Англіи, миссъ Гарретъ уже получила дипломъ доктора, а миссъ Кольбернъ готовится получить. Въ Россіи, г-жа Сулова получила право на врачебную практику и г-жа Кашеярова окончила курсъ наукъ въ здѣшней медицинской академіи, чтобы занять мѣсто врача у оренбургскихъ казаковъ.

Европейскія общества дорого платятъ за произвольное и несправедливое отнятіе у женщины права, въ которомъ ей не отказывали даже Друиды, права заниматься медициною и лечить больныхъ. Огромныя массы населенія остаются безъ всякой медицинской помощи; докторовъ-мужчинъ вездѣ оказывается слишкомъ мало для того, чтобы они могли посѣщать убогія хижины деревенскихъ бѣдняковъ; во Франціи, по даннымъ, сообщаемымъ медицинскою статистикою видно, что въ 600 деревняхъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ отъ 2 до 8 тысячъ жителей; нѣтъ ни одного доктора, ни одного аптекаря т. е. среднимъ числомъ, около 3,000,000 людей лишены всякаго медицинскаго пособія, оставленные на произволь судьбы — и, притомъ, оставленные среди самыхъ невыгодныхъ общественныхъ условій, способствующихъ развитію разныхъ недуговъ и болѣзней, они дѣлаются жертвою всевозможныхъ заразы и эпидемій. Круглымъ числомъ, во Франціи 1 докторъ приходится на

2,250 чел. Но если во Франціи одинъ докторъ приходится на двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ, то на сколько же десятковъ тысячъ надо считать у насъ одного врача! Наше Земство постоянно объ-являетъ приглашенія занять должность земскаго врача и не нахо-дитъ желающихъ.

Прежде женщина, какъ мы видѣли, пользовалась почти всѣми политическими правами, которыми пользовался и мужчина; она до-пускалась къ отправленію общественныхъ должностей; на нее воз-лагались обязанности, требовавшія научныхъ свѣдѣній и специа-льнаго образованія. Потому общество не могло съ пренебреженіемъ относиться къ ея воспитанію; оно не могло, — не впадая въ явное противорѣчіе, — закрыть женщинѣ тѣ пути къ развитію и само-образованію, которыя оно открыло мужчинѣ. Дѣйствительно, въ средніе вѣка женщина получала въ монастыряхъ точно такое же солидное и обширное образованіе, какъ и мужчина. Все доступное мужчинѣ — было доступно и женщинѣ. Женщина изучала высшую математику и астрономію, писала на греческомъ языкѣ оды и по-сланія, сочиняла по-латыни ученые трактаты о сущности вещей, о Богѣ и вселенной, динсала впередъ медицину, переводила рим-скихъ юристовъ и писала коментаріи на Аристотеля.

„Среди варваровъ, раздѣлившихъ между собою остатки римской имперіи, говорятъ Добіэ, женщины сберегли и сохраняли въ мона-стыряхъ традиціи науки первыхъ вѣковъ христіанской эры, и въ нашей полудикой Франціи, у нашихъ грубыхъ Меровинговъ, были открыты для женщинъ знаменитая школа Арме и Пуатье.“ Жен-щины со всею свойственною имъ страстью предалися изучать и из-слѣдовать все, что можно было въ то время изучать и изслѣдо-вать. Скоро многія изъ нихъ пріобрѣли себѣ громкую славу замѣ-чательныхъ ученыхъ и краснорѣчивыхъ учителей. На лекціи Бер-тиллы, настоятельницы монастыря Шелле, стекались жители обоого пола не только со всей Галліи, но даже и изъ сосѣднихъ странъ. Знаменитая настоятельница Параклейскаго монастыря Элоиза, про-славилась своею школою, гдѣ она читала геологію, греческій и еврейскій языки. Примѣръ ея нашелъ себѣ много подражательницъ и въ другихъ монастыряхъ. Настоятельницы открывали высшія учи-лища для женщинъ, и здѣсь женщинамъ сообщалась на греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ языкахъ вся мудрость того времени. Еще въ XVIII вѣкѣ мы встрѣчаемся съ нѣсколькими женщинами, воз-буждавшими къ себѣ удивленіе и уваженіе всего образованнаго міра. Сестра Паскаля-Жакмена, помогавшая брату во всѣхъ его

работахъ, по своей учености ничѣмъ не уступала этому великому человѣку, сгруппировавшему въ своей головѣ всѣ знанія своего вѣка. Не менѣе ея была замѣчательна настоятельница Фонтверскаго монастыря, переведшая на французскій языкъ „Пиръ Платона“. Переводъ этотъ немногимъ уступаетъ позднѣйшему переводу того же сочиненія, сдѣланному Расиномъ.

Женщинамъ дозволено было посѣщать высшія школы и университеты вмѣстѣ съ мужчинами. Мы уже упомянули объ экономистѣ Росси, который учился въ одномъ университетѣ и сидѣлъ даже на одной скамейкѣ съ „прелестнѣйшими женщинами, изучавшими право, медицину и греческую словесность.“ Въ томъ цитированномъ нами стрывкѣ онъ упоминаетъ объ одной женщинѣ, читавшей въ этомъ университетѣ лекціи греческой литературы; Росси слушалъ у нея лекціи и былъ очарованъ ея солиднымъ образованіемъ, ея ученостью, соединенною съ живымъ умомъ и удивительною граціею. И въ другихъ итальянскихъ университетахъ женщины допускались къ профессурѣ; такъ, напримѣръ, докторесса права Беттичіо-Казадно читала лекціи въ знаменитомъ Болонскомъ университетѣ.

Новелла и Безина Кальдерини смѣнили на кафедрѣ права: одна отца, другая—мужа.

Въ Сорбонѣ женщины имѣли право слушать курсы наравнѣ съ мужчинами; при ученыхъ докторскихъ диспутахъ для нихъ устроены были особыя мѣста въ залѣ академіи: и изъ записокъ Сэнъ-Симона видно, что присутствіе женщины въ этомъ центрѣ французскаго ученаго образованія считалось дѣломъ весьма обыкновеннымъ; никому и въ умъ не приходило видѣть въ этомъ нѣчто скандальное и безирравственное; никто не считалъ этого посягательствомъ на общественную безопасность. И нельзя не сознаться, что древній Галлъ и Друдъ были въ этомъ отношеніи гораздо прогрессивнѣе нашихъ почтенныхъ публицистовъ.

На этомъ мы можемъ окончить длинный и грустный перечень тѣхъ ограниченій, которыя мало-по-малу вытѣсняли женщину изъ всѣхъ сферъ общественной дѣятельности на Западѣ и наконецъ довели ее до полнѣйшаго ничтожества въ современномъ общественномъ устройствѣ. Въ рукахъ женщины не осталось ни одного права, которымъ она пользовалась прежде, когда варварскія понятія, повидному, стирали всякое достоинство съ человѣческой личности. И однакожь эти варварскія времена и понятія были гораздо благоприятнѣе для развитія умственной самостоятельности и нравственной свободы женщины, чѣмъ настоящая эпоха. Мы прослѣдили по всѣмъ на-

правленіямъ тотъ наклонный путь, по которому низводилась женщина на ту жалкую степень, на которой мы видимъ ее теперь; если бы Добіэ представляла гораздо менѣе фактовъ, то и тогда было бы ясно, что современная цивилизація, подъ вліяніемъ экономической эксплуатаціи человѣческихъ силъ, находится въ непримиримой враждѣ съ положеніемъ женщины.

У.

Но какія же были послѣдствія этой исторической метаморфозы? Полезна ли она была тому обществу, которое такъ безцеремонно распорядилось судьбами женщины. На эти вопросы всего лучше могутъ отвѣчать статистическія данныя полицейскихъ бюро и репрессивныя мѣры противъ публичнаго разврата. Почти съ математическою точностью можно провести параллель, съ одной стороны, между стѣсненіемъ независимаго положенія женщины въ семьѣ, обществѣ и государствѣ, а съ другой, между возрастающею прогрессіею неправильныхъ браковъ, явной и тайной проституціей, дѣтубійствами и тому подобными явленіями. „Странное дѣло, говоритъ Добіэ, съ одной стороны видѣть почтеннаго юриста, потѣшающагося надъ изобрѣтеніемъ равныхъ жалкихъ полумѣръ для огражденія общественной нравственности, а съ другой такъ же усердно работающаго надъ созданіемъ самихъ причинъ, вызывающихъ эти полумѣры. Всѣ законодательства, повидимому, покровительствуютъ чистотѣ и прочности семейныхъ узъ, а между тѣмъ, уничтожая женскую независимость, сами же наносятъ этимъ узамъ смертельный ударъ. Не легче ли было бы вернуть женщинѣ ея нормальное общественное положеніе, чѣмъ придумывать новые законы для реабилитаціи ея падшаго характера? Не честнѣе ли было бы для общественнаго мнѣнія смотрѣть снисходительно и сочувственно на женщину, разсѣвающую трупъ въ анатомической клиникѣ, чѣмъ поощрять своимъ великодушнымъ равнодушіемъ продажу молодыхъ дѣвушекъ дряхлымъ и развратнымъ покушникамъ женскаго тѣла?“ (стр. 257). Какъ бы то ни было, но репрессивныя мѣры, ограждающія общественную нравственность, при всемъ обиліи своемъ въ европейскихъ законодательствахъ, по отзыву самихъ же законодателей, не дости-

гаютъ тѣхъ благодѣтельныхъ результатовъ, которые имѣются въ виду; уничтожая или ослабляя зло съ одной стороны, онѣ открываютъ ему дорогу съ другой, такъ что язва перемѣняетъ свое мѣсто, цвѣтъ и степень болѣзненности, но не прекращаетъ своего зараженія. И было бы очень трудно бороться репрессивнымъ мѣрамъ съ тѣми причинами, которые порождаютъ такіа явленія, какъ проституція или извращеніе семейныхъ отношеній. Въ основѣ этихъ причинъ лежитъ всемогущая сила экономической необходимости. Женщина, отстраненная отъ всѣхъ общественныхъ должностей, вытѣсненная даже изъ круга свойственныхъ ей занятій, при одинаковомъ трудѣ съ мужчиной, получающая меньшую задѣльную плату, поставленная подъ непосредственную и тяжелую опеку мужа и отца, неприготовленная воспитаніемъ ни къ какому серьезному занятію, плохо образованная или совершенно необразованная, естественно дѣлается первою жертвою бѣдности и порока. „Въ Ліонѣ, продолжаетъ Добіэ, каждый день арестуютъ женщинъ, которыя показываютъ, что только нищета заставила ихъ вступить на поприще разврата; по свидѣтельству полицейскихъ инспекторовъ, въ этихъ женщинахъ сохранилось чувство чести и онѣ были бы счастливы, перемѣнивъ свой образъ жизни на трудъ, но недостатокъ средствъ приковываетъ ихъ къ ихъ роковой каррьерѣ. Въ нашихъ промышленныхъ городахъ можно видѣть двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ, каждый вечеръ предлагающихъ себя на улицѣ, и городъ Реймсъ считаетъ болѣе ста индивидуумовъ этого возраста, которые не имѣютъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ публичнаго разврата.“ (Стр. 255). Еслибъ мы стали слѣдить за вліаніемъ экономическихъ причинъ въ другихъ, болѣе высшихъ сферахъ общественной жизни, то убѣдились бы, что одинъ и тотъ же законъ дѣйствуетъ одинаково повсюду: стѣсненіе женскаго труда породило женскій пауперизмъ, а пауперизмъ открылъ свободный доступъ всѣмъ порокамъ.

Еще печальнѣе положеніе женщины въ санитарномъ отношеніи.

Врачи Англіи утверждаютъ, что въ женскихъ отдѣленіяхъ сумасшедшихъ домовъ наибольшій контингентъ умалишенныхъ, послѣ гувернантокъ, составляютъ «заработавшіяся» дѣвушки. Причины довольно очевидны: недостатокъ нужнаго сна въ ранніе и поздніе часы, постоянное изнуреніе и хлопоты и — больше чѣмъ все это — страхъ будущаго, внушаемый ничтожнымъ размѣромъ заработка.

Замѣчательно, что въ переходное время въ Ирландіи, когда страна эта отъ оскудѣнія и всякаго горя стала приближаться къ

жизненному комфорту и прогрессу, вся нація была главнѣйшимъ образомъ поддерживаема промышленнымъ трудомъ женщинъ. Въ слѣдующій затѣмъ періодъ и послѣ голода погоня за наиболѣе дешевымъ трудомъ повела къ порученію всѣхъ работъ женщинамъ и дѣтямъ, и тогда-то можно было видѣть странное извращеніе ролей: женщины работали на фермахъ или на пастбищахъ, тогда какъ здоровые, сильные мужчины, оставаясь дома, присматривали за грудными дѣтьми.

«Стоимость какой бы то ни было части труда»—говорить Джонъ Роскянъ въ своей книгѣ «Time and Tide»—другими словами, количество пищи и воздуха, потребляемое человекомъ во время этой работы, безъ потери собственного мяса и нервной энергіи—есть количество, столько же строго размѣренное, какъ и вѣсъ пороха, необходимый для бросанія ядра на извѣстное разстояніе. Пусть наиболѣе извѣстные врачи въ Лондонѣ выставятъ въ опредѣленныхъ итогахъ количество и родъ пищи, пространство помѣщенія, словомъ, все, что, по ихъ мнѣнію, необходимо для здоровой жизни рабочаго на извѣстной фабрикѣ, при указаніи числа рабочихъ часовъ, которые бы не вели къ сокращенію жизни при такомъ содержаніи. И пусть хозяева обяжутся предоставить своимъ рабочимъ на выборъ: именно это количество пищи и помѣщенія или задѣльное вознагражденіе, какое можетъ предложить рынокъ за это число часовъ.»

Примѣняемыя къ мужчинамъ условія труда одинаково примѣнны и къ женщинамъ. Если для нуждъ всего цивилизованнаго населенія имѣется достаточно пищи, топлива, убѣжищъ и другихъ существенныхъ ресурсовъ жизни, то очевидно, что неблагоприятная растрата этихъ благъ одними, въ той же мѣрѣ отнимаетъ ихъ у другихъ гражданъ.

Часто случается намъ слышать, что если бы люди вели себя добродушно и трудолюбиво въ молодости, то не терпѣли бы недостатка въ пристанищѣ подъ старость. Это было бы справедливо, если бы каждый человекъ на бѣломъ свѣтѣ поступалъ честно. Но очень часто людямъ приходится попадать въ то или другое положеніе по грѣхамъ другихъ, вслѣдствіе беспорядочной жизни тѣхъ, съ кѣмъ они соединены узами родства или брака. Кромѣ того, бѣдность часто постигаетъ вслѣдствіе утраты здоровья, вслѣдствіе дѣловыхъ неудачъ, ввѣренія денегъ въ ненадежныя руки и часто тоже вслѣдствіе поручительства за долги другихъ. Надобно благодарить небо за то, что имѣются хоть и немногія убѣжища для призрѣнія немущей старости и пожелать, чтобъ ихъ было больше.

Мы убѣждены, что если бы было открыто въ очю, на какую жизнь низкая задѣльная плата осуждаетъ значительное большинство работающихъ женщинъ, то человѣчество съ ужасомъ бы содрогнулось. Не порицанія, но только одной жалости достойны женщины. Онѣ могли бы быть счастливыми и полезными гражданами, если бы трудъ ихъ вознаграждался добросовѣстно. Достаточныя средства къ существованію неизбѣжно, необходимы, чтобы бороться со всѣми искушеніями зла. Если женщина своимъ кровавымъ трудомъ не можетъ предохранить себя и своихъ малыхъ дѣтей отъ голода и холода, отъ позора и отчаянья, — горе тому обществу, которое называетъ ее своимъ членомъ!

Госпожа Ромье въ своей «Женщинѣ девятнадцатаго столѣтія», какъ на причину проституціи во Франціи, указываетъ на скудную задѣльную плату, которую женщины рѣшительно не въ состояніи себя содержать.

Паранъ-Дюшатле сообщаетъ, что „изъ трехъ тысячъ публичныхъ женщинъ въ Парижѣ только тридцать пять имѣли занятія, которыя могли содержать ихъ, тогда какъ четырнадцать были вынуждены къ этой ужасной жизни неимѣніемъ никакого пристравища и хлѣба. Одна изъ нихъ, передъ тѣмъ, какъ рѣшилась броситься въ бездну, ничего не ѣла въ продолженіи трехъ сутокъ.»

Милостыня, подаваемая женщинѣ способной и желающей работать, унижаетъ ея достоинство и уязвляетъ въ ней чувство самоуваженія. Необходимость принять милостыню всегда больно корбитъ самолюбивую и свободную натуру. Но если женщина не можетъ содержать себя собственными средствами, что же ей остается дѣлать? Ровно ничего. Но работая честно, по мѣрѣ силъ и умѣнья, она все-таки должна была бы утѣшать себя вѣрою, что общество и родина не оставятъ ее безъ помощи, на которую она имѣетъ право, и что благоразумное, гуманное и честное правительство приметъ мѣры къ обезпеченію достойныхъ и трудолюбивыхъ женщинъ.

Г. Мэйю (Mayhew) о парижскихъ швеяхъ говорятъ слѣдующее: «изъ ихъ единодушныхъ показаній видно, что значительная ихъ часть — вѣроятно, четвертая часть всего числа или половина всѣхъ женщинъ, неимѣвшихъ мужа или родныхъ для своей поддержки — стали рыскать по улицамъ единственно ради куска хлѣба. Нерѣдко проституція порождается весьма честнымъ чувствомъ — желаніемъ поддерживать оставшихся безъ отца дѣтей или больную мать, когда нѣтъ никакого другого исхода — ни одного честнаго занятія, тогда какъ милосердіе затягиваетъ кошелекъ».

«Средняя продолжительность жизни для проститутки въ Нью-Йоркѣ составляетъ только четыре года. Дурное обращеніе родителей и мужей децимируетъ эту армію порока. Но всего грустнѣе, всего хуже нашу «христіанскую» цивилизацію рекомендуетъ тотъ фактъ, что цѣлая четвертая часть публичныхъ женщинъ въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ была выброшена на улицы и въ притоны разврата силою голода. Голодная смерть или адъ—вотъ въ чемъ былъ роковой вопросъ. *Работа за сходное вознагражденіе скорѣе спасетъ во-время несчастныхъ страдалцевъ отъ публичныхъ домовъ, чѣмъ всевозможныя пріюты кающихся грѣшницъ, потому что пріюты эти помогаютъ только немногимъ, тогда какъ другая система предохранитъ и обезпечитъ многихъ.*

«Часто насъ удивляютъ пороки бѣдныхъ, — говоритъ мистрисъ Гаскелль, — но если бы тайны всѣхъ сердецъ были разоблачены, то мы еще болѣе удивлялись бы добрымъ качествамъ бѣднаго люда».

Люди, повидимому, еще недостаточно изучали причины преступленія и бѣдности, и потому не знаютъ, какими практическими средствами слѣдуетъ предупреждать и лечить эти страшныя извы общества. Главное усиліе людей, повидимому, направлено только къ тому, чтобы облегчать, а не лечить; все дѣло обыкновенно взваливаютъ на милосердіе, тогда какъ другая, еще болѣе высокая добродѣтель—справедливость точно игнорируется. Тому, кто умѣетъ работать, нуженъ благодарный трудъ, а не милостыня. По отношенію къ умѣющимъ и желающимъ работать милостыня есть бесполезная потеря, для подающаго денежная, для принимающаго—трудова. Надо только изумляться, какая громадная затрата времени, труда и денегъ производится для богоугодныхъ и филантропическихъ цѣлей, и однако безъ всякаго утѣшительнаго результата, потому что зло далеко превосходитъ эти палліативныя мѣры.

Такимъ образомъ женскій вопросъ сводится къ вопросу: какимъ образомъ поставить женщину въ такія условія, при которыхъ она могла бы конкурировать съ мужчиною; какимъ бы образомъ, *реставрировать* трудъ женщины въ тѣхъ сферахъ, откуда онъ былъ вытѣсненъ мужскимъ трудомъ.

Слѣдовательно, дѣло идетъ объ измѣненіи условій экономическаго распредѣленія труда. Явленія практической жизни соединены между собою такою же тѣсною и неразрывною связью, какъ и послышки логическаго силлогизма. Какъ силлогизмъ, такъ и практическую жизнь невозможно измѣнить правильнымъ, разумнымъ обра-

зомъ, выбросивъ изъ нихъ то или другое явленіе, тотъ или другой терминъ. Такое произвольное выбрасываніе можетъ произвести только *диссонансъ*—и ничего другого. Чтобы измѣнить жизнь *гармонически*, т. е. вполне и всецѣло, чтобы измѣнить умозаключеніе *логически*,—для этого надобно доискаться первоначальной, основной, причины въ цѣпи всѣхъ явленій дѣйствительности, или главной послыки въ цѣпи всѣхъ членовъ даннаго предложенія; и только измѣнивъ эту основную причину или главную послыку—мы измѣнимъ умозаключеніе, какъ измѣнимъ самую жизнь. Положеніе это относится рѣшительно ко всѣмъ категоріямъ умозаключеній, а также и живенныхъ явленій, въ томъ числѣ разумѣется, и въ явленіямъ, составляющимъ, въ своей совокупности, то, что мы называемъ *женскимъ вопросомъ*.

Данное положеніе женщины есть, какъ бы умозаключеніе, вытекающее изъ извѣстныхъ послылокъ. Кто находитъ умозаключеніе неправильнымъ, тотъ долженъ обратиться къ первой послылкѣ и въ ней искать причины этой неправильности. Исправивъ послылку, онъ исправитъ умозаключеніе. Кто находитъ настоящее положеніе женщины неудовлетворительнымъ, тотъ долженъ обратиться прежде всего къ изысканію тѣхъ явленій, которыя обусловили собою это положеніе.

Американское „Общество женскаго труда“ такъ и поступило. Оно обратилось прямо къ изслѣдованію экономическаго положенія женщины, поставленной во всѣхъ отрасляхъ общественной и промышленной дѣятельности лицомъ къ лицу съ конкуренціею и монополіею труда, захваченнаго въ исключительное распоряженіе мужчинъ. Чѣмъ дальше идутъ изслѣдованія въ этомъ направленіи, чѣмъ больше пріобрѣтается фактическихъ данныхъ, тѣмъ становится яснѣе, что экономическая независимость и равноправность женщины есть единственный вѣрный исходъ ея изъ настоящаго положенія. Поэтому открыть современной женщинѣ доступъ ко всѣмъ занятіямъ и профессіямъ, которыя теперь составляютъ привилегію однихъ мужчинъ, уничтожить тѣ преграды, которыя нагромождены вѣками на пути свободнаго умственнаго развитія женщины—значитъ разрѣшить женскій вопросъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

Единственное вѣское возраженіе, приводимое привилегированнымъ поломъ противъ безусловной равноправности женщинъ на общественную дѣятельность, есть неспособность ихъ. Но откуда же взять этой способности, когда нѣтъ ни одной сферы труда, въ

которой бы женщина развивала въ себѣ энергію ума и характера, Мы держимъ ее въ такой искусственной и тѣсной житейской сферѣ, она такъ пассивна и безгласна по своему положенію въ семействѣ и обществѣ, что надо удивляться не тому, что она неспособна къ серьезной дѣятельности, а тому, что она не потеряла еще своего послѣдняго человѣческаго достоинства. Физиологическій законъ одинаковъ какъ для развитія физической силы, такъ и силы ума. Если мы не будемъ упражнять извѣстный органъ, то онъ перестаетъ дѣйствовать, дѣлается бесполезной и пассивной частью нашего организма. То же самое надо сказать и объ умственныхъ способностяхъ женщины. Мы видѣли, что въ эпоху болѣе самостоятельнаго положенія женщины, она способна была сдѣлаться и хорошимъ медикомъ, и астрономомъ, и полководцемъ и законодателемъ. Мы видимъ то же самое и теперь, несмотря на то, что кругъ ея дѣятельности крайне ограниченъ.

Вотъ что говорить Виргинія Пенни о «женщинахъ изобрѣтательницахъ»:

«Исключивъ для женщины всякое механическое воспитаніе, мужчина тѣмъ не менѣе ставитъ ей въ упрекъ, что она ничего не изобрѣла собственнымъ умѣньемъ. Но при этомъ выпускается изъ вида одинъ довольно замѣчательный фактъ. Общество ограничиваетъ сферу женскаго труда иглой, ножницами, веретенкомъ, прялкой и ведромъ. И предавіе сообщаетъ намъ, что *всѣ эти предметы были изобрѣтены женщиною*. Если она придумала всѣ эти орудія, какъ только почувствовала въ нихъ надобность, чего же вы отъ нея еще хотите?»

«Newark Advertiser» говорить, что близъ Трентона живетъ одна женщина, имѣющая репутацію отличнаго механика. Она сама сфабриковала экипажъ, можетъ сдѣлать скрипку или ружье. Ей всего двадцать пять лѣтъ отъ роду. Способность женщины къ механикѣ никогда не находила достаточнаго упражненія. Она, быть можетъ, остается у нихъ въ бездѣйствіи, но если бы ее возбудить къ дѣятельности и развить, то и эта способность стала бы работать если не въ настоящемъ, то въ будущемъ поколѣніи женщинъ.

Воображеніе и вкусъ у женщинъ развиты больше, чѣмъ у мужчинъ. Женщины съ большимъ искусствомъ умѣютъ составлять узоры для принадлежностей туалета, обоевъ и другихъ подобныхъ предметовъ. Почему же не можетъ развиться въ нихъ и механическая изобрѣтательность, если бы она сколько нибудь была призвана къ работѣ? Впродолженіи многихъ вѣковъ женщина не за-

нималась ничѣмъ подобнымъ. Какъ же вы хотите, чтобы она сразу обнаружила весь изобрѣтательный талантъ мужчины, котораго предки споконъ вѣковъ занимались этимъ дѣломъ? Такое быстрое развитіе было бы необычайно, чтобы не сказать чудесно.

Впрочемъ не всегда мужчины, удостоиваемые патентовъ, бываютъ изобрѣтательны на самомъ дѣлѣ: многіе изъ нихъ цѣлые года напрасно ломали голову надъ своей задачей и были обязаны окончательнымъ успѣхомъ догадливости какой нибудь женщины. Намъ нѣтъ надобности ни укрываться за этимъ общимъ увѣреніемъ, ни прибѣгать къ традиционному факту, приписываемому женщинѣ изобрѣтеніе веретена, прялки, иглы и ножницъ. Всякій дьяварь, приведенный необходимостью, сдумалъ бы придумать тоже самое. Но наиболѣе трудные и важныя акушерскіе инструменты были изобрѣтены госпожею Буавенъ. Госпожа Дюкдрэ изобрѣла *tapikin*; госпожа Бретонъ придумала способъ искусственнаго кормленія грудныхъ дѣтей. Моранди и Бигеронъ примѣнили воскъ къ выполненію медицинскихъ рисунковъ и докторъ Гунтеръ своими лучшими иллюстрированными сочиненіями, былъ обязанъ замѣчаніями дѣвочки Бигеронъ. Онъ всегда былъ ея лучшимъ другомъ, но въ этомъ дѣлѣ она предупредила его семью годами, в послѣдствіи, быть можетъ, позволила ему присвоить себѣ ея наблюденія. Госпожа Рудэ, въ настоящемъ столѣтіи, придумала трубку для употребленія въ случаяхъ удушья. Нетрудно сослаться на всѣ эти факты изъ исторіи медицины, такъ какъ одинъ честный французскій врачъ потрудился сохранять ихъ. Но слѣдующіе примѣры изобрѣтательности и механической способности женщинъ можетъ быть, менѣе извѣстны.

Въ 1823 году, госпожа Дютилье получила въ Парижѣ *первый патентъ на изобрѣтеніе* ея способа готовить искусственный мраморъ. Патентъ этотъ былъ такъ выгоденъ, что она продала его въ 1824 году, и новый владѣлецъ возобновилъ его, присоединивъ дальнѣйшія улучшенія.

Въ 1836 году, англичанинъ Борроу взялъ привилегію на цементъ. Госпожа Бексъ, проживавшая въ Парижѣ, нашла цементъ этотъ непрочнымъ въ сырыхъ мѣстахъ и опубликовала новый способъ, лучше удовлетворявшій всѣмъ возможнымъ условіямъ, такъ какъ при этомъ для цемента употреблялась горная смола.

Въ 1840 году, госпожѣ Маршалль — прежде жившей въ Манчестерѣ, а теперь находящейся въ Эдинбургѣ — пришла въ голову мысль, что дѣйствіе электричества, развивающагося при гніеніи

животныхъ и растительныхъ веществъ, на известковня тѣла — должно имѣть много общаго съ естественнымъ образованіемъ мрамора. Въ концѣ пяти лѣтъ и послѣ множества опытовъ, она усовершенствовала искусственный мраморъ, котораго составныя части и приготовленіе были подчинены контролю человѣка, такъ, что вещество это можно было дѣлать втеченіе часовъ или мѣсяцевъ, по желанію техника. Этому цементу она дала простое итальянское названіе *intonaco* (обмазка). Нельзя не подивиться, какимъ образомъ она могла проникнуть въ эту тайну, потому что въ патентѣ г-жѣ Дюталье прямо сказано, что никакія растительныя вещества не должны быть приняты въ составъ, если мы желаемъ получить неразрушимый цементъ. Примѣръ этотъ довольно замѣчательнъ; эти безконечныя, непріятныя опыты свидѣтельствуютъ, что женщина, крайней мѣрѣ, способна къ упрямымъ, настойчивымъ изысканіямъ, къ продолжительному труду, въ чемъ ей такъ часто отказывается.

А сколько фактовъ мы могли бы представить изъ исторіи умственнаго развитія въ подтвержденіе того, что гениальные писатели были обязаны вдохновеніемъ и лучшими идеями руководившимъ ихъ женщинамъ. Сколько, можетъ быть, великихъ открытій и благотворныхъ идей потеряно человѣчествомъ только потому, что женщины, обладавшія ими, по чувству ложнаго стыда не представили ихъ міру или остановились на половинѣ дороги. Еще доселѣ женщина не всегда рѣшается выступить на литературное поприще подъ собственнымъ именемъ. Поэтому упрекать женщину въ неспособности — это тоже, что обвинять итцау въ неумѣньи летать безъ воздуха или рыбу въ неумѣньи плавать безъ воды.

Въ заключеніе мы укажемъ на сладенькую теорію идеалистовъ, которые думаютъ, что только возстановленіе нравственнаго характера семьи можетъ преобразовать современную женщину и поставить ее въ лучшія общественныя условія. Но какъ это сдѣлать? Какъ поднять нравственный уровень семейныхъ отношеній, не возвысивъ въ то же время социальный характеръ общества? Семья есть только первая ступень общественной жизни, и всегда подчиняется вліянію всего социальнаго порядка, но никогда не можетъ реформировать собою цѣлаго общества. Еще недавно были въ ходу иллюзіи такого рода, что превосходное общество можно устроить только тогда, когда каждый индивидуумъ, составляющій его, будетъ преобразованъ въ ангела. Но спрашивается, сколько тысячъ вѣковъ надо трудиться надъ этой работой Данаидъ, и какія чудесныя средства найдены нами для подобной реформы? Если

бы сказать садовнику, что для усовершенствованія его сада надо прежде всего усовершенствовать каждую вѣтку и каждый листикъ на деревѣ, то онъ, конечно, засмѣялся бы намъ въ глаза, доказавъ какъ дважды два четыре, что такіе приемы садовнической педагогики нивкуда не годятся. Точно также наивны и тѣ реформаторы, которые хотятъ обновлять общество посредствомъ реабилитаціи каждаго индивидуума или каждой семьи. Они очевидно отираются отъ тѣхъ пунктовъ, къ которому надо было идти съ противоположной стороны. Не реабилитация семьи возстановитъ нравственное положеніе женщины, а, напротивъ, лучшія экономическія условія, въ которыя будетъ поставлена женщина, возстановитъ чистоту брака и семейства. Это такое вѣрное положеніе, противъ котораго нечего возражать.

Н. Лукинъ.

ГОЛУБЫЕ И ЖЕЛТЫЕ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ФРИДРИХА ГЕРШТЕНКЕРА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VIII.

Президентъ Фальконъ.

Въ нижнемъ этажѣ обширнаго, но не совсѣмъ изящно убранаго дома президента царствовала мертвая тишина, хотя тутъ за нѣсколькими столами сидѣло нѣсколько живыхъ людей—чиновниковъ, занятыхъ писаніемъ бумагъ. Тутъ же расхаживали часовые, а караульная комната была полна людьми, принадлежащими къ составу караула. Всѣ здѣсь говорили шепотомъ, точно во дворцѣ какогонибудь богдыхана, а не въ собственномъ домѣ перваго гражданина республики. Лица всѣхъ выражали какое-то подобострастіе и надъ всѣми тяготѣлъ страхъ.

Одинъ изъ чиновниковъ въ третій разъ чинилъ себѣ перо, чтобы начать писать на большомъ листѣ бумаги съ напечатаннымъ заголовкомъ; сосѣдъ его тоскливо смотрѣлъ на эти приготовленія и безпрестанно глядѣлъ на часы.

Вдругъ всѣ съ удивленіемъ стали прислушиваться, въ сѣняхъ раздались чьи-то твердые шаги и какой-то господинъ такъ же рѣшительно вошелъ въ залу.

Чиновники знали его и не сочли нужнымъ привѣтствовать, хотя это былъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ гражданъ города; онъ не пользовался расположеніемъ правительства, такъ къ чему же оказывать ему обычную вѣжливость?

Но и сенъоръ, съ своей стороны, мало обратилъ вниманія на присутствовавшихъ. Онъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло и, не снямая шляпы, подошелъ къ столу, и спокойно проговорилъ:

— Доложите обо мнѣ президенту.

Чиновникъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Его превосходительства дома нѣтъ. Что вамъ угодно?

— Чтобы вы доложили обо мнѣ президенту, отвѣчалъ онъ. —

Президентъ желалъ говорить со мною.

— Желалъ говорить съ вами? повторилъ чиновникъ съ неопытнымъ изумленіемъ, и продолжалъ болѣе вѣжливымъ тономъ: — Намъ отданъ строжайшій приказъ никого не принимать, но если это желаніе... я тотчасъ же дамъ вамъ отвѣтъ.

Онъ вышелъ изъ залы, поднялся во второй этажъ въ собственныя комнаты президента, скоро вернулся и, почтительно кланяясь, показалъ рукою, что сенъоръ можетъ войти.

Лишь только незнакомецъ поднялся на верхъ, какъ къ чиновнику, докладывавшему о немъ, подошелъ одинъ изъ его товарищей и прошепталъ:

— Вѣдь это, кажется, Рафаэль Арвело?

— Да, онъ.

— Что ему надо у Фалькона?

— Не знаю! отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами.

— Гм, гм! кажется, дѣла плохи. Голубые пробрались всюду, и исторія въ Барселонѣ мнѣ вовсе не нравится.

— Въ Каракасѣ солдатъ много, и Вруцуаль лучше этого негра... вообще у насъ что-то ужъ слишкомъ много негритянской крови.

— Но вѣдь негры—люди вѣрные, на нихъ можно положиться.

— А зачѣмъ же арестовали сегодня повара. Любопытно знать, что онъ надѣлалъ?

Между тѣмъ сенъоръ Арвело поднялся по лѣстницѣ, и былъ тотчасъ же введенъ въ комнату Фалькона. Тамъ тоже была совершенная тишина.

Фальконъ встрѣтилъ гостя дружески, протянувъ ему руку.

— Здравствуйте, Арвело, сказалъ онъ;— какъ поживаете? Давно мы не видались съ вами. Васъ приходится чуть не силой затаскивать сюда. Развѣ вы уѣзжали изъ города?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, сказалъ Арвело, почтительно отвѣчая на привѣтствіе;— я никуда не выѣзжалъ изъ Каракаса, за исключеніемъ развѣ кратковременной поѣздки въ Лагуайру.

— И совсѣмъ забыли меня.

— Ваше превосходительство были всегда такъ заняты.

Фальконъ только-что отвернулся, но при послѣднихъ словахъ своего собесѣдника онъ быстро повернулся, чтобы посмотрѣть, не выражаетъ ли его лицо ироніи. Но если иронія слышна была въ словахъ, то ея вовсе не было замѣтно на лицѣ Арвело, и онъ спокойно встрѣтилъ пристальный взоръ президента.

— Сядемте, другъ, сядемте, говорилъ Фальконъ;— мнѣ обо многомъ хотѣлось поговорить съ вами, Арвело, и попросить вашего совѣта.

— Моего совѣта, ваше превосходительство? спросилъ Арвело, садясь;— да къ чему же у васъ министры, если вы избираете въ совѣтники человѣка изъ противной партіи?

— Изъ противной партіи, Арвело? Такъ это дѣйствительно правда? Но я надѣюсь однакожь, что вы еще не принадлежите къ такъ называемымъ голубымъ? не то серьезно, не то насмѣшливо спросилъ президентъ.

Фальконъ былъ видный и даже красивый мужчина; на лицѣ его выражались хитрость, добродушіе и умъ; лобъ у него былъ выпуклый, а большіе глаза его всегда смотрѣли прямо и пристально на того, съ кѣмъ онъ говорилъ, что нерѣдко приводило въ страшное смущеніе его собесѣдниковъ. У него была густая борода, но усы и бакенбарды были сбриты, волосы на вискахъ зачесаны впередъ и нѣсколько курчавившіеся. Въ это утро онъ былъ одѣтъ не въ обычную, простую генеральскую форму, а весь въ бѣломъ, въ бѣлой жакеткѣ, паяталонахъ и жилетѣ, и въ чрезвычайно тонкомъ бѣлѣ, что составляетъ признакъ хорошаго тона въ Южной Америкѣ.

— Къ голубымъ, ваше превосходительство? сказалъ Арвело, съ улыбкой встрѣтивъ взглядъ Фалькона; — въ настоящее время въ Венецуэлѣ подъ этимъ именемъ можно подозрѣвать слишкомъ мно-

гое. Если вы говорите о тѣхъ, которые не совсѣмъ довольны настоящимъ положеніемъ дѣлъ, то конечно я принадлежу къ ихъ числу, но вообще я не завербованъ нигдѣ, и остался совершенно свободенъ.

— Неужели дѣйствительно такъ много недовольныхъ, Ардело? спросилъ Фальконъ, садясь противъ него; — и почему вы сами принадлежите къ ихъ числу? Говорите со мною откровенно. Вы знаете меня давно, и то, что мы будемъ говорить съ вами, останется между нами. Признаюсь вамъ, въ послѣднее время, всѣ окружающіе такъ меня расхваливали въ глаза, что я уже начинаю недоумѣвать имъ, и потому мнѣ хотѣлось бы слышать человѣка правдиваго, и неизмѣющаго интереса, по крайней мѣрѣ, никакого прямого интереса въ дѣсти. Вы не были внутри страны?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, спокойно отвѣчалъ Ардело; — я нигуда не выѣзжалъ, за исключеніемъ небольшихъ прогулокъ верхомъ по окрестностямъ, съ пріѣзжими изъ внутреннихъ провинцій я также почти не видался, но самъ по сосѣдству посмотрѣлся слишкомъ довольно, и могу сказать, что правительственныя войска безобразничаютъ вволю.

— Въ самомъ дѣлѣ?—Что же они дѣлаютъ?

— Они безопадно, систематически грабятъ самый бѣдный, беззащитный классъ населенія, чѣмъ, безъ сомнѣнія, вредятъ вашему имени несравненно болѣе, чѣмъ приносятъ пользы самому дѣлу.

— Но какже генералы позволяютъ такія беззаконія?

— Генераль Колина пользуется самой дурной славой. Народъ зоветъ его не Колиной, а Холерой.

— Онъ, можетъ быть, слишкомъ ревностенъ къ службѣ, но вѣренъ, какъ золото.

— Не спорю съ этимъ. Но отвѣтите мнѣ, ваше превосходительство, на такой вопросъ: кому долженъ быть болѣе вѣренъ генераль республики: временному президенту или всей странѣ?

Фальконъ прикусилъ нижнюю губу, и, не отвѣчая на вопросъ, сказалъ:

— Ну, а вообще каково положеніе страны?

— По всему, что слышно—довольно плохое. Со всѣхъ сторонъ приходятъ одни и тѣ же извѣстія, что народъ не намѣренъ болѣе переносить настоящаго гнета, о чемъ объявляетъ во всеуслышаніе.

— Народъ, презрительно замѣтилъ Фальконъ; — скажите мнѣ, пожалуйста, Арвело, кто такой этотъ народъ? Нѣсколько недовольныхъ, которымъ не удалось устроиться при настоящемъ правительствѣ, и они изъ всѣхъ силъ выбиваются учредить новое и тѣмъ улучшить свое собственное положеніе. Они что ли составляютъ народъ? Неужели вы дѣйствительно думаете, что произведенная ими пережѣна улучшить положеніе самого народа?

Арвело пожалъ плечами.

— Въ странѣ говорятъ, что хуже быть уже не можетъ.

— Сагацба, сеньоръ! вскричалъ Фальконъ, прыскачивъ на стулъ;—это уже слишкомъ!

— Ваше превосходительство желали, чтобы я говорилъ совершенно откровенно.

— Да, это такъ, улыбаясь проговорилъ президентъ;—но право вы ужь зашли слишкомъ далеко.

На лицѣ Арвело тоже появилась улыбка, но разговоръ былъ слишкомъ серьезенъ для шутокъ и онъ продолжалъ:

— Не принимайте настоящаго положенія дѣлъ слишкомъ легко, ваше превосходительство; нынѣшнее движеніе вовсе не изъ тѣхъ, возбужденныхъ кучкою недовольныхъ и поддерживаемыхъ только ею, революцій, которыя мы испытываемъ такъ часто въ нашей странѣ. Мнѣ кажется, вы ошибаетесь относительно силы и распространенія нынѣшняго движенія.

— Но, дорогой другъ, вѣдь я получаю точнѣйшія донесенія со всѣхъ частей страны;—отовсюду единогласно доносятъ мнѣ, что нѣтъ ни малѣйшей опасности и что строгостью можно положить всему конецъ. До сихъ поръ я былъ слишкомъ великодушенъ, и, вѣроятно, вслѣдствіе этого недовольные, которыхъ при каждомъ правительствѣ не мало, подняли голову и приобрѣли вѣсъ. Я стану дѣйствовать строже, и въ особенности здѣсь, въ Каракасѣ, велю внимательнѣе слѣдить за нѣкоторыми людьми. Олеага давно ужь совѣтовалъ мнѣ это, но я все не желалъ принимать рѣшительныя мѣры.

— Повторяю, продолжалъ Арвело,—что ваше превосходительство ошибаетесь въ характерѣ настоящаго движенія, и что министры ваши поддерживаютъ—я не говорю нарочно,—это заблужденіе. Очень можетъ быть, что и сами они заблуждаются.

— Въ какомъ отношеніи, позвольте спросить?

— Въ томъ, что вы употребляете вовсе не тѣ средства для устранения и уничтоженія недовольства. Вы ищете революцію въ Каракасѣ, и въ головахъ нѣкоторыхъ недовольныхъ, но искать ее нужно вовсе не здѣсь. Она происходитъ отъ извѣстныхъ общихъ причинъ, которыхъ правительство не пожелало устранить; она распространилась по всей странѣ, и соединила въ тѣсный союзъ двѣ прежде враждебныя партіи, годосовъ и федераловъ.

— Такъ все-таки годосы руководятъ этимъ дѣломъ! гнѣвно вскричалъ Фальконъ;—и люди нашей партіи, увлеченные ими, будутъ потомъ обмануты.

— Это обыкновенно такъ говорится вашему превосходительству, спокойно возразилъ Арвело;—но это невѣрно. Можно положительно утверждать одинаково, что федералы примкнули къ годосамъ, какъ и годосы примкнули къ федераламъ. Вы, конечно, знаете, что обѣ эти партіи называются ушеі?

— Конечно, насмѣшливо замѣтилъ Фальконъ, — мнѣ не разъ попадались въ руки бумаги съ этимъ девизомъ: Dios, Union y Libertad, хотя, разумѣется, бунтовщики вовсе и не думаютъ ни о Богѣ, ни о вѣрности союзу, ни о свободѣ. Но о какихъ говорили вы причинахъ, отъ которыхъ происходитъ революція? Чтобы имѣть возможность устранить ихъ, я долженъ ознакомиться съ ними.

— Конечно, ваше превосходительство, и теперь вы не скажете, что искали правды, и нигдѣ не могли найти ее. Такъ позвольте мнѣ откровенно сказать вамъ, что мѣры вашего правительства ведутъ страну къ совершенному разоренію.

— Страна необыкновенно богата.

— Это такъ, но нельзя же перевязывать жилы ея богатства, она погибнетъ отъ полнокровія.

— А развѣ я поступаю такъ?

— Прежде у насъ была государственная касса—приходъ и расходъ велись въ порядкѣ, и перваго было больше, чѣмъ втораго. Множество иностранныхъ кораблей приходило къ намъ въ гавани, и таможня доставляли государственному казначейству громадныя суммы. Внутренняя торговля была оживлена. Изъ нашихъ луговыхъ долинъ шель одинъ гуртъ скота за другимъ; мы его сбывали на иностранныя рынки и взаимнъ получали нужные намъ товары. Ра-

бочихъ рукъ у насъ было вдоволь, и землевладѣльцы съ успѣхомъ и съ пользой для страны могли обрабатывать свою землю. Перевозочныя средства для доставки хлѣба изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ въ гавани тоже были въ отличномъ состояніи, и страна съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе процвѣтала.

— Что же мѣшаетъ ей теперь процвѣтать? спросилъ Фальконъ, чувствовавшій, что не можетъ оспаривать факта, и знавшій, что все пришло въ упадокъ.

— Печальное стеченіе обстоятельствъ, отвѣчалъ Арвело, пожимая плечами. — Страна лишена рабочихъ рукъ, потому что люди незахваченные той или другой стороной въ солдаты, бѣжали въ горы. Почти нигдѣ въ деревняхъ нельзя найти здоровыхъ работниковъ, и только еще кое-гдѣ попадаются иностранцы, которыми и приходится ограничиваться, и дѣлать хоть необходимое, чтобы не совсѣмъ разораться. Рабочаго скота почти совершенно уже нѣтъ, а если гдѣ онъ и есть, то его надо прятать на кофейныя плантаціи для того, чтобы онъ не попался въ руки солдатъ, потому что солдаты тотчасъ же угонять или заколѣть его, или офицеры продадутъ за безцѣнокъ. При этомъ войско такъ опрометчиво, что не щадитъ иностранцевъ, въ особенности испанцевъ и французовъ, находящихся подъ защитою своихъ правительствъ, которыя, безъ сомнѣнія, впоследствии предъявятъ свои претензіи и надѣлаютъ большихъ неприятностей странѣ. Туртовщики, разумѣется, не выгоняютъ своего скота изъ долинъ, боясь, что его угонять или правительственныя войска или голубые, и вотъ таково положеніе всей промышленности. Иностранные корабли, не получая мѣстныхъ продуктовъ, опасаются выгружать привезенные ими товары. Въ гаваняхъ таможни получаютъ врядъ ли десятую долю сборовъ прежнихъ годовъ.

— Это такъ, подтвердилъ Фальконъ.

— А куда дѣваются тѣ деньги, что ими получаютъ? Они исчезаютъ какъ капля въ морѣ. На таможни занимаютъ большія суммы, но кредиторы не могутъ получить по своимъ векселямъ и деньги точно чудомъ пропадаютъ. Даже солдаты не получаютъ жалованья, и просятъ милостыню на большихъ дорогахъ. Куда дѣваются деньги? Для страны не дѣлается ничего, новыхъ дорогъ не проводится, да и старыя не поддерживаются, развѣ только на

частныя средства. Предполагалось строить желѣзную дорогу, на которую затрачены огромныя суммы, теперь стоит она неоконченною, матеріалъ сгнилъ, а вагоны служатъ только развѣ ночлегомъ для прохожихъ. Кофе, хотя и продолжаетъ расти, но нѣтъ рукъ собирать его, такъ же какъ недостаетъ рукъ очищать почву отъ сорныхъ травъ и молодыхъ отпрысковъ. Однимъ словомъ, въ странѣ нѣтъ болѣе довѣрія, у всѣхъ связаны руки. Вотъ и „обстоятельства“, о которыхъ я говорилъ, и которыя вытекли изъ революціи и поддерживаются ею, и будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока такъ или иначе ихъ не отстранятъ.

Арвело замолчалъ и Фальконъ сказалъ, покачавъ головою:

— Ну, другъ, вы нарисовали мнѣ такую картину, которая, надѣюсь, создана вашимъ воображеніемъ, и, несмотря на ваше доброе намѣреніе, нѣсколько мрачна. Мнѣ самому не хотѣлось бы жить при такомъ правительствѣ.

— Не шутите этимъ, ваше превосходительство, серьезно сказалъ Арвело; — эта картина вѣрна до мельчайшихъ подробностей, и еслибъ сами вы инкогнито побѣжали по странѣ, то увидѣли бы, что дѣйствительность еще безотраднѣе.

— И несмотря на это венецуэльцы зовутъ меня „великодушнымъ?“ сказалъ Фальконъ, искоса смотря на Арвело.

— Это ваша ошибка, вскричалъ Арвело, — что вы принимаете вашихъ приближенныхъ за народъ, это ошибка многихъ государственныхъ людей. Кто изъ окружающихъ васъ не надѣется и не ждетъ отъ васъ денегъ и наградъ? Всѣ эти безчисленные генералы, созданные вами, всѣ пенсіи, наложенныя вами на страну, развѣ помогутъ вамъ, когда дѣло дойдетъ до развязки? Неужели вы серьезно думаете, что люди, подкупленные теперь этими деньгами, что эти люди, называющіе васъ великодушнымъ, будутъ держаться васъ долѣе, чѣмъ это нужно будетъ для ихъ собственной выгоды? Это будетъ для васъ горькій опытъ, ваше превосходительство, и вы слишкомъ поздно раскаяетесь, что слушали и довѣряли нѣкоторымъ людямъ, у которыхъ нѣтъ другого интереса, кромѣ личнаго, — они смотрятъ на свое отечество, какъ на дойную корову, которую можно убить во всякое время, какъ она перестанетъ давать молоко. А какихъ денегъ стоятъ они странѣ.

— Такъ неужели мнѣ вѣрить вамъ болѣе, чѣмъ согнать ува-

жаемых людей, меня окружающих? сказалъ президентъ, которому слова Арвело конечно не могли нравиться.

— Да, если вы дѣйствительно хотите подавить революцію.

— Такъ вы все-таки считаете это возможнымъ?

— Безъ сомнѣнiя, отвѣчалъ Аврело;— но не тѣми средствами, какіи вы употребляете теперь.

— А какими же?

— Меньшимъ шпионствомъ, недостойнымъ васъ, ваше превосходительство, дающимъ пріютъ цѣлой кучѣ бесполезныхъ доносовъ. При такой системѣ каждый негодяй держитъ въ рукахъ судьбу честнаго человѣка, и если она не ускоряетъ революціи, то, во всякомъ случаѣ, ожесточаетъ всякаго дѣйствительно порядочнаго гражданина противъ настоящаго правительства.

— Система шпионства, въ нѣкоторомъ смущеніи сказалъ Фальконъ,—вовсе не такъ распространена и вовсе не такъ значительна, какъ вы думаете, и она даетъ мнѣ только точное понятіе обо всемъ, что дѣлается въ странѣ, такъ что я въ состояніи наносить удары именно тамъ, гдѣ слѣдуетъ.

— Вы ошибаетесь, ваше превосходительство, спокойно отвѣчалъ Арвело;— она служитъ только для того, чтобы обманывать васъ и навѣрняка убавкивать въ то время, какъ опасность стучится желѣзнымъ кулакомъ у вашихъ дверей. Вы знаете о разныхъ пустякахъ, о которыхъ лучше бы вамъ и не знать, но о важномъ, о цѣломъ васъ не увѣдомляютъ, потому что это можетъ повредить самимъ людямъ, окружающимъ васъ, или указать вамъ, какими средствами они хотятъ подавить революцію. Наша страна больна ракомъ, а вы думаете вылечить ее мягчительнымъ пластыремъ, который прикладываете на наружную рану. Она, можетъ быть, и закроется на нѣсколько дней или недѣль, но внутри язва продолжаетъ дѣйствовать и прорветъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, когда нельзя ужъ будетъ больше помочь.

Фальконъ всталъ, и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ зналъ Арвело какъ хорошаго, правдиваго человѣка, и былъ увѣренъ, что онъ желаетъ ему добра, но все-таки не довѣрялъ ему вполне, потому что въ жизни перенесъ много горькихъ опытовъ. Вдругъ онъ снова остановился передъ Арвело, и сказалъ, глядя на него пристально, но не враждебно.

— Ну а что сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ теперь?

— Ваше превосходительство, отвѣчалъ Арвело,—вопросъ этотъ очень простъ и ясенъ, но нѣсколькими словами на него не отвѣтишь.

— Такъ вы находите, что надо измѣнить *многое*?

— Да.

— Хорошо, такъ скажите что. Мнѣ самому любопытно слышать.

— Во-первыхъ, прежде всего, серьезно сказалъ Арвело;—дайте возможность свободно высказаться народнымъ депутатамъ для того, чтобы вы могли услышать черезъ нихъ народный голосъ.

— Далѣе.

— Потомъ выпустите всѣхъ арестованныхъ будто бы по политическимъ причинамъ, изъ которыхъ впрочемъ многіе не имѣютъ никакого понятія о политикѣ.

— Чтобы пустить по городу больше недовольныхъ и снабдить ими армию голубыхъ.

— Тогда въ странѣ не будетъ болѣе голубыхъ, если вы привлечете на свою сторону народъ; тогда вамъ можно будетъ даже распустить большую часть армии и возвратитъ странѣ работниковъ. Это усилитъ торговлю и промышленность, а вмѣстѣ съ ними улучшатся государственные финансы. Съ иностранными правительствами, которымъ мы еще должны, надо вступить въ переговоры и заключить новыя условія. Они охотно согласятся на это, потому что увидятъ, что правительство серьезно берется за дѣло. Далѣе возобудится довѣріе со стороны иностранныхъ купцовъ къ Венецуэлѣ, и наши таможни тотчасъ же почувствуютъ благотворныя послѣдствія новаго порядка вещей. Все остальное устроится само собою. Если мы будемъ поддерживать иностранныхъ переселенцевъ, то вмѣстѣ съ ними привлечемъ въ страну капиталы; а намъ нужна примѣсь иностраннаго элемента къ нашему, чтобы нѣсколько придать живости и предпріимчивости вялой крови венецуэльцевъ—однимъ словомъ: оживить ее.

— А что же мнѣ дѣлать тогда со всѣми моими генералами? спросилъ Фальконъ;—вѣдь не могу же я ихъ даромъ кормить, а если я отпущу ихъ, то у насъ создастся тотчасъ же новая революція.

— Въ назначеніи ихъ была страшная ошибка. Это въ родѣ

изобрѣтенія для войны постоянно стрѣляющей машины, которую никакъ нельзя остановить. Война кончится, а машина потомъ будетъ причинять всюду бѣдствія. Но вѣдь это дѣло вовсе не такъ плохо, потому что многихъ можно употребить на чтонибудь иное, но, конечно, большую часть придется отпустить, вамъ и нельзя оставить ихъ противъ желанія народа. Нельзя же содержать людей безполезныхъ. Многие изъ нихъ, конечно, будутъ служить посмѣшищемъ своимъ титуломъ.

— Не думаю, сказалъ нѣсколько задѣтый Фальконъ, — чтобы люди произведенные въ генералы могли позорить государство.

— Когда я шелъ къ вамъ, я видѣлъ передъ однимъ изъ кабацковъ, посѣщаемыхъ преимущественно простыми солдатами, вучку собравшагося народа, который страшно шумѣлъ. Я свернулъ въ сторону, чтобы не столкнулся съ этимъ людомъ, но меня остановили, прося прочесть такъ называемый патентъ какого-то противнаго, грязнаго пьянаго негра, изъ самаго низшаго слоя общества, утверждавшаго, что патентъ этотъ его, и что самъ онъ и есть генералъ. Я взялъ въ руки бумагу, пропитанную жирными пятнами и продушонную водкой, и просмотрѣлъ ее. Это былъ настоящій патентъ, выданный военнымъ министромъ, назначавшій этого, извѣстнаго многимъ изъ присутствовавшихъ, негра съ окровавленнымъ и грязнымъ лицомъ, генераломъ арміи съ тремя стами пезосовъ мѣсячнаго содержанія. Негръ увѣрялъ, что пріѣхалъ въ Каракасъ, вслѣдствіе особаго приказанія военнаго министра, но что ночью его обокрали, и онъ, казалось, только-что кулаками убѣждалъ людей, невѣрившихъ его утверженію. Я могъ только подтвердить его слова, послѣ чего его съ торжествомъ внесли въ кабакъ, гдѣ слова началась попойка.

— Бумага у васъ?

— Мнѣ никакъ не отдали бы ее, если бы я даже и захотѣлъ положить такую грязь въ карманъ. Но человекъ этотъ, котораго трудно даже сравнить съ порядочнымъ животнымъ, точно носить титулъ венецуэльскаго генерала.

— Тутъ, во всякомъ случаѣ, есть какое-нибудь недоразумѣніе, сказалъ Фальконъ. — Патентъ, вѣроятно, данъ на это имя, но тѣмъ не менѣе другому лицу.

— Можетъ быть, отвѣчалъ Арвело; — хотя я въ этомъ сомнѣ-

ваюсь. *Подобные* случаи мнѣ приводилось видѣть самому, но такого злоупотребленія я еще не видывалъ, и могу только предполагать, что военный министръ не видѣлъ самъ этого человѣка, и предложилъ его назначить генераломъ по рекомендаціи Колина.

— Вѣроятно, онъ обладаетъ военными способностями.

— Будто *есть* генералы обладаютъ ими? спросилъ Арвело и легкая улыбка показалась на устахъ его.

Фальконъ закурилъ себѣ губы, понявъ очень хорошо, на что намекалъ Арвело.

— И такъ, сказать онъ, перемежая разговоръ, — вы считаете необходимымъ замѣну теперешней правительственной системы новою, и перемежая министровъ.

— Системы — да, но не людей. Я не вижу, почему бы эти же министры не могли сдѣлать того же самаго. Олега будетъ всегда такимъ, какимъ вы пожелаете его видѣть, а мой бѣдный Сильва поблагодаритъ Бога, если ему дадутъ надежду распорядиться какойнибудь суммой, которая останется у него въ рукахъ болѣе трехъ, четырехъ часовъ. Какъ трудно достается ему теперь его насущный хлѣбъ, и сколько онъ бѣгаетъ за нимъ по напрасну. При этомъ онъ всѣхъ болѣе въ городѣ терпитъ отъ „посѣщеній“, и потому его не оказывается дома, лишь только онъ является домой.

Фальконъ засмѣялся, — онъ очень хорошо зналъ отчаянныя попытки своего министра финансовъ, предпринимаемыя имъ ежедневно, чтобы только какънибудь удовлетворить крайнимъ надобностямъ, и какъ онъ самъ ухудшалъ его положеніе. Слова Арвело заставили его задуматься.

— Олега будетъ противъ измѣненія системы, замѣтилъ онъ.

— Можетъ быть, но онъ уступить, лишь только увидить, что вы рѣшились — если только его самого не принудятъ къ тому обстоятельству.

— Вы слишкомъ много придаете значенія обстоятельствамъ, замѣтилъ Фальконъ, вставъ съ своего мѣста и стоя у стула. Арвело понялъ это какъ знакъ, что президентъ желаетъ кончить разговоръ.

— Я повторяю то, что прежде сказалъ вашему превосходительству, заключилъ Арвело, слѣдуя его призыву. — Вы слишкомъ опираетесь на увѣренія вашихъ приближенныхъ, слишкомъ легко смот-

рите на дѣло, и употребляете наружныя средства отъ внутренней болѣзни. Вы требовали отъ меня правды, я счелъ своимъ долгомъ прямо и открыто высказать вамъ ее.

— Увѣряю васъ, Арвело, что именно этого я и ожидалъ отъ васъ, и искренно благодарю васъ за вашу откровенность. Обѣщаю вамъ стараться исполнить, по крайней мѣрѣ, хоть часть вашихъ желаній.

— Этимъ вы себѣ окажете наибольшую услугу, отвѣчалъ Арвело, и хотѣлъ вѣжливо раскланяться, но Фальконъ подошелъ къ нему и дружески протянулъ руку.

— До свиданья, старый другъ, надѣюсь, что вы поможете мнѣ, когда я буду нуждаться въ откровенномъ мнѣнїи, я не только надѣюсь на это, но вполне убѣжденъ, что вы искренно желаете мнѣ добра.

Арвело пожалъ руку и вышелъ, а Фальконъ долго стоялъ потомъ, погруженный въ размышленія,—но онъ не привыкъ слишкомъ много беспокоить себя неприятными вещами.

— Странные люди, прошепталъ онъ;—на *все* смотреть они съ мрачной стороны. Во многомъ онъ, можетъ быть, правъ. Таможни не приносятъ столько, сколько слѣдовало бы, и крошкѣ того еще меня позорно обворовываютъ — но что же дѣлать? Не могу же я перевернуть весь міръ вверхъ дномъ. Но, подождемъ, какія извѣстія принесетъ Олеага.

Онъ посмотрѣлъ на часы, подошелъ къ угловому шкапчику, досталъ оттуда сигару, закурилъ ее, и потомъ легъ на кушетку, чтобы промечтать остатокъ скучнаго дня.

IX.

Т ю р ь м а .

Главная каракасская тюрьма была довольно велика, и въ прежнее время стояла обыкновенно почти пустой, комнаты же для государственныхъ преступниковъ въ ней вовсе не было. Узнія маленькія кельи ея не имѣли никакой мебели: ни столовъ, ни стульевъ. Но во время управленія Фалькона, эта тюрьма была такъ напол-

нена, что пришлось занять и карцеръ, куда сажали обыкновенно буйновъ и пьяныхъ.

Этотъ карцеръ находился за гауптвахтой, и темныя кельи его одной стороною прижимали къ наружной стѣнѣ, и такимъ образомъ шли кругомъ двора. Передъ карцеромъ, въ караульной комнатѣ стояли солдаты. На дворъ карцера кромѣ того выходила дверь изъ комнаты, гдѣ сидѣлъ по утрамъ чиновникъ и записывалъ приведенныхъ арестантовъ, и водилъ ихъ въ префектуру.

Когда Жозефа привели въ префектуру, о немъ немедленно доложили; чиновникъ, выслушавшій докладъ, былъ имъ очень недоволенъ и даже смущенъ.

— Гм... и ничего не нашли у него?

— Карманы его мы еще не обыскивали, сеньоръ.

— И у него не было на шляпѣ подъ лентой голубой кокарды?

Вы хорошо осмотрѣли?

— Хорошо—тамъ ничего не было кромѣ вотъ этой тряпочки, которую я спряталъ.

— Это было у него подъ лентой? съ удивленіемъ спросилъ чиновникъ, внимательно разсматривая тряпочку.

— Что это значить, право я не знаю.

— Кажется, простой коленкоръ, замѣтилъ чиновникъ, понюхавъ тряпку и смотря ее на свѣтъ;—но почему знать, не написано ли тутъ чегонибудь химическими чернилами, во всякомъ случаѣ это надо изслѣдовать.

— А что намъ дѣлать съ молодымъ человѣкомъ?

— Заприте его. Президентъ самъ приказалъ это, можетъ быть, у него есть какіянибудь бумаги. Отберите отъ него все, что найдете. Онъ человѣкъ подозрительный, и съ нимъ надо быть осторожнѣе.

Полицейскій повернулся, чтобы уйти, но вернулся и сказалъ:

— Куда намъ помѣстить его? въ тюрьмѣ нѣтъ мѣста, а для карцера онъ слишкомъ порядоченъ.

Чиновникъ пожалъ плечами.

— Мы не можемъ переменитьсь съ такими господами, у насъ ихъ довольно. Зачѣмъ они не ведутъ себя, какъ порядочные граждане, тогда они не испытывали бы неприятности попадать въ тюрьму.

— У стараго Гонзалеса болѣе унцій золота, чѣмъ кофейныхъ зеренъ въ мѣшкѣ, отвѣчалъ полицейскій.

Чиновникъ подумалъ, что если бы старикъ Гонзалесъ пришелъ къ нему, то дѣло можно было бы уладить, и сказалъ:

— Вотъ посмотримъ что тутъ дѣлать, а теперь надо посадить его въ какую нибудь келью. До сумерекъ еще далеко; пока не послѣдовало какихъ нибудь прямыхъ приказаній—ведите дать ему отдѣльное помѣщеніе.

— Деньги отобрать отъ него?

— Если ихъ много, такъ опасно оставлять у него; а немного, такъ лучше оставить, онѣ ему понадобятся на ѣду.

— Вы теперь не допросите его?

— Мнѣ сначала надо доложить.

Полицейскій вышелъ и велѣлъ двумъ солдатамъ свести арестованнаго въ карцеръ и дать ему тамъ особое помѣщеніе.

Жозефъ, не зная еще, куда его хотятъ вести, протестовалъ противъ этого и требовалъ свиданія съ префектомъ, такъ какъ арестованъ онъ противузаконно. Но для солдатъ, грубыхъ полуиндѣйцевъ, полу-негровъ, не было большаго наслажденія, какъ права распорядиться бѣлыми. Они ненавидѣли всю расу, и съ дикимъ крикомъ толкали арестованнаго. Жозефъ вскорѣ увидѣлъ, что надо покориться силѣ, и положеніе его показалось ему смѣшнымъ, такъ что онъ, смѣясь, обратился къ солдатамъ:

— Хорошо, кавалеры, я и тамъ могу подождать, такъ же, какъ и тутъ, и вѣрно можно будетъ достать стаканчикъ вина?

— Да! да! вскричали солдаты, получившіе надежду сбѣгать за виномъ;—вино тутъ отличное.

Хотя Жозефъ сомнѣвался, чтобы вино было отличное, но думалъ, что выпить не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что на душѣ у него было легко—коарды не нашли, а бумагъ онъ никакихъ съ собой не носилъ.

Между тѣмъ они дошли до карцера, и полицейскій обратился къ караульному офицеру, прося его принять арестанта.

— Идите къ тюремщику, сказалъ офицеръ, не удостоивъ ихъ даже взгляда;—мнѣ съ этой сводочью дѣлать нечего.

У Жозефа вертѣлся на языкѣ колкій отвѣтъ, но онъ проглотилъ его, потому что въ послѣдніе полчаса приобрѣлъ опытности

болѣе, чѣмъ въ цѣлый годъ. Власть была въ рукахъ у солдатчины. Справедливости противъ такихъ людей исвать было негдѣ, слѣдовательно лучше не давать имъ возможности потѣшаться надъ собою. И при такомъ правительствѣ, по мнѣнію Изабеллы, можетъ быть хорошо? Она мечтательница, неизвѣющая понятія о настоящемъ положеніи дѣлъ.

Думая такимъ образомъ, Жозефъ вошелъ за полицейскимъ во внутренность карцера, гдѣ былъ пораженъ нечистотою и ужасной атмосферой.

Одинъ изъ солдатъ позвалъ тюремщика, грязнаго, какъ и самое мѣсто, гдѣ онъ властвовалъ. На одной ногѣ у него былъ башмакъ, а другая была босая, штаны доходили только до грязныхъ колѣнъ, а затѣмъ прямо на голое тѣло надѣта изодранная куртка, а на груди висѣлъ крестъ. Онъ пришелъ, шлепая башмакомъ и звеня связкою ключей. Подойдя къ Жозефу, онъ проговорилъ:

— Вѣдь не класть же мнѣ его къ себѣ въ постель. И безъ того вездѣ по трое. Всѣ мѣста заняты, и если вы не будете носить ѣды и не пристроите еще нумеровъ, то ничего не подѣлаешь. Сажайте его на верхъ, на крышу.

— Теперь пока надо его оставить здѣсь, отвѣчалъ полицейскій; — у него деньги есть, шепнулъ онъ тюремщику, — и онъ заплатитъ вамъ.

— Чортъ побери! ворчалъ тюремщикъ; — какъ посадить его одного, вѣдь не выпустить же другихъ. Задастъ мнѣ тогда трезвону старый генераль, да разъ онъ меня и самого запряталъ въ такую клѣтку, гдѣ я думалъ, что блохи на смерть загрызутъ меня. Нѣтъ, ужь во второй разъ этого не будетъ.

— Да кто же у васъ тутъ сидитъ?

— Почемъ я знаю! проговорилъ тюремщикъ, — но въ одиночку не сидитъ никто. Въ нѣкоторыхъ конурахъ сидятъ по трое и по четверо, такъ что протянуться ночью негдѣ. Надо или сдѣлать пристройку къ тюрьмѣ, или часть арестантовъ разстрѣлять для освобожденія мѣстъ.

— Пріятно, подумалъ Жозефъ; — неужели придется сидѣть въ такой конурѣ?

— И куда посадить одного? спросилъ полицейскій.

— Некуда, отвѣчалъ тюремщикъ;—только въ 37-мъ номерѣ лежитъ одинъ больной, убившій на пароходѣ офицера.

— Больной? Что съ нимъ?

— Не то что больной, но у него разрублена голова въ двухъ мѣстахъ, и онъ еще не совсѣмъ въ памяти.

— Ну вотъ и хорошо, смѣясь сказалъ полицейскій;—въ не-му-то мы этого и посадимъ. Его нельзя сажать съ кѣмънибудь, съ кѣмъ бы онъ могъ говорить. Отпирай-ка, старикъ, но пред-варительно, сеньоръ, позвольте обыскать ваши карманы, что у васъ въ нихъ.

Жозефъ, вслушавшись въ разговоръ, понялъ, что рѣчь шла о молодомъ Кастиліѣ, братѣ Анны, и увѣренный, что его арестъ не продлится болѣе двухъ часовъ, былъ радъ, что можетъ при-нести даже нѣкоторую пользу.

Онъ съ ужасомъ отступилъ назадъ, когда тюремщикъ открылъ дверь въ конуру, но долженъ былъ войти въ нее, послѣ осмотра кармановъ; деньги ему оставили, съ похвощицъ, но часы взяли, говоря, что онъ получитъ ихъ, когда будетъ свободенъ. Полицейскій съ завистью посмотрѣлъ, какъ Жозефъ пряталъ деньги въ карманъ и заворчалъ, что тотъ не далъ ему „за хлопоты“.

— Ну, готовы вы? нетерпѣливо спросилъ тюремщикъ.

— Да.

— Такъ входите, а мы уйдемъ.

— Вы хотѣли вѣдь вина? сказалъ одинъ изъ солдатъ.

— Да, другъ, это славная мысль! вскричалъ Жозефъ;—вотъ деньги, купите бутылку вина да стаканъ, а остальное вамъ за труды; но поскорѣе.

— Сейчасъ, сеньоръ, благодарю васъ.

Жозефъ осмотрѣлся съ непріятнымъ чувствомъ. Стѣны конуры были изъ кирпича безъ штукатурки, а полъ изъ плитки. Въ темной конурѣ, длиною въ нѣсколько футовъ и шириною шага въ четыре, не было ни стула, ни стола, ни койки, а только съ лѣвой стороны на полу лежалъ грязный, грубый матрацъ, и на немъ человѣческая фигура, прикрытая краснымъ шерстянымъ одѣяломъ.

— Ну вотъ и квартира взята, сказалъ тюремщикъ, держа еще дверь незатворенной; — устраивайтесь поудобнѣе.

— Но, любезный другъ, съ ужасомъ вскричалъ Жозефъ; — вѣдь тутъ нѣтъ даже стула, нельзя же все стоять!

— Ну, смѣясь сказалъ старикъ, запирая дверь; — можете лечь на полъ. Вы получите коровью шкуру, и только, — это правило.

Когда Жозефъ присмотрѣлся къ темнотѣ, то увидѣлъ, что въ дверяхъ есть окошечко, въ видѣ сердца, величиною съ большой апельсинъ. Онъ сталъ смотрѣть въ него въ ожиданіи вина, и вскорѣ показался солдатъ съ бутылкою и тюремщикъ съ кожною. Ключъ снова щелкнулъ въ замѣкъ.

— Вотъ, сеньоръ, и вино, сказалъ солдатъ; — стаканъ этотъ отъ тюремщика, не разбейте его, а то придется заплатить... а остальные деньги... онъ медленно полѣзъ въ карманъ.

— Оставьте ихъ себѣ, другъ; вы оказали мнѣ услугу, а я даромъ ничего не принимаю. Какъ бы это, смотритель, получить мнѣ за деньги и ласковыя слова стулъ и столъ.

— Столовъ, пробормоталъ старикъ, — у насъ совсѣмъ нѣтъ, а насчетъ стула мы посмотримъ; конечно, и стулья у насъ въ рѣдкость.

— Я куплю у васъ стулъ и потомъ оставлю вамъ въ наслѣдство. Да вотъ еще что: нельзя-ли послать когонибудь къ отцу, чтобы дома не беспокоились обо мнѣ? Я хорошо заплачу. Даромъ я *ничего* не требую.

Тюремщикъ покачалъ головой.

— Теперь нельзя, надо сначала подождать отвѣта. Можетъ быть, завтра.

— Завтра? съ ужасомъ вскричалъ Жозефъ, такъ какъ ему только теперь представилась возможность пробыть тутъ цѣлую ночь; но тюремщикъ заперъ дверь, щелкнулъ замкомъ и, не говоря болѣе ни слова, ушелъ.

Жозефъ оцущью послалъ кожу, потомъ налилъ стаканъ вина и залпомъ выпилъ его, какъ вдругъ послышался тихій голосъ:

— Кто тутъ?

Жозефъ все время не переставалъ думать о больномъ, и теперь увидавъ, что онъ не въ безпамятствѣ, наклонился къ нему и тихо проговорилъ:

— Другъ, сеньоръ. Каково вамъ? Вы еще больны?

— Кто такой другъ? спросилъ больной; — я въ потьмахъ не могу разсмотрѣть лица.

— Вѣрю, отвѣчалъ Жозефъ; — я тоже не вижу васъ. Вы Кастилія? Не такъ ли? Элой Кастилія?

— Какъ, вы знаете мое имя? Кто вы такой?

— Жозефъ Гонзалесъ; сестра ваша Анна у насъ въ домѣ.

— Слава тебѣ, Господи! прошепталъ больной; — одной заботой меньше. Но какъ вы попали сюда?

— Еслибъ я самъ это зналъ... но прежде всего, что ваши раны? Ваша сестра вовсе не знаетъ, что вы тяжело ранены.

— Тяжъ лучше; но говорите тише, а то насъ разведутъ; я слышалъ, что говорили служители. Вообще раны у меня самыя ничтожныя, такъ, царапины, но кровь залѣпила мнѣ глаза, потому что я долго лежалъ на спинѣ, съ завязанными руками.

— Тюремщикъ сказалъ, что вы въ безпамятствѣ.

— Я представляюсь больнымъ. Докторъ, перевязывавшій меня, шепнулъ мнѣ, чтобы я притворялся, а то у меня отберутъ матрацъ, который дали только потому, что онъ настоялъ на этомъ. Бѣдная, бѣдная моя сестра, ну какъ она поживаетъ?

— Она здорова и хлопочетъ о васъ. Она была у Олеаги, который очень хорошо принялъ ее.

— Когда? быстро вскричалъ Элой.

— Въ первый же вечеръ, какъ она пріѣхала изъ Лагуайры.

— А сегодня она видѣла его.

— Не знаю. Сегодня я ушелъ рано изъ дому, послалъ нарочнаго съ извѣстіемъ къ вашимъ родителямъ, и потомъ былъ арестованъ самымъ страннымъ и непонятнымъ для меня образомъ, и приведенъ сюда. Не понимаю, какъ васъ засадили въ такую конуру, потому что министръ увѣрилъ и обѣщалъ вашей сестрѣ изслѣдовать дѣло и поступать съ вами самымъ кроткимъ образомъ. Но можно ли вѣрить обѣщаніямъ этихъ лицемѣровъ. И это они называютъ поступать кротко — это просто какал-то шайка разбойниковъ.

— У меня отобрали всѣ письма, продолжалъ Кастилія, — и я думаю, что подвергнусь строгому обвиненію. Вѣроятно, вчера министръ еще ничего не зналъ о письмахъ.

— Чортъ возьми, а у васъ были важныя бумаги?

— Письмо изъ Барцелоны въ главную квартиру и депеши.

— Ну, дѣло скверное, а мы тутъ вовсе не на столько организованы, чтобы успѣшно дѣйствовать. Эти вѣчныя совѣщанія да переписка только задерживаютъ дѣло, а желтые становятся все нахальнѣе да смѣлѣе. Кто руководить дѣломъ въ Барцелонѣ?

— Монагасъ.

— Ну, старикъ, котораго уговорить легко, и онъ будетъ дѣлать попытки къ примиренію. А между тѣмъ они раззорятъ всю страну.

— А вы ни въ чемъ не провинились?

— Ни въ чемъ; по крайней мѣрѣ, ни въ чемъ, что могла бы подозрѣвать здѣшняя сволочь. Я офицеромъ въ арміи голубыхъ, но здѣсь объ этомъ знаютъ только самые короткіе друзья, и со мною не было ни бумагъ, ни писемъ, которыя могли бы компрометировать меня. Но, какъ я уже сказалъ, желтые становятся все нахальнѣе и смѣлѣе, и ни одинъ спокойный гражданинъ не можетъ поручиться за свою свободу на улицахъ и за свое достояніе дома. Но, чертъ возьми, воскликнулъ онъ, — я держу тутъ бутылку въ рукахъ, забывая, что вы вовсе не такъ тяжело ранены. Глотокъ вина вѣрно не повредитъ вамъ.

— Я давно мечталъ объ этомъ, со вздохомъ сказалъ арестантъ; — но негодяи все отобрали отъ меня, до послѣдней копѣйки, а безъ денегъ здѣсь можно погибнуть.

— Какъ это я прежде не подумалъ объ этомъ! вскричалъ Жозефъ; — но эта бѣда поправима. Вотъ, товарищъ, пейте; вино недурно и точно огнемъ пробѣгаетъ по жиламъ.

Кастилія выпилъ и возвратилъ стаканъ, когда снаружи снова щелкнулъ ключъ въ замкѣ и отдернулась задвижка. Жозефъ послѣшно и осторожно поставилъ бутылку къ стѣнѣ, а товарищъ его лежалъ опять безъ чувствъ, какъ прежде.

Отворилась дверь и тюремщикъ дѣйствительно принесъ стулъ, который онъ просунулъ къ арестантамъ, но дверь за нимъ заперъ не сейчасъ же, потому что ждалъ платы.

— Ну что же, хорошо?

— Отлично, любезный другъ, сказалъ Жозефъ, отправляясь въ карманъ; — но скажите-ка мнѣ, развѣ меня не поведутъ къ префекту? Мнѣ хотѣлось бы знать, въ чемъ меня обвиняютъ?

— Еще успеете узнать это, замѣтилъ старикъ; — здѣсь дѣлается все своимъ чередомъ, больше я ничего не знаю. Я запираю замки, въ этомъ только и состоитъ моя обязанность.

— А что такое съ этимъ бѣднягой! Кажется, онъ очень боленъ? Развѣ къ нему не ходитъ докторъ?

— Былъ докторъ, и завтра опять будетъ.

— А если онъ до него умретъ?

— Ну, тѣмъ лучше, проворчалъ тюремщикъ, нетерпѣливо ожидавшій денегъ; — тогда ему не надо будетъ идти на висѣлицу.

— На висѣлицу! воскликнулъ Жозефъ; — развѣ онъ такъ преступень?

— Это шпионъ голубыхъ, да кромѣ того онъ убилъ одного изъ нашихъ офицеровъ. Его повѣсятъ, только подождутъ допроса. Благодарю васъ, прибавилъ онъ, получивъ деньги, и тотчасъ же заперъ дверь.

Жозефъ послушалъ, не остался ли тюремщикъ у дверей, а молодой Кастиля сказалъ, приподнимаясь на локтѣ:

— Пожалуй что онъ говоритъ правду, потому что, сколько мнѣ извѣстно, Фальконъ ненавидитъ наше семейство. Кромѣ того въ настоящее время у него есть особня причины считать насъ врагами. Конечно, онъ не пощадитъ меня; для мелкихъ душонокъ, какъ у него, настоящій случай слишкомъ заманчивъ, и онъ воспользуется имъ, чтобы отомстить всему семейству. Выходить я пропалъ, участь моя уже рѣшена.

— И народъ зоветъ его „великодушнымъ“?

— Народъ? Развѣ его генералы! Онъ великодушень только на чужія деньги, вообще же грязно скупъ.

— Но вѣдь онъ не кровожаденъ.

— Нѣтъ, но тѣмъ не менѣе, у него было уже нѣсколько жертвъ и число ихъ будетъ увеличиваться, по мѣрѣ возрастанія успѣха голубыхъ. До сихъ поръ все дѣло пока ограничивалось одними угрозами. Барселона же теперь показала, что пришло время настоящаго дѣла, и Фалькону придется стануть туда всѣ свои силы, и здѣсь, въ Каракасѣ, остаться почти беззащитнымъ.

Жозефъ, привыкнувъ немного къ темнотѣ, увидѣлъ, что лицо его товарища было блѣдно и все въ крови. Ему промыли только глаза. Анна, прелестная дѣвушка, какъ пожалѣла бы она брата! —

На милосердіе Фалькона рассчитывать было нельзя, и мысли Жозефа невольно останавливались на бѣгствѣ.

Но пока Жозефъ самъ былъ подъ арестомъ, о бѣгствѣ Кастиліи нельзя было и мечтать. Кастилія же, между тѣмъ, не подозрѣвая о чемъ думалъ его товарищъ, вздохнулъ и тихо проговорилъ:

— Бѣдная мать... какъ она огорчится... а какъ могли бы мы быть счастливы. Какое бѣдствіе для страны принесъ этотъ несчастный человекъ!

— Вы были ужь у допроса? спросилъ Жозефъ, преданный своимъ мыслямъ.

Арестантъ покачалъ головою.

— Меня привезли сюда безъ чувствъ, отвѣчалъ онъ.—Ужасная ѣзда на телѣгѣ, длившаяся цѣлую ночь, такъ страшно утомила меня, что я дѣйствительно былъ нѣкоторое время безъ чувствъ.

— Такъ вы везли съ собою опасныя бумаги?

— Всю корреспонденцію новаго временнаго правительства въ революціонный генеральный штабъ этой области.

— Ну такъ вамъ надо бѣжать, рѣшительно сказалъ Жозефъ;—другого исхода нѣтъ, или дѣло кончится для васъ плохо.

— Бѣжать? но какъ бѣжать отсюда? Кромѣ того, я очень слабъ, потому что со вчерашняго дня ничего не ѣлъ.

— Ну этому мы поможемъ, быстро отвѣчалъ Жозефъ;—прежде всего вамъ надо укрѣпиться. А о другомъ позвольте позаботиться мнѣ.

И не говоря болѣе ни слова, онъ приложилъ ротъ къ дверному отверстию и крикнулъ проходившему караульному солдату:

— Нѣтъ ли тутъ когонибудь изъ солдатъ, кто бы хотѣлъ заработать нѣсколько реаловъ?

— Когонибудь! вскричалъ караульный;—да найдется цѣлая рота, и я въ томъ числѣ — реальчикъ-то можно и мнѣ дать, сеньоръ, чтобы купить чегонибудь поѣсть, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ и подходя къ самой двери;—я сегодня еще ничего не ѣлъ.

— Чортъ возьми, другъ, это плохо, отвѣчалъ Жозефъ;—я тоже голоденъ, такъ, можетъ быть, обоимъ насъ можно будетъ

накормить. Вотъ возьмите себѣ эти два реала, и позовите ко мнѣ кого нибудь, чтобы я могъ послать его въ трактиръ за кушаньемъ. Позовете?

— Конечно, сеньоръ, съ большимъ удовольствіемъ.

— Ну, такъ вотъ вамъ два реала, а эти два пезоса отдайте тому—поль-пезоса пусть возьметъ себѣ, а на остальное купить мнѣ—только, понимаете, въ трактиръ!—хлѣба, холодную курицу или мяса и картофеля. Я вовсе не намѣренъ умирать тутъ съ голода.—Постойте, вотъ еще нѣсколько реаловъ на вино. Я страшно пить хочу, а тутъ въ конурѣ жарко и душно, да и сидѣть съ раненымъ не совѣтъ-то пріятно.

— Вѣрю, сеньоръ, добродушно отвѣчалъ солдатъ, взявъ деньги черезъ сердцевидное отверстіе; — все будетъ исполнено. Благодарю покорно.

Съ этими словами онъ ушелъ, а Жозефъ опустился на стулъ и сталъ раздумывать, какъ привести въ исполненіе свой планъ.

— Знаете что, Кастилія, сказалъ онъ;—вотъ какая у меня мысль. Мнѣ кажется, что стѣна этой тюрьмы выходитъ на улицу—на какую, я, конечно, не знаю, потому что не осматривалъ прежде этой мѣстности,—но только-что выпустятъ меня—я займусь этимъ.

— Но какъ пробить мнѣ стѣну?

— Прежде всего представляйтесь больнымъ при смерти, чтобы вами, по возможности, мало занимались. Докторъ, должно быть, изъ нашей партіи, а то онъ не далъ бы вамъ добраго совѣта, а кушанье вѣрно позволятъ посылать вамъ. Вы говорите, что деньги все у васъ отобрали, слѣдовательно теперь вамъ нельзя показывать ихъ, а то я оставилъ бы вамъ все, что у меня останется; но надо выхлопотать позволеніе продовольствовать васъ, а съ продовольствіемъ я и пошлю вамъ инструментъ, которымъ вы въ одну ночь пробуряете стѣну.

— А если корзину осмотрятъ?

— Непремѣнно, отвѣчалъ Жозефъ, — и я уже думалъ объ этомъ, но и тутъ есть средство. Я иногда занимаюсь столярничествомъ;—я сдѣлаю ящикъ съ двойнымъ дномъ и вложу туда тонкое долото. Задвижку отъ двойного дна вы найдете сами. Инструментъ въ матрацъ не кладите, потому его могутъ каждую

минуту отобрать отъ васъ, а привяжите себѣ гдѣнибудь къ тѣлу, пока онъ не понадобится.

— Но какъ же я узнаю, что время работать.

— Гм... чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ лучше, проговорилъ Жозефъ;—надо дать какойнибудь знакъ. Чувствуете ли вы себя въ силахъ бѣжать теперь же.

— Хоть сейчасъ, только бы утолить мнѣ голодь, а то онъ обезсиливаетъ меня.

— Сейчасъ намъ принесутъ ѣсть. Вашъ побѣгъ, я думаю устроить такъ: — конечно, прежде всего мнѣ надо освободиться, но я полагаю, это случится скоро, потому что причина моего ареста слишкомъ смѣшна, и думаю, что я арестованъ по недоразумѣнью, которое скоро разъяснится. И лишь только я выйду, я немедленно осмотрю мѣстность и пришлю вамъ знакъ, ну перевяжу соль или чтонибудь другое красной ленточкой. Когда вы останетесь одни — начинайте работу, — всего лучше колупайте стѣну подлѣ вашего матраца — тутъ удобнѣе. А тамъ на улицѣ все ужъ будетъ готово. Работайте только какъ можно осторожнѣе, чтобы васъ не накрыли, а остальное предоставьте вашимъ друзьямъ; вотъ еще что: когда я пришлю вамъ знакъ, начинайте работу въ десять часовъ вечера, никакъ не раньше, потому что если стѣна выходитъ на улицу, какъ я подозреваю, то на улицѣ до десяти часовъ народъ. Самое лучшее время для бѣгства отъ десяти до двѣнадцати.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ солдатами, принесшимъ кушанье и остановившимся у дверей, въ ожиданіи тюремщика, который вскорѣ пришелъ, ворча, что его слишкомъ часто беспокоятъ. Кушанье принесли въ ящикѣ, и конечно тюремщикъ все перерылъ своими грязными руками, а хлѣбъ разломилъ. И только убѣдившись, что нѣтъ ничего подозрительнаго, онъ просунулъ ящикъ въ дверь, и потомъ тотчасъ же опять заперъ ее.

X.

У военного министра.

Въ домъ Гонзалеса, между тѣмъ, Жозефа ожидали за обѣдомъ лишнихъ полчаса, и старикъ отецъ, человекъ весьма аккуратный, потерялъ, наконецъ, терпѣніе.

— Чортъ возьми! вскричалъ онъ; — вѣдь мальчикъ знаетъ время, когда мы обѣдаемъ, и что я не стану ждать никого, ни даже самого президента; такъ пусть и не пѣняетъ. Идемъ, жена, я страшно ѣсть хочу.

— Но Анна Кастилія и Беатриче тоже еще не вернулись, отвѣчала жена;— ихъ вѣрно задержали у Олегаи. Онѣ были сегодня тамъ три раза.

— Саганба, сегодня точно заговоръ противъ меня; но безъ дѣвушекъ обѣдать нельзя.

— Беатриче никакъ не опоздала бы, еслибъ ихъ не задержали тамъ.

— Это правда, но мнѣ вовсе не нравится это замедленіе; это не добрый знакъ, для хорошихъ вѣстей требуется немного времени. Я боюсь, что дѣло молодого Кастиліи не хорошо.

— Что нарочный уже уѣхалъ? спросила жена.

— Давно уѣхалъ. Мы посадили его въ дилижансъ, и теперь онъ уже далеко. Завтра въ обѣдъ старики получатъ увѣдомленіе. Гдѣ бабушка?

— У себя въ комнатѣ; надо ее позвать, когда мы сядемъ обѣдать, да вотъ и она.

Въ это время кто-то постучалъ у крыльца. Вмѣсто ожидаемыхъ дѣвицъ, въ комнату вошелъ молодой человекъ, знакомый Жозефа, и, кланяясь Гонзалесу, сказалъ:

— Жозефа нѣтъ дома?

— Нѣтъ, и цѣлый день не былъ. Богъ его знаетъ, гдѣ онъ пропадаетъ.

— Такъ, значитъ, это правда, что его арестовали, продолжалъ молодой Саласъ.

— Арестовали? кого?... когда? вскричалъ Гонзалесъ, съ удивленіемъ, глядя на Саласа; — о комъ вы говорите?

— О Жозефѣ и полиціи.

— О полиціи? Да какое же дѣло можетъ быть у Жозефа съ полиціей?

— Не знаю. Сегодня утромъ я шелъ по площади и видѣлъ толпу народа, но не обратилъ на это вниманія, потому что былъ слишкомъ занятъ. А потомъ, отправляясь обѣдать, я встрѣтилъ молодого Барро, который разсказалъ мнѣ, что видѣлъ, какъ полицейскіе вели Жозефа и посадили подъ арестъ.

Старикъ Гонзалесъ поблѣднѣлъ, но не хотѣлъ показывать свое смущенія молодому человѣку, отецъ котораго, какъ достоверно было извѣстно, находился въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ правительствомъ.

— Гм, проговорилъ онъ, принужденно улыбаясь; — это какое нибудь недоразумѣніе, потому что я не понимаю, что могъ Жозефъ сдѣлать. Пустяки! прибавилъ онъ и засмѣялся.—Пріятель вашъ вѣрно ошибся.

— Врядъ ли. Онъ коротко знаетъ его и говоритъ, что стоялъ около Жозефа. На улицѣ чуть не произошла схватка.

— Удивительно. Все-таки благодарю васъ, любезный Саласъ, я потомъ справлюсь. Всѣмъ извѣстно, какъ въ настоящее время, когда господствуетъ такое недовѣріе, легко всякому наткнуться на непріятность, и провести ночь подъ арестомъ; но я все еще надѣюсь, что это просто недоразумѣніе. Мнѣ было бы крайне непріятно, если бы кто нибудь изъ членовъ моей семьи провинился противъ законовъ страны; очень непріятно.

— Вѣроятно это пустяки; честь имѣю кланяться, сударыни, извините меня за мое несвоевременное посѣщеніе, но мнѣ все-таки хотѣлось увѣдомить васъ.

И дружески простившись, молодой человѣкъ вышелъ изъ дому. Старикъ же Гонзалесъ не двинулся съ мѣста и, всплеснувъ руками, со страхомъ воскликнулъ:

— Несчастный мальчикъ! если они найдутъ кокарду у него на шляпѣ, онъ пропасть.

Мать и бабушка стояли тутъ же, и мать, поблѣднѣвъ, опустилась на стулъ.

— Ахъ! какъ просила я его снять кокарду! проговорила она. Старая же бабушка со смѣхомъ сказала:

— Это научить васъ впередъ, что съ упрямыми мальчишомъ уговоры ни къ чему не ведутъ. Я не говорила ему ни слова, а сегодня утромъ, передъ его уходомъ, тихонько сръзала у него подъ лентой коварду — вотъ она. Бумагъ у него тоже съ собой нѣтъ, потому что портфель его лежитъ на столѣ — ну что же могутъ съ нимъ сдѣлать?

— Слава тебѣ Господи! вскричала мать, обвиняя бабушку; — звать его взяли по подозрѣнію, и ничего дурного съ нимъ не будетъ.

— Да и не могло быть, сказала старуха; — и ничего не было бы, но изъ кармана Педро они выжали бы кругленькую сумку. Въ этомъ можете быть увѣрены.

— Матушка права, замѣтилъ Гонзалесъ; — они теперь не знаютъ, гдѣ достать куска хлѣба для солдатъ. Ну, теперь надо поскорѣе отобѣдать, а потомъ разузнать, куда они дѣвали нашего молодца, и что хотять съ нимъ дѣлать.

Во время обѣда пришли и обѣ дѣвушки. Анна прошла прямо къ себѣ въ комнату, а Беатриче сѣла за столъ и стала рассказывать, что сначала Олеага не принялъ ихъ, но онѣ выждали его, и онъ, наконецъ, вышелъ къ нимъ на дворъ и сказалъ самымъ официальнымъ тономъ, хотя и вѣжливо, что у брата Анны найдены важныя бумаги, и потому трудно обѣщать чтонибудь хорошее.

Послѣ обѣда старикъ Гонзалесъ отправился на поиски, и только послѣ долгихъ хлопотъ ему удалось узнать отъ смотрителя карцера, которому онъ кое-что сунулъ, что Жозефъ сидитъ въ такомъ-то номерѣ.

Въ тотъ же вечеръ, за часъ до захода солнца, военный министръ Монтесъ ходилъ взадъ и впередъ по внутренней верандѣ своего дома съ генераломъ Бруцуалемъ, однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и вліятельныхъ приверженцевъ Фалькона. Разговоръ, конечно, шелъ о настоящемъ возстаніи. Изъ депешъ, найденныхъ у Кастиліи, были получены довольно точныя, но никакъ неутѣшительныя свѣдѣнія, что дѣло возстанія принимаетъ дѣйствительно серьезный характеръ.

— Не знаю, хорошо ли мы поступили, сказалъ Монтесъ, —

что послали въ такое время Колина въ Калабоцо. Но Фальконъ такъ настаивалъ на этомъ, что я не могъ распорядиться иначе.

— Не понимаю, какъ онъ попалъ на Калабоцо, отвѣчалъ Бруцуаль.

— Я тоже не знаю, но у него есть тайные источники, изъ которыхъ онъ извлекаетъ иногда очень вѣрныя свѣденія, и дѣйствуетъ соображаясь съ ними совершенно слѣпо.

— Въ Барселонѣ дѣла идутъ плохо; старшій Монагасъ снова волнуется.

— Не думаю, чтобы народъ питалъ къ нему довѣрiе и вѣрилъ его общанiямъ. Ему вѣрно опять хочется быть президентомъ.

— Онъ это отрицаетъ.

— Конечно, теперь онъ отрицаетъ, но когда ему предложить, онъ вѣрно не откажется.

— Говорятъ о Далла-Коста.

Монтесъ покачалъ головою.

— Этотъ не приметъ, не говоря уже о томъ, что онъ вѣрно видитъ невозможность удачно бороться съ нашей армiей, при настоящемъ ея вооруженiи и организацiи, но онъ побойлся принять на свою отвѣтственность наше финансовое положенiе. Сильва сидитъ постоянно безъ гроша, и я ужь не спрашиваю, сколько задолжали мы солдатамъ, уже давно не выдавая имъ жалованья.

— Поведенiе Далла-Коста болѣе чѣмъ двусмысленно.

— Двусмысленно? вскричалъ министръ. — Даже и не двусмысленно. Онъ, какъ пишетъ мнѣ Брицено, отклонилъ предложенiе революцiонной партiи открыто применить къ ней, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также отказывается исполнять свои обязательства относительно центрального правительства и держится въ своей Гвайанѣ такъ независимо и отдѣльно, какъ будто его штатъ принадлежитъ Новой Гранадѣ или англiйской Гвианѣ. Во всякомъ случаѣ онъ подаетъ этимъ дурной, очень дурной примѣръ, и Фальконъ потребуетъ отъ него отчета лишь только мы подадимъ возмущенiе по сосѣдству.

— Почему же мы теперь не приступаемъ къ этому? Колина посылаютъ въ Калабоцо, гдѣ не вспыхнуло еще никакого воз-

станія, а тутъ около насъ, въ лагунахъ, находится между тѣмъ цѣлый генеральный штабъ революціонеровъ, и мы даемъ имъ время организовываться. Если бы мы выгнали ихъ изъ удобнаго мѣста, то поселили бы между ними суматоху и ужасъ; а вмѣсто того мы позволяемъ имъ спокойно усиливаться, и не знаемъ даже, какъ сильны они здѣсь въ Каракасѣ и не надѣлаютъ ли они намъ болѣе хлопотъ, чѣмъ мы ожидаемъ.

— Неужели вы боитесь этой орды, собирающейся въ лагунахъ, генераль? смѣясь спросилъ военный министръ.

— Боятся! презрительно отвѣчалъ Бруцуаль;—но вѣдь мы не увѣрены даже въ городѣ. Оппозиція депутатовъ слишкомъ велика; она составляетъ большинство въ палатѣ, и въ самой столицѣ у нея сильная партія.

— Это я знаю, поэтому мы и заботимся, чтобы они не надѣлали вреда, замѣтилъ министръ;—наши друзья дѣйствуютъ ловко, не допуская ихъ къ рѣшительнымъ предпріятіямъ.

— Но все это только задержки. Мы оттягиваемъ наступленіе катастрофы, но не уничтожаемъ ее.

— Въ этомъ вы правы. Уничтожить ее можетъ мечъ — но лишь только Колина освободится тамъ—а въ Калабацо ему дѣлать нечего, какъ только утвердить энергически порядокъ и оставить значительное количество солдатъ, чтобы они постоянно находились за спиною непріятеля,—онъ вернется назадъ съ остальными силами и пополнитъ ихъ наборомъ дорогою.

— Кого назначили вы туда комендантомъ?

— Геррера.

— Онъ вѣренъ, такъ же какъ и Педро Мануэль Рохасъ,—но этотъ стоитъ слишкомъ далеко въ Санъ-Фернандо. Лучше если бы онъ и солдаты его были здѣсь — тамъ они приносятъ намъ мало пользы или вовсе не приносятъ ее, а тутъ они намъ нужны.

— Можетъ быть, я ошибаюсь. Самъ Фальконъ придаетъ ему большое значеніе, такъ что была рѣчь даже о назначеніи его дезигнадомъ.

— Дона-Педро Мануэля Рохаса? послѣшно вскричалъ Бруцуаль, кажется, не очень обрадованный этой новостью.

— Фальконъ говорилъ объ этомъ, продолжалъ Монтесъ;—но

вы сами знаете, какъ мало можно полагаться на его слова. Онъ колеблется во всѣ стороны, ни съ кѣмъ не хочетъ ссориться и при этомъ не замѣчаетъ, что безпрестанно всѣмъ наступаетъ на ноги.

— Да, онъ точно флюгеръ, а теперь-то именно намъ и нуженъ рѣшительный человѣкъ.

— Но за исключеніемъ небольшихъ слабостей, нельзя желать лучшаго человѣка на президентскомъ мѣстѣ.

— Такъ какъ вы говорите о слабостяхъ, сказалъ Бруцуаль;— то скажите мнѣ, дѣйствительно ли Фальконъ покупаетъ домъ въ Калль Жуанъ? и что ему въ немъ?

— Рѣшительно не знаю, отвѣчалъ министръ;—Сильва могъ бы вамъ лучше разъяснить этотъ вопросъ. Онъ въ отчаяніи, что долженъ доставать деньги.

— Такъ все-таки идутъ переговоры?

— О покупкѣ-то? конечно;—но съ какой цѣлью, я право не знаю. Только разъ сказалъ онъ Сильвѣ, что ждетъ одно короткое ему семейство изъ Каро, которое будетъ тамъ жить.

— Но вѣдь это чисто частное дѣло, до котораго Сильва не долженъ былъ бы касаться.

Монтесъ пожалъ плечами.

— Фальконъ смотритъ, какъ на государственное имущество на все, чего нельзя ему будетъ взять съ собою, когда онъ уѣдетъ изъ страны. Этотъ домъ онъ нанимаетъ уже давно.

— Ну что государству въ такомъ маленькомъ, жалкомъ домишкѣ? Порядочнымъ людямъ тамъ жить нельзя, а между тѣмъ президентъ тратитъ даромъ и деньги, и время. Я видѣлъ, какъ онъ туда ходилъ по вечерамъ. Не завязалось ли тутъ какихъ нибудь нѣжныхъ отношеній?

-- Почему знать, улыбаясь отвѣчалъ министръ;—но у насъ, любезный другъ, есть для разговора предметъ болѣе серьезный. Вы недавно требовали отъ меня, чтобы я достала вамъ оружіе! Неужели его точно недостаетъ?

— Конечно, сказалъ Бруцуаль.—Здѣсь, въ Каракасѣ у всѣхъ нашихъ солдатъ есть ружья, точно также и въ Викторіи и въ приморскихъ городахъ; но внутренніе гарнизоны вооружены только тесаками, и если дѣйствительно когда нибудь дѣло дойдетъ до

серьезной битвы, то имъ ее будетъ трудненько выдержать. Неужели у здѣшнихъ купцовъ нѣтъ болѣе оружейныхъ складовъ? Я совѣтывалъ бы вамъ скупить все, что можно, чтобы не подвергаться неприятности встрѣтить это оружіе въ рукахъ непріятеля.

— Сильва укажетъ на свои пустые карманы.

— Къ чорту его! Дайте векселя на таможеню.

— А когда я ихъ дамъ, то Олеата или Сильва въ тотъ же день выдадутъ приказъ таможенѣ, прекратить всѣ долговныя уплаты, и купцы останутся у насъ на шеѣ. Они поступили со мною такъ уже три раза.

— Ну такъ велите конфисковать оружіе тамъ, гдѣ только найдете его. Мы теперь на военномъ положеніи, и можемъ прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ. А купцы получаютъ потомъ по своимъ векселямъ.

— И потомъ насчитаютъ на насъ втрое и вчетверо.

— Англичанъ и французовъ и испанцевъ здѣсь у насъ очень мало, а все больше нѣмцы, которые будутъ довольны если получатъ и свою цѣну. Военныхъ кораблей у нихъ нѣтъ, слѣдовательно какъ же имъ потомъ требовать?

— Ну, посмотримъ, проговорилъ министръ.—Во всякомъ случаѣ, я прибѣгну къ различнымъ мѣрамъ. Вотъ еще что, Вруцваль, тамъ на столѣ лежитъ письмо отъ нѣмецкаго консула изъ Лагуайры. Кто-то изъ вашихъ генераловъ захватилъ въ солдаты одного молодого нѣмца, и консулъ требуетъ его выдачи.

— Требуетъ его выдачи? Да почему я знаю, гдѣ онъ? Неужели мнѣ дѣлать смотръ всей арміи, для отысканія какого-то нѣмца?

— Онъ ссылается на права иностранцевъ.

— А пусть его ссылается. Консулъ можетъ даже протестовать своему правительству. Протестъ приобщать къ другимъ протестамъ, тѣмъ дѣло и покончится. Я справлюсь, но трудиться для этого не стоитъ.

Съ улицы между тѣмъ послышались удары въ дверь, удивившіе генераловъ своею безцеремонностью.

— Что нибудь случилось, замѣтилъ Вруцваль;—а иначе никто не сталъ бы такъ стучаться.

Вскорѣ вѣстовой солдатъ вошелъ на веранду, держа въ рукахъ какую-то грязную бумажку и сказалъ:

— Сенъоръ на улицѣ стоитъ высокій, широплечій негръ, и увѣряетъ, что вы приказали ему явиться; что онъ изъ Лагуайры, и генераль.

— Генераль? Негръ? Каковъ онъ на видѣ?

— Не хорошъ, смѣясь сказалъ солдатъ;—и, кажется, не совсѣмъ трезвъ; когда же я не повѣрилъ ему, что онъ генераль, то онъ далъ мнѣ эту бумажку, чтобы я показалъ ее вамъ. Онъ стоитъ тамъ на улицѣ.

— Сагамба, сенъоръ, вскричалъ Монтесъ;—эту бумажку надо мнѣ прочесть? Да тутъ едва видны буквы.

— Дѣйствительно, кажется, это генеральскій патентъ, сказалъ Бруцуаль, —тоже разсматривая бумагу;—одно имя вытерто, а вотъ другое: Броунъ.

Монтесъ покачивалъ головою и смотрѣлъ внимательно на подпись. Она дѣйствительно была его, но онъ не могъ вспомнить, когда онъ подписывалъ эту бумагу. Число же было стерто.

— Какого онъ вида, порядочнаго?

Солдатъ покачалъ головою.

— На немъ чистая рубашка, сказалъ онъ;—но она ему узка, и спереди не сходится. Платье на немъ сидитъ точно на коровѣ сѣдло, а кулакъ у него, какъ моихъ два вмѣстѣ.

— Ведите его позвать, хотъ ради шутки, замѣтилъ Бруцуаль. — Онъ бумагу должно быть нашелъ, и хочеть ею воспользоваться, чтобы получить денегъ. Потомъ просто можно будетъ отправить его въ карцеръ, чтобы онъ тамъ проспался.

— Патентъ, кажется, неподложный, возразилъ Монтесъ;—мнѣ самому хотѣлось бы знать, откуда онъ его взялъ — приведите его сюда, а на дворъ поставьте человѣка два, можетъ быть, они понадобятся намъ.

Солдатъ вышелъ и вскорѣ возвратился вмѣстѣ съ нашимъ старымъ знакомымъ Самуиломъ Броуномъ. Негръ, казалось, былъ очень недоволенъ, что его заставили такъ долго дожидаться на улицѣ. Онъ ворчалъ что-то себѣ подъ носъ, и оставившись, неловко поклонившись при видѣ генерала Бруцуаля, котораго онъ зналъ очень хорошо, потому что служилъ подъ его начальствомъ.

— Какъ васъ зовутъ? коротко спросилъ Монтесъ, не отвѣчая на поклонъ.

— Самуиломъ Броуномъ, сеньоръ, отвѣчалъ негръ;— имя мое написано тутъ въ патентѣ.

— Откуда у васъ эта бумага?

— Откуда бумага? съ удивленіемъ отвѣчалъ негръ;—откуда же она можетъ быть какъ не изъ военнаго министерства.

Для официальнаго представленія Самуилъ Броунъ былъ нѣсколько страненъ. Хотя онъ взялъ у какого-то пріятеля чистую рубашку, но трудно было найти ему рубашку по плечамъ. Она расходилась спереди на цѣлую ладонь, и въ отверстіе видѣлась черная голая грудь, куртка его не удлишилась отъ ночи, проведенной на улицѣ и отъ послѣднихъ дракъ. Панталонъ продрался на лѣвомъ колѣнѣ, а лицо его, хотя на этотъ разъ и было вымытое, все-таки было заспано, а одинъ глазъ припухъ.

Бруцуаль посмотрѣлъ на Монтеса, который покачалъ головой и снова сталъ разсматривать бумагу. Наконецъ онъ сказалъ Бруцуалю по-французски:

— Я дѣйствительно помню, что недѣли четыре тому назадъ далъ нѣсколько патентовъ по настоятельному желанію Колина для людей, которыхъ я лично не зналъ, но за которыхъ ручался генераль. Но все-таки не можетъ быть, чтобы онъ назначилъ это животное.

— Дѣйствительно очень пріятный товарищъ, сухо отвѣчалъ Бруцуаль на томъ же языкѣ,—хотя мы можемъ указать на прелестные экземпляры генераловъ, но такого еще не было. Отъ Колина можно ожидать всего.

— Фальконъ былъ бы вѣдъ себя, если бы видѣлъ этого человѣка.

— Гм, почему знать? отвѣчалъ генераль;— у него бывають иногда странные вкусы. Этого парня я гдѣ-то прежде видѣлъ, но только не могу вспомнить гдѣ. Онъ, кажется, солдатъ.

Негръ смотрѣлъ то на одного, то на другого генерала не понимая ни слова, но догадываясь, что они говорятъ о немъ.

— Такъ вы и есть тотъ, какъ били его.... Самуилъ Броунъ, о которомъ написано тутъ въ патентѣ? спросилъ, наконецъ, Монтесъ, обращаясь къ негру.

— Тотъ самый, конечно, отвѣчалъ Самуиль, все болѣе и болѣе недовольный обращеніемъ, несовмѣстимымъ съ его настоящимъ званіемъ.—Иначе я не пріѣхалъ бы въ Каракасъ, но ваше превосходительство приказали мнѣ явиться.

— Кто приказалъ? Президентъ?

— Нѣтъ, вы приказали.

— Я? Ровно ничего тутъ не понимаю! вскричалъ Монтесъ.— Я ничего не приказывалъ. Гдѣ квартировали вы до сихъ поръ?

— Въ Лагуайрѣ, но въ письмѣ все это написано.

— Въ какомъ письмѣ?

— Которое я получилъ.

— А гдѣ оно?

— Да, пробормоталъ негръ,—гдѣ оно теперь, я и самъ не знаю, но я пріѣхалъ въ дилижансѣ.

— Тутъ есть какая-то ошибка.

— Гм, это было бы мнѣ очень непріятно. Кромѣ того въ первую же ночь у меня украли всѣ вещи и всѣ деньги. Я хотѣлъ просить васъ выдать мнѣ впередъ мѣсячное жалованье, чтобы я могъ сдѣлать себѣ форменное платье, а то солдаты не уважаютъ меня, и мнѣ приходится расправляться кудаками.

— Любезный другъ, отвѣчалъ Монтесъ;—я ничего не могу выдать вамъ впередъ, пока не поговорю о васъ съ генераломъ Колина, потому что, кажется, при выдачѣ патента произошла ошибка. Генераль Колина теперь въ походѣ и не вернется раньше двухъ недѣль. А до тѣхъ поръ потерпите. Потомъ же зайдите справиться.

— И я не получу денегъ? съ удивленіемъ спросилъ негръ.

— Я не могу дать вамъ денегъ, сказалъ Монтесъ, пожимая плечами.—Когда генераль Колина возвратится, мы узнаемъ въ чемъ дѣло. А до тѣхъ поръ потерпите.

— Да чѣмъ же я буду жить все это время здѣсь, въ Каракасѣ, гдѣ я ни души не знаю? Я теперь ужь задолжалъ, а въ карманѣ у меня нѣтъ ни гроша, да и въ долгъ не будутъ давать.

— Очень жаль, отвѣчалъ Монтесъ;—но зачѣмъ пріѣхали вы къ Лагуайры.—Чѣмъ вы тамъ были?

— Чѣмъ я тамъ былъ? Солдатомъ, унтеръ-офицеромъ.

— Гдѣ же ваша форма?

— Не могъ же я, генераль, ѣхать въ солдатской формѣ?

— И васъ оттуда отпустили?

— Конечно, на основаніи патента и письма?

— Я думаю будетъ всего лучше, замѣтилъ Бруцуаль, — что бы онъ ѣхалъ назадъ въ Лагуайру, къ себѣ въ полкъ, пока Колина не вернется въ Каракасъ.

— Да, чтобы всѣ надо мною хохотали, и называли бы меня генераломъ, не такъ ли? Нѣтъ ужъ этого не будетъ! вскричалъ негръ, ударивъ правымъ вулакомъ по своей лѣвой ладони. — После этого я жить на свѣтѣ не хочу, да и мнѣ никому нельзя на глаза показаться.

Монтесъ былъ очень недоволенъ всѣмъ этимъ дѣломъ, такъ какъ не могъ представить президенту подобнаго генерала, и не зналъ, что ему съ нимъ дѣлать.

— Хорошо, сказалъ онъ, шаря въ карманѣ жилета; — я посмотрю, что можно сдѣлать. Но рѣшить дѣло до возвращенія Колина нельзя. Вы конечно тутъ ни въ чемъ не виноваты, и потому вотъ пока примите это.

И онъ положилъ на широкую ладонь негра золотую монету. Негръ посмотрѣлъ на монету и потомъ сказалъ:

— Хорошо, ваше превосходительство, подождемъ. Когда деньги выйдутъ, я опять приду. Мнѣ было бы пріятнѣе, конечно, получить приличное форменное платье для того, чтобы солдаты знали, кто я таковой.

— Все это устроить генераль Колина. Когда онъ вернется, мы обо всемъ переговоримъ.

— Странное дѣло, проворчалъ негръ. — А я думалъ, что все зависить отъ военнаго министра. Но ужъ смеркается, мнѣ надо позаботиться о ночлегѣ.

И съ этими словами онъ подошелъ къ столу, чтобы взять свой патентъ. Монтесъ хотѣлъ не допустить его до этого.

— Оставьте лучше бумагу здѣсь, сказалъ онъ; — я наведу по ней справки.

— Не желалъ бы оставлять, недовѣрчиво проговорилъ негръ; — почему знать, что потомъ съ ней сдѣлается.

— Я бы отдалъ ее, замѣтилъ Бруцуаль, снова по-француз-

ски;—если онъ еще дня два поноситъ ее такимъ образомъ, то отъ нея останутся одни клочья.

Монтесъ согласился съ этимъ и кивнулъ негру, чтобы онъ взялъ патентъ. Тотъ сложилъ его неуловжими своими пальцами, положилъ въ боковой карманъ, и вышелъ, пожелавъ обоимъ генераламъ покойной ночи.

XI.

На слѣдующее утро.

Жозефъ Гонзалесъ провелъ не совсѣмъ пріятную ночь въ своей душной тюрьмѣ. Хотя онъ еще поздно вечеромъ требовалъ, чтобы его свели къ префекту, но его настоянія ни къ чему не послужили, и ему осталось только лечь спать.

Для двоихъ матрацъ былъ слишкомъ узокъ, и потому Жозефъ легъ на кожь, а голову положилъ на кончикъ матраца. Но спать ему мѣшали и мысли, роившіяся у него въ головѣ, и планы о женитьбѣ на Изабеллѣ и мириады блохъ, осыпавшихъ его. Кастилія же спала и дышала довольно спокойно. Жозефъ сталъ прислушиваться, какъ за стѣною проѣхала карета, слѣдовательно стѣна эта дѣйствительно выходила на улицу, и, судя по стуку колесъ, можно было заключить, что она не очень толста. Тамъ, конечно, тоже стоялъ караулъ, но его надо было подкупить. Къ утру онъ заснулъ, и проспалъ до тѣхъ поръ, пока тюремщикъ съ шумомъ не отворилъ дверей и не проговорилъ:

— Тутъ что ли сидитъ какой-то Гонзалесъ?

— Да, другъ! отвѣчалъ Жозефъ, вскочивъ и протирая глаза.

— Выходите! лаконически проговорилъ старикъ.

Жозефъ медлил, ему хотѣлось еще разъ поговорить съ Кастиліей, но онъ боялся возбудить подозрѣніе и дать тюремщику увѣренность, что больной можетъ говорить и сознавать. Кроме того, онъ не зналъ, зачѣмъ его спрашиваютъ, и не хотѣлъ ли посадить въ другой номеръ.

— Ну что скоро? сказалъ старикъ. — Вѣрно вамъ нравится быть тутъ?

— Не скажу, отвѣчалъ Жозефъ, выходя. Что же мнѣ дѣлать?

— Вамъ? проворчалъ тюремщикъ. — Ничего больше, какъ только выйти. Пришелъ приказъ выпустить васъ.

— Удивительно! вскричалъ Жозефъ. — Выпустить безъ допроса? Зачѣмъ же меня сажали, какъ какогонибудь преступника?

— Послушайте, любезный другъ, замѣтилъ тюремщикъ, — если вы человѣкъ благоразумный, то будьте довольны, и безъ дальнѣйшихъ разспросовъ просто уходите. Вотъ ваши часы.

— Такъ власти могутъ дѣлать, что хотятъ?

— Да, онѣ дѣлаютъ, что хотятъ.

— Гм! проговорилъ Жозефъ, осматривая стѣну, возвышавшуюся надъ его номеромъ. — Ваша правда, который теперь часъ?

— Солнце взошло. Я думаю, половина седьмого. Ваши часы стоятъ?

— Нельзя ли мнѣ достать воды, вымыться? Я такъ грязенъ, что стыдно идти домой по улицѣ. Нѣтъ ли гдѣ умывальника?

— Гдѣнибудь, конечно, есть, отвѣчалъ старикъ, — только не здѣсь. Что вы тамъ все рассматриваете, развѣ тамъ есть чтонибудь?

— Посмотрите-ка, какая тамъ летитъ странная птица.

— Да гдѣ же? Я ничего не вижу, отвѣчалъ старикъ.

— Ужь улетѣла. Вотъ что, смотритель, сказалъ Жозефъ, уже пройдя нѣсколько шаговъ и какъ будто вспомнивъ что-то: — вотъ бѣдняга, что лежитъ тамъ, на матрацѣ, ужасно жалокъ.

— Не долго ему лежать, отвѣчалъ смотритель ужь не такъ грубо, потому что Жозефъ полѣзъ въ карманъ за деньгами. — Только встанетъ онъ на ноги, его тотчасъ же повѣсятъ. Ужь объ немъ справлялись.

— Я отдалъ бы ему самому нѣсколько оставшихся у меня денегъ, но онъ не отвѣчаетъ на вопросы, и, кажется, еще не пришелъ въ себя.

— Да, онъ получилъ двѣ порядочныя рапы въ голову, и по-дѣломъ ему.

— Можетъ быть, вы будете такъ добры, что примете для него деньги?

— Если вамъ угодно, то почему же нѣтъ?

— Пожалуйста, вотъ спрячьте это для него, и, когда онъ придетъ въ себя, дайте ему стаканъ вина и чего нибудь поѣсть. Я найду какъ нибудь, или пришлю ему корзинку съ ѣдою. Вы передадите ему.

— Съ удовольствіемъ, это не запрещено. Но закрытой корзинки или ящика я принять не могу.

— Да ничего закрытаго и не будетъ, будьте покойны.

Съ этими словами онъ вынулъ всё оставшіяся у него деньги и отдалъ ихъ тюремщику, потомъ, осмотрѣвъ все, что ему было нужно, вышелъ спокойно на улицу. Въмѣсто того, чтобы идти домой, онъ отправился на другую сторону тюрьмы осмотрѣть стѣну, гдѣ увидѣлъ къ великому своему удовольствію и труппочку, висѣвшую на стѣнѣ, которую онъ замѣтилъ еще раньше, какъ разъ надъ своимъ номеромъ, и, кромѣ того, увидѣлъ подъ этимъ же значкомъ надпись громадными, неровными буквами черной краской: „Да здравствуетъ генералъ Гусманъ!“ Подобными надписями, не всегда правильно написанными, были украшены дома не только частныхъ лицъ, но и казенныя. Буква „Д“ вышеозначенной надписи на карцерѣ приходилась какъ разъ подъ труппочкой, висѣвшей надъ номеромъ Кастиліи. Такимъ росписываніемъ стѣны занимались солдаты.

Осмотрѣвъ все это, Жозефъ отправился домой.

Въ усадьбѣ Кастиліи во все это время проявлялась лихорадочная дѣятельность; походъ Колина, цѣль котораго черный генералъ скрывалъ даже отъ своихъ офицеровъ, сильно обезпечилъ реконквистадоровъ, и поставилъ ихъ на ноги. Отъ этого генерала можно было ожидать всего, потому что онъ считался самымъ храбрымъ полководцемъ изъ желтыхъ. Онъ могъ дѣйствительно поставить голубыхъ въ непріятное положеніе, если бы своротилъ съ прямого пути вправо, и если бы изъ Каракаса къ нему подошло подкрѣпленіе. Но никто не могъ понять, зачѣмъ онъ шелъ въ Калабоцо. Отдаленный городъ, во всякомъ

случаѣ, не могъ сопротивляться, и всегда могъ быть покоренъ безъ всякаго затрудненія.

- Между тѣмъ, дезертиры приносили извѣстія, что Колина идетъ усиленнымъ маршемъ къ югу, распространяя всюду ужасъ и забирая по дорогѣ все, что можно забрать.

Мигуэль Антонио Рохасъ нетерпѣливо ждалъ депешъ, о которыхъ его увѣдомляли въ письмѣ, но ждалъ напрасно. Ихъ везъ какой-то „надежный другъ“, но этотъ другъ будто канулъ въ воду, о немъ не было никакихъ извѣстій.

Рохасъ сидѣлъ въ кругу семейства Кастиліи, когда капитанъ Теха воротился, кончивъ свое порученіе, и былъ дружески приглашенъ къ обѣду. У генерала не было тайнъ отъ семейства Кастиліи, которое, какъ ему было извѣстно, душою и тѣломъ принадлежало революціи, а потому капитанъ Теха могъ смѣло въ присутствіи ихъ передавать подробности своей поѣздки. Извѣстія его были весьма утѣшительны: походъ Колина только усилилъ численность войска голубыхъ; множество молодыхъ людей, видя невозможность бороться съ той или другой партіей, примыкали къ голубымъ. Всюду образовывались маленькіе отряды; они иногда потихоньку, а иногда совершенно открыто выбирали себѣ предводителей, надѣвали голубую ленту на шляпу и ждали призываній, куда имъ идти и къ какому корпусу примкнуть.

Синто, молодой индѣйскій мальчишъ, вошелъ въ залу и доложилъ, что нарочный, однорукій Фелипъ, пріѣхалъ изъ Каракаса и привезъ письмо, которое ему велѣно отдать непременно въ руки самого хозяина.

— Письмо изъ Каракаса? Господи! со страхомъ вскричала мать. — Неужели что нибудь случилось? Элой и Анна сами могли бы быть уже здѣсь, еслибъ тотчасъ же по пріѣздѣ взяли карету. Я сегодня все утро жду ихъ.

— Полно, душа моя, сказалъ сеньоръ Кастилія спокойнымъ тономъ, хотя его самого одолѣвало какое-то непріятное предчувствіе. — У тебя сейчасъ явится разныя дурныя предположенія. Прежде всего надо прочесть письмо. Пошли сюда Фелипа, Синто, и подай ему тарелку, онъ вѣрно усталъ и проголодался, а потомъ онъ самъ разскажетъ намъ, что дѣлается въ Каракасѣ. Это умный парень, прибавилъ онъ, обращаясь къ Рохасу; — и

ничего не пропускаетъ мимо ушей, хотя, повидимому, ни на что не обращаетъ вниманія. Относятся къ нему всё дружески, считая его, какъ безрукаго калѣку, человекомъ неопаснымъ.

— Гдѣ лишился онъ руки?

— Во время послѣдней революціи; онъ расторопный малый и незамѣнимъ, какъ разсѣльный; своимъ промысломъ онъ зарабатываетъ порядочныя деньги и живетъ припѣваючи.

Между тѣмъ, Сивто ввелъ Фелипа, который, отдавъ всѣмъ общій поклонъ, подалъ письмо самому хозяину дома.

— Вы теперь прямо изъ Каракаса, Фелипъ? сказалъ сеньоръ Кастилія, взявъ отъ него письмо и распечатывая его.

— Да, сеньоръ, я выѣхалъ оттуда вчера днемъ.

— Выѣхали?

— Да, вѣрно дѣло спѣшное.

— А вотъ мы посмотримъ. Садитесь къ тому столу, Фелипъ, а Сивто дастъ вамъ поѣсть, въ стаканъ налейте себѣ вина, съ дальней дороги и то и другое будетъ кстати.

Фелипъ кивнулъ головою, и, не говоря ни слова, пошелъ къ указанному столу, гдѣ положилъ на полъ шляпу и палку, отбросилъ волосы съ лица и сталъ смотрѣть на двери въ ожиданіи Сивто съ кушаньями.

Старикъ Кастилія давно уже пробѣжалъ глазами длинное письмо, и сердце его облилось кровью, когда онъ узналъ содержаніе его.

Мать со страхомъ смотрѣла на лицо мужа.

— Отъ кого это письмо, Антоніо?

— Отъ Анны, отвѣчалъ отецъ, и буквы запрыгали у него передъ глазами. — Тамъ случилась непріятная исторія, которая, вѣроятно, кончится ничѣмъ.

— Ради Христа, сважи мнѣ все, воскликнула мать, — я умру отъ страха.

Теха давно уже посматривалъ на Рохаса. Онъ думалъ, не лишніе ли они здѣсь, и потому привсталъ съ своего мѣста; оба другіе гостя послѣдовали его примѣру. Но хозяинъ, протянувъ къ нимъ руку, воскликнулъ:

— Прешу васъ, оставайтесь, господа, отъ васъ у меня нѣтъ никакихъ тайнъ. Сынъ мой поставилъ себя въ непріятное поло-

женіе, и вы, можетъ быть, дадите хорошій совѣтъ, какъ ему выпутаться.

— Что такое случилось? вскричала мать:—я вся дрожу отъ страха!

— Письмо отъ Анны, и Фѣдяжка сама была, должно быть, въ страшномъ волненіи, когда писала его, но она надѣется на хорошій исходъ, потому что министръ юстиціи обошелся съ нею очень хорошо.

— Министръ юстиціи? съ ужасомъ спросила Роза; — какое же дѣло могло быть у Анны съ министромъ юстиціи?

— Вотъ что она пишетъ: „Милый отецъ, пріѣзжай сюда какъ можно скорѣе или пошли кого-нибудь. Съ Элоемъ случилось несчастіе. На пароходѣ изъ Барцелоны меня обидѣлъ одинъ офицеръ правительственной арміи — Элой заступился за меня. Офицеръ обнажилъ саблю и ударилъ брата. Братъ, защищая себя, застрѣлялъ его. Теперь онъ арестованъ...“

— Господи! простонала мать, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— Сеньора, проговорилъ Рохасъ;— дѣло это, правда, непріятное, но не безнадежное, не безпокойтесь ужъ слишкомъ. Какъ ни дурень во многихъ отношеніяхъ Фальконъ, но онъ не кровожаденъ. Процессомъ, конечно, торопиться не стануть, и когда будетъ доказано, что сынъ вашъ не нападалъ, а только защищался — а на его сторонѣ самые лучшіе адвокаты нашей партіи — то ему нечего бояться за свою жизнь. Кромѣ того всѣмъ извѣстно, что правительство находится теперь въ полномъ денежномъ кризисѣ, и я убѣжденъ, что деньгами вы все сдѣлаете.

Фелипъ остановился, наливая себѣ второй стаканъ, и, обтирая губы, сказалъ:

— У него нашли множество бумагъ и денегъ.

Всѣ хранили мертвое молчаніе, —самъ Кастилія даже поблѣднѣлъ.

— Почему вы это знаете? спросилъ наконецъ Рохасъ.

— Это рассказывали въ дилижансѣ, въ которомъ я ѣхалъ. Кромѣ того онъ получилъ двѣ раны по головѣ, и пока онъ будетъ безъ памяти, они ничего съ нимъ не сдѣлаютъ.

Роза поспѣшно бросилась къ матери, схватившейся за столъ, и удержала ее въ своихъ объятіяхъ. Страшное извѣстіе потрясло

бѣдную женщину; мужчины молча переглянулись, вполнѣ понимая всю серьезность сообщенныхъ Фелипомъ свѣденій.

— Вотъ объясненіе неполученія нами денегъ, тихо сказала Рохасъ, качая головою; — они попали въ неприятельскія руки, и я боюсь, что принесли не малую пользу Фалькону.

Фелипъ видѣлъ, что своимъ извѣстіемъ поразилъ мать, но что же было дѣлать? Вѣдь надо же было ей когда нибудь узнать объ этомъ; *бѣдные* люди терпѣли столько бѣдствій въ это несчастное время, такъ за что же богатнѣе избавились бы отъ нихъ, тѣмъ болѣе, что во всемъ остальномъ имъ было такъ хорошо?

Что было дѣлать? — Кастилія бросился помогать безчувственной женѣ, которая вскорѣ пришла въ себя и потребовала прочтенія письма.

— Да въ письмѣ больше ничего нѣтъ, ласково отвѣчалъ мужъ. — Анна отлично пристроена въ домѣ Гонзалеса. Какъ видно, письмо она писала въ первое же утро, и потому не могла сообщить ничего обстоятельнаго. Намъ нечего теперь ждать ее, потому что она не выѣдетъ изъ Каракаса, пока не рѣшится судьба Элоя. — Бѣдняжка! какъ тяжелы должны быть ей эти хлопоты!

— А что ты станешь дѣлать, Антоніо? спросила жена, пристально глядя ему въ глаза.

— Дай мнѣ прежде подумать. Все случилось такъ неожиданно, что я совсѣмъ потерялся. Пожалуйста, иди въ свою комнату, Ева; пусть Роза проводить тебя.

— Пусти меня въ Каракасъ, просила жена, сложивъ руки. — Если кто въ состояніи сдѣлать что нибудь, то, конечно, всего скорѣе мать. Говорятъ у Фалькона доброе сердце. Онъ не захочетъ отнять у матери ея единственнаго сына.

— Теперь иди къ себѣ въ комнату, Ева, прошу тебя; а мы подумаемъ съ генераломъ, что надо сдѣлать. Потомъ я поговорю съ тобой. Увлекаться теперь нельзя или мы можемъ испортить все дѣло.

Роза тоже начала просить мать удалиться, и та, чувствуя, что ей дѣйствительно надо успокоиться, вышла наконецъ подъ руку съ дочерью.

Она прошла около самого Фелипа, что ничуть его не безо-

кошю, такъ какъ онъ дѣйствительно былъ страшно голоденъ и исправно очищаль стоящія передъ нимъ тарелки.

Кастилія съ поникнувшюю на грудь головою ходилъ взадъ и впередъ по столовой и Теха не рѣшался прервать молчаніе. Къ чему могло служить утѣшеніе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нельзя было привести помощи!

— Если бы вы сами отправились въ Каракасъ, сеньоръ, сказалъ Рохасъ, посидѣвъ молча и задумчиво. — Можетъ быть, вы бы могли увидѣть президента.

— Неужели вы думаете, отвѣчалъ Кастилія, останавливаясь передъ нимъ, — что въ Каракасѣ неизвѣстно, какіе гости живутъ у меня въ домѣ. Неужели вы думаете, что мои собственныя убѣжденія также вполне неизвѣстны тамъ. Кромѣ того Фальконъ лично ненавидитъ меня, я знаю это изъ вѣрнаго источника, хотя никогда не имѣлъ съ нимъ никакихъ дѣлъ. Меня арестуютъ въ ту же самую минуту, какъ только узнаютъ, что я пріѣхалъ въ Каракасъ.

— Нѣтъ ли у васъ въ Каракасѣ какогонибудь друга, которому вы могли бы вполне довѣриться? спросилъ Теха.

Полковникъ Фермуда сидѣлъ до сихъ поръ молча. Ему самому дѣло это казалось чрезвычайно непріятнымъ, но, по его мнѣнію, все уже было потеряно. Когда Роза снова вошла въ залу, онъ подошелъ къ ней и сталъ утѣшать ее.

— Тебѣ лучше остаться съ матерью, дитя, сказалъ Кастилія. — Ей, можетъ быть, нужна твоя помощь.

— Она сама отослала меня, отецъ, извинялась молодая дѣвушка, — она хочетъ на нѣкоторое время остаться одна, чтобы собраться съ духомъ.

— Теха правъ, снова началъ Рохасъ, — если вы находитесь въ такомъ положеніи, то не можетъ ли какойнибудь другъ, имѣющій тамъ нѣкоторое вліяніе, сдѣлать все за васъ.

— Я знаю только одного человѣка въ Каракасѣ, отвѣчалъ Кастилія, — кому бы я могъ поручить серьезное дѣло. Это Гонзалесъ, съ которымъ я веду дѣла и въ домѣ у котораго живетъ теперь моя дочь, — но за такое дѣло онъ возьмется очень неохотно и кромѣ того будетъ дѣйствовать слишкомъ осторожно. Онъ человѣкъ чрезвычайно боязливый и хотя въ душѣ принадлежитъ

къ нашей партіи, тѣмъ не менѣе въ Каракасѣ онъ будетъ послѣднимъ изъ желающихъ разойтись съ правительствомъ. Онъ не вѣритъ, къ сожалѣнію, въ окончательную побѣду нашего дѣла и не желаетъ сжигать за собой кораблей. Три мѣсяца тому назадъ онъ былъ здѣсь и я напрасно старался убѣдить его — нѣтъ, онъ вовсе не годится для такого порученія.

— Что скажете вы, Фермуда? спросилъ генераль, — не знаете ли вы какого нибудь исхода? Вѣдь у васъ въ Каракасѣ множество друзей и родственниковъ. Вашъ дядя, напримѣръ, кажется, имѣетъ значительное вліяніе на Фалькона. Не полагаете ли вы, что онъ возьмется хлопотать за молодого Кастилію?

Фермуда пожалъ плечами.

— Генераль, отвѣчалъ онъ, — перейдя въ вашу партію и открыто взявшись за оружіе въ пользу революціи, мнѣ пришлось, какъ поймете вы сами, потерять всякое вліяніе на своихъ родственниковъ. Я, конечно, надѣюсь, что впоследствии все это снова измѣнится, но теперь всякая попытка такого рода будетъ бесполезна; я никакъ не могу принять на себя ответственности въ дѣлѣ, гдѣ необходимо скорое рѣшеніе, а только испорчу его невыполнимыми обѣщаніями.

— Можете ли вы дать мнѣ отпускъ, генераль Рохасъ? спросилъ Теха, долго боровшійся съ собой и наконецъ, повидимому, совершенно рѣшившійся.

— Отпускъ, къ чему?

— Я отправлюсь въ Каракасъ и посмотрю, что можно тамъ сдѣлать.

— А если васъ тамъ узнаютъ, то повѣсятъ, какъ шпіона, сказалъ генераль. — Да что можете вы сдѣлать?

— У меня очень много знакомыхъ въ столицѣ, въ особенности между моими соотечественниками; консулъ нашъ, мой закадычный другъ, и тамъ до сихъ поръ никто не знаетъ, что я поступилъ въ армію голубыхъ.

— А если какой нибудь шпіонъ видѣлъ васъ у меня?

Теха пожалъ плечами.

— Какъ солдатъ, я могу здѣсь умереть точно такъ же, какъ и тамъ; кромѣ того всѣ мы въ рукахъ Всевышняго. Я увѣренъ, что могу сдѣлать что нибудь, и если никакая человѣческая по-

мощь не въ силахъ проникнуть къ арестованному, то я все-таки привезу семейству его вѣрныя извѣстія о судьбѣ несчастнаго; а самое скверное все же лучше мучительнаго сомнѣнія.

— Да, это такъ, это такъ, прошептала Роза, и взглядъ ея съ благодарностью и волненіемъ остановился на молодомъ чело-вѣкѣ.

Фермуда подошелъ къ Рохасу и прошепталъ ему нѣсколько словъ. Генераль взглянулъ на него въ недоумѣніи и потомъ сказа-лъ:

— Дайте мнѣ полчаса времени обдумать это дѣло, Теха.— Что думаете вы, сеньоръ Кастилія? Ваше мнѣніе здѣсь всего важнѣе, а вы еще не высказали его. Думаете ли вы, что Теха можетъ сдѣлать что нибудь?

— Не знаю, сеньоръ, отвѣчалъ грустно Кастилія; — чѣмъ болѣе думаю я объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе мнѣ кажется, что человѣческая помощь уже опоздала. Если сынъ мой оправится отъ ранъ, то ему предстоитъ худшее, что только можетъ пред-стоять; теперь, когда осадное положеніе почти-что объявлено и вся власть находится въ рукахъ у военныхъ, убійство офицера они, конечно, назовутъ государственной измѣной. Я боюсь, при-бавилъ онъ совершенно беззвучно, — что сынъ мой погибъ.

— Не отнимайте у себя надежды! вскричалъ Теха;—въ Ве-нецуэлѣ теперь происходятъ странныя вещи. Никакой честолю-бивный узурпаторъ не хочетъ низвергнуть президента. Напротивъ того, народъ былъ бы въ крайнемъ затрудненіи отыскать кан-дидата, если бы Фальконъ отказался отъ власти. Всѣ боятся, что междоусобная война дѣйствительно вспыхнетъ; правительство опасается принимать рѣшительныя мѣры; это, можетъ быть, и есть единственная причина, почему такъ мало пролито крови. Конечно, никто не можетъ знать, насколько все это переѣнит-ся, когда будетъ нанесенъ первый ударъ.

Во время этой рѣчи Теха, Рохасъ вышелъ съ Фермудомъ.

— Что хотѣли вы сказать мнѣ, Фермуда?

— Я только хотѣлъ предостеречь васъ, генераль, чтобы вы не слишкомъ полагались на испанца. Ему, кажется, уже извѣст-ны многія наши тайны. А въ Каракасѣ у него богатые род-ственники, все по большей части партизаны Фалькона.

— Вѣдь то же самое можно сказать и о васъ, Фермуда.

— Но я венецуэлець и люблю свою родину. Онъ же иностранецъ, и врагъ нашей расы.

— Я думаю, что мы ненавидимъ испанцевъ болѣе чѣмъ они насъ. Ну, а еще что вы можете сказать противъ него? Я считаю его и честнымъ, и вѣрнымъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Фермуда; — положительнаго ничего. Я только хотѣлъ указать вамъ, какой подвергаемся мы опасности, если Теха окажется измѣнникомъ. У правительства теперь въ рукахъ депеши изъ Барцелоны и оно знаетъ, что тамъ дѣлается, въ то время, какъ мы получаемъ объ этомъ только поверхностныя свѣденія. Если же оно теперь узнаетъ, какъ малы и разбросаны здѣсь наши собственныя силы, въ то время какъ Коллина, сколько намъ извѣстно, грозитъ, можетъ быть, намъ съ тыла, то однимъ ударомъ правительство можетъ уничтожить насъ здѣсь, и тогда за всю революцію нельзя дать фальшиваго пезоса.

— Вообще, кажется, Фермуда, вы мало вѣрите въ наше дѣло, замѣтилъ генераль. — Вчера ужъ вы намекали на это.

— Не знаю, уклончиво проговорилъ Фермуда; — я твердо убѣжденъ, что Фалькону не удержаться, но въ состоянїи ли мы бороться со всею военною силою въ Каракасѣ, — тоже сомнительно. Для этого намъ надо имѣть въ десять, въ двадцать разъ болѣе солдатъ подъ ружьемъ, чѣмъ теперь. А гдѣ достать оружія? Если бы мы могли взять приморскіе города, тогда другое дѣло.

Рохасъ молчалъ нѣкоторое время.

— Я не раздѣляю вашихъ опасеній, сказалъ онъ наконецъ, — какъ и подозрѣнія вашего относительно Теха. Миѣ теперь именно чрезвычайно важно знать настроеніе Каракаса, и у меня самого есть нѣкоторые источники. Пусть Теха отправляется пробовать счастье, если думаетъ, что можно что нибудь устроить. Мы слишкомъ многимъ обязаны Кастилин, чтобы отказать ему въ возможной помощи. Во всякомъ случаѣ, для всего семейства эта поѣздка послужитъ утѣшеніемъ на первое время.

И войдя въ залу, онъ сказалъ, обращаясь къ Теха:

— Капитанъ, если вы дѣйствительно думаете, что можете оказать какую нибудь помощь въ этомъ печальномъ дѣлѣ, или,

по крайней мѣрѣ, хотите сдѣлать попытку, то для отпуска вашего нѣтъ никакихъ препятствій. До полученія изъ Барселонны точныхъ свѣденій, мы осуждены на бездѣйствіе, а потому можемъ обойтись безъ нѣкоторыхъ офицеровъ. Я совершенно полагаюсь на васъ, Теха, прибавилъ онъ, пристально глядя на молодого офицера; — не оставайтесь тамъ дольше, чѣмъ это необходимо. Чѣмъ скорѣе вы вернетесь, тѣмъ лучше. Конечно, вы должны будете переодѣться, сеньоръ Кастилія дастъ вамъ нѣсколько пробъ кофе, и вы станете играть роль торговца этимъ продуктомъ.

— И кромѣ того кредитивъ на домъ Гонзалеса, прибавилъ тронутый Кастилія.—Сколько бы вамъ ни понадобилось денегъ, вы получите ихъ, хотя бы дѣло дошло до моего послѣдняго реала.

— Я всего болѣе рассчитываю на деньги, отвѣчалъ Теха. — Въ Каракасѣ нѣтъ лучшаго ключа, какъ деньги. Крѣпитесь, сеньорита, не все еще погибло, и если мнѣ посчастливится, то я вернусь вмѣстѣ съ вашимъ братомъ.

— И я вамъ буду вѣчно, вѣчно благодарна, проговорила молодая дѣвушка.

Рохасъ наблюдалъ между тѣмъ за молодыми людьми. Обернувшись къ Фермудѣ, онъ тихо сказалъ:

— Этотъ будетъ всегда нашимъ, Фермуда. Замѣтили-ли вы взглядъ, брошенный имъ молодой дѣвушкѣ? Онъ не перейдетъ къ желтымъ.

Фермуда ничего не отвѣчалъ, но посмотрѣлъ сердито и враждебно на молодого капитана.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Неожиданность.

Въ Лагуайрѣ, въ конторѣ Беренса и компаніи, глава дома сидѣлъ снова за своими книгами и усердно работалъ, въ то время, какъ всѣ его помощники были заняты въ складахъ.

Въ контору вошелъ небольшой человѣчекъ, — нѣмецъ, судя по платью. Онъ, казалось, пришелъ туда не въ первый разъ, и потому прямо прошелъ къ конторкѣ господина Беренса, и, снявъ небольшую пуховую шляпу, сказалъ:

— Ну, господинъ консуль, добыли вы его?

Купецъ съ удивленіемъ отвелъ глаза отъ книгъ на маленькаго страннаго человѣчка, точно не понималъ вопроса.

— Добыли вы его? повторилъ нѣмецъ.

— Я? кого? О комъ вы говорите? что вамъ угодно?

— Добыли ли вы брата моего Каспара?

— Да, ради Бога, сударь, вскричалъ консуль, — скажите мнѣ, что дѣлать мнѣ съ вашимъ братомъ Каспаромъ?

— Не вырвали ли вы его изъ пасти этихъ негодяевъ? продолжалъ нѣмецъ. — Каспара Мейера? Господи! неужели вы не помните.... вѣдь я былъ у васъ въ понедѣльникъ и жаловался вамъ, а сегодня уже суббота.

Беренсъ покачалъ головою.

— Скажите, любезный другъ, въ своемъ ли вы умѣ? Что вамъ надо? — я ничего тутъ не понимаю. Что мнѣ дѣлать съ вашимъ братомъ?

— Съ моимъ братомъ? вскричалъ Фольмейеръ; — это еще лучше! Развѣ вы не нѣмецкій консуль, и развѣ я не обращался къ вамъ съ жалобой, что они взяли моего брата силою въ солдаты, и теперь, вѣроятно, увели внутрь страны? Этого дѣлать они не смѣютъ, зачѣмъ же мы баварскіе подданные?

— Ахъ! теперь я вспомнилъ это дѣло. Да, любезный мой, господинъ Фольмейеръ, такъ скоро дѣла не дѣлаются. Я въ тотъ же день, какъ вы были у меня, написалъ военному министру, но, разумѣется, не получилъ еще никакого отвѣта; по существующему обычаю если я по прошествіи четырехъ недѣль не получу отвѣта, я могу написать еще разъ. Если мы получимъ рѣшеніе мѣсяца черезъ два, черезъ три, то можемъ быть совершенно довольны.

— Такъ долго? а въ это время они брата разстрѣляютъ, а у матери его онъ только одинъ сынъ.

Беренсъ пожалъ плечами.

— Я сдѣлалъ все, что могъ, и теперь надо выждать, что изъ этого выйдетъ.

— А если ему придется идти съ ними въ походъ?

— Измѣнить этого я не могу! вскричалъ Беренсъ, начинавшій уже сердиться;—развѣ идти мнѣ самому за ними?

Фольмейеръ заговорилъ съ чувствомъ достоинства:

— Прощу васъ, господинъ консуль, возьмите чистый листъ бумаги.

Беренсъ взглянулъ на него и улыбнулся:

— А что мнѣ съ ними дѣлать?

— Составить протоколъ.

— На счетъ чего?

— На счетъ отказа консульства оказать нѣмецкому подданному за-границей защиту и помощь.

— Но вѣдь вы вовсе не нѣмецъ, вы баварецъ, и въ сущности мнѣ нѣтъ никакого до васъ дѣла.

— Развѣ всѣ мы не братья? вскричалъ Фольмейеръ.

— Не родные, сухо отвѣчалъ консуль.

— Такъ вы отказываетесь составить протоколъ?

— Ахъ, оставьте меня въ покоѣ съ вашими глупостями, отвѣчалъ кунецъ; — жалуйтесь своему правительству, если это доставляетъ вамъ удовольствіе, но мнѣ никогда заниматься этимъ. Что могу я сдѣлать по своему положенію и по своимъ связямъ для освобожденія нѣмца, — баварецъ онъ или нассауецъ, — взятого силою въ солдаты; я напишу — въ этомъ я даю слово, а теперь будьте такъ добры, оставьте меня.

— У меня есть къ вамъ еще прѣсѣла. Мнѣ нужна помощь!

— Чортъ бы васъ побралъ! вскричалъ консуль. — У васъ найдутся большіе золотые часы, хорошая булавка и кроме того латковья перчатки. Нуждающіеся люди не похожи на васъ.

— Наружность обманчива, господинъ консуль, замѣтилъ баварецъ съ прежнею любезностью; — у меня есть и что поѣсть, и выпить, но мнѣ хотѣлось бы начать торговлю.

— Ну, я прошу васъ избавить меня отъ вашихъ дѣлъ, гнѣвно вскричалъ Беренсъ. — Не думаете ли вы, что у меня нѣтъ другого дѣла, какъ только слушать ваши фантазіи, или что въ-

мецкое правительство снабжает нас капиталами, чтобы какойнибудь господинъ Фольмейеръ могъ начать торговлю.

— Такъ вы и отъ этого отказываетесь?

Беренсъ пересталъ отвѣчать ему, и вѣмецъ, надѣвъ шляпу и натянувъ перчатку, вышелъ изъ конторы, найдя бесполезнымъ даже откланяться.

Въ дверяхъ онъ столкнулся съ двумя венецуэльцами, которые не обратили на него ни малѣйшаго вниманія. Одинъ изъ нихъ остановился въ дверяхъ, а другой прямо подошелъ къ консулу и сказалъ очень вѣжливо:

— Сеньоръ, я желалъ бы купить для правительства оружія. Что, оно у васъ имѣется?

— Очень жаль, отвѣчалъ купецъ, вовсе нежелавшій давать заимобразно чтонибудь правительству, такъ какъ уплата была болѣе чѣмъ сомнительна, — что не могу служить вамъ; въ настоящее время у меня нѣтъ оружія.

Посѣтитель, остававшійся въ дверяхъ, вошелъ тутъ въ комнату и указалъ на два стоявшихъ въ углу ящика. Его товарищъ вопросительно взглянулъ на него, тотъ кивнулъ головою.

— Къ сожалѣнью, мнѣ приходится возразить вамъ, снова началъ первый; — но товарищъ мой былъ у васъ въ конторѣ нѣсколько дней тому назадъ, и случайно видѣлъ, что тутъ стояли два ящика съ оружіемъ, принесенные сюда двумя работниками, — да вотъ они стоятъ и до сихъ поръ.

— Дѣйствительно, этотъ господинъ могъ увидѣть только случайно, сказалъ Беренсъ, неприязненно поглядывая на шпиона.

— Могу я осмотрѣть оружіе? снова спросилъ венецуэлецъ.

— Сеньоръ, отвѣчалъ Беренсъ; — не знаю, кто даетъ вамъ право врываться такимъ образомъ ко мнѣ. Я...

— Консулъ, я знаю это, дружески и вѣжливо перебилъ его посланный; — но даже консулы иностранныхъ государствъ не имѣютъ права тайно держать у себя склады оружія, въ особенности въ странѣ, гдѣ вспыхнула революція. Вы представьте себѣ, что жители Лагуайры вдругъ возстали; они просто на просто ворвались бы къ вамъ и взяли то, чего имъ недостаетъ, то есть оружіе. Но успокойтесь, вы не потерпите ни малѣйшаго убытка. За все вамъ будетъ заплачено до послѣдняго реала. Оружіе же намъ

взять необходимо, и если вы послѣдуете моему совѣту, то кончите дѣло мирно и не допустите насъ до принудительныхъ мѣръ, отъ которыхъ вамъ придется пострадать.

— А чѣмъ вы заплатите? наличными деньгами?

— Боже ты мой, вскричалъ венецуэлець, пожимая плечами;— наличныя деньги водятся теперь въ Венецуэлѣ только у таможи. Мы дадимъ вамъ на нее вексель.

— А министръ финансовъ въ ту же минуту прекратить уплату по векселямъ.

— Изъ этого выключаются уплаты за оружіе.

— Кроме того я полагаю вамъ не будетъ годиться мое оружіе.

— Можно посмотрѣть?

— Мейерсъ, будьте такъ добры, велите принести и открыть ящики съ оружіемъ.

Венецуэлець терпѣливо ждалъ, пока принесли и открывали ящики, и потомъ подошелъ, чтобы осмотрѣть ихъ. Беренсъ же, стоявшій подлѣ него, сказалъ:

— Вы убѣдитесь, сеньоръ, что этотъ товаръ для васъ неподходящій. Это не мушкеты, а легкія ружья для стрѣлянья дробью, а въ этомъ ящикѣ только дѣтскія ружья, которыми можно стрѣлать, но никакъ не убивать.

— И больше у васъ ничего нѣтъ?

— Ничего—осмотрите сами, если не вѣрите мнѣ.

— Помилуйте... какъ можно... а позвольте спросить, что въ этомъ длинномъ ящикѣ?

— Мейерсъ, велите открыть этотъ ящикъ.

— Мнѣ очень жаль, что я васъ такъ безпокою.

Беренсъ ничего не отвѣчалъ; ящикъ былъ открытъ и въ немъ оказались дождевыя зонтики. Венецуэлець сконфузился, но ничего не сказалъ.

— Сколько ружей въ этомъ большомъ ящикѣ?

— Должно быть шесть дюжинъ... надо пересчитать.

— А въ этомъ маленькомъ?

— Было четыре дюжины; но двѣ или три проданы.

— Остальное я беру... итакъ два ящика. Позвольте просить васъ написать счетъ на военное министерство.

— Я велю ружья сосчитать, и потомъ пошлю вамъ. Позвольте вашу адресъ.

Венецуэлець подалъ ему карточку.

— Я самъ пришлю за ними. И лицо, которое явится за оружіемъ, принесетъ вамъ и вексель на таможеню.

И, вѣжливо раскланявшись, венецуэльцы вышли.

Въ послѣдніе дни Жозефъ Гонзалесъ проявилъ необыкновенную дѣятельность, и вмѣсто того, чтобы выѣхать изъ Каракаса, какъ требовали родители, онъ принялся за старое любимое занятіе, и началъ столарничать. Онъ дѣлалъ небольшой ящикъ, который никакъ ему не удавался, два или три ящика онъ сломалъ и самъ сжегъ ихъ въ кухнѣ подъ плитой, пока, наконецъ, не добился-таки своего. Иногда онъ ходилъ куда-то въ городъ и всякій день заходилъ въ домъ сеньоры Корона, но ни разу не засталъ хозяекъ дома. Заходилъ онъ и въ карцеръ, и, положивъ монету въ руку тюремщика, справился о несчастномъ, и узналъ, что тотъ хотя и въ безпамятствѣ, но ѣсть и пьетъ. Вѣроятно онъ сошелъ съума, добавилъ тюремщикъ. Жозефъ оставилъ еще денегъ на продовольствіе арестанта, и пошелъ осматривать улицу. Противъ стѣны съ надписью былъ кабачекъ, куда до поздней ночи собирались обыкновенно солдаты, такъ что бѣгство могло совершиться только по уходѣ ихъ домой.

Другой вопросъ заключался въ томъ: могъ ли Кастилія, обезсиленный отъ ранъ, голода и лишеній, ѣхать тотчасъ же изъ города; если нѣтъ, придется найти ему вѣрное убѣжище, гдѣ бы онъ могъ скрываться до выздоровленія.

Очевидно, что привести его въ домъ Гонзалеса невозможно, такъ какъ сестра его живетъ тамъ, слѣдовательно подозрѣніе падетъ прежде всего на этого домъ. Жозефу пришла въ голову сеньора Корона, которая конечно съ удовольствіемъ поможетъ ему. Вслѣдствіе такого рѣшенія онъ отправился по направленію къ дому сеньоры, но встрѣтилъ одного пріятеля, Пьерра, отецъ котораго жилъ въ изгнаніи. У Пьерра въ жилахъ тебля частью

индѣйская кровь, но онъ получилъ отличное образованіе и занималъ мѣсто бухгалтера въ одномъ изъ лучшихъ торговыхъ домовъ.

Молодые люди пошли подъ руку и прошли мимо дома сеньоры Корона, потому что Жозефъ не хотѣлъ говорить, что ему нужно зайти къ ней.

— Что подѣливаешь ты въ городѣ, Жозефъ? Говорятъ, что недавно тебѣ пришлось переночевать подъ арестомъ. Не за ночной ли кутежъ тебя заперли въ карцеръ?

— Меня арестовали среди бѣлаго дня.

— Но за что? Что ты сдѣлалъ?

— Не знаю, и послѣ ареста тоже не могъ узнать.

— Да, любезный другъ, теперь надо держать ухо востро, въ особенности у кого есть родственники между голубыми; а у кого ихъ тамъ нѣтъ? Шпіоны Фалькона спуютъ по всему городу, и кто хочетъ сохранить тайну, тому лучше всего держать языкъ за зубами. Арестовъ столько, что никто не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности.

— Вѣдь нельзя же имъ арестовать всю страну?

— Не знаю, но только здѣсь въ городѣ, должно быть, открытъ какой нибудь заговоръ, потому что въ самомъ домѣ Фалькона арестованъ его поварь, и въ цѣняхъ посаженъ въ тюрьму.

— Его поварь? вскричалъ Жозефъ и пораженный остановился на улицѣ;—это странно!

— Странно! Фальконъ вѣроятно боялся отравленія. Не весела должна быть жизнь, которую онъ ведетъ, и я ни за что въ мірѣ не хотѣлъ бы быть теперь на президентскомъ мѣстѣ. Я самъ становлюсь нетерпѣливымъ, и въ головѣ у меня вертятся разные безумные планы. Съ нами здѣсь въ городѣ обращаются прескверно. Неужели мы здѣсь, въ Каракасѣ, не постараемся положить конецъ всѣмъ этимъ безобразіямъ?

— Здѣсь, въ Каракасѣ? разсѣянно спросилъ Жозефъ.

— У тебя конечно, не безъ горечи прибавилъ Піерра, — другое въ головѣ, а не бѣдствіе отечества. Тебѣ и дѣла нѣтъ до революціи.

— Ты такъ думаешь, Піерра?

— Думаю, мрачно повторилъ тотъ, — но не обвиняю тебя; почему знать, какъ бы я самъ поступилъ на твоемъ мѣстѣ,

— На моемъ мѣстѣ? Не понимаю тебя.

— Все равно, другъ. Теперь трудно когонибудь понять, но куда жъ ты шель?

— Иду въ Калле дель-Комерція по дѣламъ.

— По дѣламъ, счастливецъ, можетъ еще думать о дѣлахъ; у меня голова кругомъ идетъ отъ плановъ, и я не могу сосчитать двухъ чиселъ. Надо на чтонибудь рѣшиться, а то эдакъ пропадешь. Куда ты идешь теперь?

— Я вѣдь сказалъ тебѣ,—въ Калле дель-Комерція.

— Ахъ да, ну не сердись, Жозефъ, прощай, не стану больше мѣшать тебѣ.

Жозефъ остался одинъ, и въ головѣ у него тѣснилось столько мыслей, что онъ не обратилъ даже вниманія на странное поведеніе друга. Что же это случилось съ президентскимъ поваромъ? Что Фальконъ во снѣ видѣлъ или ктонибудь разсказалъ ему? Но судьба Кастиліи занимала Жозефа болѣе всего. Если бы ему удалось устроить бѣглеца у сеньоры Корона, которую онъ надѣялся непременно застать въ этотъ ранній часъ, то многое было бы сдѣлано. Онъ торопливо пошелъ къ дому сеньоры, но встрѣтилъ опять одного изъ своихъ знакомыхъ, молодого Костаръ. Братъ его былъ гдѣ-то въ горахъ съ голубыми, а самъ онъ, несмотря на то, что былъ рьяный противникъ президента Фалькона, не могъ уѣхать. Онъ былъ слишкомъ молодъ и отецъ не выпускалъ его изъ города.

— Гонзалесъ, сказалъ онъ, взявъ Жозефа за руку.— Вотъ северная-то исторія. Вы знаете, куда двинулся Колина?

— Колина? Говорятъ—въ Викторію.

— Нѣтъ, прямо въ Калабоцо, и этимъ опрокидываетъ все наши планы, вѣдь оттуда ждали мы знака, чтобы начать дѣйствовать здѣсь. Не понимаю, какъ узнали они нашъ планъ. Все дѣлалось такъ осторожно, что, казалось, нельзя было предполагать неудачу.

— Но, можетъ, чтонибудь уже случилось, и онъ найдетъ тамъ всю страну въ возстаніи.

Молодой Костаръ покачалъ головою.

— Вы знаете, какъ въ этихъ внутреннихъ городахъ жители тяжелы на подъемъ; я думаю, они ровно ничего не сдѣлали, и если Колина поставитъ имъ въ городъ часть своей сволочи, то

они потомъ и не пошевелятся, такъ что въ рукахъ у правительства будетъ вся линия.

— Да почему вы знаете, что онъ идетъ въ Калабцо? можетъ быть, онъ остановился въ горахъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! съ жаромъ вскричалъ юноша, — наши шпионы слѣдовали за нимъ туда. Вы знаете, что Кастилія арестованъ?

— Да.

— Онъ будетъ растрѣлянъ.

— Господи! Можетъ ли это быть, вѣдь онъ, сколько мнѣ извѣстно, лежитъ безъ памяти отъ полученныхъ имъ ранъ.

— Это ничего не значить—тюрьмы переполнены. Завтра или послѣ завтра надъ нимъ будетъ военный судъ, ну а результатъ понятенъ. Бѣдняга! Онъ вѣдь единственный сынъ у родителей. Нашъ планъ тоже не удался.

— Какой планъ?

— Арестовать президента, чтобы этимъ освободить всѣхъ политическихъ арестованныхъ. Фалькона непременно предупредилъ какой нибудь негодяй, который однакожъ къ счастью самъ мало знаетъ. Многіе изъ приближенныхъ президента арестованы. Самъ онъ нигуда не выходитъ одинъ и удвоилъ у себя караулъ. Ну мнѣ надо идти; у насъ сегодня тайное совѣщаніе, о которомъ никто не знаетъ, даже старикъ мой ничего не знаетъ. Ну такъ до свиданья! Пожалуйста, Жозефъ, держите языкъ за зубами.

Жозефъ пошелъ своей дорогой, твердымъ шагомъ подошелъ онъ къ дому сеньоры, и хотѣлъ постучать, какъ дверь сама отворилась.

Сеньора Корона была дѣйствительно на этотъ разъ дома, но у нея былъ посѣтитель—отецъ Жозефа, пришедшій къ ней полчаса тому назадъ.

— Сеньоръ Гонзалесъ! съ удивленіемъ вскричала старуха, — чему обязана я этой честью? Давно мы не видались.

— Заваленъ дѣлами, сеньора, отвѣчалъ старикъ; — а то я никакъ не лишилъ бы себя удовольствія бывать у васъ. Какъ ваше здоровье, сеньорита!—впрочемъ объ этомъ нечего и спрашивать, вы цвѣтете какъ роза.

— Должно быть бѣлая, не совсѣмъ ласково проговорила мать;—вѣдь у ней кровинки нѣтъ.

— Блѣдный цвѣтъ лица придаетъ интересный видъ, продолжалъ старикъ, твердо рѣшившись быть любезнымъ. — Вѣдь вы однакожь здоровы, сеньорита?

— Здорова, благодарю васъ, отвѣчала Изабелла; — иногда побаливаетъ голова, и больше ничего.

— Мигрень, отвѣчала Гонзалесъ. — Дамская болѣзнь, въ особенности нѣжныхъ дамъ. Мы съ вами, сеньора, конечно этимъ не страдаемъ?

— Саганба! нѣтъ! вскричала сеньора Корона, презрительно улыбаясь при одной мысли о такой болѣзни, и усаживаясь поудобнѣе въ креслѣ. — Но, прибавила она, искоса, недовѣрчиво поглядывая на старика, — позвольте спросить, что привело васъ ко мнѣ, вѣдь не желаніе же знать не страдаю ли я мигренью?

— Нѣтъ, улыбаясь отвѣчала Гонзалесъ, — меня привело нѣчто болѣе практичное, болѣе дѣловое, о чемъ позвольте поговорить съ вами обстоятельнѣе.

Сеньора Корона взглянула на него и тотчасъ же смекнула, въ чемъ дѣло.

— Хорошо. А прогос, сеньоръ, что дѣлается у насъ въ страннѣ? Хорошія ли вѣсти изъ лагуны? Саганба! тамъ колеблются непростительнымъ образомъ. Теперь Колина ушелъ и Богъ знаетъ когда вернется. Если бы теперь они напали, на Каракасъ, то взяли бы его и положили конецъ царству желтыхъ. Но они трусливы и нерѣшительны, сейчасъ видно, что у нихъ нѣтъ хорошаго предводителя.

— Сеньора, замѣтилъ Гонзалесъ, — вамъ придется вдвойнѣ быть ко мнѣ снисходительной; во-первыхъ, я вообще не занимаюсь политикой, а если бы и занимался, то, сколько мнѣ извѣстно, мы различныхъ съ вами взглядовъ. Вы, какъ дама, и какъ вообще всѣ дамы въ Венецуэлѣ въ настоящее время, чувствуете склонность къ голубому цвѣту, и потому стоите на сторонѣ враговъ правительства, и я далека, чтобы упрекать васъ въ этомъ. Всякій человѣкъ вправѣ имѣть какое ему угодно политическое направленіе, и поэтому-то я прошу васъ не сѣтовать на меня за мой взглядъ.

— Какой же вашъ взглядъ?

— Я не считаю нашего президента Фалькона такимъ ужъ

дуряки, какими обыкновенно его выставляют. Онъ, можетъ быть, многимъ подалъ поводъ къ неудовольствію, но тотъ человѣкъ еще не родился, который бы всѣмъ угодилъ, и такъ какъ мы вовсе не знаемъ, откуда взять лучшаго, то я думаю, по своему крайнему убѣжденію, которое я вовсе не хочу никому навязывать, что вся эта революція только клонится къ тому, чтобы постоянно беспокоить страну и лишать ее рабочихъ силъ, и поэтому чѣмъ скорѣе все это кончится, тѣмъ лучше.

Сеньора Корона улыбнулась, не отвѣчая однакожь ни слова, такъ что неизвѣстно было, раздѣляла ли она политическое мнѣніе своего гостя или смѣялась надъ нимъ. Помолчавъ немного, она обратилась къ Изабеллѣ, сидѣвшей за шитьемъ:

— Милое дитя, будь такъ добра, присмотри немного за кухаркой? Вчера она испортила намъ весь обѣдъ, а мнѣ не хотѣлось бы подвергаться тому же и сегодня.

Изабелла спокойно встала и вышла, а минуты черезъ двѣ старуха сказала.

— Вы хотѣли поговорить со мною о дѣлахъ; чѣмъ могу я служить вамъ, вѣдь вы знаете, что я всегда къ услугамъ вашимъ.

— Я не забылъ, отвѣчалъ сеньоръ Гонзалесъ,—сколько разъ былъ обязанъ вамъ; но настоящее дѣло еще болѣе увеличить сумму моей благодарности.

— Но, ради Бога, только не принимайтесь за старое, воскликнула сеньора;—вы знаете, что я не имѣю, да и не могу имѣть вліянія на нынѣшнее правительство; кромѣ того правительство такъ запуталось въ долгахъ, что объ уплатахъ теперь и думать нечего.

— Очень жаль, отвѣчалъ Гонзалесъ, только-что вынувшій изъ бокового кармана какія-то бумаги;—я надѣялся, что мы съ вами устроимъ выгодное дѣльце: я, получивъ капиталъ, хотя и безъ процентовъ, но отъ котораго я наполовину отказался, вы, получивъ извѣстный процентъ за свое стараніе и трудъ. Но на нѣтъ и суда нѣтъ, и потому я постараюсь иначе спасти свой капиталъ, хотя съ болѣе значительной потерей. Извините, сеньора, что я обезпокоилъ васъ.

Онъ хотѣлъ встать съ этими словами, но старуха рукой удержала его и воскликнула:

— Что за беспокойный характер! Саганба! неужели вы не можете пяти минут посидѣть на мѣстѣ? Въ чемъ же дѣло? Мы, женщины, любопытны, и мнѣ хотѣлось бы знать, какое у васъ до меня дѣло.

— Именно такое, какое вы не можете мнѣ сдѣлать, сказалъ Гонзалесъ, снова садясь на свое мѣсто.—Относительно векселей на таможеню.

— Въ какую сумму?

— Въ пять тысячъ пезосовъ.

— Саганба! Сильва общалъ бы двадцать, если бы могъ получить эти пять. Деньги большія.

— Считите-ка двадцать процентовъ на пять, сказалъ Гонзалесъ;—это вѣдь составитъ кругленькую сумму въ тысячу пезосовъ, которую вы могли бы приобрести, а это вовсе не пустяки.

— Саганба, сеньоръ! вскричала старуха, размышляя;— мнѣ очень хотѣлось бы услужить вамъ, но право не могу; хотя таможенный кассиръ мой пріятель и тайно принадлежитъ къ нашей партіи, но все-таки и ему надо будетъ заплатить. Дайте двадцать пять, и я попытаюсь.

— Сеньора, отвѣчалъ Гонзалесъ;—за двадцать пять мнѣ это сдѣлаетъ самъ кассиръ, генераль Біо, и хлопотъ никакихъ не будетъ, но у меня и безъ того пропадаютъ проценты съ капитала, и мнѣ не хочется терять еще двѣсти пятьдесятъ пезосовъ. Въ такомъ случаѣ я рискну лучше подождать еще мѣсяцъ. Если придутъ корабли—а изъ одной Германіи идутъ четыре, — то, можетъ быть, я лишусь только пятнадцати или десяти процентовъ. Мнѣ право очень жаль, что я напрасно обезпokoилъ васъ, прибавилъ онъ, вставая и поднимая шляпу;—но вамъ я довѣряю.

— Ну, давайте сюда векселя! вскричала сеньора, протатывая руку;—для друзей все можно сдѣлать.

— Какъ вы добры, сеньора, отвѣчалъ старикъ, подавая ей бумага;—когда могу я зайти?

— Не ранѣе какъ дня черезъ три, черезъ четыре, мнѣ вѣдь надо будетъ или самой ѣхать въ Лагуайру или послать туда надежнаго человѣка. А пророкъ, за что это былъ недавно арестованъ вашъ сынъ. Мнѣ говорили объ этомъ въ городѣ.

— Не знаю. Мы оба ничего не могли понять.

— Молодые люди слишком неосторожны въ рѣчахъ, продолжала старуха.— Хорошо быть патриотомъ, но нельзя при этомъ забывать благоразумія. Мы съ вами, Гонзалесъ, поступаемъ не такъ! Саганба! Вы старая лисица!...

— Сеньора, вы оказываете мнѣ слишкомъ много чести, отвѣчалъ Гонзалесъ;— я огражденъ своимъ незнаніемъ политики. Да вотъ еще что! Сеньора конечно слышала о томъ, что молодой Кастилія находится въ тюрьмѣ, и къ тому же тяжело раненый? Вѣроятно, на спасеніе его плоха надежда?

Густыя брови старухи насунились.

— Кто заварилъ кашу, тотъ пусть и расхлебываетъ ее, сказала она;— старый Кастилія государственный измѣнникъ, и если смѣль его за это поплатится, то это можно назвать судомъ Божьимъ.

— Государственный измѣнникъ, сеньора? съ удивленіемъ вскричалъ Гонзалесъ, — онъ былъ пораженъ непріязненнымъ тономъ, которымъ старуха говорила о Кастиліи;— сколько мнѣ извѣстно, онъ принадлежитъ къ вашей партіи.

Сеньора прикусила себѣ губы.

— Да, но онъ измѣняетъ каждой партіи, къ которой примыкаетъ.

— А я именно думалъ, что вы-то и замолвите доброе словечко за несчастнаго молодого человѣка....

— Я? перебила его сеньора Корона, и черные глаза ея злобно сверкнули, и показали внимательному наблюдателю, что происходило у нея въ сердцѣ.— Я? повторила она тише; — да что же значило бы мое слово въ этомъ дѣлѣ, если бы даже я, пренебрегая всякими предразсудками.... Но.. продолжала она вдругъ пораженная мыслью, и пристально смотря на старика; — развѣ отецъ его не попытается освободить его, и, можетъ быть, даже онъ уже здѣсь?

— Господи, вскричалъ Гонзалесъ;— да теперь онъ едва ли получилъ извѣстіе объ этомъ... А вы думаете, что присутствіе его здѣсь можетъ принести какую нибудь пользу?

Вопросъ былъ сдѣланъ такъ просто, что сеньора тотчасъ же отвѣчала на него.

— Я увѣрена въ этомъ, Фальконъ человѣкъ великодушный—личная просьба отца, можетъ быть, тронетъ его.

— Не поможетъ ли мать еще болѣе? спросилъ Гонзалесъ, какъ бы говоря съ самимъ собою.

— Нѣтъ, отвѣчала сеньора. — Женщины въ подобныхъ случаяхъ не могутъ говорить безъ слезъ, и надоѣдаютъ гораздо болѣе, чѣмъ возбуждаютъ сожалѣніе. Если вы можете уговорить старика Кастилію тотчасъ же пріѣхать сюда, я увѣрена, онъ добьется смягченія приговора.

— Но развѣ вы не боитесь, что здѣсь самъ онъ подвергается опасности? спросилъ Гонзалесъ, глядя на старуху совершенно невинно.

— Нѣтъ, не думаю. Почему же?

— Главная квартира реонквистадоровъ находится у него въ домѣ.

— Полноте! смѣясь вскричала сеньора Корона;—неужели вы думаете, что Фальконъ станетъ обращать вниманіе на такія глупости? Что ему въ этомъ? Гдѣ нибудь же должна быть ихъ квартира, а за помѣщеніе никто не отвѣчаетъ. Напишите ему, повредить онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ, а, можетъ статься, принесетъ большую пользу.

— Напишу, сеньора, отвѣчалъ Гонзалесъ, вставъ со стула.— Если я даже пошлю къ нему нарочнаго, то все-таки пройдетъ нѣсколько дней, пока онъ можетъ пріѣхать въ Каракасъ, а не пріѣдетъ ли тогда онъ слишкомъ поздно?

— Не... думаю... отвѣчала сеньора;—отсрочки всегда можно добиться отъ Фалькона... я сама объ этомъ позабочусь.

— Я очень благодаренъ вамъ, сеньора, сказалъ Гонзалесъ. почтительно съ нею раскланиваясь, — и не стану больше беспокоить васъ. Имѣю честь кланяться.

— Сеньоръ, мнѣ было чрезвычайно пріятно видѣть васъ у себя. Надѣюсь, что скоро мы снова увидимся.

— Если позволите, то скоро.

И сеньоръ Гонзалесъ, не замѣчая торжествующаго взгляда сеньоры, вышелъ въ сѣни, гдѣ отворилъ выходную дверь и встрѣтился лицомъ къ лицу и вовсе неожиданно съ своимъ собственнымъ сыномъ.

— Отец! вскричал удивленный Жозефъ, — да развѣ ты знаешь въ этомъ домѣ?

— А ты знаешь? спросилъ, въ свою очередь, отецъ, запирая дверь, и потомъ, взявъ подъ руку сына, пошелъ съ нимъ по улицѣ, такъ чтобы не проходить мимо оконъ.

— Я?... я, конечно, ихъ знаю, отвѣчалъ Жозефъ, совершенно сконфуженный этой неожиданной встрѣчей; — то есть знаю не очень коротко. Сеньора необыкновенно дѣлательно работаетъ въ пользу нашей партіи.

— И ты знаешь это навѣрное?

— Да вѣдь это извѣстно всему городу.

— А развѣ я не принадлежу городу?

— Но какже, батюшка! вскричалъ Жозефъ, которому вдругъ пришло все въ голову, что онъ думалъ въ послѣднія минуты; — развѣ ты знаешь что нибудь положительное противъ нея?

— Сказать-ли тебѣ, зачѣмъ я пришелъ къ ней.

— Мнѣ бы очень хотѣлось знать это.

— Хорошо, ты узнаешь. Тебѣ извѣстно, что я получалъ отъ правительства векселя на таможеню...

— Уплата по которымъ не производится.... Кто этого не знаетъ... Славное управленіе финансами...

— Ну такъ сеньора Корона получаетъ по нимъ для меня.

— Сеньора Корона?

— Да, конечно не даромъ, я даю ей двадцать процентовъ за хлопоты и... ея вліяніе.

— Такъ у нея есть друзья въ таможенѣ?

— Которые никакъ не помогли бы ей, такъ какъ Сильва строго контролируетъ всѣ поступающія суммы, какъ ты самъ знаешь.

— Ну какъ же ей это удается?

— Вслѣдствіе спеціальнаго приказа Фалькона выдавать ей на каждый представленный ею вексель. Конечно Фальконъ подразумѣвалъ подъ этимъ только тѣ деньги, которыя онъ выдавалъ ей, но она пользуется этой милостью и сама дѣлаетъ небольшія сдѣлки... можно ли ее винить въ этомъ?

— Это началось, вѣроятно, недавно! въ страхѣ вскричалъ Жозефъ; — вѣроятно съ того дня, какъ она получила триста пезосовъ мѣсячнаго содержанія.

— Давно ли это?

— Съ недѣлю тому назадъ, или около этого.

— А если я тебѣ скажу, что я обращаюсь въ ней съ этими дѣлами чуть ли ужъ не цѣлый годъ.

— Отецъ! вскричалъ Жозефъ, почувствовавъ при этомъ, какъ овъ поблѣднѣлъ.

— Хочешь принять отъ меня добрый совѣтъ, Жозефъ?

— Охотно, отецъ.

— Ну такъ не довѣрай больше этой женщины, когда увидишь ее... да и видѣться съ нею тебѣ не слѣдуетъ.

— Ты думаешь, она ведетъ фальшивую игру.

— Я не думаю это, а знаю навѣрное.

— Но дочь ея не можетъ же быть сообщницей, въ волненіи проговорилъ Жозефъ; — такіе добрые, честные глаза не могутъ лгать.

Гонзалесъ остановился, высвободилъ свою руку изъ подъ руки сына и пристально посмотрѣлъ ему въ лицо, — но недолго. Овъ снова взялъ его подъ руку, и вмѣсто того, чтобы идти прямо, круто повернулъ назадъ.

— Куда ты, отецъ?

— Знаешь ты Каракасъ?

— Кажется, знаю.

— Знаешь какъ обыкновенно строятся дома?

— Да, но зачѣмъ это тебѣ?

— Идемъ со мною, пойдѣмъ опять къ дому сеньоры.

— Вмѣстѣ?

— Не въ самый домъ, а только къ дому — дай я проведу тебя, и кое-что покажу тебѣ. Судить ты будешь потомъ самъ, а не скажу ничего.

Отецъ съ смѣхомъ пошелъ молча до того мѣста, гдѣ кончался домъ сеньоры Корона. Тамъ Гонзалесъ остановился и тихо сказалъ:

— Теперь будь такъ добръ и сочти шаги до слѣдующаго угла — мы пойдѣмъ вмѣстѣ; ну, дѣлай, что я говорю тебѣ.

Они повернули назадъ и сочли шаги до угла, отъ котораго пришли — оказалось восемьдесятъ два шага.

— Восемьдесятъ два, сказалъ Гонзалесъ; — такъ теперь по-

вернемъ въ этотъ переулокъ, и ты начини считать, когда мы дойдемъ до слѣдующаго угла.

Жозефъ кивнулъ головою, все-таки не понимая еще, что все это значитъ, и пошелъ съ отцомъ. Наконецъ, когда они дошли до слѣдующаго угла, старикъ остановилъ сына и сказалъ:

— Такъ, сынокъ,—ну теперь мы сочтемъ отъ этого угла по этой улицѣ восемьдесятъ два шага.

Молча сосчитали оба восемьдесятъ два шага. Шага черезъ четыре, пять они увидѣли дверь.

— Знаешь, кто живетъ тутъ, Жозефъ.

— Этотъ домъ заданъ сходитъ съ домомъ сеньора Корона.

— Да. Знаешь, кто живетъ тутъ?

— Нѣтъ. Я вовсе не знаю этой улицы.

— Президентъ Фальконъ.

— Фальконъ? Ты ошибаешься, отецъ. Фальконъ...

— Давно нанималъ этотъ домъ, а теперь купишь... вѣроятно для какихъ нибудь тайныхъ собраній или другихъ какихъ цѣлей... не знаю. Онъ часто по вечерамъ бываетъ здѣсь.

— Отецъ!

— Прощай, Жозефъ, мнѣ надо еще сходить по дѣламъ, а ты теперь, вѣроятно, отправишься домой. Не опаздывай къ обѣду... я тоже буду во время. — И освободивъ руку свою изъ подъ руки сына, онъ быстро удалился отъ него.

II.

Дурное обращеніе.

Непонятно было спокойствіе, съ какимъ правительство Фалькона смотрѣло на медленно, но тѣмъ не менѣе постоянно возрастающее революціонное движеніе въ странѣ, не предпринимаемая противъ него ровно никакихъ мѣръ.

Хотя въ значительныхъ городахъ и мѣстечкахъ стояли гарнизоны, но они, казалось, стояли здѣсь для того только, чтобы защищать столицу или живущаго въ ней президента.

У венецуэльской республики было три хорошо вооруженных военных парохода, но одинъ изъ нихъ постоянно стоялъ въ Лагуайрѣ, и въ Каракасѣ увѣряли, что онъ предназначенъ для Фалькона, на тотъ случай, если ему заблагоразсудится бросить государство и уѣхать куда нибудь за-границу.

Да и все войско, казалось, предназначалось для той же цѣли, именно — служить достойному президенту мостомъ для переправы его особы на берегъ и для прикрытія его съ тыла въ случаѣ бѣгства.

Въ самомъ Каракасѣ не все было такъ спокойно, какъ увѣряло правительство, потому что отовсюду прибыли депутаты и образовали сильную оппозицію противъ министерства.

Множество генераловъ, созданныхъ Фалькономъ и принадлежавшихъ преимущественно смѣшанной расѣ, бѣгали ничего не дѣлая по городу и производили страшныя безчинства. Небольшое количество генераловъ креоловъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ фамиліямъ Каракаса, держали себя особнякомъ, какъ истые кабальеро. Они носили мундиръ, шитые золотомъ, и не знали съ болышею частью своихъ товарищей, которые вовсе не обижались этимъ, напротивъ того, находили все это въ порядкѣ вещей, такъ какъ о другомъ обращеніи они не имѣли никакого понятія.

Часть послѣднихъ собралась въ большой угловой комнатѣ одного дома на площади Санъ-Франциско, служившаго чѣмъ-то въ родѣ казармъ, и весело разговаривала. Рѣчь шла о томъ, что президентъ присудилъ къ смерти одного преступника, убившаго офицера и служившаго, кромѣ того, шпиономъ у голубыхъ, но присудилъ къ разстрѣлянью, что возмущало чувство чести этихъ господъ.

Солдатская смерть отъ пули была для него, по ихъ мнѣнію, слишкомъ хороша, и одинъ изъ генераловъ предложилъ подать Фалькону записку отъ всѣхъ нихъ и просить, чтобы преступникъ былъ повѣшенъ. Ихъ также возмутило, что старшіе генералы, напримѣръ, Бруцуаль и другіе изъ числа креоловъ и бѣлыхъ, отказались подписать этотъ адресъ. Нѣкоторые говорили, что надо послать къ Бруцуалу депутацію и требовать у него отъ имени всего войска, чтобы онъ подписалъ. Вообще же всѣ

они чувствовали себя оскорбленными въ своемъ достоинствѣ.

— Чортъ возьми! кричалъ одинъ изъ нихъ;—я даже не понимаю, къ чему намъ его имя? Развѣ мы не такіе же генералы, какъ и онъ? И развѣ Фальконъ придастъ нашимъ подписямъ меньше вѣса, если не будетъ доставать подписей этихъ господъ?

— Все лучше, прибавилъ одинъ полковникъ чисто индѣйской крови,—если бы тамъ, на верху стояло имя Бруцуаля; вѣдь Фальконъ очень уважаетъ его. Это кто такой? Чортъ возьми! со смѣхомъ воскликнулъ онъ, увидавъ въ дверяхъ какую-то странную фигуру;—откуда взялъ этотъ молодецъ эполеты?

Всѣ обернулись къ двери. Хотя солнце зашло еще недавно, но въ комнатѣ было уже не совсѣмъ свѣтло. Въ дверяхъ стоялъ нашъ старій пріятель Самуилъ Броунъ изъ Лагуайры. Частью на деньги, полученные имъ отъ военнаго министра, а частью въ кредитъ онъ купилъ старій, поношенный сюртукъ и эполеты. Но нижнюю часть своего костюма улучшить онъ не могъ. Сюртукъ не совсѣмъ былъ ему впору, и тянулъ руки назадъ, такъ что нечего было и думать, чтобы застегнуть его. Конечно во всей Венецуэлѣ не было такихъ широкихъ плечъ, и, вмѣстѣ съ грязной рубашкой и широкимъ мишурнымъ позументомъ вокругъ фуражки, негръ представлялъ собою болѣе жалкій, чѣмъ комичный видъ. Кромя того, онъ былъ нѣсколько выпивши, безъ чего, конечно, не рѣшился бы войти въ эту комнату.

Теперь же онъ подошелъ, хотя не совсѣмъ твердо, но вполнѣ развязно къ своимъ товарищамъ, остановился передъ ними и, отдавъ честь по военному, сказалъ:

— Кавалеры, имѣю честь пожелать вамъ добраго вечера.

Офицеры съ неописаннымъ удивленіемъ смотрѣли на это явленіе, и хотѣли-было выгнать непрошеннаго гостя. Но любопытство взяло верхъ, всѣмъ захотѣлось знать, что надо этому странно наряженному негру. Послѣ минутнаго мертваго молчанія вся компанія вдругъ разразилась смѣхомъ, и всѣ стали привѣтствовать генерала, сильно оскорбившагося такой встрѣчей.

— Кавалеры! вскричалъ Самуилъ, гнѣвно выпрямляясь,—не знаю, право, что находите вы тутъ смѣшного, покориѣйше прошу васъ прекратить ваши шутки.

Но, послѣ этихъ словъ, смѣхъ еще болѣе усилился, и под-
нял всю желчь негра. Всюду въ Каракасѣ его отталкивали, и
относились къ нему совсѣмъ не по его чину. И теперь, въ средѣ
своихъ товарищей, онъ опять встрѣчаетъ презрительное обра-
щеніе. Сиртуку такъ связывалъ ему руки, что онъ, желая быть
посвободнѣе, хотѣлъ поскорѣе снять его, когда сидѣвшій про-
тивъ него на стулѣ полковникъ воскликнулъ:

— Стой, братъ! Кто ты такой и что тебѣ здѣсь надо? И
кто тебѣ далъ право надѣть генеральскія эполеты? Сейчас
сними ихъ, или я на всю ночь засажу тебя въ карцеръ.

Самуилъ Броунъ посмотрѣлъ на полковника и широкое лицо
его озарилось странной улыбкой. Его посадить въ карцеръ за то,
что онъ надѣлъ генеральскія эполеты? Но онъ отвѣтилъ не тот-
часъ же, а полѣзъ своей огромной ручищей въ боковой карманъ,
откуда, послѣ долгихъ усилій, ему удалось достать бумагу, или,
лучше сказать, клочки бумаги; осторожно развернувъ ее, онъ по-
ложилъ ее на столъ.

Въ послѣднюю недѣлю несчастный генеральскій патентъ, вѣ-
роятно отъ частаго развертыванія, пришелъ въ жалкое и въ очень
опасное положеніе для своего существованія. Сквозь жирныя
пятна ровно ничего нельзя было уже прочитать, но Самуилъ
Броунъ, ничуть не смущаясь этимъ, разгладилъ патентъ своей
широкой рукой и, граціозно указывая на него, сказалъ:

— Кавалеры! Не угодно ли вамъ рѣшить, имѣю ли я право
носить эти эполеты. Потрудитесь подойти.

Офицеры, которымъ негръ казался очень забавнымъ, подошли
къ столу, но въ комнатѣ было слишкомъ темно, и потому тотъ
же полковникъ велѣлъ подать свѣчи, послѣ чего они увидѣли,
что патентъ былъ настоящій.

— Въ какой это помойной ямѣ нашелъ ты, молодецъ, эту бума-
гу? спросилъ одинъ изъ генераловъ маленькаго роста.

— Гдѣ нашелъ я бумагу, сеньоръ? вскричалъ негръ, презритель-
но вскидывая глаза на говорившаго;—это я могу вамъ сказать
положительно;—въ конвертѣ, адресованномъ на мое имя. Доволь-
ны вы?

— Ну, а что же вамъ здѣсь надо? спросилъ полковникъ,
конецу, невѣрившій ни одному слову комичнаго генерала.

— Я слышалъ, отвѣчалъ Самуилъ равнодушно и почти съ достоинствомъ, — что здѣсь собрались офицеры, чтобы составить адресъ президенту.

— Позвольте спросить, отъ кого вы слышали это?

— Отъ караульнаго на улицѣ.

— Какой приличный источникъ для генерала! смѣясь вскричалъ одинъ изъ присутствующихъ, на котораго Самуилъ взглянулъ презрительно, и продолжалъ:

— И вошелъ сюда, чтобы, во-первыхъ, познакомиться съ вами, а во-вторыхъ, чтобы поставить подъ адресомъ свое имя или, лучше сказать, просто знакъ.

Тутъ снова поднялся хохотъ, а маленькій генераль такъ и катался. Негръ же, разгоряченный водкой, схватилъ патентъ со стола и, выпрямляясь во весь ростъ, воскликнулъ:

— Такъ ли должны вести себя кавалеры? Сволочь вы, просто дрянь, и ведете себя какъ неучи-мальчишки, и если бы я изъ уваженія къ своему собственному положенію...

Онъ не могъ договорить. На шумъ прибѣжала кучка солдатъ и, по знаку одного изъ офицеровъ, бросилась на негра. Хотя сначала онъ побросалъ ихъ всѣхъ въ сторону, но силы были слишкомъ неравны, и вскорѣ руки его были связаны за спиною.

— Сведите его въ карцеръ, завтра мы разберемъ все дѣло, сказалъ полковникъ.

Во время драки патентъ пострадалъ такъ, что клочья отъ него разлетѣлись во всѣ стороны.

Такимъ образомъ исчезли всѣ доказательства генеральскаго достоинства Самуила Броуна.

III.

Различныя настроенія.

Жозефъ, послѣ ухода отца, точно пригвожденный, остановился на улицѣ и стоялъ до тѣхъ поръ, пока самъ не замѣтилъ, что обращаетъ всеобщее вниманіе. Вслѣдствіе этого онъ повернулся и безознательно пошелъ, куда глаза глядятъ.

Что если отецъ его правъ? А какъ многое, что теперь припомнилось ему, подтверждало слова отца. Поваръ Фалькона былъ арестованъ, и теперь онъ вспомнилъ, что въ шутку называлъ его сенъоръ Корона, потому что въ душѣ у него появилось что-то въ родѣ недовѣрія, въ сущности же онъ ровно ничего не зналъ о поварѣ, который, въ свою очередь, ничего не зналъ о заговорѣ. И этотъ поваръ арестованъ! А потомъ походъ Колина; развѣ въ то же самое утро онъ не упоминалъ сенъоръ о Калабодо? Ему теперь уже не казалось страннымъ, что Фальконъ такъ быстро принималъ мѣры послѣ его разговора съ сенъорой Корона. Или это была простая случайность, или дѣйствительно сенъора Корона пользовалась необыкновеннымъ вліяніемъ. Но что же могло быть причиной такого вліянія? Неужели Изабелла? Онъ почувствовалъ въ сердцѣ точно ударъ кинжала.

Теперь онъ не смѣлъ болѣе идти къ ней и просить пріюта для бѣглеца, судьба котораго висѣла на волоскѣ. Дѣйствовать надо было сегодня, или все могло погибнуть.

Прежде всего надо было положить провизіи въ ящикъ, уже приготовленный, и такимъ образомъ дать знакъ, что наступила пора дѣйствовать. Одно только онъ не рѣшилъ еще, съ кѣмъ послать ящикъ въ тюрьму, для того, чтобы знать навѣрно, что его посылка достигнетъ до рукъ арестанта. Конечно, всего вѣрнѣе было бы отдать самому, но тогда, послѣ бѣгства Кастиліи, подозрѣніе непременно падетъ на него: ему придется бѣжать вмѣстѣ съ Кастиліей и, кромѣ того, подвергнуть отца своего всевозможнымъ непріятностямъ.

Размышляя такимъ образомъ, ходилъ онъ по улицамъ Каракаса, и не прійдя ни къ какому заключенію, отправился домой. Онъ засталъ все семейство въ столовой, гдѣ былъ ему представленъ капитанъ Теха, присланный отъ семейства Кастиліи.

— Вы служите у голубыхъ! быстро вскричалъ Жозефъ.

— Да, сенъоръ, но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы объ этомъ знали въ Каракасѣ.

— Это такъ; ну, а что дѣлается въ лагунахъ?

— Тамъ недостаетъ рѣшительнаго предводителя, который бы руководилъ движеніемъ. Если дѣла пойдутъ такъ, ничего изъ этого не выйдетъ, потому что у каждаго генерала свое собствен-

ное мнѣніе.... но теперь меня всего болѣе интересуеъ участь Кастиліи. Каковы его дѣла?

— Ничего положительнаго о немъ я не слыхалъ, отвѣчалъ старшій Гонзалесъ, подошедшій къ нимъ въ это время;—не думаю, чтобы судьба его была рѣшена.

— Можетъ быть, я пріѣхалъ еще во время, вскричалъ Теха, но тотчасъ же остановился, встрѣтя взглядъ Жозефа, указывавшаго ему на Анну.—Здѣсь въ городѣ у меня много вліятельныхъ родственниковъ, которые не измѣнятъ мнѣ, потому что въ душѣ всѣ принадлежатъ нашей партіи. Сегодня же я повидаяюсь съ ними, такъ какъ времени терять нечего.

— Я думаю, что все это напрасно, прошептала тихо Анна.— Люди, въ чьихъ рукахъ находится теперь власть, ожесточенные враги моего отца. Они знаютъ, какимъ вліяніемъ пользуется отецъ и въ какую сторону онъ употребляетъ его. Если братъ оправился отъ ранъ, то онъ погибъ!

— Полкоте, утѣшалъ ее Жозефъ,—Теха правъ, еще не поздно. Позвольте намъ съ нимъ дѣйствовать.

— Чѣмъ меньше ты будешь вмѣшиваться въ это дѣло, замѣтилъ отецъ, — тѣмъ будетъ лучше. Твое заступничество никакъ не можетъ принести пользы Кастиліи.

— Нѣтъ, отецъ, у меня нѣчто другое въ головѣ, о чемъ мнѣ хотѣлось бы переговорить предварительно съ капитаномъ.

И съ этими словами онъ взялъ капитана подъ руку и вышелъ во дворъ.

— Что, дѣла Кастиліи плохи? прошептала ему пріѣзжій.

— Можете ли вы содѣйствовать мнѣ въ одномъ опасномъ предпріятіи для спасенія Кастиліи?

— Располагайте моею жизнію, съ жаромъ вскричалъ Теха, — я далъ слово осушить слезы несчастной сестры и клянусь, что не побоюсь никакой опасности. Что, онъ присужденъ?

— Да, и завтра утромъ, можетъ, будетъ уже поздно. Ему надо бѣжать сегодня.

— А возможно ли это?

— Я думаю, что возможно. Ему нуженъ только инструментъ, чтобы проломать кирпичную стѣну въ одинъ футъ толщиною и выйти прямо на улицу.

— А тамъ?

— А тамъ стоитъ караулъ, который намъ надо или подкупить, или заставить молчать силою.

— А потомъ?

— А потомъ у меня будутъ на готовѣ лошади и вы уѣдете изъ города, и встрѣтите у каждаго помѣщика гостепріимный пріютъ и защиту.

— А есть ли у него инструментъ?

— Нѣтъ. Надо его доставить ему сегодня вечеромъ. А тутъ-то и заключается главное затрудненіе, хотя ящикъ съ двойнымъ дномъ у меня и готовъ, но я самъ не могу его передать, потому что тюремщикъ меня лично знаетъ, и потому подозрѣніе послѣ бѣгства тотчасъ же падетъ на меня.

— Гдѣ сидитъ этотъ несчастный?

— Въ карцерѣ—знаете что это такое?

— Я знаю каждый домъ въ Каракасѣ. Что же вы хотите послать ему въ ящикѣ?

— Обѣдъ. Я далъ уже денегъ тюремщику и онъ доставитъ ящикъ навѣрное.

— Caramba! Такъ въ чемъ же тутъ затрудненіе? Я самъ свесу ящикъ. Вѣдь его будутъ осматривать?

— Непремѣнно; но я самъ цѣлую ночь провелъ съ Элоемъ и во всемъ съ нимъ условился.

— А родители ваши ничего не должны знать объ этомъ планѣ?

— Нѣтъ, они только напрасно будутъ беспокоиться, а пользы не принесутъ ни малѣйшей.

— Хорошо. Онъ сидитъ одинъ?

— Да, а иначе бѣгство было бы невозможно.

— Отлично; такъ предоставьте часть дѣла мнѣ. Я отправлюсь къ тюремщику и вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрю мѣстность. Но отъ чьего имени отдать мнѣ обѣдъ?

Жозефъ подумалъ съ минуту и на устахъ его появилась горькая усмѣшка.

— Скажите, что вы пришли отъ генеральши Корона, и что сегодня послѣдняя ночь жизни несчастнаго молодого человѣка.

— Отъ генеральши? Кто это такая?

— Идемте теперь въ комнату, я тамъ расскажу вамъ все, и научу, что нужно дѣлать.

Въ то время, какъ солдаты тащили въ карцеръ все еще отбивавшагося несчастнаго генерала Самуила Броуна, на улицѣ почти совсѣмъ стемнѣло, но наступившая темнота не помѣшала, однако, толпѣ народа сопровождать арестанта и собираться кучками у домовъ, толкуя объ интересномъ событіи.

Въ числѣ послѣднихъ находился пожилой индѣецъ, остановившійся, впрочемъ, въ отдаленіи, вѣроятно изъ боязни какого нибудь непріятнаго столкновенія съ солдатами, зная, по своему собственному опыту, что это за грубый и наглій народъ. Тѣмъ не менѣе онъ очень внимательно смотрѣлъ на шумящихъ, когда на его плечо опустилась рука и чей-то голосъ проговорилъ:

— Это ты, дядя Тадео? Какъ это ты попалъ въ Каракасъ? какими судьбами ты здѣсь?

— Фелипъ! отвѣчалъ индѣецъ, обертываясь, — я думалъ ты давно уже уѣхалъ внутрь страны.

— Уѣзжалъ, и опять пріѣхалъ.

— И тебя вездѣ пропускаютъ?

— Да что же имъ со мною дѣлать? И такъ какъ я знакомъ со многими какъ у голубыхъ, такъ и у желтыхъ, то мнѣ нигдѣ нѣтъ задержки. А ты куда отправляешься? Опять въ Какао?

— Нѣтъ, я только что пришелъ, сказалъ индѣецъ, — и мнѣ надо кое съ кѣмъ повидаться. Что тамъ за драка!

— Не знаю. Вѣрно ведутъ пьянаго. Съ солдатами теперь вѣчныя драки. Съ кѣмъ же ты хочешь повидаться?

— Не можешь ли ты сказать мнѣ, Фелипъ, гдѣ отыскать домъ сеньоры Корона? Домъ-то я знаю, но не знаю, какъ пройти отсюда.

— Могу. Но что тебѣ надо отъ нея? Развѣ ты знаешь ее?

— Давно знаю, уклончиво отвѣчалъ Тадео. — А это далеко отсюда?

— Вовсе нѣтъ. Идемъ! Я сведу тебя. Странно! у меня тамъ также дѣло, но я лучше подожду. Какъ поживаетъ Пердидо? Живъ онъ еще?

Тадео глубоко вздохнулъ.

— Поживаетъ онъ не хорошо. Въ послѣднее время онъ сталъ

такимъ безпокойнымъ, что я едва могу съ нимъ справиться. Хорошо было бы, если бы ты еще жилъ въ Какао, Фелипъ: тогда у меня была бы какая нибудь помощь; а теперь я все равно что одинъ и мнѣ порядочно-таки трудно.

— У васъ тамъ стоятъ солдаты?

— Теперь не такъ много: большая часть ихъ ушла на той недѣлѣ, но каждую минуту они могутъ вернуться. Да теперь все равно; они уже разворили меня.

— Славная шайка, чертъ возьми! проворчалъ Фелипъ, показывая головой на солдатъ.— Но наступать же когда нибудь лучшія времена. Голубые разрастаются съ каждымъ днемъ, прибавилъ онъ шопотомъ, — и вы не успеете опомниться, какъ все они будутъ у васъ на шеѣ. Ждать ужъ не долго.

Тадео покачалъ головой—онъ не вѣрилъ въ лучшія времена и молча шелъ вдоль улицы, рядомъ съ нарочнымъ, пока наконецъ тотъ не показалъ ему домъ сеньоры. Послѣ этого Фелипъ, предварительно указавъ своему дядѣ кабачекъ, гдѣ бы они могли впоследствии свидѣться, повернулся и пошелъ опять на площадь. Онъ не обратилъ вниманія, что за нимъ шелъ какой-то господинъ съ яничкомъ подъ мышкой, но тотъ кивнулъ ему, проходя, и сказалъ: „здравствуй Фелипъ.“ Это былъ Теха. Фелипъ повернулся при этихъ словахъ.

— Фелипъ! повторилъ Теха. — Какъ вы опять въ Каракасъ? Нѣтъ ли ко мнѣ какихъ нибудь порученій изъ Лагуны?

— Именно къ вамъ—нѣтъ, сеньоръ, нерѣшительно отвѣчалъ Фелипъ, осматриваясь, нѣтъ ли около нихъ какихъ нибудь постороннихъ слушателей,—но, кажется, я присланъ сюда по одному дѣлу съ вами.

— Кѣмъ же? старикомъ?

— Нѣтъ, полковникомъ Фермуда.

— А къ кому?

— Къ одной дамѣ здѣсь въ городѣ. Къ какой-то сеньорѣ Корона.

— Корона? Странно! Значить, тутъ дѣло идетъ о чемъ нибудь очень пустомъ.

— Почему знать. Вы не знаете этой дамы?

— Развѣ вы подозрѣваете что нибудь дурное? вскричалъ

Теха, быстро и недоверчиво.—Я самъ думаю, что полковникъ Фермуда недолюбливаетъ меня, но въ такомъ дѣлѣ онъ вѣрно не захочетъ помѣшать мнѣ, вѣдь онъ очень друженъ съ семействомъ Кастиліа.

— Куда вы идете теперь, сеньоръ, и долго ли тамъ пробудете?

— Черезъ четверть часа буду обратно. Подождите меня у Гонзалеса.

— Хорошо.

И не говоря болѣе ни слова, Фелипъ пошелъ своей дорогой, а Теха направился въ карцеръ, передъ которымъ стояла толпа народа, смѣясь и болтая о смѣшной сценѣ съ „мнимымъ“ генераломъ, толстымъ негромъ.

Теха колебался съ минуту — но никто его не зналъ здѣсь, слѣдовательно, опасаться было нечего. Перебѣжчиковъ изъ правительственныхъ войскъ въ революціонныя было довольно, такъ какъ люди дезертировали при всякомъ удобномъ случаѣ. Но чтобъ голубые переходили къ желтымъ, случалось очень рѣдко, въ особенности между простыми солдатами, и поэтому онъ, пройдя мимо кучки офицеровъ, смѣло подошелъ къ солдатамъ.

— Куда? спросилъ его караульный.

— Принесъ обѣдъ для одного изъ арестантовъ, отвѣчалъ онъ.

Такъ какъ подобныя посылки случались разъ двадцать въ день, то часовой тотчасъ же пропустилъ его во дворъ.

Во дворѣ передъ дворью одного номера стояла также кучка солдатъ, и каждый изъ нихъ старался заглянуть въ прорѣзанное въ ней отверстіе. Но въ конурѣ было слишкомъ темно и ничего не было видно. Теха отыскалъ тюремщика; тотъ былъ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа.

— Чортъ возьми! ворчалъ онъ, — кончатся ли наконецъ эти аресты, или я, ей Богу, дамъ въ ночь убѣжать человѣкамъ двадцати. Конца нѣтъ вѣчному отпиранью и зшипранью. Ну что вамъ еще?

— Я принесъ обѣдъ одному изъ арестантовъ, сеньоръ.

— Ну такъ приходите завтра поутру, а теперь я самъ ѣсть хочу, пробормоталъ тюремщикъ. — Надоѣла мнѣ эта вѣчная бѣготня.

Но Теха зналъ, какъ смягчить его. Въ одной рукѣ онъ держалъ ящикъ, а другою сунулъ старику въ руку двѣ серебрянныя монеты.

— Это кому же? проговорилъ тюремщикъ.

— Деньги-то вамъ, шепнулъ ему Теха.— А кушанье для одного бѣдняги посылаетъ генеральша Корона; это, вѣроятно, будетъ его послѣдній обѣдъ. Пожалуйте его.

— Какъ его зовутъ?

— Онъ въ тридцать седьмомъ номерѣ.

— А! тотъ! знаю, знаю... наконецъ будетъ и ему конецъ.

— Нельзя ли мнѣ поговорить съ нимъ?

Тюремщикъ покачалъ головой.

— Никакъ! проговорилъ онъ.—Хоть моя должность и собачья, но я не хотѣлъ бы лишиться ее, не имѣя ничего лучшаго. А вѣдь за это меня сейчасъ же въ солдаты. Но приходите завтра рано поутру, передъ восходомъ солнца, и когда его поведутъ, вы навѣрно получите позволеніе поговорить съ нимъ. Если тутъ будетъ генералъ Вруцуаль, онъ допуститъ васъ.

— А какъ же мы отдадимъ ему ящикъ?

— Сначала мы посмотримъ, что въ немъ есть. Иначе нельзя. Мы только что посадили къ нему другого арестанта, что притацили солдаты. Мнѣ не хотѣлось, да нечего дѣлать.

Тюремщикъ, говоря такимъ образомъ, взялъ отъ Техи ящикъ и поставилъ его на полъ около тридцать седьмого номера. Сумерки были на столько велики, что онъ едва могъ разсмотрѣть вещи и ошупью перебиралъ грязными пальцами кушанье, встряхнулъ двѣ лежавшія бутылки, разломалъ хлѣбъ и, перебравъ все, отворилъ дверь каморки.

— Вотъ, сеньоръ, сказалъ онъ,—вамъ принесли отъ кого-то обѣдъ. Покушайте хорошенько сегодня вечеромъ.

Арестантъ что-то заговорилъ; но Теха ничего не слышалъ; онъ услышалъ только отвѣтъ тюремщика.

— Хотите посмотрѣть, что въ ящикѣ? Да темно, ничего не видать. Вещи все превкусныя и все перевязано красными ленточками. Все это посылаетъ вамъ сеньора Корона. Что же дѣлать! умирать всѣмъ надо. Что вашъ товарищъ лежитъ? Ну и отлично, развязывать его нельзя до завтрашняго утра. Спокойной ночи! Сегодня вечеромъ мнѣ не для чего приносить вамъ

пищу. На товарища вашего ничего не полагается; а вамъ, до завтрашняго утра, довольно.

Съ этими словами онъ снова заперъ дверь и пошелъ къ себѣ, не обращая вниманія на Теху. Теха, впрочемъ, не долго оставался и ушелъ, нѣсколько обезпокоенный тѣмъ извѣстіемъ, что Кастилія сидитъ не одинъ. Спросить же, кто сидитъ съ нимъ, онъ не рѣшался, боясь возбудить подозрѣніе.

Передъ домою Гонзалеса онъ встрѣтилъ Фелипа, котораго и ввелъ туда, боясь говорить на улицѣ. Дома онъ шопотомъ передалъ все Жозефу и потомъ обратился къ Фелипу.

— Ну теперь, молодецъ, расскажите намъ, какое въ васъ авилось подозрѣніе.

— Я не довѣряю Фермудѣ, мрачно отвѣчалъ Фелипъ. — Во-первыхъ, онъ дурной человѣкъ, потому что въ прошломъ году, онъ разъ велѣлъ такъ избить моего брата, что тотъ пролежалъ цѣлыхъ четыре недѣли и стоналъ отъ боли; а потомъ я знаю, что онъ скупъ; тѣмъ не менѣе, онъ мнѣ далъ пять пезарсовъ за то, чтобъ я выполнилъ въ точности его порученіе.

— А что это за порученіе?

— Письмо къ этой сеньорѣ.

— Вы еще не отдали его?

— Нѣтъ. Я знаю, что вы хотите помочь бѣдному молодому Кастиліи, а я подозрѣваю, что у Фермуды другія намѣренія.

— Можетъ ли это быть?

— Когда, по вечерамъ, работники собираются въ гаціенду, то, конечно, господа ихъ не замѣчаютъ, а работники-то все видятъ. Фермуда ухаживаетъ за сеньоритой.

— За сеньоритой Розой? вскричалъ Теха, почувствовавъ, какъ кровь прилила ему къ сердцу.

— Ну да! Это вѣрно, и она любезна съ нимъ; это видно изъ всего. У отца денегъ много, а у Фермуды — вичего. Такъ и понятно, что онъ удивляется около такой хорошенькой дѣвушки.

— Тѣмъ невѣроятнѣе, чтобъ онъ не употреблялъ всѣхъ усилій спасти ея брата, замѣтилъ Теха.

— Почему знать! отвѣчалъ Фелипъ, пожимая плечами, — что васъ онъ не любитъ, это я знаю.

— Почему?

— По тому, какъ онъ посмотрѣлъ на васъ, когда вы предложили ѣхать сюда.

— Но теперь это объяснить легко, отвѣчалъ Теха, — онъ самъ хотѣлъ имѣть честь помочь арестанту.

— Можетъ быть, замѣтилъ Фелипъ, — но зачѣмъ же онъ сказалъ мнѣ, что пошлетъ меня въ Каракасъ, когда я ѣхалъ уже въ Маракай? Онъ догналъ меня верхомъ, нанялъ мнѣ мула и велѣлъ мнѣ ѣхать сломя голову.

— А гдѣ вы оставили своего мула?

— Конечно у меня отняли его желтые, но меня догналъ дилжансъ и я сѣлъ къ кучеру на козлы, иначе я былъ бы здѣсь не ранѣе завтрашняго утра.

Жозефъ стоялъ молча и слушалъ.

— Гдѣ у васъ письмо, Фелипъ? спросилъ онъ.

— Зашито внизу въ штанахъ. Нельзя быть увѣреннымъ, чтобъ карманы не обшарили, хотя бы изъ-за какойнибудь сигары.

— Ну такъ отдайте его по адресу, сказалъ Теха;—къ счастью оно дойдетъ слишкомъ поздно, и не поможетъ бѣдному Кастиліи, котораго мы спасемъ ранѣе. Въ случаѣ же если планъ намъ не удастся, тогда пусть попытается Фермуда.

— Письмо, значитъ, отдать?

— Конечно, я не сдѣлаю ничего, что могло бы уменьшить хоть на одну каплю надежду спасти бѣднаго Кастилію.

— Покажите письмо, сказалъ Жозефъ.

— Вѣдь все равно, распечатать мы его не можемъ, замѣтилъ Теха.

— Но все-таки можемъ посмотрѣть; ну, Фелипъ, вѣдь вынуть его когданибудь надо, а здѣсь въ Каракасѣ осматривать васъ никто не станетъ.

Фелипъ распоролъ внизу панталоны и досталъ оттуда письмо. Но лишь только Жозефъ взялъ его, какъ съ удивленіемъ воскликнулъ:

— Къ сеньорѣ Корона отъ офицера реконкистадоровъ? Эта дама такая подозрительная, что я думаю нашъ добрый Фелипъ правъ, подозрѣвая, что тутъ что-то неладно.

— Сеньора Корона? сказалъ Теха;—развѣ это не та же са-

мая особа, отъ имени которой я носилъ Кастиліи ѣду? Какія у нихъ могутъ быть общія дѣла?

— Если вы хотите послушаться моего совѣта, Теха, такъ просто на просто распечатайте письмо. Если оно безвредно, то Фелипъ можетъ сказать, что его на дорогѣ осматривали желтые, нашли письмо и распечатали его. А намъ прочесть письмо необходимо. Послѣ того, что говоритъ Фелипъ, а я знаю его за честнаго человѣка, мнѣ самому это письмо кажется подозрительнымъ. Кто такой этотъ Фермуда?

— Полковникъ генеральнаго штаба Рохаса.

— Мѣсто видное, но такимъ господамъ, какъ онъ, вѣрить трудно, они все хороши, пока не задѣты ихъ интересы. Я беру отвѣтственность на себя, сказалъ онъ, распечатывая письмо.

Онъ прочиталъ его и передалъ Техѣ, со словами:

— Прочитайте-ка, капитанъ, и узнаете, какъ вашъ товарищъ заботится о васъ.

Письмо было безъ подписи и заключало въ себѣ слѣдующія слова:

„Въ то время какъ вы получите эти строчки, въ домѣ Гонзалеса находитесь шпіонъ—испанецъ. Онъ хочетъ освободить арестованнаго Кастилію“.

Теха отъ удивленія посмотрѣлъ сначала на Жозефа, потомъ на Фелипа. Послѣдній сказалъ смѣясь:

— Почти такъ, какъ я предполагалъ; только еще немножко получше. Я знаю Фермуду; точно также поступитъ онъ и съ голубыми.

— И это письмо хотѣли вы отдать? вскричалъ Жозефъ.

— Да развѣ можно было предполагать такую подлость?

— А почему же нѣтъ? Вѣдь Фелипъ могъ же предполагать, иначе онъ не затруднялся исполнить бы свое порученіе.

— Право не знаю, какъ благодарить васъ, Фелипъ, вы спасли меня отъ большихъ неприятностей, сказала Теха.

— Да и домъ нашъ тоже спасъ отъ бѣды, прибавилъ Жозефъ.— Неужели вы думаете, Теха, что эти господа удовлетворились бы однимъ вашимъ арестомъ? Навѣрное нѣтъ! Но я не забуду этого, Фелипъ, и вы получите въ десять разъ болѣе, чѣмъ ожидаете. Всего лучше мы сожжемъ это письмо, чтобы оно не по-

пало въ недобрѣя руки. Для меня лично этотъ случай важнѣе, чѣмъ вы думаете.

— Подождите! вскричала Теха, взявъ письмо изъ рукъ Жозефа;—это слишкомъ драгоценный документъ, и уничтожить его нельзя. Пусть Кастиліи узнаютъ, кто хочетъ вторгнуться въ ихъ семью, и на какую подлость способенъ этотъ человѣкъ.

— Однако онъ не глупъ и ловокъ, замѣтилъ Жозефъ.—Если я не ошибаюсь, онъ хотѣлъ однимъ ударомъ уничтожить и соперника, и главнаго наследника.

— Соперника, сеньоръ?

— Да, улыбаясь отвѣчалъ Жозефъ;— когда я спросилъ васъ, желаете ли вы помочь мнѣ спасти Кастилію, вашъ первый отвѣтъ заставилъ меня подозрѣвать нѣчто подобное. Но, Саганба! капитанъ! Что мы переливаемъ тутъ изъ пустого въ порожнее, у насъ есть дѣла поважнѣе! Меня безпокоитъ принесенное вамъ извѣстіе о нашемъ арестованномъ. Хотѣ бы узнать, кого они въ нему посадили. Если тотъ посаженъ за какой нибудь пустякъ не надолго, то онъ, конечно, помѣшаетъ всякой попыткѣ къ бѣгству, чтобы самому не отвѣтить за это.

— Изъ словъ болтавшихъ солдатъ я понялъ, что посаженный—негръ.

— Можетъ быть, солдатъ, тогда есть надежда, что другъ нашъ уговоритъ его дезертировать вмѣстѣ съ нимъ. Намъ же остается только поддержать его въ извѣстное время—надо караулить между десятымъ и одиннадцатымъ часомъ, и дай Богъ, чтобы все удалось.

У сеньоры Корона собралось дамское общество и болтало о различныхъ новостяхъ и конечно болѣе всего о событіи, имѣющемъ совершиться на слѣдующій день, т. е. о казни шпіона, захваченнаго съ денешами, которыя онъ везъ въ лагерь голубыхъ.

Всѣ дамы на этотъ счетъ были одного мнѣнія. Правительство этой казнью наносило чувствительный ударъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій въ странѣ, и наносило въ то именно время, когда само дрожало за власть, которой могло лишиться каждую минуту. Несчастный юноша могъ даже не знать, что заключалось въ письмахъ, ему порученныхъ, а что онъ убилъ офицера, то

это онъ сдѣлалъ безъ предвзятаго намѣренія, защищаясь отъ нападенія. Сестра его нашла пріютъ у Гонзалеса, — какая прелестная это дѣвушка.

— Гонзалесъ конечно тоже рьяный приверженецъ нашей партіи, замѣтила сеньора Корона, свертывая себѣ папиросу; — но онъ скрываетъ свои убѣжденія.

— Это старая, хитрая лисица, замѣтила сеньора Пьерра; — и я не могла бы довѣрять ему, еслибъ мнѣ пришлось имѣть съ нимъ дѣло. — Онъ думаетъ только объ одномъ себѣ.

— Сынъ его не таковъ, вскричала сеньора Пецъ; — это славный молодой человекъ, вполне преданный дѣлу голубыхъ. Недавно онъ былъ арестованъ, но противъ него не нашли никакихъ уликъ.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, за что онъ былъ арестованъ? спросила сеньора Корона.

— Ну, по какому нибудь подлому доносу, весь городъ теперь кишитъ доносчиками и разной сволочью.

— Развѣ молодой Гонзалесъ намѣренъ остаться въ Каракасѣ? А, кажется, онъ говорилъ, что снова уѣдетъ, и очень скоро.

— Ну, другъ, смѣясь замѣтила сеньора Пецъ, бросивъ взглядъ на Изабеллу; — я полагаю, вы знаете, что его держать въ Каракасѣ. Не надо быть пророкомъ, чтобы угадать это, и я не думаю, чтобы тутъ была въ чемъ нибудь замѣшана политика.

— Въ городѣ совершенно тихо, отвѣчала сеньора Корона, какъ бы не замѣчая намека; — ровно ничего не слышно. Кажется, ничего рѣшительнаго и не имѣется въ виду.

— Ничего не слыхала, отвѣчала сеньора Пьерра. — Все зависить отъ того, какія вѣсти получимъ мы изъ Барцелоны и изъ лагуны. Вѣрно только то, что Монагасъ хочетъ снова встать во главѣ движенія.

— Неужели онъ думаетъ, что народъ проститъ ему убійство депутатовъ? спросила генеральша; — въ томъ-то и несчастіе нашей партіи, что у насъ нѣтъ человека, которому мы могли бы вполне довѣрить свои интересы, сдѣлавъ его своимъ предводителемъ.

Между тѣмъ вышелъ слуга и доложилъ, что какой-то человекъ желаетъ говорить съ сеньорой.

— Кто такой? каковъ онъ на видъ? спросила хозяйка дома.

— Я не знаю его, сеньора; онъ индѣецъ, въ одеждѣ простаго сельскаго работника; вѣрно съ какойнибудь гаціенды.

— Меня дома нѣтъ....

Слуга ушелъ, но вскорѣ возвратился и доложилъ, что незнакомецъ назвалъ себя Тадео, что онъ прійдетъ черезъ полчаса, и просилъ передать объ этомъ сеньорѣ, когда она вернется домой.

Въ комнатѣ стемнѣло, но свѣчи еще не зажгались. Сеньора, подумавъ нѣсколько секундъ, сказала:

— Верните его!—надо узнать, что ему нужно, вѣрно онъ присланъ ко мнѣ отъ когонибудь изъ моихъ знакомыхъ.—Извините меня... я сейчасъ вернусь.

Она встала, постояла съ минуту у стула, и потомъ быстро вышла въ дверь, которую тщательно за собою затворила.

Сеньора Гьерра съ удивленіемъ посмотрѣла ей вслѣдъ. Въ комнатѣ было слишкомъ темно, и черты лица сеньоры Корона нельзя было рассмотреть. Однакожъ ея замѣнительство не укрѣпилось отъ ея гостей.

— Что это съ вашей матушкой, Изабелла? спросила Гьерра.—Она говорила такимъ страннымъ голосомъ. Кто этотъ Тадео?

— Право не знаю, спокойно отвѣчала Изабелла;—я не знаю никого изъ нашихъ работниковъ по имени Тадео, за исключеніемъ одного молодого парня, что возить намъ воду, но не думаю, чтобы это былъ онъ. Вѣрно какойнибудь нищій.

Между тѣмъ сеньора Корона прошла въ отдаленную комнату, находившуюся въ другомъ концѣ корридора. Тамъ зажгла она лампу и закрыла ставни. Скоро возвратился и слуга. Сеньора Корона нѣсколько пріотворила дверь, чтобы показать гдѣ она, и вскорѣ передъ нею стоялъ Тадео изъ Какао, ярко освѣщенный лампой. Свою шляпу онъ держалъ подъ мышкою и смотрѣлъ на сеньору боязливо и подобострастно, не говоря въ началѣ ни слова.

— Тадео, вскричала наконецъ сеньора вполголоса; — зачѣмъ это вы пришли? Откуда? изъ Соледада? — развѣ онъ умеръ?

Тадео тихо покачалъ головою.

— Сеньора, шопотомъ заговорилъ онъ, — я совершилъ когда-то преступленіе, но искупилъ его, какъ только могъ искупить человѣкъ, и надѣюсь, что Господь уже простилъ меня.

— Но какъ попали вы въ Каракасъ?

— Вотъ уже семь лѣтъ, сеньора, продолжалъ индѣецъ, — какъ я живу здѣсь, около Каранаса, въ Какао, и нога моя еще не переступала вашего порога, — теперь же необходимость принуждаетъ меня, болѣе для него, потому что самъ я удовольствовался бы хлѣбомъ и водою.

— Для него? — такъ онъ у васъ? спросила старуха, и лицо ея покрылось смертельною блѣдностью.

— Онъ у меня, и былъ у меня всѣ эти годы, и я заботился о немъ, какъ о родномъ отцѣ.

— Я слышала, что онъ умеръ...

— Когда онъ простился съ вами и возвратился изъ вашего дома, у него сдѣлались страшныя судороги и онъ лежалъ нѣкоторое время безъ чувствъ; мы думали, что онъ умеръ. Но онъ оправился, хотя оправился только тѣлесно, а умъ его, страдавшій иногда и прежде, по-прежнему разстроенъ. Онъ совершенно помѣшанный.

— И знаетъ онъ, что я тутъ недалеко?

— Онъ вовсе ничего не знаетъ, не знаетъ даже имени своего, называетъ себя Пердидо и не отвѣчаетъ на другое имя.

— Затѣмъ же вы пришли теперь ко мнѣ?... Вѣдь тогда я дала вамъ много денегъ. Вѣдь у васъ нѣтъ недостатка ни въ чемъ?

Индѣецъ не сейчасъ отвѣтилъ на вопросъ.

— Жена моя умерла въ Соледадѣ, началъ онъ наконецъ; — потому я познакомился съ хорошей и честной дѣвушкой, переѣхавшей съ своими родителями изъ Каракаса въ Ангостуру. Я женился на ней для того, чтобы у ребенка моего была мать, но она не могла переносить климата Ориноко, она все хворала лихорадкой, и наконецъ, когда ребенокъ нашъ умеръ, такъ стала скучать о своей родинѣ, что я уступилъ наконецъ ея просьбамъ и переселился сюда въ сосѣдство. Я продалъ свое имѣніе въ Соледадѣ, и пріѣхалъ сюда съ женой и имъ. Здѣсь, въ Какао, я купилъ немного земли.

— А знали ли вы, что я живу здѣсь?

— Года четыре тому назадъ я встрѣтилъ васъ разъ здѣсь въ городѣ. Вы не замѣтили меня, но я тотчасъ же узналъ васъ,

и слышалъ, что вы живете здѣсь подѣ именемъ сеньора Корона съ вашей дочерью. Это маленькая Мануэла?

— Нѣтъ, отвѣчала старуха хриплымъ голосомъ.— Мануэла... умерла... а молодая особа, что живетъ у меня, моя приемная дочь, ее зовутъ Изабеллой... но что хотѣли вы сказать мнѣ?

— Я неохотно пришелъ въ городъ, продолжалъ индѣецъ смущеннымъ голосомъ;— хотя я и зналъ, что вы живете здѣсь, но не беспокоилъ васъ; но теперь мнѣ ничего не оставалось больше дѣлать. Вы знаете, что происходитъ въ странѣ; прилежаніемъ и бережливостью я постоянно избѣгалъ нужды; но теперь меня совершенно раззорили. Они увели у меня послѣднюю корову со двора, послѣдній сахарный тростникъ сняли съ поля. Огородъ мой опустѣлъ, а старикъ, до сихъ поръ жившій такъ спокойно, что я могъ работать беззаботно, становится день ото дня все хуже и хуже, такъ что его нельзя оставить одного ни на одинъ день.

Тадео замолчалъ... Грудь его тяжело поднималась... Онъ едва дышалъ и наконецъ тихо продолжалъ:

— То, чего я давно боялся, случилось... мнѣ нечѣмъ больше жить... нечѣмъ даже содержать его, а работы нѣтъ, потому что какой хозяинъ захочетъ обрабатывать поле, которое солдаты отнимутъ отъ него тотчасъ подѣ пастбище. Теперь рѣшайте, что вамъ дѣлать... взять ли старика въ городъ, или...

— Вы знаете наше условіе, вскричала сеньора, быстро вскакивая.

— Я знаю его, быстро проговорилъ индѣецъ;— и соблюдалъ его, пока было возможно, не столько изъ боязни вашихъ угрозъ, сколько изъ любви и благодарности къ несчастному.

— А какъ выражается его помѣшательство?

— До сихъ поръ онъ жалѣлъ только о своемъ ребенкѣ, своей маленькой Мануэлѣ, и былъ очень покоенъ, но теперь его преслѣдуетъ другая новая мысль. Онъ видѣлъ столько солдатъ, наслушался барабана и трубъ и вообразилъ, что народъ хочетъ избрать его въ президенты. Онъ часто говоритъ, что нынѣшній президентъ держитъ взаперти его Мануэлу и что ему надо идти, чтобы освободить ее.

Сеньора не сводила глазъ съ индѣйца и рука ея, которой она опиралась на столъ, дрожала.

— А если онъ убѣжить? прошептала она наконецъ едва слышно.

— Теперь этѣго онасаться еще нельзя, отвѣчалъ индѣецъ;— въ окнахъ его комнаты желѣзныя рѣшетки, а къ дверямъ я придѣлалъ желѣзные запоры. Пока я буду имѣть свой домъ и землю, я ручаюсь за него. Да онъ и не уйдетъ отъ насъ; но нужда такъ одолѣла насъ, что я буду принужденъ продать свое имѣньице за какую бы то ни было цѣну, и что тогда дѣлать— не знаю.

— Сколько вамъ надо? беззвучно проговорила старуха.

— О Господи, очень немного; чтобы было только чѣмъ жить и не голодать, а для этого у насъ въ странѣ нужно немного; вѣдь скоро наступятъ лучшія времена.

Сеньора Корона твердо и рѣшительно подошла къ своему письменному столу и достала оттуда свертокъ мексиканскихъ долларовъ и небольшую скляночку. Свертокъ она подала индѣйцу.

— Вотъ, Тадео, деньги для васъ... купите себѣ что нужно. Терпѣть недостатковъ вы не должны, нова у меня будетъ что нибудь, а теперь еще я могу дѣлиться съ вами. Ему тоже я хотѣла бы помочь. Недавно докторъ далъ мнѣ сильнаго средства, очень помогающаго отъ судорогъ. Если съ нимъ опять случится припадокъ, то вылейте ему остатки—тутъ только нѣсколько капель — въ чашку кофе или въ рюмку съ водкой и пусть выпьетъ. Не разбейте склянки. Если это лекарство ему поможетъ, приходите опять ко мнѣ и я дамъ вамъ еще.

— Вы дѣйствительно думаете, что оно поможетъ ему, сеньора?

— Мнѣ самой оно очень помогло, но только дайте ему все, что есть въ пузырькѣ—тутъ нѣтъ и двадцати капель. Половина же этой порціи еще больше взволнуетъ его.

— А деньги всѣ для меня?

— Всѣ... и вы получите еще, когда истратите ихъ. Вы слуга вѣрный и честно сдержали свое слово, но молчали ли вы?

— Кажется, я доказалъ, что умѣю молчать. Да и похожъ ли я на болтуна?

— Хорошо, теперь идите. Нельзя оставлять несчастнаго такъ

долго одного. Купите въ городѣ припасовъ, захватите также бутылки двѣ вина. Вино и вамъ и ему полезно. А вотъ, Тадео, выпейте стаканчикъ моего вина; это чистое и крѣпкое вино, оно укрѣпитъ васъ.

Она налила ему изъ графина полстакана. Онъ выпилъ и пріятная теплота огнемъ пробѣжала у него по жиламъ.

— Давно, давно не пилъ вина, променталь онъ; — Богъ да наградитъ васъ, сеньора. Въ душѣ, можетъ быть, я часто бывалъ несправедливъ къ вамъ, теперь я вижу, что вы не желаете никому зла, Богъ да наградитъ васъ.

— И вы тотчасъ же идете обратно въ Какао?

— Черезъ часъ я дома—что мнѣ дѣлать здѣсь въ большомъ городѣ. Прощайте!

Индѣецъ, почтительно поклонившись, вышелъ, и сеньора Корона слышала, какъ за нимъ затворилась дверь и какъ онъ пошелъ по улицѣ ровными шагами. Сама же она осталась въ какомъ-то оцѣпененіи на старомъ мѣстѣ, и только тяжело поднимавшаяся грудь показывала, что она еще жива.

Но сеньора Корона не принадлежала къ разряду женщинъ, которыя надолго поддаются какому нибудь впечатлѣнію. Холодная, злобная улыбка появилась на ея устахъ, твердою рукою она взяла лампу и пошла къ своимъ гостямъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ.)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА.

(Сочиненія И. С. Тургенева. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. Москва. 1869 г.)

I.

Уже Писаревъ пытался подвести итогъ дѣятельности г. Тургенева, конечно, прозрѣвая, что если еще не наступило, то уже близко въ литературѣ то время, когда „отцы“ должны перестать быть наставниками своихъ взрослыхъ дѣтей.

Писаревъ былъ правъ только отчасти. Что время „отцовъ“ проходило — это становилось очевиднымъ, ибо дѣти чувствовали уже въ себѣ силы разрѣшать вопросы по своему. Но подводить итогъ дѣятельности писателей сороковыхъ годовъ было все-таки преждевременно, потому что люди еще жили, писали и не думали уступать дороги молодымъ: между „отцами“ и „дѣтьми“ шла еще борьба.

Теперь наступило другое время. Самый могучій литературный представитель эпохи сороковыхъ годовъ, г. Тургеневъ, кончилъ свою литературную дѣятельность. Онъ сказалъ свое послѣднее слово; онъ сошелъ со сцены; онъ даетъ послѣдній совѣтъ молодымъ литераторамъ; онъ обращается къ нимъ съ своею послѣднею просьбою. Общественный дѣятель хоронитъ самъ себя.

Прощаніе г. Тургенева производитъ тяжелое впечатлѣніе. Это

сознаніе сыгранной роли, но сознаніе, вызванное не собственнымъ внутреннимъ починомъ, а тѣмъ, что молодая жизнь отъ него отвернулась. Тяжелое сознаніе! „Мое двадцатипятилѣтнее „служеніе музамъ“ окончилось среди постепеннаго охлажденія публики—и я не предвижу причины, почему бы она снова согрѣлась. Наступили новыя времена, нужны новыя люди; литературные ветераны подобны военнымъ—почти всегда инвалиды—и благо тѣмъ, которые во время умѣютъ сами подать въ отставку!“

Всѣхъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ постигла та же участь, но только одинъ г. Тургеневъ созналъ то, что нужно настойчиво растолковывать гг. Писемскимъ и Гончаровымъ. Впрочемъ, о г. Гончаровѣ мы думаемъ иначе. Расчетомъ самолюбія вѣсть вся его литературная дѣятельность и послѣ „Обрыва“ онъ, конечно, болѣе писать не будетъ. Г. Писемскій не того закала. Онъ допишется до „Сына Отечества“ и, если угодно, до „Домашней Весѣды“.

Прощаніе Тургенева возлагаетъ чрезвычайную обязанность на русскую критику и публицистику. Это похороны не рядового человѣка. Такіе люди, какъ Тургеневъ, рѣдко. Среди русской безличности и повальной спячки мозга въ прогрессивно-западномъ направленіи, писатели, какъ Тургеневъ—свѣтила первой величины, оставляющія глубокой слѣдъ въ жизни общества, среди котораго они дѣйствовали. Послѣ нихъ чувствуется пустота.

Тургеневъ для насъ лучезарный образъ. Это честный, искренній человѣкъ, нестановившійся никогда на ходули, переживавшій всѣмъ существомъ своимъ вопросы, о которыхъ онъ говорилъ; страдавшій и радовавшійся вмѣстѣ съ своими героями; пытливо приглядывавшійся къ явленіямъ жизни и горячо любившій страну, для которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Тургеневъ человѣкъ честнаго, тонкаго, любящаго чувства.

Мои слова похожи на панегирикъ; но я пишу не его. Я знаю, что рядомъ съ Шекспиромъ и Байрономъ Тургеневъ изображаетъ довольно хрупкій элементъ, невозбуждающій энергіи, идущей на-проломъ. Но посмотрите на русскую жизнь и скажите искренно—по плечу ли намъ Шекспиръ и Байронъ? Чтобы стали они у насъ дѣлать? да и могли ли бы что дѣлать?

Тургеневъ дѣйствовалъ на литературномъ поприщѣ четверть столѣтія. Его читала и любила вся Россія. Должна же быть причина, что его любили? Ясно, что онъ попадалъ въ жилку, ясно, что онъ въ большинствѣ читателей умѣлъ находить болыныя и наболѣвшія мѣста. Ясно, что онъ умѣлъ заглядывать въ русскую душу и говорить для нея понятнымъ языкомъ. Если бы русскій крестьянинъ могъ читать „Записки Охотника“, Тургеневъ сдѣлался бы любимцемъ народа.

За что же любили Тургенева? Какимъ умственнымъ богатствомъ онъ умѣлъ надѣлать своихъ читателей; насколько онъ помогъ русскому мышленію; насколько его слово помогло намъ устроить свою жизнь лучше? Попытаюсь подвести итогъ.

II.

Тургеневъ окончилъ курсъ наукъ въ петербургскомъ университетѣ по филологическому факультету въ 1837 г. и весной 1843 г. отправился доучиваться въ Берлинъ.

Интеллектуальная Россія уже и тогда не удовлетворяла пытливой, прогрессивной природы будущаго писателя. Университетъ былъ плохъ. Не было ни одного профессора, который бы могъ дать отвѣты на вопросы, смутно бродившіе въ умахъ молодежи. Не смѣли ли профессора говорить, или не умѣли — Тургеневъ молчитъ. Но министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, пославшій на свой счетъ молодыхъ людей въ нѣмецкіе университеты, очевидно, констатировалъ тѣмъ фактъ неспособности русскихъ университетскихъ вожakovъ. „Я слушалъ въ Берлинѣ латинскія древности у Цумпта, исторію греческой литературы — у Бока, — а на дому принужденъ былъ зубрить латинскую и греческую грамматики, которыя зналъ плохо. И я былъ не изъ худшихъ кандидатовъ, говоритъ Тургеневъ. Стремленіе молодыхъ людей — моихъ сверстниковъ — за границу напоминало исцаніе славянами начальниковъ у заморскихъ варяговъ. Каждый изъ насъ точно также чувствовалъ, что его земля (я говорю не объ отечествѣ вообще, а о нравственномъ и умственномъ достояніи каждаго, замѣчаетъ Тургеневъ) велика и обильна, а по-

ряда въ ней нѣтъ. Могу сказать о себѣ, что лично я весьма ясно сознавалъ всѣ невыгоды подобнаго отторженія отъ родной почвы, подобнаго насильственнаго перерыва всѣхъ связей и нитей, прикрѣпившихъ меня къ тому быту, среди котораго я выросъ... Но дѣлать было нечего. Тотъ бытъ, та среда и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ — полоса помѣщичья, крѣпостная — не представляла ничего такого, что могло бы удержать меня. Напротивъ: все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувство смущенія и негодованія. Долго колебаться я не могъ. Надо было покориться и смиренно побрести общей колеей по избитой дорогѣ; либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя „всѣхъ и вся“, даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ... Я бросился внизъ головою въ „пѣмецкое море“, долженствовавшее очистить и возродить меня и когда я, наконецъ, вынырнулъ изъ его волнъ — я все-таки очутился „западникомъ“ и остался имъ навсегда. Мнѣ и въ голову не можетъ придти осуждать тѣхъ изъ моихъ современниковъ, которые другимъ, менѣе отрицательнымъ путемъ, достигли той свободы, того знанія, къ которымъ я стремился... Я хочу только заявить, что я другого пути передъ собою не видѣлъ. Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; для этого у меня, вѣроятно, недоставало выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ известное имя: врагъ этотъ былъ — крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца — съ чѣмъ я повялся никогда не примириться... Это была моя Аннибаловская клятва; и не я одинъ далъ ее себѣ тогда. Я и на Западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее исполнить. И я не думаю, чтобы мое западничество лишило меня всякаго сочувствія къ русской жизни, всякаго пониманія ея особенности, нуждъ. „Записки Охотника“ — эти въ свое время новыя, впоследствии далеко опереженные этюды, были написаны за границею; нѣкоторые изъ нихъ — въ тяжелое

время раздумья о томъ: вернуться ли мнѣ на родину, или нѣтъ? Мнѣ могутъ возразить, что та частичка русскаго духа, которая въ нихъ замѣчается, уцѣлѣла не по милости монахъ западныхъ убѣжденій, но, несмотря на эти убѣжденія, и помимо моей воли. Трудно спорить о подобномъ предметѣ; — знаю только, что я, конечно, не написалъ бы „Записокъ Охотника“, если бы остался въ Россіи“.

Тургеневъ какъ будто хочетъ оправдаться въ томъ, что онъ несправимый западникъ. Зачѣмъ это оправданіе? Зачѣмъ онъ говоритъ, что насъ, русскихъ, хоть въ семи водахъ мой — нашей русской сути изъ насъ не вымоешь? Зачѣмъ онъ говоритъ, что отечественная критика, взводившая на него столь разнообразныя обвиненія, ни разу не укорила его въ нечистотѣ и не правильности языка, въ подражательности чужому слогу? Мы спросимъ г. Тургенева—если бы онъ не былъ западникомъ, вышелъ ли бы онъ тѣмъ, чѣмъ онъ вышелъ? Но важенъ даже и не этотъ вопросъ; важенъ тотъ фактъ, что графъ Уваровъ посылалъ молодыхъ людей на свой счетъ въ заграничныя университеты, что лучшіе, даровитѣйшіе русскіе люди оканчивали свое воспитаніе тамъ же (напримѣръ, въ берлинскомъ университетѣ вмѣстѣ съ Тургеневымъ были Н. Станкевичъ, Грановскій, Фроловъ), что ни одинъ интеллектуальный представитель того времени, также какъ и нашего, не могъ сложиться въ дѣйствительную силу внѣ прогрессивнаго европейскаго мышленія и внѣ европейскихъ знаній, потому что домашняя наука не давала отвѣтовъ на вопросы. А между тѣмъ, молодыя силы рвались впередъ: „почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, говоритъ Тургеневъ, возбуждало во мнѣ чувство смущенія, негодованія, отвращенія наконецъ“. Какъ тяжела была среда, давившая людей, можно видѣть изъ словъ Тургенева, что его границей томилъ тяжелое раздумье — вернуться ли на родину, или нѣтъ? И не одинъ Тургеневъ думалъ эту тяжелую думу. Не онъ одинъ не могъ брести смиренно общей колѣей по избитой дорогѣ помѣщичьей крѣпостной полосы. Что же оставалось дѣлать—или покориться, или разорвать съ традиціей. Тургеневъ разорвалъ. Онъ объявилъ непримиримую борьбу крѣпостному праву. И не онъ одинъ далъ себѣ клятву не класть оружія, пока

врагъ не будетъ сломленъ. Откуда же явилась клятва, какой силой создавалась она, откуда пришло слово свободы—съ Востока или съ Запада? Зачѣмъ же оправданіе? Люди сороковыхъ годовъ потому только и сильны, что они западники; безъ запада ихъ бы и не было; а г. Тургеневъ точно хочетъ оправдаться, что онъ не славянофилъ! Онъ точно отрекается отъ того, въ чемъ вся его суть, вся его сила. Мы, напротивъ, дорожимъ именно тѣмъ, что Тургеневъ западникъ, что онъ проповѣдникъ западной прогрессивной мысли и западнаго тонкаго социальнаго чувства. И мы констатируемъ этотъ фактъ, ибо имъ полнѣе всего выясняется характеръ дѣятельности г. Тургенева. Итакъ, Тургеневъ неисправимый западникъ; человекъ, который еще девятнадцати лѣтъ далъ себѣ клятву бороться съ идеей крѣпостнаго права и со всѣми его послѣдствіями, пока врагъ не будетъ низверженъ.

III.

Первое произведеніе, съ которымъ Тургеневъ выступилъ на литературное поприще, было „Параша“, рассказъ въ стихахъ. Рассказъ этотъ явился въ 1843 году подъ псевдонимомъ Т. Л. „Бѣлинскій, говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ, такъ благосклонно отозвался, такъ горячо хвалилъ меня, что, помнится, я почувствовалъ больше смущенія, чѣмъ радости“. И дѣйствительно, похвала Бѣлинскаго была преувеличенной. „Небольшая книжка, на дняхъ появившаяся въ Петербургѣ, подъ скромнымъ заглавіемъ „Рассказы въ стихахъ“, говоритъ Бѣлинскій, есть одинъ изъ прекрасныхъ сновъ на минуту проснувшейся русской поэзіи, какіе давно уже не видѣлись ею. Увѣренные въ глубокомъ снѣ нашей поэзіи, мы взяли за „Парашу“ съ явнымъ предубѣжденіемъ, думая найти въ ней — или сантиментальную повѣсть о томъ, какъ онъ любилъ ее, или какъ она вышла замужъ за него, или какую нибудь юмористическую болтовню о современныхъ нравахъ, написанную прозаическими стихами. Каково же было наше удивленіе, когда вмѣсто этого прочли мы поэму не только написанную прекрасными поэтическими стихами, но и проливнутую

глубокою идеею, полнотою внутренняго содержанія, отличающу-
юся юморомъ и пронією!.. И теперь, когда отъ многократно
повтореннаго чтенія, мы почти знаемъ наизусть прекрасное по-
этическое произведеніе, такъ неожиданно, такъ отрадно освѣ-
жившее душу нашу отъ скуки и прозы ежедневнаго быта, —
сѣбѣшимъ познакомить публику съ явленіемъ, которое имѣетъ
полное право на ея вниманіе...“ Въ концѣ разбора, довольно
длиннаго, Бѣлинскій говоритъ, что стихъ Тургенева обнаружи-
ваетъ необыкновенный поэтическій талантъ, а вѣрная наблюда-
тельность, глубокая мысль, выхваченная изъ тайника русской
жизни, изящная и тонкая иронія, подъ которою скрывается столь-
ко чувства—все это показываетъ въ авторѣ, кромѣ дара твор-
чества, сына нашего времени, несущаго въ груди своей все скор-
би и вопросы его... „Дай Богъ, заключаетъ Бѣлинскій, чтобы
наша встрѣча съ талантомъ автора „Параши“ не была также слу-
чайна, но превратилась бы въ знакомство продолжительное и
прочное. Грустно было бы думать, что такой талантъ—не болѣе,
какъ вспышка юности, кипѣніе молодой крови, а не признакъ
призванія и можетъ обмануть возбужденное имъ ожиданіе и на-
дежды...“

По поводу „Разговора,“ стихотворенія, явившагося уже въ
1845 году, подъ собственнымъ именемъ Тургенева, Бѣлинскій
говоритъ, что Тургеневъ—поэтъ въ истинномъ и современномъ
значеніи этого слова. Его муза не общается новой эпохи поэ-
тической дѣятельности, новой, великой школы искусства. Тѣмъ
не менѣе произведенія Тургенева рѣзко отдѣляются отъ произ-
веденій другихъ русскихъ поэтовъ. Крѣпкій, энергическій и про-
стой стихъ составляетъ не единственное достоинство произведе-
ній Тургенева: въ нихъ всегда есть мысль, ознаменованная пе-
чатью дѣйствительности и современности, и какъ мысль даро-
витой натуры всегда оригинальная. Тургеневъ не изъ тѣхъ са-
мобытныхъ и гениальныхъ талантовъ, которые, подобно Пушкину
и Бѣлинскому, дѣлаются властителями думъ своего времени и
даютъ эпохѣ новое направленіе; но въ его талантѣ есть свой
элементъ, своя часть той самобытности, оригинальности, которая,
завися отъ натуры, выводитъ талантъ изъ ряда обыкновенныхъ,
и благодаря которой онъ будетъ имѣть вліяніе на современную

ему литературу. Сравнивая „Разговор“ съ „Парашей“ нельзя не видѣть, что въ первомъ поэтъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ... Содержаніе поэмы просто до того, что рецензенту нечего и пересказывать. Это—разговоръ между старымъ отшельникомъ, который и на краю могилы все еще живетъ воспоминаніемъ о своей прошлой жизни, такъ полно, такъ могущественно прожитой—и молодымъ человекомъ, который вездѣ и во всемъ ищетъ жизни и нигдѣ, ни въ чемъ не находитъ ея, отравляемый, мучимый какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ внутренней пустоты, тайнаго недовольства собою и жизнію... Всякій, кто живетъ и слѣдовательно чувствуетъ себя постигнутымъ болѣзнію нашего вѣка—апатією чувства и воли, при пожирающей дѣятельности мысли,—всякій съ глубокимъ вниманіемъ прочтетъ „Разговоръ“ г. Тургенева и прочтя его, глубоко, глубоко задумается...”

Бѣлинскій совершенно вѣрно намѣтилъ Тургенева, хотя въ тоже время пророчествовалъ и увлекался. Бѣлинскій опредѣлялъ безошибочно, такъ сказать, душу молодого таланта, но онъ ошибся въ формѣ, въ которой силнѣе всего могла сказаться эта душа. Душа была тонкая, деликатная, мягкая, сочувствующая всему живому и окружающему и потому отшельничающая на вслкій вопросъ дня. Но Бѣлинскій ошибся, когда думалъ, что Тургеневъ будетъ поэтось въ общепринятомъ смыслѣ, т. е., что онъ свои мысли будетъ излагать рифмованнымъ, музыкально-размѣреннымъ словомъ. Бѣлинскаго въ этомъ конечно обвинять нельзя, да и вопросъ о формѣ вовсе не важенъ: Бѣлинскому представляли на судъ стихи, ну онъ и судилъ объ нихъ, какъ о стихахъ, а объ авторѣ ихъ, какъ о стихотворцѣ. Тургеневъ владѣлъ музыкальной мѣрой и писалъ стихомъ ровнымъ, гладкимъ, гармоническимъ.

Однѣна Бѣлинскимъ Тургенева по двумъ незначительнымъ произведеніямъ была такъ вѣрна въ общихъ характеристическихъ чертахъ, что теперь, когда Тургеневъ высказалъ уже все, что онъ могъ сказать,—прибавить больше нечего. Бѣлинскій уже тогда провидѣлъ, что Тургеневъ не можетъ быть властителемъ думъ своего времени, но что онъ чутокъ къ вопросамъ дня и понимаетъ ихъ вѣрно и тонко.

Такимъ Тургеневъ остался во всю свою литературную дѣятельность.

Бѣлинскій не дожиль до другихъ, болѣе зрѣлыхъ произведений Тургенева, и только черезъ десять лѣтъ русская критика въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей заговорила вновь о любимцѣ Бѣлинскаго, возмужавшемъ и опредѣлившемся. Тургеневъ въ этотъ періодъ явился какъ бы внезапнымъ, вновь народившимся писателемъ, о былой дѣятельности котораго новая грамотная Россія почти ничего не знала. Явились другіе вопросы дня, и на нихъ откликнулся Тургеневъ, и объ нихъ заговорила критика по поводу его произведений. Но Тургеневъ былъ не весь въ этихъ вопросахъ и они даже не главные, не характеристическіе въ его дѣятельности.

По поводу „Наканунѣ“ мы читаемъ у Добролюбова: „г. Тургенева можно по справедливости назвать представителемъ и пѣвцомъ той морали и философіи, которая господствовала въ нашемъ обществѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе. Онъ быстро угадывалъ новыя потребности, новыя идеи, вносимыя въ общественное сознаніе и въ своихъ произведеніяхъ непрестанно обращалъ, сколько позволяли обстоятельства, вниманіе на вопросъ, стоявшій на очереди и уже смутно начинавшій волновать общество. Чутью автора къ живымъ струнамъ общества, этому умѣнью тотчасъ стозваться на всякую благородную мысль и честное чувство, только-что еще начинающее проникать въ сознаніе лучшихъ людей, мы приписываемъ значительную долю того успѣха, которымъ постоянно пользовался г. Тургеневъ въ русской публикѣ. Конечно и литературный талантъ самъ по себѣ много помогъ этому успѣху. Но читатели наши знаютъ, что талантъ Тургенева не изъ тѣхъ титаническихъ талантовъ, которые единственно силою поэтическаго представленія поражаютъ, захватываютъ васъ и влекутъ къ сочувствію къ такому явленію или идеѣ, которымъ мы вовсе не расположены сочувствовать. Не бурная, порывистая сила, а напротивъ—мягкость и какая-то поэтическая умѣренность служатъ характеристическими чертами его таланта. Поэтому мы полагаемъ, что онъ не могъ бы вызвать общую симпатію публики, если бы касался вопросовъ и потребностей совершенно чуждыхъ его читателямъ или еще невозбужденныхъ въ обществѣ. Нѣкоторыя

замѣтили бы прелесть поэтическихъ описаній въ его повѣстяхъ, тонкость и глубину въ очертаніяхъ разныхъ лицъ и положеній, но, безъ всякаго сомнѣнія, этого было бы недостаточно для того, чтобы сдѣлать прочный успѣхъ и славу писателю... Живое отношеніе къ современности спасло г. Тургенева и упрочило за нимъ постоянный успѣхъ въ читающей публикѣ. Нѣкоторый глубокомысленный критикъ даже упрекалъ когда-то г. Тургенева за то, что въ его дѣятельности такъ сильно отразились „всѣ колебанія общественной мысли.“ Но мы, несмотря на это, видимъ здѣсь именно самую жизненную сторону таланта Тургенева и этой стороной объясняемъ, почему съ такой симпатіей, почти съ энтузіазмомъ, встрѣчалось до сихъ поръ каждое его произведеніе...

Добролюбовъ обѣщавъ прослѣдить всю литературную дѣятельность г. Тургенева, но обѣщаніе это осталось неисполненнымъ.

Годомъ послѣ добролюбовскаго разбора „Наканунъ“, Писаревъ задумалъ подвести итогъ дѣятельности г. Тургенева. Оцѣнка однако вышла менѣе полной, чѣмъ можно было ожидать. Въ статьѣ „Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ“, Писаревъ проводитъ параллель между этими писателями, и по поводу Тургенева высказываетъ слѣдующую мысль: „Тургеневъ—честный дѣятель и прямой человѣкъ; онъ смотритъ на явленія нашей жизни, понимая и чувствуя свое сродство съ ними. Онъ говоритъ о нихъ то, что думаетъ о нихъ въ самомъ дѣлѣ, говоритъ искренно и задушевно, не задавая себѣ задачи поддѣлаться подъ господствующій тонъ. За эту правдивость, за эту честную стойкость ему можно сказать большое спасибо; говорить, что думаешь, не насилая себя—совѣмъ не такъ легко, какъ кажется; этого даже нельзя и требовать отъ всякаго; но этимъ свойствомъ надо дорожить въ тѣхъ людяхъ, въ которыхъ оно встрѣчается. Никто не обвинять г. Тургенева какъ чловека и писателя въ потаканіи нашимъ и вашимъ. Каждая строчка произведеній Тургенева—не фраза, брошенная для удовольствія тѣхъ или другихъ читателей, а дѣйствительное выраженіе дѣйствительнаго существующаго въ авторѣ чувства или воззрѣнія. Съ этими чувствами и воззрѣніями можно не соглашаться, но ихъ нельзя не уважать, потому что право на уваженіе имѣетъ всякое искреннее убѣжде-

нѣ... Романы Тургенева слишкомъ глубоко прочувствованы, или слишкомъ полно отражаютъ картину жизни, чтобы не показаться серьезнымъ и дѣльнымъ словомъ мыслящаго человѣка... Тургеневъ стоялъ всегда въ чисто отрицательныхъ отношеніяхъ къ нашей дѣйствительности. Онъ скептически относился къ лучшимъ проявленіямъ нашей мысли, къ самымъ красивымъ представителямъ выработавшихся у насъ типовъ. Эти отрицательныя отношенія, этотъ скептицизмъ — величайшая заслуга передъ обществомъ...“

Вотъ все, что даетъ русская критика о Тургеневѣ. Оцѣнка Добролюбова и Писарева, хотя и болѣе подробная, не прибавляетъ въ сущности ничего къ тому, что сказалъ о немъ Вѣлинскій. Всѣ отзывы отличаются неясностію опредѣленій и расплывающейся безграницностію. Тургеневъ честный человѣкъ и честный писатель—вотъ точка ихъ отправления. Причина неполноты отзывовъ конечно не въ томъ, чтобы у Добролюбова или Писарева не достало силы подвести общій итогъ; причина въ томъ, что и время, и обстоятельства не допускали полной, законченной оцѣнки, которая тогда была бы еще преждевременной.

IV.

Добролюбовъ и Писаревъ разбирали изъ произведеній Тургенева то, что появлялось въ періодъ ихъ дѣятельности, но не то, что явилось раньше. Они разбирали лишь романы и повѣсти, печатавшіеся въ эпоху освобожденія крестьянъ, и подводили итогъ только имъ.

Но въ дѣятельности Тургенева былъ еще одинъ моментъ, и этотъ моментъ самый важный, ибо въ немъ центръ тяжести и точка опоры всего литературнаго служенія г. Тургенева. Я говорю о томъ умственномъ настроеніи автора, когда онъ зрѣлъ мыслию на крестьянскомъ вопросѣ и создавалъ „Записки Охотника.“ Самъ Тургеневъ говоритъ, что еще 19-ти лѣтъ онъ далъ клятву никогда не примиряться съ тѣмъ врагомъ, котораго онъ видѣлъ въ русскомъ крѣпостномъ бытѣ, что онъ и на Западъ-то ушелъ, чтобы лучше исполнить свою клятву. И Тургеневъ сдер-

жалъ свое слово. Онъ смѣло бросилъ перчатку этому врагу и развѣ, за исключеніемъ послѣднихъ своихъ произведеній, ни разу не измѣнилъ своей общественной роли.

Капитальнымъ произведеніемъ Тургенева служить его „Записки Охотника.“ Въ нихъ онъ захватилъ всю суть русской жизни и никто до него не умѣлъ говорить такъ хорошо и такъ просвѣтительно для спавшаго до того времени общественнаго сознанія, какъ высказалъ свой первый общественный протестъ г. Тургеневъ.

„Записки Охотника“ цѣлая намѣченная поэма. Это канва для громадной картины, обхватывающей весь русскій крѣпостной бытъ во всемъ его мрачномъ настоящемъ, во всѣхъ его печальныхъ развѣтвленіяхъ. Достало или не достало личныхъ силъ г. Тургенева, чтобы вмѣсто очерковъ и рассказовъ дать полную и широкую картину, или помѣшали исполненію этого вѣдннкіа обстоятельства, мы разбирать не станемъ, потому что для разъясненія этого вопроса у насъ нѣтъ данныхъ. Но мы, однако, не думаемъ, чтобы у г. Тургенева не достало силъ связать свое слово шире и глубже, въ большихъ подробностяхъ, въ болѣе потрясающихъ картинахъ. Мы думаемъ, что тогда были не тѣ времена, чтобы задаваться подобными широкими задачами и всякому таланту приходилось вращаться въ сферахъ болѣе узкой, чѣмъ какая требовалась по размѣру его силъ. Писателю приходилось выказывать себя мельче, чѣмъ онъ есть.

Несмотря однако на это, въ отрывочныхъ рассказахъ г. Тургенева, связанныхъ, впрочемъ, единствомъ мысли, читатель, даже и не особенно проницательный, видитъ всѣ мрачныя стороны крѣпостного быта, убивавшаго живыя силы Россіи и дававшего имъ неправильное направленіе.

Изъ рассказовъ г. Тургенева русскій читатель узналъ впервые русскаго мужика, узналъ, что и у него есть тоже душа и душа человѣческая; узналъ, что онъ думаетъ и чувствуетъ, какъ думаютъ и чувствуютъ грамотные русскіе люди. Пейзажи г. Григоровича—жалкія, размалеванныя, бумажныя куклы, по сравненію съ живыми, глубоко-затрогивающими вашу душу типами г. Тургенева. Никто раньше Тургенева не заглянулъ въ душу русскаго мужика и никто лучше его не сказалъ: это такой же человѣкъ, какъ и вы!

Возьмите превосходную параллель „Хорь и Калинычъ“. Хорь складомъ лица напоминалъ Сократа: такой же высочій, шишковатый лобъ, такіе же маленькіе глазки, такой же курносый носъ. Онъ казалось чувствовалъ свое достоинство, говорилъ и двигался медленно, изрѣдка посмѣивался изъ-подъ длинныхъ своихъ усовъ. „Мы съ нимъ толковали о посѣвѣ, объ урожаѣ, о крестьянскомъ бытѣ, говоритъ авторъ. Онъ со мною все какъ будто соглашался; только потому мнѣ становилось совѣстно и я чувствовалъ, что говорю не то... Такъ оно какъ-то странно выходило. Хорь выражался иногда мудрено, должно быть изъ осторожности... Хорь былъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, рационалистъ. Хорь отлично понималъ дѣйствительность; онъ обстроился, накопилъ деньжонку, ладилъ съ баринномъ и прочими властями. Хорь насквозь видѣлъ своего помѣщика, разумѣлъ про себя, говорилъ мало, посмѣивался, возвышался даже до иронической точки зрѣнія на жизнь, много видѣлъ, много зналъ. Какъ человѣкъ пытливый, осторожный и практическій, онъ любилъ больше слушать, чѣмъ говорить, и какъ бы служилъ безсознательнымъ олицетвореніемъ принципа утилитаризма. Узнавъ, что авторъ былъ заграницей, Хорь, интересовавшійся вопросами административными и государственными, съ жаднымъ любопытствомъ слушалъ рассказы объ иныхъ порядкахъ, молчалъ, хмурилъ густыя брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что „дескать это у насъ не шло бы, а вотъ это хорошо — это порядокъ“. Что хорошо — то ему и нравится, что разумно — того ему подавай, а откуда оно идетъ — ему все равно. Его здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ; но нѣмцы, по словамъ Хоря, любопытный народецъ и поучиться онъ у нихъ готовъ.

Калинычъ совершенная противоположность Хорю. Полутыкитъ говорить о немъ: „усердный и услужливый мужикъ; хозяйство въ исправности одначе содержать не можетъ: я его все оттягиваю. Каждый день со мною на охоту ходить... Какое ужъ тутъ хозяйство!...“ Калинычъ принадлежалъ къ числу мягенькихъ натуръ, къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ. Хорь, напримѣръ, умѣлъ отлично обставить свою вѣшнюю жизнь, Калинычъ же ходилъ въ

лаптяхъ и перебивался кое-какъ. Хорь расплодилъ большое семейство — покорное и единодушное; у Калиныча была когда-то жена, которой онъ боялся, а дѣтей и не было вовсе. Хорь читалъ своего барина, какъ книгу; Калинычъ же благоговѣлъ передъ нимъ. Хорь тяготѣлъ къ людямъ, къ обществу и могъ выработаться въ общественнаго дѣятеля не безъ революціонной закваски; Калинычъ же стоялъ ближе къ природѣ, жилъ больше чувствомъ, не любилъ разсуждать и всему вѣрилъ слѣпо. Когда авторъ разсказывалъ друзьямъ о заграничѣ, Калиныча больше трогали описанія природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ зданій, большихъ городовъ. Сердечностію Калиныча, его кроткой незлобивою и немножко собачьей преданностію объяснялось его поведеніе. Любопытно было послушать споръ Калиныча съ Хоремъ, когда доходило до Полутыкина. — „Ужь ты, Хорь, у меня его не трогай“, говоритъ Калинычъ. — „А чтожь онъ тебѣ сапоговъ не сошьеть?“ возражалъ тотъ. — „Эко, сапоги!... на что мнѣ сапоги? я мужикъ...“ — „Да вить и я мужикъ, а вишь...“ при этомъ словѣ Хорь поднималъ ногу и показывалъ Калинычу сапогъ, скроенный вѣроятно изъ мамонтовой кожи. — „Эхъ! да ты развѣ нянь братъ!“ восклицалъ Калинычъ. — „Ну хоть бы на лапти далъ: вѣдь ты съ нимъ на охоту ходишь; чай, что день, то лапти.“ — „Онъ мнѣ даетъ на лапти.“ — „Да, въ прошломъ году гривенникъ пожаловалъ“. Калинычъ съ досадою отворачивался, а Хорь заливался смѣхомъ, причемъ его маленькіе глазки исчезали совершенно.

Въ этихъ двухъ формахъ, довольнаго и недовольнаго, высказался русскій простолюдинъ, выросшій подъ гнетомъ помѣщичьей власти. Каждая форма представляетъ множество особыхъ спеціальныхъ оттѣнковъ, зависящихъ отъ органическихъ условій людей, и г. Тургеневъ въ своихъ „Охотничьихъ разсказахъ“ рисуетъ разновидности этихъ двухъ главныхъ формъ. — Однѣ натуры мягкія, другія — съ закаломъ. Мякенькія вырождались въ разнообразныхъ видовъ преданность, доходившую до гордаго сознанія своей подчиненности или до послѣдняго предѣла униженія и упадка человѣческаго достоинства. Люди съ закаломъ, но честные и добрые перерождались въ Хорей, или же при недостаткѣ гуманнаго чувства являлись безжалостными и неумолимыми кулаками, бурми-

страдами, плавлеными сосисками, сосущими мужицкую кровь. Всѣ эти разновидности двухъ основныхъ типовъ г. Тургеневъ рисуетъ въ своихъ „Запискахъ Охотника“, выясняя, какъ одни и тѣже гнетущія и неправильныя социальныя условія выдѣлываютъ различные нравственные организмы.

Вотъ, на примѣръ, „Степушка“ (Малиновая вода). Всякій человѣкъ имѣетъ хоть какое бы то ни было положеніе въ обществѣ, хоть какія нибудь да связи. Всякому дворовому выдается, если не жалованье, то, по крайней мѣрѣ, хоть такъ называемое „отвѣсное“. Степушка не получалъ рѣшительно никакихъ пособій, не состоялъ въ родствѣ ни съ кѣмъ; никто не зналъ о его существованіи. У этого человѣка даже прошедшаго не было; о немъ не говорили; онъ и по ревизіи едва ли числился. Проживалъ онъ лѣтомъ въ клѣтѣ, позади курятника, а зимою въ передбанникѣ; въ сильные морозы ночевалъ на сѣновалѣ. Его привыкли видѣть, иногда даже давали ему пинка, но никто съ нимъ не заговаривалъ и онъ самъ, кажется, отъ рота не разинулъ. Ходилъ онъ и двигался безо всякаго шума; чихалъ и кашлялъ въ руку не безъ страха; вѣчно хлопоталъ и возился втихомолку словно муравей: и все для ѣды, для одной ѣды. И точно, не заботясь онъ съ утра до вечера о своемъ пропитаніи, умеръ бы съ голоду. Плохое дѣло не знать по утру, чѣмъ къ вечеру снѣтъ будешь! То подъ заборомъ Степушка сидитъ и рѣдью гложетъ, или морковь сосетъ, или грязный кочанъ капусты крошитъ; то ведро съ водой куда-ко тащитъ и крахтитъ, то подъ горшечкомъ огонь раскладываетъ и какіе-то черныя кусочки изъ запазухи въ горшокъ бросаетъ, то у себя въ чуланчикѣ деревяшкой постукиваетъ, гвоздикъ приколачиваетъ, палочку для хлѣбца устраиваетъ. И все это онъ дѣлаетъ молча, словно изъ-за-угла. А то вдругъ отлучится дня на два; его отсутствія, разумеется, никто не замѣчаетъ... Лицо у него маленькое, глаза желтенькіе, волосы вплоть до бровей, носикъ остренькій, уши пребольшія прозрачныя, какъ у летучей мыши, борода словно двѣ недѣли тому назадъ выбритая и никогда ни меньше не бываетъ, ни больше.

Но и это не единственная форма, до которой опускается приращенный и утѣсненный человѣкъ, если въ немъ нѣтъ силы

противодѣйствія. Въ очеркѣ „Контора“ г. Тургеневъ рисуетъ и еще одну подобную же форму, хотя и нѣсколько въ иномъ видоизмѣненіи. „Я подошелъ къ шалашу, говоритъ авторъ, взглянулъ подъ соломенный наметъ и увидѣлъ старика до того дряхлаго, что мнѣ тотчасъ же вспомнился тотъ умирающій козель, котораго Робинзонъ нашелъ въ одной изъ пещеръ своего острова. Старикъ сидѣлъ на корточкахъ, хмурилъ свои потемнѣвшіе маленькіе глаза и торопливо, но осторожно, на подобіе зайца (у бѣдняка не было ни одного зуба) жевалъ сухую и твердую горошину, безпрестанно перекачивая ее со стороны на сторону. Онъ до того погрузился въ свое занятіе, что не замѣтилъ моего прихода.

— Дѣдушка! а дѣдушка, проговорилъ я.

Онъ пересталъ жевать, высоко поднялъ брови и съ усиленіемъ открылъ глаза.

— Чего? прошамшалъ онъ осиплымъ голосомъ.

— Гдѣ тутъ деревня близко?

Старикъ опять пустился жевать. Онъ меня не разслушалъ. Я повторилъ свой вопросъ громче прежняго.

— Деревня?... да тебѣ, что надо?

— А вотъ отъ дождя укрыться.

— Чего?

— Отъ дождя укрыться.

— Да, (онъ почесалъ свой загорѣлый затылокъ) и началъ рассказывать, какъ и куда пройти. Я съ трудомъ понималъ старика. Усы ему мѣшали, да и языкъ плохо повиновался.

— Да ты откуда? спросилъ я его.

— Чего?

— Откуда ты?

— Изъ Ананьева.

— Чтожъ ты тутъ дѣлаешь?

— Чего?

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— А сторожемъ сижу.

— Да что ты стережешь?

— А горохъ.

— Да помилуй, — сколько тебѣ лѣтъ?

- А Богъ знаетъ.
 — Чай ты плохо видишь?
 — Чего?
 — Видишь плохо, чай?
 — Плохо. Бываетъ такъ, что ничего не слышу.
 — Такъ гдѣ же тебѣ сторожемъ-то быть — помилуй?
 — А про то старшіе знаютъ.

„Старшіе!“ подумалъ я, и не безъ сожалѣнія поглядѣлъ на бѣднаго старика. Онъ ошучался, досталъ изъ залазухи кусокъ черстватаго хлѣба и принялся сосать какъ дитя, съ усиліемъ втягивая и безъ того впалыя щеки“.

Это картина печальная. Она, правда, не потрясаетъ васъ, какъ драма, какъ сознательная борьба человѣка за свое нравственное и физическое существованіе, но она васъ пришибаетъ, гнетъ къ землѣ, глушитъ. Вамъ становится и больно, и обидно и стыдно—а за кого? За кого!... Вы честный и добрый человѣкъ, вы хотѣли бы сдѣлать всѣхъ довольными и счастливыми; но что же вы можете сдѣлать для этого жалкаго, убитаго старика, превращеннаго въ гороховое пугало? Вы думаете и вы понимаете, что всѣ ваши личныя добрыя желанія и стремленія больше ничего, какъ безсильный жалкій сантиментализмъ, потому что предъ вами стоитъ несокрушимой стѣной какой-то неуловимый врагъ, котораго вы не можете даже назвать по имени, опредѣлить точно и предъ которымъ вы все-таки такое же жалкое ничтожество, какъ этотъ шамкающій старикъ.

Но и простой человѣкъ, чувствовавшій свое безсидіе предъ русской судьбой, но въ то же время настолько упругій, чтобы не сломиться, какъ умѣлъ, спасалъ свою свободу. Вотъ хотя бы Ермолай. Вообразите себѣ человѣка лѣтъ 45, высокаго, худого, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, узкимъ лбомъ, сѣрыми глазами, съ взъерошенными волосами и съ широкими, насмѣшливыми губами. Этотъ человѣкъ ходилъ и зиму, и лѣто въ желтоватомъ нанковомъ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, но подпоясывался кушакомъ; носилъ синія шаровары и шапку со смушками, подаренную въ веселій часъ раззорившимся помѣщикомъ. Къ кушаку привязывались два мѣшка, одинъ спереди, искусно перекрученный на двѣ половины для пороха и для дробы; другой сзади — для дичи; хлопки же Ер-

молай доставалъ изъ собственной, повидимому, нестоющей шапки. Онъ бы легко могъ на деньги, вырученныя имъ за проданную дичь, купить себѣ патронташъ и суму, но ни разу даже не подумалъ о подобной покупке, и продолжалъ заряжать свое ружье по-прежнему, возбуждая изумленіе зрителей искусствомъ, съ какимъ онъ избѣгалъ опасности просыпать или смѣшать дробь и порохъ. Ружье у него было одностольное, съ кремнемъ, одаренное притомъ скверною привычкою жестоко „отдавать“, отчего у Ермолая правая щека всегда была цухлѣе лѣвой. Какъ онъ попадалъ изъ своего ружья, — и хитрому человѣку не придумать; но попадалъ. Была у него и лгавая собака, по прозванію Валетка, преудивительное созданіе. Ермолай никогда ее не кормилъ. „Стану ли пса кормить, разсуждалъ онъ; — притомъ песь — животное живое, самъ найдетъ себѣ пропитанье. И, дѣйствительно: хотя Валетка поражалъ даже равнодушнаго прохожаго своей чрезмѣрной худобой, но жилъ, и долго жилъ, даже, несмотря на свое бѣдственное положеніе, ни разу не пропадалъ и не изъявлялъ желанія покинуть своего хозяина.“

Отъ Ермолая отказались, какъ отъ человѣка, ни на какую работу негоднаго — „лядашаго.“ Ему приказали доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ парн двѣ тетеревей и вуропатокъ и затѣмъ позволялось ему жить гдѣ хочетъ и чѣмъ хочетъ. Пороху и дробн, разумѣется, ему не давали, слѣдуя точно тѣмъ же правиламъ, въ силу которыхъ и онъ не кормилъ своей собаки. Ермолай былъ человѣкъ пристрапнаго рода; беззаботенъ какъ птица, довольно говорливъ, разсѣянъ и неловокъ съ виду, сильно любилъ выпить, не уживался на жѣсть. Онъ подвергался самымъ разнообразнымъ приключеніямъ: ночевалъ въ болотахъ, на деревьяхъ, на крышахъ, подъ мостами, сиживалъ не разъ взаперти на чердакахъ, въ погребахъ и сараяхъ, лишался ружья, собаки, самыхъ необходимыхъ одѣяній, бывалъ битъ сильно и долго — и все-таки чрезъ нѣсколько времени возвращался домой одѣтый и съ собакой. У него былъ свой домъ и жена, но онъ никогда не оставался больше дня дома. Нельзя было назвать его человѣкомъ веселымъ, хотя онъ почти всегда находился въ довольно изрядномъ расположеніи духа. Ермолай любилъ покаять съ хорошимъ человѣкомъ, особенно за чаркой, но и то не-

долго: встанетъ и пойдетъ.— „Да куды, чортъ, идешь? ночь на дворъ“ — „А въ Чаплино“ — „Да на что тебѣ тащиться въ Чаплино за десять верстъ?“ — „А тамъ у Софрона-мужичьа переночевать“.— „Да ночуй здѣсь.“ — „Нѣтъ ужь нельзя“.—И пойдетъ Ермолай съ своимъ Валеткой, въ темную ночь, черезъ кусты до водомойни; а мужичекъ Софронъ пожалуй его къ себѣ на дворъ не пуститъ, да еще чего добраго шею намнетъ. Случалось не разъ поддѣвать въ его лицѣ невольное проявленіе какой-то угрюмой свирѣпости. Особенно не хорошо было выраженіе его лица, когда онъ прикусывалъ подстрѣленную имъ птицу. Конечно положеніе Ермолая не совсѣмъ то, какъ если уѣхать за границу и остаться тамъ; но бѣгуны—люди той же породы.

Ермолай нашелъ себѣ выходъ въ бродяжествѣ, въ какой-то волчей жизни, въ вѣчной непосѣдливости и съ нимъ, какъ съ волкомъ же, нельзя было ничего поддѣвать. Только для порядка и чтобы не было дурного примѣра господа велѣли ему доставлять на господскую кухню какихъ нибудь десять птицъ въ мѣсяцъ; но люди иной породы, чѣмъ Ермолай, искали спасенія и находили его въ пассивномъ подчиненіи стихійности ихъ окружающей. Конечно сила пассивная, но она все-таки сила, и сила большая, сила подавляющая своимъ хладнокровнымъ отношеніемъ къ величайшему акту, за которымъ наступаетъ неизвѣстное странное будущее, подавляющее воображеніе. Что можетъ быть дороже жизни? И съ нею-то разстается человекъ, точно онъ снимаетъ старнй лапоть. Да и чего жалѣть ее? Жаль жизни тому, кому или живется хорошо, или кто еще надѣется пожить хорошо. Ну а когда и впереди тоже, что и позади; позади же скверно? пронадай эта жизнь, думаетъ страдающій человекъ. Тамъ будетъ лучше, чѣмъ здѣсь. Этому же учили его еще и съ молодю. „Удивительно умираютъ русскіе люди“, замѣчаетъ г. Тургеневъ. И дѣйствительно удивительно. Вотъ подрядчикъ Максимъ; его пришибло срубленнымъ деревомъ; лежитъ онъ на землѣ, подбородокъ дрожить, волосы прилипли ко лбу, грудь поднимается неровно—умираетъ. „Батюшки, заговорилъ онъ едва внятно:—за попомъ.... послать.... приважите.... Господь... меня наказалъ... ноги, руки, все перебито.... сегодня.... воскресенье... а я.... а я.... вотъ... ребятъ-то не распустилъ....

Дыханіе ему спирало, онъ замолчалъ и началъ опять: — да денегъ мои... женѣ... женѣ дайте... за вычетомъ... вотъ Онисимъ знаетъ... кому я... что долженъ.“ — Мы за лекаремъ послали, можетъ быть, ты еще и не умрешь, говорятъ ему“. — Нѣтъ умру. Вотъ... вотъ подступаетъ, — вотъ она, вотъ... простите мнѣ, ребята, когда въ чемъ... — Богъ тебя проститъ, Максимъ Андреичъ, глухо заговорили мужики въ одинъ голосъ и шапки сняли: — прости ты насъ. — Онъ вдругъ отчаянно потрясъ головою, тоскливо выпятилъ грудь и опустился опять. — Нельзя ему однако тутъ умирать, воскликнулъ одинъ изъ крестьянъ; — ребята, давайте-ка вонъ съ телѣги рогожку, снесемте его въ больницу. — Человѣка два бросились къ телѣгѣ. — Я у Ефима... Сычевскаго... залепеталъ умирающій, — лошадь вчера купилъ... задатокъ далъ... таже лошадь-то моя... женѣ ее тоже... Стали его класть на рогожу... онъ затрепеталъ весь, какъ застрѣленная птица, и выпрямился. „Умеръ“ пробормотали мужики.

А то вотъ лежитъ больной мужикъ на лежанкѣ, тулупомъ накрылся, дышетъ тяжело. „Что, какъ ты себя чувствуешь“, спрашиваютъ его. Завозился больной на печи, подняться хочетъ; потому что спросилъ его баринъ, а самъ весь въ ранахъ, при смерти. „Лежи, лежи, лежи, говорятъ ему, — ну что? какъ?“ — „Вѣстимо плохо“, говорить. — „Больно тебѣ?“ — молчать. — „Невужно ли чего?“ — молчать. — „Не прислать ли тебѣ чаю?“ — „не надо“. — Я отошелъ отъ него, присѣлъ на лавку. Сижу четверть часа, сижу полчаса, гробовое молчаніе въ избѣ. Въ углу за столомъ, подъ образами, прячется дѣвочка лѣтъ пяти — хлѣбъ ѣсть. Мать изрѣдка грозитъ на нее. Въ сѣняхъ ходятъ, стучать, разговариваютъ: братнина жена капусту рубить. — „А, Аксинья!“ проговорилъ наконецъ больной, — „чего?“ — „квасу дай“, а подала ему Аксинья квасу, опять молчаніе. Спрашиваю шопотомъ: причастили его? — „причастили“. — „Ну стало быть и все въ порядѣ?“: *ждетъ смерти да и только...*

Или: говорить фельдшеръ крестьянину: „вы должно быть нездоровы: лицо у васъ нехорошо.“ — Да, Капитонъ Тимофѣичъ, неладно что-то — „Что съ вами?“ — „да вотъ что Капитонъ Тимофѣичъ, недавно я купилъ въ городѣ жернова; ну привезъ ихъ домой, да какъ сталъ ихъ съ телѣги выкладывать, понатужился

что-ли, въ чревѣ-то у меня такъ и йкнуло, словно оборвалось что... да вотъ съ тѣхъ поръ все и нездоровится. Сегодня даже больно веладно.“ У мужика оказывалось воспаленіе и грозилъ ему антоновъ огонь. Фельдшеръ сказалъ, что не ручается и совѣтывалъ остаться въ больницѣ. Мужикъ подумалъ, подумалъ, посмотрѣлъ на полъ, потомъ на присутствующихъ, почесалъ въ затылкѣ, да за шанку. „Куда же ты Василій Дмитричъ?“ — „Куда? Вѣстимо куда—домой, коли такъ плохо. Распорядиться слѣдуетъ коли такъ.“ — „Да вы себѣ бѣды надѣлаете, Василій Дмитричъ, помилюйте; я и такъ удивляюсь, какъ вы доѣхали? останьтесь.“ — „Нѣтъ, братъ, Капитонъ Тимофѣичъ, ужь умирать такъ дома умирать: а то чтожъ я здѣсь умру,—у меня дома и Господь знаетъ, что приключится...“ —Эй останься Василій, говорилъ фельдшеръ мужику, когда тотъ садился въ телѣгу; мужикъ только головой тряхнулъ, ударилъ возжей по лошади и съѣхалъ со двора. На четвертый день онъ умеръ. „Да, удивительно умирають русскіе люди“, заключаетъ г. Тургеневъ свой рассказъ.

Но не безчувственность и бездушіе, не деревянный организмъ дѣлаетъ его такимъ, какимъ мы такъ часто встрѣчаемъ его въ „Запискахъ охотника.“ Не хотите-ли видѣть русскую душу, — посмотрите, какъ рисуетъ ее г. Тургеневъ въ своемъ очеркѣ „Пѣвцы.“ Это соревнованіе, турниръ пѣвцовъ. На сценѣ нѣскольکو лицъ, но главные Дикій Баринъ и крестьянинъ Яковъ. Дикій Баринъ производилъ впечатлѣніе какой-то грубой, тяжелой, но неотразимой силы. Сложенъ онъ былъ неуклюже, но его медвѣжватая фигура не была лишена какой-то своеобразной граціи, происходившей, можетъ быть, отъ совершенно спокойной увѣренности въ собственномъ могуществѣ. Дикій Баринъ (настоящее его имя было Перевлесовъ) пользовался огромнымъ вліяніемъ во всемъ округѣ; ему повиновались тотчасъ и съ охотой, хотя онъ не только не имѣлъ никакого права приказывать кому бы то ни было, но даже самъ не изъявлялъ ни малѣйшаго притязанія на послушаніе людей, съ которыми случайно сталкивался. Онъ говорилъ—ему покорялись; сила всегда свое возьметъ. Онъ почти не пилъ вина, не знался съ женщинами и страстно любилъ пѣніе. Въ этомъ человѣкѣ было много загадочнаго; казалось, какія-то

громадныя силы угрюмо покоились въ немъ, какъ бы зная, что разъ поднявшись, что сорвавшись разъ на волю, онѣ должны разрушить и себя и все до чего не коснутся. Особенно поражала въ немъ смѣсь какой-то врожденной природной свирѣлости и такого же врожденного благородства. Мы боимся дѣлать обобщенія, но въ Дикомъ Баринѣ несомнѣнны обще-русскія черты...

Первымъ началъ пѣть Рядчикъ. Долго пѣлъ онъ, невозбуждая слишкомъ сильнаго сочувствія въ своихъ слушателяхъ; ему не доставало поддержки, хора; наконецъ при одномъ особенно удачномъ переходѣ, заставившемъ улыбнуться самого Дикаго Барина, одинъ изъ слушателей Обалдуй, не выдержавъ и вскрикнулъ отъ удовольствія. Всѣ встрепенулись. „Обалдуй съ Моргачемъ начали вполголоса подтягивать, подхватывать, подкрививать... Лихо!... забирай, шельмецъ!... забирай, вытягивай, аспидъ!... вытягивай еще!... накалывай еще — собака ты этакая, песъ!... погуби Иродъ твою душу!...“ Цѣловальникъ Николай Ивановичъ изъ-за стойки одобрительно закачалъ головой и направо, и налѣво. Обалдуй наконецъ затопалъ, застѣмелъ наконецъ ногами и задергалъ плечикомъ, а у Якова глаза такъ и разгорѣлись какъ уголья, и онъ весь дрожалъ какъ листъ и бевпорядочно улыбался. Одинъ Дикій Баринъ не измѣнился въ лицѣ и попрежнему не двигался съ мѣста; но взглядъ его, устремленный на Рядчика, нѣсколько смягчился. Пѣвецъ, ободренный знаками всеобщаго удовольствія, запѣлъ такъ, что когда наконецъ утомленный, блѣдный и облитый горячимъ потомъ, онъ пустилъ, перекинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдній замирающій возгласъ,—общій, слитный крикъ отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ. Обалдуй бросился къ нему на шею и началъ душить его своими длинными костлявыми руками; на жирномъ лицѣ Николая Ивановича выступила краска и онъ точно помолодѣлъ; Яковъ, какъ сумасшедшій, закричалъ: „молодецъ, молодецъ!“ — даже сидѣвшій тутъ мужикъ въ изорванной свитѣ не вытерпѣлъ и, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ: „Ага! хорошо чортъ побери—хорошо!“ и съ рѣшительностью плюнулъ въ сторону.

За Рядчикомъ выступилъ Яковъ. Онъ видимо робѣлъ, и Дикій Баринъ потупился, выжидая. Яковъ помолчалъ, взглянулъ кругомъ и закрылся рукой. Когда онъ отеръ свое лицо—оно

было блѣдно, какъ у мертваго; глаза едва мерцали свѣозъ опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ.... Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровенъ и, казалось, не выходилъ изъ его груди, но принесся откуда-то изъ-далека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звенящій звукъ на слушателей. Они взглянули другъ на друга, а жена Николая Ивановича такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой — болѣе твердый и протяжный, за вторымъ — третій и, понемногу разгорячался и расширяясь, полилась заунывная пѣсня „Не одна во полѣ дороженька пролегла“ и всѣмъ становилось сладко и жутко. Яковъ пѣлъ и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо широкимъ, словно раскрывалась знакомая степь, уходя въ безконечную даль. У слушателей закипѣло на сердцѣ и подступали къ глазамъ слезы; внезапно раздалось глухое сдержанное рыданіе — жена цѣловальника плакала, прижавъ грудь къ окну; Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и заился еще звонче, еще слаще прежняго. Николай Ивановичъ потупился, Моргачъ отвернулся; Обалдуй, весь разяѣженный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичокъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ попотомъ покачивая головой, и по желѣзному лицу Дикаго Барина, изъ-подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; Рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился... Непозвѣстно, чѣмъ бы разрѣшилось всеобщее томленіе, если бы Яковъ не кончилъ на высочайшъ, необыкновенно тонкомъ звукѣ — словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевельнулся; всѣ какъ будто ждали не будетъ ли онъ еще пѣть... — „Яша,“ проговорилъ Дикій Баринъ, положилъ ему руку на плечо, и — смолеть...

Рядчикъ пѣсня была хороша, но эта пѣсня была удалая. Не удалъ трогаетъ русскаго человѣка, хоть въ немъ ей много мѣста. Русскаго человѣка прошибаетъ задумчивость; ему пріятно, когда у него щемитъ сердце, когда ему хочется плакать или сидѣть гдѣ либо въ уголку да молчать. Ужъ на что положительный Хоръ и тотъ любилъ слушать Калининча и даже подтягивалъ ему жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ Хоръ пѣсню: „Доля ты моя, доля“. Федя не упускалъ случая подтрунять

надъ отцомъ. „Чего, старикъ, разжалобился!“ Но Хорь подпи-
ралъ щеку рукой, закрывалъ глаза и продолжалъ жаловаться на
свою долю... И доля была дѣйствительно горькая и ничего про-
тивъ нея не могли подѣлать люди, и вотъ они отводили душу
заунывною пѣснейю и становилось имъ легче.

А между тѣмъ внѣшность, скрывавшая эту чувствительность
и сердечную мягкость, была до того грубой, грязной, что цивили-
зованная Россія того времени никакъ не могла себѣ предста-
вить, чтобы въ мужицкомъ тѣлѣ сидѣло что либо похожее на
человѣческую душу. Тургеневъ первый показалъ эту душу и по-
казалъ ее такъ, что даже и неслабонервного читателя прошиба-
ютъ слезы, и онъ чувствуетъ свою родственность съ этими
людьми, съ которыми онъ не находилъ прежде ничего общаго.
Завидная доля. И не всякому она выпадаетъ. Отъ того-то и
нельзя не чтить того писателя, который доставляетъ вамъ ми-
нуты высокаго наслажденія, который умѣетъ играть на честныхъ
струнахъ вашего сердца, заставить ихъ звучать, когда они мол-
чали, который открываетъ вамъ новый нравственный мѣръ. Эту
завидную долю завоевалъ себѣ Тургеневъ „Записками охот-
ника“.

Хотите видѣть еще, какое честное, гуманное чувство шеве-
лится подъ грубою корою русскаго мужика? — вотъ вамъ Ви-
рюкъ. Вирюкъ лѣсной сторожъ, да такой, у котораго въ лѣсу
не пошалаешь. Вотъ онъ улыхалъ, что рубятъ въ его лѣсу
самовольно. Онъ идетъ въ лѣсъ и накрылъ порубщика. „Куда?
стой!“ загремѣлъ желѣзный голосъ Вирюка, и началась борьба.
„Врешь, врешь, твердишь, задыхаясь, Вирюкъ — не уйдешь...“ Онъ
держалъ подъ собою вора и закручивалъ ему кушакомъ руки на
спину. То былъ мужиченокъ мокрый, въ лохмотьяхъ, съ длин-
ною, растрепанною бородой. Дрянная лошадевка, до половины
закрытая угловатой рогожкой, стояла тутъ же вмѣстѣ съ тѣлѣж-
нымъ ходомъ. Вирюкъ не говорилъ ни слова; мужикъ тоже мол-
чалъ и только головой потряхивалъ.

— Фома Кузьмичъ, заговорилъ вдругъ мужикъ, голосомъ глу-
химъ и разбитымъ. — А, Фома Кузьмичъ....

— Чего тебѣ!

— Отпусти... съ голодухи... отпусти!..

— Знаю я васъ, угрюмо возразилъ мужикъ,—ваша вся свобода такая—воръ на воръ.

— Отпусти, твердилъ мужикъ;—приказчикъ... раззорены, во какъ... отпусти...

— Раззорены!.. воровать никому не слѣдъ.

— Отпусти, Фома Кузьмичъ... не губи. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣсть, во какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти, повторялъ онъ съ унылымъ отчаяніемъ,—отпусти, ей Богу, отпусти, я заплачу, во какъ, ей Богу. Ей Богу, съ голодухи... Дѣтки пищать, самъ знаешь. Круто, во какъ, приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, продолжалъ мужикъ, — лошаденку-то, хоть ее-то... одинъ животъ и есть... отпусти!

— Говорать нельзя. Я тоже человѣкъ подневольный; съ меня взнущать. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти! нужда, Фома Кузьмичъ. Нужда, какъ есть того... отпусти!

— Знаю я васъ!

— Да отпусти!

— Э, да что съ тобой толковать; сиди смирно, а то у меня знаешь.

Вѣдникъ потупился... Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Прошло нѣсколько мгновеній. Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза его загорѣлись и на лицѣ выступила краска. „Ну, на, ѣшь, подавись; на, душегубецъ окаанный, пей христіанскую кровь, пей!..“

Бирюкъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіать, кровопійца, тебѣ!

— Пьянь ты, что ли, что ругаться вздумалъ, заговорилъ съ изумленіемъ Бирюкъ;—съ ума сошелъ что ли?

— Пьянь!.. Не на твои ли деньги, душегубецъ окаанный... звѣрь, звѣрь, звѣрь!

— Ахъ ты... Да я тебя!..

— А мнѣ что? все едино—пропадать; куда я безъ лошади

пойду? Пришиби — одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ — все едино. Пропадай все: околѣвай все... а до тебя, погоди, доберемся.

Вирюкъ приподнялся.

— Бей, бей, подхватилъ мужикъ свирѣпыми голосомъ, — бей, на, на, на... бей, бей!

— Молчать! загремѣлъ мужикъ и шагнулъ два раза.

— Не стану я молчать, продолжалъ несчастный, — все едино — околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя кѣту.

Вирюкъ схватилъ его за плечи. Онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— Убирайся къ чорту съ своей лошады! закричалъ онъ ему велѣды: — да смотри, въ другой разъ у меня...

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу.

V.

Иное, противоположное положеніе выработывало въ противоположную форму и русскаго человѣка. Условія приниженности забивали его, заставляли его или уходить въ удалъ, или падать до апатіи идиотизма, или дѣлаться какимъ-то бездомнымъ бродягой, какъ Ермолай, мыкавшимся цѣлый вѣкъ, и непонимавшимъ, что онъ мыкается только потому, что никакая человѣческая связь не привязываетъ его къ одному мѣсту. Все это было горе разныхъ видовъ: горе, искавшее выхода или примиренія, или же, какъ Дикій Баринъ, носившій въ себѣ бурю, готовую разразиться.

Но тотъ же русскій человѣкъ, перенесенный въ противоположный лагерь, гордился своимъ раззолоченнымъ ничтожествомъ и самое рабство возводилъ въ величіе, усиливаясь подавлять тѣхъ, изъ которыхъ онъ самъ вышелъ и къ полку которыхъ онъ принадлежалъ. Такъ, Туманъ не могъ безъ умиленія вспомнить своего покойнаго барика и рѣшительно не хотѣлъ согласиться, что свободное положеніе лучше зависимаго. „Вельможе-

ственный былъ человекъ. Къ нему бывало первня, можно сказать, особы изъ Петербурга ѣзжали. Въ голубыхъ лентахъ бывало за столомъ сидятъ и кушаютъ. Ну да ужъ и угощать былъ мастеръ. Призоветъ бывало меня: Туманъ, говоритъ, мнѣ къ завтрашнему дню живыхъ стерлядей требуется, — приважи достать—слышишь?—Слушаю; ваше сѣятельство.—„Кафтаны шитые, парики, трости, духи ладиколонъ перваго сорта, табакерки, картины такаія большущія, изъ самого Парижа выписываль. Задастъ банкетъ, — Господи, владыко живота моего, фейерверки пойдутъ, ватавья! даже изъ пушекъ палать. Музыкантовъ однихъ сорокъ человекъ на лицо состояло. Капельмейстера изъ нѣмцевъ держаль, да заѣлся больно нѣмецъ; съ господами за однимъ столомъ кушать захотѣлъ; такъ и велѣли его сѣятельство прогнать его съ Богомъ. Извѣстно, господская власть. Плясать пустятся—до зари плянуть. Баринъ былъ какъ слѣдуетъ баринъ. И душа была тоже добрая. Побьетъ бывало тебя; смотришь, ужъ и позабылъ. Одно: метресою держаль. Охъ, ужъ эти метрески, прости Господи! Онѣ-то его и раззорили. И вѣдь больше изъ низкаго сословія выбираль... Особенно одна: Акулиною ее называли; теперъ она покойница, царство ей небесное! Дѣвка была простая, ситовскаго десятскаго дочь, да такая злющая! по щекамъ бывало графа бьетъ, племяннику моему лобъ забрила: на новое платье щеколадъ ей обронилъ... И не одному ему забрила лобъ. Да... А все-таки хорошее было времячко“.

Если люди, выдѣлившіеся изъ своего лагеря, по обстоятельствамъ располагали властію, то изъ нихъ формировался тотъ типъ знаменитыхъ бурмистровъ и управляющихъ, которые, съ одной стороны, подобно Туману, относились благоговѣнно къ освѣщавшему ихъ солнцу, а съ другой—были бичомъ и мучителями тѣхъ, кто стоялъ ниже ихъ. Вотъ, напримѣръ, Софронъ. Какое рабское, фальшивое униженіе предъ баринамъ и какое высокомеріе, наглость и беззаастѣнчивое обираніе крестьянъ, отданныхъ въ его управленіе. „Ахъ, вы отцы наши, милостивцы вы наши, говоритъ онъ заѣдавшему къ нему случайно барину, говоритъ на распѣвъ и съ такимъ умиленіемъ на лицѣ, что вотъ-вотъ слезы такъ и брызнутъ;—наслу-то изволили пожаловать! Ручку, батюшка, ручку“.—„Ну, каково у тебя, Софронъ,

дѣла идутъ“, спрашиваетъ разнѣжившійся баринъ. — „Ахъ, вы отцы наши! восклицаетъ Софронъ; — да какъ же имъ худо идти — дѣламъ-то! Да вѣдь вы наши отцы, вы милостивцы, деревеньку нашу просвѣтитъ изволили прїѣздомъ-то своимъ, очастливили по гробъ дней. Слава тебѣ Господи, слава тебѣ Господи! Благополучно обстоятъ все милостію вашею“. Софронъ помолчалъ, поглядѣлъ на барина и, какъ бы снова увлеченный порывомъ чувства, въ другой разъ попросилъ руку и заплѣлъ пуще прежняго: „Ахъ, вы отцы наши, милостивцы... и... ужь что! ей-Богу совсѣмъ дуракомъ отъ радости сталь... Ей-Богу, смотрю, да не вѣрю... Ахъ, вы отцы наши!“ А между тѣмъ, этотъ же самый Софронъ Яковлевичъ, такой сладкогласный и мягкій, какъ пѣвца, сосалъ крестьянъ и какъ говорили они объ немъ — собака, а не человѣкъ: такой собаки до самого Курска не найдешь. Крестьяне ему были кругомъ должны, работали на него, словно ба траки, ну, а если кто вздумаетъ поднять голосъ, заклюеть, совсѣмъ заклюеть, раззорить въ пухъ. Кому же совсѣмъ не втерпежъ и вздумаетъ искать защиты у барина, бурмистръ докладываетъ, что онъ дурной мужикъ и пьяница, что онъ бунтуетъ, что это нехорошій примѣръ для другихъ.

Взаимно разврашающее отношеніе не ограничивалось этимъ. Крѣпостный порядокъ портилъ всѣхъ, изврашалъ всѣмъ понятія, ставилъ всѣхъ въ фальшивыя отношенія и даже создалъ чудовищную нравственную философію рабства. Вотъ какъ, напр., разсуждаетъ Звѣрковъ. По его словамъ, жена его очень добрая, добръе ея и найти трудно. Ну, конечно, горничнымъ дѣвушкамъ у нея не житье, а рай. Добрая женщина положила себѣ за правило замужныхъ горничныхъ не держать. Оно и точно не годится, пойдутъ дѣти, то, се, — ну гдѣ же тутъ горничной присмотрѣть за барынею, какъ слѣдуетъ наблюдать за ея привычками: ей ужь не до того, у ней ужь не то на умѣ. „Надо по человѣчески судить“ замѣчаетъ господинъ Звѣрковъ. Вотъ проѣзжаетъ разъ этотъ Звѣрковъ черезъ одну изъ своихъ деревень и видитъ у старости дочь, дѣвочку прехорошенькую; такое даже, знаете, говорить онъ, что-то подобострастное въ манерахъ. Вотъ эту-то дѣвочку, съ такими хорошими подобострастными манерами, онъ беретъ въ горничныя своей жены. Дѣвочка оказываетъ уди-

вительные успѣхи. „Жена моя просто къ ней пристраивается, говоритъ Звѣрковъ, жалуется и наконецъ, помимо другихъ, въ горячични къ своей особѣ... Замѣчайте!.. И надобно было отдать ей справедливость: не было еще такой горячичной у моей жены, рѣшительно не было. За то ужъ и жена ее даже, признаться, слишкомъ баловала; одѣвала отлично, кормила съ господскаго стола, чаемъ поила... ну что только можно себя представить! Вотъ эдакъ она лѣтъ десять у моей жены служила. Вдругъ въ одно прекрасное утро, вообразите себя, входитъ Арина — ее Ариной звали — безъ доклада ко мнѣ въ кабинетъ, — и бухъ мнѣ въ ноги... Я этого, скажу вамъ откровенно, терпѣть не могу. Человѣкъ не долженъ никогда забывать своего достоинства, не правда ли? — Что тебѣ? — „Батюшка, Александръ Силычъ, милости прошу.“ — Какой? — „Позвольте выйдти замужъ.“ Я, признаюсь вамъ, изумился. Да ты знаешь дура, что у барыни другой горячичной нѣтъ? — „Я буду служить барынѣ по прежнему.“ — Вздоръ! вздоръ! барыня замужнихъ горячичныхъ не держитъ. — „Маланья на мое мѣсто поступить можетъ.“ — Прошу не разсуждать! — „Воля ваша...“ Я, признаюсь, такъ и обомлѣлъ. Доложу вамъ, я такой человѣкъ: ничто меня такъ не оскорбляетъ, смѣю сказать, такъ сильно не оскорбляетъ, какъ неблагодарность...“ Черезъ полгода горячичная является опять съ тою же самою просьбою. „Я былъ возмущенъ, говоритъ Звѣрковъ, но представьте себя мое изумленіе: нѣсколько времени спустя, приходитъ ко мнѣ жена, въ слезахъ, взволнована такъ, что я даже испугался. Что такое случилось? — „Арина... Вы понимаете... я стнжусь выговорить.“ — Быть не можетъ? Кто же? — „Петрушка, лакей.“ Меня взорвало. Я такой человѣкъ... полумѣръ не люблю!.. Петрушка не виноватъ. Наказать его можно, но онъ, по моему, не виноватъ. Арина... ну, чтожъ, ну, ну, чтожъ тутъ еще говорить? Я, разумеется, тотчасъ же приказалъ ее остричь, одѣть въ затрапезникъ и сослать въ деревню. Жена моя лишилась отличной горячичной, но дѣлать было нечего: безпорядокъ въ домѣ терпѣть, однакожъ, нельзя. Больной членъ лучше отсѣчь разомъ... Ну, ну, теперь, посудите сами, ну, вѣдь, вы, знаете мою жену, вѣдь это, это, это... наконецъ, ангель!.. Вѣдь она привязалась къ Аринѣ, и Арина это

знала, и не постыдилась... А? нѣтъ, скажите... а? Да что тутъ толковать! Во всякомъ случаѣ, дѣлать было нечего. Меня же, собственно меня, надолго огорчила, обидѣла неблагодарность этой дѣвушки. Что не говорите... сердца, чувства — въ этихъ людяхъ не ищите! Какъ волка не корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ...“

Въ этой школѣ нравственнаго баловства самодурству и личному произволу былъ громаднѣйшій просторъ. Вотъ хоть бы Кожовъ, Степанъ Никтополеоновичъ. Въ трезвомъ видѣ еще ничего, а какъ выпьетъ—и начнетъ разсказывать, что у него въ Питерѣ три дома на Фонтанкѣ: одинъ красный, съ одной трубой; другой желтый, съ двумя трубами, а третій синий — безъ трубъ, и три сына: одинъ въ инфантеріи, другой въ кавалеріи, третій самъ по себѣ... и говорить, что въ каждомъ дождѣ жить у него по сыну, что къ старшему сыну ѣздить адмиралы, ко второму—генералы, а къ младшему—все англичане. Вотъ поднимется и говоритъ: „за здравіе моего старшаго сына, онъ у меня самый почтительный“—и заплачетъ. И бѣда, коли кто отказывать станетъ. „Застрѣлю, говоритъ, и хоронить не позволю!..“ А то вскочитъ и закричитъ: „пляши, народъ Божій, на свою потѣху и мое утѣшеніе!“ Ну ты и пляши, хоть умирай, а пляши. Дѣвокъ своихъ крѣпостныхъ вовсе замучилъ. Бывало всю ночь, какъ есть до утра, хоромъ поютъ, и какая выше голосомъ забираетъ, той и награда. А стануть уставать,—голову на руки положить и загорланить: „охъ сирота я сиротливая! повидають меня голубчика!“ Конюхи тотчасъ дѣвокъ и приободрятъ.“ Или похождения Сучка. Первоначально Сучекъ ѣздилъ кучеромъ—или нѣтъ, да это все равно—Сучекъ былъ поваромъ, по приказанію барскому, кофименкомъ, антеромъ; потомъ его разжаловали опять въ повара, потому что у него сбѣжалъ братъ; былъ казачкомъ, фореиторомъ, садовникомъ, доѣзжачимъ, но тутъ съ нимъ случилось несчастье: онъ свалился съ лошади и разшибся, а баринъ былъ строгій, престрогий. Вотъ баринъ велѣлъ его выпоротъ, да въ ученье отдалъ въ Москву къ сапожнику, наконецъ, за старостію лѣтъ, онъ былъ произведенъ въ рыболовы. Женатъ Сучекъ не былъ. Татьяна Васильевна покойница,—царство ей небесное, говорилъ Сучекъ, никому

не позволяла жениться. Сохрани Богъ! Бывало говорить: „вѣдь живу же я такъ въ дѣвкахъ; что за баловство, чего имъ надо.“ Или: поселили Митрофана съ женою Аксиньею и семью дѣтьми въ заброшенное помѣстье, за полторасто верстъ, въ которомъ сгорѣли все господскія постройки, да и приказали Митрофану представлять на господскій столъ зелень и овощи.

И порча эта не ограничивалась только однимъ давленіемъ сверху внизъ, но она развѣдала и нравственную связь въ самомъ барствѣ. Г. Тургеневъ, давая цѣлый рядъ типовъ извращенныхъ людей изъ простонародья, въ то же время показываетъ и другіе параллельные типы изъ барскаго слоя, совершенно однородные съ типами простыхъ людей. Мы узнаемъ, что крѣпостничество портило весь социальный русскій строй, повсюду вносило развратъ и порчу, всехъ дѣлало несчастными, недовольными, всехъ оттягивало внизъ, всехъ мѣшало жить. Конечно, въ своихъ наиболѣе рѣзкихъ проявленіяхъ порча эта видалась въ глаза въ типѣ несчастнаго, забитаго простолюдина. Но и баринъ былъ не менѣе несчастливъ и совершенно также испытывалъ на себѣ гнетъ тѣхъ социальныхъ условій, которыя роняли нравственно и экономически простолюдина. Одна судьба висѣла, какъ Дамокловъ мечъ, надъ головою и мужика и барина.

Типъ барскаго униженія г. Тургеневъ показалъ въ Федорѣ Михеичѣ или короче въ Федѣ. Тоже былъ помѣщикъ, говорить про него Радиковъ, и богатый, да раззорился. А въ свое время считался первымъ по губерніи фатомъ; двухъ женъ отъ мужей увезъ; пѣсенниковъ держалъ, самъ пѣвалъ и плясалъ мастерски. Ну-ка покажи свое искусство гостю, говорить Радиковъ Федѣ и тотъ беретъ дрянненькую скрипку, смычокъ за середину, прислоняетъ скрипку къ груди, закрываетъ глаза и пускается въ плясъ, наливая пѣсенку и шликакая по струнамъ. Федору Михѣичу на видъ лѣтъ 70; длинный панковный сюртукъ печально болтается на сухихъ востлявыхъ его членахъ. Онъ плясалъ; то съ удалствомъ потряхивалъ, то словно замирая поводилъ маленькой лысой головою, вытягивалъ жилистую шею, тоналъ ногами на мѣстѣ, иногда съ замѣтнымъ трудомъ сгибалъ колѣни. Его беззубый ротъ издавалъ дряхлый голосъ. Развѣ это не тотъ же шамкающій старикъ, котораго посадили стеречь горохъ?

А Каратаевъ? Приглянулась ему дѣвушка Матрена, простая, крѣпостная, не его дѣвушка, а чужая. Вотъ и стала Матрена просить его выкупить ее отъ госпожи. Пріѣзжаетъ Каратаевъ къ барынѣ: домъ большой, съ флигелями, съ садомъ... Каратаева принимаютъ. Сидитъ на креслахъ маленькая, желтенькая старушонка и глазами моргаетъ. Каратаевъ высказалъ ей свое дѣло. Старушка выслушала. „Матрена? какая Матрена.“ — Матрена Федорова, Куликова дочь... да какъ вы ее знаете? — „А извѣстно ей ваше намѣреніе?“ — Извѣстно. Старуха замолчала. — „Да и ее негодную, вотъ я ее ужо, вотъ я ее... дурь изъ нея выбью... нехорошо ей у насъ, что ли?.. ахъ она чертовка, прости Господи мое согрѣшеніе!..“ Каратаева принимала не сама помѣщица, а ея родственница, и его просили пріѣхать дня черезъ два. Пріѣзжаетъ. „Мнѣ докладывала Катерина Карповна о вашемъ намѣреніи, говоритъ уже на этотъ разъ сама барыня, но я положила за правило людей въ услуженіе не отпускать. Оно не прилично, да и не годится въ порядочномъ домѣ: это не порядокъ. Я уже распорядилась, вамъ болѣе безпокоиться нечего. Она въ степную деревню посылается...“ „Вѣрите ли ни днемъ, ни ночью покою мнѣ не было, рассказываетъ Каратаевъ, мучусь! за что, думалъ я, погубилъ несчастную дѣвку! Какъ только бывало вспомню, что она въ зипунѣ гусей гоняетъ, да въ черномъ тѣлѣ по барскому приказу содержится, да староста мужикъ въ дехтарныхъ сапогахъ ее ругательски ругаетъ — холодный потъ такъ съ меня и закапаетъ, ну не вытерпѣлъ, провѣдалъ, въ какую деревню ее сослали, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ туда. Прямо къ старостѣ, будто сосѣдъ, вхожу на дворъ, гляжу: Матрена сидитъ на крылечкѣ и рукой подперлась. Она было вскрикнула, да я ей погрозилъ и показалъ на задворье, въ поле. Вошелъ въ избу, со старостой покаялкалъ, навралъ ему чертову тьму, улучилъ минутку и вошелъ къ Матренѣ. Она бѣдняжка такъ у меня на шеѣ и повисла. Поблѣднѣла, похудѣла моя голубушка. Я, знаете ли, говорю ей: ничего Матрена; ничего, не плачь, — а у самого слезы такъ и бѣгутъ, и бѣгутъ...“ Уговорившись съ Матреной, Каратаевъ ее укралъ. Ну конечно отобрали. Кончивъ свой рассказъ, Петръ Петровичъ горько зарыдалъ... Махнулъ рукой на все Петръ Петровичъ, отдался страст-

ному порыву, забросил хозяйство, уехалъ въ Москву, кинулся въ разгуль.

Русскій человѣкъ вездѣ русскій человѣкъ:—мужикъ ли онъ или баринъ—это дѣло случая; но выходъ чувству одинъ. Кто кинетъ камень въ человѣка за то, что онъ забывается въ разгуль. Я знаю, что пить скверно; потому что прежде всего нездорово и человѣческая сила гибнетъ безъ пользы для общества. Но развѣ бы за дана этой силѣ возможность проявиться лучшимъ и болѣе полезнымъ образомъ? Каратаева загрызло сознание своего безсилія; хотя въ немъ силы было не мало. Но развѣ Марья Ильинишна такая стѣна, которую прошибешь? развѣ Марья Ильинишна одна? За нею легионъ человѣческаго тупоумія. Тутъ и не Каратаевъ разобьется... И мучило же бѣднягу сознание своего безсилія. Пьяный, съ бокаломъ въ рукѣ, онъ пѣлъ въ трактирѣ:

...Изъ-за Гекубы?

Что онъ Гекубѣ, что она ему,

Что плачетъ онъ объ ней?..

А я... презрѣнный, малодушный рабъ,—

Я трусь! Кто назоветъ меня негоднымъ?

Кто скажетъ мнѣ: ты лжешь?

А я обиду перенесъ бы... Да!

Я голубъ мужествомъ: во мнѣ нѣтъ желчи,

И мнѣ обида не горька...

Каратаевъ уронилъ рюмку и схватилъ себя за голову. Мнѣ показалось, говоритъ Тургеневъ, что я его понялъ. Да, вы поняли его? Нужно умѣть входить въ человѣческую душу и читать ея страданія, какъ книгу; чувствовать въ самомъ себѣ нѣмую боль страдающихъ людей и только тогда вы протянете руку помощи всякому страданію, только тогда вы съумѣете говорить такъ хорошо, какъ говорилъ г. Тургеневъ. Я повторю еще разъ, что нѣтъ большей заслуги, какъ заставлять другихъ чувствовать честно и приятно. И заслуга эта вполне за Тургеневымъ. Каратаевъ ушелъ въ удалъ. Онъ вышелъ своего рода Ермолай, но бродяга трактирный.

Нигдѣ однако цивилизованная приниженность не нарисована г. Тургеневымъ съ такою силою, какъ въ Гамлетѣ Штирковского убада. Это Степушка, но цивилизованный, ученый, образованный.

Совсѣмъ не удалась жизнь этому жалкому горемыкѣ и онъ пришелъ къ сознанію, что при его полнѣйшей безпомощности, при его жалкомъ безсиліи одинъ выходъ—смириться. Степушка смирился, не понимая, что онъ дѣлаетъ; Гамлетъ же Щигровскаго уѣзда смирился, понимая, что онъ дѣлаетъ. Въ этомъ и вся разница. „Въ одной трагедіи Вольтера, рассказываетъ про себя Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, какой-то баринъ радуется тому, что дошелъ до крайней границы несчастія. Хотя въ судьбѣ моей нѣтъ ничего трагическаго, но я признаюсь извѣдалъ нѣчто въ этомъ родѣ. Я узналъ ядовитые восторги холоднаго отчаянія; я испыталъ какъ сладко втеченіи цѣлаго утра, не торопясь и лежа на своей постели проклиная день и часъ своего рожденія;— я не могъ смириться разомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, вы посудите: безденежье меня приковывало къ ненавистой мнѣ деревнѣ; ни хозяйство, ни служба, ни литература—ничто ко мнѣ не пристало; помѣшкивовъ я чуждался; книги мнѣ опротивѣли; для водянисто-пухлыхъ и болѣзненно-чувствительныхъ барышень, встряхивающихъ кудрями и лихорадочно твердящихъ слово: жизнь,— я не представлялъ ничего занимательнаго съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ болтать и восторгаться; уединиться совершенно я не умѣлъ и не могъ... Я сталъ, что вы думаете? Я сталъ таскаться по сосѣдямъ. Словно опьяненный прѣзрѣніемъ къ самому себѣ, я нарочно подвергалъ себя всякимъ мелочнымъ униженіямъ. Меня обносили за столомъ; холодно и надменно встрѣчали, наконецъ не замѣчали вовсе; мнѣ не давали даже вмѣшиваться въ общій разговоръ, и я самъ, бывало, нарочно поддакивалъ изъ-за угла какому нибудь глупѣйшему говоруну, который, во время оно, въ Москвѣ, съ восхищеніемъ бы облобызалъ прахъ ногъ моихъ, край моей шинели... Я даже не позволялъ самому себѣ думать, что я предаюсь горькому удовольствію ироніи... Помните, что за иронію въ одиночку! Вотъ-съ какъ я поступалъ нѣсколько лѣтъ сряду и какъ поступаю до сихъ поръ...

— Однако это ни на что не похоже, проворчалъ изъ сосѣдней комнаты заспанный голосъ господина Кантагрюхина:—какой тамъ дуракъ вздумалъ ночью разговаривать?

Разсказчикъ проворно нырнулъ подъ одеяло и, робко выглядывая, погрозилъ пальцемъ: „Тс... тс... прошепталъ онъ и слов-

но извиняясь, кланяясь въ направленіи Кантагрюхинскаго голоса, почтительно промолвилъ: — слушаю-сь, слушаю-сь, извините-сь...“

— Ему позволительно спать, ему слѣдуетъ спать, продолжалъ онъ снова шопотомъ: ему должно набраться свѣжихъ силъ, ну, хоть бы для того, чтобы съ тѣмъ же удовольствіемъ покушать завтра. Мы не имѣемъ права его беспокоить... Такихъ Гамлетовъ во всякомъ уѣздѣ много, но можетъ быть съ другими вы не сталкивались...“

А гдѣ же барская сила, хотя бы въ родѣ той сосредоточенной мощи, которая ждетъ только случая, какъ въ Дивомъ Баринѣ? Г. Тургеневъ заставляетъ однодворца Овсянникова высказать вотъ что: „Молодые господа прежнихъ порядковъ не любить: я ихъ хвалю... Пора за умъ взяться. Только вотъ что горе: молодые господа больно мудрятъ. Съ мужикомъ, какъ съ кувлой поступаютъ: повертатъ, повертатъ, поломають, да и бросатъ. И приказчикъ, крѣпостной человѣкъ, и управитель изъ нѣмецкихъ уроженцевъ — опять крестьянина въ лапы заберутъ. И хоть бы одинъ изъ молодыхъ-то господъ примѣръ подавъ, показавъ: вотъ, молъ, какъ надо распоряжаться!... Чѣмъ же это кончится? Неужто я такъ и умру, и новыхъ порядковъ не увижу?... Что за притча? — старое вымерло, а молодое не нарождается!“ Затѣмъ Овсянниковъ сталъ рассказывать о неспостижимомъ для него помѣщикѣ Любозвоновѣ. Человѣкъ онъ молодой, недавно послѣ матери наследство получилъ. Вотъ прѣзжаетъ къ себѣ въ вотчину. Собрались мужички поглазѣть на своего барина. Вышелъ къ нимъ Василій Николаичъ. Смотрятъ мужики — что за диво! — ходитъ баринъ въ плисовыхъ панталонахъ, словно кучеръ, а сапожки обулъ съ оторочкой; рубаху красную надѣлъ и кафтанъ тоже кучерской; бороду отпустилъ, и на головѣ такая шапюлька мудреная, и лицо такое мудренное, — пьянъ не пьянъ, а не въ своемъ умѣ. „Здорово, говорятъ, ребята, Богъ вамъ въ помощь“. Мужики ему въ поясъ — только молча: заробѣли. Сталъ онъ имъ рѣчь держать: „я русскій и вы русскіе, я русское все люблю... русская у меня душа, и кровь тоже русская...“ Да вдругъ какъ скамандуетъ: „а ну, дѣтки, спойте-ка русскую народную пѣсню!“ У мужиковъ под-

жижки затряслись; вовсе одурѣли. Одинъ было смѣльчакъ зашѣлъ, да и присѣлъ тотчасъ къ землѣ, за другихъ спрятался. А между тѣмъ этотъ Василій Николаичъ словно красная дѣвушка: все книги читаетъ или пишетъ. Ни съ кѣмъ не разговариваетъ, дичится, знай себѣ по саду гуляетъ, словно скучаетъ или груститъ. Превжній приезчикъ на первыхъ порахъ вовсе перетрусился, и мужики надѣялись, думали: „нашлишь, братъ! — ужь тебя къ отвѣту потянутъ, голубчика“, а вмѣсто того вышло, что позвалъ его къ себѣ Василій Николаичъ и говоритъ, а самъ краснѣетъ и дышетъ скоро: „будь справедливъ у меня, — не притѣсняй никого, слышишь? — да съ тѣхъ поръ его къ себѣ и не требовалъ. Въ собственной вотчинѣ живетъ словно чужой, и вотъ что удивительно: кланяется баринъ мужикамъ и смотритъ привѣтливо — а животы у нихъ отъ страху такъ и подводитъ.“

И это тотъ спасительный талисманъ, которымъ думали славянофилы вывести Россію на путь социальнаго спасенія? Дрянная негодность славянофильства и всеспасительнаго русскаго „армяка“ не могли быть показаны лучше, какъ типомъ жалкаго фразера и славянофильствующаго Манилова, выставленнаго Тургеневымъ въ рассказѣ Овсянникова. И это все, до чего додумался русскій цивилизованный передовой умъ! Повсюду нравственная и матеріальная нищета; человекъ подавленъ стихійностию всеразвращающаго крѣпостнаго права и рдѣющей отъ стыдливости, робкій, нѣжный, чувствительный и сентиментальный славянофилъ облачается въ плисовые штаны, отдаетъ мужика на съѣденіе приващику или эксплуататору изъ нѣмцевъ и думаетъ, что онъ спасъ мужика, спасъ Россію! Только западникъ могъ показать такъ хорошо бессильное ничтожество славянофильства.

VI.

Есть и еще вопросъ, котораго Тургеневъ касается въ „Запискахъ Охотника“ — это вопросъ женскій. Не тотъ женскій вопросъ, который онъ разработывалъ въ своихъ послѣдующихъ романахъ. Это не кисейныя барышни: Лизы и подобныя имъ,

гибнущія отъ собственной дрялости, ищущія выхода въ традиціи и спасенія подъ одѣяломъ у бабушки, безсильныя разорвать однимъ разомъ съ чепухой опутавшихъ ихъ общественныхъ предразсудковъ и прѣдлчій, — а натуры прямыя, простыя, органическія, сильныя. Ихъ связываетъ не собственная дрялость, заѣдаетъ не рефлексія, не матеріальная безпомощность; — стѣной передъ ними стоитъ вѣщная стихійная сила, несокрушимая, какъ гранитная скала. Что за удивительная дѣвушка Матрена, полюбившая Каратаева, — и красавица она, и умная, и ужь добрая кака! Еще бы. Такія только и любятъ умѣютъ. Чтобы рѣшиться крѣпостной дѣвкѣ былыхъ временъ ѡбжать отъ такой вѣдьмы, какъ Марья Ильинична, нужно много нравственной силы. Это не то, что благовоспитанной дѣвушкѣ сказать своему папешкѣ и маменькѣ: я противъ вашей воли выйду замужъ. Понятно, что не обошлось безъ борьбы. Матрена заколебалась. „Эхъ, Матрена, Матрена, а я тебя считалъ за дѣвку съ характеромъ, говорить Каратаевъ, и точно, у нея было много характера. Душа была, золотая душа! — Чтоже тебѣ здѣсь оставаться! все равно, хуже не будетъ. Ну, вотъ сказывай: старостинныхъ кулаковъ отвѣдывала, а? — Матрена такъ и вспыхнула, и губы у ней задрожали. „Да изъ за меня семьѣ моей житья не будетъ.“ — Ну ее, твою семью... сошлютъ ее, что ли? — „Сошлютъ; брата-то навѣрное сошлютъ“. — А отца? — „Ну, отца не сошлютъ, онъ у насъ одинъ хорошій мортной и есть“. — Ну вотъ видишь, а братъ твой отъ этого не пропадетъ...“ Посмотрите, сколько бѣдствій грозитъ человѣку: чуть не гибнетъ вся семья. А что ожидаетъ Матрену? — Вѣдь Каратаевъ на ней не женится, и она знаетъ это и не требуетъ: она любитъ его, любитъ — и только. Вотъ это сила!... Марья Ильинична однако узнала, гдѣ Матрена, и сердце бѣдной женщины изныло отъ постоянной борьбы двухъ противоположныхъ чувствъ: съ одной стороны любовь, съ другой — преслѣдованія барыни и наѣзды исправниковъ, требующихъ выдачи Матрены и грозящихъ правосудіемъ. „Вотъ лежу однажды ночью, говорить Каратаевъ, на своей постели, и думаю: Господи, что же мнѣ дѣлать, коли я ее разлюбить не могу?... Ну, не могу, да и только! — Шастъ ко мнѣ въ комнату Матрена. Я на это время было спряталъ ее у себя на хуторѣ,

верстахъ въ двухъ отъ своего дома. Я испугался. — Что? Ахъ и тамъ тебя открыли? — „Нѣтъ, Петръ Петровичъ, говорить она, никто меня не беспокоитъ въ Бубновѣ; да долго ли это продолжится? Сердце мое, говорить, надрывается, Петръ Петровичъ. Васъ мнѣ жаль, моего голубчика; вѣкъ не забуду ласки ваши, Петръ Петровичъ, а теперь пришла съ вами проститься“. — Что ты, что ты, сумасшедшая?... Какъ проститься? — „А такъ... пойду, да себя и выдамъ“. — Да я тебя, сумасшедшую, на чердакъ запру... или ты меня погубить вздумала? Уморить меня, чтоли, желаетъ? — Молчить себѣ дѣвка, да глядить на полъ. — Ну, да говори же, говори! — „Нехочу вамъ больше беспокойства причинять, Петръ Петровичъ...“ О, милыя великосвѣтскія вискейныя барышни! положите руку на сердце и скажите себѣ: есть ли въ васъ хоть половина этой силы, и способны ли вы всѣмъ существомъ своимъ отдаваться безгранично, всецѣло, одному чувству, одному стремленію?... Изъ чего же вздумала выдать себя Матрена? Ей показалось, что ея присутствіе у Петра Петровича и вѣчные наѣзды полиціи дѣлаютъ ему беспокойство. И простой человѣкъ любить всегда этимъ способомъ, не зная ни рефлексій, ни заглядывая въ будущее и не требуя невозможнаго, какъ это, напримѣръ, высказывала Вѣра въ „Обрывѣ“. Дай ей непремѣнно вѣчную любовь. Напиши ей юридическій актъ, что чрезъ десять, двадцать лѣтъ будетъ тоже, что теперь. Простой человѣкъ лучше знаетъ, что мы невластны въ завтрашнемъ днѣ. Ну, хорошо тебѣ, и пользуйся, и не отказывайся отъ него ради того, что завтра этого хорошаго у тебя можетъ быть не будетъ. Ну, а если будетъ еще лучше?... Конечно, простому человѣку помогаетъ его экономическая самостоятельность, вискейныхъ же барышень губить ихъ экономическая безпомощность. Такъ. Но вопросъ нашъ не въ томъ, чтобы найти разницу между тѣми и другими: — опредѣлить эту разницу насъ бы не затруднило. Мы лишь констатируемъ фактъ и говоримъ, что въ одномъ случаѣ сила, въ другомъ — безсиліе.

А не хотите ли знать, какъ зачахла Мельничиха (Ермолай и Мельничиха). Ей было на видъ лѣтъ 30; худое и блѣдное лицо еще хранило слѣды красоты замѣчательной. Особенно хороши были глаза, большіе и грустные. Ее заѣдала уже чахотка. Это

была та самая женщина, о которой Звѣрковъ рассказывалъ, что она обидѣла его своею неблагодарностію, потому что полюбила Петрушку лакея. Или, вотъ молодая крестьянская дѣвушка. Она сидитъ, задумчиво потупивъ голову и уронивъ обѣ руки на колѣни; на одной изъ нихъ, до половины раскрытой, лежитъ густой пучекъ полевыхъ цвѣтовъ. Дѣвушка очень недурна собою. Густые бѣлокурные волосы, прекраснаго пенельнаго цвѣта, расходились двумя тщательно причесанными полукругами изъ-подъ узкой алой подвязки, надвинутой почти на самый лобъ, бѣлый, какъ слоновая кость; остальная часть ея лица загорѣла тѣмъ золотымъ загаромъ, который принимаетъ одна тонкая кожа. Она сидитъ такъ, что нельзя видѣть ея глазъ, но видны ея тонкія, высокія брови, ея длинныя рѣсницы: онѣ влажны, и на одной изъ ея щекъ блеститъ на солнцѣ высохшій слѣдъ слезы, остановившейся у самыхъ губъ, слегка поблѣднѣвшихъ. Выраженіе ея лица просто, крѣтко и грустно; оно полно дѣтскаго недоумѣнья предъ собственной грустью. Она видимо ждетъ кого-то. Въ лѣсу что-то слабо хрустнуло. Она тотчасъ подняла голову, оглянулась, и тутъ можно было разсмотрѣть ея глаза, большіе, свѣтлые и пугливые, какъ у лани. Нѣсколько мгновеній прислушивалась дѣвушка, не сводя широко раскрытыхъ глазъ съ мѣста, гдѣ раздался слабый звукъ, вздохнула, повернула тихо голову, еще ниже наклонилась и принялась медленно перебирать цвѣты. Вѣки ея покраснѣли, горько шевельнулись губы и новая слеза покатилась изъ-подъ густыхъ рѣсницъ, останавливаясь и лучисто сверкая на щекѣ. Такъ прошло довольно много времени; бѣдная дѣвушка не шевелилась,—лишь изрѣдка тоскливо проводила руками и слушала, все слушала... Кого же ждала она? Она ждала на послѣднее прощальное свиданіе молодого барскаго камердинера, избалованнаго, ломающагося, нравственно-искалѣченнаго своимъ лакейскимъ положеніемъ. Она не смѣла даже называть его иначе, какъ по имени и отчеству.—Ахъ, Викторъ Александрычъ, какъ это намъ быть безъ васъ! сказала она.

Викторъ Александрычъ вытеръ лорнетъ полою и положилъ его обратно въ карманъ.

— Да, да, заговорилъ онъ наконецъ:—тебѣ сначала будетъ

тяжело, точно (онъ снисходительно потрепалъ ее по плечу; она тихонько достала изъ за плеча его руку и робко поцѣловала). Ну, да, да, ты точно дѣвка добрая, продолжалъ онъ, самодовольно улыбувшись, но что же дѣлать? Ты сама посуди! Намъ съ бариномъ нельзя же здѣсь остаться; теперь скоро зима, а въ деревнѣ зимой — ты сама знаешь — просто скверность. То ли дѣло въ Петербургѣ...

— Прежде вы со мной не такъ говаривали, проговорила она, не поднимая глазъ.

— Прежде, прежде?... ишь ты!... прежде! замѣтилъ онъ, какъ бы негодуя...

— Хоть бы словечко...

— Ну, зарядила одно и то же, промолвилъ онъ съ досадою, и всталъ.

— Не сердитесь, Викторъ Александрычъ, посиѣшню прибавила она, едва сдерживая слезы.

— Я не сержусь, а только ты груна... Чего ты хочешь? Вѣдь я на тебѣ жениться не могу! не могу. Ну, такъ чего же ты хочешь? Чего?

— Я ничего... ничего не хочу, отвѣчала она, заикаясь и едва осмѣливаясь простирать къ нему трепещущія руки: — а такъ, хоть бы словечко на прощанье... и слезы полились у ней ручьемъ. Я ничего не хочу, продолжала она, всхлипывая и закрывая лице обѣими руками, — но каково же мнѣ теперь въ семьѣ, каково же? И что же со мной будетъ, что станетъ со мною, горемычной? За немилаго выдадутъ сиротиночку... Бѣдная моя головушка!... А онъ хоть бы словечко, хоть бы одно... Внезапныя и надрывающія грудь рыданія не дали ей докончить рѣчи.—она повалилась лицомъ на траву и горько, горько заплакала... Все ея тѣло судорожно волновалось; затлокъ такъ и поднимался у ней; долго сдержанное горе хлынуло, наконецъ, потокомъ. Викторъ постоялъ надъ ней, постоялъ, пожалъ плечами, повернулся и ушелъ большими шагами.

Тургеневъ этой сценой захватываетъ широкій вопросъ. Тутъ не одно крѣпостничество съ его уродливымъ проявленіемъ Викторомъ Александровичемъ; тутъ еще сословная рознь; тутъ еще борьба цивилизованнаго лоска, барскаго камердинерства съ орга-

ническимъ, цѣльнымъ, искреннимъ чувствомъ человѣка, которое мы уже видѣли въ Матренѣ. По поводу этого вопроса можно говорить, конечно, много, и многое уже было говорено въ русской литературѣ. Поэтому повторять извѣстное я не стану. Нашъ вопросъ въ настоящемъ случаѣ не въ этомъ. Я говорю только о Тургеневѣ, о его заслугахъ русскому обществу и хочу обратить вниманіе читателя на рассказъ „Свиданіе“, ибо въ этомъ рассказѣ заключается необычайно глубокая и сложная сущность. Тутъ не только послѣдствія крѣпостничества, но задѣты и тѣ вопросы, которые съ такимъ тонкимъ знаніемъ женскаго сердца анализировалъ Жоржъ-Сандъ. Но еще важнѣе, что Тургеневъ далъ рассказъ „Свиданіе“, что онъ показалъ, что чувство живетъ не въ одномъ сердцѣ, бьющемся подъ атласнымъ корсетомъ, что это чувство сильнѣе, непосредственнѣе, самоотверженнѣе въ простомъ человѣкѣ, чуждомъ вліянія той цивилизаціи, которая творитъ искаленныхъ, ломающихся Викторовъ Александровичей, протопитомъ и солнцемъ которыхъ служитъ барская слѣсъ и искалѣчивающіе правду жизни и органическую природу человѣка предрасудки.

Но Тургеневъ, коснувшійся крестьянскаго вопроса, сказалъ о немъ мало. За исключеніемъ того, что мы привели попадаются у него отдѣльныя фразы и намеки на горькую долю женщины изъ простонародья; но эти намеки пропадаютъ въ массѣ той безвыходной безпомощности мужской половины крестьянскаго человѣчества, которой по преимуществу посвящены „Записки Охотника“.

Женскій вопросъ явился вопросомъ для Тургенева только тогда, когда онъ заговорилъ о дворянскихъ гнѣздахъ и — Тургеневъ правъ. Женскій вопросъ — дѣйствительно вопросъ не крестьянскаго быта, а той цивилизованной среды, которая подчинила женщину разными условіями утонченныхъ великосвѣтскихъ приличій и общественныхъ обязанностей.

Тонкимъ чувствомъ, а, можетъ быть, и вѣрнымъ сознательнымъ пониманіемъ Тургеневъ опредѣлилъ размѣръ и качество крестьянскаго женскаго вопроса и отмежевалъ ему ровно такіе предѣлы, какіе отмежевала ему сама жизнь. Этотъ вопросъ былъ вторымъ, а не первымъ и именно такимъ показалъ его г. Тургеневъ.

VII.

Изображая цѣлый рядъ картинъ, подавляющихъ читателя при-
ниженностию и убитостию дѣйствующихъ лицъ, г. Тургеневъ въ
разсказѣ „Однѣдворецъ Овсянниковъ“ какъ бы думаетъ нарисовать
образъ человѣка, развившагося при обратныхъ условіяхъ. Овсянни-
ковъ какъ бы типъ русскаго свободнаго человѣка, выросшаго въѣ
крѣпостнаго права. Это почтенный человѣкъ, полный, высокій, лѣтъ
семидесяти, съ лицомъ, напоминающимъ нѣсколько лицо Крылова,
съ яснымъ и умнымъ взоромъ подъ нависшею бровью, съ важною
осанкою, мѣрною рѣчью, медлительною походкой. Его братья одно-
дворцы только-что не молились на него; шапки передъ нимъ изда-
ли ломали, гордились имъ. Жилъ онъ одинъ съ своею женою въ
уютномъ опрятномъ домикѣ, спалъ всегда послѣ обѣда, ходилъ въ
баню по субботамъ, читалъ однѣ духовныя книги, вставалъ и ло-
жился рано. Онъ почиталъ за грѣхъ продавать хлѣбъ — божій
даръ, и въ 1840 г. во время общаго голода и страшной дорого-
визны, раздалъ окрестнымъ помѣщикамъ и мужикамъ весь свой за-
пасъ; они ему на слѣдующій годъ съ благодарностию внесли свой
долгъ натурой. Терпѣть онъ не могъ послѣдственности, тревожной то-
ропливости, бабьей болтовни и суетни. Разъ какъ-то у него домъ
загорѣлся. Работникъ впопыхахъ вбѣжалъ еѣ нему: съ крикомъ:
„пожаръ! пожаръ!“ — „Ну чегожь ты кричишь? спокойно сказалъ
Овсянниковъ:—подай мнѣ шапку и востыль...“ И жену онъ сы-
скалъ по себѣ. Татьяна Ильинишна Овсянникова была женщина
высокаго роста, важная, молчаливая, вѣчно повязанная боричне-
вымъ шелковымъ платкомъ. Отъ нея вѣяло холодомъ, хотя не
только никто не жаловался на ея строгость, а напротивъ многіе
бѣдняки называли ея матушкой и благодѣтельницей. Правильныя
черты лица, большіе темные глаза, тонкія губы свидѣтельствовали
о нѣкогда знаменитой ея красотѣ.

Овсянниковъ отлично понималъ экономическій бытъ Россіи. Онъ
говорилъ, что въ былые годы хотя жилося спокойнѣе и довольства
было больше, а новое время все-таки лучше, а нашимъ дѣтямъ
еще лучше будетъ. „Вотъ хоть бы, примѣромъ сказать, вы помѣ-
щикъ, какъ вашъ покойный дѣдушка, а ужъ власти вамъ такой

не будетъ! да и вы сами не такой человѣкъ. Насъ и теперь другіе господа притѣсняють; но безъ этого обойтись видно нельзя. Перемельется—авось мука будетъ. Нѣтъ ужъ я теперь не увижу, чего въ молодости насмотрѣлся“. И Овсянниковъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ былого самодурства, помѣщичьяго величія, пышной жизни вельможъ и всей той былой дичи, которая бѣзслѣдно умерла вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ. Этотъ же Овсянниковъ отлично понималъ нелѣпости и смѣшную сторону практическаго славянофильства; онъ-то и рассказывалъ про чудачества Любозвонова. Понималъ онъ точно также хорошо, почему плохъ однодворецъ и мужикъ, и справедливо замѣчалъ, что имъ и нельзя быть иными. Овсянниковъ высоко ставилъ справедливость:—„по справедливости долженъ человѣкъ жить, говорилъ онъ, и ближнему помогать обязанъ есть. Бываетъ, что и себя жалѣть не долженъ...“

Можетъ быть, г. Тургеневъ и не желалъ изобразить въ Овсянниковѣ именно тотъ самый типъ, который мы въ немъ отыскиваемъ; можетъ быть, если бы онъ пожелалъ нарисовать свободнаго русскаго человѣка, развившагося въ крѣпостнаго права, онъ нарисовалъ бы болѣе точный типъ; но читая „Однодворца Овсянникова“, даже безъ всякой натяжки останавливаешься на немъ, какъ на противоположномъ отградномъ явленіи, единственномъ среди подавляющаго многообразія портретовъ приниженныхъ людей и разновидностей рабства. Овсянниковъ, въ томъ видѣ, какъ онъ нарисованъ г. Тургеневымъ, очерченъ далеко слабѣе, чѣмъ другіе типы, и, вѣроятно, это произошло отъ того, что г. Тургеневъ не задался сознательною мыслью изобразить въ лицѣ Овсянникова свободную Россію, а просто художественно воспроизвелъ лицо, поразившее его своею степенною своеобразностію и какъ одну изъ разновидностей многообразнаго крестьянскаго типа.

Читатель можетъ мнѣ замѣтить, что я слишкомъ долго задерживаю его вниманіе на „Запискахъ Охотника“ и даже дѣлалъ слишкомъ большія выписки изъ сочиненія, утратившаго современный интересъ. Замѣчаніе это будетъ невѣрно. Я нахожу, напротивъ, что выписки мои малы, и что я сказалъ только половину того, что бы долженъ былъ сказать о „Запискахъ Охотника“ и по поводу ихъ. „Записки Охотника—“краеугольный ка-

монь всей дѣятельности г. Тургенева. Никогда мысль его не была глубже и шире, никогда чувство его не было человѣчнѣе, никогда рамки задачи не были шире, какъ въ этомъ сочиненіи. Тургеневъ открылъ читающей русской публикѣ новый, невѣдомый ей прежде міръ. Одинъ упрекъ можно сдѣлать г. Тургеневу, упрекъ, который я уже и высказалъ, т. е., что „Записки Охотника“ не больше какъ довольно подробный и точно выясненный конспектъ широкой, далеко захватывающей картины русскаго соціального быта, но картины, оставшейся невыполненной. Что же касается до кажущейся будто бы несовременности „Записокъ Охотника“, то и эта мысль тоже ошибочная. Во-первыхъ современность тутъ не особенно важна, ибо мы говоримъ о прошлыхъ заслугахъ г. Тургенева, а во-вторыхъ — слѣды недавняго былого еще такъ рѣзки, что они чувствуются повсюду. Что же касается до тѣхъ вторыхъ вопросовъ, которые г. Тургеневъ только намѣчалъ въ „Запискахъ Охотника“ и которые у него замѣняются безобразіемъ крѣпостного права, то эти вопросы стали теперь первыми и, конечно, придаютъ „Запискамъ Охотника“ интересъ современности. Наконецъ, талантливость изложенія, задушевность и искренность такъ велики въ „Запискахъ Охотника“, что они выжимаютъ у читателя слезу, заставляютъ его глубоко задумываться, вглядываясь въ себя и въ окружающую жизнь, и доставляютъ минуты истинно-высокаго наслажденія. Для полноты характеристики таланта г. Тургенева я могу привести слѣдующій фактъ: при одномъ чтеніи разсказовъ находилъ случайно шестилѣтній мальчикъ. Онъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и при нѣкоторыхъ разсказахъ плакалъ. Лучшаго доказательства привести я не умѣю.

Н. Шелгуновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

НОВЫЯ КНИГИ.

Ученое путешествіе по моему кабинету, сочиненіе Манжена.
Переводъ съ французскаго. Читеніе для юношества. С.-Петербургъ. 1869.

Во Франціи въ послѣднія 7—8 лѣтъ завелся цехъ новаго мастерства, именно всево-ученаго бумагомаранія, — мастерства, имѣвшаго сначала несомнѣнный успѣхъ, благодаря новизнѣ этого факта. Надо надѣяться, что теперь, когда за дѣло популяризаціи начинаютъ приниматься люди дѣйствительно знающіе и имѣющіе что сообщить своимъ читателямъ, разные Фигье, Манжены, Берту и т. п. господа возвратятся къ розничной продажѣ колониальныхъ товаровъ, или вообще къ другимъ занятіямъ, болѣе свойственнымъ имъ и болѣе соответствующимъ ихъ знаніямъ и талантамъ, чѣмъ популяризація науки. Удивительное дѣло, ни одному изъ этихъ научныхъ дѣлъ мастеровъ въ голову не придетъ открыть сапожную мастерскую, если онъ не умѣетъ шить сапогъ, а между тѣмъ имъ не кажется несколько ни страннымъ, ни наглымъ и безстыднымъ выпускать въ свѣтъ книжки, трактующія о предметахъ, о которыхъ ихъ авторы не имѣютъ даже самаго отдаленнаго понятія. Въ этомъ послѣднемъ, т. е. въ кругломъ невѣжествѣ этихъ спекулянтовъ на желаніе учиться, возникшее съ нѣкотораго времени въ публикѣ, каждый можетъ легко убѣдиться, даже не развертывая ихъ книгъ; стоитъ только пробѣжать списокъ сочиненій, вышедшихъ изъ-подъ пера этихъ почтенныхъ коммерсантовъ. О чемъ только, напр., не писалъ Фигье! Ежегодно къ новому году онъ подноситъ почтеннѣйшей публикѣ «розу науки», въ которой онъ *предварительно оборвалъ всю шипы педантизма и*

«Дѣло.» № 2.

техническихъ трудностей,» по аlegantному и тупоумному выраженію Siécle'a; такимъ образомъ онъ подарилъ намъ уже популярной физической географіей, популярной химіей, ботаникой, зоологіей, геологіей, палеонтологіей, антропологіей, исторіей великихъ открытій, «*исторіей чудеснаго*» и т. д., не считая ежегодной его книжки объ успѣхахъ всѣхъ наукъ. Одинъ этотъ перечень даетъ уже читателю мѣру безстыдства, спекуляторской наглости и чудовищнаго невѣжества этого господина, считающаго возможнымъ, безъ всякихъ свѣденій, безъ всякой подготовительной работы, писать по всѣмъ отраслямъ точныхъ наукъ, толковать о вещахъ, передъ которыми останавливаются первоклассные спеціалисты, что, впрочемъ, и есть отличительная, характеристическая черта грубаго невѣжества. Въ наукѣ существуютъ различныя теоріи, часто рѣзко раздѣляющія спеціалистовъ на два лагеря, вопросы, едва только поставленные, болѣе или менѣе остроумныя гипотезы, смѣлыя, иногда слишкомъ смѣлыя обобщенія, — но господа *soi-disant* популяризаторы и не подозреваютъ всего этого. Извѣстно, по какому рецепту составляется весь этотъ псевдо-научный хламъ, наводняющій къ праздникамъ книжныя лавки, и который наивная публика образованныхъ дамъ и развитыхъ кавалеровъ, *преклоняющихся передъ наукою*, считаетъ серьезными сочиненіями, вводящими ихъ въ „храмъ знанія.« Популяризаторъ, обыкновенно какойнибудь *fruit sec* медицинской или политехнической школы, вступаетъ въ сдѣлку съ большимъ издателемъ, у котораго накопилось послѣ изданія одного или нѣсколькихъ ученыхъ сочиненій много клише рисунковъ, положимъ по геологіи. Такимъ образомъ *популяризатору* заказывается написать курсъ геологіи *pour*, или *dedié aux gens du monde*, по обыкновенной формулѣ, причемъ эти *свѣтскіе люди* и не подозреваютъ, что ихъ третируютъ какъ нѣчто среднее между шестилѣтними дѣтьми и слонавыми дурачками. Обыкновенно случается такъ, что популяризаторъ не имѣетъ никакого понятія о предметѣ, о которомъ ему приходится толковать, — тѣмъ болѣе, что вообще большая рѣдкость, чтобъ популяризаторы этого калибра, пишущіе, какъ поваръ Поздрева готовилъ кушанье, имѣли понятіе о какой бы то ни было наукѣ, — но это ничтожное обстоятельство ихъ не останавливаетъ, — нужна ботаника, валяй о ботаникѣ, требуется геологія, строчи о геологіи. Во Франціи есть цѣлый рядъ особыхъ такихъ книжонокъ, служащихъ руководствомъ для учениковъ лицеевъ, коллегій, для кандидатовъ на бакалавровъ и т. д.; популяризаторъ запасается такой книжкой, по геологіи Bendant'омъ, по ботаникѣ Жюрье, по зоологіи Мильнь-Эдварсомъ и т. д., а такъ

как онъ и ограничивается только этою книгою, и «имѣя много дѣлъ, въ другія книги не глядитъ», слѣдовательно не знаетъ ни теорій и мнѣній другихъ писателей, ни возраженій на взгляды читаемаго имъ автора, то всѣ научные вопросы кажутся ему ясны и просты. Сверхъ того, въ этихъ учебныхъ руководствахъ онъ, конечно, и не находитъ ни сложныхъ пунктовъ, ни гипотезъ, ни обобщеній, а только голые факты, которые онъ и передаетъ своимъ читателямъ, выпуская то, что ему кажется неважнымъ, пригоняя текстъ къ имѣющемуся клише, чего Фигье, напр., даже и не дѣлаетъ, и пересыщаетъ все это пошлостями въ родѣ розы науки безъ шиповъ, обращеніями къ «проницательному читателю» и «милой и граціозной читательницѣ», «маленькая ручка которой небрежно (непремѣнно небрежно; известно, что хорошенькая женщина должна все дѣлать небрежно, а для авторовъ всякая читательница хорошенькая; они думаютъ этимъ завлечь больше народа въ свою лавочку) перелистываетъ книгу, и другими игривыми шуточками, отъ которыхъ тошнить порядочнаго человѣка.

Извѣстно, что чѣмъ невѣжественнѣе человѣкъ, тѣмъ смѣлѣе онъ въ своихъ сужденіяхъ и, если можно такъ выразиться, въ умственныхъ своихъ предпріятіяхъ. Такимъ образомъ Фигье въ своей геологіи съ наивною смѣлостью взялся согласить научныя геологическія данныя съ еврейскими сказаніями; на этой попыткѣ оборвался Жоржъ Кювье, а при тогдашнемъ состояніи науки это было еще возможно; Фигье, съ скромностью, свойственною всѣмъ шарлатанамъ, взялся за дѣло, неудавшееся такому великому уму, какъ Кювье, и спокойно повторяетъ, исправляя и дополняя ихъ, положенія Кювье, хотя новѣйшія работы показали, что Кювье крайне ошибался въ своихъ предположеніяхъ. Но что за дѣло до этого г-ду Фигье; онъ не знаетъ ни старыхъ, ни новыхъ работъ, а знаетъ только Bendant'a, да геологическія письма Кювье.

Эта попытка соглашенія геологіи съ еврейскими сказаніями была впрочемъ отступленіемъ отъ его обычныхъ приемовъ, отступленіемъ, объясняемымъ болѣе коммерческими соображеніями, такъ какъ воспитаніе во Франціи находится главнымъ образомъ въ рукахъ духовенства. Обыкновенно же Фигье не возвышается даже до такихъ уместованій, а просто пишетъ всякій вздоръ, бессмысленный перечень именъ, пересыпанный пошлостями, пригоняя его—впрочемъ не слишкомъ—къ рисункамъ. Такимъ образомъ составлены его ботаника, а въ особенности зоологія. Эта послѣдняя представляетъ еще одну крайне комичную особенность; она озаглавлена «Vie et moeurs des animaux», но, по

странной разсѣянности, Фигье именно о *жизни* и *нравахъ*-то животныхъ и не упоминалъ; и въ отдѣлѣ моллюсковъ, напр., провелъ только множество рисунковъ и именъ *раковинъ*, не сказавъ ни единого слова даже о наружномъ видѣ *животныхъ*, не только объ ихъ жизни и нравахъ, если только не считать изложеніемъ послѣднихъ рассказы о различныхъ способахъ *ловли*, что было бы очень странно, такъ какъ кто же считаетъ, напримѣръ, *біографіей* Трощмана рассказъ объ его казни.

Успѣхъ литературныхъ спекуляцій Фигье и компаніи тѣмъ удивительнѣе, что публика должна была видѣть всю пошлость, все тупоуміе и невѣжество этихъ руководѣній, имѣя какъ критерій для сравненія и сужденія нѣсколько дѣйствительно прекрасныхъ популярно-научныхъ сочиненій, напр. старую популярную астрономію Араго, Небо Гильомена, ботанику Ле-Мау, и т. д., изъ которыхъ читатель дѣйствительно можетъ вынести болѣе или менѣе серьезное и точное, хотя, конечно, не особенно глубокое и подробное, знаніе предмета. Но такова ужъ въ публикѣ страсть къ пошлости, что дѣйствительно хорошія популярно-научныя книги никогда не имѣли такого успѣха, какъ идиотическій хламъ Фигье, и, надо сознаться, это совершенно въ порядкѣ вещей. Станетъ ли какойнибудь читатель «Figaro» или «Gaulois», привыкшій къ пошлымъ шуточкамъ фельетонистовъ и къ скоромнымъ рассказамъ хроникеровъ, серьезно читать изложеніе научныхъ фактовъ, какъ бы легко оно ни было написано. Связный и послѣдовательный рассказъ, обсужденіе теорій и гипотезъ, описаніе аппаратовъ, какъ бы все это ни было понятно и просто, все еще слишкомъ серьезно для головъ, исключительно пробавляющихся разсужденіями о танцовщицахъ, публичныхъ женщинахъ или о вышемъ свѣтѣ, а клубнички и не ищи, — такъ кому же охота читать все это, тѣмъ болѣе, что изъ этого чтенія вынесешь только дѣйствительное знаніе, а не какуюнибудь такую штуку, которою можно было бы пустить пыль въ глаза въ обществѣ. Для такихъ людей, — а ими имъ легіонъ, — книги Фигье драгоценность; во-первыхъ, ихъ можно и вовсе не читать, а только перелистывать, полюбоваться на гравюры, да вызубрить наизусть пару латинскихъ названій, подписанныхъ подъ картинками; во-вторыхъ, и самое чтеніе Фигье нисколько не утомляетъ; оно идетъ легко и ровно, не зацѣпляясь ни за одинъ фактъ, который стоило бы запомнить, ни за одно объясненіе, которое можно было бы понять — а это все трудъ! Оттого-то французская публика такъ и любитъ Фигье, Бертю, Мишле и т. д.; читаешь Фигье или

Берту, — все тѣ же милыя шуточкы, заигрыванія съ читателемъ и «спрелестной» читательницей, тѣ же анекдотцы, къ какимъ привыкъ въ своемъ любезномъ *Figaro*; читаешь Мишле, точно скабрзный волевиль à femme въ Палэ-Роялѣ смотришь, — такой же грязный развратъ, да еще и получше, пожалуй; на водевиляхъ есть цензура, умѣряющая все слишкомъ ужъ кантаридное, а тутъ Мишле, знаменитый историкъ, слава Франціи, ухитрился на всю природу, на какуюнибудь медузу, на познша, съ клубничной точки зрѣнія посмотреть.

Нынѣшніе французскіе популяризаторы раздѣлились въ послѣднее время на двѣ партіи, на двѣ школы, старую классическую, систематическую, и новую романтическую или фантастическую. Старая школа, къ которой принадлежит Фигье, этотъ прототипъ литературнаго спекулятора и биржевого игрока на вкусы и тупоуміе публики, налагала предметъ болѣе или менѣе систематически, не отступая отъ учебниковъ, служившихъ ей руководствами. Конечно она старалась rendre la science aimable, и для этого облекала ее въ литературную форму, пересычала все анекдотцами и шуточками, факты по возможности выпускала вовсе, замѣняя ихъ par un dialogue vif et animé, какъ знаменитый директоръ провинціального театра замѣнялъ музыку въ «*Dame blanche*», но тѣмъ не менѣе она считала нужнымъ держаться систематическаго изложенія, чтобъ, по крайней мѣрѣ, порядокъ главъ оставилъ въ умѣ читателя хоть слабое воспоминаніе о прочтенномъ. Новая школа нашла, что и эта система все еще слишкомъ утомительна для ума «свѣтскихъ людей, занятыхъ своими удовольствіями», а потому замѣнила прежнюю систематичность легкою sausegrie, въ которую, по вдохновенію, вставляла то тотъ, то другой естественно-научный фактъ, вырванный то изъ зоологій, то изъ химіи, то изъ астрономіи, то изъ антропологій или этнографій. Представителемъ этой школы можетъ служить Берту, авторъ «*Petites chroniques de la science*», «*Merveilles de la science*», «*Esprit des oiseaux*», и т. д. Общее между популяризаторами той и другой школы — это ихъ абсолютное, глубокое невѣжество; и тѣ, и другіе ровно ничего не знаютъ о предметѣ, о которомъ пишутъ, но между ними разница та, что старая школа пишетъ свою дрянъ по систематическимъ учебникамъ, а новая по энциклопедическимъ словарямъ.

Мы сказали, что популяризаторы отличаются, главнымъ образомъ, своимъ абсолютнымъ невѣжествомъ; мнѣніе это можетъ показаться читателю очень парадоксальнымъ, или, во всякомъ случаѣ, слишкомъ рѣшительнымъ, а потому мы выразимъ нашу мысль яснѣе. Нельзя от-

рипать, что за дѣло популяризаціи брались не одни шарлатаны, а также и первоклассные ученые,—это несомнѣнно; но между популяризацией Араго и какого нибудь Берту или Манжена лежитъ дѣлая бездна. Первый писалъ свою книгу, чтобъ распространить между образованными людьми свѣдѣнія по любимому его предмету; онъ училъ незнающихъ, и училъ добросовѣстно, и если придавъ своей книгѣ популярный видъ, то только для того, чтобъ сдѣлать ее болѣе доступною и понятною массѣ. Примѣняясь къ ея пониманію, онъ все же остается учителемъ, и старается поднять своихъ читателей до науки, старается объяснить имъ не только голый фактъ, но и его философское и научное значеніе, и рассказывая исторію и механизмъ открытія этого факта, онъ знакомитъ читателя не только съ механическими, но и съ умственными пріемами науки, передавая ему такимъ образомъ всю ея развивающую, образовательную сторону, и показавъ, сколько ума, соображенія и труда было потрачено на каждый шагъ науки впередъ, онъ внушаетъ глубокое и сознательное уваженіе къ наукѣ, какъ продукту человеческого ума, и къ научной дѣятельности, какъ къ чистому и добросовѣтному стремленію къ истинѣ. Напротивъ того, все эти господа популяризаторы, наводняющіе книжный рынокъ своими произведеніями, вовсе и не думаютъ дать своимъ читателямъ что нибудь серьезное, что было бы имъ, впрочемъ, довольно и трудно. Не зная науки, не любя ея, не имѣя той умственной добросовѣстности, которая дается привычкой къ серьезнымъ литературнымъ занятіямъ, они дѣлаютъ изъ науки шута, паяца, ярмарочнаго гаера, забавляющаго почтеннѣйшую публику. Они наввию признаются, что вся задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы дать читателю нѣсколько неслучныхъ минутъ, въ которыя онъ, вмѣсто того, чтобы читать вымыслы, получить нѣсколько лишнихъ свѣдѣній. Но трудно служить Богу и Мамону, какъ было очень вѣрно замѣчено 1840 лѣтъ тому назадъ; и дѣйствительно, въ концѣ концовъ выходитъ, что ни одна изъ двухъ этихъ цѣлей не достигается; публика беретъ читать отъ скуки по прежнему романы, а на чтеніе всѣхъ самыхъ популярныхъ научныхъ книгъ смотритъ все же какъ на трудъ, какъ на дѣло серьезное, которое, однако, въ сущности все же не даетъ ровно ничего, никакихъ точныхъ и отчетливыхъ свѣдѣній, имѣющихъ какое нибудь общее значеніе, такъ какъ и самъ авторъ ихъ не имѣетъ — извѣстно, что *la plus jolie fille ne peut donner que ce qu'elle a*. Между тѣмъ, не узнавъ въ сущности ничего, читатель все же выноситъ изъ чтенія пару терминовъ, какую нибудь ненужную ему, часто не-

вѣрную, во всякомъ случаѣ безсвязную подробность, которая убѣждаетъ его, что онъ уже познакомился съ наукой, что онъ уже кое-что знаетъ и можетъ теперь судить и рѣшить о предметѣ. Конечно, относительно людей уже сложившихся это неважно, — и бѣды большой еще нѣтъ, что на свѣтѣ будетъ нѣсколько лишнихъ Куклиныхъ и болтуновъ, но на юношество эти книжники имѣютъ самое дурное вліяніе. Какойнибудь пятнадцатилѣтній мальчикъ не въ состояніи еще отличить отрывочнаго свѣденія отъ знанія; ему кажется, что онъ уже узвалъ многое, что предметъ, о которомъ онъ прочелъ популярную книжонку, ему уже знакомъ, такъ что онъ можетъ уже успокоиться. Съ другой стороны, эта система вкладывать въ голову какіе-то обрывки знаній безъ труда, почти безъ вѣдома хозяина этой головы, имѣетъ то дурное вліяніе, что отучаетъ отъ умственного труда и дѣлаетъ мальчика неспособнымъ къ серьезнымъ и послѣдовательнымъ занятіямъ. Это большая ошибка думать, что чѣмъ легче, чѣмъ болѣе безъ труда даются знанія, тѣмъ лучше, и всякій, кому случалось воспитывать или учить дѣтей, знаетъ это по опыту. Умственный трудъ также необходимъ для умственной свѣжести и силы, какъ физическій для организма, такъ что его должно давать дѣтямъ, какъ ихъ заставляютъ дѣлать гимнастику, если они не имѣютъ физической работы. Въ преподаваніи математики, напр., къ этому убѣжденію уже пришли практикой, и во французскихъ математическихъ учебникахъ никогда поэтому не приводится всей цѣпи математическаго вывода, а ставится только начало его, одно звено изъ середины этой цѣпи, и конецъ.

Замѣтимъ, однако, что въ эту ошибку — желаніе сдѣлать науку забавой, игрушкой, — впали не одни только невѣжды, какъ Фигье, Берту, Манженъ и т. д., но и люди несомнѣнно очень ученые, какъ, напр., академикъ и профессоръ Мокенъ-Тандонъ, написавшій подъ псевдонимомъ Фредоля известную книгу *Le monde de la mer*. Но и тутъ, несмотря на ошибку Мокенъ-Тандона, личность автора наложила на это сочиненіе рѣзкій отпечатокъ, и книга его, несмотря на свою поверхностность, все же составляетъ жемчужину среди всѣхъ этихъ скверныхъ бусъ популярной естественно-научной литературы.

Но говоря такимъ образомъ о популярныхъ книжонкахъ по естественнымъ наукамъ, я оговорюсь еще разъ, что, конечно, выдѣляю изъ ихъ числа нѣсколько дѣйствительно хорошихъ сочиненій, какъ, напр., Араго, Гильомена, Декена, Лиувилля, Ле-Мая, сдѣлавшихся уже классическими, не говоря уже о нѣмецкой литературѣ. Точно

также нельзя причислить къ этимъ книжонкамъ и большей части книгъ Виктора Менье, отмежевавшего себя маленькій уголокъ науки, которымъ онъ дѣйствительно занимается. Въ сущности Менье вовсе и не популяризаторъ; онъ застрѣльщикъ анти-академической арміи, ведущій партизанскую войну противъ Института, и если онъ далъ своимъ статьямъ популярную форму, то только для того, чтобы большимъ ихъ распространеніемъ нанести большій вредъ врагу.

Но записныхъ популяризаторовъ должно еще раздѣлить по категориямъ; Фигье, напр., такъ наглъ, такъ страшно невѣжественъ, что это дѣлаетъ его забавнымъ; онъ, напр., нисколько не стѣсняясь рисуетъ, какъ отливали мѣдъ люди бронзоваго періода, причемъ изображаетъ этихъ людей какими-то титанами, Голиафами, волосистыми, большими, массивными, когда, напротивъ, съ достовѣрностью извѣстно, что они были замѣчательно малы ростомъ, худы, слабы, съ маленькими, почти дѣтскими оконечностями и т. п. Бертю старается быть милымъ и остроумнымъ болтуномъ, Фонтенелемъ девятнадцатаго столѣтія, и потому, конечно, онъ страшно пошлъ, но за то онъ уже и не претендуетъ быть принятымъ *au sérieux*. Артюрь Манженъ, напротивъ, глупъ, резонеръ и серьезенъ, и это, конечно, всего несноснѣе; онъ такъ уместенно убогъ, что самъ ничего придумать не можетъ, поэтому обыкновенно заимствуетъ у кого нибудь, имѣвшего успѣхъ, рамку, которую и набиваетъ всякимъ хламомъ изъ энциклопедическихъ словарей и разныхъ тоже популярныхъ книжонокъ; такимъ образомъ составлена его книжка о морѣ, рабское, но изъ рукъ вошь плохое подражаніе Фредолю, такимъ же образомъ составлено и „*Voyage scientifique autour de ma chambre*“, подражаніе знаменитой книгѣ де-Местра, сокращенный русскій переводъ котораго мы теперь и должны рецензировать.

Впрочемъ даже и эта мысль—примѣнить форму де-Мэстрова путешествія къ профессіи естественно-научныхъ свѣденій—не принадлежитъ Манжену; она нѣсколько разъ уже появлялась въ литературѣ, какъ въ видѣ журнальныхъ статей, такъ и цѣлыхъ книгъ; въ нѣмецкой популярной естественно-научной литературѣ есть даже цѣлый рядъ такихъ путешествій по комнатѣ, по дому, по саду, по птичному и скотному двору и т. д., составляющихъ нѣкоторымъ образомъ полную энциклопедію знаній, относящихся къ обыденной жизни. Корень ученія горекъ, и только плоды его сладки, говоритъ народная мудрость; эта рамка подобныхъ путешествій даетъ автору возможность обходить скучныя начала, и прямо браться за объясненіе цѣлыхъ сложныхъ

явленій, за изложеніе уже дальнѣйшихъ научныхъ фактовъ, вводя при этомъ въ видѣ дополненій, и скорѣе эпизодически, чѣмъ систематически, элементарныя, основныя свѣденія, которыя въ такомъ непосредственномъ прижизненіи получаютъ болѣе прямой интересъ. Конечно подобный способъ никогда не можетъ дать дѣйствительнаго, серьезнаго знанія, приобретаемаго не иначе какъ трудомъ и систематическими занятіями, но онъ составляетъ очень удобный приемъ изложенія, если книга назначается для взрослыхъ уже людей, неимѣющихъ ни возможности, ни желанія приняться за систематическое ученіе, въ которые не прочь бы познакомиться съ главными научными фактами, явленіями и законами, относящимися къ предметамъ обыденной жизни, или напротивъ для дѣтей, еще неначинавшихъ учиться, во всякомъ случаѣ только тогда, когда книга имѣетъ цѣлью удовлетворить даже не любознательности, а простому любопытству. Но даже и тутъ необходимо, чтобы между слѣдующими одинъ за другимъ разказами и объясненіями была внутренняя связь, которая указывала бы читателю на зависимость самыхъ различныхъ явленій отъ небольшого числа основныхъ законовъ, сводила бы все безконечное разнообразіе вѣшняго міра на простыя положенія, выработанныя наукою, и такимъ образомъ давала бы не только свѣденія въ болѣе ясной, простой и легкой, а главное осмысленной формѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и знакомила бы съ научными обобщеніями и до нѣкоторой степени съ философіей науки.

Манжентъ не понялъ этого, и въ этой формѣ изложенія научныхъ свѣденій видѣлъ только одну форму, и больше ничего. Поэтому его книга вышла какимъ-то бессмысленнымъ наборомъ фактовъ и данныхъ, взятыхъ изъ энциклопедическаго словаря, часто даже непонятныхъ или перевернутыхъ, и неимѣющихъ между собою ни малѣйшей связи, если только не считать связью топографическую близость предметовъ, къ которымъ эти свѣденія относятся. Манжентъ уже слишкомъ хотѣлъ выполнять задачу «Путешествія по *своему* кабинету», такъ что порядокъ его изложенія обусловился топографическимъ расположеніемъ вещей въ его комнатѣ; вслѣдствіе этого ему неизбежно пришлось говорить о самыхъ разнородныхъ, неимѣющихъ никакой связи между собою вещахъ, и, напротивъ, нарушать логическую связь самыхъ близкихъ между собою, часто даже однородныхъ явленій. Такимъ образомъ, начавъ свое путешествіе отъ камня, онъ говоритъ во второй, третьей и четвертой главѣ о горѣнн и теплотѣ; за этимъ слѣдуетъ описаніе кофейнаго дерева и кедра, неизбежная легенда о Жюсье,

разсужденіе о табакѣ и т. д.; потомъ идетъ разсказъ о термометрѣ, о которомъ очевидно слѣдовало говорить по поводу теплоты, но который попалъ въ восьмую главу потому, что висѣлъ не у камина, а у окна; за разсужденіемъ о термометрѣ идетъ описаніе мартиникской змѣи, нѣсколько словъ о гремучей змѣѣ и объ удавѣ, потомъ говорится о раковинахъ, лежавшихъ рядомъ съ банкой, въ которой сохранилась въ спирту змѣя, о птицахъ, по поводу стоявшихъ около раковинъ чучель, объ исландскомъ шпатѣ, а затѣмъ о дыханіи, и о происхожденіи животной теплоты, которая такимъ образомъ совершенно оторвана отъ горѣнія и теплоты вообще, и является какимъ-то особеннымъ, самостоятельнымъ явленіемъ. Далѣе путешественники встрѣчаютъ гигрометръ и барометръ, потомъ охотничье ружье, причемъ говорится и о порохѣ, потомъ садятся обѣдать, пьютъ кофе, и при этомъ ведутъ рѣчь о нарѣ, о чемъ, очевидно, слѣдовало бы говорить по поводу расширения тѣлъ отъ теплоты и т. д. Этотъ перечень предметовъ, о которыхъ трактуется въ книгѣ Манжена, уже одинъ показываетъ, что книга эта не больше какъ безсвязный наборъ отрывочныхъ фактовъ, изъ которыхъ многіе также относятся къ наукѣ, какъ какія нибудь скабрзные подробности о Помпадуръ относятся къ исторіи.

По первой главѣ видно, что первоначальный планъ и масштабъ, задуманный Манженомъ для своего путешествія, значительно измѣнился и сократился при выполненіи. Такимъ образомъ онъ сравниваетъ себя съ «парижанами, знающими наизусть Парижъ и далеко незнакомыми съ нимъ», и говоритъ, что до этого путешествія, предпринятаго имъ въ сопровожденіи довольно тупоумнаго юноши Эдуарда, онъ зналъ только «самыя обыкновенныя вещи, которыя первый встрѣчный могъ видѣть также удобно, но научный кладъ, его истинное богатство, было до сихъ поръ скрыто отъ него». Но въ дальнѣйшемъ читатель не видитъ никакого клада, потому что кой-какія элементарныя, отрывочныя разрозненныя свѣденія, сообщаемыя авторомъ о термометрѣ, барометрѣ и т. д., никакъ не могутъ составлять клада, а тѣмъ болѣе для автора, «игравшаго въ этомъ путешествіи роль *чичероне*», который слѣдовательно не могъ ничего приобрести и вынести изъ него новаго.

Мы сказали уже, что факты, сообщаемые Манженомъ, отрывочны, безсвязны, и потому не могутъ принести никакой пользы, не могутъ даже заинтересовать читателя. Но надо прибавить что нѣкоторые изъ этихъ фактовъ не совсѣмъ вѣрны, другіе являются чѣмъ-то до крайности комичнымъ по своей уже черезъ чуръ большой скромности.

Такъ, напр., Манженъ ничего не нашель сообщить о кофейномъ деревѣ и кофе замѣчательнѣе и любопытнѣе избитаго разсказа о томъ, какъ Деклиэ везъ отростокъ кофейнаго дерева на Мартинику, которая, замѣтимъ, многоходомъ, въ русскомъ переводѣ почему-то приняла мужескій родъ. Вообще изъ книги видно, что сѣдѣніями Манженъ не богатъ, и что онъ почерпаетъ ихъ по мѣрѣ надобности изъ энциклопедическаго лексикона; поэтому-то онъ и не можетъ ни обобщить, ни связать ихъ. Сверхъ того у него встрѣчаются и довольно грубо-ватые промахи; такъ, напр., относительно состава солида Манженъ приводитъ извѣстную гипотезу Гершеля старшаго, и, кажется, даже не подозрѣваетъ всего, что сдѣлано по этому предмету въ послѣдніе года Кирхгофомъ, Секки, Жансенемъ и др.; работы, которыя бросили совершенно новый свѣтъ на вопросъ о строеніи солнца. Это невѣдѣніе Манжена тѣмъ удивительнѣе, что парижская академія въ послѣдніе четыре-пять лѣтъ постоянно занимается этимъ вопросомъ, и что такъ называемая образованная публика во Франціи съ большимъ интересомъ слѣдитъ за академическими засѣданіями. Точно также онъ наивно заявляетъ, что теперь неизвѣстно, да вѣроятно никогда и не будетъ извѣстно, что такое теплота, — сила или жидкость, — а между тѣмъ вопросъ этотъ давно уже рѣшенъ, и рѣшеніе его составляетъ даже одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ успѣховъ науки, по своему значенію не только въ практическомъ отношеніи, но и въ особенности въ теоретическомъ, такъ какъ оно связало ученіе о теплотѣ съ ученіемъ о механическихъ силахъ, и доказало единство силъ и законовъ природы. Работы о механической теоріи теплоты имѣли такое огромное значеніе для філософіи науки, что несмотря на свою абстрактность и недоступность неспеціалистамъ, обратили на себя вниманіе всего образованнаго міра, а между тѣмъ Манженъ, популяризаторъ естественныхъ наукъ, и не подозрѣваетъ ихъ, — новый примѣръ невѣжества популяризаторовъ по ремеслу.

О горѣніи Манженъ разсказываетъ такія чудеса, что ни одному физику во снѣ не снилось, и вообще выказываетъ невѣжество по истинѣ изумительное. Такъ, напримѣръ, онъ смѣшиваетъ горѣніе съ воспламененіемъ, такъ что горѣніе безъ пламени у него выходитъ ужъ не горѣніемъ, а чѣмъ-то другимъ, но неизвѣстно чѣмъ именно. О самомъ горѣніи читатель получаетъ изъ его книги самыя странныя понятія, какъ, напр., слѣдующія: «для того чтобы горѣніе могло совершаться, необходимо во-первыхъ *воспламеняющееся* (???) тѣло; но необходимо также соприкосновеніе съ нимъ тѣла, способнаго *воспламе-*

нить (!!!) его. Во-вторыхъ, для того, чтобы одно тѣло воспламенялось отъ соприкосновенія съ другимъ, необходимо чтобъ между ними существовало большое сродство и т. д.» (стр. 43). *Воспламеняющее* (!!!) тѣло Манжель нашелъ въ природѣ только одно, кислородъ, и думаетъ что горѣніе ни въ чемъ другомъ иначе какъ въ кислородѣ совершиться не можетъ; къ *воспламеняющимся* или горючимъ онъ причисляетъ фосфоръ, сѣру, уголь, дерево, жирныя вещества и т. д. Такимъ образомъ выходитъ, что если эти вещества войдутъ въ соприкосновеніе съ кислородомъ, то тотчасъ загорятся, и такъ какъ они, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, находятся постоянно въ соприкосновеніи съ воздухомъ, заключающимъ кислородъ, то слѣдуетъ заключить, что всѣ горючія вещества вѣчно пылаютъ, такъ что горѣніе есть ихъ нормальное состояніе. Въ перечисленіи условій горѣнія Манжель забылъ упомянуть, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ нужно еще *зажечь* горючее вещество, т. е. нагрѣть его до такой температуры, при которой оно начинаетъ соединяться съ кислородомъ воздуха. Далѣе авторъ рассказываетъ, что калий и *натрій* горятъ въ водѣ съ пламенемъ, что при куреніи мозгъ *непосредственно* подвергается дѣйствію табачнаго дыма, другими словами, прокачивается, какъ ветчина въ коптильнѣ, но что «тѣмъ не менѣе табакъ не оказываетъ вреднаго вліянія на умственные способности», такъ что совершенно все равно, имѣть ли въ головѣ свѣжіе или копченые мозги, что «ядъ троническихъ ехиднъ дѣйствуетъ съ быстротою и силою, почти равняющеюся *громовому* удару; человекъ живетъ послѣ укушенія не больше нѣсколькихъ *минутъ*, и предсмертныя мученія его рѣдко продолжаются *болѣе пяти или шести часовъ*», Вообще изъ книги Манжена читатель почерпнетъ много новаго и любопытнаго; онъ узнаетъ, напр., что съ помощью нагрѣванія наполняются ртутью только *образцовые* термометры, — должно быть обыкновенные наполняются какъ нибудь иначе, — что температура кипѣнія воды всегда одинакова, будете ли вы кипятить воду на берегу Каспійскаго моря или на вершинѣ Чимборазо, что при нулѣ *ледъ таетъ*, т. е. обращается въ воду, а вода *замерзаетъ*, т. е. обращается въ ледъ (стр. 87), что когда термометръ опускается ниже нуля, то *наступаетъ холодъ* (sic), а когда онъ поднимается выше нуля, то *холодъ* (который еще *не наступилъ*) становится менѣе чувствительнымъ. Такимъ образомъ холодъ начинаетъ *меньше* чувствоваться только когда термометръ стоитъ выше нуля, а если ниже, то уже все равно, тридцать ли градусовъ мороза, или два, различія въ ощущеніи нѣтъ, холодно и дѣло съ концомъ.

Такими, болѣе или менѣе грубыми, фактическими промахами книга Манжена очень богата; мы уже не говоримъ о другихъ промахахъ, такъ сказать, умственныхъ, показывающихъ, что авторъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ общемъ направленіи, о господствующихъ теоріяхъ и о приемахъ новой науки, а черпалъ свои знанія изъ какихъ нибудь старыхъ учебныхъ руководствъ. Такимъ образомъ на вопросъ: чѣмъ доказывается существованіе эфира? онъ отвѣчаетъ, что ничѣмъ не доказывается, но такъ какъ ничѣмъ не доказывается и несуществованіе его, то этого достаточно, чтобъ допустить его существованіе до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противное. Трудно въ такихъ немногихъ словахъ доказать свое полнѣйшее незнакомство съ методомъ разсужденія и логикой естественныхъ наукъ, и опять-таки приходится удивляться этому, потому что книга Кюда Бернара „Introduction a l'etude de la médecine expérimentale“ была прочитана всеми образованными людьми, нѣсколько разъ разбиралась и анализировалась въ различныхъ журналахъ, такъ что Манжену уже странно не имѣть до такой степени понятія о логическихъ приемахъ науки. Замѣтимъ мимоходомъ что Манженъ смѣшиваетъ гипотетическій эфиръ съ веществомъ небесныхъ тѣлъ и ихъ атмосферъ, и думаетъ, что хотя эфиръ и *невѣсомое тѣло* (стр. 35), но что сжимаясь, онъ превратился въ газы, *жидкія и твердыя тѣла, накопленіе которыхъ въ громадныхъ массахъ произвело міры* (стр. 36). Очевидно, онъ слышалъ что-то о знаменитой лекціи Грове о непрерывности матеріи, но только не понялъ и перевралъ ее. И такихъ грубыхъ ошибокъ, доказывающихъ самое глубокое невѣжество, полнѣйшее незнакомство не только съ фактами, не только съ выводами, но даже съ терминологіей и языкомъ науки, въ книгѣ Манжена не мало, не говоря уже о мелкыхъ и болѣе комическихъ промахахъ, происходящихъ отъ его полнѣйшаго незнанія предмета, о которомъ онъ говоритъ. Такъ, напр., онъ на стр. 166 говоритъ, что «современный нашъ исхиатръ знаменитый физиологъ Моро утверждаетъ въ объемистомъ и интересномъ сочиненіи, что гевій есть ничто иное, какъ *сильное возбужденіе нервнои системы, всегда сопровождающееся хроническими и перемежающимися болѣзненными симптомами*. Очевидно, Манженъ никогда не видалъ книги Моро, о которой говоритъ, а потому и написалъ столько же вздору, сколько словъ. Моро не только не знаменитый физиологъ, но, напротивъ, принадлежитъ къ антифизиологической школѣ, и это направленіе страшно вредитъ его работамъ, имѣющимъ исключительно психологическій и клиническій характеръ;

его «Psychologie morbide» вовсе не *объемистое сочиненіе*, а очень маленькая книжка, напечатанная притомъ еще очень крупнымъ шрифтомъ и въ книгѣ этой онъ никогда не говорилъ нелѣпостей, которыя ему навязываетъ Манженъ. Въ другомъ мѣстѣ авторъ увѣряетъ, что Колумбъ уже «въ своей комнатѣ открылъ Америку, еще не пускаясь въ путешествіе черезъ Океанъ»; неужели онъ не знаетъ, что Колумбъ просто искалъ дорогу въ Индію, а о новомъ материкѣ и не помышлялъ?

Вообще о книгѣ Манжена приходится сказать тоже, что и о большинствѣ франц. популярныхъ книжонокъ, что это наглая и безсовѣстная спекуляція на желаніе публики учиться, что авторъ клуглый невѣжда, неимѣющій ни малѣйшаго понятія о предметахъ, о которыхъ пишетъ, не только никогда ничему не учившійся и ничего незнающій, но даже не взявшій на себя труда хотя бы познакомиться съ нѣсколькими дѣйствительно хорошими популярными сочиненіями по естественнымъ наукамъ, писанными людьми знающими и учеными, напр., съ *„исторіей свѣчки“* Фарадея, съ лекціями о теплотѣ Тиндаля и т. д. Если бы онъ прочелъ хотя эти книги, то ужъ не говорилъ бы такихъ ужасныхъ вещей о *воспламеняющихся и воспламеняющихся* веществахъ и т. п. нелѣпостей.

Литературная форма книги ниже посредственности; Манженъ многорѣчивъ и скученъ, шутки его тяжелы, юноша Эдуардъ, введенный неизвѣстно для чего, непроходимо глупъ, разсужденія о пользѣ науки дѣтски пошлы, однимъ словомъ, книга эта есть произведеніе чловѣка не только очень невѣжественнаго, но и крайне ограниченнаго. Русскій переводъ недуренъ, хотя тяжеловатъ и не очень гладокъ, изданіе же сдѣлано опрятно и очень порядочно, такъ что можно только пожалѣть, что издатель выбралъ для перевода такую нелѣпую, глупую и безсовѣстную спекуляцію.

Руководство къ изученію частной и общественной гигиены.

А. Беккереля, дополненное Бограномъ, перевелъ съ французскаго 4-го изданія 1868 г. и дополнилъ нѣсколькими примѣчаніями, преимущественно относительно гигиены женщины, Н. Сочава. Харьковъ. 1869 г. Ц. 3 р.

Книга эта составляетъ первую часть перевода извѣстнаго руководства къ гигиенѣ Беккереля, такъ что разбирать ее значитъ разбирать оригиналь, къ которому г. Сочава сдѣлалъ очень небольшое число прибавленій, а кой—гдѣ и исправленій. Трудно объяснить себѣ, что побудило г. Сочаву выбрать для перевода и изданія именно книгу Беккереля, вѣдь въ нѣмецкой литературѣ есть нѣсколько несравненно лучшихъ сочиненій по этому предмету. Беккерель человекъ добраго стараго времени и старой школы, котораго понятія, рѣчь, терминологія, научные приемы, взгляды, все составляетъ какое-то полупечальное, полубавное явленіе въ современной медицинѣ. Мы не будемъ говорить о тѣхъ особенностяхъ—недостаткахъ, по нашему мнѣнію,—которыя общія книгѣ Беккереля со всѣми учебниками и руководствами по такимъ отраслямъ наукъ, которыя не имѣютъ самостоятельнаго существованія, а составляютъ только болѣе или менѣе систематизированное приложеніе научныхъ знаній въ извѣстныхъ специальныхъ практическихъ цѣляхъ; такимъ образомъ, всѣ общія сочиненія по гигиенѣ, по судебной медицинѣ и т. д., только тогда могутъ принести пользу и имѣютъ значеніе, когда они излагаютъ болѣе или менѣе полно и подробно знанія и приемы науки въ данномъ ихъ приложеніи, иначе же они представляютъ пустую болтовню, или, въ лучшемъ случаѣ, только обширную программу науки, а никакъ не ея изложеніе или учебникъ. Еще въ судебной медицинѣ это не такъ рѣзко, не такъ замѣтно; судебная медицина сводитъ въ одно цѣлое данныя двухъ совершенно различныхъ отраслей знанія,—наукъ медицинскихъ и юридическихъ—учитъ какъ примѣнять ихъ на практикѣ; такимъ образомъ какъ бы ни было коротко и поверхностно руководство судебной медицины, оно всегда принесетъ долю пользы, такъ какъ оно всегда имѣетъ извѣстное число читателей, для которыхъ половина его будетъ вещь совершенно неизвѣстною, для юристовъ ея чисто медицинская, для медиковъ юридическая часть. Но руководство къ гигиенѣ назначается только и исключительно для врачей, и потому

изданіе такого учебника будетъ имѣть тогда только смыслъ, когда спеціальная публика, имѣющаяся въ виду при этомъ изданіи, можетъ почерпнуть изъ него или факты, для нея еще неизвѣстные, или методы изслѣдованія и приемы, которыми располагаетъ научная гигиена, и которые, имѣя только извѣстное спеціальное примѣненіе, мало или даже совсѣмъ незнакомы большинству медицинскаго міра и практическихъ врачей. Ни того, ни другого въ изданіи г. Сочавы мы не находимъ. Книга Беккереля есть не болѣе какъ только расширенная программа Ройз-Коллара, въ которой недостаетъ еще фактовъ, чтобы она стала дѣйствительно руководствомъ. Я вызываю самого г. Сочаву указать мнѣ въ его изданіи хотя одинъ фактъ, хоть одно свѣденіе (за исключеніемъ нѣсколькихъ жалкихъ табличекъ, фантастически составленныхъ, почерпнутыхъ Богъ знаетъ откуда, и, во всякомъ случаѣ, неизвѣстныхъ ровно никакого значенія), которые были бы новостью не только для врачей, которымъ назначается эта книга, не только для студентовъ третьяго курса медицины, но просто для любого мало-мальски образованнаго и сколько нибудь читавшаго человѣка. Въ своемъ предисловіи Беккерель обѣщаетъ *следовать* программѣ Ройз-Коллара, но онъ уже слишкомъ рабски слѣдуетъ ей, такъ что кромѣ этой программы во всей книгѣ ничего и нѣтъ; правда, рубрики Ройз-Коллара еще разбиты на нѣсколько подраздѣленій, но тѣмъ дѣло и кончается, такъ какъ ни объ одной изъ этихъ рубрикъ не говорится ничего точнаго, положительнаго, такъ сказать, осязательнаго, фактическаго, а все сводится на нѣсколько избитыхъ общихъ мѣстъ, извѣстныхъ каждой нянькѣ, но бездоказательныхъ, иногда противорѣчивыхъ положеній, и наконецъ на теоріи, переносящія читателя въ то старое доброе время, когда еще толковали о темпераментахъ, когда вѣрили въ четыре кардинальныхъ явленія воспаления, однимъ словомъ, въ двадцатые года нынѣшняго столѣтія. Во Франціи есть до сихъ поръ субъекты, не признающіе не только всего, что сдѣлано въ медицинѣ послѣ паденія Бурбоновъ, но и въ особенности того направленія, которое приняла теперь наука. То, что мы называемъ точными знаніями и методами, то имъ кажется «грубымъ эмпиризмомъ», а ихъ собственная болтовня о темпераментахъ, діатезахъ и т. д. — философскою и глубокомысленною медицинною, единственно достойною названія науки. Они съ улыбкой сожалѣнія смотрятъ на новые методы изслѣдованія, вотъ-де новая игрушка, которую увлеклась молодежь, всегда увлекающаяся новизной; микроскопъ они называютъ «le dieu du jour», и съ тупымъ самодовольствомъ гово-

рять о великихъ открытіяхъ и преобразованіяхъ, которыя онъ призываетъ сдѣлать въ наукѣ—что онъ уже сдѣлалъ ихъ, этого они не только не признають, но и не подозреваютъ, и на всякіе аргументы отвѣчаютъ, что все это идетъ изъ туманной Германіи, теоріи которой не свойственны французскому уму. Къ сожалѣнію, новое, точное, истинно-научное направленіе имѣетъ еще мало сторонниковъ во Франціи, да и тѣ большую часть занимаютъ второстепенныя мѣста разныхъ *agrégés*, какъ, напр., Шарко, Маркъ Се, Ле-Форъ и т. д., а официальная наука и официальное преподаваніе все еще главнымъ образомъ въ рукахъ такъ называемой гиппократической школы, съ гордостью называющей такъ себя въ отличіе отъ новой физиологической и патолого-анатомической. Эти господа очень основательно разсуждаютъ, что съ ихъ стороны было бы глупо, имѣя деньги, власть, официальныя мѣста, однимъ словомъ, все, чѣмъ красна людская жизнь, приниматься опять за книгу и ученіе, и для чего—для *истины!* Пигасовъ правъ, вѣдь изъ истины супа не сваримъ, такъ чортъ ли въ ней; все это хорошо для молокососовъ, новичковъ, которыхъ жизнь еще не уклонила и не сдѣлала *практическими людьми*. Наконецъ извѣстно, что Гиппократъ гений, что онъ создалъ медицину, и ужъ если онъ не руководствовался физиологіей и патологической анатоміей, такъ имъ и Богъ велѣлъ; а что Гиппократъ не руководствовался физиологіей потому, что ея тогда и на свѣтѣ не было, такъ это подробность, о которой не стоить и толковать.

Это господство еще во Франціи стараго направленія отражается во всемъ, и въ особенности въ преподаваніи и въ медицинской литературѣ, несмотря на противодѣйствіе нѣсколькихъ знающихъ и понимающихъ людей, на которыхъ смотрять, какъ на фантазеровъ и оригиналовъ. Поэтому въ спеціальныхъ книгахъ и журналахъ французскихъ до сихъ поръ трактуется о такихъ вещахъ, которыя стали уже непонятны остальному міру, и въ этомъ отношеніи французы напоминають извѣстную легенду о попѣ, который проспалъ триста лѣтъ въ лѣсу, и когда потомъ возвратился въ городъ, то уже его никто не понималъ, и онъ не понималъ другихъ. Это выразилось особенно очевидно на знаменитомъ медицинскомъ конгрессѣ 1867 г., потерпѣвшемъ новое ужасное фіаско. Французы, хоть и не любятъ Германіи, и смѣются надъ *туманными теоріями* нѣмцевъ, но все же смутно знаютъ имена Вирховыхъ, Дю-Буа-Реймоновъ и т. д., а потому выбрали нѣсколькихъ нѣмецкихъ профессоровъ вице-президентами и членами комитета, въ томъ числѣ и Вирхова. Тѣ, при-

ѣхавъ въ Парижъ, пришли было на первое засѣданіе, да и рукой махнула, ушли раньше окончанія засѣданія, и уже больше не показывались, чѣмъ французы жестоко оскорбились.

Вотъ къ этой школѣ принадлежить и Беккерель, а книга его есть типъ произведеній этихъ господъ. Вы найдете въ ней много библюграфіи, чуть ли не сочиненія лейбъ-медиковъ Кира и Сезостриса, но новыхъ работъ мало, ну и фактовъ тоже немного, а больше *магистральные*, какъ говорятъ французы, совѣты о томъ, какъ поступать людямъ такого или другого темперамента, и разную дребедень о діатезахъ и прочихъ фантазіяхъ старой *философской* медицины. Впрочемъ, все это облечено въ важную и серьезную форму, всей болтовнѣ приданъ тотъ ложный видъ точности и отчетливости, которымъ такъ дорожила старая медицина; пустота фразъ прикрыта—хотя плохо, надо сознаться—кажущеюся отчетливостью опредѣленій, безъ которыхъ не можетъ обойтись «положительный французскій умъ». Такимъ образомъ Беккерель дебютируетъ опредѣленіемъ здоровья, которое «есть такое состояніе, въ которомъ правильно совершаются всѣ отправления челоуѣка». Глава о смерти тоже начинается яснымъ и отчетливымъ опредѣленіемъ «смерть есть прекращеніе жизни». Чѣмъ же это хуже знаменитой пѣсенки о г. Ла-Палиссѣ, которую поютъ дѣти во Франціи:

Monsieur de La-Palisse est mort,
En perdant sa vie;
Un instant avant sa mort
Il était encore en vie.

Очевидно Беккерель заимствовалъ свое опредѣленіе именно изъ этой пѣсенки; впрочемъ, и заимствованныя имъ у другихъ авторовъ опредѣленія тоже недурны; какъ правится вамъ, напр., слѣдующее: «здоровье есть опредѣленная пропорція въ субстанціи нашего тѣла?» (стр. 9.) Разсужденія и объясненія Беккереля не уступаютъ въ оригинальности опредѣленіямъ; такъ, напр. старость онъ объясняетъ *обетшалостью жизненной силы* (вообще авторъ въ своихъ фзіологическихъ возрѣніяхъ не пошелъ дальше Мольеровскихъ *vis dormitiva* и *vis purgativa*, и *жизненная сила, образовательная сила* и т. п. играютъ у него важную роль), наступленіе смерти черезъ мозгъ онъ объясняетъ или постепеннымъ прекращеніемъ мозговой дѣятельности, или ея возбужденіемъ, при чемъ самъ прибавляетъ, что прекращеніе производитъ коматозное состояніе. Но если такъ, то почему же че-

ловѣкъ не остается въ этомъ состояніи, а умираетъ. Можетъ же голубь, которому вырѣжутъ большой мозгъ, жить мѣсяцы? Такимъ образомъ ближайшая причина перехода коматознаго состоянія въ смерть такъ и остается необъясненною, точно также какъ и смерть при нервномъ и мозговомъ возбужденіи. Впрочемъ, перечестъ всё промахи, ошибки и нелѣпости Беккереля нѣтъ никакой возможности; вся книга наполнена ими, и намъ пришлось бы исписать цѣлые листы, чтобы только указать ихъ; мы приведемъ нѣсколько образчиковъ. Въ числѣ болѣзней, могущихъ повести къ смерти, Беккерель дитируетъ *недостатокъ аппетита* (!!!!); онъ не сообразилъ, что это вовсе не *болѣзнь*, а только *болѣзненный признакъ*, сопровождающій безконечное множество болѣзней; потребность дышать чистымъ воздухомъ авторъ считаетъ *привычкой* только людей сангвиническаго темперамента и дѣтей во второмъ періодѣ дѣтства; въ числѣ признаковъ смерти онъ приводитъ отсутствіе проявленія мыслительныхъ способностей (!!!), въ числѣ аргументовъ противъ *сгѣches* онъ приводитъ необходимость для грудного ребенка присутствія матери, которая успокоиваетъ его грудью, тогда какъ *естъ безъ исключенія* врачи дѣтскихъ болѣзней наставляютъ, чтобы дѣтямъ *никогда* не давать груди для успокоенія ихъ и т. д. Такіе промахи и ошибки встрѣчаются на каждомъ шагу; не говоря уже о томъ, что многіе вопросы, о которыхъ пишетъ Беккерель, незнакомы ему даже по наслышкѣ, такъ о гигиенѣ школъ онъ нашелъ нужнымъ сказать только нѣсколько строкъ, тогда какъ въ послѣдніе десять лѣтъ этотъ вопросъ въ Германіи былъ предметомъ очень многихъ превосходныхъ работъ; между прочимъ, авторъ совѣтуетъ посылать дѣтей въ школу, когда имъ исполнится *пять лѣтъ* (!!!), а Богранъ приводитъ въ числѣ болѣзней, проиходящихъ у дѣтей отъ неудобнаго сидѣнія, такъ называемый *школьный зобъ* (Schulkropf), между тѣмъ этотъ выводъ, какъ извѣстно, былъ простой ошибкой. Вопросъ госпиталей, и въ особенности дѣтскихъ и родильныхъ домовъ, Беккерелю совершенно неизвѣстенъ, и онъ говоритъ по этому какой-то вздоръ собственнаго изобрѣтенія, между тѣмъ какъ именно въ послѣднее время во Франціи вопросъ этотъ былъ обсуждаемъ самыми компетентными судьями, и Леонъ Ле-Форъ сдѣлалъ превосходную работу по этому предмету. Не мѣшало бы также автору сказать нѣсколько словъ о новомъ Hôtel Dieu въ Парижѣ, вопросъ о которомъ нѣкоторое время занималъ, да и теперь занимаетъ весь медицинскій міръ, и о новомъ дѣтскомъ госпиталѣ на морскомъ берегу. Говоря о богадѣльняхъ, ав-

торъ не упоминаетъ о бельгійскихъ *beguineries*. Вопросъ о наследственности душевныхъ болѣзней тоже автору совершенно невѣстенъ, и онъ цитируетъ о немъ только позорнѣйшую брошюрку Пюрри, и не подозреваетъ даже, повидимому, что наследственность эта имѣетъ уже огромную литературу (Эскироль, Маркъ, Марсе, Лелю, Фальре, Люкасъ, Морель и т. д. во Франціи, не говоря уже о нѣмецкихъ учоныхъ). Точно также онъ незнакомъ съ самыми капитальными работами о заразныхъ болѣзняхъ, а въ особенности о зобѣ и кретинизмѣ, о которыхъ и переводчикъ тоже не имѣетъ никакого понятія, такъ что мы очень посоветуемъ ему прочесть книгу St.-Lager; изъ нея онъ узнаетъ, что «новѣйшія изслѣдованія» вовсе не показываютъ намъ, что кретинизмъ и зобъ неразлучные спутники (!!!) (въ Женевѣ, напр., г. Сочава, зобовъ такъ много, а кретина ни одного нѣтъ!). О расахъ человѣческихъ Беккерель говоритъ такой вздоръ, что совѣстно читать. Вообще изумленія достойно, что нашелся человѣкъ, до такой степени незнакомый съ медицинской литературой, что ему и Беккерель понравился, такъ что онъ перевелъ и самъ издалъ его. Конечно, и то надо сказать, какъ и перевелъ, какъ и издалъ! Намъ еще не случалось видѣть переводовъ хуже, а уже какихъ, казалось бы, мы не видавали. Г. Сочава, должно быть, иностранецъ, потому что по-русски онъ совѣтъ не знаетъ, такъ что мѣстами переводъ его не имѣетъ никакого человѣческаго смысла. Не говоря уже о такихъ фразахъ, какъ «смерть происходитъ, благодаря такой-то причинѣ», или «существуютъ дѣти мертворожденными», тогда какъ, казалось бы, если эти дѣти мертвы, то уже значить не существуютъ, не говоря о томъ, что у него роды и ладежи не согласуются, что женщины у него производители (стр. 22), что переводить онъ буквально, такъ напр., *vives attaques* у него *живыя нападки*, *manière d'être*—образъ *существованія*, что африканцы воспроизводятся у него *неопредѣленнымъ образомъ* (*indéfiniment*), матка *присутствуетъ* у женщинъ, *солнце* оказывается *планетой*, распоряженія французскихъ властей *высочайшими повелѣніями*, смертность имѣетъ мѣста и т. д., не говоря уже о такихъ промахахъ, происходящихъ отъ полного незнанія языка, у него въ переводѣ встрѣчаются мѣста, гдѣ нѣтъ уже возможности добраться какогонибудь смысла, какъ, напр., «у стариковъ преобладаніе движенія разложенія окостенѣніе артерій, служатъ (кто?) существеннымъ выраженіемъ различныхъ органическихъ явленій послѣдняго періода жизни, продолжительность и конецъ котораго неодинаковъ и котораго (кого?)

первая причина также неизвѣстна, какъ и причина самой жизни. » Удивительно, какъ люди любятъ браться именно за то, къ чему они совершенно неспособны; вотъ г-нъ Сочава, напр., по-русски совѣтъ не знаетъ, по-французски знаетъ, вѣроятно, плохо, потому что въ переводѣ своемъ во многихъ мѣстахъ страшно перевралъ смыслъ оригинала, о гигиенѣ имѣетъ самое скудное понятіе, и надо же чтобы онъ взялся именно за такую работу. Поэтому онъ иногда перевираетъ смыслъ оригинала, потому что не понимаетъ текста, въ другомъ мѣстѣ потому что не умѣетъ писать по русски, въ третьемъ потому что ему кажется, что въ оригиналѣ ошибка, которую должно поправить; такъ, напр., онъ переводитъ „ordonnance royale“ 1763 г. *императорскимъ* распоряженіемъ, онъ знаетъ что во Франціи теперь царствуетъ императоръ, и думаетъ что сто лѣтъ тому назадъ тоже, вѣроятно, императоръ царствовалъ, и прилагательное „royal“ въ оригиналѣ просто ошибка, въ четвертыхъ, потому что не понимаетъ мысли автора и т. д.

Еще ужаснѣе его прибавленія и исправленія, которыхъ онъ не дѣлаетъ тамъ, гдѣ бы они были нужны, и дѣлаетъ именно тамъ, гдѣ ихъ неужно. Такимъ образомъ Беккерель говоритъ о затрудненіяхъ, представляющихся при констатированіи рожденій на дому; но съ того времени уже вышло правительственное распоряженіе, предписывающее мрамъ этотъ способъ констатированія, а не только никакихъ затрудненій не встрѣтилось на практикѣ, но, напротивъ, публика осталась чрезвычайно довольною этимъ измѣненіемъ. Беккерель не знаетъ книги Гринингера о заразительныхъ болѣзняхъ, которую, между тѣмъ, слѣдовало бы привести хотя бы, напр., по поводу обсуждения вопроса о развитіи такихъ болѣзней у людей, присутствовавшихъ при вырытіи изъ могилъ уже разлагающихся труповъ, и вопроса о причинахъ возникновенія и прекращенія чумныхъ эпидемій въ Египтѣ; Беккерель вовсе не знаетъ работъ о кретинизмѣ и зобѣ; статья его о заразительныхъ болѣзняхъ ниже всякой критики, но тутъ г-нъ Сочава не прибавляетъ отъ себя ни строчки,—очевидно, онъ считаетъ все, что говоритъ Беккерель, совершенно вѣрнымъ, и начинаетъ исправлять и дополнять совершенно незначащую и второстепенную статью объ этнологической патологіи и какъ измѣнять! г-нъ Сочава не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о работахъ по этнологіи «новѣйшихъ ученыхъ» (sic), а Дарвиновскую теорію онъ знаетъ, вѣроятно, изъ какой нибудь популярной статейки, и вотъ съ такими-то свѣденіями онъ начинаетъ смѣло толковать вкривь и вкось, обнаруживая на каждой строчкѣ самое изумительное невѣжество; точно также онъ не имѣетъ самаго

отдаленнаго понятія даже о томъ, какъ постановленъ теперь въ наукѣ вопросъ о заразительныхъ болѣзняхъ, и съ увѣреннымъ видомъ знатока болтаетъ такой вздоръ о бѣдности, этомъ «притонѣ всѣхъ людскихъ страданій», что только удивляешься гражданскому его мужеству: какъ это, въ самомъ дѣлѣ, рѣшиться подписать свое имя подъ такими непрличнымъ вздоромъ, и опозориться и въ литературѣ, и въ медицинскомъ мѣрѣ!

Когда это наконецъ поймутъ наши переводчики, что для перевода надо знать языкъ, съ котораго переводяшь, хорошо владѣть языкомъ, на которой переводяшь, и наконецъ имѣть хоть понятіе о предметѣ, о которомъ идетъ рѣчь? Впрочемъ извѣстно, что нѣтъ ничего смѣлѣе абсолютнаго невѣжества, и этимъ мы объясняемъ, что г-нъ Сочава не зная ни по-русски, ни по-французски, ни гигиены, взялся не только перевести, но и *дополнить* книгу Беккереля, прибавимъ къ этому еще, что переводъ изданъ отвратительно дурно, какъ намъ еще никогда не случалось видѣть; собственныя имена перевраны такъ, что и знающему человѣку трудно догадаться, о комъ идетъ рѣчь, опечатки многочисленнѣе песку морского, такъ что въ нѣкоторыхъ фразахъ вслѣдствіе пропуска словъ или ихъ перестановки нѣтъ возможности добиться смысла, цифры въ таблицахъ страшно перевраны, такъ что ни на одну изъ нихъ полагаться нельзя, а ко всему этому самъ переводчикъ-издатель отнесся къ своей работѣ съ самою непростительною небрежностью. Такъ, напр., онъ не далъ даже себѣ труда пробѣжать библиографическія прибавленія Беккереля, а отдалъ ихъ прямо въ типографію для перепечатанія; поэтому не только заголовки, но даже примѣчанія въ нѣсколько строкъ такъ и остались непереверленными. При этомъ латинскій шрифтъ полонъ опечатокъ, t вмѣсто f, с вмѣсто e, B вмѣсто R, v вмѣсто y, и обратно, и сверхъ того то одно слово или имя разбито на двѣ части, то два слова соединены въ одно, въ таблицахъ перемѣшаны русскія, французскія и латинскія названія, и иногда вдругъ въ перечнѣ болѣзней стоятъ болѣзнь *кишечъ желудка* и т. д. одна рубрика едѣлана по латини, другая по русски.

Резюмируя все приведенное выше, мы должны сказать что въ русской книжной торговлѣ едва ли было когда нибудь и что нибудь подобное раабраемому изданію; такая бѣзсовѣтность, небрежность, невнимательность, въ соединеніи съ незнаніемъ и обоихъ языковъ, и самого предмета, составляютъ рѣдкій феноменъ въ литературѣ, и мы очень рекомендуемъ любителямъ библиографическихъ рѣдкостей и скандаловъ немедленно приобрести книгу г-на Сочавы, смѣло гарантируя имъ

что это будетъ лучший экземпляръ изъ коллекціи, но что касается людей, желающихъ познакомиться съ гигиеною, то мы убѣдительнѣе совѣтуемъ имъ тщательно обходить всѣ книжные магазины, въ которыхъ имѣется *Руководство къ изученію частной и общественной гигиены, сочиненіе А. Беккереля, переводъ Н. Сочавы, Харьковъ 1869 г. Цѣна 3 руб.*

Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Историческій очеркъ раскольническаго ученія о бракѣ. Выпускъ второй (царствованіе Николая I). Соч. И. Нильскаго. Спб. 1869 г.

Второй выпускъ сочиненія г. Нильскаго отличается тѣми же недостатками, какіе были указаны нами при разборѣ первой части этой книги («Дѣло», 1869, XI). Собранные авторомъ матеріалы сшиты имъ на живую нитку, какъ попало, такъ что читатель не найдетъ въ книгѣ никакихъ данныхъ для рѣшенія чрезвычайно интереснаго вопроса—увеличивается или уменьшается количество гражданскихъ раскольничьихъ браковъ? Кроме того, авторъ сдѣлалъ еще и другое важное упущеніе, не сказавъ ни слова объ отношеніяхъ половъ у духоборцовъ, скопцовъ, *блужновъ* или *странниковъ*. Впрочемъ, какъ сборникъ матеріаловъ, касающихся чрезвычайно интереснаго предмета, книжка г. Нильскаго имѣетъ нѣкоторую цѣну, и мы воспользуемся сообщенными въ ней данными, чтобы нѣсколько ознакомить читателя съ семейною жизнью раскольниковъ въ прошедшее царствованіе.

Федосѣевцы по прежнему упорно отвергали бракъ и пропагандировали дѣвственность:

«Истиннаго священства нѣтъ, говорили они, слѣдовательно не можетъ быть и таинства; поэтому, всякій союзъ мужчины и женщины, благословенный кѣмъ бы то ни было или же заключенный безъ всякихъ религіозныхъ формальностей, есть блудъ. Нынѣшній бракъ также недействителенъ, какъ недействительно евхаристіе, священное мѣряникомъ или ложнымъ священникомъ» (185 стр.).

Истинные христіане должны вести жизнь дѣвственную и достойно встрѣтить Христа, грядущаго судить міръ. Общественныя бѣдствія

обыкновенно усиливали этот бракорбическій аскетизмъ. Когда, напр., холера въ 1831 г. начала свои ужасныя опустошенія, *вожаки федосѣевцевъ начали проповѣдывать, что

«этотъ седьмой фіалъ гнѣва божія изливается на Россію за ея отпаденіе отъ христіанской вѣры, за то, что христіане забыли свои обѣты и послѣдуя антихристу, стали вступать въ незаконныя брачныя сплетенія и даже внѣшнимъ образомъ, сі-есть еретическимъ вѣнчаніемъ. Подъ вліяніемъ этой проповѣди и религіознаго ужаса, нагоняемаго холерой, не только раскольники, но даже многіе православныя расторгали браки, отрѣкались отъ своихъ семействъ и давали обѣтъ вѣчнаго цѣломудрія» (стр. 84).

Въ сороковыхъ годахъ этотъ изувѣрный аскетизмъ дошелъ до того, что нѣкоторые наставники преображенскаго кладбища стали учить, что

«нынѣ—въ царствованіе антихриста—размноженіе рода человѣческаго зависятъ отъ сатаны и каждый рождающійся младенецъ является «на свѣтъ съ душою, данною ему дьяволомъ» (стр. 95).

Но подобныя аскетическія доктрины всегда и вездѣ вынуждаемы были доходить наконецъ до явныя уступокъ человѣческой природѣ, поправить которую надѣялись ихъ основатели. Безбрачное католическое духовенство, напр., не только всегда жило и живетъ семейнымъ образомъ. Бракорбцы-раскольники поступаютъ также. Съ ихъ точки зрѣнія, современный бракъ не только блудъ, но блудъ, соединенный съ еретичествомъ, съ отступленіемъ отъ Христа, съ оскорбительною профанаціей таинства, совершаемаго вовсе непризванными къ тому людьми. И они предпочитаютъ простой блудъ.

«Не жену, а странуху держи—говорятъ ихъ наставники—«и часто «перемѣниваючи, отклони зазоръ; дѣтей не роди, а если родишь, тайно «воспитай и племянничкомъ называй; насъ отцы за грѣхъ простятъ, «въ райски мѣста помѣстятъ».

Свобода половыхъ отношеній въ федосѣевскихъ общинахъ доходила до *pas plus ultra*. Большинство этихъ фанатиковъ разумѣло подъ дѣвствомъ право, лишивъ невинности дѣвушку, жить съ нею до перваго ребенка, а потомъ бросить ее и взять другую.. Установленію такой свободы не мало содѣйствовали женщины. Около 1850 г., напримѣръ, въ окрестностяхъ Москвы образовался новый толкъ изъ женщинъ и дѣвицъ, при вступленіи въ который отъ нихъ требовалось писанное кровью лѣтъ руки

«удостовереніе въ томъ, что они ненавидятъ брачное супружество (стр. 62, 113). Многіе, особенно богатые бракорборцы, обзаводятся цѣлыми гаремами (стр. 127). Возникло право *отцовщины*, по которому отецъ пользуется невинностью своей дочери, такъ какъ «страдающему подобаеъ первому вкусить отъ плода своего» (стр. 97).

Въ сектѣ бѣгуновъ, о которой г. Цильскій ничего не говоритъ, половая свобода достигла такой же полноты, какъ и у федосѣевцевъ. Отрпцаая весь социальный строй русской жизни, возводя въ религиозный догматъ бродяжество, бѣгуны считаютъ бракъ состояніемъ безпрерывнаго блуда:

«Жена дана дьяволомъ, а дѣвка богомъ; жить съ женою грѣхъ, а съ дѣвкой нѣтъ грѣха; дѣтей не надо».

Въ этомъ отношеніи, въ общинахъ бѣгуновъ жизнь развеселая, и по сознанію одного изъ учителей, — «грѣси паче естества, паче Содома и Гоморры!» Женщина пользуется значительною долей самостоятельности. Каждый бродяга можетъ быть

«вселенскимъ учителемъ, каждая дѣвка учительницей. Неразлучная спутница основателя секты, Ирина Федоровна, играла важную роль въ дѣлахъ секты послѣ смерти своего любовника» («Русскій Архивъ», 1866 г., 602—643). Дѣтубійство и плодонизпаніе разсвяты въ высшей степени какъ между федосѣевцами, такъ и между бѣгунами. Есть мѣста, гдѣ изъ 50 беременныхъ дѣвушекъ едва 5 «рождаютъ (idem, стр. 615). Многіе духовные отцы даже одобряютъ такіе поступки, говоря, что тайный грѣхъ тайно и судится, а убитый ребенокъ будетъ святъ и своею молитвою на небесахъ испроситъ спасеніе родителямъ» (Нильскій, стр. 112).

Дѣтубійство, вѣроятно, особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ начали употребляться строгія мѣры противъ бракорборческихъ дѣтей, изъ которыхъ велѣно было мальчиковъ забирать въ кантонисты и въ учебные карабинерные полки, а дѣвочекъ пристраивать въ православныя семейства. Эта мѣра поражала раскольниковъ не однимъ только тѣмъ, что у нихъ отнимали дѣтей, но въ особенности тѣмъ, что послѣднихъ обращали въ «ангихристову» службу. Въ Москвѣ между мастеровыми и рабочими начиналось по этому случаю даже волненіе; толпы ихъ собирались на дворъ преображенскаго кладбища и кричали:

«вотъ грабятъ дѣтей у матерей» (стр. 103). Впрочемъ, бракорборцы и сами не очень-то церемонились съ своими ребятами. Оста-

«ваясь при своих матеряхъ, брошенныя любовниками, несчастныя дѣти нищенствовали цѣлыми стаями, а выросши, принимались за «воровство и разбой» (стр. 127).

Насладившись дѣвушкой, приживъ дѣтей, раскольникъ сплошь и рядомъ бросаетъ ее и беретъ другую. Это естественно порождаетъ реакцію со стороны женщинъ.

«Теперь молода да легка», — говоритъ раскольница-дѣвушка — «такъ свѣсь поди сюда, а затяжелѣла, такъ и милу дружку надоѣла. Мужикъ, что ему? Мужикъ баловникъ, козель — мужикъ, похотникъ. «Одна плоха, другую найдетъ: нашей сестры вѣдь довольно... Рѣдкій, рѣдкій такой найдетъ, что своихъ дѣтей родительницу почититъ, какъ слѣдуетъ; а ты вотъ роди дитя, да и корми его на свои гроши. «Нѣтъ, наша бабья жизнь — бѣда въ нашемъ званіи» (стр. 103).

Любовница бракорбца, брошенная имъ вмѣстѣ съ дѣтьми, не можетъ надѣяться даже на то покровительство, какое дается обыкновенной любовницѣ закономъ, обязывающимъ ее сожителя доставлять содержаніе прижитымъ съ нею дѣтямъ. Бывали случаи, что судъ освобождалъ раскольника отъ обязанности выдавать содержаніе матери незаконныхъ дѣтей послѣдняго, дабы, въ противномъ случаѣ,

«не дать повода раскольникамъ къ заключенію, что ихъ притязанія на раскольническія понятія покровительствуются закономъ (стр. 156).

Вслѣдствіе этого женщины естественно стремились къ упроченію брачной жизни. Поповцы пропагандировали идею церковнаго брака; въ средѣ самого бракорбческаго мужскаго населенія возникла реакція половой свободы, доходившей до безобразія. Пропаганда брака встрѣчала особенное сочувствіе въ средѣ купцовъ и другихъ зажиточныхъ раскольниковъ, имѣвшихъ интересъ въ законномъ упроченіи своихъ семействъ и фамилныхъ капиталовъ. Бракорбческіе учителя, для удержанія въ своей сектѣ людей наклонныхъ къ браку, особенно богатыхъ, вынуждены были дѣлать существенныя уступки и допускать гражданскіе браки (стр. 197, 201 и др.), которые заключались передъ ихъ наставниками, иногда съ большою торжественностью, и записывались въ особыя брачныя книги, а иногда эти союзы благословлялись одними только родителями. Пропагандисты такихъ браковъ учили, что

«существо сей тайны, по разуму и духу христовой церкви, состоитъ въ общѣи сочетавающихся лицъ, а не въ вѣнчаніи черезъ пре-

«свитера, по молвѣ черни и волю суевѣрія, омрачающимъ истину «небесъ» (стр. 29).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти браки заключались довольно просто. Сговорившись предварительно съ какой нибудь женщиной или дѣвушкой и получивъ ея согласіе, раскольникъ прїѣзжалъ за нею въ условленное мѣсто и, дѣлая видъ, что похищаетъ невѣсту, увозилъ ее къ себѣ. Для приданія же дѣлу публичности, вступившіе въ бракъ начинали часто ходить вмѣстѣ по базарамъ и вообще по люднымъ мѣстамъ, взявшись за руки или держась за одинъ платокъ. Въ другихъ мѣстахъ они заключали свой союзъ не только въ часовняхъ, какъ мы уже говорили, но даже въ православныхъ церквахъ, костелахъ и лютеранскихъ киркахъ (стр. 159—161). «Вѣнчальники» такихъ браковъ пользовались у непоповцевъ большимъ значеніемъ, и было время, что самые браки правительство считало дѣйствительными. Но когда бракоробцы, по поводу немоленія за царя и нѣкоторымъ другимъ причинамъ, отнесены къ «вреднымъ» сектамъ, то ихъ браки объявлены незаконными и запрещенными, а вѣнчальниковъ повелѣно судить, какъ совратителей. При помощи извѣстныхъ средствъ раскольники находили возможность обходить эти крутыя мѣропріятія.

«Когда въ сороковыхъ годахъ петербургскіе поморцы лишились «своихъ вѣнчальниковъ, на это опасное поприще выступила женщина, «Марья Карповна Новосадова, и начала раздавать благословенія на «брачную жизнь. Такимъ образомъ, расколъ, признавшій за женщиной право крестить и проповѣдывать, призналъ за нею и право «совершать бракъ. Новосадова умерла въ 1863 г.» (стр. 44).

О поповцахъ говорить много нечего, — они вѣнчались у бѣглыхъ поповъ и въ православныхъ или единовѣрческихъ церквяхъ, смотря по обстоятельствамъ.

Отношенія правительства къ раскольниковъ браку мѣняли свой характеръ чрезвычайно часто. Старались держаться правилъ, въ которыхъ «духъ терпимости соединялся бы съ необходимыми мѣрами кротости». При этомъ свѣтское начальство всегда почти являлось терпимѣе духовнаго, и Императоръ Николай отвергалъ нѣкоторыя мѣры, предлагавшіяся архіереямъ, находя ихъ несогласными съ принципомъ вѣротерпимости. Въ началѣ царствованія, вопреки мнѣнію духовенства, правительство дозволяло раскольниковъ браки и желало,

«дабы сихъ людей ни мѣстныя полиціи, ни духовныя начальства не «тревожили понапрасну». Сожительницы раскольниковъ признавались

«ихъ женами, а дѣти—законными (стр. 12—13). Но съ конца тридцатыхъ годовъ взглядъ правительства на эти браки совершенно измѣнился: они объявлены «развратомъ и беззаконною жизнью», а «свидетелей такихъ браковъ повелѣно предавать суду и поступать съ ними, какъ съ совратителями» (стр. 35). Въ 1839 г. номѣщикамъ дозволено «отдавать въ рекруты въ зачетъ крестьянъ ихъ, состоящихъ подъ судомъ за вступленіе въ свободные браки», а также родителей сведенныхъ, свидѣтелей такихъ браковъ и другихъ прикосновенныхъ лицъ (стр. 53). Наконецъ, бракоборцевъ за ихъ вѣзаконныя связи положено было съ синодомъ подвергать тюремному заключенію на время отъ 4-хъ до 11-ти лѣтъ в монастырскому покаянію» (стр. 153).

При этомъ бракоборцевъ болѣе, чѣмъ другихъ раскольниковъ, старались обратить на истинный путь лишеніями многихъ правъ и разными строгими мѣрами. Поповцевъ, вѣнчавшихся болѣею частью у бѣглыхъ поповъ, равно какъ и безпоповцевъ, хотѣли во что бы то ни стало заставить признать бракъ. Крутыя мѣры противъ раскола вообще и противъ бѣглыхъ поповъ въ частности привели къ результатамъ, какихъ никогда не желало правительство.

«Вмѣсто обращенія къ единовѣрію или православію, многіе изъ поповцевъ перешли въ безпоповщину, или, по крайней мѣрѣ, усвоили себѣ безпоповщинскія воззрѣнія и убѣжденія относительно брака» (стр. 256).

Въ средѣ же бракоборцевъ упомянутыя мѣропріятія только усилили отрицаніе брачной жизни. Съ гражданскимъ бракомъ безпоповщина могла еще помириться, но съ церковнымъ нѣтъ.

Такимъ образомъ, изъ данныхъ, сообщаемыхъ г. Нильскимъ, можно заключить, что, при вѣротерпимости, та безграничная половая свобода, за которую такъ клеймятъ бракоборцевъ, сбросить съ себя свое настоящее безобразіе и найдеть удовлетвореніе въ гражданскомъ бракѣ, признанномъ законами. Вѣдь признаются же у насъ гражданскіе браки язычниковъ. Пусть избавятся цѣлыя массы ни въ чемъ неповинныхъ «незаконныхъ» раскольниковыхъ дѣтей отъ лежащей на нихъ отверженности. Пусть мужчина приметъ на себя извѣстныя обязательства относительно своей гражданской жены и прижитаго съ нею потомства.

Мелочи изъ запаса моей памяти. М. А. Дмитриева. Изданіе „Русскаго Архива“. М. 1869.

Вмѣстѣ съ старческими сѣтованіями на нынѣшнее паденіе «словесности», вмѣстѣ съ пустой болтовней и допотопными размышленіями, наполняющими собою большую часть этой книги недавно умершаго Дмитриева, въ ней есть нѣсколько разсказовъ, характеризующихъ очень недавній періодъ нашей исторіи. Нѣкоторыми изъ этихъ анекдотовъ мы подѣлимся съ читателемъ.

Г. Лухвицкій въ своемъ «Уголовномъ правѣ» сообщаетъ, что на докладѣ объ одномъ крестьянинѣ, виновномъ въ оскорбленіи величества, Александръ I написалъ: «нисколько не обидна для меня брань челоуѣка полудикаго». Дмитриевъ разсказываетъ, что государь въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовалъ всегда одинаково.

«Дмитриевъ (министръ юстиціи, дядя автора) докладывалъ дѣло объ оскорбленіи величества. Государь при этомъ словѣ сказалъ: «вѣдъ ты знаешь, Иванъ Ивановичъ, что я этого рода дѣла никогда не слушаю. Простить, и конечно, что же надъ ними терять время!» «Дмитриевъ отвѣчалъ: «въ этомъ дѣлѣ, государь, есть обстоятельства довольно важныя, дозвольте хоть ихъ доложить отдѣльно». Государь сказалъ: «нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, чѣмъ важнѣе такого рода дѣла, тѣмъ менѣе хочу ихъ знать... Можетъ случиться, что «я, какъ императоръ, все-таки прощу, но какъ челоуѣкъ, буду сохранять злобу, а я этого не хочу. Даже при такихъ дѣлахъ никогда не говори мнѣ и имени оскорбителя, а просто говори: дѣло объ оскорбленіи величества; потому что, хотя я и прощу, хотя и не буду сохранять злобы, но буду помнить его имя, а это вехорошо». (Стр. 138.)

Подобныя чувства тѣмъ болѣе замѣчательны, что въ русскомъ обществѣ того времени было много дикой нетерпимости. Тотъ же Дмитриевъ сообщаетъ, напр., разсказъ объ убійствѣ юноши Верещагина.

«Верещагинъ жилъ у московскаго почтъ-директора, имѣлъ возможность читать иностранныя газеты до ихъ цензурованія и перевелъ «на русскій языкъ прокламацію Наполеона, которую онъ издалъ передъ своимъ походомъ на Россію, и въ которой обѣщалъ русскимъ свободу. Графъ Растинчинъ захватилъ Верещагина, вывелъ его на крыльцо своего дома и, обращаясь къ громадной толпѣ собравшагося

«народа, сказалъ: «народъ православный, вотъ вамъ измѣнникъ; дѣлайте съ нимъ, что хотите!» Затѣмъ онъ велѣлъ драгуну рубить Верещагина; драгунъ не скоро повиновался, но по второму строгому приказанію, вынулъ саблю и началъ. Потомъ Верещагина сбросили съ крыльца народу, который тутъ же разорвалъ его живого на «части». (Стр. 236 — 239.)

Разказы Дмитріева, кромѣ отрывочной и сжатой характеристики правовъ того времени, относятся преимущественно къ литературѣ. Многіе изъ современныхъ отечественныхъ сочинителей найдутъ въ нихъ не мало поучительнаго, и мы, думаемъ оказать имъ услугу, сопровождая дмитріевскіе разказы нѣкоторыми примѣчаніями.

Встарину наши сочинители не могли жить безъ меценатовъ и милостивцевъ; нѣкоторые даже состояли на постоянномъ содержаніи публичныхъ. Костровъ, напр., жилъ у Шувалова.

«Домашніе Шувалова обращались съ нимъ, почти не замѣчая его въ домѣ, какъ кошку, къ которой привыкли. Однажды Дмитріевъ зашелъ къ Шувалову и, не заставъ его дома, спросилъ—дома ли Ермилъ Ивановичъ? Лакей отвѣчалъ: «дома, пожалуйста сюда!» и привелъ его въ заднія комнаты, въ дѣвичью, гдѣ дѣвки занимались работою, а Ермилъ Ивановичъ Костровъ сидѣлъ въ кругу ихъ и шивалъ разные лоскутки. На вопросъ—чѣмъ онъ это занимается, Костровъ отвѣчалъ: «да вотъ дѣвчата велѣли что-то шить», и продолжалъ свою работу». (Стр. 26.)

Примѣчаніе. Не худо бы и многихъ нынѣшнихъ писателей раздать по господамъ для обученія ихъ полезнымъ занятіямъ. Мы увѣрены, что изъ г. Семейскаго, напр., вышелъ бы хорошій портной и чтецъ псалтыря по покойникамъ; портняжный геній замѣтенъ даже и въ его историческихъ трудахъ, выкроенныхъ всегда по одной мѣрѣ и сшитыхъ изъ разныхъ архивныхъ лоскутковъ. Кромѣ того такая господская опека была бы полезна и для исправленія нравственности сочинителей; тогда редакціи навѣрное избавились бы отъ такихъ неприятностей, какъ, напр., покража четвертака и книги Гнейста, совершенная нѣсколько лѣтъ назадъ въ редакціи «Русскаго Вѣстника» кѣмъ-то изъ сотрудниковъ, или превращеніе фельетоновъ «Голоса» въ домъ терпимости, какъ недавно жаловался на это самъ Краевскій своему бывшему пріятелю, г. Незнакомцу.

«Тогдашніе вельможи нарочно сводили и приглашали на обѣды Сушарокова и Ломоносова, чтобы стравить ихъ и полюбоваться ссорой

«(стр. 6.) Позднѣ подобнымъ же образомъ травилъ Кострова; под-
«паввали его, ссорили его съ молодымъ Карамзиннымъ и доводили
«ихъ до дуэли; Карамзину давали въ руки обнаженную шпагу, а
«пьяному Кострову ножны. Онъ не замѣчалъ этого и съ трепетомъ
«сражался, боясь пролить кровь неповинную». (Стр. 26.)

Примѣчаніе для г. Скарятина. Воспользуйтесь, mon cher, этимъ
примѣромъ. Внушите своимъ милостивцамъ устроить обѣдъ, пригласи-
тите на него двухъ заклятыхъ враговъ вашихъ, Краевского и Кат-
кова, ссравите ихъ, и будьте увѣрены, что они погибнуть оба. Вы
по смоленской исторіи собственнымъ опытомъ знаете, до чего на по-
добныхъ обѣдахъ можетъ простираться ярость россияніи.

Читателю, можетъ быть, извѣстно, что въ Москвѣ есть общество
любителей російской словесности, состоящее исключительно изъ стар-
цевъ, которые я сами не знаютъ, зачѣмъ они собираются въ сенатъ
русской литературы. Дѣла этого общества почти всегда шли такъ
же, какъ нынѣ. Вотъ вступительная рѣчь Загоскина, послѣ его из-
бранія въ предсѣдателя общества.

«Сѣвъ на кресло, крикнулъ, потрепалъ себя по брюху и обратилъ
«ся къ членамъ: «фу, батюшки! Обѣдалъ у Акулова! Такъ накормилъ
«проклятый, что дышать не могу,—всего расперло! Ну, что же бы
«намъ подѣлать?» (Стр. 171.)

«Въ Петербургѣ представляли трагедію Кукольника «Рука всевыш-
«няго отечество спасла», которая чрезвычайно понравилась государю
«(Николаю Павловичу), а Полевой, вѣроятно, совсѣмъ не зная этого,
«напечаталъ разборъ этой трагедіи и доказывалъ ея недостатки.
«Журналъ Полевого запретили, и Курбатовъ сказалъ по этому поводу—

«Рука всевышняго» отечество спасла
«И погубила Полевого!» (Стр. 111.)

Русскій престонародный мистицизмъ. Сообщеніе, читаемое
въ И. Р. Географическомъ Обществѣ Н. Барсовымъ. Сиб.
1869 г.

Книгъ и журнальныхъ статей о расколѣ появляется у насъ до-
вольно много, но рѣдкая изъ нихъ имѣетъ научный характеръ.

Одни изъ авторовъ, происходя изъ духовно-учебныхъ заведеній, руководятся преимущественно цѣлями полемическими, таковы, напримѣръ, гг. Нильскій, Добротворскій. Другіе авторы изучаютъ расколъ или въ качествѣ полицейскихъ чиновниковъ, или же по отчетамъ и рапортамъ послѣднихъ. Такова, напримѣръ, книжонка г. Ливанова, таковы многія статьи отставного чиновника и расколооткрывателя П. И. Мельникова. Въ своихъ послѣднихъ статьяхъ, напримѣръ, написанныхъ по поводу плотицынскаго дѣла, г. Мельниковъ настаиваетъ на преслѣдованіи и истребленіи хлыстовъ, между тѣмъ какъ въ «Голосѣ» даже извѣстный ветеранъ административныхъ изслѣдованій раскола, г. Липранди, оградаетъ и скопцовъ и хлыстовъ отъ несправедливыхъ обвиненій въ неблагонамѣренныхъ тенденціяхъ. Понятно, что отъ авторовъ обоихъ упомянутыхъ нами разрядовъ невозможно ждать научныхъ и безпристрастныхъ трудовъ о расколѣ. Опытъ такихъ трудовъ представилъ до сихъ поръ только одинъ А. И. Шаповъ въ своей, помѣщенной въ «Дѣлѣ», статьѣ «Умственныя направленія русскаго раскола». Главное препятствіе для серьезнаго изученія нашихъ многочисленныхъ сектъ заключается въ томъ недовѣрїи, съ которымъ наши сектанты, напуганные прежними административными стѣсненіями, относятся къ изслѣдователямъ раскола. Въ Америкѣ, гдѣ, при безграничной свободѣ мысли и вѣры, любому сектанту нѣтъ никакого интереса скрывать свои вѣрованія, религіозные обряды, учрежденія, успѣхи своей пропаганды и численность своихъ единовѣрцевъ, — въ Америкѣ и другихъ подобныхъ странахъ изученіе сектантства вовсе не встрѣчаетъ тѣхъ трудностей, какъ въ Россіи, гдѣ каждый изслѣдователь кажется раскольнику сыщикомъ. Кромѣ того, матеріалы для изученія раскола, добытые администраціей, до самаго послѣдняго времени составляли тайну, да и нынѣ они доступны очень немногимъ. Съ одной стороны, эта таинственность раскола, съ другой, изслѣдованіе его людьми, преслѣдуемыми совершенно другія цѣли, чѣмъ изученіе самого раскола, мѣшаютъ полному и безпристрастному разъясненію нашихъ сектаторскихъ ученій.

Брошюра г. Барсова рѣзко отличается отъ твореній упомянутыхъ сочинителей и читается не безъ интереса. Въ ученія хлыстовъ, или, какъ они сами называютъ себя, людей божіихъ, авторъ различаетъ два составныхъ элемента, первоначальную фабулу, идущую издалека и общую многимъ народамъ, и позднѣйшія наслоенія, плодъ бытовыхъ условій русской жизни. Хлысты вѣруютъ въ переселеніе душъ. По

ихъ мѣтвѣю, люди праведные, умирая, преобразуются въ ангеловъ, злыя же и грѣшныя души дѣлаются демонами, а невѣрующіе въ ученіе хлыстовское переселяются въ скотовъ, гадовъ и проч., а изъ скотовъ души ихъ переходятъ въ тѣла новорожденныхъ младенцевъ (стр. 24). Съ этимъ вѣрованіемъ въ метемпсихозисъ, или переселеніе душъ, тѣснымъ образомъ связано хлыстовское ученіе о *христахъ*. «Старый Христосъ», какъ они называютъ Иисуса, былъ святымъ, непорочнымъ человѣкомъ, въ котораго вселился, духомъ своимъ святымъ, Сынъ Божій, второе лицо Троицы. Другіе люди могутъ дѣлаться такими же христами, и дѣйствительно дѣлаются. Христосъ постоянно живетъ на землѣ,

«переселяясь духомъ своимъ изъ одного человѣка, по смерти его, въ другого, и пребудетъ, по обѣщанію стараго Христа, до скончанія вѣка съ хлыстами».

Хлысты постоянно молятся, чтобы живущій между ними втайнѣ христосъ открылся «своимъ дѣтушкамъ»:

Дай намъ, Господи, Иисуса Христа,
Дай намъ, сударь, сына божьяго!...

Такимъ образомъ,

«Христосъ не одинъ разъ родился, а постоянно рождается, христы постоянно существуютъ въ мірѣ». Такихъ «открывшихся христовъ» одни хлысты считаютъ шесть, а другіе семь. «Первый изъ нихъ, Аверьянъ, жилъ при Димитріѣ Донскомъ, послѣднимъ былъ императоръ Петръ III, который живетъ до сихъ поръ въ странахъ Иркутскихъ» и пришествія котораго люди божіи постоянно ожидаютъ. У одного изъ этихъ христовъ, по словамъ сектантовъ, благодати было даже болѣе, чѣмъ у перваго Христа» (стр. 20—23).

Пытаясь объяснить происхожденіе хлытовскаго догмата, г. Барсовъ дѣлаетъ предположеніе, что «въ этомъ мифѣ отразилось индѣйское ученіе о многократныхъ воплощеніяхъ Вишну». Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ можно предположить вліяніе болѣе близкое, чѣмъ индѣйское, а именно, вліяніе вѣрованій и міросозерцанія народовъ алтайской расы, племенъ финскихъ, монгольскихъ, татарскихъ. У всѣхъ у нихъ мы видимъ слѣды вѣрованій въ метемпсихозисъ и въ воплощеніе божества. Въ Восточную Сибирь, напримѣръ, до сихъ поръ являются изъ-за границы *зубиманы*, люди, которые путемъ постепенныхъ душпереселеній достигли степени божественной свято-

сти, имъ поклоняются, какъ богамъ. Правда, что это вѣрованіе буддѣйскаго происхожденія, но оно встрѣчается и у населенныхъ Россію язычниковъ. Такъ, напримѣръ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія между мордвою явился богъ Кузька, интересные подвиги котораго были описаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» старой редакціи. Онъ возбудилъ между мордвою сильное религіозное движеніе; въ честь его совершалась божественная служба, приносились жертвы и, что всего интереснѣе, онъ увлекалъ умы не только мордвиновъ, но даже и нѣкоторыхъ русскихъ раскольниковъ. Наконецъ, нужно принять во вниманіе и то обстоятельство, что люди божин основываютъ свое ученіе о переселеніи душъ и о многократныхъ рожденіяхъ христовъ на неправильно понятыхъ и ложно истолкованныхъ ими мѣстахъ библіи и церковныхъ молитвъ. Когда, напримѣръ, волхвы пришли поклониться Спасителю, то спросили, гдѣ Христосъ рождается, а не гдѣ родился; въ церковной нѣсепи также поется: «Христосъ рождается», а не «родился»; слѣдовательно, говорятъ сектанты, Христосъ не одинъ разъ родился, а постоянно рождается (стр. 22). Однимъ подобнымъ основаніемъ, безъ всякаго вліянія мифа о воплощеніяхъ Вишну, могло быть достаточно для возникновенія хлыстовскаго догмата, и мы тѣмъ болѣе имѣемъ право предполагать это, что подобныя филологическія основанія постоянно порождали цѣлыя мифы во всѣхъ религіяхъ и въ частности въ нашихъ раскольничьихъ сектахъ. Хлысты же питаютъ особенную страсть къ филологическимъ комментаріямъ, и на основаніи ихъ, строятъ свое ученіе. Такъ, они думаютъ, что составители помѣщенныхъ въ *прологахъ* житій святыхъ изображали жизнь послѣднихъ не такою, какова она была въ дѣйствительности, *обмалли* ихъ, ибо самое слово *прологъ*, по ихъ толкованію, одного корня со словами *ложь*, *мать*, и происходитъ отъ глагола *пролгать*. Другой примѣръ: въ народѣ употребляется выраженіе *окрутился*, т. е. женился; *окрутиться* же по своему буквальному значенію близко съ глаголами *обязаться*, *обмотаться*, *удавиться*. Хлысты говорятъ о вступившемъ въ бракъ: такой-то *удавился* или *окрутился*. При подобныхъ филологическихъ толкованіяхъ, напомнимающихъ собою изслѣдованія нѣкоторыхъ знаменитыхъ русскихъ ученыхъ, догматы о христахъ и о душепереселеніи могли возникнуть и развиться совершенно самостоятельно, безъ всякихъ постороннихъ вліяній.

Мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ г. Шамова, что ученіе о христахъ «мистико-идеалистическая, религіозно-антропомор-

фигурная персонализация крестьянского народовластія». Ту же мысль, хотя въ выраженіяхъ гораздо болѣе умеренныхъ и неопредѣленныхъ, высказываетъ г. Барсовъ (стр. 52). Оба автора подтверждаютъ свое мнѣніе известною хлыстовскою пѣсней:

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики!
Ужь какъ эти мужики,
Словно съ медомъ бураки...
Ужь какъ въ этихъ мужикахъ
Самъ Господь Богъ обитаетъ...

Дѣло въ томъ, что хлыстовщина — секта не исключительно мужичья; къ ней принадлежало всегда много купцовъ и даже духовныхъ; она не разъ водворялась въ монастыряхъ, а въ началѣ настоящаго вѣка къ ней принадлежало много лицъ высшаго петербургскаго общества. Весь характеръ хлыстовщины чисто-религиозный, мистическій, духовный, и хотя въ ней есть демократическая струйка, но нѣтъ положительно никакихъ сознательныхъ политическихъ тенденцій. Приведенные же нами выше стихи есть ничто иное, какъ перифразъ той евангельской мысли, что благодать Духа Св. дѣлаетъ мудрыми не только простыхъ умомъ, но даже младенцевъ. Замѣтимъ, кетати, что А. П. Шаповъ уже отказался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и на расколъ, и на «крестьянское народовластіе»!

Хлысты хотя иногда и поклоняются иконамъ, но гораздо охотнѣе молятся другъ на друга, говоря, что разумнѣе поклоняться живому человеку, въ которомъ, можетъ быть, обитаетъ Богъ, или Сынъ Божій, или Св. Духъ, чѣмъ дереву. Церковь отвергаютъ, таинства не признаютъ, потому что, по совершеніи ихъ, съ тѣми, надъ которыми они совершены, не происходитъ никакой видимой и чувствительной перемѣны, ничего подобнаго тому состоянію наптія, какое испытываютъ хлысты во время своихъ радніи (стр. 30). Назначеніе человека, по мнѣнію хлыстовъ, состоитъ въ борьбѣ со страстями, и особенно въ умерщвленіи плоти; они отличаются отъ скопцовъ только тѣмъ, что не допускаютъ осконченія: не трудно бороться съ убитымъ врагомъ, а ты поборись съ живымъ, говорятъ они. Впрочемъ, даже при настоящей неразработанности ихъ ученія, можно видѣть, что и относительно кастраціи они недалеко отъ скопцовъ и только благодаря своей робкой непослѣдовательности отступаютъ передъ логическими выводами послѣднихъ. Цѣль ихъ земной жизни все-таки состоитъ въ постепенномъ умерщвленіи плоти; человекъ долженъ умереть, воскреснуть и сдѣлаться *ателомъ*, ибо всѣ ангелы суть отжившіе

люди, сподобившіеся таинственнаго воскресенія (стр. 32). Напоминаемъ здѣсь изслѣдователямъ хлыстовщины и скопчества, что эти представленія объ умерщвленіи плоти и о превращеніи въ ангеловъ вели къ физическому оскотленію, между прочимъ, подъ вліяніемъ стариннаго византійскаго искусства, которое нерѣдко изображало ангеловъ евухами. Супружество хлысты считаютъ прелюбодѣніемъ на томъ основаніи, что они таинственно воскресли, а по словамъ Спасителя, въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели.

«Первый человекъ согрѣшилъ не тѣмъ, что вкусылъ отъ плода древа, а паденіемъ во грѣхъ супружескаго совокупленія» (стр. 30).

Таинственное воскресеніе о Христѣ состоитъ въ томъ, что въ человекѣ поселяется духъ божій и во глубинѣ души своей онъ находитъ царство божіе, которое внутри насъ. Такой человекъ вмѣсто своей воли получаетъ волю божію; все, что онъ ни дѣлаетъ, что ни говоритъ, дѣлаетъ и говоритъ живущій въ немъ Св. Духъ; онъ становится безгрѣшнымъ и ему, какъ праведнику, законъ не лежитъ.

«Даже такія дѣйствія таинственно воскресшаго, какъ развратъ пророка Радаева, сознавагоса при слѣдствіи въ связи съ тринадцатью женщинами, безпрекословно отдавшимися ему изъ повинновенія его пророческому авторитету, — не грѣхъ, а дѣло святое, такъ какъ оно было дѣломъ не Радаева, а живущаго въ немъ Духа» (стр. 33).

«Послѣднимъ «изобрѣтеннымъ» Христомъ сектанты считаютъ Петра III, который до сихъ поръ живетъ «во странахъ иркутскихъ». Должность христовъ исправляютъ пророки. Такой пророкъ есть въ каждой общинѣ, даже каждый членъ общины во время радѣній можетъ удостоиться дарованій Духа и пророчествовать. Власть пророка громадна и безусловна (стр. 31).

«Отвергая богослуженіе церкви и находя ея пѣснопѣнія недостаточными для своихъ радѣній, сектанты учатъ, что нужно Господеви всегда воспѣвать пѣснь нову» (стр. 2).

Но у нихъ много постоянныхъ, традиціонныхъ пѣсень, при составленіи которыхъ сюжеты взяты церковныя, но выраженія аллегорическія истолкованы буквально или наоборотъ. Такъ, напримѣръ, аллегорическія слова пѣсни «прійдите пиво (т. е. питье, напитокъ) пиемъ многое», послужили основаніемъ гимна:

«Варилъ пивушко-то Богъ,
Затиралъ Святой Духъ,
Сама Матушка сливала,

Вкупъ съ Богомъ пребывала;
Святы ангелы носили,
Херувимы разносили...» (стр. 55).

Главный обрядъ хлыстовъ — религіозная пляска, «потѣнне въ банѣ духовной», которое сопровождается пѣснями, проповѣдью, пророчествами, а заканчивается тушеніемъ свѣчь и развратомъ. На годовыхъ радѣньяхъ, во время пѣнія пѣсень въ честь «матушки сырой земли», выходитъ изъ подполья дѣвица и причащаетъ сектантовъ хлѣбомъ и квасомъ или изюмомъ, или другими ягодами (стр. 61). Гакстаузенъ слышалъ «отъ одного достовѣрнаго лица», будто бы у хлыстовъ есть еще причащеніе тѣломъ и кровью. «Они садятъ въ чанъ, наполненный теплою водою, шестнадцатилѣтнюю дѣвицу; старухи отрѣзываютъ у нея лѣвый носецъ, кладутъ его на блюдо, разрѣзываютъ на мелкіе куски и раздаютъ присутствующимъ, которые ѣдятъ ихъ». Разныя Добротворскіе и Мельниковы до сихъ поръ пересказываютъ это извѣстіе нѣмецкаго путешественника, хотя справедливость его рѣшительно ничѣмъ не подтверждается, равно какъ и справедливость того, что люди божіи хлещутся «святыми жгутиками».

Послѣ раскола старообрядства, секта людей божіихъ — «самый распространенный изъ существующихъ на Руси видовъ религіознаго разномыслія» (стр. 48). Но численности хлыстовъ все-таки невозможно узнать даже приблизительно, потому что многіе хлысты ведутъ себя по наружности совершенно какъ православные и считаются въ числѣ самыхъ усердныхъ ревнителей и жертвователей господствующей церкви. Каждый членъ ихъ общины обязывается страшными клятвами никому не открывать тайны своей секты (стр. 48).

«Между собою хлысты очень дружелобны; любятъ опрятность; брадобритіемъ и нѣмецкимъ платьемъ не гнушаются; пьянства между ними нѣтъ; они склонны къ книжному образованію» (стр. 63).

Словомъ, они не подаютъ никакихъ поводовъ къ начатию противъ нихъ того крестоваго похода, который проповѣдуетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Павелъ Мельниковъ. Много въ ихъ сектѣ дикаго и нелѣпаго, но въдѣ вся эта дичь, всѣ эти нелѣпости развились подъ вліяніемъ тѣхъ суевѣрій, которыя наполняли собою темное міросозерцаніе всего народа. Невѣжество, суевѣріе, бредни мистицизма могутъ быть побѣждены только при помощи свободнаго разума, посредствомъ серьезнаго народнаго образованія и свободы совѣсти.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Италія страдаетъ серьезною болѣзнію.—Итальянскій католицизмъ.—Выраженіе итальянской религіозности въ живописи и скульптурѣ.—Вліяніе духовенства на первоначальное образованіе и среднія учебныя заведенія въ Италіи.—Невѣжество профессоровъ и учителей въ школахъ, содержимыхъ духовенствомъ.—Статистика школъ въ Италіи.—Скolasтическое и классическое направленіе въ итальянскихъ гимназіяхъ и лицейхъ.—Частныя заведенія этого рода не далеко ушли отъ назовенныхъ.—Ихъ сравнительныя выгоды.—Печальное состояніе университетскаго преподаванія.—Паденіе искусства и литературы.—Независть итальянца къ труду.—Замѣтный недостатокъ честности.—Сами итальянцы виноваты въ бѣдствіяхъ, терзавшихъ ихъ отечество.—Мечты о преобладаніи Италіи, дѣлѣмыя ея мыслителями и государственными людьми.—Вредныя послѣдствія этого ученія для развитія Италіи.—Несостоятельность политическихъ партій въ Италіи.—Отсутствіе политическаго такта и талантовъ итальянскаго парламента.—Продажничество депутатовъ.—Взятки и казнокрадство.—Дѣло Лоббіа.—Рабская внѣшняя политика Италіи.—Ошибочные шаги новаго французскаго министерства.—Оно мало-по-малу теряетъ популярность въ самой буржуазіи.

Я теперь въ Италіи, разгуливаю по санъ-миниатской долинтѣ, люблюсь прелестными пейзажами въ горахъ Валомброза и долинахъ фьезольской и цистойской; останавливаюсь передъ массивными укрѣпленіями палаццо Веккіо, гдѣ возвышается легкая, красивая башня Сеньорин; рассматриваю массивный тяжелый Дуомо, фланкированный граціозной Кампанила, игрушкой въ 250 футовъ вышиной. Въ моихъ воспоминаніяхъ послѣдовательно проходятъ римскій Коллизей, Ватиканъ и Сенъ-Сіере; роскошный неаполитанскій заливъ съ пылающимъ Везувіемъ, итальянскія поля и сады съ богатой растительностію, бѣлые города Италіи, ея туманныя съ фіолетовымъ отбѣнкомъ горы, поднимающія свои вершины выше облаковъ. Я безпрестанно встрѣчаю безцѣльно-снующихъ по вѣтмъ направленіямъ лаццарони, я подвер-

гараж опасности быть раздавленным несущимися во всю прыть экипажам кардиналовъ; меня забрызгиваютъ грязью, меня обдають цѣлыми тучами пыли; я брожу среди транстеверинцевъ и транстеверинокъ; я смѣюсь надъ шутками пультипелло, я танцую тарантелу. Давно уже, съ той поры, какъ я помню себя, я мечталъ объ Италіи, я горѣлъ желаніемъ поскорѣ увидѣть эту чудную страну; Италія была моимъ идоломъ, мое воображеніе рисовало самыя плѣнительныя картины ея быта, ея роскошной природы. И вотъ наконецъ сбылись мои мечты, я увидѣлъ красавицу своими собственными глазами, я оцупалъ ее своими руками, для меня она уже перестала быть простой абстракціей, она преобразилась въ живое существо. Я любилъ ее страстно, я удивлялся ей до энтузіазма. Во имя моей любви къ ней я ненавидѣлъ Радецкого и талесковъ, я негодовалъ на автора кампо-формійскаго трактата, я няталъ искреннюю злобу къ тѣмъ господамъ, у которыхъ хватило рѣшимости подписать цюрихскій и виллафранкскій договоры. Мое сердце билось учащенными ударами, когда до моего слуха доходили имена Каироли, Бандіэри, Пизакане, Гарибальди. Я вѣрилъ, что Италіи суждена великая будущность, что скоро, очень скоро она достигнетъ своей высокой цѣли. И что же случилось съ этими великими надеждами, которыя электризовали всю Италію съ одного конца до другого? Что вышло изъ ея героическихъ усилий? Каково теперешнее ея положеніе? Увы, приходится сознаться, что положеніе ея самое плачевное, что иллюзія уступила мѣсто горькому разочарованію. Италія переноситъ тяжкую болѣзнь, лихорадочные припадки которой постоянно усиливаются и уже приближается время перелома. Противъ этой серьезной болѣзни, конечно, существуютъ подходящія лекарства, но ихъ почему-то въ дѣло не употребляютъ. Нѣтъ сомнѣнія, Италія оправится отъ своего недуга, она опять озаритъ улыбкой своихъ прекрасныхъ глазъ восхитенный міръ, улыбкой, похожей на прелестное весеннее утро; но теперь еще ее дожимаетъ сильный внутренний жаръ, ей дышется тяжело, голова горитъ, пульсъ бьется неровно, и лихорадочное состояніе съ каждымъ днемъ сопровождается болѣе и болѣе опасными симптомами...

Но что же это за болѣзнь, такъ сильно разѣдающая организмъ бѣдной Италіи?

Эта ужасная болѣзнь носитъ названіе *католицизмъ*. Да, именно итальянскій католицизмъ, — утверждаемъ это смѣло, такъ какъ насъ несколько не убѣждаютъ съ разныхъ сторонъ раздающіеся возгласы, доказывающіе, что въ итальянскомъ народѣ вовсе нѣтъ ханжества, что Ита-

лія далеко не такъ клірикальна, какъ думаютъ, что, напротивъ, въ релігійозныхъ вопросахъ она индифферентна едва ли не болѣе всѣхъ другихъ европейскихъ странъ. Но какъ бы тамъ ни было: ханжество ли тутъ причиною, наклонность ли итальянцевъ ко всему традиціонному, или суевѣріе, но только вотъ различные факты, извѣстные всему міру, которые достаточно ярко опредѣляютъ характеръ итальянскаго католицизма:

Когда торжествующій Гарибальди послѣ своихъ побѣдъ, при громкихъ восторженныхъ кликахъ ликующаго народа, вошелъ въ Неаполь, неаполитанское население смотрѣло на него, какъ на существо сверхъестественное, которое ни въ водѣ не тонетъ, ни въ огнѣ не горитъ, котораго не смѣетъ тронуть пуля или ядро, и однакожъ при всемъ этомъ Гарибальди долженъ былъ принять участіе въ знаменитой процессіи «*инедиротта*», такъ какъ въ Неаполѣ человекъ, осмѣлившійся усумниться въ чудесахъ св. Януарія, можетъ подвергнуться большимъ неприяностямъ и утратить всякую популярность.

Кому неизвѣстенъ тотъ фактъ, что итальянскіе воры, пускаясь на промыселъ, всегда обращаются съ молитвами къ своимъ патронамъ, прося ихъ помощи. Разбойникъ на большой дорогѣ, направляя свое ружье въ грудь путешественника, предварительно набожно перекрестится. Если совершается убійство изъ мести, то убійца старается подкараулить свою жертву именно въ тотъ моментъ, когда та совершаетъ грѣхъ, считающійся, въ мнѣніи убійцы, смертнымъ. Лоттерейный билетъ въ Италиі берутъ не иначе, какъ на счастье какого нибудь святого. Въ лавкахъ, занимающихся продажей лоттерейныхъ билетовъ, ящики съ ними всегда ставятъ подъ образами, передъ которыми и день, и ночь горятъ неугасимыя лампы. Между многими сосѣдними деревнями существуютъ давнишнія соперничества по поводу того, что каждая изъ нихъ желаетъ, чтобы икону въ ея часовнѣ или церкви считали болѣе чудотворной; эти соперничества иногда разыгрываются весьма трагически: спорящіе выходятъ другъ противъ друга съ ножами въ рукахъ и кровавымъ боемъ рѣшаютъ свой споръ. Назовете ли вы эти черты народнаго міровоззрѣнія релігіей, или первобытными вѣрованіями, или, наконецъ, суевѣріемъ, — сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣнится.

Но, говорятъ, итальянская жизнь представляетъ также факты совсемъ иного рода, ясно доказывающіе, что пресловутая релігійозность итальянцевъ не болѣе, какъ выдумка завзятыхъ кліриковъ. Года два или три тому назадъ неаполитанскимъ префектомъ былъ назначенъ

однѣ изъ свободныхъ мыслителей. По неаполитанскому обычаю, на наружныхъ фасадахъ публичныхъ зданій и многихъ частныхъ домовъ висѣли иконы разныхъ святыхъ, убранныя самымъ католическимъ образомъ, и передъ ними горѣли лампады. Префектъ распорядился, чтобы всѣ эти иконы были сняты и полиція въ одну ночь исполнила приказаніе. Къ удивленію всѣхъ, народъ отнесся совершенно безразлично къ этой мѣрѣ, которая, повидимому, должна была сильно оскорбить его религіозное чувство.

Однако что же доказываетъ этотъ фактъ? Не болѣе, какъ противорѣчіе. Характеръ цѣлаго народа, также какъ и индивидуальный характеръ, полонъ противорѣчій, и также, какъ и онъ, подчиняется закону дуализма; строгое единство существуетъ лишь въ абстрактныхъ теоріяхъ.

Нѣсколько дней тому назадъ, въ бытность мою въ Неаполѣ, я посѣтилъ одинъ изъ трехсотъ его храмовъ, ничѣмъ, впрочемъ, отъ другихъ не отличающуюся приходскую церковь Санъ-Джиакомо делла Марко. День былъ воскресный и въ церкви шла обѣдня. Публики въ ней было не мало, по крайней мѣрѣ, человекъ 200 мужчинъ и 250 женщинъ. Характеръ живописи и скульптурныхъ изображеній много помогаютъ уясненію характера религіозности страны. Вотъ почему прежде всего я занялся разсматриваніемъ того и другого, а также различныхъ символическихъ надписей на стѣнахъ церкви.

Вотъ рождество Иисуса Христа. Младенецъ лежитъ на соломѣ; подлѣ него Мадонна, совершенный типъ прелестной абруцской пастушки; она съ любовью разсматриваетъ свое дитя; тутъ же стоящіе пастухи въ бараньихъ или козлиныхъ шкурахъ проникнуты тѣмъ же чувствомъ нѣжности къ ребенку; картина дополняется быкомъ и осломъ, помѣщенными на заднемъ планѣ, сбоку. Фигуры сдѣланы почти въ натуральную величину, рисунокъ граціозный, запечатлѣнный наивностью. Еслибъ не изображенія ангеловъ, эту картину можно бы было принять за воспроизведеніе обыкновенной житейской сцены. Вѣрность натурѣ здѣсь поразительна, исполненіе артистическое, но спрашивается: въ какой степени эта картина религіозна? Понятіе о религіозности вообще чрезвычайно условное. Имъ въ извѣстныхъ видахъ и съ извѣстною цѣлю можно объяснить многое. Фанатическая преданность патеру у католиковъ называется религіозностію; нападеніе на развратъ католическаго духовенства, этими достопочтенными господами разсматривается какъ безбожіе, святотатство. Многія церемоніи, рѣшительно неимѣющія въ себѣ ничего религіознаго, римская курія ради своихъ

выгодъ выдаетъ за священныя и неисполненіе ихъ караетъ отлученіемъ отъ церкви. Гдѣ же искать мѣрило религіозности? Вопросъ чрезвычайно затруднительный для разрѣшенія.

Но пойдемъ далѣе. Передъ нами другая картина: св. Семейство: Мадонна учитъ читать своего сына. Вверху картины изображены Богъ Отецъ, ободряющій младенца, Духъ Святой, льющій ему свѣтъ на голову, и херувимы, на лицахъ которыхъ выражена высочайшая степень изумленія. Старикъ Іосифъ нарисованъ на заднемъ планѣ картины; какъ и обыкновенно, на лицѣ его выраженіе глубокаго размышленія; вся фигура его говоритъ, что онъ ничего не понимаетъ изъ того, что происходитъ у него на глазахъ. Кромѣ живописца надъ созданіемъ этой картины работали и другіе мастера: сандаліи не нарисованы, а сдѣланы изъ настоящей кожи, фонарь изъ жести, суновья чаша изъ олова, сіяніе вокругъ лицъ изъ позолоченнаго серебра. Реальность поразительная! Или, вотъ статуя св. Сиро, медика, пустычника и мученика. Прикосновеніе къ его одеждѣ до сей поры исцѣляетъ больныхъ. Статуя св. Сиро, элегантнаго, красиваго, здороваго молодого человѣка, одѣта въ настоящее бархатное платье, обшитое галунами и вышитое золотомъ; на ея рукахъ и шеѣ надѣты, а на платьѣ приколоты кольца, серьги, цѣпи, булавки, по большей части золотыя съ драгоценными камнями. Статуя заперта въ стеклянномъ ящикѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нею заключены металлическія ноги, руки, бедра, груди, головы и другія части человѣческаго тѣла (всѣ безъ исключенія), пожертвованныя выздоровѣвшими. Въ виду такого обилія золотыхъ и серебряныхъ приношеній, выставленныхъ всеѣмъ на показъ, можетъ ли кто относиться скептически къ рассказамъ патеровъ о безчисленныхъ исцѣленіяхъ, полученныхъ отъ платья святой статуи. Самый закоренѣлый долженъ повѣрить и невольно внесетъ въ пользу патеровъ и свою лепту.

Еще далѣе св. Варвара съ пальмовой вѣтвію въ рукахъ; ее окружаютъ свинцовые солдаты, вооруженные деревянными ружьями.

Тутъ же недалеко плачущая св. Матерь передъ крестомъ. Она одѣта въ настоящее богатое бархатное платье съ настоящимъ батистовымъ платкомъ въ одной рукѣ и съ огромнымъ букетомъ въ другой. На нее навѣшано множество гирляндъ изъ голубыхъ и розовыхъ лептѣ.

Нагота здѣсь въ большомъ ходу; на картинахъ безпреставно встрѣчаются какъ мужскія, такъ и женскія фигуры, почти совершенно лишенные одежды. Стендгаль совершенно вѣрно замѣтилъ, что католи-

ческая религія никогда бы не утвердилась въ Италіи, еслибъ она возстала противъ наготы въ изображеніяхъ.

Самая масса въ Италіи скорѣе похожа на концертъ или театральное представленіе, чѣмъ на церковную службу. Все общество делла-ширкскаго квартала собралось въ церковь, какъ на какой нибудь балъ; дамы въ перьяхъ и въ шелковыхъ платьяхъ, взрослые дочки въ своихъ лучшихъ нарядахъ, голубыхъ, красныхъ, зеленыхъ, въ браслетахъ, брошкахъ, бусахъ и проч.; кавалеры, также разряженные, пожимаютъ глазами своихъ возлюбленныхъ и стараются занять мѣсто на скамьѣ подлѣ предмета своей страсти. Во время службы красивые мальчики изъ хора поютъ соло теноровыя партіи, сопровождая пѣніе театральными жестами; музыка органа часто переходитъ въ балетный тонъ.

Неознакомившись подробно съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, въ самомъ дѣлѣ, рѣшительно невозможно придавать серьезнаго значенія итальянской религіи. Въ Италіи церкви живутъ очень веселую вышность; множество оконъ изъ безцвѣтныхъ стеколъ пропускаютъ много свѣта внутрь церквей. Ихъ стѣны горятъ блескомъ золота и драгоценныхъ камней, а въ эти драгоценныя рамы вставлены картины, на которыхъ нарисованы прелестныя, молодыя, свѣжія женскія фигуры; однѣ изъ нихъ полуобнаженныя, другія разодѣты въ роскошныя костюмы свѣтскихъ барынь. Всѣ эти Магдалины, Агнесы, Цециліи, Розы, Бланшъ отличаются самой земной красотой лицъ, стройностію стана и граціозностію позы. Во всѣхъ этихъ изображеніяхъ на первый планъ поставлена чувственность. Этому-то особенному складу итальянской религіозности іезуиты обязаны своимъ торжествомъ въ XVII вѣкѣ; но за то какъ бы въ благодарность за полученную помощь какія тяжелыя цѣны наложили они на весь міръ и въ особенности на противившую ихъ Италію, гдѣ имъ жилось такъ хорошо. Подобно тому, какъ Діоклетіанъ душилъ своихъ гостей дождемъ изъ розъ, — Италію отравила свою душу, удивалась сладкими рѣчами своихъ коварныхъ патеровъ іезуитскаго зачала. Какъ ловко и умно эти господа съумѣли примѣниться къ характеру итальянцевъ и, воспользовавшись ихъ наивнымъ добродушіемъ, создали для нихъ такую религію, которая не требовала никакого труда для выполненія ея предписаній и уставовъ. Эта итальянская католичко-іезуитская религія, съ перваго взгляда не имѣетъ ничего серьезнаго, она такъ легка на видъ, но между тѣмъ она овладѣла душами людей и поманила цѣлую націю. «Рыболовъ людей», сидящій въ Ватиканѣ, закидываетъ свою сѣть въ

мутныя воды человечества. Его сътъ шелковая, вѣжная, розовая, эластичная. Она стягиваетъ такъ легко, что почти незамѣтны ея нуты, она не беспокоитъ ни одинъ членъ отдѣльно, но держитъ въ плѣну все тѣло. Ни одна религія не представляетъ такой легкости для перехода въ нее, какъ католическая. «Если переходъ въ католицизмъ не влечетъ за собой особенныхъ благъ, говорить тогда дурачковъ и огромное большинство невѣрующихъ, — то, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не причиняетъ никакого зла»; — и идетъ она послушно за ловкимъ патеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего требуетъ католическая церковь отъ своихъ членовъ? Боржотать молятвы на латинскомъ языкѣ съ правомъ не понимать ихъ; наружно исповѣдываться и причащаться — и болѣе ничего. Состоятельныхъ людей она избавляетъ даже и отъ этихъ формальностей: они цѣною денегъ могутъ выкупать обязанность молиться, исповѣдаться и причащаться: церковь исполнитъ за нихъ всѣ эти трудныя обязанности. Даже воры, грабители и разбойники могутъ откупиться отъ своихъ грѣховъ: исповѣдь и известная сумма денегъ даютъ имъ отпущеніе и мирятъ ихъ съ собственною совѣстію. Итальянскому католику все дозволяется, лишь бы онъ жилъ въ мирѣ съ своимъ патеромъ.

Этотъ недугъ итальянскаго католицизма терзаетъ Италію и ослабляетъ всѣ ея жизненныя отправления. Впрочемъ всѣ католическія страны тоже страдаютъ болѣзнію своего католицизма, и чѣмъ страна католическѣе, тѣмъ недугъ ея сильнѣе. Иезуитизмъ уничтожилъ у нихъ любовь къ правдѣ и ненависть ко лжи. Католицизмъ сталъ раздавателемъ добродѣтели, обративъ эту функцію въ свою исключительную монополію. Въ Италіи нравственныя правила стоятъ ниже не только странъ протестантскихъ, но даже мусульманскихъ и поклонниковъ Брамы, Буды и Маниту. А известно, что сколько честности въ сношеніяхъ гражданъ между собою, столько же правосудія въ отношеніяхъ правительства къ гражданамъ, ни болѣе, ни менѣе. Публичная честность и политика весьма точно соразмѣряются съ нравственностію, проявляющеюся въ сношеніяхъ между частными людьми. Италія находится въ самомъ безотрадномъ положеніи въ отношеніи нравственности. Публичная честность въ ней — добродѣтель весьма исключительная, а правосудіе — самаго сомнительнаго свойства. Съ грустью произносимъ мы это суровое осужденіе, но правда прежде всего; тяжело намъ выговаривать эти обвинительныя рѣчи, съ которыми такъ часто выступали враги Италіи, бывшіе въ то же время и врагами свободы; но мы такъ горячо любимъ отечество Гарibaldi, что считаемъ дол-

гошь говорить его соотечественникамъ горькую правду и вполне убѣждены, что насъ никто не рѣшится смѣшивать съ ихъ врагами и друзьями папства и порабощенія Италіи. Мы любимъ Италію, какъ часто любятъ свою любовницу, прекрасную, вѣроломную и даже не совсѣмъ честную; мы любимъ ее, не питая къ ней особеннаго уваженія. Кто изъ людей нашей генераціи, которые при Марсаль, Аспромонте, Ментанѣ, охотно отдали бы за Италію свою жизнь, съ горестію не повторить этой печальной, но, тѣмъ не менѣе, вѣрной фразы: «патеры обезобразили Италію, іезуиты ее развратили?»

Первоначальное образованіе и даже среднія учебныя заведенія находятся въ рукахъ патеровъ не только въ Римѣ, не только въ бывшей Церковной области и Неаполѣ, но даже и во Флоренціи, главной квартирѣ итальянскаго либерализма. Въ самой столицѣ, въ центрѣ итальянской цивилизаціи, просвѣщенные, буржуа отдають своихъ дѣтей не въ правительственные лицей и гимназіи, или подобныя же заведенія, находящіяся въ частныхъ рукахъ, а въ школы, содержимыя достопочтенными патерами; на одного ученика, слушающаго курсъ у свѣтскихъ профессоровъ, приходится десять юношей, почерпающихъ мудрость изъ устъ наставниковъ, носящихъ сутану. Либералы находятъ подобное положеніе вещей весьма натуральнымъ. Потому, видите ли, что воспитаніе у духовенства обходится несравненно дешевле, чѣмъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя учать они несравненно хуже, чѣмъ свѣтскіе учителя. «Къ тому же, прибавляютъ эти наивные люди, — наши патеры народъ весьма разумный, они вмѣстѣ съ нами подсмѣиваются надъ Силлабусомъ, и если, преподавая римскій катехизисъ, толкують своимъ ученикамъ о непогрѣшимости папы, то дѣлають это для одной формы; они сами плохо вѣрятъ тому, что заставляютъ заучивать, и наши сыновья конечно идутъ по ихъ стопамъ. Что же касается нашихъ женъ и дочерей — это другое дѣло: онѣ должны вѣрить всему, вѣра составляетъ для нихъ существенную необходимость, и эту истину прекрасно понимаютъ патеры и прилагають все старанія точно и неупустительно примѣнять ее на практикѣ.»

Эти профессора Силлабуса отличаются такимъ непроходимымъ невѣжествомъ въ самыхъ обыденныхъ вещахъ и азбучныхъ понятіяхъ,

что оно привело бы въ ужасъ всякаго честнаго нѣнца; профессора философіи въ итальянскихъ семинаріяхъ знаютъ въ десять разъ лучше любого деревенскаго школьнаго учителя въ Пруссіи. Они невѣжественны въ области научныхъ знаній, повторяемъ мы, но есть спеціальности, въ которыхъ они весьма свѣдуци. Во всемъ, что только имѣетъ связь съ «дѣлами плоти», они знатоки, и охотно передаютъ приобретенный опытомъ познанія своимъ маленькимъ ученикамъ и ученицамъ. И доминиканцы, и іезуиты одинаково любятъ толковать о скромныхъ предметахъ съ своимъ питомцамъ, будто бы въ видахъ ихъ моральнаго исправленія. Они до того привержены къ этой наукѣ, что, боясь отставать отъ времени, собираются вмѣстѣ и совѣщаются общими силами на счетъ новѣйшихъ скандальныхъ происшествій клубничнаго свойства.

Замѣчательно, что въ Болоніи, въ Эмилии и вообще въ провинціяхъ, которыя некогда носили на себѣ яркое пятно папскаго владычества, гораздо ярче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Италіи, проявилась антипатія къ клерикальному обученію. Муниципалитеты этихъ городовъ высказались противъ допущенія папскаго въ школы и въ этихъ видахъ даже запретили религіозное обученіе въ первоначальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Однакожь, по этимъ изолированнымъ манифестациямъ, вовсе не слѣдуетъ заключать о проявленіи серьезной оппозиціи противъ клерикальнаго обученія во всемъ итальянскомъ королевствѣ; адѣсь клерикалы господствуютъ еще по прежнему, и ихъ господство едва ли сколько нибудь ослабѣло противъ того времени, когда Италія была раздѣлена на много мелкихъ государствъ.

Изъ официальныхъ документовъ, опубликованныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія видно, что въ концѣ 1868 года Италія имѣла всѣхъ родовъ первоначальныхъ школъ — правительственныхъ, частныхъ и находящихся въ завѣдываніи духовенства—около 37 тысячъ, т. е. одну школу на 670 человекъ населенія. Такую пропорцію нельзя назвать ничтожною, но необходимо при этомъ также принять въ расчетъ среднее число учениковъ въ каждой школѣ и имѣть понятіе о качествѣ школьнаго образованія. Скажемъ, между прочимъ, что эта пропорція измѣняется въ разныхъ частяхъ итальянскаго королевства; такъ, въ Пиемонтѣ одна школа приходится на 384 человека населенія, въ Ломбардіи на 436, въ Тосканѣ и Маркіяхъ на 670, въ Эмилии на 718, въ Абруцѣ и Калабрии на 1,000, въ Базиликатѣ и Сициліи на 1,660; на сѣверѣ въ четыре раза благоприятѣе, чѣмъ на югѣ. Въ этихъ 37 тысячахъ школъ числятся 38,500 наставни-

ковъ и наставницъ; послѣднія составляютъ менѣе третьей части всего числа учащихся.

Всѣ эти школы посѣщаются полутора милліонами дѣтей, что составляетъ 6 учащихся на 100 человекъ всего населенія; но какъ въ Италіи дѣтей школьнаго возраста 15% общаго числа жителей, то выходитъ, что изъ нихъ 9% вовсе не посѣщаютъ школы. Такимъ образомъ три пятыхъ дѣтскаго населенія Италіи лишены всякаго образованія. Разница между сѣверомъ и югомъ Италіи въ числѣ учащихся еще равнѣе, чѣмъ въ численности школъ. Въ то время, какъ въ туринскомъ округѣ обучается 15,40% населенія, въ сицилійскомъ только 1,7%, т. е. въ девять разъ менѣе.

Такъ какъ учительская должность вознаграждается весьма скудно, то нечего и говорить, что большинство наставниковъ состоитъ изъ людей неприготовленныхъ къ своему дѣлу и взявшихся за него только потому, что они не могли отыскать себѣ, по своей бездарности или невѣжеству, другого, болѣе благодарнаго занятія. Горбатыя, хромыя, люди слишкомъ слабыя для кузнечной или плотничьей работы, портныя, которые не могутъ уже вдѣть нитку въ иглу, до того у нихъ ослабли глаза, военные унтеръ-офицеры, получившіе чистую отставку — вотъ преимущественный контингентъ учителей первоначальныхъ школъ. Такіе господа, разумеется, не смѣютъ розинуть рта передъ приходскимъ патеромъ, ихъ естественнымъ врагомъ, передъ мэромъ, синдикомъ и ихъ помощниками.

Самая первая красавица въ свѣтѣ не можетъ дать болѣе того, что она имѣетъ, точно также невѣжественный наставникъ можетъ передать своимъ ученикамъ лишь то, что онъ знаетъ. Онъ обучаетъ ихъ катехизису и тѣмъ речевостію повторяетъ его съ ними, чѣмъ менѣе самъ понимаетъ его. Затѣмъ обучаетъ дѣтей чтенію, письму и немножко арифметикѣ. Для юныхъ честолюбцевъ, на полѣ науки къ этому иногда прибавляютъ священную исторію, краткое начертаніе римской исторіи, краткіе рассказы изъ жизни Савойскаго дома и наконецъ начатки географіи и грамматики. Такъ что даже самые привилегированные изъ учениковъ итальянскихъ первоначальныхъ школъ выходятъ оттуда едва ли не съ единственнымъ познаніемъ, что римскій папа есть владыка королей и императоровъ, народовъ и націй, идей и знаній, неба, земли и ада; — далѣе этого они почти ничего не выносятъ; они не знаютъ даже, что земля вертится вокругъ солнца. Къ тому же итальянская школа узаконяетъ и развиваетъ въ ребѣмъ всѣ тѣ суевѣрія и предрассудки, которые онъ воссоздалъ съ мо-

локомъ матери. Такое-то образованіе получаютъ дѣти народа, лучше сказать, дѣти земледѣльческой аристократіи и пролетаріата. Плебсъ этихъ сословій не пользуется даже и этими крупными образованіями, и его дѣти на всю жизнь остаются безграмотными.

Дѣти буржуазіи получаютъ образованіе въ среднихъ школахъ. Они могутъ оканчивать курсъ въ техническихъ заведеніяхъ, гдѣ пробывъ нѣсколько лѣтъ выходятъ съ познаніями, нужными для купеческой конторы или промышленнаго заведенія; а если такое образованіе сочтутъ недостаточнымъ, то для нихъ открыты двери университетовъ. Будущіе адвокаты и медики проходятъ сначала курсъ гимназіи, потомъ лицей и въ заключеніе университетскій.

Итальянскія гимназіи и лицей очень мало отличаются отъ такихъ же французскихъ заведеній; они, впрочемъ, еще хуже своихъ образцовъ. И тѣ и другія придерживаются системы воспитанія и методовъ обученія, полученнымъ въ наслѣдство отъ іезуитовъ и семинарій. Гимназіи, втеченіи пяти лѣтъ, набиваютъ головы учениковъ латынью и греческимъ языкомъ, чему юноши учатся очень плохо и сейчасъ же забываютъ по выходѣ изъ заведенія. Имъ преподаютъ самымъ нелѣпнымъ образомъ географію и исторію, заставляя заучивать одни имена и числа, даютъ кое-какія познанія изъ геометріи, и тѣмъ заканчиваютъ воспитаніе. Потомъ юношу перетаскиваютъ въ лицей и тамъ три года къ ряду изощряютъ его умъ надъ риторикой и такъ называемой философій, которая въ сущности есть ничто иное, какъ католическая софистика и схоластика, а не даютъ никакого понятія, хоть бы, напрямѣръ, объ исторіи иностранныхъ литературъ. Частныя среднія заведенія недалеко ушли отъ казенныхъ; одни изъ нихъ ничто иное, какъ печальныя торгашескія спекуляціи; другія просто рабская копія съ казенныхъ; наконецъ, третьи отличаются тѣмъ, что проходятъ весь курсъ не въ 8 лѣтъ, какъ въ казенныхъ, а въ 6, и такимъ экономизированіемъ времени оказываютъ большую услугу своимъ питомцамъ, не такъ болѣзненно развивая ихъ память и не такъ забывая ихъ умъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ самый курсъ преподаванія нѣсколько лучше: обращается болѣе вниманія на математическія науки и схоластика пользуется далеко не такимъ уваженіемъ, какъ въ казенныхъ заведеніяхъ; къ чести ихъ, они мало хлопочатъ о формалистикѣ и даютъ большую свободу своимъ ученикамъ, что дѣйствуетъ благотворно на здоровье юношей.

Что мы сказали о гимназіяхъ и лицейяхъ, тоже можно повторить и объ университетахъ: итальянскіе университеты хуже французскихъ.

Это чисто эклектический пандемоніумъ. Здѣсь представляются всѣ мнѣнія, во урѣзанныя, приглаженныя, подведенныя подъ одну мѣрку, согласно съ программю. Сократъ, Платонъ и Аристотель; Лукрецій, Плотинъ, Филонъ, Абельяръ и Сен-Бернардъ; Гильомъ де-Шамперо, Ансельмъ, Огюстинъ, Кантъ, Гегель, Юмъ, Гольбахъ, Фихте, Вико, Джордано Бруно, — всѣ эти мыслители и писатели одѣты въ новое платье университетскиихъ портнымъ, и носятъ всѣ, болѣе или менѣе неловко, официальную форму. Профессора дружелюбно согласились раздѣлить между собою роли: тѣ, которые умѣютъ только думать — молчать; тѣ же, которые не умѣютъ думать, ораторствуютъ; но всѣ они одинаково пытаются неблаговоиннымъ рагу, составленнымъ изъ всѣхъ системъ и всѣхъ мнѣній, бывшихъ нѣкогда въ обращеніи; всѣ они пьютъ изъ одного и того же кувшина, наполненнаго слитками изъ разныхъ стакановъ, стклянокъ и бутылокъ съ виномъ, пивомъ, ликеромъ и прованскимъ масломъ, оставшихся послѣ баловъ въ семейныхъ домахъ, въ трактирахъ и портерныхъ. Искренности, свѣжести, ясности, молодости не ищите во всей этой смѣшанной массѣ. Можно ли создать какую нибудь здравую систему, кидая беспорядочно въ кучу отрывки всевозможныхъ системъ. И выходитъ изъ всего этого ни философія, ни религія, а что-то такое неизмѣющее ни имени, ни прозванія — тезисъ, проповѣдываемый атеистами, практической матеріализмъ и теоретическій супернатурализмъ, — наука, припоровляемая ко вкусу глупцовъ, проще сказать, никакой науки.

Буржуазизмъ, ослабленный нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Франціи, Германіи, Бельгіи, Швейцаріи и Англии, до сей поры господствуетъ съ нескрушимой силой и въ своемъ первобытномъ видѣ въ Италіи. То, что нѣкогда, при Луи-Филиппѣ, совершалось во Франціи, теперь повторяется въ Италіи, гдѣ Ратацца олицетворяетъ собою Тьера, а Риказольи — Гизо.

Невѣжество народа и университетскій буржуазизмъ — невѣжество въ иной, болѣе красивой по внѣшности, формѣ — имѣютъ своимъ результатомъ паденіе въ Италіи искусства, поэзіи и литературы. Съ давнихъ поръ Италія пробавляется задами и не даетъ міру никакой новой мысли. Стихи, расписываемые подъ аккомпаниментъ органа

или гитары, неаполитанскія и венеціанскія импровизаціи, которыми такъ тщеславятся на Апенинскомъ полуостровѣ, — невозможны для чтенія; музыку, къ нимъ подобранную, еще можно слушать съ удовольствіемъ, но надо имѣть нечеловѣческое терпѣніе, чтобы прочитывать ихъ нелѣпный текстъ; эти стихи имѣютъ характеръ религіозно-феодальный, плаксивый, сентиментальный, почти всегда, впрочемъ, лишенный всякаго смысла. Недалеко ушли отъ этихъ романсовъ итальянскіе романы и театральныя пьесы, надутыя, неестественныя, съ самыми глупыми претензіями, — это воспроизведеніе въ разныхъ видахъ Рокамболей, обезображенное подражаніе Поль-де-Коку, Законе и Понсонъ дю-Терайлю, подражаніе, выкапывающее самыя дурныя стороны этихъ авторовъ и преувеличивающее ихъ до послѣдней крайности.

Другой отзывъ о современной итальянской литературѣ сдѣлать едва ли возможно. Что же касается искусства, то, несмотря на то, что въ Италіи собраны образцовыя произведенія знаменитыхъ художниковъ, новѣйшія ея картины ниже всякой посредственности. Въ скульптурѣ, впрочемъ, Италія можетъ съ честію соперничать съ Франціей и Германіей; въ музыкѣ она имѣетъ Россини и Верди. Италія хвалится также своими архитекторами; итальянцы говорятъ, что въ ихъ архитектурѣ несравненно болѣе вкуса, чѣмъ въ архитектурахъ другихъ европейскихъ націй, и что еслибъ ихъ архитекторамъ дали большія матеріальныя средства, то онѣ навѣрное произвели бы что нибудь грандіозное. Это возможно, но тоже самое, кажется, имѣли бы право утверждать и архитекторы другихъ націй, хотя, по правдѣ сказать, итальянская архитектура отличается многими своеобразными достоинствами. Музыкальныя и архитектурныя способности итальянцевъ показываютъ, что еще не всѣ отрасли искусства дошли въ Италіи до окончательнаго упадка. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что введеніе дарового и обязательнаго обученія и отстраненіе католическаго духовенства отъ главнаго завѣдыванія первоначальными школами быстро двинетъ страну по пути прогрессивнаго развитія и поставитъ итальянскую націю опять во главѣ новой эпохи возрожденія. Потому что едва ли какой народъ въ мірѣ болѣе итальянскаго одаренъ такой громадной чуткостью во всемъ, что касается искусства вообще. Итальянецъ — артистъ по натурѣ. Это-то качество, по мнѣнію многихъ, и служитъ облегчающимъ обстоятельствомъ при обсужденія темныхъ сторонъ итальянской жизни. Для иностранца итальянецъ часто бываетъ невыносимъ, но болѣе близкое съ нимъ знакомство вскорѣ уничтожаетъ

первое непріятное впечатлѣніе. Вы видите, что итальянецъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы по временамъ не напускать на себя роли непризнаннаго поэта, художника или героя, но пройдетъ его блажь, и передъ вами опять прежній, немного наивный, но милый собесѣдникъ. Итальянецъ похожъ на эолійскую арфу, которая издастъ звукъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка, но за то она и можетъ издавать его только при помощи одного вѣтра. Южное вдохновеніе, подъ наитіемъ котораго дѣйствуетъ итальянецъ, иногда производитъ чудеса. Это вдохновеніе великолѣпно характеризуемо Виргиліемъ въ типѣ Сивиллы, которая, подъ вліяніемъ его, чувствуя въ себѣ изумительную перемѣну, стремительно всходитъ на свой жреческій треножникъ, вся дрожитъ, глаза ея блуждаютъ, а уста произносятъ необычныя рѣчи, потрясающія слушателей; но проходитъ вдохновеніе, профѣтесса успокаивается и становится опять обыкновенной женщиной.

Въ этихъ артистическихъ качествахъ характера итальянскаго народа лежитъ главнѣйшая причина его невѣжества, потому что послѣднее всегда пропорціонально способностямъ. Это опредѣленіе только съ перваго взгляда кажется парадоксальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, легкость познавательныхъ способностей влечетъ за собою лѣность ума, а послѣдняя всегда сопровождается невѣжествомъ. Пьемонтцы, отличающіеся сравнительно съ другими своими братьями итальянцами болѣе тупыми способностями, неутомимы въ наукѣ и съ особеннымъ стараніемъ приобрѣтаютъ знанія; они самые образованные во всей Италіи. Но по мѣрѣ приближенія къ югу, невѣжество и суевѣріе возрастаютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, возвышаются способности. Подобное явленіе замѣчается и во Франціи; такіе же выводы какъ въ Италіи, можно сдѣлать, сравнивая другъ съ другомъ эльзасцевъ и гасконцевъ. Тоже при сравненіи прусаковъ съ австрійцами. Къ одинаковымъ же результатамъ приводитъ изученіе британскихъ острововъ, гдѣ не особенно далекіе англичанинъ и шотландецъ, благодаря сильно развитой въ нихъ волѣ и съ пособіемъ высшаго образованія, господствуютъ надъ ирландцемъ, отличающимся несравненно высшими способностями и большимъ великодушіемъ, чѣмъ его завоеватели и эксплуататоры.

Подобно ирландцу, который подъ вліяніемъ безконечно развитаго у него воображенія и легкости соображенія, лжетъ на каждомъ шагу, — также неотличающійся особенной любовью къ истинѣ, итальянецъ презираетъ простую и честную работу. Ничего онъ не можетъ сдѣлать просто, вездѣ ему нужны разныя хитросплетенія и запутанныя комбинаціи. Всякое дѣло для итальянца служитъ предлогомъ къ спе-

куляціямъ, которыя, цѣпляясь одна за другую, мѣшаютъ другъ другу и, разумѣется, кончаются неминуемымъ раззореніемъ спекулятора. Отсюда вся эта скандальная грязь въ управленіи государственными финансовыми дѣлами въ Италіи, которая бросаетъ такую тѣнь на репутацию итальянскаго народа. Итальянскій финансистъ считаетъ недостойнымъ своихъ пылкихъ способностей прибѣгать къ обыкновеннымъ разумнымъ мѣрамъ, ему подавай что нибудь по-забористѣе. Въ управленіи денежными дѣлами онъ подобенъ своей женѣ, которая ни за что не станетъ покупать товаръ въ магазинѣ, гдѣ онъ продается дешево и безъ торга, а отправится туда, гдѣ ей можно вдоволь поторговаться и заплатить въ три дорога. Господинъ, имѣющій потребность въ тысячѣ рубльяхъ для своихъ торговыхъ операцій, ни за что не займетъ ихъ на обыкновенныхъ условіяхъ, а вымыслитъ такія махинаціи, которыя непременно будутъ сопровождаться потерями какъ для него, такъ и для лицъ, ведущихъ съ нимъ дѣла. Природа сдѣлала все, что было можно для итальянца; она дала ему лучшую въ мірѣ страну, самымъ благопріятнымъ образомъ расположенную для сношеній съ цѣлымъ міромъ; въ ней есть все: и приморскіе порты, и горы, и плодородныя равнины и долины. Итальянскій народъ отъ природы одаренъ блестящими способностями. Но самъ же итальянецъ сдѣлался самымъ опаснымъ врагомъ своего отечества. До послѣдняго времени итальянцы еще могли съ кажущимся правдоподобіемъ сваливать всѣ несчастія своей страны на пришельцевъ-иностранцевъ, на ненавистныхъ имъ forestiere. Теперь же, когда въ Италіи — кромѣ Рима, гдѣ бонапартовскіе солдаты защищаютъ папу — всѣхъ дѣйствуютъ сами итальянцы, сдѣлалось для всѣхъ очевиднымъ, что причина долговременныхъ несчастій, раздирающихъ Италію, есть причина внутренняя, а вовсе не внѣшняя. Втеченіе многихъ вѣковъ итальянцы обвиняли въ своихъ несчастіяхъ то французовъ, то норманновъ и сарациновъ, то турокъ и французовъ, то австрійцевъ и германскихъ императоровъ. Нѣтъ спору, всѣ эти похитители итальянской свободы виновны въ бѣдствіяхъ Италіи, но въ нихъ еще болѣе виновны сами итальянцы. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что народъ, имѣвшій силу покорить всѣ извѣстныя націи древняго міра, въ состояніи защитить себя отъ нападеній своихъ сосѣдей? И онъ бы защитился, но каждый муниципалитетъ желалъ господствовать надъ всѣми прочими и для того призывалъ къ себѣ на помощь то папу противъ императора, то наоборотъ — императора противъ папы; французовъ противъ испанцевъ, турокъ противъ иѣмцевъ и пр.; такимъ образомъ итальянецъ всегда

былъ сообщникомъ или подстрекателемъ злоумышленій, результатомъ которыхъ было раззореніе и упадокъ его отечества.

Какъ ни бѣдственно прошедшее Италиі, тѣмъ не менѣе въ немъ было много славнаго, но это-то и худо. Изъ всѣхъ націй, изнемогающихъ подъ тяжестью традицій, итальянская несетъ на себѣ самое тяжелое бремя. Уже одного того было бы достаточно, что она два раза владычествовала надъ цѣлымъ міромъ—въ первый разъ, фактически, при императорахъ, второй, теоретически, религіознымъ главенствомъ папъ. Однакожь это не все. Впродолженіи длинной ночи среднихъ вѣковъ Италия, сохранившая нѣсколько горящихъ подъ пепломъ угольевъ изъ очага античной цивилизаціи, имѣла завидную честь зажечь ими факель новѣйшей цивилизаціи. Ей обязанъ міръ эпохой Возрожденія; ея сыны, Галилей и Колумбъ, отворили двери новаго міра. Ни одна изъ новѣйшихъ націй не можетъ цитировать столько великихъ именъ какъ Италия; нигдѣ не найдется столько поэтовъ, артистовъ, злодѣевъ, благодѣтелей человѣчества. Никакая память не въ состояніи сохранить этотъ длинный перечень знаменитыхъ именъ, въ которомъ, между прочимъ, фигурируютъ Гильдебрандъ, Ріэнци, Мазаньело, Арнольдъ бресчанскій, Савонарола, Аріосто, Тассо, Бокачіо, Винчи, Рафаэль, Браманте, Микель Анджело, Тиціанъ, Америко Веспуччи, Вико, Джіордано Бруно, Ванини, Беккарія, Филанджіери, Мацини, Гарибальди, а также и Наполеонъ I, ибо и онъ, этотъ великій поработитель народовъ, былъ родомъ итальянецъ. Какой же огромный контрастъ между этимъ историческимъ величіемъ, которымъ такъ тщеславаются итальянцы, и плачевной нищетой какъ въ людяхъ, дѣйствіяхъ, такъ и въ идеяхъ въ современной Италиі! Какой контрастъ между робкой политикой нынѣшняго итальянскаго правительства и владычествомъ надъ міромъ, которымъ Италия пользовалась втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ, о которомъ она мечтаетъ и теперь, и нѣкоторый надѣется еще осуществить!

Первенство Италиі въ ряду другихъ націй—таковъ идеаль всѣхъ замѣчательныхъ, вліятельныхъ итальянцевъ, начиная съ Ріэнци, Данте и Макиавели и кончая Джоберти и Мацини; всѣ они одинаково возмущались рабскимъ, зависимымъ положеніемъ Италиі, которая, по ихъ мнѣнію, по всѣмъ правамъ должна быть царицей міра.

Правда, этой идеей первенства почти столько же, сколько и итальянцы, заражены и другія европейскія націи, желающія воскресить римскую имперію: французы ссылаются на Карла Великаго и франковъ, испанцы прикрываются именемъ Карла V, австрійцы ратуютъ во имя габсбурговъ и гогенштауфеновъ, носившихъ корону священной римской имперіи; даже прусаки, послѣ побѣды подъ Садовой, готовы доказывать свое легитимное родство съ этой имперіей. Итальянецъ Бонапартъ всю жизнь носился съ химерой возстановленія имперіи Августа, но только еще въ большихъ размѣрахъ. Этому идеалу, который онъ думалъ осуществить грубой силой, посредствомъ завоеваній, онъ пожертвовалъ жизнью пяти милліоновъ людей. Какъ похожъ этотъ его идеалъ на тѣ завоевательные проэкты римлянъ, которые они приводили въ исполненіе двадцать вѣковъ тому назадъ и какъ далекъ онъ отъ идеала мыслителей, мечтающихъ о всеобщемъ братствѣ всѣхъ людей. Какая пропасть лежитъ между этими двумя противоположными воззрѣніями древняго и новаго міра. Мы, люди новаго времени, мы любимъ свое отечество также, какъ любимъ каждую отдѣльную личность, любимъ семейство, союзъ отдѣльныхъ личностей, и общину, союзъ семействъ. Отечество для насъ распространенная община. Его мѣстныя дѣла насъ интересуютъ и затрогиваютъ очень близко. Но мы не позволимъ себѣ преувеличивать ихъ важность и общіе интересы подчинять частнымъ. Если мы швейцарцы, мы станемъ негодовать въ томъ случаѣ, когда кантонъ Аппенцель ставитъ свои личныя интересы выше интересовъ цѣлаго Союза. Американцы — мы не подчинимъ выгодъ союзнаго конгресса соображеніямъ нью-йоркскаго мѣстнаго собранія. Французы — мы не станемъ тянуть въ одну ноту вмѣстѣ съ Тьеромъ: я французъ, моя страна прежде всего. «Нѣтъ, мы скажемъ, прежде всего выгоды всей соединенной Европы, выгоды всего человѣчества.»

Конечно идеалъ преобладанія Италіи, который лелѣетъ итальянская партія дѣйствія, руководимая Гарибальди, Мацини и другими демократическими вождями, во многомъ отличается отъ бонапартовскаго идеала всемірной имперіи, но все-таки люди этой партіи понимаютъ патриотизмъ въ слишкомъ узкомъ, исключительномъ смыслѣ; они доводятъ его до предрасудка, до фанатизма; они искренно убѣждены, что

итальянецъ выше, способнѣе, чѣмъ люди другихъ націй, а это ихъ убѣжденіе въ переводѣ на простой языкъ означаетъ, что итальянецъ существо высшее, чѣмъ обыкновенный человѣкъ; Римъ они называютъ вѣчнымъ городомъ и не хотятъ допустить мысли, что онъ не можетъ снова стать всемірной столицей, центромъ цивилизаціи всего человѣчества.

«Исторія римской республики и имперіи оправдываетъ наши мечты, говорятъ они,—ихъ поддерживаютъ воспоминанія о преобладаніи папъ надъ всѣми католическомъ міромъ; ихъ какъ бы узаконяетъ эпоха Возрожденія, когда мы давали инициативу всякому передовому движению и своими успѣхами будили заснувшее человѣчество; наконецъ, въ будущемъ мы видимъ наше артистическое превосходство, уже и теперь съ каждымъ днемъ возрастающее. Артистическая способность есть самая благородная способность человѣческой природы. Поэтому понятно, что самый артистическій народъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самый благородный въ средѣ человѣчества. А такимъ народомъ, по всей справедливости, долженъ считаться итальянскій...»

Нечего, кажется, и доказывать несостоятельность подобныхъ умозаключеній. Не говоря уже про то, что артистическія способности вовсе не составляютъ исключительнаго качества итальянскаго народа, новый міръ, признавшій равенство способностей мужчины и женщины, можетъ только съ снисходительною улыбкой относиться къ ученію о высшихъ способностяхъ итальянцевъ сравнительно съ другими народами. Для насъ нѣтъ болѣе избранныхъ народовъ, нѣтъ націй, которымъ слѣдуетъ давать предпочтеніе предъ другими. Конечно мы допускаемъ неравенство образованія, но считаемъ его фактомъ случайнымъ, а никакъ не приписываемъ его неспособности цѣлаго народа къ образованію. А итальянскій народъ въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, занимаетъ не высокое мѣсто. По понятіямъ нашего времени наука стоитъ выше искусства, а ремесло все болѣе пріобрѣтаетъ права на уваженіе. Теперь всѣ согласны, что каждый человѣкъ, обладай онъ ученостью или артистическими способностями, или знаніями ремесла, прежде всего долженъ быть работникъ, только трудъ и даетъ ему право на разумное существованіе. Итальянецъ же всѣхъ менѣе способенъ трудиться; онъ ищетъ къ труду какое-то необъяснимое отвращеніе.

Эти общезвѣстныя истины, однакожъ, совершенно незнакомы итальянцамъ, которые, выслушивая ихъ,жимаютъ плечами и не придаютъ имъ никакой вѣры. Даже тѣ изъ нихъ, которые провозглашаютъ эти исти-

ны во всеуслышаніе, съ высоты кафедръ или въ своихъ сочиненіяхъ, даже и они въ глубинѣ своего сознанія протестуютъ противъ нихъ и всегда стараются оставить лазейку, никогда не договариваютъ до конца, чтобы при случаѣ можно было оговориться и перейти на сторону противоположныхъ убѣжденій, и безъ всякаго заарбнїи совѣсти доказывать непримѣнимость этихъ идей въ ихъ отечествѣ. Въ этомъ-то убѣжденіи въ превосходствѣ Италїи и кроется причина, почему итальянская партія дѣйствій никакъ не можетъ сойтись съ демократическими партіями другихъ европейскихъ націй, принявшихъ своимъ девизомъ абсолютное равенство способностей всѣхъ народовъ.

Но мы не обратили бы особеннаго вниманія на это тщеславное убѣжденіе въ превосходствѣ итальянцевъ, которое партія дѣйствія сдѣлала главнымъ догматомъ своей политической вѣры, еслибъ оно было только простой вспышкой національнаго шовинизма, — мы знаемъ, что тщеславіе составляетъ одинъ изъ любимѣйшихъ пороковъ какъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ личностей. Подъ маской тщеславія мы охотно скрываемъ свои слабыя стороны. Женщина украшаетъ лентами и бархатомъ свое поношенное платье, желая скрыть, что оно давно уже въ употребленіи; мужчина прикрываетъ красной ленточкой почетнаго легіона пятна на своемъ пальто. Такимъ же образомъ фанатическую пропаганду идеи о превосходствѣ итальянцевъ и признаніе ея догматомъ политической вѣры безъ всякой натяжки можно уподобить пурпуровой мантии, накинутой на грязную рубашку. Посмотришь теперь, какой вредъ для самой Италїи причиняетъ неразумная ревность и тщеславіе ея сыновъ.

Вопросъ о превосходствѣ Италїи, можетъ быть, даже помимо желанія его авторовъ, сводится просто на просто на феодальный аристократизмъ, а знаменитая формула: Богъ и народъ, составляющая девизъ партїи дѣйствія, имѣетъ въ конечномъ результатѣ главенство папы. Конечно, Мацини и его агенты, надо признаться, люди развитые, въ нѣкоторомъ смыслѣ преданные своему отечеству — протестуютъ противъ такого вывода, но, къ сожалѣнію, ничѣмъ не могутъ доказать справедливость своего протеста. Достаточно вспомнить необычайную кротость въ отношеніи католицизма, выказанную Мацини въ то время, какъ онъ былъ триумвиромъ Рима въ 1848 году, и сравнить съ нею ненависть, которую онъ обнаружилъ въ спорахъ съ французскими демократами, съ Луи-Бланомъ и другими. «Очистить папу отъ средневѣковой ржавчины» — вотъ все, чего желаетъ партія дѣйствія, отчасти руководящая общественнымъ мнѣніемъ всей Италїи.

Когда Пий IX хотѣлъ встать во главѣ либерализма, маццинисты думали, что настала золотой вѣкъ. Даже Силлабусъ ихъ не образумилъ, и они все еще вѣрятъ въ необходимость исключительнаго преобладанія папы въ католическомъ мѣрѣ, и въ то, что резиденція его должна быть непремѣнно въ Римѣ. Лишь бы конclave состоялъ изъ Лакордэровъ и Грэттри, папа получилъ бы дипломъ инженера, кардиналы проходили бы двухгодичный курсъ политехнической школы—и эти рьяные защитники и пропагандисты идеи единой, независимой Италіи будутъ считать себя вполне удовлетворенными. При этомъ не надо забывать, что маццинистская партія самая положительная изъ многочисленныхъ итальянскихъ партій; маццинисты, по крайней мѣрѣ, знаютъ, чего они хотятъ; о прочіихъ партіяхъ нельзя сказать даже и этого.

Гарибальдійская партія вышла изъ среды маццинистовъ, но расходится съ нею въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Маццинисты—это якобинцы по образцу Робеспьера, которые заключили компромисъ съ теизмомъ; гарибальдійцы—республиканцы, согласившіеся на подобную же сдѣлку съ монархіей. Они вступили на этотъ путь честно, подъ вліяніемъ самыхъ честнѣйшихъ людей, Маннини и другихъ. Гарибальди—этотъ типъ простодушнаго героизма, шелъ на сдѣлку безъ всякихъ заднихъ мыслей, единственно потому, что считалъ ее необходимой для блага Италіи. Даже самого Маццини онъ убѣждалъ пойти на уступки. Такимъ образомъ Маццини уступилъ Гарибальди, Гарибальди уступилъ Кавуру, а Кавуръ Наполеону III. Десять лѣтъ прошло съ той поры, а единой Италіи все еще нѣтъ, и итальянцы никакъ не могутъ добыть свою настоящую столицу Римъ. Втеченіи этого времени они, можетъ быть, достигли только одного конечнаго результата: въ Италіи все перемѣнилось до такой степени, что ни въ чемъ нельзя добиться никакого смысла: слова потеряли свое истинное значеніе, а люди свое достоинство; между самыми сомнительными политическими дѣятелями фигурируютъ теперь имена двухъ помощниковъ Гарибальди, нѣкогда считавшихся людьми крѣпкихъ убѣжденій. Самъ онъ остался чистъ отъ всякихъ интригъ, имя его осталось по прежнему незапятнаннымъ, но онъ уже не можетъ быть главой движенія и не ему, вѣроятно, придется ввести итальянцевъ въ Римъ. Его партія потеряла теперь всякій смыслъ для своего существованія, она разлагается и должна будетъ войти въ составъ новой партіи, которая станетъ лучше представлять дѣйствительные интересы Италіи.

Итакъ маццинизмъ соединился съ гарибальдизмомъ, а послѣдній съ королевскимъ парламентаризмомъ. Скажемъ нѣсколько словъ и о послѣднемъ; онъ въ настоящее время даетъ направленіе итальянской внутренней политикѣ и вполнѣ ответственъ за положеніе, принятое страной послѣ того, какъ его усиліями ослаблены партіи маццинистская и гарибальдійская.

Начнемъ съ лѣвой стороны палаты. Выйдя изъ остатковъ партій республиканской и демократической, она, подъ предлогомъ выступленія на практическую почву, отреклась отъ своихъ собственныхъ принциповъ и пытается примирить непримиримое: демократическія тенденціи съ аристократическимъ абсолютизмомъ. Подъ предводительствомъ двухъ своихъ вождей, Криспи и Ратацци, лѣвая сторона переходитъ отъ абсолютизма къ либерализму, отъ прогресса къ реакціи. «Установимъ монархію въ государствѣ и республику въ общинахъ» — такова программа, съ высокомѣріемъ заявленная этой партіей, программа, приводящая въ бѣшеный восторгъ разныхъ простаковъ и довѣрчивыхъ людей. Но развѣ это не та же программа, съ которой выступили въ 1830 году Тьеръ, Гизо и Одилонъ Барро. 1848 годъ доказалъ, какой практической смыслъ заключался въ этой программѣ, заявляющей громадныя претензіи. Прошло болѣе 20 лѣтъ послѣ признанія несостоятельности этой теоріи и она опять выступаетъ на сцену въ Италіи, гдѣ ей придадутъ серьезное значеніе и по поводу ея идутъ безконечные споры. Къ чему же тогда служить опытъ!

Если лѣвая сторона палаты руководится такими призрачными принципами, то что же можно сказать о правой сторонѣ, о которой ни одинъ италіецъ, привязанный къ своему отечеству, не можетъ говорить безъ раздраженія? Довольно сказать, что большинство палаты составляетъ *консортерію* депутатовъ, торгующихъ своими голосами и поддерживающихъ правительство за деньги, мѣста, пенсіи и разныя концессіи на промышленныя предпріятія. Страна, разсматриваемая въ массѣ, обѣдѣла, а толстые буржуа, всѣмъ управляющіе, быстро обогащаются. Сельское населеніе едва сводитъ концы съ концами, живя изо дня въ день, рабочіе и ремесленники терпятъ нужду; а на мѣсто прежней родовой аристократіи, постоянно уменьшающейся въ числѣ, возникаетъ новая денежная аристократія — аристократія пятака и аршина. Если сравнить теперешнюю Италію съ той, какой она была двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда въ одинъ и тотъ же день можно было проѣхать четыре или пять различныхъ государствъ, и четыре или пять разъ заплатить заставныя пошлины въ доходъ четы-

рехъ или пяти государей; когда страна почти вовсе не имѣла обыкновенныхъ и желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, портовъ; если сравнить тогдашнюю торговлю и промышленность съ нынѣшнимъ ихъ состояніемъ, то слѣдовало бы полагать, что прежняя нищета и бѣдствія смѣнились теперь благосостояніемъ и довольствомъ, но безчисленныя жалобы, въ искренности которыхъ по очевидности фактовъ нѣтъ причины сомнѣваться, говорятъ совершенно противное. Неаполь 1870 г. значительно улучшился въ сравненіи съ Неаполемъ 1860 года, и однакожь я встрѣтилъ много людей, которые жалѣютъ о паденіи бурбонской системы и желаютъ возвращенія Франческо II. И эти люди вовсе не изъ лагеря клерикаловъ и реакціонеровъ. Такое явленіе могло бы казаться непонятнымъ и доказывать или глупость или неблагодарность, еслибъ въ оправданіе его не говорили поступки управляющей партіи, которая одна исключительно воспользовалась всеми выгодами новаго порядка вещей, и ничего не предоставила другимъ. Монополіи, привилегіи, концессіи обогащаютъ этихъ господъ, а рабочіе классы, ничего не выигрывая отъ переменъ, принуждены работать еще болѣе, чѣмъ работали прежде, чтобы только удовлетворить свои неприхотливыя требованія, а также безирестанно возрастающія требованія фиска, что не совсѣмъ легко сдѣлать при сильной дороговизнѣ на всѣ необходимые предметы потребленія. Есть ли возможность при такихъ условіяхъ думать о сбереженіяхъ и улучшеніи своего быта? Современное экономическое положеніе Италіи вызываетъ на грустные размышленія и италіанская буржуазія сильно ошибается, считая его вполнѣ нормальнымъ; въ своемъ ослѣпленіи она не замѣчаетъ, что горизонтъ омрачился тучами и готовится гроза. Сумѣетъ ли она во время понять истинное положеніе дѣлъ и отвратить грозящую ей опасность. Сомнительно.

Кавуръ, великій Кавуръ, какъ его называютъ италіянцы, для осуществленія своей великой политики, ввелъ въ употребленіе сильныя средства, къ числу которыхъ, между прочимъ, принадлежала система подкупа депутатовъ. Его маленькіе наслѣдники считали своимъ долгомъ рабски подражать ему, преимущественно въ послѣднемъ, а потому вскорѣ вся страна была отдана на жертву взяточниковъ и казнокрадовъ. Менабреа, Ламармора, Камбрэ-Диньи, Селла и К^о, принявъ за образецъ парижскую финансовую школу Фульда, Маня и Морни, чрезмѣрными, непроизводительными затратами вскорѣ превзошли своихъ учителей. Они растратили миллиарды, добывъ ихъ займомъ и продажей имущества церковныхъ и благотворительныхъ, а также

железныхъ дорогъ. Въ минувшемъ году они предложили конфисковать 200 милліоновъ франковъ, принадлежащихъ католическимъ приходамъ. Конечно мы не станемъ порицать эту мѣру, но считаемъ необходимымъ замѣтить, что сами теперешніе министры очень недавно расплинались, утверждая, что вовсе не намѣрены трогать эти имущества. Эти 200 милліоновъ предназначены для покрытія дефицита текущаго года и другихъ источниковъ покрыть его не оказывается. Последнее великое дѣло — табачное — провалилось со скандаломъ и, по своимъ моральнымъ слѣдствіямъ, причинило странѣ бѣдствій гораздо болѣе, чѣмъ пораженія при Кустоцѣ и Лиссѣ. Правительство передало свою табачную монополію на такихъ условіяхъ, къ которымъ прибѣгаетъ развѣ несостоятельный должникъ, занимающій деньги у выжиги-ростовщика. Депутатъ, маіоръ Лоббіа, заявилъ въ палатѣ, что у него есть доказательство, что не правительство обмануто въ этомъ дѣлѣ, а напротивъ оно совершило неблаговидную сдѣлку; онъ утверждалъ, что чиновники, въ чьихъ рукахъ было это дѣло, вошли въ условія съ разными темными личностями и вмѣстѣ съ ними грабительскимъ образомъ поступили съ государственной собственностью. Дѣло это настолько сдѣлалось извѣстно въ публикѣ, что гласно и громко повторялись имена заподозрѣнныхъ въ мошенничествѣ личностей. Разумѣется, правительству не могло нравиться заявленіе депутата Лоббіа и онъ былъ обвиненъ передъ судебной властью, какъ клеветникъ. Вскорѣ распространился слухъ, что въ одну темную ночь, въ глухой улицѣ, на Лоббіа напали вооруженные кинжалами убійцы, съ цѣлю отнять у него жизнь и, главное, компрометирующія бумаги. Между тѣмъ судъ надъ Лоббіа продолжался и, къ стыду итальянской юриспруденціи, позволившей себѣ всякія несправды и отступленія отъ узаконенныхъ правилъ веденія уголовного процесса, Лоббіа былъ обвиненъ какъ за ложный извѣтъ, такъ и за распространеніе ложнаго разсказа о нападеніи на него убійцъ. Самое печальное въ этой грязной исторіи то, что никто не знаетъ истины, что ни публика, ни одна изъ партій не раскрыли тайнъ, лежащихъ въ основаніи этого темнаго процесса, и никто даже и теперь не можетъ утвердительно сказать дѣйствительно ли было покушеніе на убійство или вся исторія выдумана для какихъ нибудь постороннихъ цѣлей. И въ самомъ дѣлѣ, доказательства, представляемыя и той и другой стороной, такъ странны и чудовищны, что съ одинакою степенью достовѣрности могутъ служить и за и противъ. Но какъ бы тамъ ни было, обвиненный осужденъ безъ всякаго законнаго основанія, и было ли

покушение на убійство или вѣтъ, въ томъ и другомъ случаѣ парламентъ оскорбленъ въ лицѣ своего члена. Приговоръ, произнесенный надъ Лоббіа, или несправедливъ, или слишкомъ снисходителенъ, средины быть не можетъ. Судья, его измыслившій, экс-либераль, содержащійся на галерахъ во время Фердинанда неаполитанскаго, извѣстный Пиронти, поступилъ очень неловко въ этомъ скандальномъ дѣлѣ и новое министерство поспѣшило высказать ему свое неудовольствие. Публика же, съ своей стороны, немедленно заявила свое сочувствіе обиженному депутату, прислала ему множество торжественныхъ адресовъ и выбрала въ его честь медали.

Этотъ случай съ Лоббіа лучше всякихъ разсужденій освѣщаетъ истинное положеніе Италіи. Народъ, партіи, парламентъ всё страдаютъ однимъ и тѣмъ же недугомъ: непониманіемъ настоящаго положенія дѣлъ и путаницей убѣжденій и отношеній партій между собою.

Но вся эта расточительность, всё эти безпорядки внутренняго управления, быть можетъ, отчасти выкупаются смѣлой внѣшней политикой, преслѣдующей великіе національные интересы, осуществленіе которыхъ будетъ способствовать къ уничтоженію внутренней неурядицы? Ничуть не бывало.

Нѣсколько лѣтъ къ ряду внѣшняя политика Италіи совершенно подчинялась приказамъ, исходящимъ отъ тюрлерійскаго кабинета. Ничего это подчиненіе нѣсколько умѣряется трусливымъ и коварнымъ кокетничаньемъ съ Пруссіей и даже съ Австріей. Что же касается Рима, то, повидимому, Флоренція вѣчно находитъ случай возражать въ чемънибудь своему сосѣду, но это только такъ кажется. Простаки увѣрены, что папа и итальянскій король великіе враги между собою, но въ сущности правительство Виктора-Эмануила относится къ папскому съ величайшимъ смиреніемъ и предупредительностію. Флорентинскіе министры, правда, желаютъ переѣхать на жительство въ Римъ, но ни въ какомъ случаѣ не думаютъ потревожить св. отца въ его убѣжищѣ. Они лелѣютъ планъ, по которому ватиканъ и соборъ св. Петра должны быть признаны нейтральными и составлять престоль и резиденцію государя-папы, непогрѣшимаго и неприкосновеннаго; а подлѣ, въ замкѣ св. Ангела или, лучше, въ Капитоліѣ, будетъ по-

ставленъ тронъ свѣтскаго государя Италіи. Кардиналы сдѣлаются сенаторами и не потеряютъ ни сантима изъ своего жалованья. «Пусть бы только Бонапартъ вывелъ свои войска, пусть бы онъ пересталъ тяжело давить насъ, постоянно твердятъ итальянскіе государственные люди, — тогда мы, посредствомъ вѣжнаго надавляванія на папскій престолъ, сдѣлаемъ скоро сговориться другъ съ другомъ. Въ этомъ дѣлѣ встрѣчаются такія тонкости, которыя понятны только итальянцамъ, и они, а никакъ не иностранцы, могутъ только разрѣшить ихъ».

Союзъ свѣтской власти съ духовною, даже болѣе, quasi-подчиненіе патера солдату — такую-то политическую проблему, равносильную математической объ отысканіи квадратуры круга, — проблему, надъ разрѣшеніемъ которой безуспѣшно трудились втеченіи 15 вѣковъ, — флорентинскій кабинетъ считаетъ себя способнымъ разрѣшить безъ всякаго затрудненія. «Дайте намъ свободу дѣйствовать, это вовсе не такъ трудно, какъ вы думаете», говорятъ эти практическіе, положительные люди, презирающіе утопіи и даже исторію.

Но давно, слишкомъ давно они дѣйствуютъ совершенно свободно, и однакъ ведутъ Италію къ банкротству. Финансовое банкротство почти уже наступило, но не оно насъ смущаетъ. Гораздо важнѣе готовящееся политическое и моральное разложеніе, слабыми предвѣстниками котораго были смѣшныя и нелѣпыя пораженія при Лиссъ и Кустоцѣ. Всюду жалуются на разладъ между партіями, между людьми и идеями, вездѣ идетъ неутомимая борьба. Въ одной Италіи ничего этого нѣтъ; въ ней, напротивъ, подъ кажущимися шумными спорами за идеи, кроется совершеннѣйшее единообразіе, полнѣйшій индеферентизмъ. Во имя географическаго единства, во имя чисто-политическаго могущества, во имя призрачной идеи преобладанія Италіи надъ всѣмъ міромъ, по крайней мѣрѣ въ интеллектуальномъ отношеніи, партіи пошла на уступки, и идея этимъ скользкимъ путемъ дошла, наконецъ, до признанія папскихъ притязаній на непогрѣшимость и господство. И какъ всѣ партіи одинаково страдаютъ непониманіемъ истинныхъ нуждъ страны, не знаютъ, поэтому, какія экономическія и моральныя реформы для нея необходимы, то они мало-по-малу теряютъ и даже совсѣмъ почти потеряли симпатіи новѣйшихъ генераций. Воспитанные въ школахъ своего великаго Макиавеля, они не могутъ понять правильно, гдѣ начинается плутъ и кончается патриотъ; они увлекаютъ васъ своимъ блестящимъ героизмомъ и отталкиваютъ вѣроломствомъ; но увлекаетесь ли вы ими, или презираете ихъ, они почти всегда кажутся совсѣмъ не тѣми, чѣмъ они есть на самомъ

дѣлѣ. Глупѣйшій изъ нихъ легко васъ обманетъ; искуснѣйшій, выказавъ чудеса лукавства, предусмотрительности и хитрости, проваливается съ полнѣйшимъ скандаломъ. Последнее теперь испытываетъ на себѣ вся нація. Слишкомъ большая изворотливость ее губитъ, чрезмѣрная ловкость ее раззоряетъ! Италія, бѣдная Италія! когда же узнаешь ты, наконецъ, цѣну скромной трудовой жизни, когда поймешь, что не одинъ героизмъ даетъ право на уваженіе, и когда съумѣешь отличить истинную честность отъ внѣшней морали!

Во Франціи парламентаризмъ дѣлаетъ успѣхи, и большіе успѣхи. Министерство управляетъ, удовлетворяя всѣхъ разомъ. Оно удовлетворяетъ прежде всего самого Эмиля Оливье; потомъ удовлетворяетъ Руэра и Форкада, которые, впрочемъ, съ большимъ бы удовольствіемъ утопили своего соперника и наслѣдника; оно удовлетворяетъ орлеанистовъ, имѣющихъ своихъ представителей въ его средѣ; удовлетворяетъ императора Наполеона, питающаго ненависть къ орлеанистамъ; наконецъ, даже удовлетворяетъ республиканскую оппозицію, относящуюся съ одинаковымъ неудовольствіемъ къ Эмилю Оливье, Руэру, Форкаду, второй имперіи и къ орлеанистамъ. Нравится всѣмъ разомъ — это несомнѣнно выгодно; глава французскаго кабинета не замедлитъ испытать на себѣ справедливость этой аксіомы. Если Оливье въ одно и то же время очаровываетъ Тьера и Кассаньяка, Рошфора и президента сената, то это значитъ, что мировая сдѣлка между личнымъ и конституціоннымъ правленіемъ по меньшей мѣрѣ неудобна и мало состоятельна.

Нашимъ читателямъ достаточно извѣстны причины, побудившія императора Наполеона отказаться отъ системы, которую онъ поддерживалъ 18 лѣтъ, вступить на путь парламентаризма и назначить Оливье своимъ первымъ министромъ, поэтому мы считаемъ излишнимъ возвращаться къ этимъ событіямъ.

Какъ извѣстно, Оливье дебютировалъ очень недурно; онъ произнесъ нѣсколько весьма краснорѣчивыхъ либеральныхъ рѣчей, которыми желалъ убѣдить, что требованія, нѣкогда заявленныя оппозиціоннымъ депутатомъ, будутъ неминуемо осуществлены министромъ. Онъ наскзалъ много хорошихъ рѣчей насчетъ свободы торговли, права схо-

докъ; онъ ораторствовалъ о полной свободѣ прессы, которая, по его мнѣнію, должна контролироваться однимъ общественнымъ мнѣніемъ и не подвергаться давленію администраціи; наконецъ, не менѣе краснорѣчиво онъ далъ понять, что главнѣйшее его желаніе состоитъ теперь въ томъ, чтобы сдѣлать выборы совершенно свободными отъ вмѣшательства правительственныхъ властей и водворить, такимъ образомъ, настоящее народное представительство. Все это прекрасно, и даже величественно, но, спрашивается, можетъ ли министръ второй французской имперіи ручаться за исполненіе такой широкой программы? Едва ли.

Кажется, не нужно обладать даромъ прорицанія, чтобы предсказать результаты нынѣшняго положенія вещей во Франціи. Въ то время, какъ партія дѣйствительной и сильной оппозиціи помалчиваешь, ожидая конца опыта, неумѣренныя похвалы и радостныя восклицанія и пожеланія, съ которыми встрѣтили новое министерство, произвели свое дѣйствіе: буржуазія, напуганная парижскими избирательными сходами и многочисленными стачками, заявленными въ разныхъ мѣстахъ Франціи, и по этой причинѣ раскрывшая свои объятія Оливье—эта самая буржуазія начинаетъ уже недověрчиво покачивать головой; и несмотря на то, что, повидимому, состоялся тѣсный союзъ между бонапартистами и клерикальными представителями орлеанской и легитимистской партій; что недавніе враги открыли другъ другу объятія и произошли тѣ лицемѣрныя сближенія между представителями враждебныхъ партій и убѣжденій, о которыхъ мы уже дали отчетъ читателямъ въ одной изъ предыдущихъ нашихъ хроникъ;—несмотря на все эти признаки наступленія господства буржуазіи, она начинаетъ роптать и сомнѣваться въ прочности министерства.

Гдѣ же искать причину этого недověрія? Почему такъ быстро явилось разочарованіе? Отвѣтъ на эти вопросы даетъ само министерство, несумѣвшее и, правда, едва ли имѣвшее возможность, воздержаться отъ неумѣреннаго пользованія властію, и потому надѣлавшее не мало важныхъ ошибокъ.

Орлеанисты, получившіе власть въ свои руки, по инициативѣ своего вождя Тьера, собственника копей въ Анженѣ, поспѣшили заявить свои протекціонистскія тенденціи, нападая на торговый трактатъ, заключенный съ Англіей. Главнымъ мотивомъ своихъ нападокъ, какъ мы уже упоминали, они выставили то обстоятельство, что авторы трактата заключили его не посоветовавшись съ націей. Замѣтимъ кстати, что ратуя за права націи, эти господа на первыхъ же по-

рахъ, безъ всякаго совѣта той же націи, издали декретъ въ смыслѣ протекціонизма, не подвергая этого декрета предварительному обсужденію законодательнаго собранія.

Вопросъ объ уничтоженіи трактата съ Англіей былъ представленъ палатамъ. При обсужденіи его произошла интересная битва между сегодняшними министрами и вчерашними, и правительство вынуждено было вести борьбу съ официальными кандидатами. Большинство палаты перешло на сторону Руэра, заключившаго трактатъ, и министерство не посмѣло прямо потребовать уничтоженія ненавистнаго ему трактата. Тогда зачѣмъ же оно начинало дѣло, результатъ котораго оно должно было предвидѣть? Но оно слишкомъ ослѣвлено властію и только потому рѣшилось на ложный шагъ, не рассчитавъ, что оныъ будетъ имѣть для него весьма неблагоприятныя послѣдствія. Руэръ встрѣтилъ сильную защиту даже въ средѣ своихъ ожесточенныхъ враговъ, въ лицѣ депутата лѣвой стороны, Жюля Симона. За то нѣкоторыя революціонныя газеты, какъ, напр., «Марсельеза», приняли сторону протекціонистовъ, подъ нелѣпнымъ предлогомъ, что систему свободнаго обмѣна желала водворить имперія, которую «Марсельеза» не любитъ, а такое великое по его послѣдствіямъ дѣло, по ея мнѣнію, можетъ совершить только одна республика. Въ ожиданіи такого вожделѣннаго событія, «Марсельеза» примкнула къ Тьеру и пошла въ хвостъ 10 тысячъ буржуа-производителей противъ 10 милліоновъ потребителей. Можно питать нерасположеніе къ существующему порядку, но зачѣмъ же ради своего личнаго эгоистическаго чувства забывать общее благо, — это ужъ вовсе нелогично и непослѣдовательно.

Вторымъ замѣтнымъ дѣломъ министерства Оливье было преслѣдованіе Рошфора. Этимъ актомъ оно полагало тѣснѣе укрѣпить союзъ партій бонапартистской и буржуазной, заставивъ ихъ дружно дѣйствовать на одномъ и томъ же полѣ общей ненависти къ революціонной партіи. Самъ хранитель государственной печати и министръ юстиціи Оливье придавалъ такую важность преслѣдованію Рошфора, что изъ предложенія объ этомъ сдѣлалъ вопросъ о существованіи кабинета, заявивъ палатѣ, что оныъ и его товарищи выйдутъ въ отставку, если она не разрѣшитъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ Рошфора, одного изъ ея членовъ. Послѣ похоронъ Виктора Нуара популярность Рошфора сильно возросла и министерство стало опасаться его, какъ самаго серьезнаго изъ своихъ враговъ. Палатѣ очень не хотѣлось согласиться на преслѣдованіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось также и расставаться съ министерствомъ. Послѣ недолгаго колебанія она по-

жертвовала своими привилегіями въ пользу министерства. Рошфоръ былъ призванъ къ суду, но онъ, объявивъ некомпетентность судей, не явился въ судъ и былъ осужденъ заочно.

Тогда правительство потребовало у палаты разрѣшенія привести тотчасъ же въ исполненіе произнесенный приговоръ и арестовать Рошфора. На сдѣланныя замѣчанія, что этотъ приговоръ можетъ быть исполненъ по окончаніи сессіи, т. е. когда депутатъ на время будетъ свободенъ отъ своихъ полномочій, министръ юстиціи Оливье объявилъ, что правосудіе ждать не можетъ. Палата уступила, она боялась возмущенія, но возмущеніе не страшило министерство, которое, повидимому, даже не прочь было сдѣлать вызовъ общественному мнѣнію. Оно ожидало нѣсколько дней и, имѣя множество случаевъ арестовать Рошфора безъ большаго скандала, рѣшилось взять его съ народной сходки, на которую Рошфоръ пріѣхалъ, чтобы отдать отчетъ въ своемъ поведеніи четырехъ или пяти тысячамъ своихъ вѣрителей. Когда онъ подѣхалъ къ мѣсту собранія, полицейскіе, переодѣтые въ партикулярное платье, съ криками: «да здравствуетъ Рошфоръ!» подошли къ его каретѣ, отворили дверцы, вынесли его на рукахъ, съ триумфомъ пронесли его въ глухую улицу и тамъ передали своимъ товарищамъ, которые отвезли его въ тюрьму. Едва распространилась эта новость на сходкѣ, произошелъ страшный шумъ; Флурансъ, тутъ присутствовавшій, объявилъ, что открываетъ возстаніе, схватилъ полицейскаго, бывшаго на сходкѣ, и объявилъ его арестованнымъ. Потомъ, въ сопровожденіи своихъ товарищей, вышелъ на улицу, призывая народъ къ оружію. Тотчасъ же кое-гдѣ воздвигли баррикады, но пока не было еще ничего важнаго. Новость объ арестѣ не успѣла вездѣ распространиться. На другой же день тысячи любопытныхъ сошлись въ томъ кварталѣ, гдѣ наканунѣ былъ произведенъ арестъ Рошфора. Туда же направились отряды полицейскихъ и въ разныхъ мѣстахъ были разставлены солдаты. Нѣсколько молодыхъ людей изъ числа сторонниковъ Флуранса попытались опять воздвигнуть баррикады; работа шла очень медленно; вскорѣ къ нимъ на помощь явились «бѣлыя блузы», такъ отличавшіяся въ прошлое возстаніе, и остановили омнибусъ, изъ котораго отпрягли лошадей.пустили въ дѣло кавалерію, она проскакала по улицамъ, разрушила баррикады, многихъ ранила и предполагаемое возстаніе было усмирено. До 500 человекъ арестовали, изъ которыхъ большинство тотчасъ же выпустили, однакожъ до сихъ поръ остается въ тюрьмахъ до 100 человекъ. Потомъ арестовали всѣхъ редакторовъ газеты «Марсельеза». Но тѣмъ не менѣе никто серьезно не думалъ о возстаніи,

и оно было скорѣе результатомъ дикаго воображенія префекта Пьетри и министра Оливье, которые съ двумястами тысячъ войскъ одержали славную побѣду надъ двумястами тысячъ безоружнаго народа, вовсе недумавшаго ни нападать, ни защищаться. Министерскія газеты громко кричали о подавленномъ возстаніи, которому придавали огромные размѣры, тогда какъ это была просто вспышка небольшой кучки взволнованныхъ людей, которая, по всей вѣроятности, и окончилась бы безъ всякихъ послѣдствій. Все это происшествіе дало только случай первому министру сказать нѣсколько краснорѣчивыхъ рѣчей, въ которыхъ онъ, съ подобающею скромностью, выставяя свои заслуги въ качествѣ охранителя порядка и раздавателя свободы.

Такъ окончилось это новое знаменитое возстаніе. Поведеніе министерства во всемъ этомъ дѣлѣ не могло увеличить падающей его популярности; даже многіе изъ его друзей усомнились въ его способности исполнить самую небольшую часть той хвастливой программы, съ которою оно торжественно выступило полтора мѣсяца тому назадъ. Про враговъ же его нечего и говорить: они очень довольны, ихъ предсказанія сбываются на каждомъ шагѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличиваются и шансы ихъ будущей побѣды.

Жакъ Лефрэнъ.

СЪ НЕВСКАГО БЕРЕГА.

(ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛИСТОКЪ.)

- I. ИСТОРИЯ ОДНОГО МАНДАРИНА. (Поэма
въ прозѣ) Анонима.
II. ИСПОВѢДЬ. (Изъ признаній уставшаго
человѣка) Анонима. = В. Д. Минаев
III. ФЕВРАЛЬСКІЕ ЛИСТКИ. (Дневникъ пе-
тербургскаго старожила) Что въ имени тебѣ москѣ?
IV. ИЗЪ ДѢТСКАГО МІРА. (Арабески) Миня Саратовцева. = В. Д. Мин
V. ЮМОРИСТЪ СЪ ДВУХЪЯГО ПОЛЯ П. Размокропогодина.
VI. ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ? (Размышленія теа-
траля) Стихотвореніе L'homme qui rit.
VII. ИЗЪ АЛЬБОМА МЕЛОЧЕЙ Н. Верхова и Л. Д. = В. Д. Мин
↓
Миня Саратовцев

ИСТОРИЯ ОДНОГО МАНДАРИНА.

Поэма въ прозѣ.

(Подражаніе китайскому.)

I.

О, духъ времени! Незримо ты царишь надъ всей вселенной, и тому горе, кто съ тобой въ борьбу вступаетъ.

О, духъ времени! Всесильнѣй ты всего, чѣмъ міръ гордится: электричества съ парами и игольчатыхъ всѣхъ ружей.

Гордой царственной походкой, всѣ препятствія ломая, ты идешь неудержимо по планетѣ нашей глупой.

Даже самъ султанъ Парижа (онъ иначе тамъ зовется) входитъ нынче въ соглашенье съ духомъ времени неволью.

Съ духомъ времени вступали часто люди въ бой открытый, но борьба для нихъ кончалась постоянно пораженьемъ.

Человѣчество, какъ море, разступилось предъ грядущимъ побѣдителемъ народовъ и его вѣнчало въ лавры,

Лишь стояли на дорогѣ неподвижно, какъ рутинна, допотопные обломки уцѣлѣвшихъ предрасудковъ —

Въ видѣ рѣдкостныхъ субъектовъ, въ вихрѣ жизни невозможныхъ, издающихъ «Русскій Вѣстникъ» иль «Домашнюю бесѣду».

Духу времени не только подчинились люди, даже звѣри сдѣлались гуманнѣй, камни смотреть либерально.

Но бываютъ исключенья... и за нихъ-то мститъ природа, отвергая уклоненья отъ своихъ законовъ вѣчныхъ.

Но бываютъ исключенья... Тьнь Конфуція! Молю я: робкой музѣ помоги ты и пошли ей вдохновенье,

II.

Свой рассказ я начинаю. Въ славномъ городѣ Пекинѣ небольшое есть предмѣстье, окруженное садами, подъ названіемъ Лянь-джури,

Что въ російскомъ переводѣ будетъ по-просту *Дмитровка*. Въ томъ предмѣстьѣ отдаленномъ отъ жилища Богдыхана —

Жилъ, а можетъ быть, и нынѣ проживаетъ въ мрачномъ домѣ мандаринъ одинъ угрюмый Дэинь-Чинь-Чина-Почитай.

Мандаринъ честолюбивый съ дѣтства мучился желаньемъ быть «спасителемъ Китая», позабывъ ту поговорку,

Что едва ли могутъ уши выше лба расти... Въ Пекинѣ, чтобъ начать свою карьеру, онъ открылъ большую школу —

Для дѣтей обояхъ половъ; затавши мысль такую: овладѣть душой и тѣломъ молодого поколѣнья,

Воспитать въ немъ уваженіе, трепеть къ собственной персонѣ, а потомъ ужъ постепенно въ руки взять и всѣхъ китайцевъ.

Хитрый планъ!.. Построивъ школу въ видѣ грознаго острога, мандаринъ дѣтей отвсюду набиралъ для воспитанья.

Набиралъ и скоро набралъ. Обучать пустился рьяно молодыхъ птенцовъ китайскихъ Дэинь-Чинь-Чина-Почитай.

Задался онъ очень смѣлой воспитательной системой, «экзакуціей моральной» ту систему называя.

«Страхъ—вотъ двигатель Китая», мандаринъ такъ здраво мыслить: «потому на всѣхъ мальчишекъ буду дѣйствовать я страхомъ».

«Пусть ихъ мысль страхъ вѣчный давить, постоянно и упорно, какъ китайскихъ женщинъ ноги давить узкая ихъ обувь».

«Запугавъ ихъ шагъ за шагомъ, я дѣтей заставляю рабски, даже въ возрастѣ ихъ зрѣломъ, одного меня лишь слушать...»

«Двадцать лѣтъ такой системы — и Китай мой весь навѣрно...» Такъ мечталъ свой планъ коварный привести онъ въ исполненіе...

III.

Шли года. У мандарина подвигалось дѣло бойко. Онъ чуть-чуть не въ идіотовъ обратилъ всю школу разомъ..

Умъ запуганныхъ малютокъ, одержимый вѣчнымъ страхомъ, отъ системы педагога началъ сильно помрачаться,

Поминутно передъ ними мандаринъ вѣщалъ: «О, дѣти! За порогомъ этой школы вы должны всего бояться.

« По землѣ ходить вы бойтесь, потому что много гадовъ, подъ цвѣткомъ душистымъ скрытно, въ яркой зелени таятся.

« Бойтесь рѣкъ, — онѣ умчатъ васъ въ край Европы развращенной. Бойтесь воздуха — онъ дышетъ эпидеміей извѣны.

« Бойтесь книгъ: печатать книги стали краской ядовитой и, вдыхая эту краску, вы навѣрно отравитесь...

« Говорить другъ съ другомъ бойтесь... потому что, потому что... говорить могу я только, вы же слушайте въ молчаніѣ»,

Словомъ, не было предмета обиденнаго такого, о которомъ бы наставникъ не кричалъ всей школь: бойтесь!...

Покорялись, какъ барашки, дѣти взгляду мандарина; каждый вздоръ его казался имъ пророческимъ глаголомъ...

Мандаринъ ужъ сталъ лелѣять очень сладкую надежду, что ему еще при жизни монументъ Китай поставитъ.

Монументъ во всю фигуру подъ шотландской шапкой съ лентой и въ короткой пестрой курткѣ итальянскаго фигляра.

(Такъ, замѣтимъ, наряжался постоянно сей китаецъ.) Но надежды мандарина разлетѣлись скоро прахомъ...

IV.

Обративъ въ тюрьму всю школу, мандаринъ такъ ухитрился, что въ той школь ѣвѣтъ и воздухъ всемъ казался контрабандой.

Подъ его охраной зоркой въ домъ никто не смѣлъ прокрасться; «духа времени» однако онъ не могъ подкараулить.

Этотъ духъ пройдетъ сквозь стекла, черезъ скважины дверныя, и заглянетъ мимоходомъ въ черепъ, даже въ самый узкій.

Духъ пробрался въ школу тайно и слѣдить сталъ невидимкой, какъ умѣя понемногу подростали ребятинки...

Онъ нашептывалъ имъ часто объ иной счастливой жизни, и о томъ, какъ ихъ морочить Дзинь-Чинь-Чина-Почитай...

Много чудныхъ, славныхъ сказокъ онъ рассказывалъ малюткамъ и малютки подростали, привыкая чаще думать...

Скоро все они узнали, что въ цвѣтахъ не все же гады, что воды, умѣя плавать, вовсе нечего бояться.

Скоро всё они узнали, что печатаются книги постоянно черной краской, но совсѣмъ не ядовитой.

Скоро всё они постигли, что китаецъ лишь съ расчетомъ ихъ запугивать старался и водилъ коварно за носъ...

Дѣти выросли и сами поступили въ мандарины; педагогъ же ихъ лукавый обратился скоро въ дѣтство.

И подъ свистъ и хохотъ общій, въ опустѣвшей, мрачной школѣ поселившись, онъ подъ старость окончательно рехнулся.

И свирѣпо негодуя на разнузданные нравы, онъ до нынѣ по Пекину ходитъ съ длинною клюкою,

Проповѣдуя китайцамъ о погибелѣ отчизны, но его весь городъ Пекинъ за блаженнаго считаетъ,

Лишь бюстителя порядка пригрозятъ, иной разъ, палкой, но угрозы этой, впрочемъ, не приводятъ въ исполненъе,

Да кричитъ ему отвсюду стая уличныхъ мальчишекъ: «Нѣтъ ли сказки пострашнѣе, Дзинъ-Чинъ-Чина-Почитай?»

Анонимъ.

ИСПОВѢДЬ.

(Изъ признаній уставшаго человѣка.)

Чацкій.

А помнишь прежнее?

Платонъ Михайловичъ.

Нѣтъ, братъ, ужъ я теперь не тотъ!

А. Грибодовъ.

Меня враги ругаютъ по привычкѣ,
И по привычкѣ вторятъ имъ друзья,
Не позабывъ моей старинной клички
И дней, когда былъ радикаломъ я.
Умѣренный, какъ Кашширева органъ,
Оплакалъ я свой старый идеалъ,
Житейскими невзгодами издерганъ...
Какой же, господа, я радикалъ?

Другъ полу-мѣръ, полу-прогресса въ свѣтѣ,
Пришелъ къ тому безъ всякой я тоски:

Нужны прыжки гигантскіе въ балетѣ,
 А въ жизни нужны мелкіе шажки,
 При чтеніи о выходкахъ Ронфора
 Я соду аккуратно принималъ,
 И при его арестѣ крикнулъ: foга!..
 Какой же, господа, я радикаль?

Въ былые дни—не скрою—я открыто
 На всѣхъ крѣпостниковъ точилъ языкъ,
 Хоть слышалъ возраженія: «А вы-то,
 Вы, сударь, сами тоже крѣпостникъ!»
 Теперь, простясь съ крестьянами и съ дворней,
 Не разъ по нимъ я искренно вздыхалъ...
 Мнѣ не къ лицу быть юноши задорнѣй...
 Какой же, господа, я радикаль?

Съ позднѣйшимъ, беззащитивымъ строчиломъ
 Я не свяжусь... На кой же это чортъ?
 Строчъ—мой композиторъ самый милый,
 Любезный мой писатель — Раппопортъ!
 Еще перомъ владѣя очень смѣло,
 Могу писать въ порядочный журналъ,
 Но ни строки не дамъ въ издание «Дѣло...»
 Какой же, господа, я радикаль!..

Свою жену люблю я и до нынѣ
 (И то сказать — лежитъ она въ гробу),
 Не обращаюсь къ служанкѣ, какъ къ рабынѣ,
 Хоть въ сущности и вижу въ ней рабу.
 Въ моемъ мозгу нѣтъ цензурной мысли
 И я, скопивъ изрядный капиталъ,
 Купилъ имѣнье славное на Вислѣ...
 Какой же, господа, я радикаль?

Пылъ юности я схоронилъ съ годами,
 Но голова моя еще свѣжа:
 И гласностью и новыми судами
 Доволенъ я... отчасти, дорожа
 Явленьями, гдѣ видѣнъ умъ и сила,
 Но былъ бы лжецъ, когда бъ я не сказалъ:

«Ахъ, прежде жить гораздо лучше было!»
Какой же, господа, я радикалъ?

ЛЮБИМЪ.

ФЕВРАЛЬСКІЕ ЛИСТКИ.

(Дневникъ петербургскаго старожила.)

О чемъ говорятъ у насъ? — «Московскія Вѣдомости», разстривающія одну свадьбу. — Новая нравственная эпидемія. — Неудобство отъ постоянного чтенія газетъ. — Слухи о перемѣнѣ редакціи «Вѣствъ». — Кто лучше: Скарятинъ или гр. Соллогубъ? — Реклама въ пользу клуба артистовъ. — «Мужскіе маскарады». — Яѣнность — какъ добродѣтель нашихъ художниковъ. — Г. Каменскій и его строгіе судьи. — Старыя мысли на новый годъ. — Два поэта-близнеца. — Скорбь о г. Фетѣ. — Увеселенія, зависящія отъ климата. — Китайцы въ Европѣ и японцы на родинѣ. — Новое изданіе «Художественный автографъ» и его курьезы. — Остроуміе петербургскаго книгопродавца.

Понедѣльникъ 2 февраля.

Наконецъ это дѣлается нестерпимо скучно: вотъ уже болѣе мѣсяца, куда ни загляни — въ любую газету, въ гостиную, на улицу — вездѣ только и разговоръ одинъ — «Московскія Вѣдомости» да исторія въ домѣ Тура... Ивановъ да Катковъ, Катковъ да Ивановъ!.. О первомъ даже еще больше толковъ, словно онъ Геростратъ и недавно сжегъ храмъ Діаны. Въ самомъ дѣлѣ, это скучно:

Отъ Песковъ, отъ Коломны до невскихъ катковъ

Только слышится слово Катковъ да Катковъ...

И чему всѣ удивляются? Словно г. Катковъ вчера только родился вмѣстѣ съ г. Аскоченскимъ, словно переводчикъ «Ромео и Юлія» впервые заявляетъ передъ нами свои своеобразные приемы проницательнаго публициста и «спасителя отечества»... Что за близорукость! Прежде ему чернилацы подносили, а теперь его или чернить начинаютъ, или же, какъ новинку, въ запуски расхваливаютъ и того гляди поднесутъ ему и песочницу.

«Катковщина» даже петербургскихъ барышень начинаетъ заражать. Я знаю одну изъ такихъ. Она была уже невѣстой и при входѣ своего жениха, всякій разъ красѣла до самыхъ ботинокъ. Ужъ «счастье было такъ возможно, такъ близко,» но къ новому году барышня со всѣмъ преобразилась...

— «А какихъ вы убѣжденій?» спросила она однажды очень строго своего суженаго. Тотъ отвѣтилъ.

Отвѣтъ его не понравился, рыженькія брови нахмурились и заключили вопросомъ:

— Значить, вы не за «Московскія Вѣдомости?»

— Нѣтъ.

— Если такъ, если у васъ такіе узкіе взгляды, то я не могу быть вашей женой. Прощайте...

Свадьба разстроилась. Суженый, имѣющій «суженный взглядъ на вещи,» ретировался въ отчаяніи. Напрасно: по моему мнѣнію онъ въ выигрышѣ. Сами посудите: жена съ букетомъ «Московскихъ Вѣдомостей!» Что это такое?..

Тыфу!.. Я самъ начинаю говорить о томъ, что мнѣ смертельно надоѣло... Въ этомъ, какъ хотите, есть что-то эпидемическое...

Среда. 4 февраля.

Имѣющій дурную привычку ежедневно за чашкой кофе просматривать разныя газеты постоянно рискуетъ потерять хорошее расположеніе духа. Вотъ я и теперь огорченъ самымъ искреннимъ образомъ, прочитавши гдѣ-то слухъ о переходѣ газеты «Вѣсть» въ другія руки. Эту газету я всегда любилъ за ея галантерейность: читая «Вѣсть» г. Скарятина, живо чувствуешь, что ведешь бесѣду съ милымъ человѣкомъ, въ родѣ Павла Кирсанова, съ человѣкомъ, на которомъ хоть и чищенныя, но все же бѣлыя лайковыя перчатки. Вообще, эта газета не какая нибудь замарашка и отъ чтенія ея не сдѣлаются на рукахъ заусеницы... И вдругъ она переходитъ въ другія руки!.. Обидно!.. Общество для поддержки «Вѣсти» должно бы что нибудь придумать, субсидію, что-ли... Однако, въ печальномъ слухѣ о передачѣ «Вѣсти» есть нѣчто и утѣшительное: пишутъ, что во главѣ новой редакціи этой газеты будетъ стоять гр. Соллогубъ. Последняго я всегда уважалъ; о немъ могу сказать его же собственными словами, что «умъ его широкоплечъ.» Къ тому же авторъ «Тарантаса» и джентельменъ, что особенно доказываетъ его послѣдняя поэма «Нигилисть»... Если почему либо «Вѣсти» необходимо обновленіе, то ужъ лучше пусть такіе дѣятели, какъ гр. Соллогубъ, сдѣлаются ея кормчими. Я радуюсь,—

За тѣмъ,—членъ артистическаго клуба—

Я тамъ дни цѣлые повѣдаю мольбѣ

Про «Вѣсть» Скарятина подь стягомъ Соллогуба...

Кстати, два слова объ артистическомъ клубѣ. Я дѣйствительный членъ этого общества, и имѣю на это право, какъ артистъ, написав-

шій портретъ во весь ростъ г. Стебняцкаго (портретъ продается и его можно видѣть ежедневно до сумерекъ въ редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей»; цѣна 13,000 р. с.; можно сдѣлать и уступку). Если г. Тургеневъ рѣшается писать рекламы въ пользу Я. Полонскаго и знакомой пѣвицы, сочиняющей романсы, то мнѣ и Богъ простить всякое «похвальное слово» артистическому клубу. Этотъ клубъ дѣйствительно достоинъ похвалы самой высокой пробы за его концерты «любителей», которые, кажется, меньше всего любятъ пѣть, за его «живыя картины» съ лошадьми, вырѣзанными изъ толстой папки, за его художественныя импровизаціи съ стихами графа Соллогуба, за его лекціи, кончающіяся балами, за его балы, скучные, какъ лекціи, и, наконецъ... что бияшь еще... да, за его «мужскіе маскарады во фракахъ»... Послѣдніе особенно оригинальны: ни одного почти женскаго домино вы не увидите, а если и мелькаетъ изрѣдка среди черныхъ фраковъ длинный дамскій шлейфъ, то и его можно заподозрить въ томъ, что онъ прикрываетъ собой тоже какого нибудь фрачнаго поствителя. Что же это такое? Изгнаніе женщинъ изъ маскарада? Или же сами женщины игнорируютъ подобныя развлечения артистовъ? Однако же бывають онѣ въ другихъ маскарадахъ и густыми толпами блуждаютъ почти до самаго утра по освѣщеннымъ заламъ, наглядно опровергая слова пресловутаго критика П. Соловьева, рѣшившаго съ свойственнымъ ему глубокомысліемъ, что «наша женщина болѣе всего на свѣтѣ сидитъ или лежитъ» (?!).

Что же касается до главнаго ядра клуба артистовъ, т. е., до петербургскихъ художниковъ, то ихъ нельзя упрекнуть въ плодовитости. Къ нимъ даже нейдетъ эта старая эпиграмма:

Взглянувъ, артистъ, на твой треножникъ,
Могу одно сказать покуда:
Ты только потому *художникъ*,
Что ужъ рисуешь очень *худо*.

Такое замѣчаніе къ нимъ нейдетъ по той простой причинѣ, что они перестали почти совершенно работать и въ ихъ клубѣ давно уже не видать ни одного новаго, сколько нибудь сноснаго произведенія. Впрочемъ, и благо имъ за ихъ лѣность. «Лучше не дѣлать ничего, чѣмъ дѣлать что нибудь дурно,» сказалъ одинъ китайскій философъ. Талантливыхъ художниковъ нѣтъ почти, и даже самъ г. Микѣшинъ вступилъ въ соперничество съ кандитеромъ Назаровымъ, съ тою только разницею, что Назаровъ измышляетъ бонбоньерки, подобныя моделямъ

памятниковъ, а памятники Микѣшина очень смахиваютъ на бон-боньерки.

Изъ общей посредственности есть однако исключеніе — даровитый скульпторъ г. Каменскій. Его новая группа «Первый шагъ» (это уже второе оригинальное его произведеніе,) выставленная теперь въ Академіи художествъ, привлекаетъ къ себѣ не мало восторженныхъ поклонниковъ. Хулителей тоже достаточно, особенно изъ среды академическихъ эстетиковъ, заѣданныхъ и заѣзженныхъ рутинной старыхъ школъ. Какъ имъ, въ самомъ дѣлѣ, не волноваться при видѣ смѣлости молодого скульптора, который не побоялся взять для своей группы самый простой, обыденный сюжетъ: мать, учащая ходить своего ребенка. Предъ вами живая, прочувствованная фигура любящей матери съ нѣжностью и страхомъ слѣдящей за первымъ шагомъ своего сына («А вдругъ онъ упадетъ!» читаете вы на лицѣ ея), который тоже съ ребяческой серьезностью весь занятъ вопросомъ — не оступиться и сохранить балансъ. По истинѣ великая дерзость! кричатъ засиженные мухами рутинеры, которые воображаютъ, что изъ гипса и мрамора можно только воспроизводить одиѣхъ облаченныхъ Наядъ, Венеръ и другихъ милыхъ барынь эротической мифологіи... Порицаніе такихъ кладезей академической мудрости, разумеется, лучшая похвала для г. Каменскаго.

Понедѣльникъ, 9 февраля.

Вотъ и пришелъ новый годъ и прошелъ новый годъ,—а я не замѣтилъ такого астрономическаго передвиженія, ничѣмъ особеннымъ себя не заявившаго. Все идетъ по старому!.. Оно, можетъ быть, и лучше: со старымъ мы сжились, а къ новому еще привыкать нужно. Да, все идетъ по старому въ новый годъ и я невольно твержу теперь стихи своего пріятеля:

И старая хандра и старческій недугъ!
 Подъ окнами шипятъ шарманки старой звуки,
 Я въ старомъ шлафрокѣ, со мною старый другъ
 И пьемъ мы старое бургонское отъ скуки.
 Свуетъ по улицѣ безмысленный народъ,
 Пустой надеждою на счастье лелѣетъ;
 Но чтобъ быть истинно счастливымъ въ новый годъ,
 То надо сдѣлаться на этотъ день—лакеемъ.

Вѣдь это, право, справедливо. Посмотрѣли бы вы, напр., на торжественное выраженіе лица швейцара артистическаго клуба (этотъ

швейцаръ Е. Дроздовъ пользуется нѣкоторою знаменитостью), когда послѣ новаго года онъ раздавалъ посѣтителямъ розовые листочки со стихами собственнаго издѣлія... На этомъ стихотворцѣ я съ намѣреніемъ останавливаюсь; онъ занимаетъ теперь то мѣсто, которое въ пятидесятихъ годахъ занималъ не менѣе извѣстный пѣвецъ Петръ Тартиновъ. Последнее произведеніе Е. Дроздова заслуживаетъ вниманія и по другому случаю, который сбилъ меня совершенно съ толку. Дѣло въ томъ, что его вирши начинаются такими строками:

Есть у каждаго дѣло текущаго дня,
Спеціальное, личное, частное,
Дѣло дѣлямъ извѣстнымъ причастное и т. д.

Я бы и не обращалъ вниманія на эти строки, еслибъ мнѣ на дняхъ не попала въ руки одна изъ книжекъ «Всемирнаго труда». Перелистываю журналъ и нахожу стихотвореніе «поэта-солдата» П. Мартянова, посредствомъ сотрудничества котораго д. Ханъ, кажется, желаетъ свой «Всемирный трудъ» исподоволь обратить въ «Чтеніе для солдатъ». Пробѣгая солдатское стихотвореніе г. Мартянова я съ изумленіемъ читаю его начало:

Есть у каждаго дѣло текущаго дня,
Спеціальное, личное, частное,
Дѣло дѣлямъ извѣстнымъ причастное и т. д.

словомъ, тоже самое начало, что и въ поздравительныхъ стихахъ Е. Дроздова. Кто же кому подражаетъ и кто у кого заимствуетъ вдохновеніе: швейцаръ ли у «поэта-солдата», или послѣдній у стихотворца, булавою вооруженнаго? Гдѣ начинается одинъ и гдѣ кончается другой? Или же наконецъ, оба они—есть одно и то же лицо? Ничего не понимаю... Во всякомъ случаѣ — одно ли это лицо или нѣтъ, — все равно, — но оцѣнивая ихъ поэтическую дѣятельность, я ихъ обоихъ ставлю все-таки неизмѣримо выше г. Фета, который нынче разучился даже писать хорошіе стихи. Въ его пѣсняхъ никогда и прежде не было содержанія, но за то былъ музыкальный ритмъ, была мелодія, а нынче... послушайте хоть одинъ куплетъ изъ его послѣдняго стихотворенія «У гроба» въ «Русск. Вѣстникѣ»:

Ужель добра поклонникъ страстный,
Заслыша смутный толкъ невѣждъ,
Ты обозвалъ (!) мечтой напрасной
Любимый строй живыхъ надеждъ. (?!)

Заслыши такіе звуки, какъ *обозвать* ихъ?.. «Ничего не понимаю, перечитываю вновь»..

Плачьте, музы! Фета нѣтъ!
Свястуны, не будьте коляги:
Передъ нами жалкій слѣдъ
Лиры, сломанной въ осколки.

Четвертъ, 12 февраля.

Съ земнымъ шаромъ что-то случилось; онъ словно «сбился съ ногъ», какъ выражается одинъ мой знакомый. Природа начала вездѣ пошалывать и нарушать прежніе свои законы. Климать всюду мѣняется: въ крещенскіе дни на Невѣ стояла чуть не оттепель, а въ Одессѣ въ то же время всѣ мерзали... Въ Харьковѣ въ январѣ шли дожди, а въ Кіевѣ цѣлты распускались. Въ настоящее же время весь Петербургъ похожъ на огромный лазаретъ. Особенно скорбятъ объ этомъ желоманы, видя, что по милости различныхъ недуговъ, представленія оперъ часто отменяются и любимые публикой пѣвцы заболѣваютъ. Даже неутомимая А. Патти не выдержала нашего капризнаго климата и означена теперь на афишахъ въ графѣ заболѣвшихъ артистовъ... Такіе неожиданные сюрпризы для присяжныхъ театраловъ дѣйствительно обидны: ѣдешь слушать Патти, а въ театрѣ встрѣчаешь только г. Раппопорта; на другой день скачешь послушать любимую оперу, но она отменяется и опять-таки встрѣчаешь вездѣсущаго г. Раппопорта... Можно, впрочемъ, встрѣтить еще и пожаловавшихъ, наконецъ, къ намъ китайскихъ пословъ. Ихъ теперь развлекаютъ и возятъ по разнымъ гульбищамъ и имъ, говорятъ, болѣе всего пришлось по вкусу представленія въ театрѣ Берга... Еще бы!.. Пусть же развлекаются китайцы, странствующие по Европѣ для смягченія нравовъ, какъ думаютъ многіе. Едва ли, впрочемъ, это такъ. Странствовали по Европѣ и японцы, народъ еще болѣе воспримчивый и чуткій, чѣмъ китайцы, учились они у европейцовъ уму-разуму, всматривались въ ихъ обычаи и въ ихъ жизнь, чтожь, какой толкъ вышелъ изъ всего этого? На это отвѣчаютъ намъ послѣднія событія въ Японіи, гдѣ за подавленіемъ возмущенія, начались самыя варварскія казни, уже немислямыя видѣ въ Европѣ. Особенно зѣрски казнили предводителей. Одинъ изъ нихъ уже почти замученный и полу-живой былъ распятъ съ растопыренными ногами, а между ногъ, подпирая его, былъ вставленъ заостренный сверху колъ. Шею привязали къ кресту веревками, руки тоже. Распятому прокололи копьемъ сперва одинъ бокъ, потомъ

другой бокъ и, обливаясь кровью, въ страшныхъ конвульсіяхъ несчастный только тогда испустилъ духъ, когда ему прокололи животъ и крючковой палкою вытащили изъ него внутренности.

Вотъ вамъ и смягчающее вліяніе прогулки по Западной Европѣ!.. Чего въ самомъ дѣлѣ ожидать отъ дикихъ людей, которые свой визитъ къ пріятелю оканчиваютъ часто тѣмъ, что въ чужомъ домѣ сами себя распарываютъ брюхо...

Пятница, 13 февраля.

Нѣсколько дней назадъ я писалъ о томъ, что наши художники ничего не дѣлаютъ. Одинъ изъ художниковъ случайно заглянулъ въ мою рукопись и разобидился.

— Такъ мы по вашему ничего не дѣлаемъ?.. погодите же немного...

Онъ быстро убѣжалъ, но черезъ часъ возвратился съ большимъ альбомомъ въ рукахъ и торжественно положилъ его передо мною. Тетрадь мною развернутая оказалась новымъ, недавно вышедшимъ изданіемъ: «*Художественный автографъ. Выставка академіи художествъ въ 1869 г.*»

Ага! вотъ въ чемъ штука! Академическіе Нарцисы въ своемъ самоуслажденіи не хотѣли понять, что послѣдняя выставка въ академіи была очень посредственна, и что художники тѣмъ болѣе выиграютъ въ глазахъ публики, чѣмъ скорѣе публика забудетъ про эту выставку. Нѣтъ, Нарцисы палитры пожелали увѣковѣчить послѣдній художественный сезонъ и въ предисловіи къ своему изданію такъ объясняютъ его цѣль: «Настоящая тетрадь содержитъ въ себѣ автографическіе очерки, исполненные русскими художниками съ ихъ произведеній, находившихся на послѣдней годичной выставкѣ. Мы желали доставить художникамъ случай собственноручно воспроизвести ихъ работы такимъ образомъ, *чтобъ эти воспроизведенія живо напоминали оригиналы* видѣвшимъ выставку, а невидѣвшимъ давали возможность составить о ней наглядное понятіе»...

Въ армитажѣ есть одна преграціозная картинка одного французскаго художника: прелестная дѣвушка, увлеченная своей собственной красотой, съ цѣломудреннымъ упоеніемъ цѣлуетъ зеркало, въ которомъ отражается лицо. Но, г.г. художники, дѣвушка эта дѣйствительно прекрасна и въ зеркалѣ отражается дѣйствительно ея милое личико, — ваши же произведенія вовсе «некрасивы», а альбомъ вашъ къ тому же не имѣетъ вѣрности зеркала и васъ самихъ передаетъ намъ въ каррикатурѣ. Я умолчу о «Жанрѣ», довольно удобно передаваемомъ

въ очеркѣхъ рисунковъ на камнѣ, да и то при хорошей отдѣлкѣ, но вообразите себѣ пейзажъ г. Шишкина «Полдень», гдѣ все дѣло въ краскахъ и въ ихъ обаятельномъ обманѣ, вообразите пейзажъ, гдѣ надъ знойной дорогой нависли золотыя облака и золотистая мгла полудня и представьте, что такая картина передана чернымъ карандашомъ на камнѣ—что это такое? Передъ вами какія-то грязныя пятна, размашистые, жирные штрихи—и ничего болѣе. Такихъ пейзажей въ альбомѣ много и каждый пойметъ насколько они могутъ «*живо напоминать оригиналы*»... И такую забаву художники называютъ дѣломъ!.. Но лучше всего ихъ литературныя автографы, т. е. подписи подъ картинами: потомство должно оцѣнить грамотность нашихъ художниковъ, которые пишутъ: *этюдъ, сѣрна, эскизъ*... и т. д.... всего не припомню...

Воскресенье, 15 февраля.

Заѣзжалъ въ одинъ книжный магазинъ. Какую книгу ни спрошу, — нѣтъ, говорятъ, къ слѣдующему дню приготовимъ. За то книгопродавецъ съ большою расторопностью предлагалъ мнѣ свои собственныя изданія. Между прочимъ я былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Книгопродавецъ нанялъ новаго молодого приказчика и о жалованьѣ разсуждалъ съ нимъ полусерьезно слѣдующимъ образомъ:

— «Ну-съ, теперь вопросъ о жалованьѣ. Мои условія такія — я буду платить вамъ 25 р. с. въ мѣсяцъ, да сами вы украдете въ мѣсяцъ рублей семьдесятъ, слѣдовательно рублей 100 вы навѣрно получите. Согласны?»

Книгопродавецъ хитро взглянулъ на меня, воображая, что онъ очень остроумецъ. Но это не остроуміе, а цинизмъ. Кто въ самомъ дѣлѣ виноватъ: приказчику даютъ ничтожное жалованье, держатъ его за работой чуть не вѣчныя сутки, заставляютъ одѣваться по модной картинкѣ, да еще требуютъ отъ него абсолютной честности, а сами.... но здѣсь достаточно и нѣсколькихъ точекъ....

Что въ имени тебѣ можеть?

ИЗЪ ДѢТСКАГО МИРА.

(Арабески.)

I.

УКРОЩЕНІЕ ПЫТЛЕВАГО.

По метрическимъ книгамъ Ваня Стругаловъ значился рожденнымъ отъ коллежскаго совѣтника Петра Ивановича Стругалова и законной супруги его Зинаиды Львовны, въ дѣвцахъ (до 27 лѣтъ, не въ обиду будь ей сказано) Боярышниковой. Ваня былъ мальчикъ, что называется, шустрый и злодѣйскіе *какъ? почему? и зачѣмъ?* которыми онъ любилъ угощать каждаго, вступавшаго съ нимъ въ разговоръ, не мало печалили его добрыхъ папашу и мамашу, счастливо изжившихъ свой вѣкъ безъ *почему и зачѣмъ*, а руководствовавшихся лишь обычными въ сей тѣнной жизни: *такъ приказано, или такъ самъ хочетъ, или бабушкина прабабушка такъ дѣлала* и проч. и проч. Особенно Ванюшино *почему* огорчало самого папашу, Петра Ивановича, ибо вопрошающій сынъ зачастую загибалъ сей главѣ семейства такіе вопросы, отъ которыхъ у маститаго чиновника просто выпирало вонъ кадыкъ, такъ какъ, дѣйствительно, приходилось выбирать любое изъ двухъ: либо проваливаться сквозь землю, либо нести какую-то неподобную гиль, слушая которую даже зеркала тускнѣли и линяла мебель.

— Папа, что такое затмѣніе? спросить, напримѣръ, Ваня у отца.

«Помоги мнѣ, Господи!» чуть не со слезами взмолятся Стругаловъ. — «Вотъ вопросецъ-то завалыть!» мысленно прибавить онъ; однако все-таки подавить внутреннюю скорбь и съ достоинствомъ отвѣтить:

— А это такъ, дружокъ, пертурбація такая... Такъ звѣзда объ звѣзду, или солнце объ мѣсяць... стремглавъ... — Да ты не бойся, матушка! вдругъ ни съ того, ни съ сего вывезетъ папаша.

— Кого не бойся? паять глазенки на отца Ванюша.

— Его... затмѣнія-то этого самаго...

— Да я и не боюсь совсѣмъ; съ чего ты это взялъ?

— Нѣтъ, я такъ, къ слову... Ты, коли ежели во снѣ или что, такъ ты плюнь на него.

— А почему?

— Ну, почему, почему?.. потому что оно сейчас и пройдет.

— Кто пройдет?

— Кто, кто?.. затѣніе...

— Ахъ, папа, какой ты странный? удивляется Ваня. — Я спрашиваю тебя, почему затѣніе бываетъ, а ты говоришь—плюнь на него.

Тутъ папаша еще смелеть что нибудь, сынъ подставить еще вопросъ другой, а въ концѣ концовъ весь разговоръ сведется къ тому, что отецъ зарাপортуется совѣмъ.

— Да замолчи ты, Ваня, ради самого Создателя! едва сдерживая себя, уговариваетъ отецъ, чувствуя, что давно разстрѣлялъ уже всю объяснительную чушь и вотъ-вотъ сейчасъ даже и слова всякія, даже бессмысленныя, изсякнуть совершенно и останутся одни лишь непонятныя звуки.

Если же и отъ такихъ увѣщаній Ваня не унимался, папаша прибѣгалъ къ послѣдному средству—къ помощи мамани (сбѣчь сына или унимать его другимъ, столь же легкимъ способомъ, Петръ Ивановичъ не позволялъ себѣ: *не принято нынче*, говорилъ онъ... разумѣется, не безъ боли въ сердцѣ).

— Зинаида Львовна! звалъ папаша мамашу.

— Что, мой другъ? спрашивала Зинаида Львовна, дама, вся созданная изъ блеска и трепета, значительно, впрочемъ, приукрашенная бѣлыми и румянами.

— Да помоги же мнѣ, наконецъ.

— Въ чемъ, мой другъ?

— Одогъль совѣмъ. Хоть убей, не отобьюсь отъ его *почему*,— ей-Богу!

— Ахъ, мой другъ, у меня у самой всю голову разломилъ отъ его вопросовъ. Я, право, и сама ужъ не знаю, какъ и чѣмъ намъ отгадать его отъ этого? Еще сегодня madame Кошкина говорила мнѣ, что она рѣшительно бы заболѣла, рѣшительно бы заболѣла, если бы у нея былъ такой неотвязчивый сынъ!

— Да вѣдь ты слышала, какъ онъ меня при предсѣдатель сръзалъ: «почему, говорить, ты, папа, постоянно приходишь изъ должности такой веселый и кричишь: иди, Зина, нынче мошну набилъ»?

— Какже, какже...

— Такъ вѣдь хорошо, что предсѣдатель-то сдѣлалъ видъ, какъ будто не слышитъ, — а то вѣдь неприятели могли бы выйти... Понямаешь?...

Неизвѣстно, какъ бы долго продолжалось подобное предосудительное поведеніе Вани, если бы слѣдующій случай не послужилъ поводомъ къ другому случаю, а сей послѣдній не положилъ бы конецъ всѣмъ симъ пытливымъ пытаниямъ.

Разъ папаша Вани возвратился не въ духѣ изъ должности и вмѣсто заведеннаго: «иди, Зина! нынче мошну набилъ», съ сердцемъ проворчалъ: «нашъ-то, кажется, самъ началъ теперь здоровенные куски рвать съ просителей — хапуга, какъ оказывается, порядочный». Ваня, который случился здѣсь и слушалъ весь этотъ разговоръ, отлично запомнилъ слова папаша и ждалъ только случая. Случай сей — говоря высокимъ слогомъ — скоро представился...

Въ день рожденія мамаша, когда гости только-что сѣли за столъ (въ томъ числѣ, разумѣется, и начальникъ, не при немъ будь сказано), и когда мамаша только-что приготовилась рушить ароматный пирогъ, Ванюша, ни мало не медля, такъ-таки и бухнулъ именитому гостю.

— А тебя разъ папаша хапугой назвалъ. Это почему? уставился на предсѣдателя Ванюша.

Боже! что тутъ произошло! Я не говорю уже о томъ, что нѣкоторые гости сразу обратились въ соляные столбы, что Ванюша былъ тотчасъ увлеченъ въ дѣтскую, что одинъ изъ присутствовавшихъ, желая замять скандалъ, вмѣсто пирога сталъ разрѣзывать ни въ чемъ неповинную салфетку, а другой — опрокинулъ серебряную кадку съ замороженнымъ шампанскимъ, — словомъ, я не говорю о всеобщемъ смятеніи, которое, какъ и слѣдуетъ, было ничто въ сравненіи съ смятеніемъ самого Петра Ивановича, если еще и непроваливагоса сквозь землю, то единственно потому, что невозможно было сквозь нее провалиться.

— Господи! уже черезъ мѣсяцъ говаривалъ Стругаловъ, — вотъ срамота, вотъ срамота-то была!

Послѣдствіемъ же всей этой срамоты оказалось то, что на слѣдующій же день въ семейномъ совѣтѣ рѣшено было отдать Ванюшу въ пансіонъ, въ надежныя руки, дабы съ корнемъ вырвать изъ него это злодѣйское почему и вся, яже съ нимъ.

Сказано — сдѣлано. Ванюшу помѣстили куда слѣдуетъ. И вотъ, не прошло еще и трехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Ваня находится въ чужихъ, опытныхъ рукахъ, а папаша съ мамашей и теперь уже радуются не нарадуются, глядя на своего любимаго сына. Спросить, напримѣръ, папаша сына, когда онъ бываетъ у нихъ въ воскресный или праздничный день:

— Нравится-ли тебѣ, мой милый, твой пансіонъ?

— Мой пансіонъ, папенька, — точно по печатному, умно таково отвѣчаетъ Ванюша, — не можетъ миѣ не нравиться, ибо въ оный пансіонъ я отданъ любящими меня и всегда любимыми мною родителями.

— Не хочешь-ли, дружочекъ, чаю? спроситъ мамаша.

— Не смѣю утруждать васъ, милая мамаша, моими заявленіями, — почтительно отвѣтитъ Ванюша, — но всегда буду признателемъ, если получу отъ васъ съ материнскою нѣжностью предлагаемую миѣ чашку чаю.

— У васъ латынь-то учать? полюбопытствуетъ папаша.

— Въ семь мертвомъ языкѣ, — обстоятельно и кротко доложить Ваня, — мы вступили уже въ третье склоненіе, а въ семь послѣднемъ, благодаря любви ко миѣ моихъ незабвенныхъ родителей, изучаемъ *исключеніе обь именахъ на is*, которое читается такъ:

Мужескаго же на is:

Postis, follis, magilis,

Papis, piscis, crinis, finis, и проч.

Словомъ, Ваня сталъ образованнымъ ребенкомъ и злодѣйское *почему* не вылетаетъ болѣе изъ его дѣтскихъ устъ. Папаша съ мамашей безмѣрно имъ довольны и скоро думаютъ перемѣстить Ванюшу въ московскій лицей для большаго укрѣпленія въ благовравіи и классицизмѣ.

II.

На улицѣ.

Дѣтя, не спѣшите такъ, смотрите себѣ подъ ноги, чтобы не поскользнуться и не расквасить носъ; да старайтесь вглядываться во все, что попадаетъ вамъ на глаза...

Ахъ, дѣти, дѣти! не на то вы все, мои милыя, смотрите!

Вижу, смотрите вы, напрямѣръ, съ особеннымъ любопытствомъ на эту дорогую соболью опушку на этой прекрасной собольей шубкѣ, — штука, дѣйствительно богатая. Но кто же, дѣти, не съумѣетъ возложить на свои плечи тысячную шубу, если таковая имѣется? Полюбуйтесь лучше вонъ тѣмъ мужиченкомъ, что бѣжить на противоположной сторонѣ улицы, торопливо похватывая себя голыми руками и за носъ и за уши, деревенящіе отъ крутого мороза: это какой нибудь

посыльный, котораго одинъ молодой человекъ послалъ къ другому по очень важному дѣлу—о назначеніи rendez-vous одной прелекательной блондиночкѣ.

Мужикъ, это, дѣти, почтенный человекъ, это—опора отечества. Это, дѣти, одинъ изъ самыхъ любопытнѣйшихъ предметовъ для изученія.

Почтененъ онъ, друзья мои, потому, что добываетъ двѣ-три деньги въ день на всѣ нужды; почтененъ потому, что почти безропотно отдаетъ все, все приносить въ жертву другимъ и самъ не получаетъ за это ничего; почтененъ потому, что часто, оторванный отъ семьи и брошенный чортъ знаетъ куда, онъ носить сосущую, хроническую скорбь тамъ гдѣ-то далеко, въ сердечной глубинѣ: скорбь о дряхломъ старикѣ-отцѣ, о безпомощной старушкѣ кормилицѣ-матушкѣ, объ усохшей отъ слезъ молодой женѣ, которую онъ бросилъ и самъ не знаетъ какъ и на кого, часто объ дѣтяхъ, да не такихъ дѣтяхъ, какъ вы, а голыхъ, замаранныхъ, голодныхъ, холодныхъ, съ потрескавшимися то отъ холода, то отъ жара босыми ноженками.

Дѣти! вы не слышали плача этихъ горькихъ сиротъ, безголосаго, силлага плача, отъ котораго растопится всякое сердце, какое бы желѣзное оно ни было! Друзья мои! и не дай Богъ вамъ слышать этотъ разрывающій душу плачъ, если въ васъ не будетъ силъ унять его!

— Ты спрашиваешь, Сама, видѣлъ ли я такихъ дѣтей?

— Видѣлъ, мой другъ, видѣлъ. Ахъ, что это за несчастныя дѣти! У нихъ, друзья мои, не такъ, какъ у васъ—и одной такой игрушки нѣтъ, какихъ у васъ сотни. Зимой эти дѣти, за недостаткомъ теплой одежды, дрожа жмутся въ избѣ, вмѣстѣ съ разными курами, поросятами, телятами; лѣтомъ ихъ можно видѣть на улицѣ играющими какой нибудь бычачьей или лошадиной костью, которую они переважно возятъ за собой, словно и Богъ знаетъ какой занимательный игрушечный экипажъ. А не то увидите вы ихъ нагими, на берегу маленькой деревенской рѣчки забавляющихся голышами (камни такіе), обмазывающихъ другъ друга липкой тиной, пересыпающихъ изъ кучи въ кучу жгучій, какъ огонь, песокъ, или бродящихъ по колѣна въ водѣ, въ которой они частенько-таки и тонутъ за недостаткомъ присмотра.

— Есть ли у нихъ няньки? ты спрашиваешь, Коля.

— Какія же, милый мой, няньки, когда матери этихъ дѣтей такъ же бѣдны, такъ же безпомощны, какъ и сами дѣти; когда эти мѣматерямъ зачастую самимъ нечего ѣсть.

— Ты, Мама, очень ужъ засмотрѣлась, кажется, на того фран-та въ модѣйшей французской шляпѣ и камчатскихъ бобрахъ, что прокатилъ мимо на рысахъ?

Да, дѣти, это тоже почтенный, но только въ своемъ родѣ, человѣкъ. Онъ, если хотите, тоже мученикъ своего дѣла. Онъ спѣшитъ теперь къ мадамъ Лжищевой, чтобы съ безпримѣрною ловкостью раскланяться и воскликнуть заморской птицей: *M'ame! j'l'h'neur d'vous saluer!* перебросить два-три слова о новой балетной звѣздѣ, объ игрѣ *ш-Ле Деланортъ* въ «*Frou-Frou*», а затѣмъ откланяться и стремглавъ летѣть къ мадамъ Врालищевой, тамъ продѣлать то же самое, что и у мадаме Лжищевой, потомъ быстро сорваться со стула, откланяться и снова летѣть стремглавъ къ мадаме Брехуновой съ тѣмъ же самымъ, отъ Брехуновой къ Шилохвостовой, отъ Шилохвостовой къ Трасогузкиной, и т. д. и т. д. Имя этому денди—пустота, отчество—глупость, фамилія—развратъ!

— Ну, дѣти, беритесь всѣ за меня и пойдемъ теперь безъ разговоровъ, потому что вонъ идетъ извѣстный сикофантъ, который сейчасъ заоретъ: *некуда! некуда!* какъ только... Ни слова больше: эта рожа приближается!

III.

Двѣ капли воды дѣдушка!

Сережа былъ единственный двадцатидвухлѣтній ребенокъ у своихъ папаша и мамаша, ребенокъ тихій, послушный, кроткій, вполне добропорядочный. Я знаю, что многимъ покажется страннымъ наименованіе ребенкомъ двадцатидвухлѣтняго балбеса, — но что же дѣлать: это вѣрно!.. Да, признаться, если колупнуть поглубже въ семь странномъ мірѣ, то окажется всюду великое, великое множество ребятъ, не только двадцатидвухлѣтнихъ, но даже ребятъ такихъ лѣтъ, о числѣ которыхъ обыкновенно не распространяются въ порядочномъ обществѣ, а глухо произносятъ: «солидныхъ лѣтъ».

Итакъ, Сережа, какъ уже и рѣчено было, состоялъ въ тихихъ, кроткихъ и послушныхъ ребятахъ у своихъ папаша и мамаша, каковыми качествами, разумеется, доставлялъ родителямъ своимъ несказанное удовольствіе. «Двѣ капли воды дѣдушка! съ умиленіемъ и сердечной радостью говорила объ Серезѣ мамаша, хваля его добропорядочность: — тотъ тоже этакій скромный былъ!» Но вдругъ на

Серезу—не къ ночи будь сказано—напала великая блажь: захотѣлъ Сереза испытать свою силу богатырскую, людей посмотрѣть, себя показать—сталъ Сереза проситься со двора неотступно.

— Милые папаша и мамаша! въ одно прекрасное утро возопилъ Сереза;—положите на меня свое родительское благословеніе, на вѣки нерушимое, и отпустите меня млада-вѣюноша на улицу погулять, людей посмотрѣть, себя показать.

— Да вѣдь тебя тамъ собачка—гамъ! гамъ! пугаль папаша.

— Или лошадка—топъ! топъ! страдала мамаша.

— Нѣтъ, милые папенька и маменька, я собачку падочкой отгону, отъ лошадки въ ворота убѣгу! представлялъ свои резоны сынъ.

— Совершенный ты дѣдушка, Серезенька, сказала мамаша;—такой же характерный.

Но, какъ бы тамъ ни было, положили папаша съ мамашей на Серезу свое родительское благословеніе, на вѣки нерушимое, и отпустили со двора.

Вышелъ Сереза на улицу,—ну, извѣстно, ребенокъ малый—первымъ долгомъ зашелъ въ трактиръ, выпилъ для храбрости крохотную рюмочку хересу, а потомъ и пошелъ въ путь-дорогу. Шелъ, шелъ онъ, пришелъ на Невскій, видить — стоитъ трактиръ, зашелъ, выпилъ для храбрости большую рюмку водки, и пошелъ дальше. Шелъ, шелъ, вышелъ на Садовую, видить—стоитъ трактиръ, зашелъ, выпилъ полубутылку коньяку для храбрости, и опять въ путь. Такъ, смотря людей и показывая себя, проходилъ Сереза съ ранняго утра и до поздняго вечера, и когда вернулся въ родительскій домъ, то первымъ дѣломъ громко произнесъ:

— Милые папаша и мамаша, я грубить хочу!

— Боже мой! онъ пьянъ! съ ужасомъ возопилъ папаша.

— И на дѣдушку советѣмъ не похожъ! горько воскликнула мамаша и повела сына спать.

Съ тѣхъ поръ Сереза болѣе со двора отпускаемъ не былъ, ибо въ семейномъ совѣтѣ рѣшено было, что для того, чтобы на дѣдушку походить, Серезѣ не слѣдуетъ со двора выходить.

Не знаю, что будетъ дальше, но папаша и мамаша покуда совершенно довольны поведеніемъ Серези: «двѣ капли воды дѣдушка!» съ гордостью сообщаетъ всѣмъ мамаша.

Маша Саратовцевъ.

ЮМОРИСТЪ СЪ ДѢВИЧЬЯГО ПОЛЯ.

(По поводу одной публикаціи.)

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что русскій человѣкъ — веселый человѣкъ. Къ его, можетъ быть, счастію «легкость въ мысляхъ» у него чрезвычайная. Тамъ, гдѣ нужно плакать, онъ часто очень добродушно смѣется, а подчасъ и самъ надъ собою подтруниваетъ. Да, русскіе люди по своему типу вовсе не угрюмыя созданія и веселья имъ не занимать-стать у французовъ, а между тѣмъ — страшное дѣло! — юмористы у насъ большая рѣдкость. Въ лучшихъ произведеніяхъ современныхъ беллетристовъ, съ г. Тургеневымъ включительно, нигдѣ не заявляетъ себя юмористическая жилка. Единственное исключеніе — Н. Щедринъ. Затѣмъ бѣдность юмористической литературы всею замѣтнѣе дѣлается по нашимъ юмористическимъ газетамъ. Возникали и исчезали такіе листки и газеты, есть и теперь нѣсколько юмористическихъ изданій, но между ними только одна «Искра» имѣетъ право на существованіе.

Гдѣ же наши юмористы? Ужъ не въ Одессѣ ли, въ самомъ дѣлѣ? Недавно былъ заявленъ гдѣ-то слухъ, что въ Одессѣ затѣвается сатирическая газета. Мы пока еще не имѣемъ никакихъ данныхъ предполагать, что ядро русскаго юмора скрывается именно въ этомъ городѣ, а потому одесскимъ предпринимателямъ изданія сатирическаго органа мы хотимъ дать совѣтъ. Есть, господа, на Руси великій, самый непосредственный юмористъ, мало у насъ оцѣненный и самъ еще непознавшій своего призванія, хотя нельзя сказать, что на губахъ его молоко не обсохло. Юмористъ этотъ — М. П. Погодинъ, и мы не шутя рекомендуемъ его вамъ: поклонитесь ему и попросите его взять въ руки бразды редакціи одесскаго юмористическаго изданія: въ успѣхѣ нельзя сомнѣваться...

Къ сожалѣнію, очень немногимъ извѣстно, что въ Москвѣ издавалась, и увы! уже прекратилась самая развеселая газета «Русскій», гдѣ главнымъ и единственнымъ «весельчакомъ» былъ самъ М. П. Погодинъ. Въ этой газетѣ — каждая строка, что твой баронъ Брамбеусъ... Михаилъ Петровичъ большею частію и не желалъ въ своей газетѣ развлекать насъ «смѣхомъ и веселіемъ», даже солиднымъ публицистомъ прикидывался, но внутренній комизмъ тѣмъ и драгоцѣ-

ненъ, что его ничѣмъ не заслужишь, что онъ выдастъ себя во всякое время и во всякой формѣ. Начнетъ человекъ ученымъ притворяться, трактуеть объ историческихъ документахъ, о проектѣ памятника Богдану Хмельницкому, о «славянскомъ вопросѣ», что ли, а своеобразный юморъ нѣтъ-нѣтъ, да прорвется и даетъ себя знать самымъ неожиданнымъ образомъ. Да что говорить объ историческихъ статьяхъ Михаила Петровича: Михаилъ Петровичъ простой замѣтки, обыкновенной публикаціи о случайномъ обмѣнѣ шубы не умѣетъ написать, какъ пишутъ всѣ простые смертные. Такъ, напр., въ № 24 «Русскихъ Вѣдомостей» появилась слѣдующая курьезная публикація Погодина:

«Въ концѣ прошлой зимы (т. е. годъ тому назадъ?) въ день выборовъ городского головы, или около того дня, обмѣнена енотовая шуба, крытая темнымъ сукномъ (еще бы свѣтлымъ!) *безъ вислячаго воротника* (?!). Покорно просить обмѣниваша доставить ее на Девичье поле, въ домъ М. П. Погодина и получить свою»...

Догадайтесь, пожалуйста: шутку ли шутить М. П., или говорить серьезно? Посудите сами: юмористъ черезъ годъ вспомнилъ, что у него обмѣнили шубу, и заявляя объ этомъ, прибавляетъ, что онъ носить енотовую шубу *безъ вислячаго воротника*.... Какъ безъ воротника? Вѣдь такихъ шубъ еще отъ вѣка никто не видалъ, вѣдь подобныя публикаціи только и возможны въ юмористическихъ газетахъ... Неоцѣненный комикъ, ни въ чемъ и нигдѣ себя неизмѣняющій!... Поймите же, господа:

Настоящій юмористъ
Даровитой нашей націи
Непремѣнно разсмѣшитъ
Даже въ самой публикаціи,
Объявляя про еноть,
(Пресерьезно, разумѣется.)
Что на немъ воротника
Даже вовсе не имѣется...

Заявленіе Михаила Петровича такъ оригинально, что передъ нимъ блѣднѣетъ даже публикація г. Руденко, который, какъ ходатай по дѣламъ, пишетъ самъ себя такую рекламу: «*Извѣстный адвокатъ и литераторъ* (?) Иванъ Григорьевичъ Руденко, авторъ «Народной пѣсни», временно проживающій въ Челябинскѣ, въ интересахъ обращающихся къ нему объявляетъ, что онъ разсматриваетъ всякіе граждан-

скіе и уголовные процессы, защищаетъ желающихъ посредствомъ судоговоренія и печати» и т. д. Какъ видите, тоже юмористъ въ своемъ родѣ...

II. Разнокропородный.

ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ?

(Размышленія театрала.)

Жизнь есть театр, гдѣ слезы, шутки
Нашъ общій лозунгъ и пароль,
Гдѣ изъ суфлерской скромной будки,
Сама судьба намъ шепчетъ роль.

Мы въ жизни всѣ актеры сами,
То въ видѣ маломъ, то въ большемъ,
Играемъ вынче — въ слезной драмѣ,
А завтра въ фарсѣ пресмѣшномъ.

Плывемъ въ «Грозу» «Противъ течения»,
Въ загишь — вѣжимъ нашу плоть
И говорить «Два покольнья»:
Вѣдь мы «Отрѣзанный ломоть».

Твердимъ мы всѣ «Не въ деньгахъ счастье»,
Хуля, порой, «Гражданскій бракъ»,
Но видимъ: деньги, бракъ, участие —
Намъ всѣмъ — «Не по носу табакъ».

Увлечены всѣ «Общимъ благомъ»,
По правдѣ мы сказать должны,
Что путь свершая шагъ за шагомъ,
Мы только лишь «Говоруны».

«На бойкомъ мѣстѣ» важнымъ лицамъ
Мы любимъ кланяться подь часъ,
И причисляютъ къ «Пьщимъ птицамъ»
Теперь «Воробушковъ» у насъ.

Мы ищемъ всё «*Подругу жизни*»,
 Но такъ рѣшила жизнь сама:
 «*Женитьба*» счастливыхъ нѣтъ въ отчизнѣ
 И всюду «*Горе отъ ума*».

«*Доходныхъ мѣстъ*» толпа желаетъ,
 Творить на службѣ всякій вздоръ,
 И лишь тогда бѣду познаетъ,
 Когда прійдетъ «*Ревизоръ*».

«*Нероновъ*» корчимъ по пустому
 Мы предъ прислугой и женой,
 Кончая тѣмъ, что «*Къ мировому!*»
 Сбираютъ насъ въ морозъ и въ зной.

L'homme qui rit.

ИЗЪ АЛЬБОМА МЕЛОЧЕЙ.

I.

НА ВЫБОРЪ.

Отрадно сознавать себя бойцомъ за дѣло
 И силой въ массѣ общаго труда:
 Напоръ судьбы тогда ты встрѣтишь смѣло —
 Пусть жизнь тебя ломаетъ — не бѣда!
 Но если жъ ты советѣмъ уже не годенъ
 И сознаешь (въ нашъ извращенный вѣкъ
 Такой пеступокъ право благороденъ),
 Что ты сталъ лишній человекъ,
 Тебѣ тогда на выборъ остается
 Одно изъ двухъ — ужь что ни говори —
 Повѣсятся, коль петля не сорвется,
 Или идти въ сотрудники «*Зари*».

Н. Верховъ.

II.

ЮРОДИВОМУ КАРАТЕЛЮ РАСКОЛА.

Безстыдствомъ щеголя въ каждой фразѣ
 Полемики наглець журнальный ждеть,
 Но даже жалко кома самой грязи,
 Чтобъ грязью былъ заброшевъ идіотъ.
 Ничтожество и глупость — таже сила,
 Они смутать Вольтера и Рабле:
 Горбатовъ, говорить, исправить лишь могила,
 А черепъ дурака глушь даже и въ землѣ.

Л. Д.

Ему жк.

Раскольниковъ бранить онъ вслухъ,
 Но это странно безъ конца,
 Когда сектатора-скопца
 Ругаетъ нравственный евнухъ.

Л. Д.

POST SCRIPTUM. Прошу редакцію «Дѣла» удалить нѣсколько строкъ моему коротенькому и, надѣюсь, послѣднему отвѣту на рецензію «Отеч. Записокъ», отвѣту, вызванному съ моей стороны ужъ черезъ-чуръ развязнымъ критикомъ этого журнала. Отвѣтъ мой, какъ и слѣдовало ожидать, не понравился анонимному *Скриблеру* «Отечеств. Записокъ», и онъ, пыхтя и заливаясь желчью, пустилъ противъ меня новую обличительную тираду, украшающую à la Sourdisine одну изъ страницъ декабрьской книжки органа г. Краевского. Очень жалко, что эта тирада попалась мнѣ на глаза поздно, а именно послѣ выхода 1-й кн. «Дѣла» и потому моя настоящая замѣтка опоздала, но, во всякомъ случаѣ, я прошу дать ей мѣсто хоть ради того, чтобы редакція «Отечественныхъ Записокъ» обратила наконецъ вниманіе на таланты своихъ скриблеровъ по части поддѣлки чужихъ фразъ и чтенія чужихъ переводовъ шиворотъ на выворотъ.

Послѣ перваго моего отвѣта («Рецензенту «Отечественныхъ Записокъ», Дѣло, кн. II 1869 г.) у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія препираться съ нимъ о чисто-научныхъ матеріяхъ: это значило бы заниматься переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, да на этотъ разъ рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ» выказалъ такую похвальную скромность относительно своихъ ученыхъ соображеній, что мнѣ остается только пожелать ему этой скромности и на будущее время.

Но на счетъ знанія русскаго языка, какъ предмета, болѣе доступнаго массѣ читателей, позволю себѣ сдѣлать маленькую оговорку. Обвиняя меня въ научномъ «безграмотствѣ» (по-русски говорятъ безграмотность, и только просвирни употребляютъ слово безграмотство) и незнаніи русскаго языка, авторъ тирады, въ видѣ уликъ, указываетъ на глаголь «*воставить*» и какую-то «*атласную постель*» — выраженія, будто бы употребленныя мною на 102-й и 33-й страницахъ «Гигіены». Мы удивляемся не тому, что въ книгу могла вкратиться самая обыкновенная опечатка («накопленіе крови можетъ *воставить* (т. е. оставить) послѣ себя вредныя послѣдствія», «Попул. Гигіена», стр. 102), — во крайне удивляемся мы, какимъ образомъ подобный типографскій недосмотръ, нисколько впрочемъ невскажающій смысла, могъ поставить въ тупикъ — «рецензента», человѣка, уже ex-officiо пріобыкшаго ко всякой неряшливости въ печати. Вѣдь если бы, на основаніи корректурныхъ и типографскихъ ошибокъ, мы *также* захотѣли судить о степени знанія и добросовѣстности разныхъ русскихъ еклиблеровъ, то должны были бы придти къ весьма печальнымъ для редакціи «Отеч. Зап.» заключеніямъ. Развернувъ хоть бы послѣднюю (декабрьскую) книжку этого журнала, мы нашли бы слѣдующія красоты: латинскія слова *malitia*, *vivificat*, *Hispaniam* превращены въ «Отеч. Запискахъ» въ *malititia*, *vivicat*, *Hispalim*, испанское *majos* — въ *majog*, италіянское *gioir* — въ *giojr*, Поль-Луи Курье и Равальякъ окрещены въ Курье и Ровальяка, вм. вчерашняго, его, походы, напечатано *вчератняя*, *ei*, *поход* и т. д., и т. д. Мы этого, однакожъ, не сдѣлаемъ, хорошо понимая, что набрасываться на корректурные недосмотры, возводя ихъ въ суть дѣла, значитъ обнажать ахиллесову пяту своей собственной критики — ея крайнюю ненаходчивость и безтактность. Что касается «атласной постели», то это — родная сестра блаженной памяти «кишечному каналу» и принадлежитъ, подобно ему, къ собственнымъ галлюцинаціямъ почтеннаго рецензента, *такъ какъ этого выраженія нѣтъ ни на 33-й, ни на какой другой страницѣ „Популярной Гигіены“*. Фактъ этотъ, при-

мыкая ко всему уже указанному и доказанному мною прежде, такъ краснорѣчиво рекомендуетъ библіографію «От. Зап.», что намъ остается только посоветовать редакціи снабжать своихъ запальчивыхъ скриблеровъ не только диксіонерами Рейфа, но и кружками холодной воды, чтобы, въ припадкѣ горячешнаго состоянія, имъ не представлялось въ чужихъ книгахъ того, чего въ нихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Впрочемъ мы давно уже замѣчаемъ симптомы этого патологическаго состоянія «Отечеств. Записокъ». Давно уже ученѣйшая редакція ихъ увертывается отъ прямыхъ объясненій на тѣ вопросы, которые ставятся передъ нею ясно и категорически. Я, напримѣръ, спрашиваю ее: гдѣ это она вычитала въ моемъ переводѣ *кишечную канала* или что она считаетъ взаищѣ — вирши Реклама или какія нибудь другія вирши, пропѣтыя нѣкіимъ пінтой въ англійскомъ клубѣ? — а она, вмѣсто отвѣта на эти вопросы, выдумываетъ какую-то *атласную кровать* и поражаетъ меня нелѣпостью своего собственного изобрѣтенія. Ее, напр., спрашиваетъ «Недѣля», почему она помалчиваетъ о нѣкоторыхъ очень серьезныхъ вопросахъ нашей внутренней жизни и о такихъ грязныхъ выходкахъ, какъ полемическіе рапорты г. Каткова; или почему она въ ноябрѣ держится однихъ убѣжденій, а въ декабрѣ другихъ, — будьте увѣрены, что прямого отвѣта на это не послѣдуетъ, а приплетется кстати и не кстати покушеніе г. Генкеля на драгоценную литерат. собственность такого знаменитаго скриблера, какъ Марко-Вовчовъ, и тутъ же, въ видѣ косвеннаго оправданія, начнется зубоскальство надъ тѣмъ, какъ *мышцы кота погрбаютъ*. Все это, можетъ быть, и хитроумно, но не совѣмъ искренно и честно, гг. скриблеры «Отеч. Записокъ», и я думаю, что предлагаемая вами яичница, съ разными либеральными приправами, никого не обманываетъ, кто въ состояніи отличить строе отъ бѣлаго.

И. П.

Въ январской книжкѣ «Дѣла» считаемъ нужнымъ указать на слѣдующія опечатки: въ стихотвореніи *Два собаки* напечатано:

Дивился я не разъ, любезный Лють,
Тому, какъ ты, тебѣ подобныя, живуть.

Нужно читать послѣднюю строку такъ:

Тому, какъ исы, тебѣ подобныя, живуть.

Въ томъ же стихотвореніи напечатано:

Онъ шляется по гульбищамъ, курить.

Надо читать:

Онъ шляется по гульбищамъ, кутить.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

Вѣстѣ. Романъ. (Гл. I—IV).	<i>Мих. Михайлова.</i>
Труженику. (Стихотв. изъ Бюргера.)	<i>Д. Д. Минаева.</i>
Шагъ за шагомъ. Романъ. (Часть первая Гл. I—IV.)	<i>= Уиннок-Бас. Федор. Омулевскаго. =</i>
Конецъ политикѣ. (Стихотв. изъ Беранже) .	<i>Мих. Михайлова.</i>
Жилища рабочихъ. Ст. первая	<i>А. Михайлова.</i>
Двѣ собаки. (Сказка изъ Роберта Борнса.) .	<i>Д. Д. Минаева.</i>
Община и ея жизнь въ русскомъ острогѣ. (Окончаніе.)	<i>Н. Семилужинскаго.</i>
Здоровые и больные.	<i>Н. Личинкина.</i>
Голубые и желтые. Романъ въ трехъ частяхъ. (Часть перв. Гл. I—VII.)	<i>= Иезуитъ Левицкий Фр. Герштейкера.</i>
* * * (Стихотвореніе)	<i>А. Ш. = И Швакинъ.</i>
На краю пропасти. (Отрывокъ изъ романа).	<i>Д. К. Гирса. Писаревъ</i>
Изгнаніе. (Стихотв. изъ Томаса Гуда.) . . .	<i>Мих. Михайлова.</i>
* * * (Стихотвореніе.)	<i>Д. Д. Минаева.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Философія застоя. («Война и Миръ», сочиненіе графа Л. Н. Толстаго. М. 1869 г.).	<i>Н. В. Шелунова.</i>
Новый Физиологическій опытъ.	<i>А. Накъ.</i>
Новыя книги.	
Много ли свѣта въ нашемъ просвѣщеніи? . .	<i>И. В. Засодимскаго.</i>
Наша земская попытка	<i>Н. Ш. Шелуновъ</i>
Политическая и общественная хроника. . .	<i>Жака Лефрениа = Эми Ре.</i>
Письма изъ Египта	<i>Эми Режю. Каш</i>

СЪ НЕВСКАГО ВЕРЕГА.

Новогоднія иллюзій. (Посвящаю братьямъ-китайцамъ.)	<i>Анонима. = Д. Д. Минаевъ</i>
Безъ вины виноватый. (Арабески.)	<i>Миши Саратовцева. =</i>
Для чего существуютъ телеграфы?	<i>= Д. Д. Минаевъ</i>

to
at
pe

to
u
w

me
=
B

Le casier de l'administration en Allemagne. 48/1

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 301 776